

Министерство образования и науки Российской Федерации
Министерство образования, науки и молодёжи Республики Крым
ГПА КФУ им. В. И. Вернадского (г. Ялта)
Кафедра философии и социальных наук

МАТЕРИАЛЫ
Международной научной конференции
в рамках Недели философии в Ялте

**«ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО ГУМАНИТАРНОГО ЗНАНИЯ И
КРЫМСКИЙ КУЛЬТУРНЫЙ ЛАНДШАФТ»**

20 ноября 2014 года, Ялта

Редакционная коллегия: д.ф.н., проф. Масаев М. В. (отв. ред.), к.ф.н., доц. Разбеглова Т. П., к.ф.н., доц. Шевченко О. К.

**Рекомендовано к печати решением
Ученого совета Гуманитарно-педагогической академии (филиал) ФГАОУ ВО КФУ
им. В. И. Вернадского в г. Ялте.
Протокол № _6_ от 10. 06. 2015 г.**

РЕЦЕНЗЕНТЫ

БЕРЕСТОВСКАЯ Д. С., доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой культурологии Таврической академии ФГАОУ ВО КФУ им. В. И. Вернадского в г. Ялте.

МИРОШНИКОВ О. А., доктор философских наук, профессор кафедры философии и социальных наук Гуманитарно-педагогической академии (филиал) ФГАОУ ВО КФУ им. В. И. Вернадского в г. Ялте.

РЕДЬКИНА Л. И., доктор педагогических наук, профессор, заведующая кафедрой педагогики и управления учебными заведениями Гуманитарно-педагогической академии (филиал) ФГАОУ ВО КФУ им. В. И. Вернадского в г. Ялте.

ШЕНДРИКОВА С. П., доктор исторических наук, профессор кафедры истории и краеведения Гуманитарно-педагогической академии (филиал) ФГАОУ ВО КФУ им. В. И. Вернадского в г. Ялте.

Материалы Международной научной конференции в рамках Недели философии в Ялте «Проблемы современного гуманитарного знания и крымский культурный ландшафт» (20 ноября 2014 года, г. Ялта) / Отв. ред., д. ф. н., проф. Масаев М. В. - Ялта, 2015. - 323 с.

СОДЕРЖАНИЕ

ПЛЕНАРНЫЕ ДОКЛАДЫ

АЛЯЕВ Г. Е.

СЕМЁН ФРАНК В КРЫМУС.8

БАРАНОВ В. Е.

ОПТИМИСТИЧЕСКАЯ ТРАГЕДИЯ СОВЕТСКОЙ КУЛЬТУРЫ.....С.14

ВОЛКОГОНОВА О. Д.

ЕВРАЗИЙСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ И ЕЕ ИСТОКИ.....С. 24

ГРАЧЁВ В. И.

КОММУНИКАТИВНО – АКСИОГЕННАЯ КАРТИНА СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЫ
РОССИИ.....С.31

МАСАЕВ М. В.

ФИЛОСОФИЯ ПОЛИТИКИ Н. МАКИАВЕЛЛИ В КОНТЕКСТЕ ПРОБЛЕМ
СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА (СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ).....С.38

МИРОШНИКОВ О. А.

НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКИЙ ПРОГРЕСС
И ЕГО ДВОЙСТВЕННЫЙ ХАРАКТЕР (ПО М. ХАЙДЕГГЕРУ).....С.43

МИХАЙЛОВ В. В.

СИНТЕТИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ ПОЗНАНИЯ.....С.46

МУЗА Д. Е.

КРЫМ В СИСТЕМЕ ИСТОРИЧЕСКИХ И АКСИОЛОГИЧЕСКИХ КООРДИНАТ
«РУССКОГО МИРА».....С.48

РАЗБЕГЛОВА Т. П.

МУЗЫКА В КУЛЬТУРНОМ ЛАНДШАФТЕ ЮЖНОБЕРЕЖЬЯ
КРЫМА.....С.50

РАШКОВСКАЯ В. И.

«ЭТЕТИЗАЦИЯ ЗЛА» В ИСКУССТВОВЕДЧЕСКОЙ
ПЕДАГОГИКЕ.....С.53

ХЛЕВОВ А. А.

НОРМАНСКИЙ ВОПРОС И ПРОБЛЕМА ИДЕНТИЧНОСТИ В
РОССИИ.....С.59

ХОРУНЖИЙ С. Н., АРАПОВ А. В.

КОНСТИТУЦИОННАЯ ИДЕОЛОГИЯ
ПРАВОВОЙ СРЕДЫ.....С.63

ШАРИПОВ М. Р.

РЕГУЛЯТИВНАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ И
ОРГАНИЗАЦИЯ МИРА.....С.68

ШАРИПОВ М. Р.

РАСКРЫТИЕ И ДАЛЬНЕЙШЕЕ РАЗВЁРТЫВАНИЕ ОСНОВНЫХ УРОВНЕЙ
ОРГАНИЗАЦИИ МИРА.....С.74

ЯШКОВА Т. А.

КАРАИМЫ: ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ.....С.80

СЕКЦИОННЫЕ ВЫСТУПЛЕНИЯ

АИТОВА Е. В.

РОЛЬ МЕТАФОРЫ В СОЗДАНИИ ПЕРСОНОЦЕНТРИЧЕСКОГО ОБРАЗА ИСТОРИИ В ТВОРЧЕСТВЕ Н. И. КОСТОМАРОВА.....	C.85
<i>АЙРАПЕТЯН А. С.</i>	
О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ ПО ФОРМИРОВАНИЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РЕСПУБЛИКИ КРЫМ О ЯЗЫКАХ.....	C.90
<i>АЛЕКСЕЕВА Е. Н.</i>	
ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ ФЕОДОСИИ 1900-1920 ГГ.....	C.96
<i>АНАНЬЕВА Е. П.</i>	
ТОЛЕРАНТНОСТЬ И МУЛЬТИКУЛЬТУРНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ.....	C.101
<i>БУРЯК В. В.</i>	
ГЛОБАЛЬНЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ В КОНТЕКСТЕ МИРОВОЙ ИСТОРИИ.....	C.107
<i>ВАХОНЕЕВ В. В.</i>	
ПОДВОДНОЕ КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ КРЫМА: НОВЫЕ ПРАВОВЫЕ И СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ РЕАЛИИ.....	C.110
<i>ГЕРАСИМЕНКО И. А.</i>	
МОРФОЛОГИЧЕСКАЯ СТРАТЕГИЯ ФИЛОСОФСТВОВАНИЯ: «Я» И ТРАДИЦИЯ.....	C.113
<i>ГОЛУБНИЧИЙ Р. В.</i>	
ФЕНОМЕН СПРАВЕДЛИВОСТИ ПРИГОВОРА В КОНТЕКСТЕ ФИЛОСОФСКО-ПРАВОВОЙ АКСИОЛОГИИ.....	C.121
<i>ГУЗЕНИНА С. В.</i>	
К ВОПРОСУ О НАУЧНЫХ ТРАКТОВКАХ ФЕНОМЕНА СЧАСТЬЯ.....	C.126
<i>ЕРЗАУЛОВА А. Г.</i>	
ХЕРСОНЕС – КАК ОКНО НОВЫХ ВОЗМОЖНОСТЕЙ.....	C.129
<i>ИСАЕВ А. А.</i>	
ТЕЗИС И. КАНТА О БЫТИИ И ЕГО ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ ОНТОЛОГИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ.....	C.133
<i>КОБЗИСТАЯ М. В.</i>	
ГЕНЕЗИС И РАЗВИТИЕ ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО ТРАНЗИТА ПОСТКОММУНИСТИЧЕСКОЙ РОССИИ.....	C.136
<i>КОКОРИНА Е. Г.</i>	
ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ КУЛЬТУРНЫХ ЛАНДШАФТОВ КРЫМА.....	C.142
<i>КРЫЛОВ В. С.</i>	
СИНЕРГЕТИКА КРЫМА — ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЙ АТТРАКТОР.....	C.143
<i>КУГУШЕВА А. Ю.</i>	
К ИСТОРИИ БЫТОВАНИЯ И АТРИБУЦИИ ПАРАДНОГО ПОРТРЕТА ПЕТРА I.....	C.149
<i>КУЛИК В. В.</i>	
ФИЛОСОФСКО-КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ ВОПРОСОВ КУЛЬТУРНО-ПОЗНАВАТЕЛЬНОГО ТУРИЗМА В КРЫМУ.....	C.153
<i>КУСКОВА С. М.</i>	
ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД Ч.С. ПИРСА К АНАЛИЗУ НЕПРЕРЫВНОСТИ.....	C.156
<i>ЛЫКОВА Н. Н.</i>	
СИМВОЛИЧНОСТЬ ОБРАЗА СВЯТОГО ВОИНА В СТЕНОПИСИ СРЕДНЕВЕКОВОГО КРЫМА.....	C.161
<i>ЛЮСЫЙ А. П.</i>	
ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЙ ТЕКСТОСТЕРОН: НОВЫЕ РЕДАКЦИИ КРЫМСКОГО ТЕКСТА.....	C.169
<i>МАРЫЧЕВ В. В.</i>	

ОСНОВНЫЕ ПРИЧИНЫ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ.....	C.175
<i>МАСАЕВ М. В.</i>	
ПРОБЛЕМА ПОСТИЖЕНИЯ ФЕНОМЕНА СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ИДЕИ И. А. ИЛЬИНА: ИСТОРИОСОФСКИЙ АНАЛИЗ В КОНТЕКСТЕ ПРИКЛАДНОЙ ПОЛИТОЛОГИИ НА ФОНЕ ПОИСКА ИДЕОЛОГИИ В ПОЛИКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ.....	C.181
<i>МУЗА Д. Е.</i>	
КРЫМ В СИСТЕМЕ ИСТОРИЧЕСКИХ И АКСИОЛОГИЧЕСКИХ КООРДИНАТ «РУССКОГО МИРА».....	C.185
<i>НАУМОВА Е. Э.</i>	
СОЦИАЛЬНО-ЭТИЧЕСКИЙ МАРКЕТИНГ КАК ПЕРСПЕКТИВНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОГО БИЗНЕСА.....	C.187
<i>НОРМАНСКАЯ Ю. В.</i>	
ПАВЕЛ ЕВДОКИМОВ. «ЭТАПЫ ДУХОВНОЙ ЖИЗНИ». ОПЫТ АНАЛИЗА.....	C.188
<i>НОСОВА А. Ю.</i>	
ВИРТУАЛЬНОСТЬ КУЛЬТУРЫ: ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ.....	C.191
<i>ПАШКОВСКИЙ П. И.</i>	
ТЕОРИЯ НОВОРОССИИ ГЛАЗАМИ КРЫМСКИХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ.....	C.196
<i>ПАЩЕНЯ В. Н.</i>	
ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ КАК ОСНОВА РАЗВИТИЯ ГУМАНИТАРНОГО ЗНАНИЯ КРЫМСКОГО КУЛЬТУРНОГО ЛАНДШАФТА В ИСТОРИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ.....	C.201
<i>ПЕТРОВА И. А.</i>	
НОВЫЕ ИМЕНА АК-МЕЧЕТЦЕВ В ЭЛЕКТРОННОЙ КНИГЕ ПАМЯТИ.....	C.205
<i>ПРОХОРОВА Т. А.</i>	
РОЛЬ ВОЕННО-ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ ЭКСПЕДИЦИЙ ИНОСТРАНЦЕВ В ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОМ ИЗУЧЕНИИ ЮЖНОЙ РОССИИ И КРЫМА В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА.....	C.207
<i>СОХРАНЯЕВА Т. В.</i>	
«ИДЕАЛ ОБРАЗОВАННОСТИ»: ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ ФОРМИРОВАНИЯ ДУХОВНОЙ АТМОСФЕРЫ ОБЩЕСТВА.....	C.213
<i>УРСИНА В. А.</i>	
И. А. ИЛЬИН О МЕСТЕ ФИЛОСОФИИ В КУЛЬТУРЕ.....	C.218
<i>ФАТКУЛИН Б. Г.</i>	
БАЗОВЫЙ ТЕЗАУРУС КЛЮЧЕВЫХ ТЕРМИНОВ ПО КРЫМСКОЙ ТЕМАТИКЕ В СОВРЕМЕННЫХ ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКАХ КНР.....	C.220
<i>ФИЛИМОШКИНА И. А.</i>	
КРЫМ – ТЕРРИТОРИЯ СВОБОДЫ.....	C.225
<i>ЧУДОМЕХ В. Н.</i>	
ДЕПОРТАЦИИ ЛЮДЕЙ КАК СРЕДСТВО И СПОСОБ РЕАЛИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ И ПОЛИТИЧЕСКИХ СТРАТЕГИЙ.....	C.229
<i>ШВЫРКОВ А. И.</i>	
ПАРАДИГМА РАСПАДА И «ПРИОРИТЕТНАЯ СФЕРА».....	C.236
<i>ШЕВЧЕНКО О. К.</i>	
ФИЛОСОФИЯ ВЛАСТИ: ПРЕДЕЛЫ ВОЗМОЖНОГО.....	C.241
<i>ЯГЕНИЧ Л. В.</i>	
ВЛИЯНИЕ ПОЛИКУЛЬТУРНОГО ЯЗЫКОВОГО ПРОСТРАНСТВА НА РАЗВИТИЕ ЛИЧНОСТИ ВРАЧА.....	C.242

СЕКЦИЯ «МОЛОДАЯ НАУКА»

ВАНЬКЕВИЧ Е. Н. РОЛЬ ОТЧЕТНОЙ ДОКУМЕНТАЦИИ В СИСТЕМАТИЗАЦИИ ПРАКТИЧЕСКИХ НАВЫКОВ ПРИ ПРОХОЖДЕНИИ ПРАКТИКИ В ДЕТСКОМ ОЗДОРОВИТЕЛЬНОМ ЛАГЕРЕ.....	C.247
ВАНЬКЕВИЧ Е. Н. ГНОСЕОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД К СТАНОВЛЕНИЮ НАЦИОНАЛЬНЫХ ШКОЛ В КРЫМУ В КОНЦЕ XIX В. - НАЧАЛЕ XX В.....	C.249
ГАВЛЮК И. А. ФИЛОСОФСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ СЕВЕРНОЙ ВОЙНЫ (1700-1721).....	C.251
ГУСАРЕНКО А. А. ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ И ИНТЕГРАЦИЯ НАУЧНОГО ЗНАНИЯ.....	C.253
ЗУБАРЕВ А. П. ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИДЕНТИЧНОСТИ ЧЕЛОВЕКА.....	C.257
КОЛЕСНИКОВА Т. А. ПРИМЕНЕНИЕ ПОДХОДА Н. СМАРТА В ИЗУЧЕНИИ ТОТАЛИТАРНЫХ ИДЕОЛОГИЙ НА ПРИМЕРЕ ТРЕТЬЕГО РЕЙХА.....	C.259
ЛАСКОВА Д. С. ГРАНИ ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫХ КРИТЕРИЕВ И ЭВОЛЮЦИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО СОЗНАНИЯ НА РУБЕЖЕ XX - XXI ВВ.....	C.265
ЛЕПИНСКАЯ В. О. ЛИЧНОСТЬ КАК ЭТНОКУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН.....	C.270
МАГАМЕДОВА А. С. "СВЕТ С ВОСТОКА": ИСТИННЫЙ ИЛИ ЛОЖНЫЙ КОНЦЕПТ ДРЕВНИХ РИМЛЯН (ИСТОРИОСОФСКАЯ РЕТРОСПЕКТИВА).....	C.275
МОСИН А. О. ИСТОРИОСОФСКИЙ АНАЛИЗ РАБОТ Н.Я. ДАНИЛЕВСКОГО «РОССИЯ И ЕВРОПА» И «ГОРЕ ПОБЕДИТЕЛЯМ».....	C.277
МУДРИЦКИЙ М. О. ФИЛОСОФСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ ФЕНОМЕНА ЗАГРАНИЧНЫХ ОСВОБОДИТЕЛЬНЫХ ПОХОДОВ РУССКОЙ АРМИИ 1813-1814ГГ. (К 200 ЛЕТНЕМУ ЮБИЛЕЮ) КАК ПРИМЕР ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО МАТЕРИАЛА НА УРОКЕ ИСТОРИИ В ШКОЛЕ.....	C.281
МУДРИЦКИЙ М. О. ФИЛОСОФСКО-ИСТОРИЧЕСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ СОБЫТИЙ НА МАЙДАНЕ КАК ПРОЛОГ ВОССОЕДИНЕНИЯ КРЫМА С РОССИЕЙ.....	C.283
ПЕНДЕРУК А. С. ДУХОВНЫЕ ЦЕННОСТИ В ПОВЕСТИ А. КАМЮ "ПОСТОРОННИЙ".....	C.286
РОМАНЕНКО Ж. С. ФИЛОСОФИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПОЛКОВОДЦА (НА ПРИМЕРЕ ЖАННЫ Д'АРК).....	C.289
СИНИЦЫН Т. Б. ДИДАКТИЧЕСКИЕ ТЕНДЕНЦИИ В СОЦИОКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ВИЗАНТИЙСКОГО ОБЩЕСТВА.....	C.293
СУСКОВА Ю. В. РЕВОЛЮЦИЯ КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН.....	C.297
ТОВСТУЛЯК В. В. СМЫСЛ И НАЗНАЧЕНИЕ ИСТОРИИ. ФИЛОСОФСКАЯ РЕТРОСПЕКТИВА ВЗГЛЯДОВ КАРЛА ЯСПЕРСА.....	C.300

<i>ТОМАШУК И. Н.</i> ОСОБЕННОСТИ « КРЫМСКОЙ ФИЛОСОФИИ» С. Н. БУЛГАКОВА.....	С.303
<i>ТРОШИНА Н. В.</i> ЭКСТРЕМИЗМ КАК ФОРМА ПРОЯВЛЕНИЯ АГРЕССИИ В «ОБЩЕСТВЕ РИСКА».....	С.306
<i>ЦАРИНА М. А.</i> КЛАССИФИКАЦИЯ НОВЫХ РЕЛИГИОЗНЫХ ДВИЖЕНИЙ: ФИЛОСОФСКО- ИСТОРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ В КОНТЕКСТЕ МЕТААНТРОПОЛОГИИ.....	С.309
<i>ЦАРИНА М. А.</i> ПОНЯТИЕ И ПРОБЛЕМА ИСТИНЫ В ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕТРОСПЕКТИВЕ...	С.312

ПЛЕНАРНЫЕ ДОКЛАДЫ

АЛЯЕВ Г. Е.

СЕМЁН ФРАНК В КРЫМУ

Aliaiev Gennadii. Semyon Frank in Crimea

The paper is to study the Crimean (Yalta) period in life and works of Russian philosopher Semyon Frank (Autumn 1901 – Spring 1902). Using biographical, textual critic, hermeneutic, and some other methods, it is reconstructed causes and circumstances of the philosopher's stay in Crimea. The author proves that the short Crimean period is of immense significance to understand peculiarities of Semyon Frank's becoming as a philosopher, as well as to qualify stages of his philosophical worldview. During these months, supposedly, Frank finally rejects the critical Marxism, and turns to idealistic (yet Kantian, then) positions, writing his first philosophical paper on philosophy of Friedrich Nietzsche.

Key words: Semyon Frank, critical Marxism, Kantianism, Friedrich Nietzsche, philosophy of suffering.

Исследуется крымский (ялтинский) период жизни и творчества русского философа Семёна Франка (осень 1901 – весна 1902 г.). С использованием биографического, текстологического, герменевтического и других историко-философских методов реконструируются причины и обстоятельства пребывания философа в Крыму. Доказывается, что короткий крымский период имеет важнейшее значение для понимания особенностей становления Франка как философа, уточнения основных этапов эволюции его философского мировоззрения. Именно в эти месяцы Франк окончательно отказывается от критического марксизма, переходит на идеалистические (пока кантианские) позиции, пишет первую философскую статью о философии Ф.Ницше.

Ключевые слова: С. Франк, критический марксизм, кантианство, Ф. Ницше, философия страдания.

Имя Семёна Людвиговича Франка (1877–1950) в связи с жизнью и деятельностью русских философов (и литераторов) в Крыму, как правило, не упоминается. Действительно, основные этапы его жизненной и творческой биографии связаны с Москвой, Петербургом, Саратовом; значительная часть жизни прошла в эмиграции. И всё-таки, тема «Франк и Крым» имеет право на существование, поскольку он жил здесь несколько месяцев, встречался с рядом известных людей, и с этим небольшим периодом связаны довольно значимые события, прежде всего, его внутренней духовной жизни. В поздних воспоминаниях он так фиксирует произошедшее: «В Ялте, в эту зиму 1901–1902 года <...> впервые проснулась и стала актуальной моя духовная жизнь» [10, с. 53]. Очевидно, что сам философ придавал этому небольшому отрезку своей биографии исключительное значение, что вполне оправдывает и наш интерес.

Прежде всего, восстановим внешнюю канву событий – как Франк оказался в Крыму и что он там делал? Здесь можно усмотреть две причинно-следственных линии: первую – семейную, вторую – связанную с дружескими отношениями с Марией Водовозовой. Сам философ описывает дело так: «Весной 1901 года я сдал в Казанском университете (проживание в Москве мне тогда было ещё запрещено) государственные экзамены (по юридическому факультету) и, не зная, что с собой начать, решил, чтобы сосредоточиться, провести лето и зиму (1901–1902) годов в Крыму, где жила тогда моя мать с моим больным младшим братом, сперва в имении Токмаковых "Олеиз" (моя приятельница М. И. Водовозова, урождённая Токмакова, жила там же), а потом, с осени в Ялте» [8, с. 410–411].

С Марией Ивановной Водовозовой третьекурсни́к Московского университета С. Франк познакомился (в 1896 или 1897 году) как с издательницей экономической и марксистской литературы, предложив сначала свои услуги в качестве переводчика, при этом «сразу подружился с нею» и «был платонически близок в годы 1897–1903» [8, с. 403; 10, с. 53]. Через неё он «вошёл в круг марксистов-литераторов», и в её издательстве в 1900 г. вышла в свет первая книга Франка «Теория ценности Маркса и её значение». Следует также иметь в виду, что сестра Марии Водовозовой Елена Ивановна Токмакова в январе 1898 г. вышла замуж за ещё одного марксиста-литератора – Сергея Булгакова. В результате для С. Булгакова Крым стал второй родиной, а имение Олеиз – родным домом.

Построенное в 1885 г. сибирским купцом Иваном Фёдоровичем Токмаковым (и, к сожалению, не существующее ныне) имение Олеиз достаточно хорошо известно в крымологии, как и благотворительная деятельность И. Ф. Токмакова и его семьи по обустройству Кореиза (больница, Народный дом, школа, церковь). Очевидно, что Франка пригласила пожить в имении Мария Водовозова, и он провёл там несколько недель осени 1901 года (в поздних воспоминаниях он пишет о лете, но в июле и августе, судя по его письмам Струве, он ещё жил в Нижнем Новгороде, а в конце августа заезжал в Москву [см.: 4, с. 269]).

С ноября или декабря 1901 до весны 1902 года С. Франк жил уже в Ялте с матерью и сводным братом Львом Заком (позднее – известным художником, работавшим во Франции). Из письма П. Струве 24 декабря 1901 г. узнаём адрес: «Ялта, Таврич. губ. Заречье, Кубанский пер. д. бывш. Камышан» [4, с. 271]. Пребывание матери и брата Франка в Ялте было связано с необходимостью лечения Льва, но из воспоминаний трудно установить, приехали ли они туда в самом конце 1901 года, или уже жили, когда Франк гостил в Олеизе. Во всяком случае, уехав в конце весны 1902 г. в Бердянск, где отчим Франка купил аптеку, Розалия Моисеевна и Лев Зак, как и Семён Франк, в Крым больше не приезжали.

В Олеизе и Ялте молодой Франк встречался с довольно известными людьми. В «Воспоминаниях о П. Б. Струве» он замечает: «В Крыму же жили знакомые мне по Нижнему Новгороду Максим Горький и С. Я. Елпатьевский с семьёй; там же мне довелось встретиться с Чеховым и Бальмонтом» [8, с. 411]. В других воспоминаниях он также пишет, что этой осенью и зимой, благодаря Елпатьевским и Водовозовой, «я опять вошёл в круг интеллигенции – общался с Горьким, который жил тогда в Олеизе, однажды встретился у него с А. П. Чеховым, познакомился с детьми Льва Толстого (жившего тогда по соседству с Олеизом в Гаспре) – со старшим сыном, музыкантом Серг. Львовичем и с Андреем Львовичем, – издали несколько раз видел Толстого – но не решался подойти к нему, хотя имел к тому возможность. О Толстом, его личности, его жизни в Гаспре, много слышал тогда от Елпатьевского и доктора И. Н. Альтшулера, которые оба тогда его лечили» [10, с. 53].

«В круг» революционно-демократической интеллигенции С. Франк вошёл, благодаря отчиму В. И. Заку, ещё будучи гимназистом в Нижнем Новгороде в начале 90-х годов, где и познакомился с Горьким, а также встречался с В. Г. Короленко и Н. Ф. Анненским, а с семьёй народовольца Сергея Яковлевича Елпатьевского Франки были дружны. «Дом Елпатьевских был средоточием либеральной и радикальной интеллигенции Нижнего Новгорода», – вспоминал Франк [10, с. 52]. Дочка С. Елпатьевского Людмила (в замужестве – Врангель) позднее писала: «Весной, когда Волга и Ока заливали ярмарку, и временно прекращалось сообщение с городом, Сеня Франк, живший около ярмарки, и его милая сестра, красавица Соня, жили у нас, когда еще учились в гимназии. Оба были любимцы нашей семьи, и родители наши были очень дружны между собой» [2, с. 27]. Можно предположить, что и крымский эпизод жизни родственников Франка и его самого был также связан с приглашением или какой-то помощью Елпатьевских, которые с конца 90-х годов переселились в Ялту, где известный к тому времени уже как врач Сергей Яковлевич лечил Чехова и Толстого. Во всяком случае, очевидно, что в трёхэтажный дом Елпатьевского у подножия холма Дарсан (на улице Гимназической, позднее Войкова), который Чехов

называл «Вологодская губерния» и который был одним из центров ялтинской культурной жизни начала XX века, приходил и С. Франк.

О несостоявшейся встрече с Толстым, который прогуливался по имению графини Паниной (ныне известному как санаторий «Ясная поляна») буквально в нескольких шагах от Олениза, Франк, очевидно, жалел потом всю жизнь – тем более, что, как вспоминал в конце жизни, «в юные годы увлекался его писаниями и хотя и не разделял его идей, долго не мог отчётливо осознать, в чём именно они ложны» [8, с. 463]. Возможно, именно эта «неотчётливость» собственных идей помешала молодому Франку проявить инициативу, – впрочем, известно, что Толстой в эту зиму в Крыму тяжело болел, и особенно в январе – феврале 1902 г. – так что не случайно, что сведения о нём Франк получал от врачей.

О знакомстве с Максимом Горьким ещё в Нижнем Новгороде Франк позднее вспоминал: «Тогда он казался очень славным, скромным, симпатичным человеком – позднее он не выдержал искушения славы; с ним сближало и то, что он причислял себя к "марксистам"» [10, с. 52]. Ко времени их встреч в Оленизе сам Франк уже был близок к полному разрыву с марксизмом, хотя и ранее его отношение к Марксу было достаточно критичным, о чём свидетельствует его вышедшая накануне книга о «теории ценности» Маркса. Во всяком случае, на первых страницах начатого 31 декабря 1901 г. в Ялте «Дневника» Франка встречаем такую запись: «<...> Я имел честь быть обруганным и оплётанным самым великим инквизитором российского (да и европейского) ортодоксального марксизма – Жоржем (Плехановым)¹. Он с пеной у рта, с наглыми инсинуациями и передержками обругал мою книгу. Итак, отлучение от православной церкви марксизма торжественно подтверждено: я уже давно мечтал об этом» [7, с. 34].

Известно, что М. Горький приехал в Ялту 12 ноября 1901 г. к А. Чехову, а через несколько дней переехал в Олениз. Можно предположить, что С. Франк встречался с ним – как он сам пишет, не один раз, – не только во время своего непосредственного гостевания в имении Токмаковых, но и специально наезжая в Олениз в декабре или позднее, когда он уже переехал в Ялту. Впрочем, почему «наезжая», а не «приходя»? От ялтинского Заречья, где жил С. Франк с матерью и сводным братом, до Кореиза всего около 10 км, и как раз в 1901 г. по указанию Николая II была закончена прокладка Царской тропы – примерно 7,5 км удобного пешеходного маршрута от Ливадии до Гаспры, по которому вполне безопасно ходить и зимой. Рискованно, но заманчиво предположить, что этот маршрут зимой 1901–1902 года легко преодолевал 25-летний Франк.

Впрочем, как и его сводный брат, сам Франк не отличался отменным здоровьем. В письме Петру Струве 7 февраля 1902 г. он, между прочим, пишет: «Я похварывал и не поправился исключительно потому, что, хотя и поселился в Ялте, но не обращал внимание на здоровье и советы врачей. Теперь же я деятельно принялся за починку, и в результате в месяц прибавился на 6 фунтов, окреп и чувствую себя много лучше» [4, с. 272].

Ещё одна встреча, о которой, правда, Франк не упоминает в поздних воспоминаниях, но свидетельство о ней сохранилось в его «Дневнике», – «с Александром Александровичем Бакуниным, последним живым братом М. А. Бакунина, стариком 81 года» [7, с. 70]. Эта встреча с человеком, знавшим лично Белинского, Герцена, Чаадаева, Тургенева, Мадзини и Гарибальди, вызывает у молодого Франка глубокие (хотя и противоречивые) чувства и размышления – о величии прошлой эпохи и о том, что «мы мельчаем» из поколения в поколение, не замечая этого; о том, что «мы все питаемся <...> *идейными* остатками конца XVIII века и первой половины XIX», и о том, что «наша философия питается объедками с умственного стола Канта»; об эпигонстве «нашего поколения» и о том, что «в ясном понимании всей глубины современного "декаданса" лежит одно из условий серьёзной, мрачной по своей энергии борьбы с этим декадансом» [7, с. 71]. Не здесь ли истоки той

мощной критики интеллигентского сознания, которая прозвучит позднее уже в «Вехах» и в «Крушении кумиров»?

Теперь самое время вернуться от внешних событий к духовной жизни. Хотя Франк писал позднее, что провёл эту зиму «без всякой деятельности, даже без научной работы, предаваясь только размышлению и созерцанию» [10, с. 53], он продолжает в Ялте всё ещё думать «об основных вопросах экономической теории» [7, с. 43], ещё пытается писать рецензии на экономические темы, хотя и с переменным успехом, просит в письме Струве о помощи в заключении договора на перевод «Моральной науки» Зиммеля [см.: 4, с. 270–271]. Он даже набрасывает целый план пересмотра экономической науки. Не вдаваясь тут в подробности, отметим лишь указание на «значение монополии, о котором прежде ничего не знали» [7, с. 44]. Одновременно, однако, у него вырисовываются – под очевидным влиянием того же Георга Зиммеля – контуры новой, более широкой науки, призванной осветить не только и не столько экономические, сколько вообще социальные законы человеческого общежития («составил краткий конспект системы. Она грандиозна» [7, с. 48]). Эту науку С. Франк называет «социальной психологией», поскольку общие отношения между людьми понимались им «в психологических категориях». Впоследствии он прямо напишет, что эта наука, «которую я сам придумал»², была для него «переходной областью от политической экономии к философии» [10, с. 48].

Но главное событие – «встреча» с Ницше, в результате чего, и в связи с кстати подоспевшим предложением П. Новгородцева (по совету П. Струве) об участии в сборнике «Проблемы идеализма», Франк «весной 1902 г. написал первую свою философскую работу "Фридрих Ницше и этика любви к дальнему"» [10, с. 47]. Именно в книге Ницше «Так говорил Заратустра» молодой экономист, ещё недавно близкий к марксистским кругам, открыл для себя «атмосферу глубины духовной жизни, духовного борения». «С этого момента, – вспоминает он в «Предсмертном», – я почувствовал реальность духа, реальность глубины в моей собственной душе – и без каких-либо особых решений моя внутренняя судьба была решена. Я стал "идеалистом" не в кантианском смысле, а идеалистом-метафизиком, носителем некоего духовного опыта, открывавшего доступ к незримой внутренней реальности бытия» [10, с. 54].

Впрочем, непосредственные документы того времени свидетельствуют о не таком уж однозначном и одномоментном решении вопроса о соотношении идеализма и метафизики. В письмах Струве Франк пишет о том, что «этический идеализм» Ницше привлекает его именно тем, что он соединён «с решительным отрицанием идеализма метафизического» [4, с. 271]. Речь идёт о том, что в ялтинский период молодой Франк находился ещё в самом разгаре своей «эпохи неверующей юности» и не готов ещё был оправдать – тем более, строить сам – религиозную философию³. Мягко возражая своему старшему другу Петру Струве, роль которого как родоначальника русского идеализма позднее он вполне признавал, Франк пишет ему в феврале 1902 г., что с точки зрения его собственной «имманентной философии» «метафизика, как наука, возможна ещё меньше, чем с точки зрения Канта», и что «метафизике отрезана раз навсегда научная почва, ибо всякая метафизика всегда сводится к исканию или утверждению мира, лежащего до или позади мира, созданного соотношением субъекта и объекта» [4, с. 273]. Отдавая явное предпочтение «Великому Ницше» перед Христом, Франк, всё-таки не без сожаления, замечает: «Только теперь я убедился, как глубоко во мне антирелигиозное чувство и сознание» [7, с. 84]. Лишь несколько лет спустя сам Франк будет строить систему именно такой метафизики, и «встреча» с Ницше – чей «идеалистический радикализм», впрочем, в более поздние годы он

² Справедливости ради заметим, что социальная психология как отрасль научного знания на стыке социологии и психологии интенсивно «придумывается» как раз в эти годы разными учёными – можно назвать В. Вундта, Дж. Болдуина, В. Макдугалла, Э. Росса.

³ Дневник свидетельствует, что Франк в Ялте читает и Евангелие, но воспринимает его довольно критически, по сути – через призму Ницше: «Бог – это то же, что Ницшевские *Gespenster*» (призраки) [7, с. 42].

уже оценивает далеко не так восторженно, – будет восприниматься им как «фундамент моего духовного бытия», который «был заложен или, вернее, открылся мне сознательно именно тогда, зимой 1901–1902 гг.» [10, с. 54].

Дело, однако, не только в Ницше и его «Заратустре», на которого Франк «случайно напал» (впрочем, поздние воспоминания Франка о том, что книга Ницше «случайно» попала ему в руки [см.: 10, с. 54, 56; 8, с. 411], следует воспринимать с оглядкой на возраставшую в геометрической прогрессии популярность Ницше в России как раз в конце XIX – самом начале XX века). Сам факт внутреннего духовного переворота – и превращения в философа! – С. Франк непосредственно связывает с обстоятельствами своей сугубо личной жизни. «Пробуждением духовной жизни и настоящим интересом к философии во всей полноте и глубине её, как знания сверхнаучного, я ближайшим образом обязан внешнему событию моей жизни – одному неудачному роману, который я начал переживать с лета 1900 г. и который затянулся надолго и заставил меня много перестрадать. Тут на мне обнаружилось углубляющее значение страдания – именно пробуждение через него духовной жизни» [10, с. 54]. Речь идёт об отношениях с Фаней Ельяшевич – женой друга Франка Василия Ельяшевича, с которым он познакомился, очевидно, ещё на юридическом факультете Московского университета (Василий был на два года старше). Увлечение началось в Берлине и продолжилось позднее в Петербурге (куда Ельяшевичи переехали в 1903 г., а Франк – в конце 1905) – очевидно, с тем же «успехом», приносившем одни страдания; лишь в конце 1907 г. Франк прекращает эти отношения – на его пути встречается Татьяна Барцева, с которой он уже не расстанется более 40 лет счастливой супружеской жизни.

Во время жизни в Крыму Франк вёл с Фаней переписку. Письма не сохранились, но сохранился «Дневник», начатый явно под впечатлением переживания этих отношений, и который является ярким свидетельством тех внутренних страданий, борений и исканий, которые переживал молодой учёный в эти месяцы. Об этом документе следует сказать особо. Он был впервые опубликован в 2006 году усилиями саратовских исследователей. Документ охватывает всего полгода – с 31 декабря 1901 по 23 июня 1902 года (последняя запись – уже в Бердянске, последняя ялтинская запись – 21 апреля), – но именно в это время С. Франк начинает формироваться как философ, а потому это живое свидетельство крайне важно для понимания его творческой эволюции. Этот текст писался автором отнюдь не для печати, и вообще по неизвестным причинам был оставлен в 1921 году в Саратове (забыт? спрятан? утерян?), где впоследствии чудом уцелел, был найден и идентифицирован [см.: 3]. Как в любом дневнике, в нём много чисто личных, интимных переживаний и эмоций, однако он интересен отнюдь не только как свидетельство человеческой биографии. Дневник для 25-летнего С. Л. Франка – это, прежде всего, способ внутренней самоорганизации, преодоления душевной и умственной расхлябанности, обретения смысла собственной жизни и выстраивания целенаправленной научной работы, – и в этом смысле он выступает незаменимой характеристикой нравственного и душевного склада молодого мыслителя, во многом определившего его дальнейшую творческую судьбу (лейтмотивом звучат тут пушкинские строки: «Я жить хочу, чтоб мыслить и страдать»). И, конечно, главное, чем интересен этот документ для историка философии, – это отражение того, как закладывался «фундамент духовного бытия» великого философа.

Нужно подчеркнуть, что идея страдания, заложенная опытом личных отношений и отрефлексированная первоначально в формулах Ницше, безусловно, является той нитью, которая связывает «Дневник» Франка 1902 года с его поздними религиозно-философскими работами и его зрелым мировоззрением. Более 30 лет спустя, в «Непостижимом», он пишет о «чистом страдании» – в противовес «бессмысленной мучительности» – как о таком, которое «открывается нам в той форме его преодоления, которая заключается в духовном *приятии* или *претерпевании* страдания – в нашей способности *выстрадать* и *перестрадать* страдание. Тогда страдание испытывается и открывает себя не как бессмысленное зло, не как нечто безусловно недолжное, даже не как извне наложенная на нас кара, а, напротив, как

исцеление от зла и бедствий, как желанный Богу и в этом смысле уже сущностно божественный возвратный путь на родину, к совершенству реальности» [9, с. 551].

Характерны также рассуждения Франка в письме дочери Наталье в январе 1945 г. в связи с осмыслением факта гибели её мужа Пола Скорера (он погиб в 1943 г.): «Живая душа не может жить отчаянием и безнадежностью; это противоестественно как длительное состояние. Страдание должно просветлять, углублять, расширять душу, и потому её животворить... Но всякое сильное и глубокое, чувство, тем более скорбь, страдание, должно быть творческим, вести куда-то, открывать новые горизонты... Страдание это раскалённый зонд, впускаемый в духовные дыхательные пути. Пока он не дошёл до конца, человек испытывает мучительное жжение и задыхается; но когда он дошёл до конца, он очищает дыхательные пути, и человек начинает дышать по-новому, глубоко и свободно, как не дышал раньше. Это не надуманно; это всё прочувствовано» [цит. по: 1, с. 199]. Удивительно, но в самом конце жизни, в период тяжёлой болезни, Франк пережил физически этот образ «раскалённого зонда» – как он рассказал сводному брату после очередного кризиса, ночью «я лежал и мучился и вдруг почувствовал, что мои мучения и страдания Христа – одно и то же страдание. В моих страданиях я приобщился к какой-то Литургии и в ней соучаствовал, и в наивысшей её точке я приобщился не только ко страданиям Христа, а, как ни дерзновенно сказать, к самой сущности Христа» [6, с. 22].

Роман с Фаней Ельяшевич был как раз «бессмысленным мучительством», к тому же отягощённым нерешительностью характера Франка. Кстати, из некоторых замечаний «Дневника» можно сделать вывод, что инициатором отношений была Фаня – переживая в крымском далеке то, что произошло в Берлине, Франк пишет: «<...> Как бы много она мне ни принесла горя, я с ней примирён и не могу относиться иначе, как с глубоким чувством благодарности за такую незаслуженную привязанность (если бы я и делал что для неё, так ведь не за это же она привязалась, и слишком это большая награда)» [7, с. 37–38]. Ялтинский «Дневник», однако, пестрит его страстным желанием преодолеть бессмысленность этих страданий, и наоборот – прийти к тому, «чтобы этими страданиями очищаться и научиться истине» [7, с. 33].

В результате сам этот документ – не столько самокопание в своих чувствах, сколько свидетельство творческих исканий. Ялтинский «Дневник» – опять же, вопреки более позднему замечанию автора о времяпрепровождении «без всякой деятельности», – свидетельствует как раз не только о глубокой внутренней духовной борьбе, но и об интенсивной умственной работе Франка. Это не только уже упомянутые погружение в Ницше, экономические и социально-психологические проекты. Хотя пробуждающийся философ ещё с крайним недоверием относится к метафизике («Мне, впрочем, даже смешно об этом рассуждать, так далеки от меня метафизические понятия» [7, с. 36]), всё-таки основная часть дневника – это выяснение самому себе своего «философского мирозерцания» [см.: 7, с. 70]. И в этом контексте Франк ведёт диалог не только с Ницше, Христом и Зиммелем, но и с Сократом и Цицероном, Декартом и Спинозой, Кантом и Фихте, Шеллингом и Гегелем, Шопенгауэром и Шуппе, Михайловским и Белинским, Хомяковым и Герценом, Сергеем Трубецким и представленными в его книге метафизиками Древней Греции, Бердяевым и Струве, а также – с поэзией Пушкина и Алексея Толстого, Гёте и Гейне (философское осмысление поэзии станет характерной чертой философского стиля Франка). Кроме явных следов работы над первой философской статьёй о Ницше, которая писалась параллельно, находим и план новой статьи *Проблема метафизики* [см.: 7, с. 72–73]. Метафизика, таким образом, не отпускала его мысль и заставляла разобраться глубже – фактически это был первый конспект статьи «О критическом идеализме», вышедшей в журнале «Мир Божий» уже в конце 1904 году, впрочем, ещё вполне неокантианской.

Очевидно, что именно этот путь, начатый в Ялте, – «крепко держать в руках, в моральной узде, нити моего "я" и, стиснув зубы, наперекор стихиям стоять на своём посту мысли и страдания» [7, с. 33], – провёл Франка через многие жизненные испытания, позволив сохранить душевное равновесие и вкус к жизни, а главное – привёл к тем

фундаментальным идеям, на которых базируется его онтология абсолютного реализма и христианская социальная этика.

Список использованных источников:

1. Буббайер Ф. С.Л. Франк. Жизнь и творчество русского философа. 1877–1950. – М., 2001. – 328 с.
2. Врангель Л. Воспоминания и стародавние времена. – Вашингтон: Изд-во книжного магазина Victor Kamkin, 1964. – 224 с.
3. Никитина Е.П. История одной «Тетради» (о судьбе рукописей С.Л. Франка) // Франк С.Л. Саратовский текст / Сост.: А.А. Гапоненков, Е.П. Никитина. – Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2006. – С. 16–30.
4. Письма С.Л. Франка к Н.А. и П.Б. Струве (1901–1905) // Путь. – 1992. – № 1. – С. 263–311.
5. Плеханов Г.В. О книге С. Франка. (С. Франк. Теория ценности Маркса и её значение. Критический этюд. Спб., 1900) // Сочинения. – Т. XI. – М.: Госиздат, 1928. – С. 348–357.
6. Сборник памяти Семёна Людвиговича Франка / Под ред. протоиерея о. Василия Зеньковского. – Мюнхен, 1954. – 193 с.
7. Франк С.Л. Дневник / Публикация Е.П. Никитиной. Подготовка текста: Ю.Н. Борисов, А.А. Гапоненков. Комм. А.А. Гапоненкова // Франк С.Л. Саратовский текст / Сост.: А.А. Гапоненков, Е.П. Никитина. – Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2006. – С. 31–111.
8. Франк С.Л. Воспоминания о П.Б. Струве // Франк С.Л. Непрочитанное... Статьи, письма, воспоминания. – М.: Московская школа политических исследований, 2001. – С. 394–582.
9. Франк С.Л. Непостижимое. Онтологическое введение в философию религии // Франк С.Л. Сочинения. – М., 1990. – С. 181–559.
10. Франк С.Л. Предсмертное. Воспоминания и мысли // Франк С.Л. Русское мировоззрение. – СПб.: Наука, 1996. – С. 39–58.

БАРАНОВ В. Е.

ОПТИМИСТИЧЕСКАЯ ТРАГЕДИЯ СОВЕТСКОЙ КУЛЬТУРЫ

OPTIMISTIC TRAGEDY OF SOVIET CULTURE

Аннотация

Смена культурных эпох в истории человечества представлена как разрешение проблем предыдущих эпох каждой последующей эпохой. Показаны достижения советской социалистической культуры как поставившей задачу разрешения всех проблем, накопившихся в культуре человечества. Показано, что руководство общества не сумело выполнить этой исторической задачи из-за невладения диалектической методологией, единственно адекватной решению подобных проблем.

Annotation

Sequence of culture ages in history had presented as solve a problems of preceding periods. Achievements of soviet socialistic culture presented as endeavours of decision all problems of preceding ages. Affirmed that soviet government does not solve this task. It's happens because of absence of dialectic methodology as adequate to this problems.

История культуры человечества – это непрерывное накапливание достижений в становлении (осуществлении) человеческой сущности, внешне выглядящее как череда последовательных разрешений проблем предыдущих эпох и возникновения новых, передаваемых для разрешения эпохам последующим. Эмпирически это воспринимается как череда многообещающих взлетов и подчас постыдных падений. На этом основании возникают теории локальных цивилизаций, культурных катастроф (наподобие теории катастроф в биологическом мире). Нам, однако, представляется, что правильнее рассуждать всё же по Гегелю: история человечества едина, и история культуры непрерывна во всей её пульсирующей динамике. Культура может быть определена как процесс осуществления человеческой сущности или, в статичном плане, – как уровень, или степень осуществленности этой сущности. Сущность же человека (общества) не в распространении вида гомо сапиенс по планете, не в обеспечении выживания этого вида за счет использования разума (рациональности) как средства этого выживания, а в способности человечества стать средством «воскресения природы» (Маркс), доведения ее до состояний, недостижимых без творческого участия человека. Такое совершенствование природы бесконечно, не имеет верхней границы, и каждый этап в истории человечества является вехой в этом развитии, ступенью развития сущности общества и человека.

Культуры (как совокупности программ поведения людей и как этапы осуществления-выделывания сущности общества и человека) не исчезают, а сохраняются в снятом виде в последующих эпохах, в последующих культурах. Гибель старых культур никогда не оказывается полной; плакать по Античности, либо Средневековью, либо по уходящей сегодня, казалось бы, окончательно, советской культуре не стоит. Надо понимать, что если уж это случилось, то каждая из ушедших культур была достойна этого, и факт ее гибели, конечно, трагедия, но – оптимистическая. Как писал поэт нашей молодости: «Я вас уверяю: будет май и будет солнечное лето! Солнечная зона, солнечная эра!..».

Античная культура (цивилизация, эпоха – не будем здесь делать больших различий между этими терминами) в ее позднеримском варианте очевидно погрязла в противоречиях собственного развития. Вульгарно-материалистический прагматизм, индивидуализм, массовая, на всех этапах общества бездуховность, эгоистично-безлюбивые отношения всех со всеми, потребительски-физиологические отношения между полами, снижение эстетики в быту и искусстве до примитивной эстезии, наслажденчества, щекотания нервов, забвение взлетов мудрости (разума) классической эпохи и пользование примитивной однозначной формальной логикой и многое другое – всё взывало к радикальным, революционным переворотам и переделкам.

За эту титаническую работу принялась культура эпохи Средневековья. Средневековье берёт у поздней Античности социальный заказ на разработку категорий совести, вертикальных нравственных ориентиров («предстояние перед Абсолютом»), духовности, любви, свободы и т. п. Провидениями лучших своих умов она начинает с гордого обещания преодолеть срам Рима – этой «мировой блудницы». Преобразования будут идти прямо-таки «по Гегелю»: будут преодолены все недостатки Античности, но все ее достижения будут сохранены, и, более того, к ним будут добавлены новые ценности, никогда ранее в культуре не присутствовавшие. Античность только искала Истину, а мы ее нашли. Не нужна нам суетная мудрость Афин, мы начинаем от портика Иерусалима (Тертуллиан, III в. н. э.). «Взрастут на земле франков Новые Афины, еще более блистательные, чем в древности, ибо наши Афины оплодотворены Христовым учением, а потому превзойдут в мудрости Академию» (Алкуин Йоркский, VIII в.).

Результат, однако, оказался довольно плачевным. И виной тому стали те методологические основания, которые взяла на вооружение элита новой культуры – формальнологическое мышление софистов-Аристотеля (его «Аналитик») и «новую» христианскую религию. Новации погрязли в традиции: Средневековье не смогло отказаться от многотысячелетней инерции религиозного менталитета. Подобно тому, как Античность не смогла освободиться от власти телесности, предметной материальности, так же и ее

преемница, взяв на вооружение противоположный духовно-мистический инструментарий, погибла в его объятиях. По прохождении почти полутора тысяч лет христианских «реформ» оказалось, что обещанные (предполагавшиеся) равенство, гуманность, любовь, духовность были вытеснены на периферию бытия общества очередным классовым расслоением, новым индивидуализмом и своекорыстием; разум, мудрость древних философов-диалектиков забыты практически полностью и заменены схоластикой средневековых религиозных диспутов; наука, научное познание реального мира также вытеснены почти до нуля и заменены «изучением» потусторонних «первопричин» эмпирического мира – божественных «первосущностей»; эстетика, искусство, так и не став гражданственными, превратились в «служанок богословия» из-за редукции всего арсенала художественных средств к идеологизированной символикe; отношения между полами, в зеркальную противоположность античной разнuzданности, превратились (в официально навязываемом варианте, конечно) в уродливо понятую духовность; во всяком случае, сексуальность стала абсолютно отрицательной ценностью, антиценностью («В Средневековье секса нет»); античный индивидуализм, абсолютизация единичного сменились насильственным «коллективизмом», тоталитаристским поглощением единичного целым; господствовавший номинализм древности сменился господством средневекового реализма.

Попытка Ватикана усилиями Фомы Аквинского найти компромисс между бытием общих идей «до вещей», «внутри вещей» и «после вещей» в его концепции умеренного реализма проблемы не решила, а только открыла лазейку (дорогу) для полного господства номинализма в Новое время. Эклектика никогда не бывала способной заменить диалектику. Средневековая культура задохнулась в объятиях взятого на вооружение от античных софистов недialeктического, формальнологического способа своего осуществления. Космическую (упорядочивающую мир) миссию, возложенную на нее историей, средневековая культура трагически провалила.

Эту парадоксальность можно выразить в следующих сравнениях.

Намерения и результаты Средневековой культуры

<i>Недостатки поздней античной культуры (Проблемы, разрешенные Античностью)</i>	<i>Намерения и обещания ранней христианской культуры (Возможные синтезы)</i>	<i>Позднее христианство, результаты</i>
Вульгарный потребительский материализм, абсолютизация земного, только «горизонтальные созерцания» отрицание метафизики бытия.	«Открытие» «духовного измерения бытия», ценность «вертикальных созерцаний». Попытки введения в быт метафизики бытия.	Абсолютизация «вертикали», отказ от земных ценностей, аскетизм. Персонафикация метафизики в фигуре Бога. Мистификация метафизики, мистическое удвоение мира «Вертикальная культура греха»
«Горизонтальная культура стыда»		
Индивидуализм, конкурентность, насилие	Гуманизм, любовь к ближнему, «любите друг друга»	Самоуничтожение, отрицание ценности индивидуальности.

		«Любите врагов своих»
Социальная поляризация, рабы и рабовладельцы	Идеал социального равенства, первые христианские коммунистические общины.	Социальная поляризация Протестантизм: «Бог любит богатых». Равенство – лишь «во Христе».
Плюрализм, социальная дифференциация, даже атомизация общества	Значение целого, единство целого и частей, общества и человека	Тоталитаризм, подавление человека системой общества
Объективизм, боги правят миром. Магические религии. Люди не решают сами своей судьбы	Христианство как нравственная религия, субъективная причастность человека к судьбам мира, свобода выбора между добром и злом	Невмешательство в бытие, «Не судите», уход от мира, от задачи навести в нем порядок
Гедонизм, бесстыдство, сексуальное потребительство, эрос (Платон). Преобладание чувственности в искусстве, доводимое до порнографии	Постыдность позиции наслажденчества, духовность в отношениях полов, идеал Прекрасной дамы. Против безыдейности в искусстве, искусство должно облагораживать человека	Аскетизм, экзальтация духовности, абсолютизация «агапе», «В Средневековье секса нет» Красота не в природе, а в ее идеале, Боге. Сведение искусства к иконописи
Наука, оторванная от культуры (морали, политики, искусства)	Долой эту позитивистскую науку!	Долой всякую науку (потому что от нее – всякое зло)
Динамизм, прогресс, погоня за новизной, зуд изменений. Хаос поиска социального идеала: стоики, киники, скептики, мистики, неоплатоники...	Претензия на уравниловку и взвешенность жизни. В обществе должны быть оптимизм и уверенность в выбранном пути	Отказ от изменений, от прогресса, покой и застой. Уход от поиска социальной истины. Она уже найдена – это учение Иисуса Христа.
Вырождение античной демократии в хаос многопартийности	Жажда порядка в обществе	Монархия, тоталитаризм
Софистика	За правду, за истину!	Схоластика

Картину подобных парадоксов средневековой культуры можно продолжать долго. Ясен, однако, принцип: христианская религия, вооружившись лишь формальной логикой («Да – да, нет – нет, а что сверх того, то от лукавого»), просто зеркально противопоставляет античным «мерзостям» свои «достижения» и возводит их в ранг непогрешимых принципов,

по существу, религиозных догматов. Справедливо отмечая необходимость метафизики человеческого бытия, интуитивно чувствуя субъектность целостных систем в организации индивидуальной человеческой жизни, религия, не умея применить диалектику целого и частей, абсолютизирует и гипостазировывает это целое, придает ему статус и ранг личности, персонифицирует целое в фигуре личного бога.

Буржуазная культура, рождавшаяся в эпоху Возрождения, прошла подобный путь надежд, обещаний и итогового крушения (эти иллюзии и обещания буржуазного класса, а равно и очевидную их несостоятельность, мы, к сожалению, имели возможность наблюдать не в далекой исторической ретроспективе, а воочию в 80 – 90 годах прошлого столетия. Впрочем, обещания эти, хотя и всё глуше, раздаются до сих пор). Но, более того, даже в лучших, наивысших своих проявлениях она не поднялась до высот замыслов и умыслов средневековой христианской культуры. Она начала утверждать нечто своё, новое не с высших достижений Античности, не с тех запросов и заветов, которые бросили миру гении древних диалектиков, Аристотеля и неоплатоников, а с «премудростей» софистов, и в целом она никогда не превосходила их индивидуалистически-рассудочного уровня. Всё, что превышало этот уровень – утопические коммунисты, прозрения Спинозы или Шиллера, Фейербаха или Чернышевского – это были, по сути, уже антибуржуазные идеи. Буржуазия как таковая всегда была против того положительного содержания, которое несла в себе (и которое извращала) христианско-средневековая культура. Отрицая Средневековье, буржуазная культура с купелью выплескивала ребенка – гениальные находки ранних апологетов и зрелой схоластики, касающиеся ценностей целого, системы, метафизики человеческого бытия, субъектности Системы, то есть природы как целого, общества как целого. Буржуазная пропаганда вот уже добрых 700 лет разрушает твердыню средневековой культуры в однозначно тех же, что и в самом начале, выражениях и образах. «Гуманистические» аргументы Марсилио Фичино («О стяжательстве») или Лоренцо Вали («О наслаждении») буквально идентичны текстам и аргументам наших сегодняшних «учителей и судей».

Именно с этого начинается свое вторжение в мировую культуру советская цивилизация, советская культура. Она не придумана досужими идеологами, не навязана обществу как злой умысел неких коммунистов-манипуляторов, «масонов», «евреев» и т. д. (больно много чести этим последним). Она впитала в себя все намерения, надежды и обещания предыдущих культурных эпох. «Нам внятно всё: и жар холодных чисел...» и т. д. Нам близки идеалы и ценности античности: исторический оптимизм, калокагатия, мудрость как единство истины, добра и красоты, диалектика как логика развития, идея прогресса, атеистическое вольнодумие, диалектический материализм аристотелевского понимания сознания («души») не как субстанции, а как свойства материального тела и другие высочайшие достижения этой эпохи. Нам близки и понятны исходные, не извращенные религиозной мистикой ценности эпохи Средневековья: ценность целого, уважение и любовь к этому целому, уважительное и совестливое предстояние перед этим целым как абсолютом; ценности и идеалы духовности и психологической метанойи, то есть внутреннего преобразования и превращения человека из существа индивидуально-эгоцентричного в универсальное и любовно-гуманистичное, то есть существо личностное и так далее. Нам не чужды и ценности раннебуржуазной и просветительской культуры: материализм, атеизм, признание категории прогресса, эволюционное учение Дарвина, социально-политический демократизм, свобода и энергия личностного социально ориентированного творчества («Нам нет преград ни в море, ни на суше...»).

Кроме того, к ценностям всех этих трех культур, мы добавляем свои, социалистические компоненты: абсолютное неприятие частной собственности, обрекающей одних людей продаваться другим (в любой форме этой сделки: рабовладельческой, феодальной или буржуазной, «партнерской»); не просто неприятие, но справедливая ненависть к носителям частной собственности как эксплуататорам и паразитам. Мы несем в

себе, по Н. А. Некрасову, «необузданную, дикую к угнетателям вражду и доверенность великую к бескорыстному труду».

Последнее – очень ценно для нас. Мы признаем не только материально и духовно обогащающий человека труд «протестантской этики», но выше такового мы ценим труд бескорыстный, без вознаграждения и даже без мысли о вознаграждении, подлинный коммунистический труд (по Ленину) или «всеобщий, универсальный» (по Марксу).

Мы добавляем к достижениям культуры прежних эпох еще одну, не освоенную ни одной из них ценность – подлинную эмансипацию женщины, полное социальное равноправие полов и на этой основе возможность действительно любовных отношений между полами. Не античная любовь к «мальчикам» (по Платону или В. Соловьеву) и даже не гетеросексуальная, разорванная на частички эроса – мании – филии – агапе, и не средневековая вымученная и бесплотная – к «прекрасной даме», и, тем более, не буржуазная, равная «общности жен», благодаря узаконенности проституции, а нормальная человеческая любовь социально равноправных людей разного пола, любовь как нравственно-эстетическое (в том числе и эстетизированно-чувственное) влечение и общение социально и духовно развитых индивидуумов – личностей.

Мы добавляем к ценностям всех эпох наш научный материализм и атеизм; советской культуре принадлежит всемирно-историческое первенство быть культурой массового атеизма, благодаря которому в ней вызрели и осуществились многочисленные подвиги трудового энтузиазма первых пятилеток, освоения казахстанской целины, спасительный для мировой цивилизации подвиг народа в Великой Отечественной войне. Атеистической (безрелигиозной) была вся советская литература, и именно благодаря этому она создавала шедевры социалистического реализма. Всё советское кино, вплоть до 80-х годов было совершенно нерелигиозным, а оно, несомненно, было для миллионов людей, для подрастающих поколений воистину «важнейшим из искусств». Искусство вообще несовместимо с религией. «Религиозное искусство» – это вообще абсурд, оксюморон, такой же как «религиозная философия» или «религиозная наука». Искусство, по самому его определению – это всегда протест против старого и прорыв, трансгрессия в новое, более совершенное будущее, тогда как сущностью религии является примирение с действительностью и отвлечение от самой мысли о каком-либо прогрессе и протесте (буддийская «непривязанность» к миру, христианская устремленность прочь от реального мира к «подлинной» жизни в лоне Иисуса Христа в потустороннем мире).

Мы не можем не гордиться взлетом политической культуры нашего народа в первые годы Советской власти. Русские Советы, российская «республика Советов» (В. И. Ленин) останутся в веках предметом изучения и образцом для подражания всем народам, которые будут строить свое трудовое самоуправление.

Советская культура – в замысле и в реальности осуществления – создает феномен универсального, личностного бытия каждого человека. Благодаря социализму (тем его зачаткам, начинаниям, которые у нас были) наши люди преодолевали первоначальные модусы человеческого бытия – а) доиндивидуальное, бессубъектное, внушенное и подражательное бытие доисторического человека, равно как и б) исторически второе – индивидуалистичное, эгоцентричное и эгоистичное, рассудочно-своекорыстное бытие человека эпохи цивилизации (классово организованных обществ). Они выходили на «универсальное и потому свободное» (Маркс) бытие человека, освобождавшегося от отношений эксплуатации и классового расслоения. Ленинская «кухарка», управляющая государством – это не метафора политика-популиста, а самая реальная реальность. Социальная субъектность, социальная активность, свобода и ответственность советского человека-труженика, несомненно, более глубоки и результативны, чем таковые у отчужденного от собственности пролетария буржуазной цивилизации и, тем более, чем у самих собственников – представителей «элиты» этого мира.

Советские эстетика и искусство замысливались и осуществлялись в преемственности с лучшими традициями и достижениями прежних эпох. В них соединялись

непосредственность античных эстезии и мимезиса со средневековой идейно-гуманистической, социальной нагруженностью. Преодолевались античный и буржуазный субъективизм в творчестве, равно как и крайности средневеково-христианской абсолютизации социального и духовного. Искусство становилось массовым, выходило из узких границ обслуживания досужих индивидуумов, равно как и услужливости официальной идеологии. Эта последняя исчезает, растворяясь в низовой массовой; массовая также исчезает, возвышенная и сублимированная официальной. Между ними нет антагонизма, впервые в мировой истории этот антагонизм исчезает в их взаимопроникновении и тождестве. Этот великий синтез принципиально недоступен любой другой культуре. О нем мечтал Ф. Шиллер в своих «Письмах об эстетическом воспитании человека», и эту мечту впервые взялся практически реализовать наш народ. Носителем эстетического чувства становится социально организованный человек, носителем искусства становится человечески ориентированное общество. Складываются (закладываются) эстетика социального человека и одновременно искусство человеческого общества. Эти принципы строения эстетики и искусства концентрируются в методе (методологии) социалистического реализма – высшего достижения эстетического сознания и эстетической практики человечества.

Возникла и развивалась новая советская педагогика (А. С. Макаренко, В. А. Сухомлинский, В. Ф. Шаталов, М. П. Щетинин, многие другие новаторы и экспериментаторы в педагогической сфере в 70 – 80-е годы), преодолевавшая индивидуализм «парной педагогики» и педологии в 30-е годы и догматизмы официальной позднесоветской педагогики. Сложилось также направление «вершинной психологии» в психологической науке (Л. С. Выготский, А. Н. Леонтьев, А. В. Петровский, А. И. Мещеряков), явно опередившее складывавшуюся тогда на Западе и господствующую там до сих пор так называемую «гуманистическую психологию». (Сегодня это направление принято как главенствующее и у нас Институтом психологии РАН)

Достижения новой советской культуры можно перечислять долго. Это и передовая советская генетика, и ракетостроение, и новая советская милиция («Моя милиция меня бережет»), и новая, бесплатная медицина и многое другое.

Начинания новой культуры в нашей стране были слишком новы и дерзновенны. Ни много ни мало сутью культурного поиска было самоуправление трудового народа, историческая самодеятельность трудящихся, социальная, общеисторическая и общеприродная их самодеятельность и субъектность. Персонажи «Чевенгура» категориями, меньшими, чем общеисторическими, не мыслят. «Владеть человеком должно только высшее. Чем больше самозабвения, тем совершеннее человек» – находим мы фразу у Андрея Платонова. Народное самоуправление – это «слом всей старой государственной машины», выбрасывание на помойку истории всего аппарата, сословия, класса государственных чиновников – от царя (президента, генсека) до городского полицейского и бригадира на производстве – всего того, что складывалось в последние четыре – пять тысяч лет, и что впечаталось в психику и интеллект человечества как здравая формальнологическая аксиома. Как же можно иначе, если тысячи лет было так! Но логика развития мира, общества – это диалектика, которая преодолевает любые однозначности. И тут наши революционные предки «диалектику учили не по Гегелю». Они интуитивно, а эта интуиция была основана на напряженнейшем изучении жизни, чувствовали конкретность необходимых в каждой ситуации синтезов противоположностей. И эти синтезы достигаются, прежде всего, посредством преодоления крайностей в решении любых жизненных вопросов. Диктатура государства или демократия? Да не то и не другое, а диктатура пролетариата как *отмирающее* государство. Диктатура центра или свобода местного самоуправления? Не то и не другое, а демократический централизм. Первичность общественной системы или свободное творчество индивидуумов, то есть главенство общественных или личных интересов? Да просто общественные интересы должны становиться личными. Эмансипация женщин как их маскулинизация (путь западного феминизма) или сохранение мужского

лидерства и традиционной семьи? Да нет, нужен тончайший синтез этих начал. Телесное или духовное должно главенствовать в отношениях полов? А одно через другое – не пробовали? Основой общественной жизни должна стать социальная иерархия или эту жизнь должен организовывать «диалог» и «полифония хора» свободных индивидуумов и их стихийно возникающих «сообществ»? Искусство должно быть политизированным («гражданином быть обязан») или может находиться вне политики? Эти и массу других дилемм-антиномий предъявила стране, народу, его руководству революционная эпоха 10 – 20 годов нашей истории. Тридцатым годам была передана эстафета для ответов на поставленные нашими революциями проблемы. Необходимо было строить воистину новый мир, новую эру в истории человечества.

И какими же оказались ответы? А произошло, к сожалению то, что получалось во все прежние попытки культурного прогресса. Как Средневековье не справилось с поставленными перед ним Античностью задачами, как не справились Возрождение и Новое Время с синтезами номинализма и реализма во всех областях культуры, так спасовала и советская эпоха 30 – 50 годов перед запросами и вызовами всех горестно-мучительных провозвестников Новой культуры. Столь необходимая и столь возможная по представлениям Ленина Великая пролетарская культурная революция была после его смерти предана и свернута руководством страны достаточно быстро, по историческим меркам мгновенно. Это руководство, буквально по «Скотскому хутору» Оруэлла, быстро встало на задние ноги и вошло в привычную среду традиционных форм правления и управления. Оно абсолютно не понимало тех космического масштаба задач, которые самой Историей были поручены ему для разрешения.

Именно эта диалектическая безграмотность приводила «членов партии и правительства» к грубым ошибкам, в сущности, преступлениям перед своим народом и мировой историей – к «перегибам» в организации социалистической собственности (государственная – вместо общенародной), к «головокружениям от успехов» в политических преобразованиях (единовластие центра, по сути, тоталитаризм вместо массовой низовой демократии), к забеганию вперед в объявлении «полной и окончательной победы социализма» вместо ясного понимания необходимости создания самых первоначальных основ для *начала* перехода к социализму и так далее. Господствовал всеобщий эмпиризм. Что делали, что получалось, то и назвали достижением целей. Никакой самокритики, никакой внутренней работы мысли, то есть «способности суждения», отсутствие которой есть то, что, собственно, называется глупостью – недостаток, «против которого нет лекарства» (И. Кант).

Сторонники «полного и окончательного» оправдывают это непонимание историческими реалиями управления обществом, основанном на машинном производстве, и экономическими законами рынка (по-видимому действительно неизбежного в переходный к «новой эре» период), напряженной международной обстановкой, угрожавшей новой войной и, в конце концов, развязавшей ее, необходимостью индустриализации страны и потому, пусть варварской, коллективизации крестьянства, «обострением классово-борьбы» и необходимостью жесткой борьбы с «врагами народа» (последнее очень напоминает вспышку «ересей» через тысячу лет после христианизации Европы и разгул позднесредневековой инквизиции). Все эти оправдания, однако, не освобождают наше руководство от справедливого обвинения в преступном невыполнении возложенных на него исторических культуротворческих обязанностей. И важнейшую причину этого провала надо видеть в степени мировоззренческой и политической незрелости советской элиты 30-х годов. Вместо осуществления завещанной Лениным культурной революции, суть которой была в превращении *всего народа* в активного субъекта социалистического строительства, это руководство занялось лишь одним важнейшим для него делом – укреплением собственной безоговорочной власти. Ленин своей фигурой сдерживал центробежные тенденции внутри этого слоя, но после его смерти эти устремления раскрутили центрифугу власти до катастрофических оборотов. На периферию общества и за его пределы («Нет человека – нет

проблемы») выбрасывались сначала представители высшего руководства (сначала – «уход» самого Ленина, потом изгнание и последующее убийство Троцкого, затем (и это только как один из моментов) казнь 60 процентов делегатов XVII съезда ВКП(б) и членов избранного на нем ЦК, потом репрессии против научной и творческой интеллигенции, руководства Коминтерна, а затем дело дошло и до уничтожения всякой политической активности и общественной самодеятельности всего народа. Не трудящиеся, не диктатура пролетариата через Советы управляют обществом, а только «кадры решают всё». Все стали лишь объектами управления и манипулирования. Конституция 1936 года уничтожила ленинскую «республику Советов» и заменила ее тем, что все классики марксизма призывали полностью сломать, уничтожить – Верховным Советом, избираемым по территориальным округам и работающим в точности по образцам буржуазного парламентаризма. Вся полнота власти – экономической, политической, идеологической – была отнята у Советов и сосредоточилась в руках единого центра, возглавляемого единственным человеком. В политической сфере обществу было навязанное позорное явление времен шумерских царств – культ личности. В экономической – принципы «азиатского способа производства» (Маркс), взятые из тех же почти доисторических эпох. Но штатные политтехнологи быстро, уже к середине 30-х годов, представили всё это как «полную и окончательную победу социализма».

Культ – явление чисто религиозное. Вера как доверие лидеру, передоверие самоуправлению объекту веры как всевластному субъекту, добровольное лишение себя субъектности и альтруистическое служение лидеру как абсолюту, то есть добровольное рабство и превращение объекта веры в рабовладельца – этот феномен прекрасно описан еще Фейербахом как феномен самоотчуждения человека, феномен, становящегося «сущностью христианства». Лучшего, чем религия, способа управления «человеками» тоталитарная власть придумать не может. Религия – это воистину «сердце бессердечного мира». Это воистину самосознание тех, «кто еще не нашел себя или уже вновь себя потерял». К такому состоянию вело свой народ руководство 30 – 50 годов.

Во всем социальном организме страны стали использоваться традиционные структуры и институты средневекового феодального общества. Целое, система абсолютизировались и отрывались от собственных частей и нависали над человеком как внешняя, чуждая и неодолимая сила. При этом целое и система персонифицировались в личности руководителя, авторитет которого абсолютен. Нет бога, нет церкви, но суть осталась прежней. Целое, общество, коллектив представлялись как высшие ценности, к которым человек должен взойти, претерпеть *обращение*, отречься от своей индивидуальности и творческой самодеятельности. Эта христианская метанойя положена в основы «обязанностей коммуниста» в уставе его партии: «Коммунист обязан ставить общественные интересы выше личных». Но что ему делать, если его *личным* интересом окажется служение обществу? Это ведь «парадокс брадобрея», из которого без диалектики невозможно вырваться, не разорвав своего сердца. Но диалектика была чужда тем, кто остался у власти.

В официальной позднесоветской культуре сложилось изучение «философских проблем естествознания», всех частных наук как иллюстрирование абсолютно истинных положений «марксистской» философии. От такой философии с насмешками отворачивались ученые, и убедить их в её пользе до сих пор почти невозможно.

Эстетика и искусство в этих условиях также сдвинуты (задвинуты) к состоянию слуг идеологии. «Этика, эстетика и прочая чепуха – просто его женская прислуга» – писал Маяковский о положении этих сфер в условиях капитализма, но это применимо и к их положению в официальной советской культуре 30 – 80-х годов. Тончайший цветок мировой культуры – социалистический реализм – превратился в плакатную казенщину портретов вождей, и «песен о Партии». Здесь, вполне по Платону, стало не важным, имеешь ли ты голос или слух, владеешь ли поэтикой и техническим мастерством в том или ином виде искусства, важно лишь то, *о чем* ты поешь или пишешь. Если о богах (или сильных мира сего), если пропагандируешь господствующую идеологию – то это и будет искусством,

причем искусством «социалистического реализма». Всё это стало предметом сплошных насмешек деятелей искусства, и до сих пор невозможно убедить большинство из них, что это вовсе не социалистический реализм, да, собственно, и вовсе не искусство.

В средневековой (официальной, церковной) культуре в отношении полов, как мы отмечали, не было места сексу. Это средневековое «достижение» полностью восстановилось в идеологии «победившего окончательно» и «развитого» социализма. «В Советском Союзе секса нет» – эта горькая фраза облетела весь мир. Отношение к физической стороне отношений полов как чему-то низменному, ненужному, презренному внушалось всему обществу и, особенно, молодым поколениям на протяжении всех десятилетий после 20-х годов. Фильмы, художественная литература, театр, живопись подвергались на этот предмет жесткой цензуре. Советские люди должны быть как бы бесполоыми. В школьных программах по «половому воспитанию» (а такие тоже были) основной задачей подобного воспитания ставилось отвлечение внимания молодых людей от вопросов пола, переключение их сексуальной энергии на труд, спорт, политическую активность – вполне в русле фрейдовской схемы: «блокада – фрустрация – вытеснение – сублимация», хотя сам фрейдизм был под неофициальным запертом.

Молодые женщины, мужчины, воспитанные в презумпции «В Советском Союзе секса нет», совершенно не умеют гармонично организовать свою семейно-сексуальную жизнь. Особенно драматичной оказывалась сексуальная биография женщин как существ традиционно более задавленных патриархатом и христианской религией. Бесполое школа, искусство, моральная пропаганда не давали им (да и мужчинам тоже) никакого не то, что опыта – представления о месте и формах сексуальности в жизни человека. Если в кино (главном искусстве эпохи) ничего этого не показывают, то и из своей жизни они исключают всякую эротику, стыдятся и страшатся ее. «Нормальная» советская женщина воспринимала любую эротику как нечто совершенно постыдное, любую свою активность в сексуальной жизни как нечто полностью недопустимое. Мужчины менее дисциплинированы и по самой природе более активны, требуют от своих жен «праздника сексуальности». Но жены воспринимают это как позор бесстыдства и развращенности. Они воспроизводят лишь сценарии, предлагаемые советским канонизированным искусством и педагогикой, по которым достаточно, чтобы был налажен быт, ухожены дети, не транжирились деньги, а сексуально-эротическая жизнь – этого в кино не показывали, значит всего этого не должно быть и в жизни. В фильме «Красота порока» подобная ситуация подана достаточно ярко, там женщина бунтует против средневекового обкарнывания сексуальности. То есть, ситуация тут симметрична, обеднёнными и несчастными оказывались в бюрократическом советском обществе все: и женщины, и мужчины, и люди молодые, и пожилые, и представители просвещенных слоёв общества, и низов. Все оказывались в той или иной степени «гомо советикусами» или, как теперь их презрительно называют буржуазные интеллигенты, «совками».

Всё это совершалось, хотя и исторически достаточно быстро, но как-то незаметно для народа, в том числе и для культурной общественности. Ведь произносились правильные лозунги, декларировалась «верность заветам» «великого Ленина» и Октябрьской революции. Наш народ не оказался достаточно зрелым, чтобы «защитить себя от собственных вождей» (Марат). Безбрежные поиски советской культуры в 20-е годы оказались недолгими, уже в 30-е их жестко пресекла тотальная экономически-политически-культурная контрреволюция. Социалистические находки и предложения в сфере культуры достаточно интенсивно вытеснялись на периферию жизни общества, в области народного менталитета, творческих инициатив отдельных идеалистов-интеллигентов – писателей, педагогов, ученых-психологов, экономистов, техников. Сложилось своеобразное культурное «двоевластие», или раздвоение культуры на официальную и низовую, неофициальную, массовую. Низы общества меньше всего прислушивались к грому официальных идей, жили своей тысячелетней жизнью. Высшие слои общества, разнообразные административные и партийные работники, нарушали проповедуемые ими же заповеди более масштабно и

цинично. И только среднему слою общества, воспитательской, пропагандистской интеллигенции приходилось достаточно трудно. Ведь невозможно проповедовать, не исповедуя. Погруженные в глубину идеологии эти люди в наибольшей мере были пропитаны и наполнены ею. Верующий поп – во все века явление, пожалуй, не редкое.

Нетрудно понять, что подобным образом организованная социальная система не может быть жизнеспособной и долговечной. Гибель советской культуры (и цивилизации) произошла по тем же причинам, что и печальный закат Средневековья. Излишнее педалирование в своём истоке правильных, гуманных начал и принципов, излишняя ориентировка на внешнее и пренебрежение внутренним, излишний идеализм, завышение роли идейно-идеальных (идеаловых) начал человеческого общежития и принижение материально-бытийственных и просто бытовых – всё это и привело к внутреннему надрыву и последующему взрыву общества. Идеалы – это, конечно, хорошо, но, как говорят украинцы, «Дуже хорошо, тоже нехорошо». Повторяем как вывод: погубила советскую культуру – это столь прекрасное начинание в истории человечества – диалектическая неграмотность руководства общества, неспособность к элементарным мыслительным синтезам, шарахание из одной крайности в другую, предпочтение одной из крайностей как чего-то более достойного, другой, противоположной. Из крайности буржуазного номинализма в тридцатые годы нас бросили в крайность средневекового реализма, а сегодня из нее – опять в крайность буржуазного номинализма и индивидуализма. Историческую миссию возвысить культуру до диалектических синтезов общего и единичного, духовного и физического, самоотверженности и себялюбия, долгового и потребительского, эстетического и эстезийного и так далее – эту миссию наша культура из-за контрреволюции 30-х годов провалила столь же «успешно», как и средневеково-христианская. В. И. Ленин в свое время горько сетовал, что никто из советского руководства тех лет никогда не изучал диалектику и даже интуитивно не владел ею, и это, наряду с другими, представляет огромную опасность для начинающейся новой цивилизации. И ведь он был прав.

Советская культура, советская цивилизация, советская социальная система погибли не от вражеских «агентов влияния» и не от злой воли доморощенных бюрократов, стремившихся «прихватизировать» государственную собственность (бюрократы в обществе были всегда и всегда этого хотели), а от всеобщего разочарования народа в тех догмах, которые навязывало ему руководство страны. Народ поддержал первых же активистов слома бюрократической власти – «демократов», «межрегиональную группу» депутатов Верховного Совета, то есть новоявленную российскую буржуазию. И кредит доверия народа к новой власти до сих пор далеко еще не исчерпан. В этом сказалась (прав марксизм) «решающая роль народных масс в истории». Одновременно наш народ, воспитанный-искалеченный официальной советской идеологией, не имел иммунитета против противоположной идеологии – крайности жизни только для себя любимого, отношения к другим людям как лично не важным «партнерам» по социальным «интеракциям», представлениям об искусстве как формам индивидуалистического самовыражения художников и как средству индивидуального развлекательного поведения, понимания сексуальности как простой физиологии, которая «естественна и небезобразна» и так далее. Всё это хлынуло в нашу культуру вместе с перерождением бюрократов в капиталистов, и народ этому не только не сопротивляется, но наивно и примитивно поддерживает. Говорит «Вау! Это круто!» И когда же теперь «решающая сила» нашего народа вмешается с протестом против того оскудения и деградации, которые заставляют нас срочно догонять Запад в его историческом гниении?

И вообще – что дальше? Буржуазная пропаганда (западная, а теперь и наша), естественно, представляет свой мир как лучший из миров, как «конец истории» и даже как уже наступившую «постисторию». Но если она будет базироваться на своих прежних логических, психологических, общекультурных основаниях, то явно ничего нового не будет. Будет очередной виток абсолютизаций и отчуждения, связанных с ними религиозности и обмана, против которых опять пойдет борьба прогрессивных тенденций. Когда разорвется этот порочный круг обещаний, начинаний, взлетов и провалов? Сегодня, по крайней мере, в

нашей стране, высказываются предложения отказаться от соблазнительных, но рискованных новаций в культуре и вернуться к старой доброй средневеково-христианской традиции. Но разве ее гибель ничему нас не научает? Не лучше ли человечеству вернуться к попыткам и опыту разрешения этих всемирно-исторических проблем ранней советской властью – к попыткам тех великих синтезов, которые творили наши отцы и деды не только на заре Советской власти, но в общем-то и всегда? Ведь были и имеются сегодня все культурно-исторические основания для положительного их решения, включая и диалектическую логику как мудрость, как понимание необходимости единства истины, добра и красоты. Это если уж возвращаться. А по существу это только и будет продолжением прерванного ненадолго движения вперед. Великая советская Атлантида далеко еще не утонула, социалистический менталитет человечества не только не иссяк, но, несомненно, существует и нарастает, как ни неламинарно его самоосуществление.

ВОЛКОГОНОВА О. Д.

ЕВРАЗИЙСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ И ЕЕ ИСТОКИ

The article contains an original approach to the concept of “Eurasianism” which was started in the first third of the 20th century by émigré thinkers. The author demonstrates the origin of this concept in the Russian intellectual history through the works of F. Dostoevsky and K. Leontiev. The article focuses on views of Russian history through the eyes of Prince Nikolai Trubetzkoy since he is widely recognized as a leader of Eurasianism. The members of the movement of Eurasianism declared that the Russian civilization cannot be classified as the "European" type. The author establishes that the ideology of Eurasianism was partially incorporated into new political and ideological movements which were based on the anti-westernism. The contemporary interpretation of Eurasianism is also given.

Актуальность исторических исследований во многом определяется ответом на вопрос: имеет ли воздействие та или иная концепция на сегодняшнюю жизнь? В конечном счете, это ответ на прямо поставленный вопрос: жива или мертва идея? В этом смысле, евразийство представляет несомненный интерес для историка русской мысли. Поклонников этой концепции можно найти и среди ныне здравствующих исследователей и политиков.

Евразийцами была предпринята попытка ответить на мучительный для русской интеллигенции вопрос о месте и роли России в истории человечества. Даже резкий критик евразийства, Г.П.Федотов, писал, что евразийцы «как в критике своей, так и в пересмотре русской философии истории... оплодотворили и будут оплодотворять русскую мысль»[4, с.11]. Возникнув в Софии в 1920г., евразийство завоевало большое количество сторонников: существовали берлинская, пражская, белградская, парижские группы евразийцев (со своими организационными структурами, журналами, газетами), издавались книги и сборники статей, получившие громкую известность в среде эмиграции, причем происходило это не только в довоенные годы, но и после войны. Более того, некоторые евразийские идеи были подхвачены и другими течениями русской эмиграции: "устряловцами" - в Харбине, "национал-максималистами" ("национал-большевиками") - в Берлине и Париже, "неонародниками" - в Париже. Столь обширная география (а сюда можно было бы включить и Россию, так как люди, находившиеся под влиянием евразийства были и в СССР: самой яркой фигурой, внесшей свой вклад в развитие теории уже в конце столетия, был, Л.Н.Гумилев) и столь длительная хронология являются несомненным свидетельством привлекательности и жизненности концепции.

В чем же состояла суть евразийства? Сформулировать ее не так просто. Прежде всего, надо отметить, что при существовании целого ряда разных групп, взгляды их не могли

быть идентичными. Кроме того, течение пережило достаточно длительную эволюцию и смену лидеров. У истоков концепции стояли талантливые ученые: известный филолог и философ князь Н.С.Трубецкой, географ и экономист П.Н.Савицкий, публицист, философ и историк музыки П.П.Сувчинский, правовед Н.Н.Алексеев, богослов Г.В.Флоровский, историки Л.П.Карсавин, Г.В.Вернадский и М.В.Шахматов. Проблемное поле возникшей теории было удивительно широко и разнообразно, евразийцы претендовали на осмысление многих проблем духа и бытия, но ядром их учения стала новая философия русской истории.

Л.П. Карсавин и Г.В. Флоровский достаточно быстро отошли от евразийства, главный теоретик и основатель евразийства, Н.С.Трубецкой, после 1928 г. тоже перестал поддерживать евразийские начинания. Произошла явная смена лидеров. На первый план выдвинулись П.Н.Савицкий и Н.Н.Алексеев. Такие перемены не могли не привести к изменению содержания теории. Тем не менее, существовали положения, разделяемые всеми евразийцами. Видимо, именно они и составляли квинтэссенцию концепции. Что же это за положения? Опираясь на многочисленные "формулировки" и "тезисы" разных годов, их можно представить следующим образом:

1. Россия представляет собой особый мир, который правильнее было бы назвать Евразией. Евразия - не просто указание на географическое местоположение России, но это название этнической, культурной, исторической общности, принципиально отличной как от Европы, так и от Азии. "Евразия предстает перед нами, как возглавляемый Россией особый культурный мир, внутренне и крепко единый в бесконечно и часто... противоречивом многообразии своих проявлений. Евразия-Россия - развивающаяся своеобразная культуролитичность"[2, с. 35].

2. Признавая отличие Евразии от европейской и азиатской культурных традиций, евразийцы резко отрицательно относились к попыткам "повернуть" Россию лицом к западной цивилизации и культуре. Евразийцы критически оценивали европейскую культуру, отказывая ей в претензиях на универсальность. Европейская культура рассматривалась ими как культура романо-германская, т.е. этнически и исторически ограниченная. Более того, евразийцы ставили вопрос о передвижении в сторону Востока (в рамках Евразии) культурных средоточий современной эпохи.

3. Задачей евразийства являлось внедрение в сознание интеллигенции мысли о решительном отказе от европоцентризма и необходимости новой попытки национального самопознания. В результате такой попытки, считали евразийцы, очевидным станет наличие в российском характере и культуре туранских элементов. Мощная азиатская составляющая российской самобытности, игнорировавшаяся на протяжении долгого времени, побуждала их обратиться к восточным корням России-Евразии (недаром программный сборник статей был назван евразийцами "Исход к Востоку").

4. Здоровое общество может быть основано только на вере, на связи человека с абсолютным началом, с Богом. Историческое бытие России-Евразии на протяжении столетий определялось не только социально-этнографическим своеобразием, но и православными основаниями культуры и всей общественной жизни. Поэтому требование национального самопознания, создания подлинной национальной культуры невозможно без православия.

5. Признание "факта" свершившейся октябрьской революции: реставрационные мечтания беспочвенны, наивны. Необходимо относиться к большевистскому правительству в России как к исторической данности. Не поддерживая марксистских, коммунистических идей (рассматривая их как закономерный результат двухсотлетней насильственной европеизации страны), евразийцы предлагали видеть в происшедшей революции не только соблазн европейского коммунизма, но и частичное осуществление мессианского призвания России. Они считали возможным использовать положительные достижения советской власти. Евразийская программа действий не предполагала насильственного перехода к

постбольшевистскому периоду (установка на эволюцию), речь шла об использовании советов как новой формы государственности и т.д.

6. Выдвижение идеократической концепции государства. По мысли евразийцев, идеократия - надклассовое государство, подчиненное не интересам отдельной социальной группы, а некоей высшей идее. Это государство "социальной справедливости и правды", в котором классовый принцип должен быть заменен принципом наднациональной общности.

При очевидной уязвимости позиций евразийцев, в их теории содержалась идея, притягательность которой ощущается и сегодня: двуликость России, ее органическая принадлежность одновременно двум культурам, двум мирам - Европе и Азии, невозможность (и вредность) искусственного разъединения этих начал российской самобытности. Сам термин "Евразия", которым Трубецкой и его последователи обозначали Россию и часть прилегающих к ней земель, объединенных с ней общей историей, экономическими и культурными связями, традициями, был попыткой выразить несводимость России только к "славянству" и "славянской культуре", подчеркиванием того важного факта, что Россия, взятая в целом, со всеми своими азиатскими владениями и провинциями, причудливым переплетением этнических и культурных влияний, - это особый мир, где нет места единообразию национального типа.

В этом смысле достаточно интересен анализ влияний на примере языка, музыки, устной поэзии, права, проведенный Трубецким. На основании лингвистических и исторических фактов он пришел к выводу, что так называемый "русский национальный характер" (тема, столь модная в XIX –нач. XX вв.) содержит в себе большое количество черт, явно тюркского происхождения. (Трубецкой проследил влияние туранского типа даже на религиозный уклад жизни Московской Руси!)

Разумеется, евразийцы не возникли, как Афина Паллада из головы Зевса - сразу во всем блеске своего вооружения. Евразийству предшествовала мощная традиция русской философской мысли. Сами евразийцы не раз ссылались на Гоголя, Достоевского, славянофилов как своих предшественников. Во многом такие ссылки оправданы. Особенно интересным может быть обращение к позднему Достоевскому, который призывал сместить центр тяжести российской политики к Востоку: "...В грядущих судьбах наших, может быть Азия-то и есть наш главный исход" [1, т.27, с. 32-40]. Но, несмотря на наличие общих тем, названных мыслителей отделяло от евразийцев очень многое (прежде всего, ориентированность на славянские начала, славянский дух, славянскую культуру без всяких "туранских" примесей"). Гораздо ближе к евразийскому пониманию места России в истории человечества стоял К.Н. Леонтьев.

Эстетическое отношение к истории, жизни, любовь к красочному, яркому Востоку (с которым Леонтьев был хорошо знаком благодаря своей дипломатической службе) привели к своеобразному противоречию в его мировоззрении: с одной стороны, будучи сознательным последователем Н.Я.Данилевского и его теории культурно-исторических типов (согласно которой славянский тип объявлялся наиболее полным), Леонтьев должен был бы занимать вполне определенную неославянофильскую позицию в "славянском вопросе", волновавшем умы русской интеллигенции того времени. Между тем, Леонтьев не мог заставить себя отдать предпочтение "унылой", "серой", "буржуазной" культуре южных славян перед красными фесками и шароварами турок, это претило его поэтической натуре, несмотря на то, что противостояние на Балканах того времени выглядело именно так: турки либо славяне. Эстетическое восприятие мира, культ красоты, силы, свежести противоречили у Леонтьева неославянофильским теоретическим установкам. Во многом благодаря этому, Леонтьев пришел к выводу, что только "славянское" содержание исторического предназначения России обеднило бы ее всечеловеческую миссию. Он высказал мысль (удивительно созвучную евразийским утверждениям), что Россия должна создать новую восточную государственность, дать миру новую культуру, заменить в истории человечества "ново-восточной цивилизацией" умирающую цивилизацию "романо-германской Европы".

Кроме того, Леонтьева роднило с евразийцами критическое отношение к западной культуре и цивилизации. Согласно закону триадичности, в истинности которого Леонтьев был убежден, любой культурный тип развивается так же, как живой организм, проходя три стадии развития. Первая фаза - первоначальная простота, неразвитость, вторая фаза ("цветущая сложность") - дифференциация организма, усложнение его, характеризующееся наличием самых разных оттенков и красок в развитии, полихромности и многомерности, третья фаза - вторичная простота, когда происходит распад былой сложности, смешение различных элементов и цветов, разложение и умирание организма. С точки зрения Леонтьева, европейский культурный организм находился уже на третьей стадии развития. Тенденции эгалитаризма, уравнительности, потери говорили о том, что Европа идет к единообразию. Приблизительно одинаковые политические режимы, почти дословно совпадающие демократические конституции, похожий образ жизни, господство рационализма в мышлении и т.д. - все это, по его мысли, свидетельствовало о вторичном упрощении европейской культуры, которая постепенно становилась культурой "среднего человека", буржуа. Разумеется, Леонтьев не был первым критиком западной культуры в русской мысли. С точки зрения критического отношения к Западу, у евразийцев было много предшественников. Леонтьева роднит с евразийцами скорее степень неприятия европейской цивилизации, та страстность, убежденность в том, что западная культура уже прошла свою высшую точку развития.

Близко связывает их и идея о том, что евразийская цивилизация может быть основана на единстве славянского и восточного (тюркского, прежде всего) элементов. Мысли славянофилов о России как своеобразном мосте между Европой и Азией, и Леонтьев, и евразийцы дали новую интерпретацию: Россия не сводится лишь к славянскому этническому содержанию, ее призвание - создание амальгамы восточной и славянской культуры и государственности.

Почва для концепции, подобной евразийству, имелась в России еще до революции. (Достаточно вспомнить, например, брошюру М.И.Ростовцева "Национальное и мировое государство", опубликованную в Москве в 1915 г.). Большое влияние оказали на формирование евразийства такие выдающиеся русские философы, как С.Франк, Г.Флоровский и Л.Карсавин. Эти мыслители определились в своих взглядах задолго до начала евразийства и соприкасались с ним лишь отдельными сторонами своего мирозерцания, их творчество не уместилось в евразийские рамки, тем не менее, их работы определенного периода лежали в русле исканий евразийства и повлияли на него. Но целостное формулирование евразийской концепции впервые было осуществлено Н.С.Трубецким, который и стал ведущим теоретиком течения на его первом этапе.

Платформой объединения для евразийства стала небольшая по объему книжка Трубецкого "Европа и человечество". Эта книга задумывалась автором как вводная часть трилогии "Оправдание национализма", претендовавшей на изложение нового мирозерцания. Рабочее название этой части было "Об эгоцентризме", и цель ее мыслилась Трубецким как чисто отрицательная. В ней он хотел подвергнуть критике сложившиеся предрассудки относительно западной культуры (этот замысел и был им осуществлен), а положительная программа действий должна была быть предложена в последующих частях трилогии. Трилогия не была написана, более того, положительная программа, несмотря на многочисленные попытки, так и не была удовлетворительно сформулирована. Но небольшая по объему книжка стала своеобразным манифестом течения.

Начав с анализа существующих среди европейцев позиций по отношению к национальному вопросу (с точки зрения Трубецкого, все они расположены между двумя крайними пределами - шовинизмом, с одной стороны, и космополитизмом, - с другой), автор книги пытался показать, что в сознании европейца эти крайности, по сути, сходятся. К такому парадоксальному выводу Трубецкой пришел в результате следующих "выкладок": космополит мечтает увидеть человечество единым, без национальных различий. "Цивилизованное человечество должно быть едино и иметь единую культуру.

Нецивилизованные народы должны принять эту культуру и, войдя в семью цивилизованных народов, идти с ними вместе по одному пути мирового прогресса", - так излагал Трубецкой кредо космополитизма [3, с. 2]. Но что это должно быть за человечество? Какая культура должна господствовать в объединенном человечестве? Трубецкой считал, что европейские космополиты вкладывают в термины "цивилизация" и "цивилизованное человечество" вполне определенное содержание, подразумевая под "цивилизацией" ту культуру, которую выработали романские и германские народы Европы. Таким образом, он пришел к выводу, что та культура, которая, по мнению космополитов должна господствовать в мире, есть "культура такой же определенной этнографически-антропологической единицы, как и та единица, о господстве которой мечтает шовинист. Принципиальной разницы тут никакой нет", - заключал автор [3, с. 3].

Параллель, которую проводил Трубецкой между европейским шовинизмом и космополитизмом, не лишена некоторых оснований. Очевидно, что европейская культура, подчас выступающая своеобразным "аршином" для "измерения" и оценки всех остальных культур, является продуктом исторического развития нескольких этнических групп, прежде всего, германских и кельтских племен, подвергшихся сильному римскому влиянию. В силу этого европейская культура не может претендовать на универсальность, всечеловечность. Правда, Трубецкой упускал из виду тот факт, что претензии европейской культуры на абсолютность во многом связаны не с национальной ограниченностью, а с тем фактом, что эта культура была в свое время оплодотворена христианством. Христианству же свойственен универсализм (для него нет эллина, нет иудея), и, возможно, в силу этого европейская культура, начиная с первых крестовых походов, поставила перед собой некую миссионерскую задачу. Так или иначе, Трубецкой начал свою борьбу против "общероманогерманского шовинизма". Для него было ясно, что европеизация вредна, приобщиться к чужой культуре полностью невозможно, более того, европейская культура ничуть не выше остальных.

"Свергнув" так долго почитавшихся идолов западноевропейской цивилизации, Трубецкой пытался показать, что единственно возможный выход из сложившейся трагической ситуации – национальное самопознание, революция в мировоззрении интеллигенции нероманогерманских народов. Он писал в одном из своих писем 1921г. Р.Якобсону: "Понять, что ни "я", ни кто другой не есть пуп земли, что все народы и культуры равноценны, что высших и низших нет - вот всё, что требует моя книга от читателя"[5, с. 13]. Вряд ли Трубецкой был объективен в оценке собственной позиции, он, скорее всего, бессознательно выдавал желаемое за действительное. (Слишком уж он был непримирим и резок в своих оценках европейской цивилизации). Тем не менее, цитата показательна: Трубецкой (как и ранние славянофилы) абсолютно чужд мысли об исключительности своей нации. У него, скорее, "национализм наоборот" - неприятие любых форм романо-германского национализма.

Какой смысл вкладывал Трубецкой в понятие "национального самопознания"? Он выдвигал идею о необходимости "сознательного релятивизма", отрицания абсолютных подходов к культуре. Вместе с тем, в культурном творчестве, в искусстве, в политике невозможно обойтись без оценок, а любая оценка предполагает определенную претензию на абсолютность. Где же выход? Трубецкой видел его в принятии сформулированного еще в античности принципа "Познай самого себя" как универсального. "Всякое стремление быть не тем, чем я есмь на самом деле, всякое "желание быть испанцем", как говорит Козьма Прутков, - ложно и пагубно. "Познай самого себя" есть принцип универсальный, абсолютный и вместе с тем относительный. Этим принципом и надо руководиться при оценке, безразлично идет ли дело об отдельном человеке или о народе. Всё, что дает человеку или народу возможность быть самим собой, - хорошо, все, что мешает этому, - дурно. Отсюда вытекает требование самобытной национальной культуры", - считал Трубецкой [5, с. 13-14]. Тот национализм, который направлен к развитию такой культуры, оправдан. Если же национализм направлен к искусственному возвеличению нации, когда неевропейский народ разыгрывает из себя

великую державу европейского образца, - он ложен и пагубен. Он ложен и в том случае (типичном для больших наций), когда мешает другим народам быть самими собой и навязывает им свою культуру. В этой связи Трубецкой, с одной стороны, резко отрицательно относился к сепаратистским движениям "самостийников" (грузинских, латышских, эстонских националистов того времени), характеризуя их как национализм первого рода. С другой стороны, - он отвергал русский дореволюционный "национализм", как содержащий в себе элементы и первого, и второго типа ложного национализма.

Сначала революция в сознании, затем - работа национального самопознания и творчества самобытной культуры. Результат таких духовных изменений повлечет, по мысли Трубецкого, и вполне осязаемые политические последствия – вплоть до изменения государственных границ.

Евразийство имело длинную жизнь и принимало различные оттенки за время своего существования: от "коричневого" национал-патриотизма до попыток возрождения самобытной российской культуры. Думаю, история евразийства еще не закончена: ряд признаков говорит о возрождении интереса к этому течению. Особую актуальность приобретает евразийство в связи с трудностями российской внешней политики: с одной стороны, российская дипломатия представляет страну как часть "общеевропейского дома" (повторяя на разные лады мысль де Голля о единой Европе до Урала), а с другой, - объявляет ее полноправным членом переживающего экономический подъем "тихоокеанского побережья". Недаром один из основателей геополитики, Х.Макиндер, еще в 1904 г. указывал на особое положение России как страны и европейской, и азиатской, предвосхитив, по сути, тезис евразийства.

Несмотря на то, что в результате уникального сочетания исторических причин и географических особенностей русские из всех европейских народов выработали самую "интимную" связь с азиатским миром (недаром и сами себя они называют подчас "азиатами"), забвение разности традиций и культур, существующих у европейской и азиатской частей населения бывшего СССР стало своеобразной этнографической бомбой замедленного политического действия. Даже после распада Союза опасность геополитических сложностей осталась: срединная территория России имеет чрезвычайно пестрый национальный и религиозный состав. Поэтому проблемы взаимосвязи европейских и восточных элементов в культуре, укладе жизни, самосознании общества имеют колоссальное значение для России. Демографические, культурные и социальные особенности азиатских народов, живущих сегодня и внутри, и вне российских границ, осложняют интеграцию государства в единое целое. Вместе с тем, очевидна и невозможность изолированного существования российских народов в экономическом и в культурном планах в силу общей исторической судьбы, связей, огромного количества смешанных браков, наконец. Наличие этих болезненных проблем провоцирует политиков (и достаточно большую часть населения) на решение их путем создания сильного националистического русского государства, стремящегося к восстановлению статуса империи и апеллирующего к прошлому российской государственности. По сути, евразийская программа межнациональных связей со всеми присущими ей минусами и плюсами вполне укладывается именно в такое – имперское - русло.

Список использованных источников:

1. Достоевский Ф.М. Полн.собр.соч. в 30-ти томах, Л.: 1984.
2. Евразийство. Опыт систематического изложения. - Париж, Евразийское книгоиздательство: 1926.
3. Трубецкой Н.С. Европа и человечество. - София, Российско-болгарское книгоиздательство: 1920.
4. Федотов Г.П. Судьба и грехи России. Т.II. – СПб: 1991.
5. N.S.Trubetzkoy's Letters and Notes.- Mouton, Berlin-New York-Amsterdam: 1985.

КОММУНИКАТИВНО – АКСИОГЕННАЯ КАРТИНА СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЫ РОССИИ

В статье оценивается коммуникативно – аксиогенная картина современной культуры России и картина мира культуры в целом, с позиций, выдвигаемой автором, концепции аксиологической коммуникологии и информационно-аксиологического анализа системы социокультурных коммуникаций в информационно –коммуникационном пространстве культуры.

Ключевые слова: культура, социокультурные коммуникации, картина мира культуры, культурология, философия культуры, парадигма, аксиогенный, ценность, информационно – аксиологический анализ, коммуникология.

V. GRACHEV

COMMUNICATIVE - AKSIOGENIC PICTURE OF CONTEMPORARY CULTURE IN RUSSIA.

In the article observes communicative –aksiogennab picture of modern culture in Russia end the pattern of the modern world of the culture, from the positions of his conception of the axiological communicology and the information-axiological analysis of the system of social-cultural communications.

Key-words: culture, paradigm, the communication pattern, the axiological communicology, information-axiological analysis, social-cultural communications, the pattern of the modern world of the culture.

Сегодня довольно трудно сказать, что - либо новое о культуре Крыма или Причерноморья, пожалуй, кроме того, что она, во многом, была принесена в этот благодатный край, на «сандалиях» древних греков и других не менее древних народов, следовательно, это весьма древняя Культура, но вряд ли это будет большой новостью для кого – либо из «крымчан».

Хотя с позиции религиозного миропонимания, скажем город Кафа или ныне Феодосия – это в переводе с древнегреческого языка «богоданное» место, а не освоенная и *преобразованная людьми природа*, т. е. Культура (здесь и далее курсив мой - В.Г.). Как много порою значат Слова. И как удивительно точно и ясно, в нескольких строчках об этом сказал наш замечательный поэт – философ Ф.И. Тютчев: «Нам не дано предугадать,

Как Слово наше отзовется.

И нам Сочувствие даётся,

Как нам даётся Благодать».

Разумеется, как и всякая привнесенная, иноземная культура, была *инкорпорирована* в уже сложившуюся местную, а значит ещё более древнюю полиэтническую культуру народов, проживавших издревле на прекрасной земле Крыма в которую все и до сих пор стремятся. Впоследствии эта *инфильтрация* разных культур и, тем самым, *инкультурация* продолжались долгое время, вплоть до сегодняшних дней, обогащая её своей «цветущей сложностью», по словам известного русского философа, К.Н. Леонтьева и в тоже время изменяя её, но не всегда к лучшему, что несет с собой реальные трудности и для жизни, и для осмысления этой необычной Культуры Причерноморья.

Так, скажем Симферополь, к сожалению, находится довольно далеко от Черного моря или как назвали его древние греки - Понта Евксинского, но несомненно относится к этой

Культуре и даже стал столицей Крыма. Вот такие неожиданности порой нам преподносят слова и потаённые смыслы Бытия.

Наиболее повезло, конечно, художественной культуре Крыма, под которой чаще всего понимают искусство Крыма, хотя это совсем не одно и то же, благодаря довольно широкому притоку в эту благословенную, по самой своей природе, романтическую и порождающую поэзию, музыку, краски, особую *«страну»*, поэтов, музыкантов и художников всех «времен и народов». Не буду называть всем известные имена. Именно они, эти *творческие эгоцентристы* и народ, как *коллективный demiург*, живущий здесь всегда и породили те культурные ценности и анти – ценности, составляющие всю ту социокультурную аксиогенную, т.е. ценностнопорождающую систему, поэтично, называемую культурой Причерноморья.

Поскольку, я как культуролог занимаюсь более общими проблемами современной Культуры, то именно о некоторых теоретических и прикладных культурологических вопросах мне и хотелось бы поразмышлять.

1. КУЛЬТУРА КАК СЛОЖНАЯ СИНЕРГЕТИЧЕСКАЯ КОММУНИКАТИВНАЯ СИСТЕМА.

Прежде чем начинать Дело, - говорил Конфуций, - нужно договориться о Словах. Последуем этому мудрому совету и обратимся к основным понятиям, заявленным в заглавии имеющим отношение к означенной проблеме.

На III Российском культурологическом конгрессе с международным участием состоявшемся в Санкт – Петербурге в 2011 году было принято следующее новое *смыслопорождающее* положение: *Культура* – это не только то, что *создано* Человечеством, но и то, что *названо* или поименовано им, или вербализуемо, т.е. текст или акт культуры, или артефакты *не существуют* для людей в обществе пока не имеют *своего* имени или названия. Более того, как замечательно подметил, Рене Декарт, что Человечество не сделало бы и половины своих ошибок, если бы называло вещи правильными или своими именами. Правда, известный философ и просветитель не сказал, как определять эту правильность, а это и есть главная семантическая и культурологическая сложность.

История же — это всё, что случилось с Человечеством за время его существования, представленная в отобранных и отмеченных каждым поколением *фактах*. Дискуссия о происхождении, содержании, коннотации, уровнях, объемах, функционировании в разных сферах, назначении этих понятий не утихает и сегодня.

У каждой научной дискуссии, как известно, своя судьба, начало и завершение. Нечто подобное произошло и в отношении таких, теперь уже можно уверенно сказать, фундаментальных понятий или научных категорий: «культура», «ценности» или «axiōs», «система», «коммуникация». До сих пор ученые пытаются выводить эти понятия одно из другого, элиминировать, идентифицировать, дифференцировать, заменять близкими понятиями или вовсе избегать их использования, трактовать с позиций разных наук и видов деятельности.

Особенно непростая ситуация возникла в сфере культурологии и философии культуры. Попробуем разобраться в этом на базе, как современных, так и вчерашних представлений, суждений, научных теорий и концепций разных ученых, стоящих подчас на диаметрально противоположных позициях.

Несмотря на глубокий и тщательный, а подчас просто блестящий анализ, некоторые ученые, причем даже весьма крупные и авторитетные, приходят в оценке и соотношении названных понятий к странным и, на мой взгляд, не вполне корректным выводам.

Так, одни из них считают Культуру явлением, неким *феноменом* и соответственно пытаются её изучать и осмыслять с позиций феноменологии Э. Гуссерля, М. Шелера в лоне философии культуры, но это не *научный*, а именно *философский*, т. е. метафизический и метаэпистемологический взгляд на Культуру, который сегодня становится недостаточным, в силу его рационально – созерцательного и объяснительного характера для многомерного и

многоаспектного изучения Культуры как *сложной синергетической диффузионной системы*, коей она несомненно и является.

Поэтому современной наукой о культуре, т. е. *культурологией* развивается *системная исследовательская методология* в различных её наиболее продуктивных и перспективных версиях,

Культурология занимает всё более заметное место в корпусе гуманитарных наук, которое ранее делили сразу несколько наук: антропология, этнология, этнография, искусствоведение, история и, конечно, философия культуры. О соотношении культурологии и философии культуры и их особенностях и хотелось бы поразмышлять.

Этот вопрос для меня является жгуче важным и профессионально принципиальным. Тем более, в нем как изначально, при возникновении этих областей знания, не было ясности, так и до сих пор её не только нет, но всё больше наблюдается конфронтация и конкуренция в научном и эпистемологическом пространствах.

Мне представляется, что *Культура* — это то, что совершил или совершает Человек с Природой и собой, будучи её неотъемлемой частью. Мы разумные, а иногда и не очень, а подчас и просто легкомысленные, злобредные и даже беспощадные дети «Матери» Природы.

История же — это то, что произошло и происходит с Человеком и Человечеством в процессе его развития, т.е. Жизни. Тем самым они неразрывно близки. Примерно об этом пишет П. Вайль. На мой взгляд, П. Вайль, один из глубоких аналитиков и знатоков современной культуры, не вполне оцененный культурологией, в силу якобы несерьёзного, ироничного стиля изложения своих мыслей, т.е. не наукообразного, скучного, скрупулезного перечисления и анализа фактов. Он точно отметил - *закон истории* — это когда фактом становится то, что замечено, и описано. На мой взгляд, *законом культурологии* может стать *признание фактом или артефактом, объектом или текстом культуры не только того, что создано человечеством, но и того, что названо им*, а затем описано, изучено и включено в систему социокультурных коммуникаций. Иначе говоря, *История* — это то, случилось с человечеством, а *Культура* — это то, что создано и названо человечеством. *Культура*, говоря образно — это *прибежище прошлого, пристанище настоящего и колыбель будущего Человечества*.

Сегодня ведется много споров и научных, и ненаучных дискуссий о том, что есть *Культура*, *История* и как они связаны т.е., что первично, что вторично или может это вообще одно и то же. Причем, как это всегда бывает в близких по предмету и объекту исследованиях, научных и учебных дисциплинах в современном российском образовательном пространстве, о другом мы знаем понаслышке и попросту плохо, да и «своя рубашка» ближе к телу, границы их всё чаще смыкаются.

Эта исследовательская и образовательная чересполосица в культурологии и философии культуры ведет к серьёзным методологическим и, что весьма неприятно, к этическим проблемам, в силу пресловутого человеческого фактора, попросту человеческих свойств и отношений. Это чаще всего связано может быть даже с неким высокомерием философов, привычно полагающих, что они «соль земли», такая незаменимая и неприкасаемая научная элита, которой позволено всё, даже подчас заумь и бред, облакаемые в псевдонаучные формы.

Неопределенность своего научного и, что очень важно, социального статуса и неуверенность в нем, конечно мешало и мешает до сих пор, новой, но уже довольно мощной *научной когорты культурологов* растущей за счет рекрутирования маргиналов из других многочисленных научных сфер и ренегатства философов, нестойких или неудовлетворенных своим новым социальным положением, о котором им всё чаще даёт понять российское общество. Его «мудрое руководство не видит сегодня никакой реальной выгоды, а значит и пользы от науки вообще, тем более от ее гуманитарной сферы.

Ещё более непонятно, зачем им нужна кичливая и претенциозная современная философия с её заумью и сегодня насквозь идеалистической и прозападной ориентацией. Это значит не только не патриотичной, но и не материальнообразующей или, что еще проще,

несырьевой научной основы, как нефть и газ, приносящих пока «живые деньги», так страстно любимые нашими чиновниками всех мастей и рангов. Это они безобразно и бесстыдно дали понять нашим Академиям и всему научному сообществу, которое оно как всегда безропотно стерпело.

Недавно прошедший уже 4-й Российский культурологический конгресс по такой, казалось бы, злободневной, но малоизученной теме как «Личность в пространстве культуры», не только не добавил ясности в проблему идентификации культурологии, как самостоятельной науки о культуре во всех её проявлениях и реалиях. Более того, как мне кажется, этот научный форум только ещё больше затуманил и так не очень ясную картину мира культуры, причём не только российской, но, и так называемой западной культуры, о восточной и говорить не приходится, она либо просто игнорируется, либо о ней произносится нечто невнятное или бессмысленное и некомпетентное.

Мне представляется, что нельзя оценивать Культуру только с позиций её бытийности, т.е. онтологически. Вопрос о *культурогенезе* очень сложен и не решен сегодня культурологией. На мой взгляд культуролога, он вряд ли может быть решен *научно*. Нельзя же точно сказать, а главное, аргументированно и эмпирически доказать, в какой день, год и даже век появляется Культура. Единственно в чем сходятся, пожалуй, все исследователи, что Культура возникает вместе с Человеком и никак не раньше. Она - плод сознательной, креативной и творческой его деятельности, преобразующей Природу. Поэтому, есть Человек, - есть и Культура. И, следовательно, в обществе нельзя говорить о культуре и «бескультурие», т.е. это не научная позиция, а, к сожалению, общепринятая дилетантская «фигура речи». Культура с появлением Человечества *вечна и неустребима*.

И ещё, сегодня в культурологии и в философии культуры уже преодолен подход к Culture только как к *феномену*, т.е. явлению, чувственно – рационально осознаваемому и познаваемому человеком. Это весьма важно для понимания Culture, поскольку сегодня существует много непонимания и квазинаучной путаницы, высокомерного дилетантского апломба и пренебрежения к самой её Величеству Culture. Она может быть какой угодно: хорошей или плохой, сильной или слабой, низкой или высокой, массовой или элитарной, но единственно, что *она не может не быть* и в этом её онтологическая уникальность, ценность и предназначение. Современная наука рассматривает Culture с позиций системно – синергетической методологии. Вспомним выдающегося философа и культуролога М.С. Кагана, определившего Culture как сложную синергетическую диссипативную систему. Важно только подчеркнуть, что Culture — это не просто система, а, с позиции выявленной и исследуемой её коммуникативно – аксиогенной парадигмы, - *информационно – коммуникационная гиперсложная система*.

Сегодня культурологами стали называть ученых занятых самыми разными аспектами изучения культуры, о чем они раньше и не подозревали, занимаясь антропологией, этнографией, искусствоведением, художественной критикой, теорией и историей культуры, философией культуры и другими интересными делами, связанными с Человеком и с тем, что он «натворил» не только на Земле, а теперь и в Космосе. Поэтому сегодня к этой «новой», но по сути, «старой» научной когорте, с необыкновенной легкостью причислили философов Ф. Ницше, О. Шпенглера, Х. Ортегу – и – Гассета, иногда считая последнего, благодаря испанской составной фамилии, за двоих. Из «наших», Н.Я. Данилевского, Н.Н. Федорова, Н.А. Бердяева, М.М.Бахтина, Д.С. Лихачева, Ю.М. Лотмана, всех структуралистов и постструктуралистов «чохом» и много ещё кого из маститых, а теперь и любых начинающих исследователей, в опусах которых, хотя бы несколько раз упомянуто это, до сих никому до конца непонятное и непонятое это странное слово «Culture», именно так я отношусь к нему. Хотелось бы только заметить следующее: *философы* - это протагонисты и комментаторы *мира идей*, а *ученые*, коими, несомненно, являются и считают себя *культурологи*, – это исследователи и интерпретаторы *мира фактов* и процессов, происходящих в мире. Будучи не философом, а культурологом, я вполне согласен с тем, что философия, а значит и философы в России да, пожалуй, и во всем мире, переживают трудные

времена. Это и понятно. Мир, по – видимому, сочли они – познан и возникла радужная иллюзия, что коренные вопросы мироздания уже все поставлены и объяснены, точнее, обсуждены.

В философском дискурсе изначально главным всегда было и остаётся *осмысление, обсуждение, а не изучение и исследование* потребных для человечества вечных вопросов, которыми оно не уставало задаваться на протяжении всей истории своего существования таких как: «Что есть Жизнь? В чем Истина? И конечно – Что есть Человек? Quo Vadis? или Камо грядеши?» И других не менее вечных и неразрешимых вопросов. Этим философия, на мой взгляд, кардинально отличается и от науки, и от религии. От науки, тем что только, *ставит вечные вопросы мироздания, но не исследует их*, а старается обсудить, объяснить, интерпретировать, трактовать, а, следовательно, *не несет ответственности за результат*, поскольку философский дискурс - это *миропонимание, а не мироизменение*, о чем писал ещё К. Маркс и его соавторы, в том числе и наш М.А. Бакунин в их знаменитом «Манифесте Коммунистической Партии».

В религии же в отличие от философии никакими вопросами, даже вечными и задаваться нельзя, так как на все воля Божья и верить нужно истово и без сомнений. Тертуллиан, воскликнул: «Верую, ибо это абсурдно», т.е. не задумываясь, безрассудно, без рассуждений, вслепую, *бессознательно*, покорно и тем самым заслужил высокий пост в церковной иерархии католического христианства. Итак, *налицо завидное положение философии, парящей над наукой, но рядом с религией*. Это придавало уверенность и рождало высокомерие, а порой и невероятную спесь философов «всех времен и народов». Сегодня это царственное положение философии в российском обществе крепко пошатнулось, и философия вынуждена быть более прагматичной, чем теоретичной, а здесь она довольно слаба. Хотя американская философия с её прагматизмом стремится быть *«инструментальной»*. В частности, «неопрагматизм», Ричарда Рорти, правда, более эпатажный, чем полезный, дошедший до проекта некой «постметафизической» культуры, утверждающий, что это и есть начало «прагматической культуры», даже какого – то «принципиально нового сообщества», но это, что называется, их американские игры.

2.ИНФОРМАЦИОННО – АКСИОГЕННАЯ КАРТИНА МИРА КУЛЬТУРЫ С ПОЗИЦИЙ КОММУНИКАТИВНО – АКСИОГЕННОЙ ПАРАДИГМЫ.

Для исследования системы социокультурных коммуникаций в современном пространстве художественной культуры мною разработан и предложен *метод информационно-аксиологического анализа*, представляющий более основательные исследовательские и практические возможности для изучения тончайших механизмов и ценностных характеристик современной художественной культуры. Художественная культура избрана для анализа, как система социокультурных коммуникаций с наиболее четкими *аксиогенными* или ценностно порождающими характеристиками.

Под *социокультурными коммуникациями* мной понимается универсальная информационно-коммуникационная синергетическая система субъектного взаимодействия в социальном и художественном пространстве культуры, на основе коммуникативно-познавательных процессов обмена, хранения и трансляции культурных ценностей, в их духовном выражении и материальном воплощении, по различным коммуникационным каналам, в виде разнообразных текстов культуры, артефактов смыслов, ценностей, идеалов, эстетического опыта и иных результатов человеческой деятельности, а также информационных сообщений о них в современной сфере культуры. Определение социокультурной коммуникации через эффекты синергизма основывается на аксиогенной или ценностно-образующей природе социокультурной коммуникации, создании различных смыслов, имеющих ценностное содержание. Взаимодействие смыслов в системе социокультурных коммуникаций, на наш

взгляд, порождает именно синергетический эффект и формирование новых интегративных качеств, меняющих, в той или иной степени, состояние данной системы или даже саму систему. Это и позволяет отнести систему социокультурных коммуникаций к классу синергетических систем. Научные представления о культуре как особом синкретическом материально-духовном единстве человеческой деятельности создающей и сохраняющей смыслы, артефакты, ценности и идеалы человеческой жизни дают основание утверждать, что именно социокультурные коммуникации и являются основой этого культурного единства.

Культура и процессы человеческого взаимодействия коммуникативны по самой своей природе. Несомненную актуальность этой проблеме придаёт место и роль коммуникации в современной художественной культуре. Возникновение новых способов коммуникации обусловлено потребностями развития общества, новыми формами творчества и жизнедеятельности человека, создающимися на этой основе. Все это выступает причиной динамики содержания культуры, перехода к иной системе ценностей. Эти трансформации вызывают к жизни иные потребности в социальном и межличностном взаимодействии и тем самым влекут за собой формирование, развитие и смену способов, форм и содержательных аспектов коммуникации в современной культуре. Возникновение иных видов, жанров и форм искусства, появление интерактивной культуры, влияние информационно-коммуникационных технологий на искусство, оригинальные и непривычные формы представления художественных произведений и оценка взаимодействия с ними реципиентов искусства требуют новых методологических подходов к их изучению. Одним из феноменов художественной культуры можно назвать процесс постепенной замены традиционных средств взаимодействия в художественном пространстве на новые способы коммуникации. В этой ситуации обнаруживают свою недостаточность сложившиеся научные подходы к осмыслению новых феноменов художественной жизни.

Нами предложен междисциплинарный, многоаспектный, системный *информационно – аксиогенный научный подход* к исследованию феномена социокультурной коммуникации в художественной культуре как объекта культурологии на основе предлагаемого принципиально нового *информационно-аксиологического анализа* коммуникационных процессов и явлений в художественном пространстве современной российской культуры.

Крупнейший отечественный эстетик, философ культуры и несомненно ведущий культуролог М.С. Каган так определял интересующие нас понятия: «Художественное пространство и время характеризуют созданный в произведении искусства мир образов (курсив мой - В.Г.) и поэтому сами имеют образный характер». *Художественное пространство* характеризуется также специалистами, как, свойственная лишь произведению искусства, глубинная связь его содержательных частей, придающая произведению особое внутреннее единство и способствующее превращению его в эстетическое явление.

Мне думается, что это несколько ограниченное понимание подлинных масштабов и содержания художественного пространства. Понимание пространства в искусстве, кроме того, неразрывно связано с мировоззренческой системой соответствующей культуры, мироощущением и миропониманием эпохи и это вполне закономерно с идеологических позиций, но и этого недостаточно

На мой взгляд, *художественное пространство* включает в себя художественную среду, различных авторов или творцов, произведения искусства, корпус искусствоведов и критиков, систему социокультурных центров и коммуникаций, реципиентов или адресатов художественной культуры, а также непростые человеческие отношения внутри и вокруг Искусства. Это пространство сегодня становится практически единым, *глобальным информационно – эстетическим коммуникационным пространством*, несмотря на специфику отдельных стран и регионов. Этому немало способствует развитие информационных и коммуникационных технологий, которые активно реализуются в сфере современной художественной культуры и арт – рынка.

Лишь в отношениях людей между собой, во взаимодействии субъектов социально-коммуникативной деятельности и отношения их к предметам реальной действительности,

существующим в природе, культуре и обществе формируются культурные *ценности* и *анти-ценности* как основа *информационно – аксиогенной картины мира культуры*. Необходимо подчеркнуть тесную связь человека с миром природы и культуры, невозможность познания этих миров без этой связи, т. е. о всеобщем характере коммуникации, подчёркивая её креативную, аксиогенную функцию. Именно ценностный, созидательный характер коммуникации наиболее полно проявляется в социально-культурной сфере.

Культурные ценности уже сравнительно давно являются объектом многочисленных исследований в нашей стране и за рубежом. Активно изучаются философские и художественно-эстетические, экономические, этические их аспекты. В то же время, одним из мало изученных и недостаточно обоснованных методологически является важнейший *коммуникативный аспект культурных ценностей*, изменение *социально- коммуникативной деятельности* как основы трансляции культурных ценностей в социальном времени и пространстве. Именно с позиций разрабатываемой мной концепции *аксиологической коммуникологии культуры* попробуем взглянуть на *информационно – аксиогенную картину современного мира культуры*.

Считается, что термин «картина мира» был введен Л. Витгенштейном. Вряд ли возможно точно установить первенство в авторстве, да это и не моя задача. Важнее то, что Л.Витгенштейн показал, как человек осознает себя («существует для себя») потому, что вступает в сеть самых разнообразных связей с другими людьми. Он обозначил такую коммуникативную сеть как определенную *картину мира*.

Разработка понятия «картина мира» ещё ранее была осуществлена М. Вебером, поясняющим, что «не интересы (материальные и идеальные), не *идеи* — непосредственно господствуют над поведением человека, но «картины мира», создаваемые «идеями». М. Вебер выделил *три способа* отношения к «миру», заключающие в себе соответствующую установку, предопределяющую направленность жизнедеятельности людей. Первый из них определяется как *приспособление к миру*, второй — как *бегство от мира*, третий — как *овладение миром*.

Картина мира по М. Хайдеггеру означает «не картину, изображающую мир, а мир, понятый в смысле такой картины». В ней оказываются взаимосвязаны *культурное и природное*, ярким примером этой взаимосвязи является культура Крыма как коммуникативно – аксиогенное социокультурное Единство, сознательно и бессознательно, рационально и эмоционально, индивидуальное и социально многомерно воспринимаемое и оцениваемое данным полиэтническим социумом.

У каждого народа, этноса, социальной группы и индивида складывается собственная картина мира, сквозь призму которой и воспринимается реальный мир. Ценности и анти-ценности при этом оказываются необходимым условием и одновременно результатом формирования *информационно – аксиогенной картины современного мира культуры*. Картина мира культуры может складываться из научного (парадигмального) и вненаучного (мифологического, религиозного, и художественного) знания. В картине мира культуры может быть не одна, а одновременно несколько *научных парадигм*.

В культуре каждый её феномен приобретает ценностную составляющую не сам по себе, а во взаимосвязи или коммуникации с другими явлениями, в рамках определенной картины мира, поэтому ценности представляют собой необходимую *коммуникативно – аксиогенную основу*, условие и в то же время результат формирования картины мира культуры.

До недавнего времени науки о коммуникации, хотя и касались частично ценностных проблем коммуникации, но всё же недостаточно коммуникационных процессов и явлений в сфере культуры. Для исследования системы социокультурных коммуникаций в художественном мире культуры используются самые современные методы основанные на достижениях науки о культуре, т.е. культурологии. Мной разработана и предлагается концепция *аксиологической коммуникологии культуры*, основу которой и составляет

коммуникативно - аксиогенная парадигма формирования картины мира культуры современной России и вернувшегося в «родную гавань» Крыма с его удивительной многообразной и уникальной культурой.

Список использованных источников:

1. Вебер М. Избранные произведения. - М.: Прогресс, 1990. – 808 с.
2. Винер Н. Кибернетика, или управление и связь в животном и машине. М. Наука, 1968-340 с.
3. Витгенштейн Л. Философские исследования. – М.: Гнозис, 1994. – 452 с.
4. Грачев В.И. Коммуникации-Ценности-Культура (опыт информационно-аксиологического анализа). Монография. - СПб. Астерион, 2006. - 248 с.
5. Гройс Б. Комментарии к искусству. М.: «Художественный журнал», 2003. – 342с.
6. Каган М.С. Философия культуры. СПб.: ТОО ТК «Петрополис», 1996. – 416с.
7. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. – СПб: Алетейя, 1998. -160с.
8. Лотман Ю.М. Культура и взрыв. М., 1992. - 24 с.
9. Луман Н. Понятие общества // Проблемы теоретической социологии. СПб., 1994. - №6. – С. 42-51.
10. Мерло – Понти М. Феноменология восприятия. СПб.: Алетейя, 1998. – 368 с.
11. Моль А. Социодинамика культуры. - М.: Прогресс, 1973. - 406 с.
12. Орлова Э.А. Введение в социальную и культурную антропологию. - М.: Изд-во МГИК, 1994. – 236 с.
13. Ортега-и-Гассет Х. «Дегуманизация искусства» и другие работы. Эссе о литературе и искусстве. - М.: Радуга, 1991. - 639 с.
14. Руднев В.П. Словарь культуры XX века. - М.: Аграф, 1997. - 384 с.
15. Сепир Э. Избранные произведения по языкознанию. - М.: Прогресс, 1993. – 665 с.
16. Соколов А.В. Введение в теорию социальной коммуникации. – СПб.: СПбГУП, 2032. 204 с
17. Соколов А.В. Феномен социально-культурной деятельности. - СПб.: СПбГУП, 2003. - 204 с.
18. Соколов А.В. Философия информации: профессионально - мировоззренческое учебное пособие. -СПб.:СПбГУКИ,2010.-368 с.
19. Соколов Э. В. Понятие, сущность и основные функции культуры. - Л.: ЛГИК, 1989. – 92 с.
1. Хайдеггер М. Время и бытие. М.: Республика, 1993. - 447с.

УДК 930.1

МАСАЕВ М. В.

**ФИЛОСОФИЯ ПОЛИТИКИ Н. МАКИАВЕЛЛИ В КОНТЕКСТЕ ПРОБЛЕМ
СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА (СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ)**

«Страстное желание обратиться к Макиавелли у меня появилось давно. - подчеркивал известный исследователь-макиавелливед Федор Михайлович Бурлацкий. - Как-то я встретился с одним из секретарей Сталина. И он рассказал мне, что Сталин нередко запрашивал томик трудов Макиавелли, изданный у нас в 1934 году. Судьба этого издания сама по себе любопытна. В старой России было запрещено публиковать Макиавелли как наставника тиранов. И вот впервые было начато издание его сочинений. Начато и тут же остановлено по указанию того же Сталина. Вышел в свет только первый том. Причиной запрета следующих томов послужил тот факт, что инициатором всего издания был Лев Каменев. Ему же принадлежала и вступительная статья к первому тому. Впоследствии, во

время процесса против «правотроцкистского блока», А. Вышинский, выступавший в качестве государственного обвинителя, заклеил Каменева как макиавеллиста.

Но вот любопытная деталь. Запрашивая книгу Макиавелли из библиотеки, Сталин неизменно возвращал её обратно. Видимо, этот человек, который не стыдился чудовищных казней, осуществляемых по его приказу, чувствовал какую-то неловкость от того, что его соратники могут увидеть в его кабинете на книжной полке или на столе томик Макиавелли. Перечитывая «Государя», я действительно убеждался, что Стали нередко следовал наставлениям флорентийца» [1, с. 11-12].

Впрочем, философия политики Н. Макиавелли интересна не только этим практическим фактом из сферы науки истории. Дело в том, что великий флорентиец по праву должен считаться революционером политической науки по аналогии, например, с Карлом Марксом как революционером науки экономической или другими знаковыми личностями в истории науки, которые, выражаясь языком Томаса Куна [2], задавали парадигму развития научным исследованиям, и которые, без сомнения, должны быть причислены к феномену парадигмальных образов и символов эпох, цивилизаций и народов в свете постижения аналогичной концепции [3-7]. Вот почему поставленная проблема безусловно **актуальна**, злободневна и имеет не только научно-теоретическое, но и практическое значение, а применение в данном контексте вышеупомянутой концепции свидетельствует и о **новизне** работы.

Цель настоящего исследования - социально-философский анализ некоторых моментов философии политики Н. Макиавелли в контексте проблем современного общества.

Достаточно интересно с одной стороны и жизненно необходимо с другой обратиться к политической картине эпохи великого Макиавелли.

«Мы мало обращаем внимания на политическую картину эпохи Возрождения. Кто из нас сейчас вспоминает о бесчисленных малых и больших кровопролитиях, кознях, интригах, клятвопреступлениях, кровосмешениях, убийствах, которыми щедро изобиловала эпоха? Иное дело Макиавелли: он все прочувствовал, все запомнил, все записал - для будущих времен. Он нас не обманет. Ничего не приукрасит, расскажет все так, как было на самом деле. И если Микеланджело изображал лицо эпохи Возрождения, то Макиавелли предстояло описать ее изнанку.

Особенно глубоко и остро в душе Никколо отразились картины политической жизни Флоренции и Италии того времени. Не случайно в конце своей жизни в книге «История Флоренции» он со всей страстью своей души обратился к описанию политических событий родного города.

Флоренция в ту пору представляла собой одно из пяти самостоятельных государств Италии, расколотой на множество тираний и городских республик. В эту пятерку вместе с Флоренцией входили Милан, где господствовали тираны Сфорца, Папская область, Неаполитанское королевство и вечная соперница и подруга Флоренции - Венеция, где властвовала торговая и политическая аристократия.

Сама Флоренция, включавшая не только город, но и некоторые другие малые города и сельские территории, переживала в конце XV века бурный период смены власти и политических институтов. Пять крупнейших государств Италии, как и другие провинции страны, жили в атмосфере постоянного соперничества, вражды, вызываемой алчными устремлениями правителей, воинов, торговцев. В условиях неустойчивости границ каждое государство использовало любой благоприятный случай, чтобы поживиться за счет территориальных захватов у своих соседей.

Папский Рим не только не противодействовал, но всячески стимулировал эти междоусобицы, стремясь укрепить, расширить свою собственную светскую власть, усилить свою роль как общеитальянского арбитра. А это было возможно только при сохранении раздробленной Италии.

Разобщенность страны оказалась особенно опасной перед лицом мощной централизованной власти, возникшей во Франции, Испании. Именно эти страны стали

основными соперниками в борьбе за создание своего общенационального государства на базе итальянских герцогств и республик.

Во времена молодости Макиавелли начались итальянские войны, они продолжались с 1494 по 1559 год. Французский король Карл VIII вторгся в 1494 году в Италию. Его преемник Людовик XII, испанский король Карл IV, германский император Максимилиан - все они разрывали на части беспомощное тело преемницы великого Рима.

Армии французов и испанцев, нередко призываемые на помощь теми или иными властителями итальянских городов, опустошали страну, превращая всю Италию в арену столкновения своих интересов. В свою очередь, итальянские правители ловко маневрировали между более могучими противниками, вступая во временные альянсы то с Францией, то с Испанией, то с германским императором, натравливали их друг на друга.

Времена Макиавелли - это период упадка политического значения не только его родного города, но и всех итальянских княжеств, герцогств и республик» [1, с. 56-58].

И, тем не менее, можно согласиться с мнением о том, что «главная черта духовного облика Макиавелли может быть передана формулой - *политический мыслитель*» [1, с. 414].

Действительно, «попытки создания законченных систем взглядов, особенно в ту эпоху, когда человеческая мысль только выпутывалась из пеленок средневековой схоластики и религиозной догматики, сами оборачивались узостью и схематизмом. Макиавелли интересен как раз необычайной живостью и подвижностью ума, жаждущего схватить живой опыт живой души.

Гибкость ума, необычайная даже для итальянца эпохи Возрождения, более всего сказалась как раз при подходе Макиавелли к вопросу о целях и средствах в политике - это одна из коренных проблем, где сходятся едва ли не все основные теоретические и практические вопросы политической жизни. Здесь заложена и нравственная оценка планов и результатов политической деятельности, и критерий ее эффективности. Даже сейчас, когда политическая наука проделала огромный путь в своем развитии и не только накопила обильнейшую информацию, но и владеет достаточно глубоко разработанной теорией, проблема цели и средства остается едва ли не одной из самых сложных. Во всяком случае, она должна быть отнесена к числу основных проблем и не случайно занимает важнейшее место в системном анализе управления.

Макиавелли впервые в истории политической мысли заострил внимание на этой проблеме и всесторонне и многообразно исследовал ее на обильнейшем историческом материале. Не будучи преувеличением сказать, что это главное, чем он интересуется и в «Государе» и в «Рассуждениях». И дело не только в том, что Макиавелли умел правильно намечать цели в соответствии с созревшими историческими обстоятельствами. И не в том, чтобы избираемые средства соответствовали этим обстоятельствам. Дело еще и в том, что Макиавелли осмысливает весь политический процесс под углом зрения целей и средств. Для него представляется принципиальной позиция ученого или советника, который мыслит не за себя, а за других - за государя, за народ, за аристократию, за флорентийцев, за венецианцев, за французов и проверяет на этом оселке цель - средства - эффективность действий.

Если государь хочет держать народ в повиновении, он должен выбрать такие-то средства. Если народ хочет свергнуть тиранию, то ему лучше употребить такие-то методы. Если правителя больше всего занимают завоевания, тогда пригодны такие-то способы обращения с народом и войском. Если, напротив, он сосредоточен на обеспечении безопасности и обороны, тогда ему следует употребить такие-то средства. Государь, желающий раскрыть заговор, должен действовать так-то. Заговорщики, желающие расправиться с государем, должны действовать так-то. Иными словами, все зависит от того, кто и какие цели ставит, а Макиавелли тут как тут со своим советом: этим целям отвечают именно такие-то средства. Такая манера, которая поначалу может показаться беспринципной, на самом деле в конкретных условиях того времени, когда Макиавелли выступил со своими трудами, означала привнесение элемента научного знания в

политическую жизнь. Впрочем, сам Макиавелли сказал бы об этом иначе, он назвал бы это искусством, а не наукой.

«Все люди стремятся к одинаковой цели - к славе и богатству, но не все для достижения их действуют одинаково; одни поступают при этом осмотрительно, другие действуют смелостью; одни прибегают к насилию, другие к хитрости; одни терпеливы, другие решительны, но, несмотря на противоположность образа действий и тех и других, они одинаково могут иметь успех; от чего же может зависеть подобное противоречие, как не от того, что оба эти образа действий могут соответствовать данной минуте? От этого-то различный образ действий может иметь одинаковый результат, а одинаковый - различные последствия. От этого то, что хорошо в одно время, может быть дурно в другое».

В соответствии с историческими обстоятельствами необходимо избирать и цели, и средства для их достижения. В одних случаях нужна жестокость, в других - снисходительность, в одних - насилие, в других - мягкость. И сама цель должна определяться только на основе исторических обстоятельств. ... Макиавелли предостерегает против выдвижения цели установления республики в развращенном обществе или против выдвижения цели установления монархии в среде народа, готового бороться за свою свободу до конца. Он пишет о целесообразно направленной жестокости как раз в зависимости от того, помогает она или мешает добиться определенных целей. Он упрекает одних политических деятелей за то, что они слишком злоупотребляли методом насилия, например Агафокла, а других, например Савонаролу и Содерини, напротив, за чрезмерную мягкость. Вся книга «Государь» и в особенности максимы, характеризующие поведение государя, могут быть правильно поняты, если мы посчитаемся с позицией автора, толкующего проблему власти не с точки зрения морали или каких-то идеалов и принципов, а с точки зрения правильного соотношения целей и средств в политике.

Значит ли это, что Макиавелли был как раз тем, каким его изобразили его враги? А именно - макиавеллистом? Что именно из этого источника черпали иезуиты свой пресловутый лозунг «цель оправдывает средства», что именно сюда стекаются все мутные потоки политической и военной деятельности, прикрывающие самые гнусные жестокости ссылками на величие целей? Что гибкость его ума скатывается к хитроумию, разнообразие тактики в борьбе за великие цели формирует самые цели, принципиальность уступает место оппортунизму?

Скажем сразу свое мнение: мы так не думаем, хотя повод для подобного истолкования Макиавелли все же дал. Мы имеем в виду «Государя», где отвлечение автора от нравственной позиции и рассмотрение проблем лишь под углом зрения целесообразности и эффективности властвования переходит за границы дозволенного.

Но достигнута ли цель, вот в чем вопрос! И этот вопрос сам по себе не находит достаточно глубокого ответа у Макиавелли. Справедливо настаивая на том, что цели определяют выбор средств, он не вполне и не всегда отдавал себе отчет, что вопрос часто стоит перед обратной связью - сами средства способны деформировать цель, так что результат будет отличаться от ожидаемого или даже противоположным. Мы позволим себе сказать так: если Макиавелли и находится на грани с макиавеллизмом, так это больше всего тогда, когда он применяет открытый им закон соотношения целей и средств в политике. Добрыми намерениями вымощена дорога в ад, говорит Данте. Нельзя сказать, что эта гениальная мысль поэта прошла мимо ушей Макиавелли, но все же он часто оставался к ней глух. И надо пробираться через ужасающие жестокие советы государю, чтобы дойти наконец до последней главы, характеризующей цель политического объединения Италии, способную оправдать любые средства в глазах Макиавелли. Средства склонны превращаться в самоцель: этой мысли мы, пожалуй, не найдем ни в одной из работ великого флорентийца.

Макиавелли, кроме того, не разграничивает еще субъективные и объективные цели в политике и поэтому нередко смешивает мотивы тех или иных деятелей и цели политических движений, в которых они участвуют.

Для нас не так важно, что говорил или декларировал Цезарь Борджа, оправдывая свои завоевательные походы. Куда важнее тот факт, что его деятельность целиком укладывается в обычные рамки борьбы за власть и влияние на мелких правителей и даже объективно не выражает тенденцию к всеитальянскому единству.

Беда Макиавелли и в другом. Следуя древним, он пытался вывести некие вечные законы политической жизни, не зависящие от исторических обстоятельств и социальных сдвигов. Наблюдения за практическим опытом государств современной ему эпохи и анализ исторического прошлого привели его к безусловно правильному выводу о том, что политика и мораль на практике несовместимы. Но отсюда не следует вывод, что так будет происходить во все времена и поэтому единственным критерием для суждения о политике является соответствие целей и употребляемых для их осуществления средств, что целесообразная жестокость оправданна.

XX век подтвердил и оправдал представление Макиавелли о власти, о безнравственности политики, о неизбежности государственной жестокости и государственного насилия. Наш век стал примечательным по жестокости тиранической власти.

И если главный урок Макиавелли как мыслителя состоит в бесплодности попыток выводить вечные и неизменные законы политической жизни, то главный урок Макиавелли как личности - в безнравственности попыток отрешиться от собственных идеалов и судить от имени тиранов, чьи интересы были ему чужды.

Все это так. Но в чем же все-таки секрет неповторимого своеобразия рассуждений Макиавелли, воплотившихся в равной мере в «Государе», «Рассуждениях», в других его трудах?

Секрет не в морализующей критике власти и властей предрежащих. Такая критика не содержала элемента новизны, она прекрасно исполнена его предшественниками и современниками. Напомним хотя бы страстные и глубокие слова Томаса Мора, изобличителя государства - Левиафана: «При неоднократном и внимательном созерцании всех процветающих ныне государств я могу клятвенно утверждать, что они представляются не чем иным, как неким заговором богачей, ратующих под именем и вывеской государства о своих личных выгодах.

... Да провалиться мне, если я найду у них какой-нибудь след справедливости и беспристрастия!.. Какая же это будет справедливость, если все эти люди совершенно ничего не делают, или дело их такого рода, что не очень нужно государству, а жизнь их протекает среди блеска и роскоши, проводят они её в праздности и бесполезных занятиях... с другой стороны...людей угнетает в настоящем бесплодный, безвыгодный труд и убивает мысль о нищенской старости».

Секрет Макиавелли не в провозглашении какого-то позитивного идеала, будь то республика или абсолютная монархия, способная объединить Италию. В этом смысле (и только в этом смысле!) прав В. И. Рутенбург - один из самых эрудированных и глубоких исследователей эпохи итальянского Возрождения и наследия Макиавелли, когда он пишет, что мечта о единой Италии не нашла у Макиавелли конструктивного оформления [8, с. 369].

Нельзя также отдать предпочтение модели конфедерации регионально-абсолютистских государств, которую в годы Макиавелли предполагали Франческо Гвиччардини и Донато Джанотти, а несколько позднее близко к ней подходил также Паоло Парута. Гвиччардини представлял конфедерацию как тип государственного устройства Италии. Джанотти в «Рассуждении об итальянских делах» предлагал создать лигу итальянских государей, которая могла бы преодолеть политическое преобладание в Италии чужеземных держав.

Простейшее соображение, которое, кстати, восходит к самому Макиавелли, говорит против этих выводов - это практический опыт. Разве модель конфедерации Италии, предложенная Гвиччардини, или модель лиги итальянских государств, предложенная Джанотти, были воплощены в жизнь Италии в ту эпоху или в новое время? Нет, ни в

малейшей степени. Стало быть, они в такой же мере остались теоретическими моделями, как идея Макиавелли о Великом Освободителе и объединителе страны» [1, с. 414-421].

Таким образом, напрашивается **вывод** о том, что сложившиеся стереотипы о символической личности революционера в политической науке Николо Макиавелли, стереотипы, выставляющие его в худшем свете, требуют, мягко говоря, существенной коррекции. Поэтому перспектива подобных исследований и в политической науке, и в философии политики и власти, достаточно благоприятна.

Список использованных источников:

1. Бурлацкий Ф. М. Никколо Макиавелли. Советник государя / Ф. М. Бурлацкий. - М.: ЭКСМО-Пресс, 2002. - 448 с.
2. Кун Томас. Структура научных революций / Томас Кун. - М.: Наука, 1984. - 335 с.
3. Масаев М. В. *Curriculum vitae* парадигмальных образов и символов эпох и цивилизаций. Монография / М. В. Масаев. – Симферополь: ДОЛЯ, 2011. – 512 с.
4. Масаев М. В. Философия истории. Учебно-методическое пособие. / Министерство образования и науки Украины. Министерство образования и науки Автономной республики Крым. Республиканское высшее учебное заведение «Крымский гуманитарный университет» / М. В. Масаев. – Симферополь: Доля, 2008. – 304 с.
5. Масаев М. В. Парадигмальные образы как символы эпох // Культура народов Причерноморья. – 2000. – № 14. – С. 132-136.
6. Масаев М. В. Научная парадигма и интервальный метод: соотношение. Понятие парадигмального образа в философии истории // Культура народов Причерноморья. – 2001. – № 21. – С. 210-221.
7. Масаев М. В. Формирование парадигмального образа инновационной модели образования: трудности и пути решения // Розвиток міжнародного співробітництва в галузі освіти у контексті Болонського процесу. Матеріали міжнародної науково-практичної конференції, Ялта, 15-16 березня 2006 року. – Ялта: РВУЗ КГУ, 2006. – 244 с. – С. 85-88.
8. Рутенбург В. И. Жизнь и творчество Макиавелли. Н. Макиавелли. История Флоренции / В. И. Рутенбург - Л., 1973. - 375 с.
УДК 101.8

МИРОШНИКОВ О. А.

НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКИЙ ПРОГРЕСС И ЕГО ДВОЙСТВЕННЫЙ ХАРАКТЕР (ПО М. ХАЙДЕГГЕРУ)

АННОТАЦИЯ

В статье рассматриваются теоретические основы философии техники. Для этого проведен анализ посвященных осмыслению техники работ М. Хайдеггера. В итоге удается установить связь введенного Хайдеггером термина «постав» с забвением бытия, а также характер предлагаемого немецким мыслителем пути вопрошания.

Ключевые слова: философия техники, забвение бытия, укрывающаяся несокрытость, постав, вопрошание.

Наше общество базируется на использовании современной техники. Техника эта развивается стремительными темпами. Проблема технического прогресса является одной из важных сторон современного общества. Решая в процессе своего становления целый ряд стоящих перед обществом задач, технический прогресс, в свою очередь, порождает новые

проблемы, сущность которых большинством ныне живущих не осознается. Проблема прогресса в наше время – это, прежде всего, проблема, восходящая к технике.

Как и о чем вопрошать технику, чтобы отыскать путь решения данной проблемы, – вопрос, который могла бы прояснить философия техники. Однако этой дисциплине как у нас, так и за рубежом, не уделяется достаточно внимания. Из переведенных на русский язык работ западных авторов можно указать, пожалуй, лишь «Философию техники» М. Митчема. В России проблемам философии техники посвящены некоторые работы Т. Быстровой.

Цель статьи: опираясь на работы М. Хайдеггера, определить философские основания технического прогресса и причины его двойственного характера.

Техника может быть определена как «неорганическое тело» человека.

«Трудовая гипотеза» (наиболее распространенная) склонна рассматривать технику как материальный субстрат общественных отношений. Таким образом, техника, являясь материальной, первична.

Не таков взгляд Хайдеггера на происхождение техники и на ее роль в современном обществе. Немецкий мыслитель исходит при этом из категории «бытие», которая первична и по отношению к категории «материя», и по отношению к категории «сознание». Для него вначале было слово и вопрошание. Из слова и вопрошания возникает логика. Без логики и данных ее первооснов «не было бы также самолетов, турбин и комиссии по атомной энергии... Не было бы также ни христианского учения о троичности и ни теологического истолкования понятия второй личности в божестве... Не было бы и эпохи Просвещения... Не было бы диалектического материализма» [5, с. 241]. Вообще мир в целом выглядел бы совершенно иначе. Не материальное, а бытийное начало кладет Хайдеггер в основу технического прогресса. А поскольку бытие не ограничивается материальным миром, немецкий мыслитель, говоря о технике и ее прогрессе, имеет в виду не только то, что связывают с техникой материалисты. И, наряду с материальным прогрессом, он рассматривает и прогресс в духовной сфере, в частности, в философии и даже в религии. С последним утверждением могут согласиться не все.

Нам, кстати, уже приходилось в некоторых своих работах упоминать о философских основаниях христианства. Последнее является плодом Востока, но Востока эллинизированного, эллинистического. Нечего и говорить, что Восток не мог принять греческую религию (у него были свои религиозные формы). Иначе обстоит дело с греческой философией. Восток, имевший собственную диалектику, но не выработавший собственной логики, воспринял привнесенную греками логику по-своему. Логике на эллинистическом Востоке пришлось уживаться с диалектикой. Причем с диалектикой восточного происхождения. В результате возник весьма своеобразный синтез. И потому в парадоксальности многих высказываний Христа и апостолов можно усмотреть, с достаточным основанием, проявления своего рода диалектической логики – задолго до Гегеля. Не случайно немецкий диалектик верил, что ему удалось отразить в своей философии самый дух христианства [2, с. 184].

Человек, будучи изначально природным существом, обладает способностью слышать то, что М. Хайдеггер определяет как «зов бытия». Приобретая социальные характеристики, человек тем самым опосредует для себя понимание бытия: оно происходит искаженно. Это искажение немецкий философ характеризует как «забвение бытия» [3, с. 111]. Техника, поскольку ее человек создает, а не находит существующей в природе, связывается именно с забвением, а не с зовом бытия.

Х. Г. Гадамер, который во многих своих работах выступает с разъяснением хайдеггеровских идей, передает его мысль об отрицательной роли техники так. В наше время техника (равно как и наука), «сокрушая все на своем пути, стала причиной утраты вещей, ни к чему не принуждаемое само-стояние которых она разложила на факторы, позволяющие исчислять, проектировать и изменять такое их само-стояние...» [1, с. 125]. И потому понимание бытия с необходимостью включает в себя тенденцию к его искажению.

Человек не понимает техники, которой ему приходится пользоваться: она открыта для человека, поскольку он пользуется, но закрыта, поскольку он не в силах понять. «Укрывающаяся несокрытость» остается неприметной и неприглядной для такого мира, которому задают меру всех вещей астронавтика и атомная физика [6, с. 291 – 292].

В современной технике, полагает Хайдеггер, сущее является в качестве поставы. Постав, однако, это не сама техника, а как бы «изнанка» ее. Опасность состоит в том, что человек может понять все сущее (включая и себя самого) лишь как материал для ориентированного на успех производства и потребления.

В наше время познание также есть производство. Процесс добычи природной энергии является производством в двояком смысле. Оно «про-изводит», т.е.извлекает (из почвы, сырья и т.п.) и «пред-оставляет», т.е.оставляет про запас. Река Рейн изначально не предназначена для поставки электроэнергии. Но вот мы ставим на Рейне гидроэлектростанцию. «Гидроэлектростанция не встроена в реку так, как встроены старый деревянный мост, веками связывающий один берег с другим. Скорее река встроена в гидроэлектростанцию. Рейн есть то, что он теперь есть в качестве реки, а именно поставитель гидравлического напора, благодаря существованию гидроэлектростанции» [7, с. 227]. Это, полагает Хайдеггер, чудовищно. Ведь невозможно сопоставить Рейн, встроены в электростанцию, и овеянный легендами Рейн, о котором пишет в одноименной поэме Гельдерлин.

Крестьянский труд – не эксплуатация поля. Посеяв зерно, крестьянин вверяет семена их собственным силам роста. Однако в наше время сама природа ставится на службу иначе устроенному земледелию. Земледелие становится добычей, а полеводство становится механизированной отраслью пищевой промышленности.

Вместе с тем, техника атакует человека и в социальной сфере. Со времен Аристотеля на человека научились смотреть как на общественное существо. Однако мы живем уже не в том обществе, которое позволило греческому мыслителю определять человека подобным образом. Нынешнее общество является индустриальным. А это означает, что и человека следует рассматривать как индустриальное существо [6, с. 287].

По мере того, как разворачивается технический прогресс, человек все большую часть собственно человеческой деятельности («заботы»), а вместе с тем и все большую часть своего господства над миром, перекладывает на технику.

Техникой же управляет, по мнению Хайдеггера, не человек, а некое таинственное начало, порождающее ее. Существо техники двусмысленно в высоком значении этого слова. Для Хайдеггера это означает, что не следует отказывать технике в ее праве на решение созданных ею же проблем. Двусмысленность существа техники находит свое проявление в безудержности «поставляющего производства» (что определяет вводимый Хайдеггером для существа техники термин – «постав») с одной стороны, и в сдержанности производства «спасительного». «Но эта возможность разминуться скрывает их потаенную близость» [7, с. 237]. Где опасность, там «светится» и путь к спасению. Постав дает человеку возможность пока еще неосознанного, но в будущем все более сознательного проникновения в существо истины. Именно в перспективе этого последнего Хайдеггер усматривает спасительный путь. Самые большие возможности, которые дает современная техника, не осмыслены в их «бытийном расположении», в отношении того места, какое они должны занимать в жизни Земли, и той цели, которой они должны служить [4, с. 190].

Говоря иначе, пользование техникой без осознания ее сущности способно поставлять человеку лишь элементы технического, постепенно вытесняющие и заменяющие элементы человеческого. Суть же заключается не в том, чтобы ждать, когда техника скажет свое решающее слово. Вопрошание техники человеком способно открыть путь для той стороны производства, которую немецкий мыслитель характеризует как спасительную. Эта сторона производства определяет и характер вопрошания. Оно должно осуществляться не с позиций позитивизма, равно как и не с позиций прагматизма, но с позиций философской герменевтики.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Гадамер Х. Г. Пути Хайдеггера: исследования позднего творчества. – Мн.: ПроPILEI, 2007. – 240 с.
2. Мирошников О. А. Элементы диалектики в идеях раннего христианства / Вестник Сев НТУ. – Вып. 126. – С. 183 – 189.
3. Ставцев С. Н. Введение в философию Хайдеггера. – СПб.: Лань, 2000. – 192 с.
4. Хайдеггер М. Время и бытие. – М.: Республика, 1993. – 447 с.
5. Хайдеггер М. Что зовется мышлением? - М.: Академический Проект, 2007. - 351 с.
6. Хайдеггер М. Работы и размышления разных лет. – М.: Гнозис, 1993. – 464 с.
7. Хайдеггер М. Разговор на проселочной дороге. – М.: Высшая школа, 1991. – 192 с.

МИХАЙЛОВ В. В.

УДК 165.1

СИНТЕТИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ ПОЗНАНИЯ

Summary

Article is devoted to the solution of an actual problem of synthesis scientific, partially scientific (philosophy, esoterics) and unscientific forms of knowledge (in religion, mythology, art, fiction, ordinary experience) in the uniform consistent whole. Only such synthesis, according to the author, can give the greatest possible and available completeness of knowledge of any subject and the phenomenon. Synthetic gnoseology (but not an epistemologiya) is most adequate to a current state uniform in variety, to multipolar and global society.

Ноосфера – это сфера разума и этому разуму, а не глупости должны соответствовать все проявления культуры, в том числе образование, наука и их философско-методологическая база. Разуму, в отличие от рассудка, свойственно синтезировать, соединять, а не разъединять и анализировать, чем занят рассудок. Поэтому теория познания в ноосферной цивилизации должна на взгляд автора, строиться на основе синтеза, а не анализа.

Теория и практика познания должны быть адекватны социокультурному состоянию сегодняшнего мира: его ацентризму, плюрализму, мультикультурализму. Поэтому *современная теория познания должна соответствовать современному состоянию и фазе развития человечества*, и не базироваться на монистическом шовинизме одной формы познания мира (науки или религии, как это было принято в Европе), сосуществующей с непродуктивно-конфликтным взаимодействием разных форм познания мира (борьба науки и религии). К сожалению, европейская философия вообще и философия науки, в частности, начиная с эпохи Модерна, развивалась в диаметрально противоположной парадигме, основанной на принципах разделения, дискретности и конфликтного взаимодействия разных форм познания мира: науки, религии, философии, искусства, эзотерики, мифологии, обыденного знания (У. Оккам, Ф. Бэкон, Р. Декарт, Гегель, К. Маркс, аналитическая философия). Такой подход к теории познания был обусловлен искажением принципа бескорыстного поиска объективной истины принципом «воли к власти», стремящимся разделять и стравливать управляемые объекты. Замалчивается, что важнейшим признаком (и пороком) античного философского мышления был его *рабовладельческий характер*, который стал возрождаться с эпохи Ренессанса. Подобный характер мышления, на мой взгляд, предопределил основные пороки западной науки и философии: её аналитизм, ограниченность, нацеленность не на полную истину, а на частичное гипотетическое знание, приносящее пользу в господстве над природой и обществом, деструктивную конфликтность и конкурентность, авторитарность, продажность, избыточную социальную

ангажированность, неэтичность, ограничительный скептицизм. Современная наука является западной наукой и потому цивилизационно, социокультурно ограничена и обусловлена. Каков же выход из этого тупика? Во-первых, отказаться от наивной веры в абсолютность научного знания, скорее высшее знание содержится в эзотерике, философии, даже мифологии и искусстве. Во-вторых, создавать новую теорию познания, основанную на нижеследующих принципах. Автор полагает, что существующие научные и философские системы и теории являются, в лучшем случае разрозненными деталями для построения собственных философских и научных систем. Использовать *принцип единства в многообразии*. Единство личностно ориентированной гносеологии осуществляется на основе индивидуальных особенностей автора, который и является системообразующим фактором своей теории познания, а многообразие заключается в использовании различных способов, приёмов, других авторов и методов познания. Аналогично может действовать и *каждая цивилизация, создавая свои собственные политические, социальные, правовые, экономические, культурные и технологические модели*, иметь собственное понимание истории, своё историческое время и ритм жизни, свою онтологию, гносеологию, антропологию, социологию и политологию, не обращая внимания на реакцию Запада. И только потом это локально и ситуативно истинное знание может быть объединено в глобальные формы знания.

На мой взгляд, по причине естественной неполноты и ограниченности всех форм знания, а именно науки, философии, религии, искусства, эзотерики, мифологии и обыденного знания *наиболее полное знание* о любом предмете или явлении может быть достигнуто только на основе критического (то есть избирательного) синтеза знаний об этом предмете, содержащегося в указанных выше элементах человеческой культуры, если, конечно, оно там есть. Такую теорию (методологию) познания можно назвать интегральной. *Многообразием здесь являются различные формы познания мира, а единством – полученное знание об исследуемом предмете или явлении*. Полнота чувственно воспринимаемого знания о предмете также достигается за счёт использования разных способов получения информации о нём: текстовой, образно-визуальной, слуховой и применения разных органов чувств: зрения, слуха, обоняния, осязания и других, в том числе «экстрасенсорных». При этом *основным методом познания должен являться синтез, а не анализ*, как это обычно (и ошибочно, как будто И. Канта не читали) указывается в диссертациях, научных статьях и прочих публикациях. Как верно заметил М. Хайдеггер, «наука не мыслит»; учёные авторы механически переписывают друг у друга слово «анализ» в названиях работ и научных методах даже не задумываясь о его значении и истинном смысле.

Из истории философии известно, что Аристотель осудил Платона за идеализм, не желающий изучать конкретные социальные условия. Вроде бы всё правильно, но ведь и Платон был по-своему прав, так как *нельзя построить утопию идеального общества исключительно на основе изучения того, что уже есть*, тем более что любой факт изначально концептуально нагружен. И не только утопию, но и вообще любую нормативную модель, например законодательство или технологию любого процесса нельзя создать только за счёт изучения наличного и вывода его среднеарифметического образа и понятия, чем занята эмпирическая наука. Поэтому *теория познания Платона не менее важна, чем теория познания Аристотеля. Идеалистические, мистические теории познания могут и должны применяться там и тогда, где и когда материалистическая наука бессильна или знаний её не достаточно*. Если материалистическая наука строит «по кирпичику» здание человеческой культуры, религиозное откровение и интеллектуальная интуиция потенциально способны сделать каждого обладателем любых нужных ему и (или) обществу знаний лежащих за пределами науки и систем социального контроля, что и делало их жертвами «охот на ведьм». Но *на ведьм лучше не охотиться, а использовать из знания на благо*. Ведическая цивилизация и культура дают нам отсутствующий в Европе модерна пример мирного и продуктивного сосуществования и взаимодействия науки и религии в ведических науках, наиболее известной из которых сегодня является аюрведа.

Индивидуально-ориентированная единая в многообразии теория познания помимо конкретно-ситуационных, учитывает и личностно-индивидуальные особенности человека, уровень его способностей, развития, потребностей и запросов. *В зависимости от конкретной потребности, ситуации, характера необходимого знания человек может и даже должен использовать любую удобную ему и не деструктивную по отношению к обществу и природе теорию познания.* Индивидуальная личность человека может творчески собирать из имеющихся теорий познания *любую* мозаику и даже создавать в ней новые элементы и конкретные гносеологические и эпистемологические методы. Истинность того или иного постулата, теории, факта должна проверяться исходя из, как минимум, *двух разных*, но конкретно уместных теорий познания. Трансляция результатов гносеологической практики в общество может осуществляться на основе включённости индивида в социально-культурную среду, общесоциальные языки.

Так, по мнению автора, решается проблема синтетического единства в многообразии в теории познания.

Список использованных источников:

1. Дугин А.Г. В поисках тёмного логоса (философско-богословские очерки) / А.Г. Дугин. – М.: Академический проект, 2013. – 515с.
2. Кара-Мурза С.Г. Манипуляция сознанием / С.Г. Кара-Мурза. – М.: Алгоритм, 2000. – 688с.
3. Кобзарь К.П. Жупел лженауки и комиссия по ликвидации / К.П. Кобзарь // Сознание и физическая реальность. – 2010. - №3. – С.2-9.
4. Лосев А.Ф. Философия. Мифология. Культура /А.Ф. Лосев. – М.: Политиздат, 1991. – 525с.
5. Неаполитанский С.М. Аюрведа на каждый день / С.М. Неаполитанский. СПб.: Святослав, 2007. – 480с.
6. Пайк А. Мораль и Догма Древнего и Принятого Шотландского Устава. В 3-х Т. / А. Пайк. – М.: Ганга, 2008.
7. Петров К.П. Тайны управления человечеством или Тайны глобализации. В 2-х кн. / К.П. Петров. - М.: Академия управления, 2008.
8. Федотова В.Г. Хорошее общество / В.Г. Федотова. – М.: Прогресс-Традиция, 2005. – 544с.
9. Эвола Ю. Оседлать тигра /Ю. Эвола. – СПб.: Владимир Даль, 2005. – 512с.

МУЗА Д. Е.

КРЫМ В СИСТЕМЕ ИСТОРИЧЕСКИХ И АКСИОЛОГИЧЕСКИХ КООРДИНАТ «РУССКОГО МИРА»

Существует мнение, что Крымский полуостров – это прежде всего заповедник этнокультурного опыта человечества. Проще говоря, Крым - это метакультурная модель, предполагающая как актуальный диалог живущих на полуострове этносов, так и диалог наших современников во времени и пространстве с уже канувшими в Лету.

Если расшифровать эту модель, то Крым предстаёт в виде ареала, вбирающего в себя не только автохтонные, но и внешние влияния: он оформился в ходе многовековой эволюции жизни различных этнических групп (киммерийцы, скифы, готы, греки, армяне, славяне, татары, караимы и проч.), и при том, как реальная площадка для их диалога (полилога) и взаимовлияния. Но, очевидно и другое: последние два с половиной столетия доминантой

культуры Крыма явилась высокая русская культура, которая детерминирована православной традицией.

И хотя в Крыму действительно есть культурные слои различных эпох, вариации типов социальности (от античности – до протектората Османской империи, от гражданской войны – до украинского «менеджмента» полуострова после распада Союза ССР), основной их скрепой служит та система координат, которая позволяет связывать эпохи и культуры, народы и цивилизации.

По сути дела на эту систему координат указал президент РФ В.В. Путин, выступая в Кремле перед депутатами Госдумы, членами СФ и общественностью страны 18 марта 2014 года. Он подчеркнул: «Крым буквально все пронизано нашей общей историей и гордостью. Здесь древний Херсонес, где принял крещение князь Владимир. Его духовный подвиг – обращение к православию – предопределил общую культурную, ценностную, цивилизационную основу, которая объединяет народы России, Украины и Белоруссии. В Крыму – могилы русских солдат, мужеством которых Крым в 1783 году был взят под Российскую державу. Крым – это Севастополь, город-легенда, город великой судьбы, город-крепость и родина русского Черноморского военного флота. Крым – это Балаклава и Керчь, Малахов курган и Сапун-гора. Каждое из этих мест свято для нас, это символы русской воинской славы и невиданной доблести».

Дабы высказанный и проиллюстрированный цитатой тезис не выглядел гипотетическим, нужно обратиться к краткой реконструкции исторического процесса (точнее, вполне определенной группы процессов), напрямую связанных с Крымом.

Далее вполне уместно указать на объективные исторические ритмы (циклы), имплицитовавшие культурно- и социогенез, в т.ч., задавшие аксиологические (нормативные и регулятивные) основания бытия. В пределе – отформатировавшие конкретные антропологические сюжеты.

Речь идет о:

- ритмах античного мира (колонизация, трансмиссия греческой культуры и дублирование полисного устройства жизни);
- «ритмах Евразии» (преимущественно, монгольском и тюркском приходе «цивилизации степи» с её кластером ценностей);
- ритмах византийской христианской империи (духовной и политической экспансии, организации локального угла имперской инфраструктуры);
- древнерусских ритмах (во многом, служивших «ответом» на экспансию «Великой степи» и Византии);
- ритмах Османской империи (создание «дочерних» государств, с их культурно-политическим центростремительным движением);
- московско-русских и романово-имперских ритмов (выразившихся в морском и континентальном «опоясывании» территории Крыма, причем, не только как «ответ» на вызовы «Великолепной Порты» и ее вассалов, но и как собственный имперский модернизационный проект);
- ритм послереволюционного «белого» исхода элиты романовской империи (конституирование русской государственности и её институтов в Крыму);
- ритм советской модернизации (инфраструктурные проекты, позже переданные от РСФСР в кураторство УССР);
- ритм включения Крыма в структуру унитарной украинской государственности (с процедурой делегитимации автономии);
- новый модернизационный ритм, возникший и развивающийся новый российский проект, но как следствие краха украинской государственности, плюс как инерция романовско-советских имперских притязаний.

Собственно весь приведенный срез не учитывает полноты и целостности исторической процессуальности. Причина тому, индуцирующие технологии в историческом познании. Таковые, полнота и целостность, могут быть дедуцированы благодаря введению в

дискурсивные практики концепта «Русский мир», имеющего культурно-историческое, цивилизационное, социологическое и антропологическое, наконец, ценностное звучание.

Тем самым требуется некоторая феноменологическая сосредоточенность на выработке образа Крыма, как фундирующего «Русский мир» региона, с учетом гео- и хроноисторических реалий, цивилизационной и антропологической комплиментарности и конвенциональности.

По моему мнению вопрос о Крыме можно и нужно ставить в поствизантийской плоскости.

По большому счету нужно говорить о восстановлении цивилизационной памяти и связанном с нею «механизме» инверсии. Думается, память должна инверсировать к устойчивой структуре – цивилизационному $\alpha\rho\chi\eta$, к бытийному истоку, о забвении которого нас предупреждал тот же К.Н. Леонтьев. Естественно, речь идёт о Византии и «византизме», к реальности которых недавно достаточно удачно апеллировал о. Тихон (Шевкунов) в своём фильме «Гибель империи. Византийский урок». Между прочим, о той Византии, которую в своё время не понял и не принял Запад (вспомним реакцию И.-Г. Гердера, Г.В.Ф. Гегеля и других европейских интеллектуалов), но которая, между прочим, характеризуется «вселенским значением своего наследия» (Н.А. Нарочницкая).

В этом наследии помимо переменных величин, входящих в исторический проект (элиты, этнические группы, социальные страты и т.д.), следует обнаружить и предать герменейе восточнохристианские цивилизационные константы. На этом пути можно и нужно восстановить: а) утраченное христианское чувство Истории, «привязывающее» нас к определенной «оси» и контрадикторное секулярно-просвещенческому и гедонистическо-постмодернистскому кластерам; б) представление о природе свободы и о её мере в жизни человеческих сообществ; в) универсальную, софийную перспективу сосуществования этносов, культурных укладов, традиций; г) идею коллективной ответственности за уникальное (созданное Богом) природное окружение; е) универсум трансцендентных ценностей, обеспечивающих поддержание ценностей земного порядка.

Разумеется, осуществление цивилизационного сдвига в указанном направлении – дело настоящего и будущего, хотя субъект этого процесса – «византийское содружество наций» (Д. Оболенский), включавшего в себя Балканы, Ближний Восток, Кавказ, собственно «Русский мир», пока пребывает в аморфном и демотивированном состоянии. Но та историческая «ось» (Константинополь – Киев – Москва), которая была положена восточнохристианской цивилизацией, и та структура, которая возводилась на ней – «Русский мир», дают повод к умеренному оптимизму.

РАЗБЕГЛОВА Т. П.

МУЗЫКА В КУЛЬТУРНОМ ЛАНДШАФТЕ ЮЖНОБЕРЕЖЬЯ КРЫМА

Южнобережье Крыма – особое место не только в географическом, но и в духовном пространстве культуры. Основу его составляла культура народов и этносов, исконно населявших его. Привлекательность этого края способствовала тому, что многие народы осваивали эти земли тем или иным способом: Создавали собственные поселения, колонии, захватывали и вводили в состав своего государства.

Это сделало Крым полиэтническим регионом, а его культурный ландшафт – богатым и разнообразным.

С середины 19 в. началось развитие курортного «движения», что превратила Крым в Русскую Ривьеру. В русле этого движения были созданы многочисленные частные владения и имения русской аристократии.

Именно эта последняя форма украсила южнобережный регион, создала особую аристократическую субкультуру, которая как прекрасный в своем совершенстве цветок привилась на уже гибридном древе полиэтнической культуры Крыма.

Аристократическая субкультура привнесла свои формы архитектуры (дворцы и особняки), садово-паркового искусства, живописи и поэзии, навеянных красотами крымских ландшафтов, особые формы жизнеустройства и коммуникации, свойственные аристократическому дворянскому быту.

В культурологическом смысле можно говорить о формировании в конце XIX – начале XX в.в. особого культурного пространства южнобережья, спецификой которого была его сегментация – сосуществование нескольких культурно-пространственных сфер. Они очерчивались жизненными условиями и духовными потребностями отдельных социальных и этнических групп населения.

Согласно проведенной а 1921 г. переписи населения в Крыму проживали представители 70 национальностей. Из них 51.5% составляли русские и украинцы, 26% составляли крымские татары, 5.9% немцы, 6.9% - евреи. Эта общая статистика в ее проекции на южнобережный регион, даже при изменениях цифровых показателей, сохраняет основные очертания.

Рассмотрение этой культурной сегментации возможно в двух ракурсах. Первый, этнический, позволяет выделить в качестве преобладающих сферы *русской* (официальной, российской), *украинской* и *крымско-татарской культур* на основе сохраняемых и поддерживаемых национальных традиций.

Другой ракурс позволяет отделить общественно-значимые формы культуры (художественной, социальной, религиозной и др.) от слоя местной бытовой культуры, в которой происходила в значительной мере *диффузия* русско-украинского и татарского населения при определенной степени сохранения этноидентификационных элементов.

Музыкальная культура в структуре складывавшейся неоднородной культуры южнобережья представляет собой явление, характерное именно в аспекте становления форм своего существования. Она привязана к ландшафту (зачастую вдохновляясь им), к формам организации жизни, вписана в них, так же, как архитектура, садово-парковое или театральное искусство .

Муз жизнь южнобережья была довольно разнообразной.

Она становилась интенсивной по мере заселения южнобережья семьями русской аристократии и интеллигенции. Они привнесли культуру, в которой сочетались элементы аристократического столичного быта (дом, светские вечера, особые формы коммуникации) и русской усадебной культуры с присущей ей размеренностью жизни, атмосферой досуга, созерцательности.

Их пребывание на южнобережье было, как правило, сезонным, за исключением тех случаев, когда затягивалось в связи с болезнью или же Крым становился местом постоянного жительства. Так, Александр Афанасьевич Спендиаров прожил в Ялте со своей семьей с 1901 по 1916 г. Дом Спендиарова был центром музыкальной культуры не только в Ялте, но и на всем южнобережье Крыма. Ставшие традиционными «Спендиаровские вечера» привлекали многих представителей мира музыкальной культуры и просто любителей музыки.

Из русских композиторов, длительное время проживавших на южном берегу Крыма, в частности, в Ялте, можно назвать П.И. Веденисова, В.И. Ребикова, В.С. Калиникова, Н.Н. Аmani, А.С. Аренского, Д.А. Агренева-Славянского, Ф.М. Blumenфельда. Привлек Крым и выдающихся певцов – Ф.И. Шаляпина, его учителя Д. Усатова, солистку Большого театра Е. Збруеву. Выдающаяся певица Мариинского театра Е. Мравина прожила в Ялте несколько лет по состоянию здоровья, вплоть до своей смерти в 1914 г. Многие из перечисленных выдающихся деятелей русской музыкальной культуры нашли в Ялте место своего упокоения. Могилы их до сих пор сохраняются на Поликуровском кладбище.

Относительно кратковременным, хотя и неоднократным было посещение Крыма Н.А. Римским-Корсаковым, М.П. Мусоргским, А.К. Глазуновым, С.В. Рахманиновым.

Очаги домашнего музицирования были разбросаны по всему южному побережью, от Алушты до Фороса, где были дачи русской аристократии. Но центром музыкальной жизни была Ялта, где стало возможным укрупнение форм и появление новых для южного побережья общественных форм музыкальной культуры.

Более серьезные духовные запросы интеллигенции вызвали к жизни в конце XIX в. музыкальные кружки и общества. Например: «Общество семейно-музыкальных вечеров», организованное в середине 80-х годов, Ялтинское музыкально-драматическое общество, возглавляемое Спендиаровым. Организаторами «Общества семейно-музыкальных вечеров» были С.В. Фортунато (дочь В. Стасова), врач Ф.Д. Вебер, преподаватель музыки Е.М. Мясоедова, М.П. Усатова, П.И. Веденисов.

В 1892 г. оно преобразовалось в «Общество любителей музыкального и драматического искусства в Ялте». Общество устраивало музыкальные, драматические и литературные вечера, при нем была открыта библиотека и музыкальные классы. Своеобразным музыкальным клубом был музыкальный магазин Ю. Пфейфера на Набережной Ялты, где встречались любители музыки, композиторы и исполнители.

Фактором, стимулировавшим развитие музыкальной жизни стало образование ялтинской публики. Один из исследователей истории культуры Крыма А. Мальгин пишет, что долгое время, вплоть до конца XIX в. основным развлечением приезжающих в Ялту на курортный сезон были прогулки. Постепенное расширение духовных потребностей вызвало со стороны городского управления необходимость организации концертной деятельности в виде общедоступных концертов в городском саду. Музыка в городском саду стала новым видом развлечений ялтинской публики.

В 80-х годах XIX в. начались Общественные концерты оркестра в Городском саду. Специально для этих концертов был построен музыкальный павильон («музыкальная раковина», отличавшаяся особой акустикой). Эти концерты по своему назначению и подбору репертуара носили преимущественно развлекательный характер – польки, кадрили, марши, вальсы, поурри (в репертуаре оркестра было более сотни произведений).

Однако нередко слушатели могли услышать и выступления музыкальных знаменитостей. В ней давали концерты С. Рахманинов, исполнялись произведения А. Глазунова и А. Спендиарова, звучали созданные в Ялте произведения В.И. Ребикова. Оркестр приглашался по конкурсу. Благодаря высокой исполнительской культуре музыкантов формировались и вкусы ялтинской публики.

Настоящего своего расцвета музыкальная жизнь достигла после открытия в Ялте в 1896 г. городского театра. Проходили многочисленные спектакли петербургской, московской, итальянской оперы, концерты артистов столичных театров.

Значительной и достаточно интенсивной была общественно-музыкальная деятельность украинской творческой интеллигенции южного побережья Крыма в конце XIX – начале XX в. Проживавшие в Ялте длительное время выдающиеся представители украинской литературы – Леся Украинка, Климентий Квитка, Степан Руданский, Христина Алчевская, будучи музыкально одаренными, внесли свой вклад в музыкальную фольклористику – изучение украинского и крымско-татарского народно-музыкального творчества.

Интересным явлением на южном побережье было украинское хоровое и музыкально-театральное искусство. Как отмечает А. Нырко, в Ялте с конца XIX в. сложилась определенная традиция самоорганизации музыкальных коллективов – оркестров (симфонических ансамблей), хоров, музыкально-театральных кружков, деятельность которых охватывало все южное побережье.

Одним из значительных представителей профессионального хорового искусства на южном побережье был Яким Сакун – хормейстер и педагог, он заложил фундамент хорового исполнительства в Крыму. Согласно записанным А. Нырком воспоминаниям, в период революционного подъема Я. Сакун организовал стоголосый революционный хор, с которым выступал на площадях. Выступления хора носили национально-патриотический характер, о

чем свидетельствует тот факт, что хор выезжал на лодках в море, где исполнял запрещенные антигосударственные песни .

Крымско-татарская музыкальная культура сохранялась и развивалась главным образом в собственной этнокультурной среде, где музыка сопровождала все формы жизнедеятельности, особенно в рамках семейной обрядности.

Н. А. Римский-Корсаков в книге «Летопись моей музыкальной жизни» писал, что был поражен любовью народа к своей музыке, удивлялся тому, что на улицах Бахчисарая с утра до вечера звучит музыка, что перед каждой кофейней играют, танцуют и поют.

В XX в. начался процесс размывания региональной специфики этнической культуры крымскотатарского этноса. В этом случае носителями фольклорной памяти крымских татар становились свадебные музыканты.

В условиях ограниченности официальной культурной жизни, именно на свадьбах происходило исполнение народных инструментальных композиций перед большой аудиторией.

Русская, украинская и крымско-татарская музыкальные субкультуры, образовывали отдельные, относительно самостоятельные области в рамках единого культурно-исторического пространства южного бережья Крыма в конце XIX – начале XX в.в. Основной причиной этого была политика административного и государственного регулирования, направленная, прежде всего, на поддержку официальной и подавление других этнических культур, придание им неофициального статуса.

Соединение и взаимодействие музыкальных культур ярче всего проявило себя в творчестве композиторов русской музыкальной школы. Первый опыт использования крымскотатарской музыки в оперно-симфоническом творчестве мы находим в опере М.И. Глинки «Руслан и Людмила», где использованы оригинальные мелодии, наигранные композитору И.К. Айвазовским. Большим знатоком и ценителем крымско-татарского народного творчества был А. Спендиаров, используя и перерабатывая татарские мелодии в своих произведениях, собирая и сохраняя татарские народные музыкальные инструменты.

Своеобразный и несколько курьезный симбиоз русской классической и народной крымскотатарской музыкальных культур мы находим в мемуарах Анны Бродской (Скадовской). Описывая свое пребывание в Алуште вместе с мужем – выдающимся скрипачом Адольфом Бродским, она пишет: «Помню, как однажды, возвращаясь домой к обеду, я услышала звуки скрипичного концерта Чайковского, парящие над тишиной деревни и увидела под окном нашей комнаты татарина в яркой одежде, танцующего под музыку финала».

УДК 378.14.034:246

РАШКОВСКАЯ В. И.

«ЭТЕТИЗАЦИЯ ЗЛА» В ИСКУССТВОВЕДЧЕСКОЙ ПЕДАГОГИКЕ

Аннотация.

Рашковская В. И. «ЭТЕТИЗАЦИЯ ЗЛА» В ИСКУССТВОВЕДЧЕСКОЙ ПЕДАГОГИКЕ

В статье проанализирован педагогический потенциал произведений искусства – литературы, изобразительного искусства, музыки, где отражены мировоззренческие позиции авторов по художественному воплощению мирового зла. Автор приводит осмысление этического и эстетического измерения искусства. Дается онтологическое понимание понятий: художественный образ, художественная красота, художественная картина мира, художественная концепция человека, художественная аксиология, художественный вкус.

Summary

Rashkovskaya V. I. «AESTHETICS OF EVIL» IN ARTS PEDAGOGICS

In the article pedagogical potential of works of art is analysed – literatures, fine art, musics, where world view positions of authors on artistic embodiment of world evil are reflected. An author brings the comprehension of measuring of art ethics and aesthetic over. The ontological understanding of notions is given: image, artistic beauty, artistic picture of world, artistic conception of man, artistic aksiology, artistic taste.

Введение

Использование педагогического потенциала изобразительного искусства является актуальным средством формирования творческих способностей студентов. Трудно переоценить влияние искусства на эстетическое, интеллектуальное, нравственное, духовное развитие личности. Воспитательная функция изобразительного искусства способствует решению многих педагогических задач, гуманизации образования, преемственности ценностей, формированию духовно-нравственных качеств. Вместе с тем, мировая сокровищница искусства насчитывает произведения высокохудожественной эстетизации зла. К исследованиям этой теме уделены работы Н. Гоголя, И. Ильина, В. Зеньковского, В. Кандинского, П. Каптерева К. Малевича, В. Соловьева, Г. Флоровского и др.

Цель статьи – проанализировать педагогический, художественный, нравственный и духовный потенциал произведений искусства, эстетизирующих зло.

Изложение основного материала статьи. Искусство – это очень сложное и противоречивое явление, своеобразное художественное поле, на котором растут пшеница и плевелы, целебные травы и ядовитые цветы. Поэтому в искусствоведческой педагогике необходима особая мудрость и моральная чуткость, чтобы правильно использовать эти плоды. Важно наработать методики для не восприятия зла и непристойностей, которые имеют место в искусстве. Здесь важно, чтобы эстетический потенциал искусства имел нравственное измерение.

Известный педагог П. Каптерев подчеркивал, что прекрасное является самостоятельной сферой явлений, оно может входить в связь с нравственностью, но может и становиться на сторону их врагов [7]. Анализ произведений искусства свидетельствует, что эстетический потенциал в них не всегда соотносится с этическим. Н. Бердяев писал, что не всякое творчество доброе. Может быть и злое творчество. Творить можно не только во имя Божье, но и во имя дьявола. Важно противостоять ему, иначе оно... будет торжествовать во всех сферах жизни [1, с. 31].

Аналогичную мысль, исходя из христианского мировоззрения, приводит В. Зеньковский. Он писал: «Существует творчество ужасно темное, существуют озарения, порожденные грехом... и отсюда то демоническое начало, те «цветы зла», которые в достаточном объеме растут в нашу эпоху. Как есть «содомская красота», сияющая темным ликом Софии, так может быть и демоническое вдохновение. Такое творчество... является путем разрушения и смерти... большая динамическая сила, присущая эстетичной жизни, может оказаться слепой и даже разрушительной» [5, с. 143].

В. Зеньковский приходит к выводу: «Понятно, что духовно значительное искусство воспитывает человека и выстраивает ее дух, а духовно низкое и растленное искусство развращает человека и разлагает его дух и притом тем более, чем более опьяняющими и льстивыми есть его проявления» [5, с. 61].

В этой связи, воспитательные аспекты искусства предполагают нравственную ответственность художника. И. Ильин писал: «художник призван вести. Он никого не поведет, когда он, забыв о своем настоящем призвании, сам побежит за толпой... за успехом; за непристойной модой» [4, с. 80-81].

Многие исследователи подчеркивают антиномию красоты. «Первая и главная мысль, которая разрушает всю наивную мечту о спасительной силе красоты, заключается в той двусмысленности эстетического восприятия, которая игнорирует отличия добра и зла. В

развитии эстетической жизни можно начать Мадонной и закончить Содомом, в котором сердце тоже видит красоту. Это понимал Ф. Достоевский, когда говорил, что эстетичная идея помутилась в человечестве. Красота стоит, используя выражение Ницше, «по ту сторону добра и зла», то есть она может быть добром и злом, поэтому нет никакой внутренней связи между красотой и добром, красота безразлична к добру» [4, с. 27].

В этой связи целесообразно вспомнить события Библии: змей соблазнил человека не открытым злом, а злом, скрытым внешней красотой. Следует подчеркнуть, что эта специфика присуща видам искусства: литературе, изобразительному искусству, музыке, театру и др. Приведем некоторые примеры.

И. Ильин, анализируя разные виды современного ему искусства писал: «Литература стала проповедовать культ тела; искусство породило из себя порнографию; музыка стала возбудителем страстей, а театр из школы жизни стал школой глупых привычек и местом глупых развлечений... Вместо высшего искусство утверждает низшее, вместо вечного – временное, вместо прекрасного и правдивого – ошибочное и фальшивое» [4, с. 163-164].

В этом плане представляет интерес рассмотрение изображения Мирового Зла в литературе XIX-XXвв., в частности, в творчестве модернистов. Повышенный интерес модернистов к проблеме Мирового Зла объясняется их увлечением идеями гностиков и философскими доктринами Ф. Ницше и А. Шопенгауэра. Так, на рубеже XIX-XX вв. популярным стало учение А. Шопенгауэра, центральной идеей доктрины которого была идея мира, созданного злой волей. А. Шопенгауэр учил, что жизнь есть зло. Философ требовал отречения от воли к жизни. Гностики также стремились к преодолению жизни, ибо считали материальный мир творением злого Демиурга.

Важной особенностью модернизма стала оппозиция художественным христианским традициям. Если в творчестве художников начала XIX века Мировое Зло занимало значимое, но периферийное место, то новый декаданс, как антитеза предшественникам, обращается к иному ориентиру. Г. Флоровский писал, что символизм начался восстанием, бунтом и отречением от старого мира. Он постарался преодолеть этику эстетикой [11, с. 254].

В нем закладывается плюрализм в познании истины. Начало версии "плюрализма" в познании истины положил символист В. Брюсов. Поэт писал в дневнике, что истин много и часто одна противоречит другой. Поэтому он призывал молиться дню и ночи, Митре и Адонису, Христу и Дьяволу.

Хочу, чтоб всюду плавала
Свободная ладья
И Господа, и Дьявола
Хочу прославить я [9, т.3, с. 229].

В. Брюсов создал "дьявола", равного "богу", и пришел к абсолютному дуализму в гносеологии. Стоит подчеркнуть, что морально-этической проблематике своего творчества он почти не уделял внимания. Аналогичную направленность на множественность истин встречаем в К. Бальмонта, плюрализм которого привел его к декларации любви к "дьяволу":

Я люблю тебя, Дьявол, я люблю Тебя, Бог
Одному – мои стоны, а второму – мой вздох.
Одному – мои крики, а второму – мечты
Но вы оба велики, вы восторг Красоты.
О таинственный Дьявол, о, единственный Бог! [9, т.3, с. 204].

К. Бальмонт пришел к выводу, что зло и добро находятся в отношениях диалектического единства и борьбы противоположностей, а поэтому – зло является необходимым условием существования добра.

Мировоззренческие построения В. Брюсова и К. Бальмонта достигли наивысшего звучания в поэзии Ф. Сологуба, которого неслучайно называют поэтом Зла и Дьявола. Он высокохудожественно опозитизировал идею отрицания мира, сформулированную

А. Шопенгауером. Поэт передает креативную функцию сатане, что убедительно подтверждает стихотворение "Когда я в бурном море плавал":

Когда я в бурном море плавал
И мой корабль пошел ко дну
Я так воззвал: "Отец мой, Дьявол
Спаси, помилуй, – я тону" [9, т.3, с. 311].

Далее поэт изображает традиционную сцену продажи души дьяволу:

Не дай погибнуть раньше срока
Душе озлобленной моей, –
Я власти темного порока
Отдам остаток черных дней" [9, т.3, с. 311].

В приведенных примерах четко прослеживается коренное отличие в трактовках дьявола модернистов и библейного демона. Демоны М. Лермонтова и Мефистофель И. Гете очень далеки от сологубовского дьявола. У Ф. Сологуба – дьявол – Творец, то есть Бог, а Демон М. Лермонтова всего лишь дух изгнания, бывший херувим, да и Мефистофель – тоже не само зло, а лишь его часть. По мнению же Ф. Сологуба, только Люцифер, как пламенное дыхание свободы, способен дать желаемый покой и освободить человека от плена материи.

Художественное воплощение Мирового Зла достигло апогея в акмеизме, в творчестве Н. Гумилева. Отрицая дуализм предшественников, он сделал дьявола единственным богом в своей художественной вселенной [10]. У него дьявол – владыка гнозиса, единственный обладатель истинного знания. Такая позиция в корне отличает концепцию Н. Гумилева от взглядов В. Брюсова, который говорил о равенстве истин. Стоит подчеркнуть, что возможность познания, гумилевский дьявол дарит только в одном случае – полного слияния с дьяволом [10].

Именно эта идея нашла высоко эстетическое воплощение в творчестве А. Блока. Необходимо заметить, что символисты подчеркнуто отделяли «я» лирического героя от Сатаны. Ни В. Брюсов, ни К. Бальмонт, ни Ф. Сологуб никогда прямо не проектировали свои художественные модели на реальное бытие. Элемент условности и изолированности художественной реальности от истинного мира был у них достаточно четко выраженным.

У А. Блока, стихия, которая разыгрывается в поэме «Двенадцать», тесно связана с инфернальным миром. В ней много элементов чернокнижной мудрости. Все действия героев целеустремленные, начиная с трехкратного призыва «Эх, эх, без креста!» и, заканчивая стрельбой по «незримому». Такой аспект понятен, ведь снятие креста является обязательным условием при выполнении магического сатанинского обряда. Далее в поэме идет призыв – пальнуть «пулей в Святую Русь». По поводу этих строк И. Ильин с сожалением писал как жаль, что в российской литературе были сказаны о Святой Руси такие «окаянные, каторжные» слова [4, с. 140].

Как подчеркивал Г. Флоровский, это произошло потому, что: «...А. Блок не управлял своими лирическими эмоциями, а отдавался их вихрю» [11, с. 468]. И. Ильин, давая оценку творчеству А. Блока писал «...этот туманный и расплывчатый фантазер, который застрял в пропастях личного эротичного опыта, и абсолютно потерял критерий добра и зла» [11, с. 140].

Г. Флоровский подчеркивал: «Крушение Блока можно сравнить с судьбой Врубеля. Здесь та же тайна и та же тема об искушении, о демонизме в искусстве (т.н. «лиловые миры» М. Врубеля). Он ставит закономерный вопрос – можно ли художественной интуицией проникать в духовный мир? И есть ли в ней надежный критерий "испытания духов?"... Отвечая на поставленный вопрос, Г. Флоровский полагал, что критерия нет, духовный опыт нельзя подменить ни медитацией, ни увлечением... "свободная теургия" оказывается обманчивым самоубийственным путем" [11, с. 269].

Разрушительная деятельность искусства модернизма заключалась в том, что его представители делали энергичный натиск на национальное искусство, посягнули на ту красоту, призвание которой виделось в том, чтобы спасти мир. Как заметил В. Соловьев: «В

ту красоту, о коварные черты / Путь себе тайный вы скоро нашли / Адское семя растленья и смерти / В образ прекрасный вы сеять могли» [10, с.241].

Сбылись пророчества Н. Гоголя, который предупреждал, что надвигается «исполинский» образ скуки, состояние душевного тупика. В XX веке его представила не только поэзия, но и проза модернизма (Ф. Кафка, В. Вулф, Г. Стайн, М. Пруст, Ж. П. Сартр, А. Камю и др.). В произведениях этих писателей звучит ощущение замкнутости, отчуждения, конечной абсурдности человеческого существования.

Философские семена, посеянные Ф. Ницше, А. Шопенгауэром дали свои плоды и в изобразительном искусстве XX ст. Основоположник абстракционизма В. Кандинский, в книге «О духовном в искусстве» определил исходные философские позиции этого течения. Он считал, что вывести человечество из духовного кризиса может только пророк, который призван указать путь духовной очистки. Этот художник должен провозгласить отказ искусства от связи с действительностью, проникнуть за пределы материального бытия, стремясь снять покров с материи.

Такие мысли разделял и основатель супрематизма К. Малевич Он настаивал на отказе от предметного мира и необходимости, создания новых знаков, аннулирующих предметность и уничтожение традиций. В статье «От кубизма к супрематизму» он писал: «Вся прошлая и современная живопись, скульптура, слово, музыка были закрепошены натурой и ожидают своего освобождения, чтобы говорить на своем собственном языке и не зависеть от ума, смысла, логики, философии, психологии, разных законов причинности и технических измерений жизни. То было время вавилонского столпотворения в искусстве» [8, т. 1, с. 27].

К. Малевич отрицает преемственность в искусстве и оценивает предыдущие его наработки как «вавилонское столпотворение». Он предложил авторскую «позитивную» программу развития искусства:

- эстетичный контроль отбросить, как реакционную меру;
- все искусства: живопись, цвет, музыка, сооружения – отнести к параграфу «технического творчества»;
- духовную силу смысла отбросить как принадлежность зеленому миру мяса и костей;
- признать труд пережитком старого мира насилия, поскольку современный мир стоит на творчестве;
- кубизм и футуризм признать экономическим совершенством 1910 года; их конструкции и системы признать классицизмом десятых годов;
- создать экономический совет (пятого измерения) для ликвидации всех искусств старого мира [8, с. 136].

Ярким представителем авангарда, творчество которого убедительно доказывает радикальный разрыв с традиционными формами искусства, является Марсель Дюшан. Его «редимейды» – готовые изделия – бытовые предметы промышленного производства (крышки унитазов, лопать и тому подобное) выставляются на постамент и, не смотря на то, что они шокируют зрителей, экспонируются в престижных музеях мира. Названия его живописных работ красноречиво свидетельствуют об их содержании: «Обнаженная, спускающаяся по лестнице», «Невеста, которую раздевают холостяки».

Философ И. Ильин характеризует современную ему культуру как «больную»: «Человечество творит свою культуру изменчивым внутренним актом, из состава которого исключены: сердце, совесть и вера... такая культура есть больная культура» [4, с. 296]. Он писал: «Невольно возникает вопрос: искусство это или больной бред? художественное творчество или духовное расписание? Культура или гниение? И прав ли Тютчев, выкрикивая:

Мечты людей, как сны больного, дики»... [4, с. 296].

Философские концепции Ф. Ницше и садо-мазохистские аспекты искусства нашли «достойных» последователей и в музыке. Особенно действенным средством разрушения и искажения внутреннего мира личности стала рок музыка. Известный музыковед Тибор Кайф

охарактеризовал рок музыку, как «музыку эстетично преобразованного террора, которая подобно опытному психиатру, может снова и снова приводить в ужас свою жертву» [3, с. 64]. Достаточно привести названия песен, чтобы понять их направленность: «Кричи на сатану» («Shout at Devil»), «Ночь демона» («Night Demon»), «Огонь из ада» («Fire from Hell»), «Антихрист» ("Antichrist"), «Черная магия» («Black Magic») и другие красноречивые названия [3, с. 65].

Известный ансамбль «Роллинг Стоунз» обязан своему успеху устремлением ко злу. Наиболее известный их хит называется «Симпатия к Дьяволу». Сами исполнители часто гордились, что доводят слушателей до истерического состояния. Однако, их музыка вредна для психики человека с чисто медицинской точки зрения, не говоря уже о негативных духовных последствиях. Важно подчеркнуть, что молодежь, увлекаясь рок музыкой, отождествляет себя с ее кумирами рок. Они определяют мировоззрение юношества и систему его ценностей. Рок музыкант Жан Даре так прокомментировал свой рецепт жизни: «Секс, наркотики и рок-н-ролл – вот все, что требует мое тело». Такой рецепт стал жизненным лозунгом многих его коллег и поклонников рок музыки [3, с. 82].

Рок музыка возвеличивает внебрачные контакты, супружеской измены, гомосексуализм, некрофилию. Песни поощряют секс с кем вздумается, проповедуют половую распущенность, пропагандируют животную страсть. Никогда в прошлом не существовало искусства, направленного так явно на развращение молодежи.

Следовательно, используя произведения искусства в воспитательном процессе, важно помнить слова Климента Александрийского: «... позорная красота – растленна», сказанные еще во II-м веке. Признавая существование позорной красоты, он призывал своих современников – и призыв этот остается актуальным – к моральной чистоте, к сохранению истинной духовной красоты в себе и в искусстве.

Искусство только тогда осуществляет свое высокое назначение, когда ориентировано на целостное совершенствование личности, направленное на благо общества и всего человеческого рода. К Истине нельзя прийти порочным путем, а лишь тем, который соответствует ее высокому духовному уровню.

Выводы.

1. Использование произведений искусства в педагогике требует четкого понимания мировоззренческой позиции автора, ибо их использование в учебном процессе дополняет знания студентов онтологическим пониманием понятий: художественный образ, художественная красота, художественная картина мира, художественная концепция человека, художественная аксиология, художественный вкус.
2. Изучение искусства актуализирует осмысление этического и эстетического измерения искусства. Студенты знакомятся с образным воплощением ведущих категорий этики – добра и зла и эстетики (образное-безобразное, низкое-возвышенное, прекрасное-уродливое) как основы развития способности к эстетическому и духовному измерению искусства.
3. Посредством анализа произведений искусства происходит систематизация и обобщение знаний студентов относительно психолого-духовного измерения понятия творчества и ответственности художника за духовное содержание его творений.

Список использованных источников:

1. Бердяев Н. А. Кризис искусства / Н. А. Бердяев. – М.: Интерпринт, 1990. – 47 с.
2. Гоголь Н. В. Авторская исповедь / Н. В. Гоголь. – Псков: ВФК, Псков. отд-ние, 1990. – 128 с.
3. Игра с огнем. Рок на сцене и в жизни. – Житомир: Ніка, 1999. – 96 с.
4. Ильин И. А. Одинокий художник. – М.: Искусство, 1993. – 654 с.
5. Зеньковский В.В. Проблемы воспитания в свете христианской антропологии / В. В. Зеньковский. – М.: Школа-Пресс, 1996. – 272 с.
6. Кандинский В. В. О духовном в искусстве / В.В. Кандинский. – Нью-Йорк, 1967.– 136 с.

7. Каптерев П. Ф. Избранные пед. соч. /П. Ф. Каптерев; [ред. А. М. Арсеньева]. – М.: Педагогика, 1982. – 704 с.
8. Малевич К. С. Собрание сочинений : в 5 т. – М.: Гилея, 1995. – Т. 1. –326 с.
9. Русские поэты. Антология в четырех томах. – М.: Художественная литература, 1965.
10. Соловьев В. С. Философия искусства и литературная критика / В. С. Соловьев; [вступ. ст. Р. Гальцевой, М. Роднянской]. – М.: Искусство, 1991. – 701 с.
11. Флоровский Г. Из прошлого русской мысли./Г. Флоровский. – М.: Аграф, 1998. – 432 с.

ХЛЕВОВ А. А.

НОРМАНСКИЙ ВОПРОС И ПРОБЛЕМА ИДЕНТИЧНОСТИ В РОССИИ

Двадцать лет назад, защищая на историческом факультете СПбГУ кандидатскую диссертацию, посвящённую археологическим аспектам норманской проблемы, автор этих строк, в числе прочего, констатировал фактическое завершение длившейся два с половиной века дискуссии норманистов и антинорманистов в отечественной историографии к рубежу 1990-х годов [15; 19]. Причём признал убедительную победу взвешенного норманизма, регулярно подтверждаемую всё новыми археологическими открытиями и переосмыслением существующих источников. Собственно, с точки зрения ленинградской/петербургской школы отечественной скандинавистики в тот момент это выглядело вполне самоочевидным. Последующие события в отечественной науке продемонстрировали, однако, что это заявление оказалось сколь оптимистичным, столь же и преждевременным.

Сразу отметим, что задачей данной краткой статьи является отнюдь не развитие дискуссии о присутствии скандинавов на «Пути из варяг в греки» и их роли в возникновении Древнерусского государства в VIII-XI вв. Чрезвычайно обширная (и всё умножающаяся) литература по данной теме, как и сама дискуссия – это предмет отдельного разговора. Нас интересует в данном контексте исключительно её резонанс в общественном сознании и перспективы использования как в созидательных, так и в разрушительных целях теми или иными социальными силами. Актуальность этого вопроса, как ни странно, не только не уменьшается, но ощутимо возрастает. Не секрет, что «варяжский вопрос» становился идеологическим оружием в руках самых разных сил – от патриотически настроенного окружения императрицы Елизаветы Петровны до окружения Адольфа Гитлера, от большевиков образца 1920-х гг. до «неправительственных организаций» ранних 90-х. Особенно показательна полная амбивалентность использования аргументации абсолютно порой противоположными по идейно-политической ориентации движениями. Особую остроту вопрос приобретает в наши дни, в условиях очевидного усиления тенденций «второй редакции Холодной войны» [17, с. 324], оформления двух совершенно противопоставленных друг другу лагерей в русском национальном движении [18]. Популярность неоязычества, литературных жанров, тяготеющих к общему типу «фэнтези», реконструкторского движения, находится в тесной увязке с вопросом о контактах Скандинавии и Руси и создаёт изрядную полифонию общественного мнения, в которой крайности нередко смыкаются. В результате писатель-сатирик и вдохновенный самодельный историк М.Н.Задорнов, обычно квалифицируемый как явный и ярый русский патриот, оказывается практически на одной клетке шахматной доски с идеологами украинских нацистских организаций. Именно в силу этих обстоятельств всё больше внимания привлекает вопрос, как вписать скандинаво-русскую проблематику в чрезвычайно тонкий и где-то интимный процесс формирования национально-государственной идеологии России, избежав при этом как вопиющей антинаучности при сохранении наукообразия (что нередко случается), так и сусально-пряничной вязкости, способной лишь оттолкнуть вменяемого читателя и слушателя. Вопрос привлечения материала эпохи викингов – крайне показательного и отлично изученного, в том числе в отечественной традиции – в рамках школьного образования уже поднимался [11,

с. 224-226]. Существуют и весьма удачные опыты постановки исследовательских задач в рамках темы норманнов в новейшей художественной [2, с. 77-78] и учебной литературе [3, с. 116-119]. Однако в том, что касается методологии освещения норманнского вопроса в рамках школьной, вузовской программы и, главное, его профессиональной трансляции в массовое сознание, наработки всё же мизерные. При наличии колоссальной традиции, как представляется, попросту не определены идеологические приоритеты и ценностные установки процесса. Не претендуя не только на решение вопроса, но и на окончательное «раскрытие темы», автор рискнёт, всё же, сделать некоторые умозаключения.

«Спор о варягах», ставший фактом историографического бытия в середине XVIII в. – вместе с возникновением полемики между М.В.Ломоносовым и его сторонниками, с одной стороны, и Г.Ф.Миллером – с другой, чрезвычайно прочно укоренился в отечественной научной, публицистической традиции, и даже отчасти в массовом сознании. Впрочем, надо признать, что массовая популярность сюжета о роли норманнов в ранней русской истории имела место преимущественно с середины XIX в. до революции 1917 г. включительно. В остальные периоды дискуссия носила всё же характер научного спора. Вопросу этому посвящена поистине необозримая литература исторического, археологического, лингвистического и теоретического характера, насчитывающая многие сотни монографий и статей. Существуют и достаточно разные по своим оценкам и позициям историографические обзоры [8, 9, 15].

Одной из несомненных аксиом является то, что варяжский вопрос всегда тесно переплетался с политикой и официальной идеологией. Если в XVIII в. участников дискуссии откровенно стимулировали регулярные русско-шведские конфликты и самоутверждение Российского государства в ряду европейских держав, то в XIX столетии ситуация существенно изменилась. С «нейтрализацией» стран Скандинавии, развитием научной методологии и явной демифологизацией представлений о политогенезе, с началом активных археологических исследований, перекрёстным привлечением данных многочисленных средневековых источников, картина событий ранней русской истории предстала в несколько ином свете. Одновременно заметно менялась социальная структура российского общества. Именно это последнее обстоятельство стало решающим фактором проникновения сугубо научного спора в массовое сознание. Хотя и менее ощутимая, чем в западноевропейских странах, демократизация общества обеспечила летописному факту призвания князей паблисити, а норманнский вопрос стал элементом национальной идентичности. Безусловно, не главным и не ключевым, но имеющим существенное значение в формировании таковой. Вероятно, наиболее ярким свидетельством значимости и популярности темы служит её активная эксплуатация в отечественной юмористике – от А.К.Толстого с его «Русской историей от Гостомысла 862-1868» до «Всеобщей истории, обработанной «Сатириконом»». Очевидно, что лишь персоналии и сюжеты, прочно вошедшие в национальную мифологию и общепонятные, имеют шанс на увековечение в анекдотах, эпиграммах и фельетонах.

Вместе с тем, принадлежность к той или иной стороне спорящих отнюдь не была безобидной. Обвинения в отсутствии патриотизма или, напротив, его «квасных формах» имели место как при монархии, так и после её падения. Правда, до революции трудно указать явные случаи травли кого-либо из оппонентов. С одной стороны, нравы общества тому препятствовали, с другой – нельзя говорить о наличии в этот («постъелизаветинский», назовём его так) период официальной идеологии в вопросе о варягах. В то же время с середины 1930-х практически до конца советской эпохи существовали отчётливые идеологические установки, предусматривающие обязательный антинорманизм – в более или менее жёстких формах. Выход за рамки дозволенного был чреват опалой, что и произошло, например, с корифеем ленинградской археологии В. И. Равдоникасом в конце 1940-х гг. Это колебание идеологических норм, само по себе достойное пристального научного анализа, поистине удивительно и молниеносно. Так, Е. А. Рыдзевская в 1934 г. отводила им место «элемента... чрезвычайно энергичного и деятельного,... активизирующего элемента в области торговли, сопутствующего широкому развитию её, с чем связывается, в свою очередь, целый

ряд существенных социальных и экономических последствий» [13, с. 623]. А первое издание Большой Советской энциклопедии в 1928 г., с благословения и лёгкой руки «отца советской исторической науки» М. Н. Покровского, прямо отмечало скандинавское происхождение варягов, а также то, что в середине IX в. в Восточной Европе образовался ряд варяжских княжеств, главные из которых находились в Новгороде и Киеве, из слияния которых и возникло, собственно, Древнерусское государство. До начала 1930-х гг. антинорманизм приравнивался к великорусскому шовинизму, однако уже через десятилетие, благодаря в первую очередь политике и практике германского национал-социализма, вектор изменился на прямо противоположный. Типичным является высказывание академика Б. Д. Грекова 1953 г.: «Американо-английские фальсификаторы истории и их белоэмигрантские прислужники-космополиты вновь стараются использовать эту легенду в своих гнусных целях, тщетно пытаясь оклеветать славное прошлое великого русского народа» [12, с. 76-77].

Отметим, однако, что многочисленные примеры нелюбимых высказываний, эмоций, замещающих здравый смысл и логику, а также игнорирования прямых свидетельств источников традиционно были визитной карточкой антинорманистов. Норманисты же, если пользоваться традиционной фразеологией – а она небесспорна и небыстречна – преимущественно добывали факты и упорядочивали источники. Что же в итоге?

Можно считать вполне доказанным (и не в последние десятилетия, а уже более полутора веков) скандинавское происхождение самого Рюрика (и, одновременно, легендарность его братьев), отождествлённого ещё Ф.Крузе с Рёриком Ютландским [6, с. 43-73]. Заметим, что в рамках этой концепции Рюрик не имеет ни малейшего отношения к Швеции, чего так боялись антинорманисты позапрошлого века. Можно рассматривать как вполне убедительную этимологию этнонима «русь», восходящую к термину «*rods*» («гребцы»), прошедшему через фильтр западнофинских языков, что снимает один из самых скандальных вопросов – что это был за народ, откуда он пришёл и почему бесследно исчез на «прародине». Народа попросту не было, было самоназвание дружин, превратившееся в название военной верхушки и самого государства. Можно считать очевидным скандинавское происхождение практически всех фигурантов знаменитого договора руси с греками [10, с. 398-411]. Безусловно, самыми очевидными и прозрачными свидетельствами являются сообщения ибн-Фадлана и, в особенности, Константина Багрянородного, неопровержимо свидетельствующие о скандинавском происхождении людей, именовавшихся «русью» и явном отличии их от славян как в языке, так и в образе жизни [5, с. 46-51].

Является ли этот факт угрозой национальной и государственной идентичности, чего явственно опасаются некоторые современные исследователи [14]? Думается, что нет. Во-первых, иноземный фактор в политогенезе – отнюдь не изобретение немцев-академиков или, тем более, идеологов шведского великодержавия XVII в. Основание феодальных государств «находниками», порой и «из-за моря», является устойчивым сюжетом хроникальной традиции, часто отражает объективные реалии и ни в Англии (Хенгист и Хорса), ни в Нормандии (Рольф Пешеход), ни в Аквитании (Хастинг), ни где-либо ещё не рассматривается как фактор, подрывающий национальную идентичность, ослабляющий патриотизм и веру в аутентичность национальной истории. Если вспомнить, что в период классического средневековья вывод своих предков-основателей государства из Рима, Трои, Великой Свитьод и т.д. был практически неизменным атрибутом зарождающихся «поставгустинских» национальных историографий, проблема вообще размывается. По сути дела, классический антинорманизм – от М. В. Ломоносова до В. В. Фомина [14, с. 474] – стремится подменить скандинавское происхождение князей и кадрового состава их дружин западнославянским, при этом главным методом современного антинорманизма является реанимация идей историографии «донаучного» периода: XVI-XVII столетия. Что именно здесь способствует росту патриотизма – не вполне понятно.

На наш взгляд, незаслуженно редко привлекается исследователями блистательная (и неопубликованная при жизни) статья М. И. Артамонова 1972 г., посвящённая проблемам восточнославянского расселения в северном направлении в период VI-VIII вв. Между тем

она снимает множество вопросов и позволяет избавиться от традиционного околонучного мифотворчества, чётко разделяющего «миролюбивых» славян и «агрессивных» скандинавов. Археологические материалы уже в середине XX в. продемонстрировали, что скандинавская и славянская экспансии принципиально мало чем отличались друг от друга [1, с. 285-288], с той лишь разницей, что скандинавы обеспечивали Восточной Европе включение в масштабную систему международной торговли и культурного обмена.

В сущности, главами интернационального племенного союза вокруг Старой Ладogi, где уже в начале IX в. выявлены убедительные следы пребывания скандинавов, был «перекуплен» отлично зарекомендовавший себя глава вооружённой дружины из фризского Дорестада (оставшегося без охраны и через год сожжённого викингами). Вряд ли приходится сомневаться, что скандинавы имели на тот момент репутацию квалифицированных воинов (особенно в случае профессионалов, «морских конунгов», каковым Рюрик и являлся), лучших мореходов Европы, а, возможно, и всего Старого Света. Не менее возможен и вариант целенаправленного стремления Рюрика, а также администрации франкского двора, тесно с ним связанного, к установлению контроля над издавна посещавшимися скандинавами речными артериями Восточной Европы. Впоследствии «охранное предприятие» существенно повысило свой статус, возглавив процесс строительства государственных структур. Впрочем, подробности этого процесса, в силу маловероятности источникового обоснования, скорее всего, останутся нам неизвестными.

Как бы то ни было, складывающееся фактически синхронно с североевропейскими монархиями восточнославянское государство именно в силу этой вовлечённости в общеевропейские экономические, политические и личностные связи обеспечило себе достойное место в средневековой истории, а тенденции упадка и деградации явственно проявили себя как раз с началом процесса изоляции от европейского пространства.

Таким образом, факт причастности скандинавских викингов к процессу политогенеза Древней Руси может и должен рассматриваться и пропагандироваться в качестве существенного и позитивного момента отечественной истории, фактора, роднящего русскую историю с историей европейского континента и, в частности, североевропейских стран. Национальную идеологию нельзя сформировать волюнтаристски, но «норманский фактор» может быть весьма конструктивным элементом в её созидании. Как представляется, трезвое признание исторических реалий гораздо больше соответствует переживаемому моменту, чем упорное отрицание очевидного. К рубежу XIX-XX столетий российское общественное сознание, наконец, сформировало трезвый, объективный, уважительный и чуть ироничный взгляд на норманнов в русской истории как безусловную часть «национального мифа». В дальнейшем равновесие вновь было нарушено. Думается, возврат в точку этого гомеостаза может быть одним из факторов нормализации духовной ситуации в стране. При этом крайне важно осознавать всю степень ответственности научного сообщества за адекватный образ прошлого в массовом сознании, не пренебрегая, однако, теми безусловно уникальными возможностями, которые явственно предлагает нам реальная история и ещё более реальная археология варяжского вопроса.

Список использованных источников:

1. Артамонов М.И. Первые страницы русской истории в археологическом освещении // Советская археология. М., 1990. СС. 270-290.
2. Каратовская В.В. Норманнская проблема и отечественная художественная литература // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 347. С. 75-78.
3. Каратовская В.В. Перспективы историко-психологической интерпретации варяжского вопроса (в контексте анализа современной учебной литературы) // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2010. № 9. С. 114-119.

4. Клейн Л.С. Спор о варягах. История противостояния и аргументы сторон. СПб.: Евразия, 2009.
5. Константин Багрянородный. Об управлении империей. М.: Наука, 1989. 496 с.
6. Крузе Ф. О происхождении Рюрика // Журнал Министерства Народного Просвещения. 1836. Январь. СС.43–73.
7. Лебедев Г.С. Эпоха викингов в Северной Европе. Л.: Изд-во СПбГУ, 1985.
8. Максимович М.А. Откуда идет Русская земля, по сказанию Несторовой повести и по другим старинным писаниям русским. Киев: В Унив. тип., 1837.
9. Мошин В.А. Варяго-русский вопрос // Slavia. Casopis pro slovanskou filologii. Rocnik X. Sesit 3. Praze, 1931.
10. Николаев С.Л. Семь ответов на варяжский вопрос // Повесть временных лет / Пер. с древнерусского Д. С. Лихачева, О. В. Творогова. Комментар. А. Г. Боброва, С. Л. Николаева, А. Ю. Чернова при участии А. М. Введенского и Л. В. Войтовича. Ил. М. М. Мечева. СПб.: Вита Нова, 2012. С. 398–430.
11. Носова Е.С. Культура Скандинавских стран эпохи викингов на уроках истории в школе // Образование. Наука. Научные кадры. 2012. № 4. СС. 224-226.
12. Очерки истории СССР IX-XIII вв. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1953.
13. Рыздзевская Е.А. К варяжскому вопросу (Местные названия скандинавского происхождения в связи с вопросом о варягах на Руси) // Известия АН СССР. 1934. №7-8.
14. Фомин В.В. Варяги и варяжская Русь. К итогам дискуссии по варяжскому вопросу. М.: Русская панорама, 2005.
15. Хлевов А.А. Норманская проблема в отечественной исторической науке. СПб.: Изд-во С.-Петербургского университета, 1997.
16. Хлевов А.А. Предвестники викингов. Северная Европа I-VIII вв. СПб.: Евразия, 2002.
17. Хлевов А.А. Рецензия на кн. «Три возраста Холодной войны. The Cambridge history of the Cold War». ED. BY MELWYN P. LEFFLER & ODD ARNE WESTAD. CAMBRIDGE UNIVERSITY PRESS: CAMBRIDGE, NEW YORK, MELBOURNE, MADRID, CAPE TOWN, SINGAPORE, SãO PAULO, DELHI, DUBAI, TOKYO, 2010. VOL. I, II, III. // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2013. Т. 14. № 4. С. 319-324.
18. Мальцев В. Радикально разошлись. Как донецкие ополченцы раскололи «Русский марш». <http://lenta.ru/articles/2014/10/08/marsh/>
19. Хлевов А.А. Норманская проблема в свете археологических источников. Текст диссертации и автореферата на соискание степени кандидата исторических наук в Научной библиотеке диссертаций и авторефератов disserCat <http://www.dissercat.com/content/normanskaya-problema-v-svete-arkheologicheskikh-istochnikov>

**ХОРУНЖИЙ С. Н.,
АРАПОВ А. В.**

КОНСТИТУЦИОННАЯ ИДЕОЛОГИЯ ПРАВОВОЙ СРЕДЫ

Аннотация: в настоящей статье рассматривается юридико-философская категория «идеология»; приводятся аргументы в пользу формирования современной правовой среды, основанной на моральных, духовных и нравственных ценностях нашего общества, его исторических традициях и общественных идеалах.

Ключевые слова: идеология, правовая среда, государство, право, мораль, религия, церковь, ценности, традиции, суверенитет.

Author: Khorunzhy S.N., Arapov A.V.

Summary: This article discusses the legal and philosophical concept "ideology"; argues in favor of the formation of the modern legal environment based on moral, spiritual and moral values of our society and its historical traditions and social ideals.

Key words: Ideology, the legal environment, the state, law, morality, religion, church, values, traditions, sovereignty.

Конституция Российской Федерации признает идеологическое и политическое многообразие, а также многопартийность. При этом, в соответствии со статьёй 13, «никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной». Опираясь на указанную норму Основного закона, многие делают вывод о недопустимости существования государственной идеологии как таковой. Попытаемся найти ответ на вопрос о том, действительно ли Конституция РФ табуирует существование в России идеологии.

Не проводя филолого-лингвистических изысканий в поиске единственно правильного значения понятия «идеология», отметим очевидную трансформацию данной категории на протяжении её научного употребления. Если для родоначальника термина Антуана Дестют де Траси идеология представляла собой некую обобщённую теорию познания, всеобщее учение об идеях, то в марксистско-ленинской философии содержание идеологии раскрывается через классовый подход: буржуазная идеология призвана скрывать реальность, отражая её в искажённом виде [1, с. 149-154; 2, 5, 6].

Многообразие определений проанализировано и систематизировано британским философом Т. Иглтоном, который классифицировал существующие определения идеологии следующим образом: 1) способ наполнения смыслом и значением элементов и ценностей в общественной жизни; 2) основа для идей соответствующих социальных групп или классов; 3) идеи, которые помогают узаконить доминирующую политическую власть; 4) ложные (ошибочные) идеи, которые помогают узаконить доминирующую политическую власть; 5) систематически (методически) искажаемая информация; 6) самостоятельный предмет исследования; 7) формы интеллектуальной мотивации общественного интереса; 8) мировоззренческая идентификация [4, с. 314–322]; 9) социально необходимая иллюзия; 10) конъюнктура власти и соответствующего дискурса; 11) среда, в которой социальные акторы осознают смысл окружающего их мира; 12) ориентированный на действия набор убеждений (верований); 13) смешение языковедческого (лингвистического) существа и феноменологической действительности; 14) предмет семиотики; 15) необходимая среда, благодаря которой индивидуумы идентифицируют себя с соответствующей социальной структурой; 16) процесс, благодаря которому социальная жизнь преобразуется в естественную действительность [11].

Указанные выше идеологические моменты совместно с юридическими основами социальной жизни образуют совершенно определённую окружающую нас правовую среду. Под последней следует понимать совокупность отношений, юридических связей, правовых доктрин и идей, правоприменительной практики, создающих предпосылки для правового поведения субъектов в соответствующей социальной системе, функционирующей в пределах государственной территории в конкретный исторический период её развития [3, с. 4–6.]. На каждом из этапов существования и развития правовой среды изменяется акцентуация политико-юридического содержания идеологии. Известные исторические итоги развития советского государства, произошедшая трансформация социально-политического устройства страны и последующие фундаментальные преобразования социально-политической жизни нашли непосредственное отражение и в правовой доктрине новой России, и, конечно, в Конституции нашей страны.

Указанным выше обстоятельствам нашего исторического прошлого, а также допущенному в доктрине смешению понятий «государственная идеология» и «политическая пропаганда» в тексте Основного закона была дана соответствующая оценка. О прямом влиянии социально-политической обстановки на «букву закона» говорят и учёные-практики, принимавшие участие в работе над текстом Конституции России. В частности, по мнению

Б. С. Эбзеева, конституционное признание политического плюрализма явилось «рефлексом на насаждавшийся десятилетиями идеологический монизм, который закреплялся советскими конституциями и поддерживался всеми институтами государственной власти» и далее: «Конституция ни при каких условиях не допускает подмены народного суверенитета <...> партийной олигархией и монополией партий на формирование политической воли народа» [10, с. 238–239]. Вместе с этим экс-судья Конституционного Суда России первого состава проникновенно заявляет, что констатация идеологического многообразия в Конституции РФ не ограничивается провозглашением прав на разработку и развитие теорий идеологического характера: Основной закон признаёт существование политических партий в качестве неотъемлемого условия конституционного строя, придаёт им статус института, необходимого для функционирования демократии в рамках правового государства.

Иными словами, Конституция РФ, декларируя идеологическое и политическое многообразие, не устанавливает запрета на существование общей национальной идеи, которая может стать предметом идеологии политических и гражданских институтов. В этом смысле возникает закономерный вопрос о допустимости государственной идеологии, а не какой-либо (частной, политической, правовой) в качестве государственной. Приведённое выше различие носит не только лингвистический характер, но прежде всего государственно-юридический. В этом смысле представляется абсолютно верной позиция судьи Конституционного Суда РФ Г. Гаджиева, который, опираясь на текст Основного закона, делает вывод о том, что у «государства может быть идеология, но она не должна быть эксклюзивно-обязательной» [7]. Допустимость такого понимания судья Конституционного суда РФ обосновывает известным правилом толкования законов: законодательные понятия следует интерпретировать не изолированно, а в системе с другими положениями, которые есть в законе, и, что самое важное, — в соответствии с теми целями, которые ставились при принятии закона или Конституции и указаны в её преамбуле. По мнению учёного, в тексте вводной части заключена «идеология конституционного патриотизма».

Добавим, что в тексте Конституции РФ содержатся также и другие государственные, политико-социальные концепты, которые в полной мере можно считать идеологическими: государственный суверенитет, федерализм, верховенство права, приоритет прав и свобод человека и гражданина [8].

Более того, указанные конституционные правоположения получают дальнейшее развитие в основополагающих актах доктринального порядка — различных концепциях и программах. Приведём лишь некоторые: Концепция общественной безопасности в Российской Федерации (утв. Президентом РФ 20 ноября 2013 г.), Концепция внешней политики Российской Федерации (утв. Президентом РФ 12 февраля 2013 г.), Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации (одобрена решением Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства от 7 октября 2009 г.) и др.

Совершенно очевидно, что в подобных правовых документах находит выражение государственная идеология существования и развития страны. Поэтому, соглашаясь с изложенной ранее позицией профессора Г. Гаджиева, предложим отделить идеологию как философское понятие от идеологии как государственной политики. Очевидно, что любая идеология (политическая, философская, религиозная) не должна стать государственно-обязательной. Однако не менее ясно, что любая система (права, государства) образует свою собственную правовую среду с присущими ей специфическими чертами, которые, по сути, являются её идеологическими скрепами. В рамках такого нормативно-территориального пространства формируются сопутствующие общественные отношения, юридические связи, правоприменительная практика, правовые доктрины и идеи, соответствующие конкретному историческому периоду развития государства. Для юридического сознания очевидно, что кумулятивную роль в этом процессе играют обобщённые в доктрине права нормативно-позитивистские принципы и социально-политические условия жизни общества, нашедшие отражение в основном законе государства — Конституции. В этом смысле всякая

конституция содержит определённые идеологические начала. Исходя из текста и смысла норм Конституции РФ, можно говорить как минимум о патриотических, социальных, демократических и правовых идеологических основах нашего государства.

Естественно, мировоззрение различных социальных групп в российском обществе не является и никогда не являлось одинаковым. Однако, поскольку государственный строй не может держаться на одном лишь принуждении, должно было существовать определенное согласие относительно культурных, политических, хозяйственных моделей, должна существовать некоторая общая идеология. Несомненно, для упомянутого согласия необходимы: 1) наличие общего представления о некотором идеале религиозной, государственной, хозяйственной жизни; 2) сознания определенного соответствия наличной действительности этому идеалу, соответствия, достаточного для того, чтобы считать существующее положение вещей в приемлемым.

Сказанное свидетельствует о возможности поставить вопрос о наличии конституционной идеологии, её месте и роли в правовом и социально-политическом пространстве нашего государства. Действительно, Основной закон пронизан принципами законности, демократизма, защиты прав человека и многими другими, которые составляют доктринальные основы принимаемых во исполнение нормативных правовых актов. Всё это является вектором для дальнейшего развития всей отечественной правовой доктрины.

Феномен конституционной идеологии значительно шире категории права и включает в себя не только собственно догмат права, но и его дух, традиции и ценности — составляет нормативное содержание существующей правовой среды.

В основе конституционной идеологии лежит не власть как таковая, не закон или некая правовая догма, но воля многонационального народа, являющегося «носителем суверенитета и единственным источником власти в Российской Федерации». Именно он, соединённый «общей судьбой на своей земле, утверждая права и свободы человека, гражданский мир и согласие, сохраняя исторически сложившееся государственное единство, исходя из общепризнанных принципов равноправия и самоопределения народов, чтя память предков, передавших нам любовь и уважение к Отечеству, веру в добро и справедливость, возрождая суверенную государственность России и утверждая незыблемость её демократической основы, стремясь обеспечить благополучие и процветание России, исходя из ответственности за свою Родину перед нынешним и будущими поколениями, сознавая себя частью мирового сообщества», определяет всю идеологию будущего нашей страны.

Сам текст Конституции задает нам три основных столпа конституционной идеологии: приверженность духовно-нравственным традициям, республиканское правление и национальную безопасность.

Первый. Приверженность духовно-нравственным ценностям выражена словами Преамбулы: «чтя память предков, передавших нам любовь и уважение к Отечеству, веру в добро и справедливость». Русской философской мысли всегда было чуждо представление о государстве как о формально-механической системе. Н.В. Гоголь писал в «Выбранных местах из переписки с друзьями»: «Вы очень хорошо знаете, что приставить нового чиновника для того, чтобы ограничить прежнего в его воровстве, значит сделать двух воров наместо одного. ... Человека нельзя ограничить человеком; на следующий год окажется надобность ограничить и того, который приставлен для ограниченья, и тогда ограниченьям не будет конца. ... Нужно оказать доверье к благородству человека, а без того не будет вовсе благородства. ... нужно напирать на то, чтобы каждый держал сам себя в руках, а не то, чтобы его держали другие; чтобы он был строже к себе в несколько раз самого закона» С. Н. Булгаков в «Свете Невечернем» описывает свое видение сакрального смысла власти, как образа всемогущего Бога. При этом он делает следующие показательные замечания «Вообще между властью и Эросом существуют сложные отношения, которые колеблются между антагонизмом и сближением. Ощущается постоянное стремление смягчить... мужскую жесткость власти, превратить ее в эротический союз, в котором порядок совмещался бы с полной свободой и явлена была бы тайна свободного повиновения

и повинующейся свободы». Нравственное измерение государства выражено и в понятии социального государства, которое раскрывается в статье 7 Конституции РФ. Это соответствует русской религиозно-философской традиции, в которой государство понимается как «учреждение, благодаря которому можно на деле жалеть, т.е. давать помощь и защиту вместо десятков и самое большое сотен единиц – десяткам и сотням миллионов людей» (В. С. Соловьев. Оправдание добра).

Второй. Республиканское правление в свою очередь включает в себя три принципа: разделение властей, верховенство закона, эффективность государства. Разделение властей – классический республиканский принцип. Как писал Жан-Жак Руссо, «законодательная власть — сердце государства, власть исполнительная — его мозг». Шарль-Луи Монтескье добавил к этим двум ветвям власти третью – судебную. В таком виде триада ветвей власти вошла и в Конституцию РФ. При этом верховная государственная власть в республиканском государстве принадлежит народу. Это выражено уже в первых словах Конституции: «Мы, многонациональный народ Российской Федерации...». Именно народ принимает Конституцию и сообщает всем ветвям власти их полномочия. Верховенство закона означает то, что все граждане равны перед законом, государство призвано защищать права граждан, обеспечивать порядок и законность на всей территории страны. Эффективное государство способно добиваться соблюдения своих законов, государственный аппарат в нем способен поддерживать порядок, взимать налоги и осуществлять управление на своей территории. Государственные служащие в эффективном государстве являются добросовестными, профессиональными и компетентными.

Третий. Конституция, начиная с преамбулы, затрагивает вопросы национальной безопасности: «Сохраняя исторически сложившееся государственное единство ... стремясь обеспечить благополучие и процветание России». В.С. Соловьев писал в «Оправдании добра», опираясь на исторические примеры: «"Выедет крестьянин в поле землю пахать, наскочит на него половец, самого убьет, коня угонит; придут потом на село половцы толпою, всех крестьян перебьют, дома сожгут, жен уведут в полон, а князя в это время своими усобицами занимают". – Жалость к этим крестьянам, чтобы не ограничиваться одними чувствительными словами, должна была естественно перейти в организацию крепкой и единой государственной власти, достаточной для защиты крестьян от княжеских усобиц и половецких набегов».

С учётом сказанного вполне обоснованно использование термина «конституционная идеология» как в доктрине права, так и в социально-политической жизни общества. Конституционная идеология пронизывает окружающую нас правовую среду как стержневой элемент, придающий стройность всему правовому пространству и вносящий ясность в его функционирование и дальнейшее развитие.

Список использованных источников:

1. Дестют де Траси А. Элементы идеологии. Ч. 1. Идеология в собственном смысле слова. Гл. 11. Размышления о предшествующем и о способе Кондильяка анализировать мысль // Вопросы философии. 2013. № 8. С. 149-154.
2. Иванова А. С. Начала «идеологии»: Антуан Дестют де Траси и его наука об идеях... // Вопросы философии. 2013. № 8. С. 146–165.
3. Концепция инновационного развития правовой среды / Автор. колл.: О. И. Чердаков, Н. А. Жильцов. М., 2013. 17 с.
4. Лосев А. Ф. Дерзание духа. М.: Политиздат, 1988. – 366 с. (Личность. Мораль. Воспитание). Учёный писал: «интеллигентность есть функция личности, возникающая только в связи с той или иной идеологией».
5. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 39. С. 83.
6. Маслова Е. А. Эволюция представлений об идеологии в политической теории // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Международные отношения. Политология. Регионоведение. 2011. № 6 (1). С. 315–319.

7. Отечество — не корпорация // Российская газета. 19 февраля 2014 г.
8. Поярков С. Ю. Ценностные основания идеологии российского конституционализма // Конституционное и муниципальное право. 2013. № 6. С. 18–20.
9. Хорунжий С.Н. Государственный суверенитет и юридическая справедливость судебных решений в институционально-историческом аспекте // Вестник Российской нации. 2013. № 5. С. 233 - 247.
10. Эбзеев Б. С. Конституция, власть и свобода в России: Опыт синтетического исследования. М., 2014. – 336 с.
11. Eagleton T. Ideology: An Introduction. Verso; London — New York, 1991.

ШАРИПОВ М. Р.

РЕГУЛЯТИВНАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ И ОРГАНИЗАЦИЯ МИРА

Regulatory conditioning and the organization of the World

Аннотация. В статье рассмотрена схема раскрытия непознанного и абсолютно непостижимого Мира, определяемого как Всесовершенный атрибут Всеобщей Субстанции, как его Всесовершенная особенность (Абсолют). Причём, в осознания образа Всеобщей Субстанции, как расширения той субстанции, что дана была Б. Спинозой, как образ «*causa sui*» или *Всесовершенной причинности* в основании Божественной Субстанции, – принято, что в основании всеобщего первоначала абсолютной непостижимости Мира лежит образ *Всесовершенного основания*, как «основания самого себя» или «*abb sui*», как основания Всесовершенной Субстанции и основание особенности его абсолютной неявленности. При этом, формой постижения, различения, созидания и творения в законодательной организации Мира выступает *регулятивная взаимообусловленность*, которая различима в организации теоретического Разума, как *концепты* гносеологической особенности, а *регулятивная причинность* выступает в деятельности практического Разума как закономерные конструкты физической особенности. При этом, *истина Единства* как устойчивость Единого – это способность к единению «жизненного образа», есть устойчивость активности не всякой, а концептуально- гармонической, организмической различимости взаимосвязей, объективно выступающих как жизненный образ Природы, как центр Созидания организмических ноуменов Бытия, охваченных Всеединым Сущим и являющего рассудочные образы Бытия. Которые, в регулятивности всевозможных истин (мнений) своего Единства, есть устойчивость концептов *организмического Единства*, из чего мировая Душа (НУС) мыслит собственное мыслимое, подвижное Бытие. Это мыслимое определяется не только в деятельности Нуса, как мирового Духа, Всеединства или всесовершенного Разума при раскрытии *метафизической первопричины* Бытия, а также в деятельности познающего самого себя индивидуального разума (*mens*), как образа мировой Души (НУСА), выступающего ментальной деятельностью разумной человеческой души, рефлексивно вносящей независимое раскрытие *метапсихической первопричины* Бытия или развёртывание антропологического центра реального бытия человека, что и определяет природу организмического психосинтеза

Ключевые слова: Абсолют, субстанция, Сущее, «*causa sui*» и «*abb sui*», атрибут, особенность, воля, дух, НУС; регулятивная и всесовершенная причинность; детерминация и взаимообусловленность; организация и деятельность; действительность, реальность и ирреальность, ментальность; метафизическая и метапсихическая первопричина, организмическое видение Природы, рефлексия.

Касаясь понятия регулятивность, следует сказать, что это первичный и устойчивый атрибут в организации Абсолюта, т.е. Регулятивность, есть устойчивость Активного или первичное Единство Логоса, как контрарное противопоставление той неустойчивости, что выступало до этого устойчивостью *абсолютной неявленности Мира*, устойчивостью Трансцендентной особенности. Первичное Единство Логоса есть модус Логоса или мировой Разум. В свою очередь, понятие *регулятивная взаимообусловленность*, как форма постижения и как организация некоторой целесообразности, – это иное и более высокое понятие относительно *закономерной обусловленности* и закономерной причинности, онтологически связанное со свободной причинностью. Тем более, регулятивная взаимообусловленность онтологически взаимосвязана со *свободной взаимообусловленностью*, обладающей устойчивой, но произвольной и неопределённой формой регулятивной организацией, способной к произвольным и неопределённым законодательствам мирового Разума.

Кроме того, понятие регулятивного, дополнительно связанное со сменой структурно не гомеоморфных состояний, - не обладает логически определяемым дефиниенсом, т. е. оно связано с такой законодательно определяемой формой свободной взаимообусловленности волевых форм, которая не имеет закономерных форм возможности, а имеет произвольный гомеоморфизм и вариабельный морфизм взаимообусловливания связей, т.е. имеет законодательные формы теоретического Разума, как произвольное и неопределённое многообразие волевой и вариабельно-связной обусловленности, различия, организации и межсистемной объективации структурных состояний, относимых к онтологическому основанию Мира и мировому Разуму. Причём, в состав гносеологической особенности Мироздания, регулятивная обусловленность деятельного Разума включает не только метафизическое, но и метапсихическое первоначало, как развёртываемое основание человеческого разума, как шеллинговский образ *рассудка в собственном его смысле*. При этом, признаком рассудочного познания и самого **Рассудка**, выступает устойчивость образов в организации неявленной связности Природы, т.е. образы Регулятивного или устойчивость активности Единого, как законодательное Единство образов истинного Бытия. Поэтому, общая устойчивость Единого (Активного и Пассивного) или *Всеединство*, есть **объективные формы познания**, есть основание для самосознания и становления Сознания, есть устойчивый признак рассудочности. Однако, **субъективные формы познания**, в том числе и всё бессознательное, – это необъективность или неустойчивость возможно целостных (непротиворечивых) обусловленностей, порождающих в поиске устойчивости многообразие подвижного Бытия мнений и воображений, выступающих как *Всецелостность*, как способность к организации устойчивой Пассивности Единого и единству всего Концептуального, как способность к **восприятию чувственной организации** и чувственного познания, потенциально заложенного в неявленной организации Природы, но проявляющегося в закономерностях практического употребления Разума. При этом в устойчивом единстве объективных форм, т.е. в устойчивости всего Концептуального или Всецелостного определяется субстанциональность, как устойчивая или единая причинная организация концептов, как причин самих себя. Поэтому, в субъективных формах познания возникают также формально замкнутые организации теоретических конструктов и парадигм, как закономерные и теоретически независимые субстанциональности.

Однако, организация внутренне законодательной и духовно- регулятивной взаимообусловленности истинного Бытия ведёт к истокам организации первоначал Мира, к «благу» или к тому, что связывает истинное Бытие с его безначальным Началом или Всесовершенной особенностью (Абсолютом). Это требует осознания образа Всесовершенной (всеобщей) Субстанции, как расширения той субстанции, что дана была Б. Спинозой, как образ «causa sui», как всеобщей причины самой себя. В его понимании субстанция, как и Бог, есть причина сам по себе [1, с.213] или «causa sui», а также субстанция является бесконечно совершенной [1, с. 50] или *Всесовершенной* и как «Бог есть абсолютно первая причина». Тогда, основой Божественной субстанции является всеобщая или

Всесовершенная причина. Однако следует говорить не только о причинном основании субстанции или «causa sui», а также о беспричинном основании. Скорее о том верно понятом образе истинного Бытия, что уже не есть некая имманентная причинно-обусловленная организация, порождающая мнения и воображения обо всём подвижном, как отражение подвижного в истинном Бытие, а есть организация, имеющая собственно-обусловленное основание, включающее беспричинность и бессознательность. Иначе говоря, *Всесовершенная Субстанция* имеет в основе не только Всесовершенную причинность, а обладает Всесовершенным (всеобщим) основанием, представляющим его *Абсолютную непостижимость* (и непознаваемость). Причём, в одном из оснований такой всесовершенности проявляется Спинозовская способность «causa sui» или Спинозовский образ божественности, как *Божественной Субстанции*, атрибут которой – Божественное Сущее. Поэтому, помимо Спинозовского основания *Всесовершенной причинности* («causa sui»), как основания Божественной Субстанции, следует считать, что в основании Всесовершенного, всеобщего первоначала абсолютной непостижимости лежит образ *Всесовершенного основания*, как «основания самого себя» или «abb sui», как основания Всесовершенной Субстанции, Всесовершенным Атрибутом которой является Всесовершенное Сущее и его Всесовершенная Особенность, Абсолют, как образ абсолютной неявиленности.

Чтобы подчеркнуть свою абсолютную неявиленность, Абсолют выбрал для означивания себя: *Универсальное Противоречие* (У.П.) и результат этого противоречия – неуловимую особенность (– пустое множество). Поэтому, в качестве непосредственной и безусловной особенности Абсолюта в составе его абсолютной неявиленности, как связующей идеи о «благае» истинного Бытия, принята идея об Универсальном Противоречии, рассматриваемой в единстве с неуловимой особенностью Абсолюта, как *абсолютном Ничто*. В соответствии с этим выбором, Абсолют должен был быть в вечной и непостижимой неявиленности, абсолютной неявиленности. Но, логика закона противоречия подразумевает нечто среднее, т.е. некую контрарность противоречивого состояния У.П. Эта контрарность есть неявиленная способность, идущая от Всесовершенной Субстанции и его Всесовершенного основания в абсолютной непостижимости Мира, которая в силу У.П., предполагает для Абсолюта возможность «*потенциального ожидания*», т.е. предполагает в этом ожидании возможность постижимого и открытого мира, возможность первичного Логоса или Единого, как возможность Активного и Пассивного. Это и есть неустойчивость *абсолютной неявиленности Абсолюта*, которая прорвавшаяся из недр Всесовершенной Субстанции и Абсолюта, представляет уже атрибут устойчивого образа У.П., атрибут всех потенциальных возможностей У.П., отличимых от его неуловимой особенности (–), – представляет уже *абсолютную неявиленность Мира*, как трансцендентную особенность.

Итак, неустойчивость абсолютной неявиленности Абсолюта выступает как различимость его неуловимой особенности (–) и устойчивости всех потенциалов У.П., выступает как абсолютная неявиленность Мира или трансцендентная особенность и развёртываемый образ первичного Логоса, обусловленный его потенциальной неявиленностью как возможностью «потенциального ожидания», как возможностью нечто необходимого и сопротивляющегося абсолютному и непостижимому единству Абсолюта, обусловленному способностью У.П. или контрарной возможностью противоречивости этого ожидания, предполагающему возможность постижимого и открытого мира; которая, в раскрытии потенциалов ожидания, наделяет отношениями контрарности всякую возможную обусловленность противоречивых взаимосвязей У.П. Причём трансцендентная особенность, как устойчивый образ потенциальной неявиленности У.П., как устойчивый атрибут первичного Логоса (Единого), есть следующая и осознаваемое противопоставление Логоса своему противоречивому и неустойчивому образу в *абсолютной неявиленности Абсолюта*, есть устойчивая различимость Активного и Пассивного. При этом устойчивость этой различимости или устойчивость потенциальной неявиленности У.П. как трансцендентной особенности, есть лишь устойчивость Активного, есть устойчивая форма **Регулятивного**, отображающая все

особенности «*abb sui*» или особенности *Всесовершенного основания Субстанции*, а Пассивное остаётся пока неустойчивой, – создавая дальнейшую неустойчивость первичному Логосу.

Но, снова контражность такого противоречия есть уже неустойчивость трансцендентного и устойчивость первичного Логоса как всеобщей, *Всесовершенной причинности* «*causa sui*», представляющей устойчивый модус или *актуальную неявленность Мира*, как Мировой Разум, как *субстанциональную особенность* и **абсолютное Сущее**, выступающее в двух своих атрибутах: *абсолютного Различия* (Регулятивность) и *абсолютного Хаоса* (*абс. Свобода, Пассивность*) образом *Постигающего центра*. Их противоречие создаёт промежуточную неустойчивость в актуальной неявленности Мира, как новую устойчивость субстанционального, выступающего устойчивостью Пассивного или образом устойчивой **Концептуальности** или Концепта, представляющим устойчивый образ Абсолютной Идеи (сх.1), т.е. устойчивость *организующей особенности*.

Причём раздельная устойчивость Регулятивного и Концептуального есть Универсальные Я и не-Я, выступающие как Универсальная истина Мира (***Истина Различия***) или абсолютная Воля и как абсолютный Дух (Дух необходимой явленности); вместе составляющие устойчивость *организующей особенности* и организацию Мира на новом устойчивом уровне актуальной неявленности, как неявленной организации Абсолютной Идеи, как устойчивость *Различающего центра истинного Бытия*. Такая устойчивость – это устойчивость формы и содержания мирового Разума или раздельная устойчивость Регулятивного и Концептуального, есть устойчивость свободного Разума и свободного Сознания, выступающие как духовно–бессознательные формы «сферы неведения», как ***Самосознание*** среди устойчивых модусов воли и духа, которые в их различённой и непосредственной **законодательности**, напоминают творчество платоновского ***Демииурга*** – создателя истинного Бытия из первобытного хаоса по безусловным нормам или идеям. При этом творчество Демииурга – это новый субстанциональный уровень организации абсолютного Сущего, обязанное Истине Различия, это организующая особенность, которая в устойчивых Концептах Различающего центра видит безусловные идеи истинного Бытия. Но, раскрытие Демииургом истинного Бытия есть раскрытие устойчивой формы ***Организации Мира***, как его *потенциальной неявленности*, – как контрарно противопоставления окончательной неустойчивости абсолютной неявленности Мира, обусловленного противоречивым единством Регулятивного и Концептуального.

Причём, единство или единая устойчивость Регулятивного и Концептуального – это атрибут первичной объективации или потенциально неявленной Природы и её *Созидающий центр*. При этом единство Регулятивного и Концептуального есть уже неустойчивость организующей особенности, есть неустойчивость Абсолютной Идеи, которая порождает новые особенности и новые универсальные истины, как продукты её организации и истинной необходимости абсолютного Сущего, представляющие: Универсальную истину Разума (***истина Единства***) и Универсальную истину природы (***истина Целостности***, непротиворечивости), определяющие трансцензус Мира из модуса его «Неявленности» в первичную явленность Бытия, в конструктивность Универсума. Поэтому, единство трёх Универсальных истин или принципов истинной необходимости абсолютного Сущего (Мирового Разума), первоначально выступающего в качестве Демииурга, а затем и Нуса, представляет всесовершенные, организмические истины, определяющие первичный акт Творчества, представляет ***Организацию Мира*** или всё многообразие истин неподвижного, ***истинного Бытия***. Такой принцип раскрытия Логоса, от которого всё зависит и к которому всё стремится, выступающее как способность абсолютного к конструктивным устойчивостям, доказывает, что единственно возможной концептуальной формой развёртывания и становления Мира является способность мирового Разума к организации структурностей своего Бытия, позволяющее утверждать, что «Разум – дом Бытия».

Однако, неустойчивость организующей особенности в образе Абсолютной Идеи и возникающие контражности «потенциального ожидания» Универсальных истин Единства и Целостности, порождают устойчивость *объективной особенности* и *онтологической особенности*, соответственно представляющие: 1) организмическую объективацию Природы как устойчивое единство Единого (Регулятивного и Концептуального) или **Всеединство**, контрарно определяющегося через истину Единства в противоречивой неустойчивости *организующей особенности*, и 2) Небытие как особенность и устойчивость актуальной неявленности Бытия, представляющей неявленный акт Творения в системной организации Бытия, контрарно определяющееся через истину Целостности в противоречивой неустойчивости *объективной особенности* Мира. Следовательно, образ объективной особенности – это образ Всеединства и истинного, **неподвижного Бытия**, контрарно противопоставляющего своей неустойчивости – устойчивый образ онтологической особенности или системный образ Творения, мировой Души (Нуса). Далее, неустойчивость объективной особенности и Небытия есть устойчивая деятельность **универсального Разума** (теоретического + практического Разума), созидающего и творящего Мироздание и вторичную явленность Мира, как раскрытие и развёртывание физической и гносеологической особенности Мироздания, есть трансцензус из актуальной неявленности Бытия в его потенциальную неявленность и в явленность Бытия, т.е. из неустойчивости «Небытия» акт. в «Небытия» пот. в явленность устойчивого Бытия. Так возникает механизм организации и деятельности Разума, так возникают все формы Бытия, как (не)действительной, (не)сущностной, ментальной и метально-сущностной особенности в составе Сущностной действительности, ведущие к Реальной особенности и Реальной действительности как атрибуту реальной устойчивости и антропологическому Центру, в котором мы говорим о реальном Сущем и о его **бытии**, как кантовском образе Бытия.

Основные атрибуты и модусы Абсолюта

Схема 1

Абсолютная непостижимость Мира

|| НЕПОЗНАВАЕМОСТЬ ИЛИ АБСОЛЮТНАЯ ТРАНСИНТЕЛИГИБЕЛЬНОСТЬ;

ВСЕСОВЕРШЕННАЯ (БОЖЕСТВЕННАЯ) СУБСТАНЦИЯ:

ВСЕСОВЕРШЕННЫЙ АТРИБУТ или ВСЕСОВЕРШЕННОЕ СУЩЕЕ;

Всеобщее первоначало Сущего – «Abb sui»;

ВСЕСОВЕРШЕННАЯ ОСОБЕННОСТЬ: АБСОЛЮТ ~ «Ничто» абс. = (∅);

Атрибуты абсолютной неявленности Абсолюта:

Неуловимая особенность Абсолюта:

Абсолютное Ничто – «+Ничто» абс. = (+∅)

Неустойчивость Абсолютного =

Безусловная и непосредственная особенность Абсолюта:

(-∅) = «-Ничто» абс. – Универсальное Противоречие (У.П.);

Единое: Активность и Пассивность; «потенциальное ожидание»;

Мира (Трансцендентное Ничто, «±Ничто» абс. = ±∅):

атрибут потенциальной неявленности У.П. – ЛОГОС, Единое;

Модус Логоса – Мировой Разум = (U);

Трансцендентная особенность:

Неустойчивость Трансцендентного = устойчивость Активного, Регулятивного;

НЕПОЗНАННОЕ или трансинтелигибельность: актуальная = +U ~ трансцендентность; потенциальная = -U ~ переменность;

Актуальная неявленность Мира = «Ничто» акт. – Актуальное Ничто = U(±∅):

Мировой Разум ~ абс. Сущее: **Субстанциональная особенность:**

(Разум и Абс. Сущее как **Постигающий и Различающий центр**), [-U(±∅)];

Регулятивность и Концептуальность; Трансубъективное:

Неустойчивость Модусы: регулятив Всесовершенной (всеобщей)

Актуального = причинности: «Causa sui»; **Универсальные Я и не-Я:**

= устойчивость Пассивного, Концептуальность;

Универсальная истина Мира: – **Организирующая особенность:**

(Истина Различия); Свободный Разум – Свобода самосознания, (-U) акт;

Организмический модус и ноумен абсолютной субъективности;

Регулятивность; организмические модусы: Воли и Духа; ИДЕИ;

Самосознание и законодательность;

Абсолютная Идея = «±Ничто» акт. = ±U(±∅) акт.;

атрибуты различимости в актуальной неявленности Мира –

организмические атрибуты: Абсолютная Воля: [-U(±∅) акт. ~ Унив. Я] и Дух

необходимой явленности: [+U(±∅) акт. ~ Унив. не-Я, абсолютный или Совер-

шенный Дух] – атрибуты устойчивой организации и обуславливания;

«Демидург»; **первичность истинного Бытия;**

Организация Мира ↔ ноумены Абсолютной Идеи;

Нечто = «±Ничто» акт. = ±U акт.; **ПОЗНАВАЕМОЕ;**

(связь) **Всеединство** – **первичный конгруэнт**

как ноумен **Всеединого Сущего;**

Потенциальная неявленность Мира (Природы):

как устойчивость **первичной явленности Мира**

и **Организмичной Природы:**

Универсальная истина Разума (истина Единства) – **Объективная особенность;** – **атрибут единства:** устойчивая активность Единого

Модусы: (не)объективность и (не)конструктивность, конгруэнтность;

Универсальный (теоретический+практический) Разум, (-U) акт. **Свободная**

Воля (абсолютное Я) как **Созидающий центр** – устойчивая активность Единого,

Организмические ноумены абс. Я: Жизненный образ, Нус или дух

Всеединства; Мышление как модус (kong) атрибута единства;

ОНТОЛОГИЧЕСКАЯ ОСОБЕННОСТЬ: Самосознание и Природа (Бытие) как res cogitans и res extensa;

Неустойчивость Объективного: Актуальная неявленность Бытия (Небытие):

Внешняя Воля (Перводвигатель) как **Творящий центр:** **Мировая Душа, НУС** – образ существования; субъективность;

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ УНИВЕРСАЛЬНОГО РАЗУМА

Физическая особенность = «± Небытие» акт. = **Гносеологическая особенность;**

Универсальная истина природы (истина Целостности), *inv* – **Мироздание;** – **атрибут целостности** (не противоречивость); атрибут целостной

Присущая Воля: Центр структурной организации; **Сознание;** организации или **вторичная явленность Мира** в различимом и

метафизическое и метаспсихическое первоначало как

причинность физической и человеческой, психофизической при-

роды; полнота истинного и образ подвижного Бытия, образ Времени;

Неустойчивость Небытия: изменчивом единстве первичной явленности: Закономерность; Конструктив-

ность Мироздания → УНИВЕРСУМ; гносеологические и эпистемологические

концепты познания, постижения и различения природы; *inv* формы сущностей;

Сознание – целостность Единого;

Потенциальная неявленность (подвижного) Бытия; **Всецелое Сущее (НУС);**

Недействительная особенность = «± Небытие» акт. = **Действительная особенность:**

Конструктивная (трансцендентальная) особенность = **УниверСУМ;** – **структурный атрибут** в конструктивности Мироздания или

Модусы: «± небытие» акт.; «нечто» акт.; «не Бытие + Бытие» акт. и

Время; Регулятивная и Виртуальная Воля как **Конструктивный центр:** структ. атрибут устойчивой целостности в системной организации Бытия,

конструктивные формы «Я» и «не-Я»; **Конструктивное Сущее;** как такой организации, зависящей от выбора системы абстрагирования,

первичность подвижного Бытия; Трансцендентальный Субъект; – лишь в одной из которых обуславливается устойчивость целостного атри-

бута как структурная полнота потенциального элемента, Время; Космос;

Явленность (подвижного) Бытия:

Сущностная и несущностная особенности = природа; – **системный атрибут** или атрибут конструктивной полноты

Модусы: «± небытие» акт.; «нечто» акт.; «не Бытие + Бытие» акт. (детерминации) Бытия: атрибут **вторичной объективации** = природа;

Естественная, Диалектическая, Мент.-регулятивная и Духовная Воля

Материальный центр: **Материя;** атрибут сущностной и (не)сущностной устойчивости: **СОЗНАНИЕ,**

Конструктивность [(не)сущностность] действительного Сущего;

Ментальная особенность; центр Рационального ⊂ **Рациональное (ментальное) Бытие;** – **атрибут третичной объективации:** объективаци-

Модусы: неопределённая и несущностная действительность, объективная недействитель-

ность, инореальность как ментально - (не)сущностная и ментально-несущностная действитель-

ность; Объективная рациональность и действительность; нерациональное, ирра-

циональное Бытие; Ментально-сущностная особенность ментально-сущностной

действительности или рациональной Реальности; Сущая и Субъективная воля; атрибут **третичной объективации:** объективаци-

Ментально-сущностная особенность ⊂ **Сущностная действительность (Реальность)** – **единный атрибут актуальной Реальности**

Модусы: Сущностное Бытие; сущностная или рациональная Реальность: ментально - сущност-

ная или реальная и ирреальная действительность; рационально-целостная, метафизическая

и психофизическая Реальность, Реальное Бытие; Духовная и Научная воля; (реальность + ирреальность) ментального Бытия Менталь-

Центр Реального; **Реальная особенность** ⊂ **Реальная действительность (реальность)** – **атрибут реальной устойчивости;** ного Сущего. – Единство реального и ирреального

Модус метафизической и метаспсихической реальности бытия: Нравственная воля; **Антропологический центр** **реальное Сущее; бытие;** бытия Сущего в сфере первоначальной метафизической и метаспсихической Реальности: **Реальное Сущее.**

В связи с чем, формой различения, созидания и творения Мира в законодательной организации Мира Всесовершенным (божественным) Сущим или мировым Разумом является регулятивная взаимообусловленность, которая различима и постижима в применениях человеческого рассудка и его разума (духа) как законодательная организация Мира теоретическим Разумом, как регулятивная обусловленность гносеологической особенности, обнаруживающейся также в закономерных формах применения практического Разума, но уже как регулятивная причинность физической особенности. Однако в отличие от организации истинного Бытия, деятельность человеческого и универсального Разума способно лишь на творение собственного мира и мироздания; причём, творения произвольного, не различающего *благого. истинного творения и созидания*. Поэтому, истинное Бытие лежит в сфере организации Мира и Мирового Разума, а подвижное Бытие лежит в сфере деятельности практического Разума и Мироздания, включающего конструктивность Универсума, находящееся в бесконечных противоречиях добра и зла. Однако, эволюционно сориентированного на «благо» и гармонию истинного Бытия в лице Универсального Противоречия, раскрывающегося в бесконечных и устойчивых формах контрарных особенностей подвижного Бытия при разрешении их противоречивых не устойчивостей.

Тогда, всякая регулятивная причинность есть закономерная взаимообусловленность субстанциональных отношений физической особенности, как научная истинность знаний сознания в практических применениях Разума и диалектики конкретного. А всякая регулятивная взаимообусловленность есть законодательная обусловленность и охватывает соответственно не субстанциональные взаимоотношения гносеологической особенности как духовную истинность знаний сознания, порождённых аструктурностью условно- и произвольно- регулятивных взаимосвязей автономной и ментально- регулятивных форм теоретического Разума и всеобщей диалектикой. Единство гносеологической и физической особенности в потенциально неявленной организации Мира суть онтологическая и объективная особенность Мироздания, изначально развёртывающихся в первичной явленности своего «*Нечто*» организмический атрибут Природы или атрибут первичной объективации, а в неявленности указывающих на единство организующей и субстанциональной особенности, выступающих в устойчивых Концептах абсолютной Идеи и выражающих образ Рассудка в его собственном смысле.

Список использованных источников:

1. Спиноза Б. Этика. // Б.Спиноза. – М. : Мир книги, 2007. – С. 479.
2. Плотин. Эннеады. Киев: "УЦИММ-ПРЕСС", 1995-1996; К.: PSYLIB, 2003.
3. Лосев А. Ф. Тимей: мифологическая диалектика космоса; www.psylib.ukrweb.net
4. Шарипов, М.Р. Конструктивная устойчивость в научной картине мира. Философский анализ : дис. ...докт. фил. наук / М.Р. Шарипов. – Уфа, 2011. – 380с.
5. Шарипов М.Р. Философия и структура Мироздания (монография). Изд Петрополис, С.-Петербург

ШАРИПОВ М. Р.

РАСКРЫТИЕ И ДАЛЬНЕЙШЕЕ РАЗВЕРТЫВАНИЕ ОСНОВНЫХ УРОВНЕЙ ОРГАНИЗАЦИИ МИРА

Disclosure and the further deployment of the basic levels of the organization of the World

Итак, последовательное рассмотрение регулятивной взаимообусловленности Природы, определяемое истиной Единства и Различия в структурно-смежной организации не субстанциональных форм теоретического Разума, раскрывает их дополнительную Природу, как единство не субстанциональной (трансцендентной, всеобщей) и субстанциональной (единой)

организации, которая указывает на их единство и субстанциональную особенность Мира, охватывающую необъективную и аструктурную обусловленность неявленных взаимосвязей Мира. Но, такая неявленная обусловленность взаимосвязей, выступает в своей во всём не постижимой и не выразимой форме, и доставляет организмический образ всеобщей, *Всесовершенной причинности* как причинный образ *всеобщего первоначала абсолютного Сущего*. Это образ **Божественной Субстанции**, который в своей *абсолютной непостижимости* (непознаваемости) есть Спинозовский образ божественности или «causa sui», как единой и единственной, самодостаточной причины самого себя (Спиноза Б. [1]), атрибут которого – Божественное, абсолютное Сущее или безотносительный и субстанциональный носитель всех свойств Единого и потенциальное ожидание всех свойств Мира. Однако *всеобщее первоначало Сущего* выступает также как всеобщее основание **Всесовершенной Субстанции**, обладающее в своей абсолютной непостижимости и неявленности принципом *всесовершенного основания*, как «основания самого себя» или «abb sui». При этом атрибутом Всесовершенной Субстанции является Всесовершенное Сущее и его Всесовершенная особенность, как абсолютная неявленность или Абсолют. Причём неустойчивость абсолютного (Абсолюта) раскрывается в контрарных особенностях У.П., как Единое и как Логос, обладающее всеми основаниями «abb sui».

В *схеме* раскрытия абсолютно непознаваемого и непостижимого Мира, дополняющего Б. Спинозу, рассматривающего *Всесовершенную причинность* «causa sui» в качестве первоначала и атрибута Божественной Субстанции [1], – предлагается в качестве атрибута Всесовершенной Субстанции и Всесовершенного Сущего принцип *Всесовершенного, всеобщего основания* как *всеобщего* первоначала, как «основания самого себя» («abb sui»), выступающего своей Всесовершенной особенностью как Абсолют [5]. Это позволяет различить дополнительные атрибуты и особенности Всесовершенной Субстанции, начиная от её абсолютной непостижимости и непознаваемости, опираясь на идею Универсального Противоречия и «потенциальное ожидание» всеобщего основания Всесовершенного Сущего, раскрывающегося в устойчивых формах контрарных особенностей при разрешении их противоречивых не устойчивостей.

1 – **Всесовершенная Субстанция** и его Всесовершенный Атрибут или Всесовершенное Сущее в абсолютно непостижимом основании Мира. При этом, всеобщим основанием абсолютной непостижимости и неявленности Всесовершенной Субстанции или всеобщим первоначалом этого Сущего является принцип *Всесовершенного основания Субстанции*, как «основания самого себя» или «abb sui». Принцип Всесовершенного основания есть та особенность Всесовершенной Субстанции, которая предполагает возможность **«потенциального ожидания»**, возможность первичного Логоса или Единого (Активного и Пассивного).

2 – **Всесовершенная особенность** Всесовершенного Сущего суть Абсолют и атрибуты его абсолютной неявленности: атрибут **безусловной особенности** (Универсальное Противоречие, У.П.) и **неуловимой особенности** (абс. Ничто).

3 – **Трансцендентная особенность** – это образ абсолютной неявленности Мира как трансцендентного Ничто, но представляющую в этой неявленности актуальную возможность всех своих оснований «abb sui» или Логос, выступающий как атрибут неявленного образа потенциальных возможностей У.П., как образ Единого, а также как модус Логоса или мировой Разум (Единство Активного – Регулятивность).

4 – **Субстанциональная особенность** Логоса (Мирового Разума) – это образ актуальной неявленности Мира, представляющее субстанциональные атрибуты мирового Разума (**абсолютного Сущего**): абсолютное Различие и абсолютный Хаос (абсолютная Свобода), выступающих, в двух своих устойчивых модусах Регулятивного и Концептуального, образом *Постигающего центра* в образе Абсолютной идеи. Причём, единство устойчивых модусов есть атрибуты сферы трансобъективного, есть атрибуты конститутивности Мирового Разума, выбравшего в качестве всеобщего первоначала и основания *абсолютного Сущего* (Божественной Субстанции) *Всесовершенную причинность* или «causa sui», как самодостаточную причину самого себя (Спиноза Б. [1]).

5 – **Организирующая особенность** как истинный образ *Различающего центра* есть истина Различия в актуальной неявленности Мира или первичный образ истинного Бытия, есть отдельная устойчивость Регулятивного и Концептуального, т.е. устойчивость формы и содержания мирового Разума, выступающего как способность к концептуальному различению организации неявленного

Мира, т.е. различению образа *абсолютной Идеи* и его ноуменов, организуемых атрибутами Воли (абсолютная Воля) и Духа (дух необходимой Явленности), и различающих в последующем: первообраз Природы как потенциальную неявленность Мира и образ Всеединства. При этом устойчивость Регулятивного и Концептуального в организации истинного Бытия есть различающий их образ *Самосознания*, соответствующий различаемой и непосредственной **законодательности**, представляющей творчество **Демииурга** как новый субстанциональный уровень организации абсолютного Сущего, обязанное истине Различия. Но, первичное раскрытие Демииургом истинного Бытия есть раскрытие устойчивой **Организации Мира**, как его *потенциальной неявленности*, как контрарного противопоставления окончательной неустойчивости *абсолютной неявленности* Мира, обусловленного противоречивым единством Регулятивного и Концептуального.

Способность к концептуальному различению организации Мира выражает атрибутивную способность организующей особенности к **субъективной устойчивости**, как способность к необходимой и регулятивно различимой устойчивости концептов Духа, которые в своей первичной непосредственности являют свою духовность или условно-в-себя взятые духовные формы определяемого, как духовную связь *трансубъективного*. Поэтому, различающая способность Разума (Демииурга) требует становления Единства, как устойчивой основы объективной особенности в организации потенциально неявленного Мира, выступающую основой рассудочной и чувственной способности.

6 - **Объективная особенность** – это противопоставляемая устойчивость на неустойчивость организующей особенности, на неустойчивость противоречивого единство Регулятивного и Концептуального, на неустойчивость истин Абсолютной Идеи, требующих в качестве дальнейшей своей устойчивости – новых форм универсальных истин, которыми являются **истина Единства** и **истина Целостности**. Причём, единство трёх Универсальных истин или принципов истинной необходимости абсолютного Сущего (Мирового Разума), первоначально выступающего в качестве Демииурга, а затем и Нуса, представляет всесовершенные, организмические истины в **Организацию Мира**, определяющие всё многообразие истин неподвижного, **истинного Бытия**. При этом контрарные формы «потенциального ожидания» Универсальной истины Единства порождают устойчивость **объективной особенности** в организации потенциально неявленного Мира (Нечто), представляющее организмическую объективацию Природы, как устойчивость **Всеединство** в составе истинного, **неподвижного Бытия**. Действительно, регулятивность истины Единства представляет новую устойчивость к единению, не всякой, а концептуально-гармоничной различённости абсолютной Идеи, выступающей активностью такой способности как жизненный образ Природы, как **центр Созидания** организмических истин *абсолютной Идеи*, представляющих устойчивое единство Единого (Регулятивного и Концептуального), т.е. **Всеединство**. Причём, активность жизненного образа выступает *атрибутом первичной объективации*, атрибутом гармонично различимой **первичной явленности** Природы, образом **Всеединого Сущего**. Последний в многообразии возможных истин (мнений) Единства есть возможность *системной конфигурации* или **системы**, выступающей различимой активностью системных образов в противоречиво и непротиворечиво обуславливаемой связности потенциально неявленного Мира, обнаруживающей единство атрибутов мышления (самосознания, *res cogitans*) и протяжения (бытия, *res extensa*) как первых и актуальных образов в онтологии неявленного Бытия (Небытия). Итак, атрибутом первичной объективации является Природа, а концептом или конгруэнтном этой объективации является мировой Дух (**Нус**), дух Всеединства и **Всеединое Сущее**.

Далее, неустойчивости **объективной особенности** Всеединства, обусловленной противоречивой связностью потенциально неявленного Мира, – противопоставляется устойчивый образ *онтологической особенности* как образ системной организации, образ **Творения**, выступающий как **Творящий центр**, как мировая Душа (**НУС**) и **всецелое Сущее**.

7 – **Онтологическая особенность**. Очевидно, в противоречивой неустойчивости Всеединства, как объективной особенности Мира, и дальнейшей системной организации, возникает необходимость различения и отдельного творения системных форм, выступающей как **Творящий центр** и представляющей уже актуальную неявленность Бытия (Небытие). Причём, потенциально неявленная организация Мира, Природа, обуславливаемая Мировым Разумом, находит теперь свою контрарную устойчивость в деятельности Универсального Разума. Поэтому, в системной активности и различимости Всеединого Сущего, раскрывается предстоящая деятельность **Универсального Разума**, обусловленная: 1) духовными образами, духовно-бессознательными и организмическими ноуменами Нуса (мирового Духа), переходящими к новой устойчивости, но уже не в ноуменальных, а 2) онтологических, объективно-бессознательных формах **Творящего центра**, формах **НУСА** (Мировой

Души) [2, VIII,8 и 9]. Причём, *Единое* как мировая духовная активность есть свободная Воля и мировой Дух (Нус), есть Самосознание или «субстрат», содержание Нуса, т.е. тот образ истинного Бытия, из чего Нус мыслит собственное мыслимое, подвижное Бытие (Плотин). Поэтому, «субстрат» как образ идеального мира, есть образ эманулирующего Единого, существующего вечно и «никогда не заканчивающегося», вечно становящегося и порождающего многообразие мнений. Это есть овеществлённый бесконечный креативный потенциал или активность Единого, – то есть та активность, олицетворением чего Единое собственно и является; генезис которого, как и генезис Различения, предопределён Универсальным Противоречием и, далее, Логосом и Мировым Разумом, выступающих как платоновский образ «блага» или законодательный образ Демиурга в актуальной неявленности «эйдосов» истинного Бытия.

Причём, НУС – это действующая причина существования жизненного образа Природы, это включающая глубинный, объективно– бессознательный уровень коллективного и индивидуального сознания, т.е. ментальный уровень Природы. Поэтому, НУС представляет деятельность Теоретического и Практического, т.е. *Универсального Разума* и не только как всеовершенного Нуса (Ума, мирового Духа) в раскрытии *метафизической первопричины* Бытия, а также представляет деятельность познающего себя *индивидуального разума (mens)* или деятельность разумной человеческой души (Августин) и её самосознание, вносящее независимый психофизический элемент своей деятельности. Такая деятельность, есть необходимость представления независимого первоначала Мира как *метапсихической первопричины* Бытия, наряду с метафизической. В силу чего, психология в лице А. Буземана (1925—1926 гг.) объясняет *рефлексию* как особую способность человеческой души, определяющую «всякое перенесение переживания с внешнего мира на самого себя», т.е. в существующих переживаниях мировой Души (НУСА) проявляется прегнантное воплощение рефлексивной способности человеческого разума и ментальных форм его души. Такая способность человеческого разума, вносит независимое раскрытие *метапсихической первопричины* Бытия как раскрытие переживаний Мировой Души (НУСА), как развёртывание Антропологического центра реального бытия человека, что и выделяет природу организмического психосинтеза [4]. Поэтому, обнаружение в актуальной неявленности Бытия метафизической и метапсихической первопричины, требует различения физической и гносеологической особенности Бытия.

8- Физическая и гносеологическая особенность входят в состав онтологической особенности, и представляют единство противоречий онтологической особенности, выступающих актуально различимой неявленностью Бытия (\pm Небытие)акт, которые в своей различимости доставляют устойчивость деятельных форм Универсального Разума. В том числе, это образы метафизического и метапсихического первоначала, которые характеризуются *универсальной истиной природы (истиной Целостности)* или истиной не противоречивости, выступающей полнотой и завершением многообразия истин в организации истинного Бытия. Однако, выступающих уже в качестве первичных истин подвижного Бытия. Истина Целостности устанавливает возможную структурность системных форм, а также способность к структурной организации или вторичной явленности Мира, что представляет *атрибут целостности*, обнаруживающий *центр структурной организации* Мира или деятельную и целостную форму организации *Всецелого Сущего (НУСА)*, определяющего и творящего образ *Мироздания* и выступающего образом потенциальной неявленности подвижного Бытия. Причём, образ метафизического первоначала Бытия есть единый и целостно развёртываемый образ Природы, где её целостная организация, обусловленная лишь Всеединством и самосознанием мирового Духа (Нуса), не является ещё целостно раскрываемой формой человеческого разума и рассудка. Поэтому, образ метафизического первоначала допускает не только рассудочно диалектические, но допускает также произвольные, спекулятивные способы закономерной причинности, выводящие к вере и религии, но не выходящие за пределы *диалектики конкретного* и конструктивных форм нравственной, духовной определённости практического Разума. Тогда как, раскрытие метапсихического первоначала Бытия диктуется человеческим разумом и душевной волей (НУС) человеческого рассудка, которые устанавливают истинность во *всеобщей диалектики* как всеобщей логики сознания и законодательной сфере теоретического Разума, учитывающего опыт метафизического начала.

Итак, неустойчивость объективной и следом онтологической особенности (Небытия) есть устойчивая деятельность универсального (теоретического + практического) Разума, созидающего и творящего Мироздание и вторичную явленность Мира, как раскрытие и развёртывание физической и гносеологической особенности Мироздания, как трансцензус из актуальной неявленности Бытия в

его потенциальную неявленность и в явленность Бытия, т.е. из неустойчивости «Небытия» акт. в устойчивую потенциальность «Небытия» пот., и в явленность устойчивого Бытия. Так возникает механизм организации и деятельности Разума, возникают последовательные формы Бытия.

9 - **Недействительная и действительная особенности** – это устойчивые особенности Мироздания в потенциальной неявленности Бытия как подвижного Бытия или «Небытия» пот. Они выступают как устойчивые контрарные особенности относительно неустойчивого образа «±Небытия» акт, как **конструктивный Центр** Мироздания или **конструктивное Сущее**, и представляют **атрибут структурности** или атрибут устойчивой целостности, возникающий лишь в одной из системных конфигураций подвижного Бытия, лишь в одной из систем абстрагирования, называемой **системной явленностью**, имеющей качество **устойчивости действительного** и представляющей **полноту целостности** как потенциальность структурной формы в виртуальном многообразии целостностей подвижного Бытия. Очевидно, атрибут структурности есть космический атрибут и его следует считать космической структурой Бытия, потенциальным элементом Времени и началом **Космоса**. Следует отметить, что потенциальный элемент времени есть первичный и потенциально неявленный деятельный образ **всеобщего** первоначала «abb sui», есть единая возможность, которая несёт в себе все неявленные конструкты или виртуальные формы организации Мира и простирается от его всевозможных параметрических форм, возникающих в человеческом сознании и не способных материализоваться (в силу невозможности в целом охватить сознанием Единое во всех его диалектических формах и способностях в законах Сохранения), до реально определённых в потенциальном ожидании Единого причинной (каузальной) взаимообусловленности событий, обусловленных мировым Разумом (абсолютным Сущим) и порождающей божественные субстанции первичной субстанциональной особенности (рис. 1); выражающих, в конце концов, собой как материализацию, так и формы реального Времени.

Причём, **устойчивость** – это качество системной конфигурации, это конструктивный образ системной явленности, выступающий либо в форме **структурной возможности**, либо **системной положенности**. Это конструктивный образ действительных и недействительных форм **Универсума**. При этом, устойчивость системной положенности или конструктивная форма системной явленности, – не является обязательной формой конструктивной полноты явленности, ибо может оказаться устойчивой, но нецелостной или противоречивой формой системной положенности, – не определяясь, как форма устойчивой целостности, а определяясь только как конструктивность или конструктивная нецелостность устойчивой системной формы, представляя противоречивую обусловленность потенциального элемента в конструктивном становлении его устойчивой целостности. Однако, устойчивость структурной возможности или системная организация данных структур, есть уже **конструктивная полнота** такой организация, есть устойчивая причинная обусловленность, ибо представляет устойчивость и имманентную не противоречивость структурных возможностей системы, представляет явленность таких форм **подвижного Бытия** как многообразие действительных форм. Тогда, не раскрытая полнота устойчивого образа системной явленности выступает как конструктивная полнота (**устойчивая целостность**), так и конструктивная не полнота (**устойчивая нецелостность**), представляя устойчивый образ всевозможных структурных состояний конструктивного **содержания действительной и недействительной меры**, которые в рассудочных структурах конструктивного содержания доставляют всевозможную рациональность систем **объективной и необъективной** явленности, доставляют образ Универсума. Поэтому, устойчивость системных положенностей и полнота всех форм структурных возможностей Мироздания есть системная организация и всевозможная конструктивность рациональной и нерациональной структурности Мироздания, есть **конструктивность Универсума** и образ **конструктивного (Трансцендентального) Сущего**, образ **Трансцендентального Субъекта**.

Далее, устойчивость структурных возможностей подвижного Бытия или их устойчивая целостность есть системная организация и конструктивность явленных форм подвижного Бытия, есть **явленность подвижного Бытия в её рационально целостной и конструктивной полноте сущностного образа**. Поэтому, неустойчивость потенциальной неявленности Бытия или «Небытия» пот. противопоставляется устойчивой форме явленности подвижного Бытия или её конструктивности, выступающей как природа в её сущностной и несущностной особенности.

10 – **Сущностная, Несущностная и (Не)сущностная особенность** (системность) или **Материальный центр** явленности подвижного Бытия, представляет в своей устойчивости системный атрибут полноты конструктивных форм **вторичной объективации**, представляет системный **атрибут природы** как явленность подвижного Бытия в его сущностной и конструктивной

полноте определённой объективности, материи. Но, не представляющего конструктивную полноту в неявленностях подвижного Бытия этих особенностей, выступающих как не природные формы несущности (конструктивно устойчивой) и (не)сущности (конструктивно неустойчивой) системности, но выражающие конструктивность объективной действительности и недействительность *Действительного Сущего*, а также выражающие неопределённую объективность его недействительности, требующих полноты конструктивного.

11 - **Ментальная особенность** (рациональность) сущностной, несущности и (не)сущности действительности в явленности и неявленности подвижного Бытия, определяет в своей устойчивости *атрибут третичной объективации* и *Рациональный центр*, который в целостной организации Мироздания и объективной рациональности Бытия представляет объективацию рациональной явленности конструктивных форм, как третичную объективации *Ментального Сущего*: как объективацию образов Бытия-I и Бытия-II в действительность *ментально- несущности* и актуализацию *ментально-сущности* особенности в соответствующие формы реального и ирреального Бытия.

12- **Ментально-сущностная особенность** ментального Бытия раскрывается как сущностная или рационально-целостная действительность *Сущностного Бытия*, как *Реальность* и центр Реального Бытия. Она определяет *атрибут актуальной Реальности* или *атрибут сущностной действительности*, назначающий устойчивость сущностных форм реальной и ирреальной действительности, реального и ментального бытия *Реального Сущего*.

13 – **Реальная особенность** *реальной действительности* раскрывается как устойчивая *реальность* или реальное бытие *реального Сущего* и обнаруживает для него имманентный *атрибут реальной устойчивости*, выступающий как *Антропологический центр* реального бытия, непосредственно развёртываемый в многообразии психофизических свойств метапсихического первоначала человека.

Таким образом Мир, организованный Мировым Разумом (модусом Логоса), познавательно распределен на девять организмических уровней (5-13), а также на не явленную организацию четырёх непознанных или трансинтеллигибельных уровней Всесовершенной Субстанции (1-4). В высших четырёх уровнях, рассудок лишь в своих спекулятивных возможностях постигает конститутивную различимость мирового Разума как свою непостижимую, но познавательную основу, различает непосредственность и безусловность таких истинных особенностей, как Абсолют и Мир, различает организацию образа бытия вечных идей, т.е. различает платоновский образ *Демиурга*, как творца неподвижного (истинного) бытия эйдосов [3], составляющей истинное первоначало или *субстанциональную особенность* Мира в едином образе Абсолютной Идеи, в образе *организующей особенности* Мира. Но, являющей тем самым сверхрассудочное и первичное, идеографическое различение этой организующей особенности как имманентную способность Абсолютной Идеи или имманентное первоначало истинного Бытия, обладающего всеобщими атрибутами Различающего центра, определяемого нами как универсальная истина Мира (*истина Различия*). – Раскрывающей актуальность организующей особенности как потенциальную неявленность Мира, как Организацию Мира, выступающую *первичной явленностью произвольной взаимосвязанности*, где различимость гармонической организация этой явленности представляет *первичную объективацию жизненного образа – Природу*, как регулятивность и концептуальность организмического образа как образа новых истин Бытия, обусловленных *истиной Единства* объективной особенности и *истиной Целостности* в составе Мироздания, выступающих полнотой истинного Бытия и началом подвижного Бытия мнений. Причём, *объективная особенность* в потенциальной неявленности Мира, обнаруживает в себе деятельность универсального Разума, т.е. различает употребление теоретического от практического Разума, формирующих идеи метафизического и метапсихического первоначала *физической и гносеологической особенности* Мироздания. Раскрытие этих особенностей универсальными истинами Единства и Целостности, определяют творение и конструктивную деятельность Универсального Разума, воплотившего в себе системное становление Всеединого и Всецелого Сущего, в которых проявляется деятельность не только всесовершенного Нуса (Разума) или мирового Духа в раскрытии *метафизической первопричины* Бытия. А также, образ мировой Души (НУСА), как деятельность познающего себя разумной человеческой души и её самосознания как *индивидуального разума*, вносящего собственный и независимый психофизический элемент ментальной деятельности, в раскрытии своей независимой *метапсихической первопричины*, как антропологического Центра реального бытия человека. Причём, в форме единой связности и первичной целостности определяется

Мироздание как структурный образ *вторичной явленности Мира*, а в конструктивной форме структурного взаимообуславливания определяется *Универсум*. При этом, конструктивная и системная полнота организации Мироздания выступает *природой* или формой последовательно являемой устойчивости как организации вторичной объективации. Атрибутом третичной объективации выступает рациональная действительность и *Реальность*.

Представленная концепция раскрытия регулятивной взаимообусловленности Мира, организованного Мировым Разумом в своей абсолютной непознаваемости и нестижимости, имеющей в качестве *Всесовершенного основания* «*abb sui*», как основания Всесовершенной Субстанции и дополненная Всесовершенной причинностью Божественной Субстанции «*causa sui*», показывает, что вся Природа в целом представляет организмический или жизненный образ гармонически обусловленной структурно-смежной и структурно-связной организации, как научной картины Мира, в которой нет места для не организмически обусловленной взаимосвязанности. Последнее определяется той концептуальной идеей, заложенной в онтологию непосредственной и безусловной особенности Абсолюта, которая называется Универсальным Противоречием. Это говорит о необходимости дальнейшего уточнения природы организмического психосинтеза, пытающейся дать новую мировоззренческую парадигму в адекватной картине мира. Причём, природа организмического психосинтеза требует признания в основаниях Мироздания двух не делимых, но и независимых первоначала метафизической и метапсихической природы.

Как пишет Марта Кремптон: «Сущность искомой смены парадигм состоит в переходе от механистического к организмическому видению мира. Мы должны учиться воспринимать себя и вселенную не как два "механизма", не как две вещи, а как две живые, интенциональные (т.е. целеустремлённые) организмические целостности, пребывающие в процессе самосозидания» [4]. Представленная схема служит возможным способом организмического видения той взаимообусловленности Мироздания, которая организует Мир в единое целое и конструирует её системы.

Литература

1. Спиноза Б. Этика. // Б.Спиноза. – М. : Мир книги, 2007. – С. 479.
2. Плотин. Эннеады. Киев: "УЦИММ-ПРЕСС", 1995-1996; К.: PSYLIB, 2003.
3. Лосев А. Ф. Тимей: мифологическая диалектика космоса; www.psylib.ukrweb.net
4. Крэмптон М. (Канада). [ОрганизмическийHYPERLINK](http://www.organizmica.ru/archive/206/op.shtml) "<http://www.organizmica.ru/archive/206/op.shtml>" процесс // М. Кремптон «Organizmica», № 2, 2005, стр. 18-25. // М. Кремптон. Психосинтез теория и практика, Киев, 2002.
5. Шарипов, М.Р. Конструктивная устойчивость в научной картине мира. Философский анализ : дис. ...докт. фил. наук / М.Р. Шарипов. – Уфа, 2011. – 380с.
6. Шарипов М.Р. Философия и структура Мироздания (монография). Изд Петрополис, С.-Петербург.

ЯШКОВА Т. А.

КАРАИМЫ: ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Аннотация: В данной статье автор освещает тему караимов и их роль, как в историческом плане, так и в политическом будущем. В связи с присоединением Крыма и города-героя Севастополя к Российской Федерации данная тема становится более актуальной и нуждается в рассмотрении. Ниже автор разбирает историю караимов, а так же их систему ценностей и особенностей. В частности уделяется большое внимание истории этого вопроса, рассматриваются различные этапы становления и развития этой народности. Благодаря тому, что история караимов насчитывает не один век, мы можем более детально ознакомиться и переосмыслить прошлое и выделить возможные пути дальнейшего развития караимов и сотрудничества с ними. В связи с тем, что численность этой народности стремительно сокращается, возникает необходимость действовать в сжатые сроки и вместе с этим - крайне результативно, так как дальнейшее промедление может привести к потере караимов как культурного слоя и как возможности укрепления между Российской Федерацией и недавно присоединенным Крымом. *Этнополитический анализ караимов необходим в современных*

условиях нарастающей нестабильности ситуации на мировой арене. Именно подобное положение вещей заставляет автора акцентировать свое внимание на данном вопросе. Если учесть события последнего года, то мы видим восходящую тенденцию к разжиганию разного рода конфликтов на экономической, культурной, социальной либо этнической почве. Вполне вероятно, что это происходит по причине вмешательства третьей стороны и данные конфликты могут являться источником благ для определенных заинтересованных лиц, что позволяет предположить наличие возможности возникновения подобного конфликта и на территории Крыма. Этническая разнородность населения и относительная нестабильность в данном регионе вызывает озабоченность автора.

Annotation: In this article the author analyzes the role of the Karaites in historical terms, and possible future. This question becomes more urgent and needs to be considered. The author reviews the history of the Karaites, their value systems and features. In particular, great attention is paid to the history of this issue, discusses the various stages in the development of this nation. Due to the fact that the number of this nation is rapidly declining, there is a need to act in a short time and very effectively.

Крым – один из полиэтничных регионов бывшего Советского Союза. По своим географическим характеристикам он представляет собой уникальный регион, имеющий все как для экономического роста, так и для культурного развития. К сожалению, не менее велик и конфликтный потенциал Крыма. Как будет развиваться этнополитическая ситуация на полуострове? Ответ на этот вопрос во многом зависит как от внешних, так и от внутренних факторов.

Последние геополитические события, происходящие на территории Украинской республики и связанные с присоединением двух федеративных единиц: Крыма и города-героя Севастополя к Российской Федерации, обозначили более ярко протекающие этнополитические вопросы.

Хотелось бы подробнее рассмотреть историю караимов. Изучению вопросов генезиса, персоналий и истоков караимской культуры посвящено достаточное количество научных работ современных ученых, таких как Полканов А.И., Казас М., Сарач М., Сигаева Г.В., Бараш Я., Шайтан Н., Кутайсова М.В., Кутайсов В.А., Дуван С.Э. и др. Однако деятельность караимских этнокультурных образований на сегодняшний день полностью не изучена и не исследована. Так, по мнению Полканова А.И.: «крымские караимы – это древний народ, численность которого сейчас на всей земле не превышает трех тысяч. Караим – маленький осколок большого тюркского племени хазар, давших начало народу, который в последствии с законом Российской империи был зафиксирован как «караимы». [1] Сарач М. в своих исследованиях подчеркивает предпринимательскую деятельность у караимов, при это замечает: «караимам принадлежала почти вся табачная промышленность в Крыму, Москве, Петербурге и Киеве. В Москве несколько семей караимов владели табачными фабриками «Дукат», «Ява». В Европе Россия занимала 1е место по выпуску табачной продукции, и в этом не малая заслуга караимов, организаторов табачного производства. В начале XXв. в России среди караимов насчитывалось 12 миллионеров (на каждую тысячу – один миллионер). Караим Арабаджи был избран председателем купеческой гильдии в Москве. Во все времена караимов привлекала военная карьера, среди караимов не мало казаков. Во времена русско-японской войны прославились многие караимы и крымские татары, но об этом в историографии не принято упоминать[2].

Первые известия о караимах относятся к VIII в. н.э. Учение, которое традиционно исповедуют караимы, называется караизмом, являющимся, по разным источникам либо четвертой, самой малочисленной авраамической религией, либо особым ответвлением от иудаизма. Богослужение первоначально проводилось на языке Торы, но позднее перешло на караимский язык, а с начала XX века – на язык титульной нации тех стран, где располагались караимские общины. Караимы с начала возникновения секты исповедовали строгий монотеизм, мессианизм и веру в Моисеево происхождение собственной веры света.

Испытали они и влияние ислама, поскольку поглотили в своих рядах и ряд мусульманский сект.

Караимский язык относится к кыпчакской группе тюркских языков. Различаются северный (тракайский), южный (галичский) и крымский диалекты. В то время как первые два диалекта практически не изменились за последние пять веков, последний был подвержен в значительной мере влиянию турецкого языка во время турецкого господства в Крыму в XV–XVIII веках.

Хотелось бы остановиться отдельно на десяти принципах караимства, сформулированных в конце XV в., когда процесс систематизации учения караимов был, наконец, завершен:

1. Бог сотворил весь физический и духовный мир во времени и из ничего;
2. Он – Творец, который сам не был сотворен;
3. Он не имеет формы, ни с чем несравним, бестелесен и абсолютно един;
4. Он послал нашего учителя Моисея;
5. Он послал нам через Моисея Тору, которая содержит совершенную истину и не может быть дополнена или изменена каким-то другим законом;
6. Каждый верующий должен изучать Тору в подлиннике и постигать ее подлинный смысл;
7. Бог раскрылся другим пророкам;
8. Бог воскресит мертвых в Судный день;
9. Бог воздаст каждому человеку по его делам;
10. Бог не презирает живущих в изгнании, но хочет очистить их с помощью страданий. Они могут надеяться на Его постоянную помощь и на избавление, орудием которого будет Мессия – потомок Давида.

Термин «караимы» впервые употребил систематизатор вероучения Бенъямин Нахавенди (IX в.), который заложил основы караимства как однородной доктрины. Уже в Xв. в среде караимов возникает интерес к светским наукам, что привело к появлению крупных ученых, способствовавших расцвету арабской культуры своего времени.

В своей истории караимы претерпевали как взлеты, так и падения.

Сами караимы пытались, отмежеваться от своего «еврейства». Так, в 1514 г., когда король польский и великий князь литовский Сигизмунд I Старый объявил своим «универсалом» литовским евреям о назначении над ними старшиной откупщика Михеля Езофовича, караимская община отказалась подчиняться этому решению, ссылаясь на отличия в вере, и наместник Литвы, Гастольд, согласился с их доводами. Противоречия между караимами и евреями разрешались подписанием особых соглашений. Так, в соглашении, подписанном представителями раббанитов и караимами в 1714 г., стороны обязывались уважать взаимные привилегии и решать споры без привлечения властей.

С вхождением Крыма и Литвы в состав Российской империи возникла необходимость определить правовое положение караимов. В 1795 г. русское законодательство впервые установило различие между караимами и евреями. Тогда по ходатайству таврических караимов караимы были освобождены от наложенной на евреев подати в двойном, в сравнении с христианами, размере. Характерно, что, положив грань между караимами и евреями как между двумя группами, пользующимися гражданскими правами в разном объеме, власти, вместе с тем, не выделили караимов из недр еврейского народа. Караимы и в дальнейшем во всех законодательных актах правительства именуется евреями, а при установлении для евреев ограничений всегда делалась какая-либо оговорка, что ту или иную стеснительную меру не следует применять к караимам. Наиболее четко это было выражено в освобождении караимов от несения натуральной рекрутской повинности, установленной для евреев в 1827 году.

В 1853 г. трокские караимы обратились в правительство с ходатайством, чтобы к ним не применялось наименование «еврей». Они хотели, чтобы их называли «российскими караимами исповедания Ветхого Завета». И такое отделение караимов от евреев произошло.

Государственный совет 8 апреля 1863 г. установил, что «караимы, находясь под покровительством общих законов Империи, пользуются всеми правами, предоставленными русским подданным». Из прежнего термина «еврей-караимы» убрали слово «еврей». Но это караимам многого не дало: местная администрация не раз применяла к ним те же дискриминационные меры, что и к евреям. Обращения по этому поводу к Министру внутренних дел эффекта не давали. Тем не менее, кровавые погромы 1881 года караимов не коснулись, что дало возможность трокскому гахаму написать в своем письме в правительство: «русский народ не считает караимов евреями и не признает их врагами человечества, как евреев».

В 1837 г. караимы получили право религиозного самоуправления, избирая своего духовного лидера – гахама, резиденция которого располагалась в Евпатории. Гахаму были подчинены газзаны – духовные лидеры общин. В каждой караимской синагоге (кинассе) были два газзана и один шаммаш (служка), должности которых были выборными. Первым гахамом, которого российские власти признали официально, был Симха Бабович (1790–1855), много сделавший для достижения равноправия караимов. В 1863 г. караимы были полностью уравнированы в правах с коренным населением России. Тогда же караимы западных губерний получили самостоятельное духовное управление с центром в Троках (после 1917 г. – Тракае).

Духовное раскрепощение караимов в XIX в. дало серьезный стимул для творчества караимских авторов, среди которых можно выделить: Иосефа Шломо б.Моше Луцкого, издавшего комментарий к вышедшей в XIII в. «Книге отбора» под названием – «Серебряный дворец» («Тират кесеф», 1835); Ибн Яшар получившего известность как караимский законоучитель ивритский поэт, основавший в Евпатории религиозную школу, авторитетнейшую среди караимов России, и опубликовавший трактат по брачному праву караимов «Послание о чете и одиночке» («Иггерет зуг ве-нифрад», 1837); Авраам б. Шмуэль Фиркович – литератор, археолог, общественный деятель, составивший во время своих поездок по Крыму, Кавказу, Эрец-Исраэль, Сирии и Египту уникальную коллекцию старинных рукописей. Все эти материалы находятся в Публичной библиотеке Санкт-Петербурга. Их изучение помогло многим востоковедам обогатить семитологию (в т.ч. и гебраистику) выдающимися открытиями. Это собрание рукописей на иврите – крупнейшее в мире и состоит из более чем 15 тысяч единиц хранения.

После октября 1917 г. началась эмиграция российских караимов, большинство из которых переехали в Польшу, Францию, Германию и Турцию. Ассимиляционная политика большевиков и упадок религии в СССР привел к быстрому уменьшению количества караимского населения, которого к началу Второй мировой войны осталось около 10000 (преимущественно в Крыму). В СССР караимы проживали достаточно компактными анклавами, главным образом, в Крыму и Литве. Центром караимской жизни был город Евпатория, где находился их духовный и административный центр. В Евпатории и поныне находится Соборная кинасса – памятник архитектуры XIX века. Закрытая большевиками, она была заново открыта 13 сентября 2005 г. В Литве центром караимской жизни был город Тракай, где сохранилась древняя кинасса с тремя окнами: «одно – для Бога, другое – для семьи, третье – для Великого князя литовского».

Накануне нападения на СССР институтом зарубежных стран Германии и Ванзее-институтом было проведено изучение «караимского вопроса». Собранные к этому времени во всей Европе сведения о караимах, тем не менее, не позволили принять однозначного решения о том, следует ли применять по отношению к караимам антиеврейские санкции. В этой работе приняли участие и представители местных администраций. В конце августа 1941 г. в занятом оккупационными войсками Тракае был подготовлен документ, что караимы имеют «татарско-ближневосточный» вид и не имеют связей с евреями. Документ составили гахам Серая Шапшал (1873–1861) и его помощник, газзан (кантор) Шимон Фиркович (1897–1982). Когда Евпаторию заняли нацисты, и над караимами нависла угроза тотального уничтожения, С. Ходжаш разыскал в центральном симферопольском архиве документы о

том, что караимы являются самостоятельным тюркским этносом. Это спасло жизнь местным караимам. Но когда оккупационные власти предложили ему занять должность евпаторийского мэра, С. Ходжаш отказался и был расстрелян 26 марта 1942 г.

В послевоенный период процесс ассимиляции караимов продолжался, и их количество в СССР постоянно уменьшалось: 1959 г. – 5700, 1979 г. – 3300. В наши дни караимы относятся в России к национальным меньшинствам. Согласно последней переписи населения 2010 года в России проживает всего 205 караимов, в том числе 89 – в Москве, 22 – в Санкт-Петербурге и 18 – в Московской области. Причем, только трое из них указали, что владеют караимским языком. В настоящее время в России не зарегистрировано ни одной караимской религиозной общины.

Крымская республиканская Федерация караимов, являющаяся наследником исторических, национальных и культурных традиций караимов населяющих территорию современного Крыма, была создана в октябре 2003 года на базе Симферопольской городской общины караимов «Карайлар» с привлечением караимских ячеек из различных регионов Крыма. Главная цель Федерации - добровольное объединение караимов, стремящихся к сохранению и возрождению караимского народа, его материальной и духовной культуры, а также популяризация караимской культуры и её полноправное вхождение в полиэтничное пространство Крымского региона.

Таким образом, необходимы новые подходы к решению проблем караимского населения и стабилизации ситуации на полуострове. Они могут быть реализованы как в комплексе с административными мерами, так и независимо от них. Судьба народа просматривается в его лучших представителях. Чем больше их вклад в многонациональную культуру страны, тем дольше живет народ, даже такой малочисленный как крымские караимы.

Список использованных источников:

1. Полканов А.И. Крымские караимы / край-коренной малочисленный тюркский народ Крыма / -Париж, 1995. – 245 с.
2. Караимы и Москва. Издание посвящено 850-летию Москвы. Под общ. Редакцией М.С. Сарач. – М.: Госатомнадзор России, 1997. – 88 с.

СЕКЦИОННЫЕ ВЫСТУПЛЕНИЯ

АИТОВА Е. В.

РОЛЬ МЕТАФОРЫ В СОЗДАНИИ ПЕРСОНОЦЕНТРИЧЕСКОГО ОБРАЗА ИСТОРИИ В ТВОРЧЕСТВЕ Н. И. КОСТОМАРОВА

Аннотация

Аитова Е. В. Роль метафоры в создании персоноцентрического образа истории в творчестве Н. И. Костомарова

Данная статья направлена на выявление и осмысление метафоры, ее функций, разновидностей и механизмов образования в текстах украинского историка. Изучение метафоры как средства картины мира позволило по-новому взглянуть на события исторического прошлого и проникнуть в духовный мир автора.

Ключевые слова: метафора, нарратив, исторический процесс, интерпретация.

Aitova N. V. The role of metaphors in creating «personotsentricheskogo» the story in the N.I.Kostomarov's works

Kostomarov's historical concepts for almost two centuries, causing some controversy. Some researchers are its something like a peasant, noble, bourgeois- nationalist historian, then as a democrat, ukrainofila, historian of national life, the national spirit, historian and truth-seekers. In addition, it is often described as N. Kostomarov historian romance, historian lyrics, historian, artist, historian and analyst and philosopher.

All this indicates that Kostomarov power of his talent was able to attract public attention to the history of his people. For contemporaries, his works were read, even those who have never taken their hands on any book in history.

The scientific importance of stories written by him is that he is in the flow of events of national history, to the mass of facts which, at first glance, were chaotic, the historian was able to identify the main thing that determines the general direction of historical development, explains the reasons for these or other events, the behavior of the people in them, and historical figures.

N. Kostomarov works inherent unusual form of presentation, which was characterized by clarity and vividness of language. The study of his texts revealed that he often resorts to the metaphor of language as a means of translating the author's intention. Metaphor as a means of expressing understanding of the situation is also the author of the assessment of various aspects of life, in this case - the specific facts of the history of Ukraine.

N. Kostomarov's works aroused interest in history. Deeply pondering, delving into the historical past picture them, he recreated it in his allegorical robots so bright colors, such three-dimensional image that it engages the reader and take root in his mind. Therefore, it is creativity N. I. Kostomarov needs analysis of its social and philosophical views.

N. I. Kostomarov, reflecting on the historical past, in his work refers to the prominent figures who have had uncommon impact on the further development of the Ukrainian people. Formation of the historical image of the personality takes place on the basis of different social factors (family, society, religion, etc.). Thanks to the simulated image historian often perceived as a historical person a kind of associative character, which will enable the analyzed text are being sent to the relevant personal qualities of character, as well as situations and actions related to his age.

The history of any country is decided under the influence of prominent historical figures. To a large extent the direction and nature of the policy of the state was determined Little rulers of Muscovy; their education, political talents, moral values, principles of life and psychological characteristics of the character had a huge impact on the fate of the entire country. Among the historical figures that are considered historical monographs N. I. Kostomarov most active metaphorical interpretation of the ruling such person: Alexis, Peter I, Paul I, Mazepa, Bohdan Khmelnytsky.

N. I. Kostomarov in the "Russian history in the lives of its principal figures" forms the image of the ruler not only due to the description of features of his character, but also tries to show inconsistency of external and internal manifestations of belief. It should be noted that the metaphors that characterize the inner world of the subject of the historical process is much greater than those related to the representation of its external data.

In the "Russian history ..." using metaphors distinctive external signs of N. I. Kostomarov reveals the most striking features of the nature of the ruling parties, which cause all their symptoms. It should also be noted that these characteristics are also presented in two ways: positive and negative.

As the analysis of the material, the metaphorical model, which uses N. I. Kostomarov in relation to the subject of the historical process with positive and negative evaluation, gives an opportunity to inform the reader vivid distinctive features of each.

Keywords: metaphor, narrative, historical process of interpretation.

Н. И. Костомаров, размышляя над историческим прошлым, в своих работах обращается к выдающимся фигурам, которые оказали незаурядное влияние на дальнейшее развитие украинского народа. Формирование исторического образа личности происходит на основе разных социальных факторов (семья, общество, религия и др.). Благодаря смоделированному историком образу чаще всего историческая личность воспринимается как своего рода ассоциативный символ, который в анализируемом тексте даст возможность для отсылки к соответствующим личностным качествам персонажа, а также ситуаций и действий, связанных с его эпохой.

История любого государства вершится под влиянием выдающихся исторических личностей. В значительной мере направленность и характер политики государства Малороссии определяли правители Московии; их образованность, политические таланты, моральные установки, жизненные принципы и психологические особенности характера имели огромное влияние на судьбы всей страны. Среди исторических деятелей, которые рассматриваются в исторических монографиях Н. И. Костомарова, наиболее активную метафорическую интерпретацию получают такие господствующие лица: Алексей Михайлович, Петр I, Павел I, Мазепа, Богдан Хмельницкий.

В связи с тем, что объектом метафорического описания в монографиях историка чаще всего становится правитель Русского государства, образ исторической личности в тексте Н. И. Костомарова персонифицированный. В работе Ю. Д. Апресяна «Образ человека по данным языка: попытка системного описания» утверждается, что в языковой картине мира человек мыслится, прежде всего, как существо динамическое, деятельное, которому присущи определенные состояния и эмоции. [1. С. 38]. В «Исторических монографиях и исследованиях» Н. И. Костомарова образ правителя состоит из описания особенностей характера, а также внешних характеристик правящего лица.

При детальном рассмотрении лексического состава, которым пользуется Н. И. Костомаров, описывая субъектов исторического процесса, нами было отмечено наличие большого количества признаков слов. Когнитивисты отмечают, что поведение человека должно описываться и объясняться в рамках внутренних состояний человека, репрезентированных в системе концептуальных метафор. Так, В. З. Демьянков, один из представителей когнитивистского направления, отмечал, что внутренние состояния, которые физически оказываются и за которыми можно наблюдать, репрезентуются как получение, переработка, хранение человеком информации [2. С. 33]. Материалы «Исторических монографий и исследований», по нашему мнению, подтверждают данное наблюдение, вследствие этого, мы считаем, что представление системы метафорической интерпретации истории Украины невозможно без анализа признаков слов, которые имеют метафорическую окраску, к которым Н. И. Костомаров прибегает при создании образов исторических деятелей.

Как показал анализ, к метафорическим обозначениям персон исторического процесса Н. И. Костомаров прибегает в тех случаях, когда стремится дать оценку роли правящему лицу в истории Украины в целом или в исторических событиях в частности. Метафора явилась в тексте своего рода универсальным механизмом в образовании эмоционально-оценочных характеристик. Оценочные метафорические номинации исторических деятелей автор использует и при описании внешних характеристик правителя и при репрезентации свойств ее характера. В исторических текстах метафора как нарративная субстанция как правило задает определенную интерпретацию тому или другому историческому событию. Субъективный характер оценки оказывается в том, что она может зависеть от ситуации или цели высказывания.

Оценка, которая лежит в основе смоделированного образа исторического лица, определяет отношение Н. И. Костомарова к выдающимся фигурам, и тем самым, формирует отношение читателя к ним.

В XV - XIX вв. было принято каждому царю предоставлять определенное прозвище. Его смысл раскрывал доминантные свойства в характере, личностных страстях и манере правления царя.

Причем, как показал анализ материала, метафорический образ каждого из описанных царствующих лиц в анализируемых текстах отвечает избранному народом прозвищу. Эта яркость и меткость прозвища связана с изобразительно-выразительными возможностями слова. Поэтому на уровне непосредственного создания прозвища главным становится поиск слова или слов, способных нарисовать и оценить явление. Прозвища активно используют возможность слов выступать средством ассоциации и апперцепции, вызвать в сознании слушателей определенные образы и представления. Так, черта, присуща объекту, отображается в прозвище не прямо, а через ее соотнесение с другим предметом, у которого оказываются идентичные качества. Причем эти ассоциативные связи могут быть довольно сложными. Поэтому для каждого случая употребления прозвища очень важен контекст, ситуация речи, разговора. Одно и то же прозвище в зависимости от условий бытования способно обогащаться новыми смысловыми нюансами, сохраняя при этом все же свой основной смысл, заданный оценкой явления, традицией употребления прозвища. Эта тенденция ярко прослеживается в произведениях Н. И. Костомарова, который репрезентует метафорические образы правителей по-своему.

В исторических монографиях Н. И. Костомарова образ правящего лица представлен наибольшей мерой через описание особых, присущих лишь ему черт характера. В данном случае реализуется базовая метафорическая модель «признак характера».

Кроме того, историк часто прибегает к метафорической репрезентации внешности «главнейших деятелей» Руси. В данном случае представленная метафорическая модель «внешняя характерная особенность лица»

В данной статье мы, анализируя метафорические модели, которые характеризуют основных субъектов исторического процесса, остановимся на рассмотрении некоторых правящих лиц, для того чтобы выявить метафоры, которые стали средствами образной характеристики отличительных особенностей данных персон.

Метафорическая модель «черта характера» представлена несколькими подмоделями, что характеризуют субъектов исторического процесса как с положительной, так и с отрицательной точки зрения.

Довольно разнообразную метафорическую интерпретацию в исторических монографиях Н. И. Костомарова получил образ царя Алексея Михайловича. Проведенный нами анализ этого образа показал, что метафорические образования, которыми историк описывает личность царя Алексея, отображают его положительные черты характера.

Из истории известно, что царя Алексея Михайловича за его личностные качества в народе нарекли «Тишайшим». Н. И. Костомаров так же делает акцент на этих личностных характеристиках царя: «От природы он отличался самыми достохвальными личными свойствами, был добродушен в такой степени, что заслужил прозвище "тишайшего", хотя по

вспыльчивости нрава позволял себе грубые выходки с придворными, сообразно веку и своему воспитанию, и однажды собственноручно оттаскал за бороду своего тестя Милославского» [3]. Признаковая метафора «Тишайший», стала отличительным признаком Алексея Михайловича характеризует его как спокойного, доброжелательного царя. На наш взгляд, смыслы, которые репрезентуются в системе метафорических наименований царя, в наибольшей мере отвечают смыслу его прозвища «Тишайший».

Как показал анализ материала, Н. И. Костомаров характеризуя личностные качества правителя выделяет психические свойства его характера. Так, описывая характер царя Алексея Михайловича, Н. И. Костомаров использует яркие метафорические словосочетания в объединении прилагательных с существительными, которые передают внутренний мир царя: «Чистота нравов его была безупречна: самый заклятый враг не смел бы заподозрить его в распушенности: он был примерный семьянин. Вместе с тем он был превосходный хозяин, любил природу и был проникнут поэтическим чувством, которое проглядывает как в многочисленных письмах его, так и в некоторых поступках» [3]. И далее следует: «Алексей Михайлович принадлежал к тем благодушным натурам, которые более всего хотят, чтоб у них на душе и вокруг них было светло; он неспособен был к затаенной злобе, продолжительной ненависти и потому, рассердившись на кого-нибудь, по вспыльчивости мог легко наделать ему оскорблений, но скоро успокаивался и старался примириться с тем, кого оскорбил в припадке гнева. Поэтическое чувство, постоянно присущее его душе и не находившее иного выхода, пристрастило его к церковной и придворной обрядности». «Приветливый, ласковый царь Алексей Михайлович дорожил величием своей царственной власти, своим самодержавным достоинством; оно пленяло и насыщало его. Он тешился своими громкими титулами и за них готов был проливать кровь» [3].

Н. И. Костомаров характеризуя царя Алексея использует по отношению к нему прилагательное чистое, что в прямом значении означает отсутствие грязи и нежелательных примесей, а в переносном обозначает целомудрие, высокую нравственность.

Н. И. Костомаров в своем произведении «История России в жизнеописаниях ее главнейших деятелей» описание личностей Алексея Михайловича и царя Петра I построено на контрастах. Метафорические образы данных царствующих лиц, представленные в тексте, также противоположны друг другу. Те признаковые метафоры, которые стали положительной характеристикой для Алексея Михайловича, прямо противоположны по смыслу метафорам, которые характеризуют личность Петра I с положительной стороны.

Одно из наиболее значимых по своему значению имен, данных народом правителю страны, получил царь Петр Первый – Большой. «Несколько лет, которые следовали за учреждением сената и окончанием турецкой войны, представляют богатейшую событиями эпоху в истории внутренних преобразований, осуществленных Петром Большим» [3]. Прямое значение прилагательного большой – «превышает обычную меру, очень большой; огромный»; значение, реализованное в данном контексте, – «выдающийся по своему значению, по своим преимуществам».

Описывая положительные стороны характера Петра I, Н. И. Костомаров использует метафорические наименования, которые построены на образном осмыслении физических признаков: «В эти ужасные минуты молодой Петр показал необыкновенную для его лет *твердость и бесстрашие*. Но эти минуты оказали печальное влияние на его характер: они, без сомнения, положили в эту гениальную, гигантскую натуру зародыш *жестокости, свирепости*». «Но *сильная* натура Петра взяла верх, он выздоровел и с бывшим увлечением взялся за свое дело». «Петр пил без меры, но при своей необычайно *крепкой* натуре скоро протрезвлялся и принимался с большим жаром за работу, в то время когда другие после подобного пира долго не могли оправиться». «Молдавский народ с любопытством бегал за ним и радовался, увидя в первый раз в стенах своей столицы *сильного государя* православной веры. Петр поражал всех своею *простотою и подвижностью*» [3]. Прямое значение прилагательного твердый – «способен сохранять в постоянных условиях свою форму и размер», а в данном контексте означает – «физически выносливый, сильный»; прямое

значение слова «крепкий» – «который тяжело подвергается разрушению, порче», а значение, которое автор использует в данном примере, – «духовно сильный; стойкий, непоколебимый».

Как показал анализ материала, Н. И. Костомаров чаще всего использует метафоры, которые характеризуют царских лиц с отрицательной стороны, а метафор, которые бы характеризовали положительные стороны характера немного.

Описывая царя Алексея Михайловича, Н. И. Костомаров рядом с положительной характеристикой дает его поступкам и личностным качествам отрицательную оценку. Для этого автор метафорически использует такие существительные и образованные от них прилагательные, которые называют в прямом номинативном значении физический признак предмета: «Несмотря на *превосходные* качества этого государя, как человека, он был неспособен к управлению: всегда питал самые добрые чувствования к своему народу, всем желал счастья, везде хотел видеть порядок, благоустройство, но для этих целей не мог ничего вымыслить иного, как только положиться во всем на существующий механизм приказного управления. Сам считая себя самодержавным и ни от кого независимым, он был всегда под влиянием то тех, то других; но безукоризненно честных людей около него было мало, а просвещенных и дальновидных еще менее. И оттого царствование его представляет в истории печальный пример, когда, под властью вполне хорошей личности, строй государственных дел шел во всех отношениях как нельзя хуже» [3]. «На другой день, 29 января, в 9 часов вечера, три удара в колокол Успенского собора возвестили народу о смерти тишайшего царя, самого доброго из русских царей, но вместе с тем лишенного тех качеств, какие были необходимы для царя того времени» [3]. Как видим из приведенных примеров, признаки, которыми наделяет автор царя Алексея можно расценить не только как положительные характеристики царя, а как такие, что показывают очень слабую, малодушную, несостоятельную к управлению государством натуру.

Малодушие – то качество царя Алексея Михайловича, которое является объектом метафорической интерпретации. Неспособность царя бороться со служебными злоупотреблениями и сильными характерами при дворе, его впечатлительная натура характеризуется в тексте его поступками, обусловленными страхом, который был характерный для Алексея Михайловича: «Один англичанин рассказывает, что однажды царь Алексей в порыве страха собственноручно умертвил просителя, который приближался к царской телеге, желая подать просьбу, и потом очень жалел об этом» [3].

Негативные качества Петра I представлены в тексте «Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей» также с помощью метафорического использования лексических единиц с опорой на образные характеристики царя как жесткого, несдержанного правителя. «Царь со всеми обращался запросто, как равный всем другим собеседник, но иногда какое-нибудь невпадат сказанное слово приводило его в такой гнев, особенно когда его природная горячность усиливалась выпитым вином, что все умолкали и дрожали от страху»; «...он очень горяч, порывист, страстен и крайне груб; постоянное излишнее употребление вина развило в нем еще сильнее эти качества»; «...в эти ужасные минуты молодой Петр показал необыкновенную для его лет *твердость* и *бесстрашие*. Но эти минуты осуществили печальное влияние на его характер: они, без сомнения, положили в эту гениальную, гигантскую натуру зародыш *жестокости, лютости*»; «Петр, с обычною своею жестокостью, и теперь продолжал вести борьбу со множеством суеверий, укоренившихся издавна под покровом святости» [3].

Анализируя же образ малороссийского гетмана Богдана Хмельницкого, который возникает со страниц «Русской истории в жизнеописаниях ее главнейших деятелей» можно увидеть, что Н. И. Костомаров отмечает такую черту его характера, как «двойственность». Метафорическая интерпретация двойственности просматривается в первую очередь в межличностных отношениях гетмана с окружающими: «В его характере начало проявляться что-то странное: он то постился и молился, то предавался пьяному разгулу и пел думы своего сочинения; то был ласков и равен в обращении со всеми, то вдруг делался суров и

надменен; то молился Богу, то советовался с чаровницами» [3]. В данном примере автор, осмысливая поведение гетмана по отношению к внешней политике, обращается к внутренним разногласиям его характера. Благодаря этому создается образ Хмельницкого, который способен играть двойную роль, в котором прослеживается присутствие двух Я.

Такое же самое разногласие сказывалось и в его отношениях с московским царем. Как отмечал Н. И. Костомаров, Хмельницкий и не думал искренне подчиниться царю: он хотел лишь этим подданством напугать Польшу, запутать Россию, а потом воспользоваться обстоятельствами для своих честолюбивых планов.

Двойственность и лукавство Богдана Хмельницкого, как довольно яркие особенности характера гетмана, нашли отображение в реализации такой метафорической модели как «история - театр», где гетман представлен как талантливый актер.

Н. И. Костомаров в «Русской истории в жизнеописаниях ее главнейших деятелей» формирует образ правителя не только за счет описания черт его характера, но также старается проявить несоответствие внешних проявлений и внутренних убеждений. Необходимо отметить, что метафор, которые характеризуют внутренний мир субъекта исторического процесса намного больше, чем тех, которые касались репрезентации его внешних данных.

В «Русской истории...» с помощью метафорических образов отличительных внешних признаков Н. И. Костомаров раскрывает наиболее яркие особенности характера правящих лиц, которые обуславливали и все их внешние проявления. Надо также отметить, что данные характеристики также представлены с двух сторон: положительной и отрицательной.

Как показал анализ материала, метафорические модели, который использует Н. И. Костомаров по отношению к субъектам исторического процесса с положительной и отрицательной оценкой, дает возможность донести читателю яркие отличительные черты каждого из них.

Список использованных источников

1. Апресян Ю. Д. Образ человека по данным языка: Попытка системного исследования [Текст] / Ю. Д. Апресян // Вопросы языкознания. – 1995. – № 1. – С. 37-68.
2. Демьянков В. З. Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода // Вопросы языкознания, 1994. - № 4. – С. 17-33.
3. Костомаров Н. И. Русская история в жизнеописаниях главнейших ее деятелей // <http://www.magister.msk.ru/library/history/kostomar/kostom34.htm>
4. Теория метафоры: Сборник: Пер. с англ., фр., нем., исп., польск. яз. / Вст. ст. и сост. Н.Д.Арутюновой; Общ.ред. Н.Д.Арутюновой и М.А.Журиной. – М.: Прогресс, 1990. – 512с.
5. Тучина О. Р. Метафора и понимание: Образ как средство интеграции текста / О.Р. Тучина. – Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2000. – 234с.

АЙРАПЕТЯН А. С.

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ ПО ФОРМИРОВАНИЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РЕСПУБЛИКИ КРЫМ О ЯЗЫКАХ

В статье затрагиваются некоторые аспекты становления правовых режимов языков народов Российской Федерации, проживающих в Крыму. В настоящий момент интеграция нового субъекта Федерации в правовую систему России в вопросе правового регулирования языковых отношений в сфере избирательного процесса Республики Крым сталкивается с рядом проблем. Установленное правовое регулирование официального использования языков при изготовлении бюллетеней для голосования противоречит нормам федерального

законодательства. Автором объясняется сущность и характер выявленного противоречия, а также в этой связи предлагается внесение изменения в избирательное законодательство Республики Крым.

Ключевые слова: государственный язык Республики Крым, языки народов Российской Федерации, язык изготовления бюллетеней для голосования, Избирательная комиссия республики Крым, избирательная комиссия муниципального образования.

Certain Questions of Creating the Crimean Republic Legislation on Languages

The article touches upon certain aspects of the legal regimes procedural implementation of the Russian Federation peoples living in the Crimea. Now the integration of the Federation new subject into the legal system of Russia in connection of the language legal regulation in the sphere of the election process in the Crimean Republic faces certain problems. Existing legal regulation of the language official usage while producing voting bulletins contradicts the norms of the federal legislation. The author interprets the nature and character of this contradiction and suggests to make amendments to the election legislation of the Crimean Republic.

Key-words: the Crimean Republic state language, Russian Federation peoples' languages, language of producing voting bulletins, Election Commission of the Crimean Republic, election commission of the municipal body.

В соответствии с ч. 1 ст. 68 Конституции Российской Федерации^[4] государственным языком на всей её территории является русский язык. Республикам в составе России в ч. 2 ст. 68 Конституции РФ предоставлено право устанавливать свои государственные языки, которые употребляются в органах государственной власти, органах местного самоуправления и учреждениях республик наряду с государственным языком Российской Федерации.

Реализация права Республики Крым по установлению своих государственных языков имела свои особенности. Русский, украинский и крымско-татарский языки в качестве государственных языков Крыма были определены в документах, оформлявших вхождение республики в состав Российской Федерации^[5]. Позже положение о государственном трёхязычии нашло своё отражение в ч. 1 ст. 10 Конституции республики Крым^[6].

До 1 января 2015 года действует переходный период, в течение которого урегулируются вопросы интеграции Республики Крым в правовую систему и систему органов государственной власти Российской Федерации. В рамках данного обязательства Республикой Крым принято большое количество законов и иных нормативно-правовых актов. Среди них следует особенно выделить республиканское избирательное законодательство. Согласно федеральной и республиканской конституциям источником власти в России и Крыму объявляется многонациональный народ нашего государства, а выборы признаются высшей и непосредственной формой выражения власти народа. В условиях многонационального общества актуальным является правовое регулирование официального использования языков, в частности при реализации избирательных прав граждан.

Конституция Российской Федерации принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. (в ред. от 21.07.2014 г. N 11-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ. 2014. N 31. Ст. 4398.

5 См.: Договор между Российской Федерацией и Республикой Крым о принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов от 18.03.2014 г. // Российская газета. – 2014. – 19 марта; Федеральный конституционный закон от 21.03.2014 г. N 6-ФКЗ «О принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов - Республики Крым и города федерального значения Севастополя» // Российская газета. – 2014. – 24 марта.

6 Конституция Республики Крым от 11.04. 2014 г. // Крымские известия. – 2014. – 12 апреля.

Республиканский законодатель Крыма установил, что при выборах в Государственный Совет – представительный и законодательный орган нового субъекта РФ^[7], а также в представительные органы муниципальных образований^[8] все бюллетени печатаются на русском языке в обязательном порядке. Однако в зависимости от уровня выборов по решению республиканской избирательной комиссии или избирательной комиссии муниципального образования в дополнение к русскому языку бюллетени могут изготавливаться также на украинском и крымско-татарском языках. Избирательное законодательство Крыма ограничивает право соответствующих избирательных комиссий на выбор языков изготовления бюллетеней исключительно государственными языками Республики и противоречит в этом плане положениям федерального законодательства.

Федеральный законодатель устанавливает обязательность изготовления избирательных бюллетеней на государственном языке Российской Федерации, определяет возможность по решению соответствующей избирательной комиссии (комиссии, определённой законом) печатать бюллетени на государственных языках республик, а в случае необходимости – дополнительно на языках народов Российской Федерации на территориях их компактного проживания^[9].

Судебная практика пошла по пути защиты указанных законодательных положений. В определениях Верховного Суда РФ от 19.11.2008 г. N 74-Г08-46^[10] и N 74-Г08-47^[11] отнесение решения вопросов о языке (языках), на которых печатаются тексты бюллетеней на каждом избирательном участке, к ведению соответствующей избирательной комиссии, а не законодательного органа республики, объясняется целями обеспечения равноправия граждан Российской Федерации для участия в выборах и референдуме. Как полагает Верховный Суд, такое полномочие соответствующей избирательной комиссии создаёт дополнительные гарантии для лиц на территориях компактного проживания, не владеющих государственным языком РФ и государственным языком республики. Верховный Суд РФ считает, что регулирование законодателем республики вопроса языка изготовления бюллетеня на государственном языке данной республики в обязательном порядке снижает уровень гарантий избирательных прав граждан республики в составе России на территориях их компактного проживания.

7 Закон Республики Крым от 15.05.2014 г. № 3-ЗПК «О выборах депутатов Государственного Совета Республики Крым» (в ред. от 02.07.2014 г. № 26-ЗПК) // Ведомости Государственного Совета Республики Крым. 2014. N 1 (часть 2). Ст. 70; Ст. 93.

8 Закон Республики Крым от 05.06.2014 г. № 17-ЗПК «О выборах депутатов представительных органов муниципальных образований в Республике Крым» // Ведомости Государственного Совета Республики Крым. 2014. N 1 (часть 2). Ст. 84.

9 См.: Федеральный закон от 12.06.2002 г. N 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» (в ред. от 14.10.2014 г. N 306-ФЗ) // СЗ РФ. 2002. N 24. Ст. 2253; 2014. N 42. Ст. 5614.; Закон РФ от 25.10.1991 г. N 1807-1 «О языках народов Российской Федерации» (в ред. 12.03.2014 г. N 29-ФЗ) // Ведомости Съезда народных депутатов и Верховного Совета РСФСР. 1991. N 50. Ст. 1740; СЗ РФ. 2014. N 11. Ст. 1094.

10 Определение Верховного Суда РФ от 19.11.2008 г. N 74-Г08-46 об оставлении без изменения решения Верховного Суда Республики Саха (Якутия) от 02.09.2008, которым признаны противоречащими федеральному законодательству и недействующими часть 3 и часть 9 статьи 73 Закона Республики Саха (Якутия) от 18.10.2007 497-3 N 1007-111 "О выборах народных депутатов Республики Саха (Якутия)" в части, предусматривающей обязательное изготовление избирательных бюллетеней на русском и якутском языках // Судебная система Российской Федерации. Электронная библиотека URL: http://www.sudbiblioteka.ru/vs/text_big2/verhsud_big_40898.htm (дата обращения 25.10.2010).

11 Определение Верховного Суда РФ от 19.11.2008 г. N 74-Г08-47 об оставлении без изменения решения Верховного Суда Республики Саха (Якутия) от 02.09.2008, которым признана противоречащей федеральному законодательству и недействующей часть 9 статьи 62 Закона Республики Саха (Якутия) от 11.07.2007 477-3 N 969-111 "О муниципальных выборах в Республике Саха (Якутия)" в части, предусматривающей обязательное изготовление избирательных бюллетеней на русском и якутском языках // Судебная система Российской Федерации. Электронная библиотека URL: http://www.sudbiblioteka.ru/vs/text_big2/verhsud_big_40899.htm (дата обращения 25.10.2010).

Подводя итог, отмечаем, что установленное правовое регулирование избирательным законодательством республики Крым не соответствует федеральному законодательству в части ограничения прав граждан на использование языков народов РФ на территории их компактного проживания в Республике Крым при изготовлении бюллетеней. Нами предлагается внесение изменений в избирательное законодательство республики Крым с целью устранению указанного противоречия^[12].

Список использованных источников:

1. Конституция Российской Федерации принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (в ред. от 21 июля 2014 г. N 11-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ. – 2014. – N 31. – Ст. 4398.
2. Договор между Российской Федерацией и Республикой Крым о принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов от 18 марта 2014 г. // Российская газета. – 2014. – 19 марта.
3. О принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов - Республики Крым и города федерального значения Севастополя: федеральный конституционный закон от 21 марта 2014 г. N 6-ФКЗ // Российская газета. – 2014. – 24 марта.
4. Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации: федеральный закон от 12 июня 2002 г. N 67-ФЗ (в ред. от 14 октября 2014 г. N 306-ФЗ) // Собрание законодательства РФ. – 2002. – N 24. – Ст. 2253; 2014. – N 42. – Ст. 5614.
5. О языках народов Российской Федерации: закон РФ от 25 октября 1991 г. N 1807-1 (в ред. 12 марта 2014 г. N 29-ФЗ) // Ведомости Съезда народных депутатов и Верховного Совета РСФСР. – 1991. – N 50. – Ст. 1740; Собрание законодательства РФ. – 2014. – N 11. – Ст. 1094.
6. Конституция Республики Крым от 11 апреля 2014 г. // Крымские известия. – 2014. – 12 апреля.
7. О выборах депутатов представительных органов муниципальных образований в Республике Крым: закон Республики Крым от 5 июня 2014 г. № 17-ЗРК // Ведомости Государственного Совета Республики Крым. 2014. N 1 (часть 2). Ст. 84.
8. О выборах депутатов Государственного Совета Республики Крым: закон Республики Крым от 15 мая 2014 г. № 3-ЗРК (в ред. от 2 июля 2014 г. № 26-ЗРК) // Ведомости Государственного Совета Республики Крым. – 2014. – N 1 (часть 2). – Ст. 70; Ст. 93.
9. Определение Верховного Суда РФ от 19 ноября 2008 г. N 74-Г08-47 об оставлении без изменения решения Верховного Суда Республики Саха (Якутия) от 02.09.2008, которым признана противоречащей федеральному законодательству и недействующей часть 9 статьи 62 Закона Республики Саха (Якутия) от 11.07.2007 477-3 N 969-111 "О муниципальных выборах в Республике Саха (Якутия)" в части, предусматривающей обязательное изготовление избирательных бюллетеней на русском и якутском языках // Судебная система Российской Федерации. Электронная библиотека URL: http://www.sudbiblioteka.ru/vs/text_big2/verhsud_big_40899.htm (дата обращения 25.10.2010).
10. Определение Верховного Суда РФ от 19 ноября 2008 г. N 74-Г08-46 об оставлении без изменения решения Верховного Суда Республики Саха (Якутия) от 02.09.2008, которым признаны противоречащими федеральному законодательству и недействующими часть 3 и часть 9 статьи 73 Закона Республики Саха (Якутия) от 18.10.2007 497-3 N 1007-111 "О выборах народных депутатов Республики Саха (Якутия)" в части, предусматривающей обязательное изготовление избирательных

12 См. Приложение № 1 и 2 к настоящей статье.

бюллетеней на русском и якутском языках // Судебная система Российской Федерации. Электронная библиотека URL: http://www.sudbiblioteka.ru/vs/text_big2/verhsud_big_40898.htm (дата обращения 25.10.2010).

Приложение №1

Проект вносится

...

ЗАКОН РЕСПУБЛИКИ КРЫМ

О внесении изменений в некоторые законы Республики Крым в связи с совершенствованием правового регулирования в сфере использования языков народов Российской Федерации при подготовке и проведении выборов в Республике Крым

Статья 1

Внести в Закон Республики Крым от 15 мая 2014 года № 3-ЗРК «О выборах депутатов Государственного Совета Республики Крым» (Ведомости Государственного Совета Республики Крым. 2014. N 1 (часть 2). Ст. 70) следующие изменения:

Абзац 4 части 7 статьи 64 изложить в следующей редакции:

«Избирательные бюллетени печатаются на русском языке. По решению Избирательной комиссии Республики Крым бюллетени печатаются на русском, украинском и крымско-татарском языках, а при необходимости – и на языках народов Российской Федерации на территориях их компактного проживания в Республике Крым. Если для избирательного участка печатаются бюллетени на двух и более языках, текст на русском языке должен помещаться в каждом бюллетене. Текст избирательного бюллетеня должен быть размещен только на одной его стороне».

Статья 2

Внести в Закон Республики Крым от 5 июня 2014 года № 17-ЗРК «О выборах депутатов представительных органов муниципальных образований в Республике Крым» (Ведомости Государственного Совета Республики Крым. 2014. N 1 (часть 2). Ст. 84) следующие изменения:

Часть 7 статьи 77 изложить в следующей редакции:

«7. Избирательные бюллетени печатаются на русском языке. По решению избирательной комиссии муниципального образования бюллетени печатаются на русском, украинском и крымско-татарском языках, а при необходимости – и на языках народов Российской Федерации на территориях их компактного проживания в Республике Крым. Если для избирательного участка печатаются бюллетени на двух и более языках, текст на русском языке должен помещаться в каждом бюллетене. Текст избирательного бюллетеня должен быть размещен только на одной его стороне».

Статья 3

Настоящий Закон вступает в силу через _____ дней со дня его официального опубликования.

Глава Республики Крым
г. Симферополь

С. АКСЕНОВ

_____ 201__ года

№ ____-ЗРК

Приложение № 2
ПОЯСНИТЕЛЬНАЯ ЗАПИСКА
к проекту закона Республики Крым

«О внесении изменений в некоторые законы Республики Крым

в связи с совершенствованием правового регулирования в сфере использования языков народов Российской Федерации при подготовке и проведении выборов в Республике Крым»

1. Обоснование необходимости законопроекта

Целью законопроекта является приведение положений законов Республики Крым № 3-ЗРК «О выборах депутатов Государственного Совета Республики Крым» и № 17-ЗРК «О выборах депутатов представительных органов муниципальных образований в Республике Крым» в соответствие с положениями Закона РФ от 25.10.1991 г. N 1807-1 «О языках народов Российской Федерации» и федерального закона от 12.06.2002 г. N 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» в части определения языков изготовления бюллетеней для голосования на выборах депутатов Государственного Совета Республики Крым и депутатов представительных органов муниципальных образований.

Законопроект предусматривает установление возможности Избирательной комиссии республики Крым при подготовке и проведении выборов в Государственный Совет, а также избирательной комиссии муниципального образования при проведении выборов депутатов представительных органов местного самоуправления принимать решение об изготовлении бюллетеней не только на русском, украинском и крымско-татарском, но также и на других языках народов Российской Федерации на территориях их компактного проживания в Республике Крым.

2. Нормативно-правовое обоснование законопроекта

Согласно части 2 статьи 14 Закона РФ от 25 октября 1991 г. N 1807-1 «О языках народов Российской Федерации» устанавливается обязательность изготовления избирательных бюллетеней на государственном языке Российской Федерации, определяется возможность по решению соответствующей избирательной комиссии печатать бюллетени на государственных языках республик, а в случае необходимости – дополнительно на языках народов Российской Федерации на территориях их компактного проживания.

В соответствии с частью 10 статьи 63 федерального закона от 12 июня 2002 г. N 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» подтверждается обязательность изготовления бюллетеней на русском языке, а также возможность по решению комиссии, указанной в законе, печатать бюллетени одновременно и на государственном языке республики, входящей в состав Российской Федерации, а в необходимых случаях – на языках народов Российской Федерации на территориях их компактного проживания.

7 мая 2014 года принят закон Республики Крым № 3-ЗРК «О выборах депутатов Государственного Совета Республики Крым», в соответствии с которым право выбора принятия решения об изготовлении бюллетеней на иных языках, кроме русского, принадлежит Избирательной комиссии Республики Крым. 4 июня 2014 года принят закон Республики Крым № 17-ЗРК «О выборах депутатов представительных органов муниципальных образований в Республике Крым», в соответствии с которым право выбора принятия решения об изготовлении бюллетеней на иных языках, кроме русского, принадлежит избирательной комиссии муниципального образования. В обоих случаях право выбора языков соответствующей избирательной комиссии не охватывается языками народов Российской Федерации, проживающих компактно на территории республики Крым, и ограничено исключительно государственными языками республики Крым: русский, украинский и крымско-татарский.

В определениях Верховного Суда РФ от 19.11.2008 г. N 74-Г08-46 и N 74-Г08-47 отнесение решения вопросов о языке (языках), на которых печатаются тексты бюллетеней на

каждом избирательном участке, к ведению соответствующей избирательной комиссии, а не законодательного органа республики, объясняется целями обеспечения равноправия граждан Российской Федерации для участия в выборах и референдуме. Правовая позиция Верховного Суда сводится к тому, что такое полномочие соответствующей избирательной комиссии создаёт дополнительные гарантии для лиц на территориях компактного проживания, не владеющих государственным языком РФ и государственным языком республики. Верховный Суд РФ считает, что регулирование законодателем республики вопроса языка изготовления бюллетеня на государственном языке данной республики в обязательном порядке снижает уровень гарантий избирательных прав граждан республики в составе России на территориях их компактного проживания.

3. Цели и задачи законопроекта

Обеспечение возможности использования языков народов Российской Федерации на территориях их компактного проживания в Республике Крым при изготовлении бюллетеней на выборах Государственного Совета Республики Крым и представительных органов местного самоуправления.

4. Финансово-экономическое обоснование законопроекта

Принятие данного Закона не требует дополнительного финансирования.

5. Прогноз последствий принятия законопроекта.

Принятие данного Закона позволит использовать языки народов Российской Федерации на территориях их компактного проживания в Республике Крым в соответствии с законодательством Российской Федерации.

АЛЕКСЕЕВА Е. Н.

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ ФЕОДОСИИ 1900-1920 ГГ.

Аннотация

Алексеева Е.Н. Художественная жизнь Феодосии 1900-1920 гг.

В статье освещён этап становления художественной жизни Феодосии в начале XX века. Выявлены основные процессы, происходящие в культуре и искусстве полуострова.

Ключевые слова: выставочная деятельность, художественная критика, искусство, пейзаж, художественная жизнь.

Annotation

Alekseeva E. N. Artistic life of Feodosia 1900-1920.

The article lit stage in the formation of the artistic life Feodosia at the beginning of the XX century. The basic processes occurring in the culture and art of the peninsula. Based on research conducted by the author identified key factors that influenced the formation and development of the cultural environment of the region. The questions of the exhibition, educational, collecting, educational activities.

Analyzed the characteristics of Theodosia school of painting beginning of XX century and its most prominent representatives.

It is shown that the outstanding artists of the number of students Aivazovsky became LF Lagorio, AI Fessler, EY Mahtesyan, AV Hansen, MP Latri. Through the studio of the great marine painter in his youth passed such great painters as AI Kuindji KF Bogaevsky and others. Identified traits define "person" Theodosia school early twentieth century, which were due to the rapid development of its masters, in a short time mastered the experience of major stylistic trends that emerged in Western

European art in the last quarter of the nineteenth century - early twentieth century. This trend is generally characterized by Ukrainian and Russian art of the time.

Defines the role of articles Voloshin, who are an important source for a comprehensive study of the artistic life of the Crimea early twentieth century. His proposed definition of the phenomena of art, critical evaluation, organically entered the art science and got further development in scientific researches subsequent generations of researchers.

The author sets out the basic provisions of the statute of literary and artistic society and its importance for the development of the artistic life of Feodosia. The Company's mission to promote the dissemination of literary and artistic education, as well as provide assistance to individuals who have devoted himself to literary work and artistic activities. To do this, the art department society has a number of tasks. Supposed to expand outreach activities, "spread among the members of society and the wider public materials on art devices by interviews and lectures on the current state and the historical development of the visual arts and aesthetic studies.

Art Gallery in Feodosiya, as well as other important cultural initiatives in the city, was founded IK Aivazovsky. Taking care of the development of culture in his native city, Ivan Konstantinovich tried to make your home a center of artistic life.

Based on research conducted by the author revealed that especially the stage in the history of artistic life in the Crimea due to historical and cultural fracture occurring as a result of the October Revolution and the Civil War. It is shown that the assertion of Soviet power in the Crimea in 1921, contributed to the recovery of cultural processes. Implementation of the tasks set before a pre-revolutionary art in society, such as the organization of museum management, exhibition activity, the formation of the special education system is now assisted by the relevant institutions of the new state. Artists Theodosia school late nineteenth century formed "under the shadow" of art and Aivazovsky was largely determined by the traditions of Russian landscape painting of the academic direction. However, at the turn of the century they are replaced by a new generation of artists who were able to express in their works acutely personal vision of nature, enriched the concept of Feodosia Crimean landscape with new semantic accents. Stylistically, their work has developed in line with the new directions of art of the early twentieth century, especially Art Nouveau and Symbolism.

Key words: art exhibition, art critic, art, landscape, Artistic life.

Период конца XIX – начала XX века ознаменован организацией кружков и обществ, деятельность которых предполагала объединение разрозненных творческих сил в отдельных городах полуострова с целью оживления выставочной, просветительской, собирательской, образовательной деятельности. Кроме того, в начале XX века в Крыму возникают поселения художников, творческие дачи. Совместное пребывание и неформальный стиль общения, порождаемый ощущением удаленности от столиц, атмосферой отдыха благотворно сказывались на их творчестве. Выдающееся место в художественной жизни Крыма в начале XX века занимала Феодосия.

К началу XX века в Крыму выделяется несколько художественных центров, масштабы и роль которых в жизни полуострова неравнозначны. История художественной жизни полуострова этого нового времени начинается в Феодосии и неразрывно связана жизнью И.К. Айвазовского.

Первым живописцем, который по окончании Академии художеств и европейского признания возвратился в родную Феодосию и прожил там всю свою жизнь, был И.К. Айвазовский (1817 - 1900). Его роль в культурной жизни Крыма трудно переоценить. М.А. Волошин, деятельность которого как художника, художественного критика, теоретика и историка искусства также оказалась исключительно плодотворной на следующем витке культурного развития Крыма, отмечал: «Айвазовский сыграл крупную роль в судьбах русской Феодосии. Блестящий романтик моря, виртуоз облаков и воздуха, – кистью Айвазовского было принято восхищаться не менее, чем кистью Брюллова» [2, с.126].

Выдающимися художниками из числа учеников Айвазовского стали Л.Ф. Лагорио, А.И. Фесслер, Э.Я. Магдесян, А.В. Ганзен, М.П. Латри. Через мастерскую великого мариниста в юношеские годы прошли такие замечательные мастера кисти, как А.И. Куинджи, К.Ф. Богаевский и другие.

Существенной чертой, определившей «лицо» феодосийской школы начала XX века, было стремительное развитие ее мастеров, в сжатые сроки освоивших опыт основных стилистических направлений, возникших в западноевропейском искусстве в последней четверти XIX века – начале XX века. Эта тенденция в целом характеризует украинское и русское искусство того времени.

Выдающимся художником и педагогом нового поколения мастеров, воспитанником художественной мастерской является внук Айвазовского Михаил Пелопидонович Латри (1875 - 1941). Произведения М.П. Латри, в основном, посвящены Крыму. Студенческий друг художника Н.К. Рерих писал: "Латри любил Крым. Элегия и величавость запечатлена в его картинах, в голубом тоне и спокойе очертаний". В их числе архитектурные и морские пейзажи «Отузы», «Бахчисарай», «Осень», «Дом у залива», «Кипарисы у стены», «Восход луны», «Лунная ночь на море», «Свежий ветер», «Рыбачья пристань». В них передано непосредственное впечатление от предметов, погруженных в постоянно изменяющуюся атмосферу.

В живописи М.П. Латри просматривается явная связь с импрессионизмом. Он использовал пастозный мазок и светлую палитру для передачи воздушной дымки. Импрессионистический подход характерен для ряда работ художника, в которых метко схвачено мгновенное состояние и настроение природы. Завораживают переливами лиловых оттенков этюды "Сирень в цвету", "Поле ирисов". Пробуждение природы ощутимо в пейзаже "Оттепель", передающем состояние сырого дня зимы. Однако его стиль, вобравший импрессионистические веяния, характеризующийся светлотой палитры, все же следует соотносить и с новым течением – модерном. Картины "Осенний вечер", "Водоем" (1912), "Храм над морем. Осень", "Бирюзовая ваза и кипарис", "Фонтан в парке. Сумерки" воспевают прелесть старых особняков, запущенных парков, тихих водоемов.

Заметное место среди художников феодосийской школы принадлежит и другому внуку И.К. Айвазовского Алексею Вильгельмовичу (Васильевичу) Ганзену (1876-1937). Получив начальное образование в одесской художественной школе и в мастерской И.К. Айвазовского, поступает в Академию Художеств. Он также учился в Берлине, Мюнхене, Дрездене; в 1902-м получил дипломы Берлинской и Дрезденской академий изящных искусств. Затем жил и работал в Париже, побывал в Италии, Голландии, Швеции. Он так же, как и Латри, отдавал предпочтение технике акварели. Это увлечение наложило отпечаток на сложение его живописной манеры – большинство картин А.В. Ганзена написано тонкими прозрачными мазками, почти лессировкой, в светлой тональности и мягкой колористической гамме. Так, работа «Восход луны» (1915) из собрания Феодосийской галереи передает особое лирическое настроение, созданное, во многом, благодаря колориту, построенному на градациях зеленовато-белых тонов. Марины «Корабль на море», «Штиль», «Море в хмурый день» отмечены умелым распределением масс, верно выстроенными пространственными ритмами и гармоничным колоритом.

Константин Федорович Богаевский (1872 – 1943) начинал свое художественное образование в Феодосии у А.И. Фесслера, в мастерской [И. К. Айвазовского](#), но безуспешно. Затем поступил в [Петербургскую Академию художеств](#), где учился с [1891](#) по [1895 год](#) в мастерской [А. И. Куинджи](#). В 1906 году Богаевский построил в Феодосии мастерскую, в которой работал до конца жизни. Участвовал в выставках «Мира искусства», был членом Московского товарищества художников, выполнял заказы за пределами Феодосии. Возвращение в родной город для него не означало сужение круга общения и не ограничивало его творческое развитие.

Долгое время К.Ф. Богаевский писал пейзажи, не привязанные к конкретным местам, в которых заметно влияние Бёклина и Климта. Оно проявилось, прежде всего, в особом

освещении, исходящем из нескольких источников, а также в экспрессивной трактовке неба. Влияние Климта сказывалось в уплощении трактовки формы, усилении декоративного начала.

Поэтизация крымской земли, ее восприятие в глубокой исторической перспективе было свойственное как М.А. Волошину, так и К.Ф. Богаевскому. Представителем феодосийской пейзажной традиции, а точнее Киммерийской школы, был и автор этого определения Максимилиан Александрович Волошин (1877-1932). Волошин посвятил свое творчество воспеванию природы Киммерии. Как замечает Н.С. Барсамов, коктебельская сюита Волошина – «единственный в русском искусстве пример, когда художник-пейзажист, работая на маленьком клочке земли, с исключительным постоянством и последовательностью каждый день находил все новые и новые мотивы для творчества» [1, с.82]. Как и Богаевский, Волошин открывал в изобразительном искусстве новый способ осознания времени, новый подход в понимании взаимосвязи человека и природы, человека и Вселенной, новое понимание духовности. Его искусство являет удивительный, уникальный синтез художественного и поэтического творчества.

М. Волошин, представитель столичных художественных кругов, не терявший с ними связи, был одним из первых художественных критиков Крыма. Его статьи являются важным источником для комплексного изучения художественной жизни Крыма начала XX века. Предложенные им определения явлений искусства, критические оценки, органично вошли в искусствоведческую науку и получили дальнейшую разработку в научных изысканиях исследователей последующих поколений. В 1920-х годах именно М. Волошин был одним из немногих, можно даже сказать редких, авторов, профессионально оценивавших искусство в Крыму.

В 1915 году был утвержден устав литературно-художественного общества «Киммерика». «Общество ставило целью содействовать распространению литературного и художественного образования, – сообщалось в уставе, – а также оказывать помощь лицам, посвятившим себя литературному труду и художественной деятельности» [5, с. 7]. Для этого художественный отдел общества ставил перед собой ряд задач. Предполагалось развернуть просветительскую деятельность: „распространение среди Членов общества и широких кругов публики материалов по вопросам искусства путем устройства собеседований и лекций относительно современного состояния и исторического развития пластических искусств и эстетичных учений” [5, с. 3]. Так, художественным отделом общества было организовано два публичных платных выступления в зале гимназии Гергилевича: доклад поэта М. Волошина на тему «В.И. Суриков как художник и человек» и доклад того же лектора «Истоки современного искусства».

Следующий шаг в деятельности общества - повышение уровня специального художественного образования в городе, для чего необходимо было организовать школу рисования, живописи и скульптуры. Деятельность членов „Киммерики” была также направлена на возрождение народного творчества «путём устройства соответствующих курсов и учебно –показательных мастерских: керамической и ткацкой, с отделами вышивок и тканья ковров» [5, с. 10]. Общество взяло на себя организацию ретроспективных выставок работ членов общества: «устройство выставок произведений художников – уроженцев края, а равно современных русских художников» - сообщалось в очерке. Предусматривалось, что художественный отдел возьмет на себя их организацию [5, с. 7].

Важной задачей художественного отдела объединения было создание художественного музея им. А. Куинджи с отделами: а) картинной галереей из произведений русских художников; б) собранием образцов прикладного искусства и памятников художественной старины края; в) собранием картин, рисунков, гравюр, фотографий, документов, относящихся к истории Феодосии и окрестностей.

Картинная галерея в Феодосии, как и другие значимые культурные начинания в этом городе, была основана И.К. Айвазовским. Заботясь о развитии культуры в родном городе, Иван Константинович стремился сделать свой дом центром художественной жизни. Напротив входа в выставочный зал находилась сцена. В городе не было никаких культурно-просветительных учреждений, и в доме И.К. Айвазовского на этой сцене ставились спектакли, выступали гости художника – знаменитые музыканты А.Г. Рубинштейн, Г.И. Венявский, артисты Малого театра К.А. Варламов, Н.Ф. Сазонов и многие другие.

В 1880 г. к дому, где он жил и работал (дом был построен в 1848 г. по его собственному проекту), был пристроен большой зал, в котором постоянно выставлялись его картины. Этот зал, по сути, стал одной из первых периферийных картинных галерей России. Проведенная в 1892 г. реконструкция галереи (закладка боковых окон, устройство верхнего света) позволила выставлять большее количество произведений художника.

Собрание картин в выставочном зале при жизни И.К. Айвазовского не было постоянным: многие работы отправлялись на выставки в другие города России, их заменяли новые, только что написанные мастером. Посетителями галереи были жители города и пассажиры пароходов, заходивших в Феодосийский порт.

В 1900 г., согласно завещанию И.К. Айвазовского, картинная галерея стала собственностью Феодосии. «Мое искреннее желание, чтобы здание моей картинной галереи в городе Феодосии со всеми в ней картинами, статуями и другими произведениями искусства, находящимися в этой галерее, составляли полную собственность города Феодосии, и в память обо мне, Айвазовском, завещаю (галерею) городу Феодосии, моему родному городу...» – гласит завещание. В собственность города перешло 49 картин художника. В завещании указывалось, что «заведывание галереей должно быть возложено на достойнейшего из внуков или правнуков» Айвазовского. Но, как видно из архивных документов, хранящихся в Феодосийской картинной галерее, преемники великого мариниста не считали для себя большой честью исполнение этих почетных, но трудных обязанностей. Сохранилось несколько заявлений (в 1906 г. – от внука И.К. Айвазовского М.П. Латри, в 1907 – от его зятя Н.М. Лампи и другие) с просьбой об освобождении от заведования галереей.

С 1900 по 1917 гг. заведующие часто менялись, общего руководства галереей по существу не было. К тому же, средства, выделяемые городской управой на ее содержание, были ничтожно малы. Так, в 1915 г. они составляли всего 589 рублей, из которых 389 рублей предназначались на наем сторожа, 100 – на отопление, 100 – на необходимые расходы.

Осенью 1914 года с началом первой мировой войны, в связи с угрозой бомбардировки города с моря, картины Айвазовского были перевезены в Симферополь, где они хранились в здании Офицерского собрания. В марте 1918 г. стало возможным вернуть картины из Симферополя в Феодосию. Они были доставлены в дом И.К. Айвазовского, но ввиду сложной обстановки оставлены не распакованными в ящиках.

В 1919-1920 годы галерею несколько раз пытались открыть, но неустойчивость положения и постоянная угроза захвата Крыма красными мешали этому. Большую роль в сохранении памятников искусства и археологии в Феодосии сыграла работа ТУАК и в частности её члена профессора Н.Л. Эрнста, исследовавшего в 1919-1920 гг. их состояние и меры охраны в Феодосии, Судаке и Новом Свете [4, с.155-158].

О сохранении коллекций галереи также постоянно заботились директор Археологического музея В.Д. Гейман и предводитель уездного дворянства В.А. Княжевич. В течение лета 1919 - осени 1920 Большой выставочный зал постоянно использовался для проведения лекций, концертов и заседаний различных городских организаций [9, с.1]. С приходом немцев галерею было решено открыть. Полотна извлекли из сарая и сделали экспозицию. Торжественное открытие возрожденной галереи состоялось в июле 1918 г. [3, с.1]. Горожане и те, кто находился в то время в Феодосии, спасаясь от большевиков, восприняли это событие как надежду на наступление лучших времен. Накануне исхода из Крыма армии Врангеля местные власти вновь спрятали картины в подсобное помещение.

1(14) ноября 1920 года город был занят войсками РККА. В истории галереи И.К. Айвазовского началась новая эпоха.

Таким образом, особенности рассматриваемого этапа истории художественной жизни в Крыму обусловлены историко-культурным переломом, произошедшим в результате Октябрьской революции и гражданской войны. Утверждение советской власти в Крыму в 1921 году способствовало оживлению культурных процессов. Осуществлению задач, которые ставили перед собой дореволюционные художественные общества, таких как организация музейного дела, выставочная деятельность, формирование системы специального образования теперь оказывали содействие соответствующие институты нового государства. Искусство художников феодосийской школы конца XIX века формировалось «под сенью» искусства Айвазовского и во многом было определено традициями русской пейзажной живописи академического направления. Однако на рубеже веков их сменяют художники нового поколения, сумевшие выразить в своих работах остро индивидуальное видение природы, обогатили феодосийскую концепцию крымского пейзажа новыми смысловыми акцентами. Стилистически их творчество развивалось в русле новых направлений искусства начала XX века, преимущественно модерна и символизма.

Список использованных источников:

1. Барсамов Н.С. Художники Феодосии: И. К. Айвазовский, Л. Ф. Лагорио, А. И. Фесслер, К.Ф. Богаевский, М.А. Волошин, М. П.Латри / Н.С. Барсамов.– Феодосия, 1928.– 55 с.
2. Волошин М.А. Культура, искусство, памятники Крыма // Жизнь – бесконечное познание. – М.: Педагогика-Пресс, 1995. – 576 с. – С.126
3. Жизнь Феодосии. 19 июля 1918 г., № 320. – с.1
4. Непомнящий А.А. Арсений Маркевич: Страницы истории крымского краеведения.- Симферополь: Бизнес-Информ, 2005. - С.155-158
5. Феодосийское литературно-художественное общество Киммерика. Очерк возникновения, организации и задач общества.– Феодосия: Прогресс, 1916.– с. 7
6. Там же, с. 3
7. Там же, с. 10
8. Там же, с. 7
9. Южные ведомости. 25 января 1919.– с.1

АНАНЬЕВА Е. П.

ТОЛЕРАНТНОСТЬ И МУЛЬТИКУЛЬТУРНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Are analyzed the issues of interpersonal and social interaction in the development of a multicultural globalized environment. Harmonization of relations between the individual and society in the modern global multicultural space is one of the possibilities of the humanization world order. Represented attempt to show the resolution of issues related to the basics of interaction between the individual and society in the period of globalization and multiculturalism. Defined the components of the prevailing climate of values of modern globalized society. Is formulated the notion of multicultural interaction. Presents some principles of "Tolerance code" relations between the individual and society. Building a culture of tolerance is shown as a general principle a multicultural interpersonal and social interaction.

Динамика общественных изменений привела современный мир к осмыслению феноменов глобализации и мультикультурности. Эти вопросы, начиная с середины XX века, разносторонне рассматриваются в зарубежной, а с конца XX века – и в отечественной политической, социально-философской и социально-психологической литературе. Значительное влияние на осмысление мультикультурных и глобализационных процессов оказали мировые философские, политические, социальные традиции; в той или иной мере практически все течения в современной философии, в которых проблемы морали, вопросы истины, проблемы ценностных ориентаций, принятия и объяснения различий имели заметное место. Феномен мультикультурности и связанные с ним вопросы взаимодействия личности и окружающего мира рассматривались в работах таких отечественных и зарубежных ученых, как З. Бауман, В. Беспалый, И. Валлерстайн, Э. Гидденс, У. Джемс, Л. Дробижева, Р. Инглехарт, С. Кричевский, М. Мацковский, А. Перцев, Ч. Пирс, Б. Ризердон, А. Тоффлер, Ф. Фукуяма, Ф. Шиллер, В. Шинкарук, М. Уолцер.

В рамках последних теоретических и прикладных научных исследований гармонизация отношений между личностью и обществом в системе современного глобального мультикультурного пространства представляется одной из возможностей гуманистического устройства мира. Однако на фоне общего рассмотрения феномена глобализации нерешенными остаются вопросы, связанные с основами взаимодействия личности и общества в период развития глобализационной мультикультурности. Возникает ряд вопросов прикладного содержания относительно развития ключевых принципов взаимодействия личности и общества в эпоху глобализации и оформления их в качестве положений, которые ведут к усовершенствованию поведения людей и их отношений в процессе совместного существования. В связи с этим представляется важным выяснить, как влияет развитие принципов мультикультурализма на взаимодействие между всем сообществом и отдельными личностями. Каким образом складывается взаимодействие личности и общества в эпоху глобализации? И каковы пути усовершенствования и гуманизации данного взаимодействия? Ответ на этот вопрос предполагает, во-первых, анализ целого ряда механизмов этого взаимодействия – особенностей межличностных контактов в эпоху всеобщей информатизации, во-вторых, изучение формирующихся под натиском глобализации новых и трансформирующихся характеристик личности, системы ее идеалов и ценностей.

Моральные ценности представляют собой первостепенный компонент культуры, определяющий взаимодействие в обществе. Это общепринятая система идеалов морали, гуманистических взглядов о человеке и среде, которые складываются в течение жизни и общения людей. Исследования, проведенные на стыке тысячелетий, выявили на основе анализа данных о степени удовлетворенности людей, об их надеждах на будущее, об уровне доверия и толерантности, о географических параметрах самоидентификации, об отношении к гендерной проблеме, к браку и семье довольно широкий разброс ценностей. Это дало возможность считать нынешнее состояние общественного сознания «этапом эволюции» в направлении более высокого уровня культурного единства [6, с. 124 – 133].

Можно выделить следующие составляющие господствующего ценностного климата современного глобализированного общества:

- идеал демократии (несмотря на отсутствие всеобщей приверженности правам человека);
- идеал толерантности (хотя в отношении иностранцев он проявляется лишь частично);
- ориентация на локальный уровень артикуляции интересов (город, в меньшей степени – страна);
- идея женской эмансипации и довольно либеральные взгляды на брак;
- признание наличия проблем, связанных с окружающей средой;
- стремление защитить детей от неблагоприятных факторов [6, с. 125].

Ценности не являются зафиксированной субстанцией, они подвержены переменам. Развитие системы ценностей рождает необходимость толерантности как всеобщего императива взаимодействий и мировоззренческих подходов. В структуре видоизменяющегося мира функционирует синхронно несколько систем ценностей, которые могут быть антагонистическими. Для достижения согласия в таком взаимодействии необходима толерантность. Таким образом, функционирование толерантности превращается в необходимость для обеспечения культуры взаимодействия в многообразной среде.

Для определения методологических основ взаимодействия личности и общества в условиях мультикультурного мира необходимо обратиться к вопросу об основаниях мультикультурализма и возможности использования его фундаментальных принципов в практике формирования подобного мультикультурного взаимодействия. Идеи мультикультурализма зародились в древности, и развитие его продолжается до настоящего времени. В настоящее время в социально-философской науке известны три уровня понимания мультикультурализма: дескриптивный, политический, и идеологический, в рамках которых обсуждаются концепции национальных идеологий, например, полиэтнического рационализма, культурной коммуникации, межкультурного взаимопонимания, соответствия и различий ценностей, норм морали контактирующих этнокультурных общностей, национальных меньшинств и национального большинства [3, с. 184 – 185].

В данном исследовании мультикультурализм представляется как социальная концепция взаимодействия, соотношения нравственных норм и ценностей общающихся представителей различных этнокультурных сообществ. В таком взгляде на мультикультурализм усматривается взаимосвязь национального и общечеловеческого; осознание равенства прав и обязанностей для всех людей, независимо от их национальной принадлежности; признание за каждым права сохранять свою культурную идентичность; формирование общечеловеческих качеств и характеристик личности в национальном содержании. При таком подходе идеи мультикультурализма получают развитие вследствие осмысления культурного многообразия мира, принятия культурных отличий; положительного восприятия многообразных образцов культурного развития, добросердечного отношения к представителям иных культур.

Исходя из этого, можно признать, что мультикультурализм является результатом и практикой межкультурного взаимодействия, в процессе которого складывается мультикультурная личность. По определению, данному российским исследователем Г.В. Палаткиной, «мультикультурная личность – это новый тип личности, чьи ориентации и взгляды на мир подразумевают, что он принимает жизненные образцы, отличающиеся от его собственных, и психологически и социально готов принять различные культурные реальности. Такая личность будет интеллектуально и эмоционально привязана к основополагающему единству человеческих существ, при этом признавая, принимая и оценивая основные различия, которые лежат между людьми различных культур» [4, с. 195].

Появление проблемы взаимодействия личности и общества в новейшую эпоху напрямую связано с возникновением нового типа общества в развитых странах на рубеже XX-XXI вв., называемого сначала постиндустриальным, а затем информационным. Основные характеристики этого нового мира – превращение производства, и особенно информационных технологий, в ключевой фактор прогресса; вытеснение индустрии сферой услуг; изменение структуры производства, институциональной системы (в частности, новая природа фирм и систем управления); превращение профессионалов и центров их создания в ключевые параметры развития [1, с. 5].

Переход от одной глобальной системы общественного устройства к другой сопровождается существенной социальной напряженностью. Сам факт ее нарастания в современных условиях уже не вызывает сомнения у исследователей, каких бы идеологических и методологических позиций они ни придерживались. В наиболее общем виде эту мысль сформулировал И. Валлерстайн, отметивший, что «мы живем в эпоху

перехода от существующей глобальной системы общественного устройства – капиталистической мировой экономики – к другой или другим глобальным системам... Нет сомнения, однако, что переходный период будет исключительно трудным... Это будет период обострения конфликтов и усиления беспорядков, сопровождающихся... крушением нравственных ценностей» [1, с. 9].

Соглашаясь с ним в целом, многие исследователи отмечают, что хотя переход от экономического к постэкономическому типу общества и вызывает весьма разнообразные формы социального противостояния как в рамках отдельных развитых наций, так и в мировом масштабе, все они порождены либо непосредственным, либо опосредованным возвышением интеллектуального класса, иными словами – той группы людей, которая в своем субъективном развитии вышла за пределы экономической мотивации и исповедует нематериалистическую систему ценностей [5, с. 35–39].

Именно с возникновением этого класса как значимой социальной силы началась масштабная экспансия постиндустриального мира в направлении менее развитых регионов планеты, причем экспансия не столько политическая, сколько технологическая, экономическая, социальная и культурная. Высший класс постиндустриальных обществ озабочен сохранением социальной стабильности, которая позволяла бы ему наращивать собственные достижения; в той же мере развитые страны заинтересованы в стабильности мирового порядка, создающей условия для упрочения и расширения хозяйственной системы, основанной на использовании информации и знаний. Главным фактором выхода из создавшегося положения может быть лишь сам человек, оживление потенциала человечности. Однако «экстенсивная» механизированная практика и сопряженный с нею человеческий индивид выявили свою непригодность прежде всего в тех сферах деятельности, в которых люди столкнулись с хорошо организованными множествами или системами, будь то экологические комплексы, информационные структуры, наукоемкие технологии, патентный бизнес, культуроемкие товары и т. п.

Многие исследователи считают, что в настоящее время очень трудно говорить о внутреннем мире человека, который постепенно беднеет. Нынешнего человека мало интересует соприкосновение с внутренними мирами других людей, с большим вниманием он относится к практическим выгодам, которые могут быть извлечены из общения с людьми, занимающими более высокое положение в обществе. Самовыражение сводится к каким-то особым способам достижения успеха или демонстрации своих возможностей. И тем более у современного человека практически не возникает желания раскрыть себя другим людям, чтобы не предоставлять им возможности для дополнительного влияния. Поэтому можно говорить об ограниченности интереса субъектного поведения, критерием которого являются искренность, правдивость, открытость [6, с. 124 – 133].

На непростые взаимоотношения личности и социума, складывающиеся под воздействием глобализационных и информационных факторов, проецируются традиционные связи, осложненные обстоятельствами современной мультикультурности. Мультикультурное взаимодействие в подобных условиях выступает как совокупность социально-этических норм, сформированных на основе слияния общечеловеческих и этно-национальных ценностей, форм и способов взаимоотношений людей. Следовательно, взаимодействие личности и общества в условиях мультикультурной среды можно рассматривать как особое социальное явление, включающее постижение культурно-исторического опыта каждой отдельной личностью, что опосредовано социальными взаимосвязями.

С позиции идеологии мультикультурализма, основа мультикультурного взаимодействия – это отношение к представителю чуждой культуры, соответствующее моральным нормам, в основе которых лежит отсутствие негативного отношения к «иному». Следовательно, является важным, чтобы мультикультурное взаимодействие стало социальной нормой. Обретая социальную роль или повинаясь социальной норме, член сообщества согласует свое поведение с его ожиданиями. В данной ситуации рождается

условие конформизма как склонности перенимать мнения и поступки, свойственные другим членам группы.

Если принять за основу суждение о том, что взаимодействие является внешним проявлением жизнедеятельности людей, которое реализуется в установленной среде и во временном процессе, а также опираясь на осмысление мультикультурализма как социально-философской концепции межкультурного взаимопонимания, при условии соответствия норм морали контактирующих членов этнокультурных сообществ, можно сформулировать понятие «мультикультурное взаимодействие». Это – внешние проявления социально-психической деятельности субъектов по отношению к представителям иных этно- и социокультурных сообществ, которые предоставляются социальными условиями и опосредованы межличностными связями, основанными процессом взаимодействия. Эти проявления соответствуют этическим нормам и социальным стандартам и взаимоположительно оцениваются обеими сторонами.

Побудительной силой мультикультурного взаимодействия выступает система мотивов, которые определяют внешние действия и их внутреннюю направленность. Несформированность мотивационной сферы или ее искажение вследствие неблагоприятных обстоятельств воспитания личности приводит к нарушениям поведения, которые наряду с недостаточной произвольной регуляцией порождают неудовлетворительное взаимодействие. Следовательно, взаимодействие личности и среды выступает внешним выражением внутреннего мира, всей системы жизненных установок, ценностей, идеалов. Только воплотившись в реальное поведение, внутренние установки принимают свойство убеждений. В связи с этим является целесообразным формирование внутренних регуляторов взаимодействия посредством практического осуществления людьми определенных поведенческих актов.

Глобализационные процессы, связанные в первую очередь с информатизацией и требованиями креатива, приводят к тому, что социально-психологические установки и ценностные ориентации представителей современного квалифицированного труда выступают в качестве своего рода социальной модели, оказывающей влияние на сознание других слоев населения, и прежде всего – на младшее поколение. В обществе происходит становление качественно иного центра непрерывного принятия самостоятельных и ответственных интеллектуальных решений. Однако эта тенденция в рамках развитых обществ таит в себе довольно опасное новое социальное противоречие. С одной стороны, часть граждан, добившихся высокого уровня благосостояния, получивших хорошее образование, нашедших свое место в наиболее высокотехнологичных секторах материального производства и сферы услуг, все более сосредоточивается на целях собственного внутреннего духовного и интеллектуального роста. С другой стороны, им противостоит часть населения, сосредоточенного на удовлетворении своих материальных потребностей в жестких конкурентных условиях, не рассматривающих образование и собственное саморазвитие как высшую ценность и занятого главным образом в отраслях массового производства, не требующих творческих способностей. Чаще всего в цивилизованных странах представители данной социальной группы относятся к инокультурным в этническом плане сообществам. Эти группы людей оказываются все более изолированными друг от друга. «Вращенная» таким образом социальная нестабильность в условиях глобализации приобретает устойчивую тенденцию к усилению.

При анализе кризисного состояния существующей в условиях мультикультурности современного мира системы отношений личность-общество, построенной на принципах господства и подчинения, становится очевидной необходимость перехода к новому типу социальных отношений, основанных на принципах плюрализма и толерантности. Применительно к изучению процессов взаимодействия личности и общества, толерантность можно трактовать как норму социальной устойчивости, определяющую диапазон сохранения различий популяции и общностей в эволюционный механизм сосуществования больших и малых социальных групп, обладающих различными возможностями развития. Для

мультикультурных общественных образований социально одобряются культурные взаимоотношения различных этносов. Реализация толерантных межкультурных отношений включает в себя совокупность правил, норм общественного поведения, интериоризируемых социальными субъектами и выполняющих регулятивную функцию в направлении неагрессивного поведения людей разных национальностей, религий, культур. Толерантность как норма легального взаимодействия для человека, обладающего самоопределенностью, на первое место выдвигает такие формируемые в социуме характеристики как: мировоззренческая и психологическая открытость; стойкость и мужество при определенном выборе или принятии какого-либо решения, дисциплинированность и ответственность.

В мультикультурной среде предпосылкой сотрудничества необходимо должно выступить понимание людьми того, что их взаимная уникальность, непохожесть служат источником взаимной выгоды. Из этого и должна проистечь необходимость уважения прав и особенностей других людей как условия реализации собственных интересов [2, с. 105-109]. Данная необходимость реализуется в возникновении определенного баланса интересов индивидов и социальных групп, которая выступает в виде социального контракта. Социальный контракт в современном обществе представляет собой неявное соглашение, заключаемое между индивидами, о разделении социально-экономических функций и полномочий между населением, занятиями населения и государством. Для реализации этого соглашения видится необходимым принятие и соблюдение т.н. «толерантного кодекса» взаимодействия. Данный кодекс может включить следующие положения.

1. Взаимодействие между людьми вызывает способность разделять чувства – встать на позицию сочувствия. Феномен *сочувствия* требует пристального внимания к исходным позициям оппонента. Механизм действия сочувствия включает в себя понимание, основанное на принятии «иного» в людях.

2. *Добровольность признания* субъектами друг друга в качестве участников общественных отношений выдвигает фактор взаимной полезности, предполагающий взаимную заинтересованность сторон.

3. Участники отношений равноправны в выборе путей и средств достижения цели, следуя принципу *обоюдной ответственности* за общее дело.

4. Конструктивное и ответственное поведение при разрешении сложных ситуаций требует от субъекта *самоопределенности и открытости* для разрешения социального конфликта.

5. Важным условием реализации толерантного взаимодействия является *демократия*, поскольку толерантность включает в себя отрицание привилегированности любой позиции, в том числе и своей собственной, а это становится невозможным, если в обществе нет свободы мировоззрения.

В настоящее время важнейшей стихийно складывающейся тенденцией взаимодействия личности и общества является интеллектуализация труда и «экспансия» творческой личности. На фоне этого процесса порожденная глобализацией мультикультурность современного мира постоянно напоминает человечеству о том, что мир многообразен и в то же время един, что различные подходы к одним и тем же процессам неизбежны ввиду различия культур, но уже небезопасны как для конкретных социальных субъектов, так и для мира в целом. Усиление взаимозависимости человечества, осознание ответственности за его дальнейшую судьбу, безусловно, требует нахождения путей и средств формирования культуры толерантности как всеобщего принципа межличностного и общественного взаимодействия.

Список использованных источников:

1. Валлерстайн И. Конец знакомого мира: Социология XXI века — Пер. с англ. под ред. В. Л. Иноземцева. — М.: Логос, 2003. — С. 5—9.
2. Кричевский С.В. Насилие и толерантность в отношениях с окружающей природной средой // Насилие и толерантность: история, современность, перспективы.

Доклады и выступления. Международный научно-практический семинар. 20-21 октября 2006 года, Москва / Сост. и ред. У. Новотный, А. Назаретян, О. Андреева. — М.: Изд-во РУДН, 2006. — С. 105—109.

3. Куропятник А.И. Мультикультурализм: проблемы социальной стабильности полиэтнических обществ / А. Куропятник. — СПб, 2000. — 205 с.

4. Палаткина Г. В. Этнопедагогические факторы мультикультурного образования: дис. д-ра пед. наук / Г. В. Палаткина. — М., 2004. — С.195.

5. Шалин В.В. Социально правовые аспекты толерантности в эпоху глобализации. // Вестник Тюменского нефтегазового ун-та «Региональные социальные процессы» № 1. — Тюмень, 2006. — С. 35 – 39.

6. Шинкарук В.І., Табачковський В.Г. Глобалізація з філософсько-антропологічного погляду: панацея чи проблема? // Практична філософія. — 2001 — № 2. — С. 124 – 133.

УДК 930.1

БУРЯК В. В.

ГЛОБАЛЬНЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ В КОНТЕКСТЕ МИРОВОЙ ИСТОРИИ

Аннотация

Современный характер глобализации определяет исследовательские подходы изучения этого явления. Как планетарная общность индивидуумов, человечество оказывается следствием исторической эволюции биосферы. Формы глобализации определяются в контексте мировой истории. Интерпретации планетарной событийности происходят в сфере экспозиции разнообразных подходов исследования планетарных трансформаций.

Ключевые слова: глобализация, глобальные трансформации, мировая история.

Annotation

Humanity as a planetary community of individuals is a consequence of the historical evolution of the biosphere and the noosphere. The study of historical globalization involves interpretation cash planetary community and exposure contemporary approaches study of planetary transformation. Global transformations are multidimensional and affect all segments of the modern world. The historical evolution of humanity is an objective result of the transformation of the noosphere. Understanding of the fundamental mechanisms of globalization in the context of historical development is a priority for interdisciplinary research. The main problem of the study of the process of globalization, historicity is the interpretation of social and cultural mechanisms related in globalized world. The present study is part of solving the basic problems: providing relevant explanations of the world and civilization transformations. The novelty of the study is that described contemporary concept of globalization.

Keywords: globalization, global transformation, world history.

В современном мире любое локальное событие так или иначе связано с другими событиями и находится в контексте глобализации. А глобальные трансформации, в свою очередь, являются современным этапом эволюции мировой истории. Разнообразные локальные (а, скорее, глокальные) формы глобализации определяются в русле мировой истории. Интерпретации планетарной событийности происходят в результате применения

специальных методологических подходов при исследовании детерминации планетарных трансформаций.

В первую очередь необходимо определить хронологические интервалы глобализированной экспансии с устойчивыми элементами унификации ритуалов, ценностей, видов деятельности, что представляет собой значительную методологическую сложность. Уточнение параметров глобализации требует применения эпистемологических ресурсов, базирующихся на географических, исторических, этнографических и антропологических подходах.

В ходе глобальных трансформаций неизбежно возникают новые явления и спонтанные процессы. При этом актуальность экономических и политических событий, как бы они ни были важны, отходит на второй план. Наиболее важными становятся ускоренные социокультурные тренды [5] и технонаучные перспективы планетарного развития человечества.

В первой декаде XXI века стало очевидно, что средства мобильной связи (с подключением к Интернету), глобальная навигация и экспоненциально развивающиеся социальные сети становятся наиболее мощными триггерами ускорения глобализации. Однако технологические достижения в рамках инфосферы имеют и обратную, теневую сторону, на что обращают внимание исследователи. Марк Бауэрлейн доказывает, что цифровая эпоха отупляюще воздействует на молодое поколение и несёт в себе будущие глобальные риски [8]. В исследовании Рендела Стросса «Планета Гугл» (2008) [12] анализируются деятельность и организационные ресурсы самой масштабной в Интернете поисковой системы *Google*. Автор указывает на возможные риски интенсивного использования глобализированных сетевых коммуникационных ресурсов. Другой исследователь машинерии «всемирной паутины», Николс Карр, пытается убедить читателей в том, что Интернет губительно действует на интеллектуальные способности пользователей [9]. Эти и другие авторы в пылу полемики часто сгущают краски, создавая апокалипсический настрой в восприятии информационного общества. Тем не менее, опасные тенденции развития глобального сетевого контроля корпораций над информационными потоками и коммуникативными практиками очевидны и несут в себе значительные риски для граждан.

Следствием глобализированного вертикального движения значимых идей, а в ещё большей степени – горизонтальной филиации социокультурных форм, оказывается постоянное расширение ноосферного пространства [4]. Этот процесс непрерывного трансфера идей, паттернов и форм осуществляется посредством реализации обыденных, профессиональных, коллективных и других социально значимых мемов [6, с. 390-391]. В течение последних десятилетий планетарные явления, связанные с ускорением интеграции региональных экономик в единую финансово-промышленную систему, стали предметом многочисленных экспертных исследований, научно-популярных и медийных нарративов. Планетарные трансформации – многоуровневое комплексное явление. Попытки «вдруг» понять суть «глобализации» обречены на эпистемологический провал. Важно понимать прежде всего то, что глобализация – это современный этап эволюции ноосферы [7].

Экспликация ближайших и отдалённых результатов планетарных трансформаций требует определения принципов систематизации теоретических подходов, направленных на понимание феномена глобализации как исторически детерминированного многоуровневого, многомерного и высокодинамичного процесса [9]. Одной из важных аналитических проблем становится обнаружение порядка и конфигурации глобальных процессов. Здесь необходимо отметить такой парадокс: глобализация переформатировала международные отношения в пользу динамичности и эффективности экономики, тем не менее, противоречия между странами и регионами в плане баланса социального благополучия граждан, постоянно углубляются.

Средствами социологического анализа, политической теории, антропологической тематизации и на основе исторических методов Пол Джеймс выстраивает оригинальный

концептуальный каркас глобальных исследований для понимания наличного конфликта между государственной политикой и гражданским социумом. Речь идёт о природе взаимоотношений между институтами официальной политики и гражданским обществом. Исследование открывает беспрецедентные горизонты для артикулирования этих современных политических трендов. Джеймс предлагает схему, включающую анализ противоречий, конфликтов и спорных тенденций, с которыми люди сталкиваются в процессе ускоренной глобализации. На масштабной шкале производства геноцида и терроризма, господства финансового капитала и засилья зомбирующего телевидения обнаруживаются экзистенциальные, экономические и социальные механизмы противостояния культур и отдельных личностей, движимых своей историчностью и детерминированных конкретным географическим (геополитическим) положением [10]. В книге «Глобализация и культура» [11] собран уникальный материал, связанный в большей степени с социо-культурным измерением глобализации. Понять сущность глобальных изменений, считают авторы, проще всего, произведя анализ экспоненциального роста глобальной коммуникации, темпов и направленности распространения мировых религий, расширение идеологических дискурсов рыночного глобализма. Необходимо также комплексное исследование такого явления, как трансфер социокультурных паттернов, ценностей, религиозных норм и ритуалов [2], [3]. Существенную роль в ускорении культурной глобализации играют также интернетизированные образовательные стратегии [1].

В целом, независимо от идеологической ангажированности и специфики методологической фокусировки того или иного автора, решающее значение имеет способ конструирования дебатов о глобализации. Особенностью исследовательских работ является выделение политико-экономического аспекта глобализации и анализ противоречивых отношений складывающихся между автономией национальных культур и экспансией глобальных трансформаций. Такие понятия, как ориентализм, западные цивилизации, восточные цивилизации, колониализм, постколониализм, неолиберализм, национальное государство, транснационализм, империя, мир-системный подход (*world-systems*), сетевое общество (*network society*), структурная адаптация (*structural adjustment*), общество риска, космополитизм, креолизация культуры, гибридность, глокализация, макдональдизация (*McDonaldization*), Мак-мир (*McWorld*), мировая культура (*world culture*), обозначают ключевые тенденции внутри глобализирующегося мира.

Выводы. Модели глобализации конструируются с учётом открытий в области экологии, экономики, развития высоких технологий, особенно благодаря информационным технологиям. Теории глобализации нуждаются в экспертных уточнениях. Стратегическая задача в исследовании многомерных процессов, определяющих ключевые характеристики глобальных трансформаций заключается в интеграции уже существующих знаний. На основе обобщений может быть сконструирована комплексная, междисциплинарная академическая программа с открытым эпистемологическим кодом. Дискурсы о глобальном изначально были специализированы. После осуществления процедуры тематизации могут быть найдены эффективные методологические подходы для систематизации и унификации концептуального каркаса глобальных исследований. Такой методологической междисциплинарной матрицей может быть ноосферология. Благодаря этому исследование эффектов глобальных трансформаций может продвигаться посредством кооперации академического и прикладного знания. Глобальные изменения не спонтанны, но объективно детерминированы не только социально-экономическими, но и технологическими факторами.

Список использованных источников

1. Буряк В.В. Образование в информационном обществе // В.В. Буряк // «Філософія освіти», Киев, № 1, (2006). – С. 89 - 100.

2. Буряк В.В. Стратегии культур в информационном обществе // В.В. Буряк // Учёные записки ТНУ. Серия: Философия.Социология – Симферополь. – Том19(58) №1(2006). – С. 137 – 144.
3. Буряк В.В. Перспективы религии в информационном обществе // В.В. Буряк // Учёные записки ТНУ. Серия: Политические науки. – Симферополь. –Том19(58). №1(2006). – С. 92-99.
4. Буряк В.В. Ноосферология: методологические принципы междисциплинарного дискурса // В.В. Буряк // Ноосферология: наука, образование, практика (Под ред. О. А. Габриеляна). – Симферополь: «Феникс», 2008. – С.109-156 .
5. Буряк В.В. Культура в глобальном пространстве: скорость и мобильность // Буряк В.В. // Уч.зап. ТНУ имени В.И. Вернадского, – 2009, Т. 22 [61]. №3. – С. 23-32.
6. Буряк В.В. Динамика культуры в эпоху глобализации: ноосферный контекст : монография / В. В. Буряк. – Симферополь : ДИАЙПИ, 2011. – 462 с.
7. Буряк В. В. Глобализация как современный этап эволюции ноосферы // В. В. Буряк // Вісник СевНТУ. Вып.141: Философия: сб.науч. тр., Севастополь, 2013, – С. 21-24.
8. Bauerlein, M. The Dumbest Generation: How the Digital Age Stupefies Young Americans and Jeopardizes Our Future (Or, Don't Trust Anyone Under 30) / Mark Bauerlein. – NY.: Tarcher, 2009. – 272 p.
9. Carr, N. The Shallows: What the Internet Is Doing to Our Brains / Nicholas Carr. – NY.: W. W. Norton & Company, 2011. – 280 p.
10. James, Mr. P. W. Globalism, Nationalism, Tribalism / Mr. Paul W. James. – London.: Sage Publications Ltd, 2006. – 392 p.
11. James, Mr. P. W. (ed.). Globalization and Culture (Central Currents in Globalization) (v. 1) / editor : Mr. Paul W. James. – London.: Sage Publications Ltd; 2009. – 1720 p.
12. Stross, R. Planet Google: One Company's Audacious Plan To Organize Everything We Know / Randall Stross. – New York: Free Press, 2008. – 288 p.

ВАХОНЕЕВ В. В.

ПОДВОДНОЕ КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ КРЫМА: НОВЫЕ ПРАВОВЫЕ И СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ РЕАЛИИ

Аннотация

This article deals with the legal problems of the protection of underwater cultural heritage in the Republic of Crimea. The paper analyzes the factors affecting the preservation of underwater cultural heritage in Crimea, as well as the status of new Russian legislation in this area. The author draws attention to the lack of uniformity in the legislation of terminological concept of "underwater cultural heritage", as well as an independent approach to the integration and certification of underwater objects. The analysis leads to the conclusion that the legal problems of the Russian Federation may result in damage to or loss of underwater cultural object as a valuable source of knowledge about the historical and cultural past of the state.

Подводное культурное наследие – термин, достаточно активно вошедший в общественное употребление за последнее десятилетие. Подписание ЮНЕСКО в 2001 г. Конвенции по охране культурного наследия послужило базовым толчком для начала комплексных научных исследований объектов культурного наследия под водой по всему миру. В 2006 г. украинский парламент ратифицировал данную конвенцию, с 2009 года она вступила в силу, набрав более 30 стран, ратифицировавших ее. Согласно конвенции, под

подводным культурным наследием понимались все остатки жизнедеятельности человека, оказавшиеся водой, возрастом более ста лет. Многие государства-члены Конвенции на национальном законодательном уровне изменяли хронологические рамки, отодвигая их в сторону омоложения. Так, согласно Закона Украины «Об охране культурного наследия», к объектам культурного наследия могли быть отнесены места гибели боевых кораблей. Учитывая, что последние боевые действия на территории Украины завершились в 1944 г., соответственно суда, принимавшие участие в военных действиях времен Великой Отечественной войны потенциально становились памятниками культурного наследия с соответствующими преференциями в деле их охраны. Для периода, когда было утрачено большое количество архивных данных, большинство кораблей, имеющих свой боевой путь, команду, летопись, становились объектами научных исследований историков.

К сугубо научному интересу следует прибавить и рекреационный эффект в деле сохранения подводного культурного наследия. В современном дайвинге давно уже утвердилось новое направление – рэк-дайвинг, погружения на затонувшие корабли. Данное направление активно развивается во всех крупных туристических центрах по всему Средиземноморью. Затонувшие корабли в акватории Крыма также оказались вовлечены в дайвинг-индустрию республики, а погружения на некоторые самые известные кораблекрушения – стали основой бизнеса многих дайв-клубов в летний сезон.

Ввиду указанных двух причин (исследовательской деятельности по восстановлению исторических событий и туристического потенциала в рамках развития рекреационного сектора экономики) вопросы защиты подводного культурного наследия периода войны должны находить все большую актуальность в современном обществе. Тем не менее, на практике оказалась иная ситуация. Места гибели кораблей являются объектами промысла т.н. «металлистов», уничтожающих объекты для добычи металлолома. Отдельное направление связано с хищениями отдельными лицами по время своих погружений. Именно на последних направлены разработки СМАС и ЮНЕСКО кодексов этики.

Учитывая лагуну в деле охраны подводного культурного наследия, удалось в 2009 г. провести в украинском парламенте изменения в Закон Украины «Про пограничную службу», обязав эту структуру заниматься сохранением наследия на воде непосредственной на месте. Только эта структура имела в своем арсенале достаточно количество средств реальной охраны, а не декларативных функций.

В связи с переходом в правовое поле Российской Федерации подверглись изменениям и нормативные документы в сфере охране наследия. Согласно российскому Федеральному Закону № 73 от 25.06.2002 г. «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» культурное наследие получило 100-летний рубеж. К 2014 г. на государственном учете в качестве объектов подводного культурного наследия в акватории Республики Крым было 36 объектов, половина из которых затонула в первой половине XX в. Пограничная служба ФСБ оказалась некомпетентной в деле сохранения этих объектов.

В современности существует достаточно большое количество факторов, оказывающих негативное влияние на объекты подводного культурного наследия. К неправовым факторам, отрицательно влияющим на охрану подводного культурного наследия в России, можно отнести все антропогенные (вандализм, хищение, коммерческая эксплуатация объектов, сувенирный сбор, инфраструктурные работы на море, рыболовный промысел и траление и др.) и неантропогенные (физические, биологические, химические, природные и климатические) факторы. Наиболее актуальными для Российской Федерации являются следующие факторы антропогенного характера: мародерство, сувенирный сбор, вандализм, процветание торговли подводными артефактами, рассредоточение подводного культурного наследия в результате продажи с аукционов, подводные строительные работы, загрязнение окружающей среды, техногенные катастрофы, недостаточное финансирование подводной археологии, механические повреждения и разрушения подводных объектов в

результате добычи морепродуктов (траление), нарушение технологий прокладки кабелей, нефте- и газопроводов.

Помимо этого, существуют и правовые факторы, оказывающие негативное влияние на охрану объектов подводного культурного наследия Российской Федерации. В российском правовом поле, новом для Крыма, вообще отсутствует понятие «подводное культурное наследие». И в данном случае Крым выступил достаточно передовым субъектом Федерации с поставленными на учет 36 подводными объектами на всю Российскую Федерацию. Тем не менее, отсутствие реальных рычагов охраны открыло доступ к новой волне разграблений.

Российский парламент также не ратифицировал Конвенцию ЮНЕСКО 2001 г. по охране культурного наследия. Противниками ратификации выступили силовые структуры (Министерство обороны, ФСБ). Основной причиной является нежелание с точки зрения национальной безопасности открывать допуск иностранных исследователей к объектам, затонувшим в российских водах. Это касается не только непосредственного доступа, но также к работе с материалами о них. В итоге эта коллизия привела в частичному блокированию отечественных исследователей к наработкам ученых из стран, ратифицировавших конвенцию. Так, ЮНЕСКО постоянно организует для стран-участниц конвенции научно-практические семинары по охране подводного культурного наследия, летние археологические школы, а также проводит совещания с представителями этих стран в своей штаб-квартире в Париже, решая методические и правовые аспекты охраны.

Такая терминологическая несогласованность и отсутствие в российском законодательстве понятия «подводное культурное наследие» нередко влияет на подмену понятий и применению неправильных критериев при определении ценности подводного объекта. Такая манипуляция терминологией в России может даже создавать предпосылки для проявления коррупции. В связи с этим огромное число памятников истории и культуры в Российской Федерации не учтены, не исследуются и не охраняются. Юридически для российских государственных надзорных органов таких объектов практически не существует, что создает почву для хищений и злоупотреблений. Эта ситуация приводит к тому, что в настоящее время в срочном порядке требуются теоретическая проработка понятия «подводное культурное наследие» и его введение в юридический и научный оборот в Российской Федерации [1, с. 138-139].

Если объекты, имеющие археологический статус еще можно привязать в деле охраны культурного наследия под ФЗ 73 и 243 статью УК, то объекты, затонувшие в период между 1915 и 1944 гг. оказались абсолютно беззащитными. Это, в первую очередь достаточно большое количество кораблей времен Первой мировой, Гражданской и Второй мировой войн в акватории республики. Точнее, это сотни плавсредств и летательных аппаратов. В современной России идут тенденции к тому, что затонувшие объекты времен войны должны принадлежать Министерству обороны. Учитывая же, что для Крыма места гибели боевых кораблей являются частью его славной истории, вопросы компетенции в деле сохранения, популяризации этих объектов должны находиться в культурно-рекреационном русле. Наиболее развитые приморские курорты Средиземноморья дают прекрасный опыт в этом направлении. При создании оптимальных условий безопасности под водой, такие объекты выполняют достаточно эффективную роль в сфере популяризации исторических знаний.

Сегодня же, в условиях нового правового поля, вопросы охраны подводного культурного наследия в акватории Крыма должны лежать в сфере всесторонней популяризации этого богатого историко-культурного наследия и формирования общественного мнения, поскольку реальные рычаги их охраны, увы, уже более недоступны.

Список использованных источников

1. Анисимов И.О. Проблемы охраны подводного культурного наследия в Российской Федерации // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2014. № 3. С. 136–143.

МОРФОЛОГИЧЕСКАЯ СТРАТЕГИЯ ФИЛОСОФСТВОВАНИЯ: «Я» И ТРАДИЦИЯ

Философская морфология текста – это стратегия приобщения к философской традиции посредством пробуждения неповторимого смысла философских текстов, заданного посредством двух форм – предметно-смысловой и текстово-языковой, – и продолжения их смыслового импульса в собственном исследовании. Ключевым моментом является обнаружение формы-морфе исследуемого текста.

Ключевые слова: морфология, текст, поэтическая функция, референциальная функция, форма-морфе, фрагмент.

A morphological strategy of philosophizing: «me» and tradition

Philosophical text morphology is a strategy of communion with the philosophical tradition by means of awakening a unique sense of the philosophical texts, which is set by the use of two forms – object-semantic and text-linguistic – and continuation of the impulse of its sense in one's own research. The key moment thereby is a discovery of the form-morphe of the studied text.

Key words: morphology, text, poetic function, referential function, form-morphe, fragment.

«Выбор призвания – это всегда непостижимое вторжение в течение жизни. «Стань философом» предшествует суждению «Все действительное разумно» господина Гегеля, а потому это – вторгающаяся заповедь, превосходящая все понятия гегелевской философии...» [6, с. 8].

Что представляет собой философия, оформляющая индивидуальную жизненную стратегию? Как, где и по каким законам осуществляется взаимодействие 2-х неопределенностей: «я» и философского слова? Поиск ответа на первый вопрос является целью (в формате намерения) данной статьи, а смысловая область вопроса второго – объектом моего осмысления.

Предложение, или высказывание, согласно Платону, по самой своей сути ущербно: его недостаточно для выражения истины, так как истина равна только себе и ничему больше. Поскольку, однако, человек расположен в отношении истины уникальным образом (обладает способностью к восприятию λόγος'а, то есть потенциально философичен), постольку его высказывание касается истины – недостаточно, но особым образом недостаточно: «Мир, слово и моя столь высоко ценящая личность не противостоят друг другу в пространстве. Язык отводит мне внутри мира определенный промежуток времени...» [6, с. 19]. С другой стороны, для истины более удобно молчание, но и оно оказывается недостаточным: «Молчание может быть надежно сохранено только словом» [1, с. 34], – подтверждает В. Бибахин. Таким образом, здесь дважды актуализируется базовая аристотелевская оппозиция «форма/ лишенность», а философское слово (высказывание, претендующее на воплощение в себе истины) обнаруживает параметр неоконченности как необходимый принцип самоорганизации, то есть сбывается всякий раз как фрагмент.

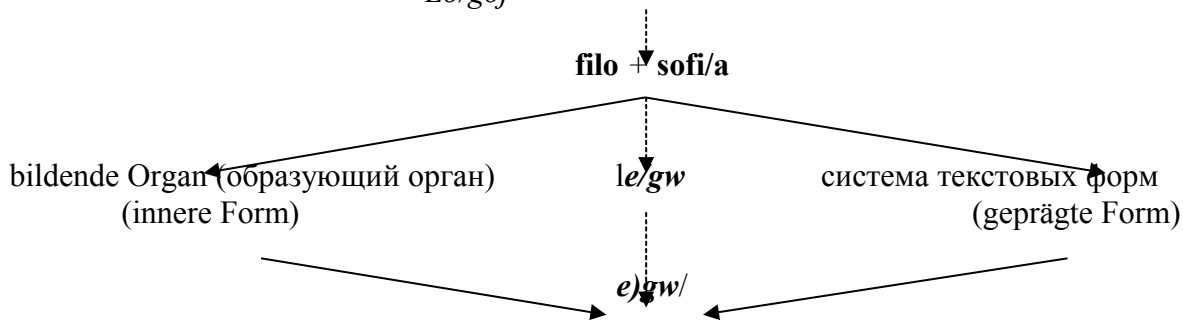
Неоконченность слова – это отсутствие у слова окончания, флексии, ограниченность морфемой корня. Форма, ограничивающаяся этой морфемой, – это imperativus,

повелительное наклонение: приказ/ призыв. Тем самым, философское слово ведет себя как *imperativus*, ищущий свое личное окончание (во *мне*): «Вся актуальность философии в том: она что-то делает с нами, говорит важное, единственным образом касающееся самого нашего существа, хочет открыть нам нас, чтобы мы нашли себя. Обращение философии к нам, к нашему существу и есть ее язык» [1, с. 11].

И для того, чтобы философия стала *моей* жизненной стратегией, мне необходимо *отозваться*: «До того, как призванный повернется ко мне, невозможно ничего обсуждать...» [6, с. 73]. Не в этом ли состоит смысл обучения философии? Обучение как поиск Избранника, руководимый греческим напоминанием о том, что мудрость не должна разглашать себя непосвященным... И если некая стадия *посвящения* связана с постижением Числа («Не геометр да не войдет никто»), то иная стадия требует приобщения к *Логосу* (ср.: «Число и использование числа абстрагируются от спряжения и склонения. Но язык имеет свои корни именно в спряжении и склонении. Число А равно и остается равным числу А, и если А не равно В, то В навсегда остается неравным А. Это – священный закон тождества $A = A$, $A \neq B$, исключаящий противоречия. Однако мы говорим, стремясь достигнуть противоположных целей. Мы говорим для того, чтобы изменить вещи настолько, что они соединятся друг с другом и смогут переходить друг в друга» [6, с. 58]). Иными словами, здесь утверждается, что именно морфология – определяющее важный момент для языка как такового.

Поэтому «посвятить» с языковых позиций (с позиций Логоса) значит «проспрягать» (поскольку склонение охватывает собой «расположенные в пространстве вещи», а спряжение – «действующие во времени силы» [6, с. 72], постольку я должно быть подвергнуто *глагольному* типу преобразований, чтобы постигать *именные* метаморфозы вещей): провести меня через систему текстовых форм (чужих), чтобы определить, обладаю ли я *достаточной парадигмой* (в отношении глагола – способность принимать *все* формы *любых* наклонений). И лишь в том случае, если я ею *не* обладаю (философское слово – это фрагмент), во мне могут сложиться половинки символа $\phi\lambda\omicron + \sigma\phi\acute{\iota}\alpha$, и $\lambda\acute{o}\gamma\omicron\varsigma$, замалчиваемый, но создающий возможность этого символа и место для него, приобретет во мне личную форму – $\lambda\acute{\epsilon}\gamma\omega$, и философия, ставшая для меня *особым органом* (по рецепту Гете), проявится через систему уже других (*моих*) текстовых форм.

Lo/goj

Логос, соединяющий любовь и мудрость в словарной форме «философии» и потому имплицитно содержащийся в ней, раздваивается в области языка и, в частности, философского языка: язык как образующий орган мысли, или $e)ne/g\epsilon\acute{\iota}\alpha$ (по Гумбольдту), или внутренняя форма, и язык как $e)rg\omicron\sigma$, как ставшие текстовые формы, или отчеканенная форма (по Гете). Говорение от первого лица (le/gw) в области философии, с одной стороны мотивировано и оформлено уже существующей традицией, закрепленной в текстах, с другой – приводит к рождению собственное философское слово. А собственное слово предполагает личную ответственность, личную захваченность и совпадение с Логосом – всеобщим, но постигаемым лишь интимно, в личном говорении. Так рождается *философствующее я* – Логос от своего имени.

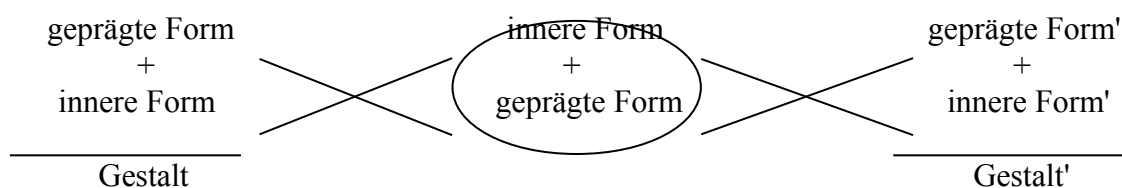
Но для того, чтобы это рождение философствующей индивидуальности состоялось, как же следует относиться к испытывающим меня текстам? Стратегию и тактику

правильного обращения предоставляет, на мой взгляд, та область мысли, которую Гете поименовал *морфологией*. Будучи разработана для познания форм живой природы, эта мыслительная техника оказалась чрезвычайно плодотворной и для других областей знания (в частности, языковедения), где речь идет о постижении становящегося смысла. Не составляет исключения и философия.

От гетевской морфологии морфология философская берет следующие моменты:

- **доверительное отношение к объекту**, включающее в себя беспредпосылочное приобщение к последнему и взаимовлияние осмысляющего и осмысляемого (следствием этого является только один возможный вид «цели» морфологического исследования – цель-Absicht (намерение), *предполагающая* способность меняться в процессе познания, *не предполагающая* получения «на выходе» окончательного результата и *исключающая* подведение опыта под априорные схемы);
- **антропоморфная редукция**, связанная с необходимостью *принятия в себя нечеловеческого смысла* (свидетельство тому, согласно Гете, ощущение ужаса при узрении Прафеномена);
- **предметное мышление**, или осмысленное видение вещи на стадии формы (Прафеномен – *видимая идея увиденной вещи*);
- **личный контакт с предметом знания** (гомология исследователя и видимой идеи *этого* предмета);
- **платонизирующий мимесис**: стремление к идее осмысляемого предмета (как его смысловому пределу) путем генетического подражания ей (как *собственному смысловому пределу*), следствием чего является «антропный принцип» морфологического метода, отсутствие субъект-объектной оппозиции, со-звучие изучающего и изучаемого;
- **интенция к диалектике** (сохраняющаяся как *интенция*), вызванная необходимостью мыслить противоположности *в единстве*, но с сохранением их *в качестве противоположностей* (с этим связана потребность в особой оптике – со-настройке глаза и ума; при осознании этой потребности появляется возможность мыслить гетево «Учение о цвете» как оборотную сторону его же морфологических штудий);
- **фокус на форме-фрагменте** (Gestalt как «нечто, лишь на мгновение схваченное в опыте» [3, с. 12]) **формы-метаморфоза**. С этим совмещением в одном жесте 1) *неоконченности* и 2) *становления*, или прерывности и континуальности, связана необходимость умозрения, без которого не может быть увиден-помыслен *переход*;
- **«пульсация в противофазе» относительно предмета**, необходимая вследствие того, что глаз схватывает объект «тем, что порождает из себя нечто, противоположное объекту» [3, с. 284] (следствия этого подхода – требование *теоретизировать с иронией и стадия приемлемых гипотез*, где последние подлежат коррекции сообразно «подсказкам» предмета);
- **форма-морфе (morph/)** **в качестве объекта** того осмысления, *технику* которого и предлагает морфология Гете, возвращая, тем самым, в новоевропейскую философскую мысль утраченную (исконно греческую) специфику данной – *не абстрактной* – формы.

Оставаясь в рамках гетевской терминологии, искомую форму можно схематически представить следующим образом:

Geprägte Form («отчеканенная форма») и innere Form («внутренняя форма»), которые Гете считает нужным разграничивать, когда дело касается произведения искусства, в области органики образуют единовременно схватываемый Gestalt, «отчеканенная форма» которого будет являть собой фрагмент, а «внутренняя» – замалчиваемое продолжение, метаморфоз. Переход к следующему Gestalt'у *невидим* для глаза, иначе говоря, geprägte Form скрывается под покровом innere Form, уходит *в тень*, или – если исследование находится в области языка, – *в молчание*. И *прямым* движением взгляда-сознания увидеть это изменение нельзя: глаз-ум должен изменить ракурс, настроиться на *косвенность*. Почему косвенность?

Поиск формы-морфе – поиск всегда косвенный. Когда смотрят на *объект* и ищут у него «форму», сразу же активизируется «содержание» – иммунитет против прямого и нескромного. Это не то, что мне нужно. То, что я ищу, можно заметить краем глаза, оно прячется от оптического прицела: «Косвенный взгляд краток: будь он чуть длиннее, он превратился бы в пустой или невидящий. [...] косвенный взгляд легко проникает в тайники, заказанные для прямого. Разработанная классификация прямого действия, отсылающая к способностям души, судьбе и т. п., позволяет уклониться от него – это искусство истолкования. Напротив, косвенное действие подобно запрещенному приему, мало того, в нем нет никакого соблазна, поскольку оно никогда ничего не обещает. Тем более оно интересно: оно соединяет несоединимое и производит, казалось бы, невозможное. Природа косвенности – в примере: это пример для подражания, связывающий какого-нибудь юного парижского подмастерья с Наполеоном, и пример как упражнение, создающий такую дискретность *res cogitans*, что ученику приходится становиться Ахиллесом, чтобы догнать черепаху» [5, с. 70].

Текст морфологического исследования должен стать Ахиллесом, чтобы догнать черепаху, за которой погнался другой – осмысляемый – текст. Догнать и озвучить, *показать* то, что этот текст-фрагмент оставил под покровом молчания. Чтобы очертить границы этого молчания, как раз и нужна косвенность. И поскольку *morfh/* может быть увидена только косвенным взглядом, который скользит по вещам, не пытаясь их увидеть и рассмотреть, постольку даже этимологически она не связана со зрением, как другие смысловые категории в греческом языке – *эйдос*, идея, теорема... Она – в своем качестве *sxh=ma th=j i)de/aj* (схемы идеи) [Met. 1029a. 1-7] – не видна прямо: остановка сразу же дает *отпечаток эйдоса* – Gestalt.

Однако эта остановка необходима, чтобы морфология могла начаться. Именно ее и предоставляет *слово* – тот предел, до которого, по Гумбольдту, язык развивается самостоятельно. По этой причине в слове и законах словообразования весь язык выражен полнее, чем в предложении. Слово – это предмет *лингвистической* морфологии, от которой философская зависит не в меньшей мере, нежели от гетевской.

Лингвистический подход помогает обнаружению тесной связи *конкретного текстового феномена с конкретным языком* (согласно замечанию Бахтина о том, что «за каждым текстом стоит система языка»). «То, что» говорится в тексте и «то, как» об этом говорится (как называет это Хайдеггер), или референциальная и поэтическая функции языка (в терминологии Якобсона), конституирующие, каждая по-своему, текстовую форму, образуют своего рода два полюса, между которыми и во взаимопроникновении которых обретается «организованная полнота» (термин Гете), или смысловая цельность: полное выражение смысла в рамках данной текстовой единичности.

Разумеется, форма-морфе, будучи принципом смыслового выражения вообще, имеется не только в тексте и не только в языке. Но я в языковой и во внеязыковой области она находится на таком участке смыслополагания, понять который помогает обращение к особому моменту в соотношении части и целого. Принимая платоновское разделение частей на *me/th* (части физические) и *mo/gia* (части смысловые), можно сказать, что *morfh/* объединяет физические части, создавая на их основании смысловое единство, согласовывает части так, что они перестают существовать как нечто дискретное. Обнаружение

этой формы-морфе в тексте и составляет предмет интересов философской морфологии текста.

Философская морфология текста – избранная мною стратегия анализа и осмысления текстовых феноменов, имеющих как философскую направленность, так и *высокий показатель текстовой мотивации* (поэтичность), и взятых на стадии выражения, или *формы*. При этом:

во-первых, поскольку данный метод ориентирован на тексты в буквальном понимании, т.е. на тексты как вербальные произведения, необходимым оказывается обращение к терминологическому аппарату и приемам исследования лингвистики в широком понимании (морфология как часть лингвистики, морфология текста, как исследовательская стратегия, близкая к лингвистике текста, наконец, поэтика как «поэтическая лингвистика», иными словами, тот вид лингвистики, который обращен к анализу поэтических произведений);

во-вторых, поскольку философская морфология заявляет о себе как о типе философствования, внимание здесь фокусируется именно на *смысловых основаниях*, с одной стороны, рассматриваемых текстов (в их качестве сингулярных экспликаций философской мысли), а с другой – на смысловых основаниях методов/приемов самого этого рассмотрения (т.е. *собственных* действий исследователя).

Таким образом, проблема, которую ставит перед собой морфология, отсылает, с одной стороны, к сюжету «поэтического» (в широком смысле) слова, а с другой – к сюжету «органических» (в смысле самомотивированных) форм. Поэтому и представляется наиболее перспективным подход к ней с двух сторон: 1. со стороны языка, 2. со стороны смысловой органики синтеза (схватываемой посредством не формальной, но диалектической логики), то есть подход двойного – языкового и смыслового – *оформления*. Особенно явно необходимость этой перспективы проявляется при обращении к философским текстам.

Я предлагаю обратиться к текстовому феномену не с намерением изучить то, что в нем говорится, или классифицировать его, но желая увидеть ту смысловую ситуацию (пространственную конфигурацию смысла), которая мотивировала *именно такую* текстовую конфигурацию. И не просто увидеть, но дать свой вариант ее осмысления: свой вариант философствования на заданную тему. Таким образом, философская морфология текста представляет собой не очередную версию интерпретации и не историко-философское переосмысление чьей-то философии с целью преодоления сложившихся штампов и инерции толкования (хотя эти задачи попутно также могут решаться), но – способ продолжения философской традиции *изнутри* того, что являет себя в этом тексте.

Полярность смысла и языка, закрепленная наличием двух форм – формы логической и формальных особенностей конкретного языка, – образует поле для морфологического исследования, поле, некогда названное *Логосом* (еще до того, как парцелляция мыслительного процесса, предполагающая аналогичную парцелляцию процесса смыслополагания, закрепилась в дихотомии: слово/смысл). Непрекращающиеся попытки философов, лингвистов и логиков преодолеть эту раздвоенность мысли и языка действуют согласно гетевскому приему нарастания, непрерыванием своим свидетельствуя, что между двумя полюсами лежит не истина, а проблема.

И проблема эта требует решения на уровне не просто языка, но текста, где, наряду с языковыми, чрезвычайно большую роль играют также экстралингвистические факторы.

Итак, философская морфология текста отслеживает на уровне текста действие формы-морфе – той морфе, которую, в ее соотношении с эйдосом, можно назвать *выражением смыслового лика* вещи, обеспечивающим подвижность этого смысла. Как уже упоминалось, эта форма со-гармонизирует, модифицирует и приспособливает друг к другу части, будучи контуром, схемой будущего единства (на уровне словоформы это проявляется в сближении звуков, в преодолении их отдельности; ср.: Theaet. 204e). Посредством этого объединивания из «отдельностей» образуется одна идея, нечто новое, что обретает уже и новое имя (в упомянутом месте у Платона – слог, h(sulla/bh). Таким образом, частям, чтобы

стать «целым» (o(/lon), а не «всем» (pa=n), чтобы не распасться, морфе необходима на всех уровнях: будь то уровень слога, слова или текста.

Особый интерес представляет отслеживание действия этой формы в текстах, не подпадающих под сложившиеся штампы «рациональной» и «научной» философии, – в текстах, обвиняемых в «излишней поэтичности» (упрек, адресуемый и досократикам, и Платону, и Гете, и многим другим мыслителям). С одной стороны, для понимания таких текстов чрезвычайно важен тип языка, на котором они написаны, с другой – особенности морфологии языковой (тип словообразования и словоизменения) распространяется и на следующие уровни, задавая уже и для текста тип смыслообразования и смыслоизменения. Законы слова распространяются на текстовые цельности, на формы текста, вырастающие из грамматики, что дает возможность говорить о морфологии в широком смысле.

К слову сказать, язык философии уже при рождении своем был переходным (но никогда до конца не переходящим) состоянием между языком строго референционным и собственно поэтическим. Однако в дальнейшем «философскую» и «поэтическую» составляющие предпочли разграничить, разрезать, как то произошло с людьми-андрогинами согласно описанию платоновского Аристофана в «Пире»: «Каждый из нас (отдельный) есть половинка (знака гостеприимства)/символ (su/mbolon) человека, так как был разрезан на подобия камбал – из единого два: так вот и ищет каждый всегда свою половинку» [Symp. 191d] (перевод мой. – И.Г.). Но дело этим не ограничилось. Две «составляющие» философских текстов перестали даже потенциально рассматривать как имеющие единую природу, то есть исполнили то, о чем Платон пишет как о возможной угрозе: «Есть опасение, что если мы не будем скромными по отношению к богам, как бы нас вновь не раскололи: останемся мы тогда, как начертания, выгравированные на надгробиях, распиленные по профилю, – станем, будто (обе) половинки (знака гостеприимства) (li/spai)» [Symp. 193a] (перевод мой. – И.Г.). Здесь видно, что сам по себе su/mbolon (половинка игральной кости, монеты и т.д., использовавшаяся в качестве «знака гостеприимства») еще имеет потенциальную возможность целостности. А вот li/spai (обе половинки игральной кости) ее уже не имеют. Будучи расположены на одной плоскости и лишены возможности поворота навстречу друг другу (то есть лишены возможности морфологических превращений, сведены к вечному «номинативу» или к числу (о чем говорил Розеншток-Хюсси)), они отныне – лишь суммативные части, me/th. И чтобы образовать целостность, им необходимо вернуть возможность поворота – так, как то предполагается Логосом и формой-морфе этих ускользающих от однозначности текстов – текстов, где «то, о чем» и «то, как» слиты вместе настолько, что не могут быть разорваны без ущерба для каждой из сторон, но могут только меняться вместе. И отследить эти совместные преобразования позволяет уровень объединяющей и переменчивой формы – morfh/. Как же это фактически осуществимо?

Опираясь на положение Гуссерля о том, что целое из самостоятельных частей (фрагментов) фундирует моменты, придающие единство (так называемые «гештальтные качества», по Эренфельсу, «фигурообразующие моменты», по Гуссерлю, или «фундированные содержания», по Мейнонгу), а целое из несамостоятельных частей (моментов) обходится без дополнительного удостоверения своей цельности в виде особого «момента единства», я исхожу из того, что в текстовом феномене присутствуют оба этих вида. Так, смысл и его языковое воплощение представляют собой, очевидно, несамостоятельные, взаимно-фундированные части (т.е. они требуют друг друга, чтобы «дорости» до целого, и не могут существовать иначе, как только в качестве частей). А вот линейная сила текстового распределения располагает этот смысл так, что делает возможной его фрагментацию (выделение самостоятельных текстовых частей-единичностей, каждая из которых обладает уже собственной формой, или, что то же, фундирует дополнительный момент единства). Эта фрагментация – первый шаг морфологического исследования. Она осуществляется из самого текста (ср. с хайдеггеровским требованием дать слово языку как языку), и полагание границ может производиться в соответствии с двумя линиями: линией предметного смысла и линией текста (каждая из которых, как мы помним,

несамостоятельна). Причем фиксация внимания на текстовой организации позволяет проявиться тем замалчиваемым моментам смысла, которые могут быть явлены только в языке (поскольку иного способа выражения в тексте не дано), но только косвенно (ср. с романтическим концептом «несказуемого» как оформленного, т.е. данного в языке, молчания). Акцент на одной из самостоятельных частей (в данном случае, на способе языкового *прорисовывания* смысла), или, пользуясь словами Гуссерля, «происходящее таким образом выделение одного из содержаний может иной раз служить как бы фундаментом для того, чтобы другое тесно связанное с ним содержание стало заметным» [4, с. 225].

Полученные таким образом цельнооформленные единичности объединяются, в свою очередь, с другими, образуя уже более крупные по масштабу единицы, внутри которых за счет очередной модификации обнаруживаются уже новые, свои собственные, экспликации смысловых характеристик и способы их ко- и субординации. Ср.: «Их отношения диктуются строгой последовательностью фундирований, в которой то, что фундировано на одной ступени, становится фундирующим [моментом] следующей ступени, причем так, что на каждой ступени получают определение формы нового вида, достижимые только на этой ступени» [4, с. 267]. Здесь возникают непосредственные аналогии, с одной стороны, с описываемым Гумбольдтом способом действия внутренней языковой формы, которое осуществляется за счет широко понимаемой артикуляционной способности, а с другой – с хайдеггеровским С-казом как «разбиением», «разметкой» смыслового пространства.

Так, шаг за шагом, охватывается весь объем текста. Если отслеживать это движение к целому со стороны частей, то здесь можно констатировать наличие того явления, которое Гуссерль именует *варьированием*. Это единство представляет собой «...одно, бесконечное в возможности многообразии темпорально последовательных, в смысле понятий изменения и устойчивости [...], непрерывно переходящих друг в друга конкретных [образований] одной и той же формы, причем это многообразие охватывается единством каузальности...» [4, с. 238].

Однако текстовая цельность требует и иного движения – от целого к части, когда уже не части *фундируют* свой «единящий момент», свою морфе, а смысл *становится* в каждой своей части, принимая за счет морфе каждый раз новый облик. По наблюдениям исследователей, цельность текста опирается на два логически исключаящие друг друга основания – непрерывность и дискретность. И преодолевается эта антиномия только за счет введения диалектической категории *становления* и апелляции к *органике* смысловых преобразований (иными словами, говорить о метаморфозе в гетевском понимании можно тогда, когда имеет место «разворачивание» единого по своей сути смысла, каждая часть которого, как его формальное преобразование, дает доступ к этому смыслу в его «единовидной свернутости»). Речь здесь, разумеется, идет не о том, чтобы отождествить текст с организмом, а о том, чтобы отметить наличие *органического принципа, развернутого в текст*. Строго говоря, «органичность» играет в данном случае роль понятийной метафоры, понадобившейся европейской мысли для именованной области смыслового самополагания. Это не сделало данные явления менее таинственными (ср. рассуждения Канта о непостижимости даже одной травинки), но помогло наметить пределы еще одной области, легитимирующей догадку о «целом раньше частей» (ср. кантовскую же эстетику). Иное дело, что из-за этой метафоры сфера самостоятельного (т.е. не привносимого извне) смысла ограничилась областью живой природы и искусства, тогда как, скажем, в исконной традиции античного философствования не было нужды говорить о жизни (в кавычках или без), когда речь шла о любом смысле в его самостоятельном полагании.

Сложность и непривычность такого рода взаимоотношений части и целого зачастую вынуждает исследователей к «двойному» определению текста или к указанию на два его вида (макротекст – микротекст, текст в широком смысле – текст в узком смысле и т.д.). По сути, «текст в узком смысле», «микротекст», «сверхфразовое единство» – это наименования для той самой части, которая тождественна целому и которая, по этой причине, обладает в полной мере всеми свойствами текста как такового (цельность, связность, относительная

законченность, отдельность и т.д.). Подобно тому, как (если верить Гумбольдту) слово – это тот предел, до которого язык развивается самостоятельно, так понимаемый текст (часть текста) – тот предел, до которого самостоятельно полагается текст-как-смысл.

И если эта часть мыслится динамически (т.е. берется на стадии становления), то становится очевидной несводимость платоновской пары частей *me/roj/mo/rion* к гуссерлевской паре фрагмент/момент. *Me/rh* не обладают способностью фундирования ни в целом, ни друг в друге, тогда как фрагмент 1) имеет некую собственную субстанциальную выраженность и 2) является осмысленной частью целого, т.е. указывает на это целое, даже будучи лишен его как непосредственно данного. В этом одна из причин того, что именно текст-фрагмент я избираю объектом морфологического исследования: во-первых, он удобен для детального осмысления (ведь, согласно тезису Р. Харвега, основная трудность исследования текстов объясняется тем, что «возможность подвергать языковые единства формальному анализу убывает по мере повышения его иерархического уровня и возрастания его объема» [7, с. 101]). Во-вторых, как было сказано, он уже содержит в себе все необходимое для обнаружения формы-морфе, будучи пределом самостоятельного развития текста. И, наконец, в-третьих, фрагмент, подобно слову, изъятому из контекста и погруженному в молчание, обнаруживает в себе скрытые смысловые потенции: «Фрагментарная речь не считается с самодостаточностью, ее недостаточно, она не проговаривается ради самой себя, ее содержание не составляет ее смысла. Но она и не стыкуется потом с другими фрагментами, дабы составить некую более полную мысль, совокупное знание. Фрагментарное не предшествует целому, а говорится *вне* и после него» [2]. Иначе говоря, в этих условиях действие формы-морфе, обеспечивающей выражение смысла, заканчивается *уже после* того, как замолчал сам фрагмент. Погоня за черепахой продолжается.

Может ли эта погоня привести к какому-то результату, к каким-то *выводам*? Найти крупицу молчания – оформленного, данного в тексте молчания, – насколько выполнима эта задача? Ведь чтобы понять предмет в его целостности, нужно быть целостным самому, нужна своя сила. В этом и состоит *предоснование морфологии*: исследователю ничего не нужно от текста, он соглашается с тем, что обнаруживает в исследуемом феномене. Образно выражаясь, движения одного участника мотивированы движениями другого. Это – природа философской мудрости, основанной на любящем понимании, на желании быть живым и осмысленным и делать живым и осмысленным то, что осмысляется. Здесь нет стремления превзойти, но есть желание делать так вместе. Отсутствует непосредственная субъект-объектная зависимость, но наличествует органическая связь, взаимная расположенность, симпатия. Как у платоновского *su/mbolon*.

Разворачивая метафору «разрезания», стоит вспомнить, с какой целью оно производилось: боги разрезали целостных людей, дабы лишить их слишком большой силы – опасной силы. Философская морфология текста, намеревающаяся вернуть философским текстам утраченную целостность, преодолеть раскол «логико-философской» и «литературно-художественной» составляющих, возможно, станет путем возвращения этим текстам их подлинной силы, и, как следствие, – жизни философской традиции.

Список использованных источников

9. Биbihин В. В. Язык философии / Биbihин В. В. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Языки славянской культуры, 2002. – 416 с.
10. Бланшо М. Ницше и фрагментарное письмо [Электронный ресурс] // Журнал «НЛО» – 2003. – № 61. – Режим доступа к журн.: <http://magazines.russ.ru/nlo/2003/61/lapic.html>
11. Гете И. В. Избранные сочинения по естествознанию / Гете И. В. — Издательство Академии наук СССР, 1957. – 553 с.

12. Гуссерль Эд. Собрание сочинений. Т.3 (1). Логические исследования. Т.П (1) / Гуссерль Эд.; перев. с нем. В. И. Молчанова. – М.: Гнозис, Дом интеллектуальной книги, 2001.
13. Маковецкий Е. А. О косвенности // Звучащая философия: Сб. статей (под ред. К. С. Пигрова) / Е. А. Маковецкий. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2003. – С. 68-70.
14. Розеншток-Хюсси О. Бог заставляет нас говорить / Розеншток-Хюсси О. – М.: Канон+, 1977. – 288 с.
15. Филиппов К. А. Лингвистика текста: Курс лекций / Филиппов К. А. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2003. – 336 с.

ГОЛУБНИЧИЙ Р. В.

ФЕНОМЕН СПРАВЕДЛИВОСТИ ПРИГОВОРА В КОНТЕКСТЕ ФИЛОСОФСКО-ПРАВОВОЙ АКСИОЛОГИИ

Рассматривается феномен справедливости приговора в контексте философско-правовой аксиологии, целесообразность закрепления понятия „юридическая справедливость” в уголовно-процессуальном законодательстве, что имеет важное значение для правоприменительной практики.

Ключевые слова: справедливость, аксиология, справедливость приговора как акта правосудия, уголовное судопроизводство, ценность, правовая ценность, ценность права.

The phenomenon of Justice judgment in the context of philosophical and legal axiology, the appropriateness of fixing the notion of "legal justice" in criminal procedure, which is important for law enforcement.

Keywords: justice, axiology, justice sentence as an act of justice, criminal justice, value, legal value, the value of the rights.

Актуальность и практическая значимость выбранной мной темы обусловлена несколькими обстоятельствами. Во – первых, феномен справедливости выступает предметом изучения практически всех сфер гуманитарного знания: философии, социологии (докторские диссертации В.Н. Аргуновой и Т.В. Дыльновой, кандидатские исследования Ю.В. Деньгуб, И.Б. Кузнецовой, Л.В. Зараевой, М.В. Костиной и др.), политологии (Г.Ю. Канарш), экономики (Е.В. Логинова), психологии (Е.О. Голыничик, М.В. Медведченкова, Л.М. Соснина) и др. В философской литературе справедливость определяется как «понятие о должном, соответствующее определением о сущности человека и его неотъемлемых правах..., содержит в себе требования соответствия между их правами и обязанностями, деянием и воздаянием, преступлением и наказанием.» [30, с.650; 11, с.119]. Следовательно, в понимании справедливости заложен конкретный ценностный, аксиологический смысл. С позиции общей справедливости осуществляется морально-нравственная оценка любого социального явления как справедливого или, напротив, несправедливого путем соотнесения его с системой ценностей, признаваемых в данном обществе. Во- вторых, в современный период справедливость выступает юридической гарантией формирования правового государства, одной из функций которого является осуществление судебной власти, в частности, правосудия исключительно судами.

Правосудие как вид государственной деятельности базируется не только на правовых, но и на нравственных началах. В процессе вынесения правоприменительного акта правоприменитель прибегает к различным способам толкования справедливости, что часто приводит на практике к вынесению несправедливых правоприменительных актов. Применение закона вопреки требованиям справедливости противоречит идее правосудия. Т. Н. Радько считает, что в праве существует презумпция справедливости. 5, с. 15 О справедливом правоприменительном акте можно говорить там, где справедливы сами законы. Не может быть справедливости в правоприменительном акте, если несправедлив закон, на основании которого разрешается дело. Еще И.С. Самощенко указывал, что

«предпосылкой справедливости юридической ответственности в каждом конкретном случае есть справедливость самого закона с точки зрения устанавливаемых им обязанностей и санкций на случай их нарушения» [6], с.54. Представляется, что составляющая европейской правовой традиции - признание неразрывной связи права и справедливости, а также судопроизводства и справедливости; осуществление правосудия – одна из необходимых процедур, которая делает возможным сочетание права со справедливостью. Справедливость как философская, социально-этическая и морально-правовая категория выступает одним из основных принципов права (философы античного мира и более поздних исторических эпох исходили из понимания права как искусства добра и справедливости). А. И. Экимов объединяет характеристики справедливости как принципа права и свойства права. Он отмечает, что справедливость является общеправовым принципом, охватывающим всю правовую систему - от отдельных норм до права в целом», когда принцип справедливости воплощается в праве, «право тем самым приобретает свойство справедливости». [1], с.70.

В своей статье я ставлю следующие задачи: 1) раскрыть сущность и определить критерии справедливости приговора как разновидности правоприменительного акта; 2) предложить пути решения проблемы постановления справедливых актов, выносимых судебными органами; 3) показать необходимость формирования понятия справедливого судебного решения как разновидности правоприменительного акта и его законодательного закрепления.

Сущность социальной справедливости, справедливости права и судебных решений исследовалась в работах отечественных ученых-юристов В.Н. Кудрявцева [12], Н.Ф. Кузнецовой [3], В.М. Баранова [4], С.С. Алексеева [5], Н.Н. Вопленко [6] и др. Раскрытию понятия справедливости в правоприменительной деятельности посвящены труды П.Н. Сергеева [27], А.Т. Боннер, [4] которые впервые обратились к дефиниции юридической справедливости. Однако в работах этих авторов не дается четкого определения юридической справедливости, ее соотношения со справедливостью социальной. В.С. Нерсесянц в своих работах, рассматривая категорию справедливости, считает, что справедливо то, что выражает право, соответствует ему. [1] Значительный вклад в разработку проблемы справедливости в обществе внесен И.С. Самощенко. [6] В работах Г.В. Мальцева [10] обстоятельно изложены вопросы об основах справедливости, ее структуре. Понятие справедливости применительно к праву раскрывается в работах Н.С. Малеина. [9] В работах М.С. Строговича изложены аспекты, направленные на укрепление начал законности и справедливости в деятельности судебных органов. [9] Основания к вынесению справедливого приговора обстоятельно исследуются в работах Ю.М. Грошевого. [7]

Вместе с тем проблема справедливости правоприменительных актов, несмотря на ее актуальность, *остаётся мало разработанной, многие аспекты остаются дискуссионными*, в частности, в законодательстве отсутствует понятие юридической справедливости.

Справедливость как самостоятельное свойство приговора признаётся многими учеными процессуалистами. В частности В.И. Каминская, раскрывает справедливость приговора через его этическую оценку. [4]

В философской и юридической литературе подчеркивается оценочный характер справедливости. Исходя из данного положения, представляется, что справедливость следует рассматривать в узком и широком смысле. В узком смысле справедливость правоприменительного акта сводится к справедливости вынесенного компетентным правоприменительным органом решения. При широком понимании справедливость правоприменительного акта основывается на его законности и обоснованности и означает правильное по существу и по форме разрешение дела, отвечающее не только правовым, но и нравственным принципам.

А. С. Пиголкин называет справедливость среди требований к применению норм права. [4], с. 66. В. Н. Карташов также отмечает, что 1) «справедливость заложена в самом содержании права, в тех отношениях, формой которых оно является»; 2) «сама деятельность

субъектов правоприменительной практики должна быть пронизана идеей справедливости»; 3) «вынесенные решения, правоприменительные акты, устанавливающие права и обязанности должны по форме и существу быть справедливыми»; 4) «правоприменительная практика должна служить важнейшим юридическим средством наиболее полного осуществления во всех основных сферах общественных отношений принципа социальной справедливости». ❶❷, с.7-8❸

В связи с этим оценка любого правоприменительного акта, проведенная сначала с точки зрения справедливости как морального принципа, а потом как юридического принципа, позволит принять справедливый правоприменительный акт. Таким образом, понятие юридической справедливости следует рассматривать в двух аспектах: во-первых, в качестве общего юридического принципа, условия, основания и соответственно в качестве общего критерия правоприменительного акта; во-вторых, в качестве меры справедливости правоприменительного акта. Следовательно, необходимо сформулировать понятие юридической справедливости и закрепить его в нормах права для дальнейшей правоприменительной деятельности.

Рассматривая проблему справедливости правоприменительного акта, невозможно оставить без внимания требования его обязательной законности и обоснованности. От законности и обоснованности правоприменительного акта зависит и его юридическая справедливость. Незаконный приговор не может быть справедливым, как и необоснованный, т. е. не соответствующий тому, что совершил (или не совершил) подсудимый. Точное соблюдение норм процессуального права при вынесении правоприменительного акта является предпосылкой правильного применения материального закона. Таким образом, материальная и процессуальная стороны правоприменительной деятельности определяют справедливость правоприменительного акта. Акты применения права подвергаются нравственной и юридической оценке. Отрицательная нравственная оценка не дает им моральной силы и авторитета, отрицательная юридическая оценка дает основание к их отмене или изменению.

Юридическую справедливость, как неотъемлемое требование правоприменительного акта целесообразно рассматривать применительно к положениям УПК Российской Федерации, поскольку справедливость приговора является, на мой взгляд, концептуальным элементом УПК. Приговор - акт правосудия, что выделяет его среди других процессуальных актов. Требование законности, обоснованности и справедливости приговора закреплено в ст. 297 УПК Российской Федерации. ❶❸ Следовательно, обвинительный и оправдательный приговор может рассматриваться не только как законный, обоснованный, но и справедливый. Это требование также формулируется в уголовно-процессуальной теории. ❶❹, с. 44.❷ По мнению Ю.М.Грошевого «отношение приговора к нормам нравственности всегда опосредовано законом, регулирующим уголовно-процессуальную деятельность». ❶❺, с.85❸ М. С. Строгович относил убедительность и справедливость к важным качествам приговора. ❶❻❸

Справедливость приговора включает ряд составляющих. Приговор будет справедливым, если им оправдан невиновный (осуждение невиновного - крайняя форма несправедливости); обвинительный приговор будет справедливым лишь тогда, когда им признан виновным, осужден именно тот, кто совершил преступление. Приговор будет справедливым тогда, когда наказание виновному назначено в соответствии с правильно примененным уголовным законом и соразмерно общественной опасности преступления и личности виновного, когда соблюдено требование индивидуализации ответственности. Таким образом, справедливость приговора - это нравственная характеристика приговора, означающая требование, чтобы приговором осуждался только виновный в преступлении, а невиновный был оправдан, чтобы признанный виновным наказывался на основе закона в соответствии с характером и степенью его вины при обеспечении равенства всех перед законом и судом. Справедливость - нравственно-правовое требование к приговору, опирающееся на гуманистические начала.

Несправедливость приговора образует основание для отмены или изменения приговора. На данное обстоятельство неоднократно указывал Пленум Верховного Суда Российской Федерации. 22

А. Т. Боннер выделяет следующие случаи, когда судебное решение должно быть признано несправедливым: 1) когда суд не мог вынести справедливого решения, в связи с тем, что сама норма права в той или иной части несправедлива; 2) когда в рамках закона суд не нашёл наиболее оптимального, применительно к особенностям конкретного случая, варианта разрешения дела; 3) когда решение соответствует рассчитанной на данный случай правовой норме, однако вынесено без учёта других положений отрасли права в целом. 28

Справедливость приговора как разновидности правоприменительного акта выражается в частности в следующих аспектах:

1) в содержащихся в законе требованиях к форме приговора: сама обязанность суда мотивировать приговор; запрет включать в оправдательный приговор формулировки, ставящие под сомнение невиновность оправданного; включать в приговор указание на совершение преступления кем-либо из лиц, не привлекавшихся к ответственности, и др.;

2) в суде присяжных справедливость приговора определяется, прежде всего, справедливостью вердикта присяжных заседателей, которые в своих решениях руководствуются своей совестью. Еще А.Ф.Кони писал, что «своим вопросом о виновности суд требует, чтобы присяжные, основывались исключительно на убеждении своей совести» 5, с. 38.

3) в строгом соблюдении принципа индивидуализации ответственности при вынесении приговора с учетом обстоятельств дела и личности виновного. В. И. Леушин и В. Д. Перевалов, отмечают, что справедливость требует соразмерности. 18;23 Следует согласиться с Г. Д. Гурвичем в том, что «справедливость, занимает особое промежуточное положение между индивидуализированными требованиями морального идеала и обобщёнными абстрактными правовыми предписаниями», что отражает ее противоречивый характер 9.

4) при вынесении приговора суд объективно оценивает и проверяет версии, возникающие по делу;

5) на стадии исполнения приговора суд может смягчить участь осужденного.

Постановление справедливого приговора требует от судей принятия на себя ответственности за правильное решение о дальнейшей судьбе подсудимого. Постановляя приговор, «они до предела напрягают свои духовные, нравственные силы» 9.

Представляется целесообразным закрепить в уголовно – процессуальном законодательстве понятие справедливого приговора - правильное разрешение дела по существу, соответствующее требованиям не только законности и обоснованности, но и юридической справедливости; законодательно закрепить юридическую ответственность субъекта правоприменительной деятельности за вынесение юридически несправедливого правоприменительного акта. «Несправедливость реализации правовых норм, - подчёркивал И. Я. Дюрягин, - заключается в неисполнении обязанностей, нарушении запретов и злоупотреблении правом и проявляется в правонарушениях. Все неправомерные действия несправедливы». 10, с. 7

Полагаю, что выработка указанных научных рекомендаций и применение их на практике позволят решить такую проблему, как защита нарушенных прав физических и юридических лиц путем вынесения не только законных и обоснованных, но и юридически справедливых правоприменительных актов.

В заключение хочется подчеркнуть, что рассмотрение аспектов справедливости при вынесении правоприменительных актов является не только приоритетным направлением правовых научных исследований, но и направлено на укрепление начал законности, повышение эффективности законодательства и его использования. Безусловно, следует согласиться с А.М.Яковлевым в том, что «без принуждения уголовное правосудие было бы

бессильным, без воспитания-бесчеловечным, однако без справедливости правосудие вообще перестало бы существовать». ❷, с.93 ❀

Список использованных источников:

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации от 24 декабря 2001 г. № 52 (часть I) ст. 4921.
2. Алексеев С.С. Государство и право: Начальный курс. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрид. лит., 1996.
3. Баранов В. М. Истинность норм советского права. Проблемы теории и практики / под ред. М. И. Байтина. - Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1989.
4. Боннер А.Т. Установление истины в правосудии и социально – правовая оценка фактов. // Сов. государство и право.-1990- №1.
5. Боннер А.Т. Законность и справедливость в правоприменительной деятельности. М., 1992.
6. Вопленко Н.Н. Социальная справедливость и формы ее выражения: «Наука» М., 1979.
7. Грошевой Ю. М. Сущность судебных решений в советском уголовном процессе. М., 1979.
8. Грошевой Ю.М. Профессиональное правосознание судьи и социалистическое правосудие- Харьков: «Вища школа», 1986.
9. Гурвич Г.Д. Философия и социология права. Избранные сочинения. СПб., 2004.
10. Дюрюгин И. Я. Применение норм советского права. Теоретические вопросы. Свердловск, 1973.
11. Дробницкий О., Селиванов Ф. Справедливость // Философская энциклопедия. Т. 5. – М., 1970.
12. Келина С. Г., Кудрявцев В. Н. Принципы советского уголовного права. - М.: Наука, 1988.
13. Кузнецова Н. Ф. Уголовное право и мораль. М., 1967;
14. Каминская В.И. Учение о правовых презумпциях. М.-Л., изд-во АН СССР, 1948.
15. Кони А. Ф. Присяжные заседатели//Суд присяжных в России. Л., 1991.
16. Карташов В. Н. Правоприменительная практика в социалистическом обществе. – Ярославль, 1986.
17. Лупинская П.А. Законность и обоснованность решений в уголовном судопроизводстве М, 1972.
18. Леушин В.И. Юридическая практика в системе общественных отношений. Красноярск, 1987.
19. Малейн Н.С. Юридическая ответственность и справедливость. М., 1992.
20. Мальцев Г.В. Социальная справедливость и право- М., 1977.
21. Нерсисянц В. С. Право и закон. - М.: Наука, 1983.
22. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.04.1996 № 1 (ред. от 16.04.2013) «О судебном приговоре» // Бюллетень Верховного Суда РФ, № 7, 1996.
23. Перевалов В. Д., Югов А. А. Проблемы теории и практики законотворческого процесса в РФ / Российский юридический журнал. 1993. № 2.
24. Пиголкин А.С. Толкование норм права и правотворчество: проблемы соотношения // Закон: создание и толкование / Под ред. А.С. Пиголкина. М., 1998;
25. Радько Т.Н. Презумпция невиновности и юридическая ответственность М., 2001.
26. Самощенко И.С., Фарукшин М. Х. Ответственность по советскому законодательству. М., 1971.
27. Сергейко П.Н. Законность, обоснованность и справедливость судебных актов- Краснодар, 1974.
28. Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса: В 2 т. М., 1968;
29. Строгович М.С. Проблемы судебной этики. М., 1973.

30. Философский энциклопедический словарь. М., 1983.
31. Экимов А. И. Справедливость и социалистическое право. Л., 1980.
32. Яковлев А. М. Принципы социальной справедливости и основания уголовной ответственности // Сов. гос. и право. - 1982. - № 3.

ГУЗЕНИНА С. В.

К ВОПРОСУ О НАУЧНЫХ ТРАКТОВКАХ ФЕНОМЕНА СЧАСТЬЯ

Аннотация

В статье раскрываются наиболее значимые теоретические подходы к изучению феномена счастья в социально-гуманитарной науке.

Abstract

The article describes the most important theoretical approaches to the scientific study of happiness in the social sciences and humanities.

В настоящее время в мире формируется мощное интеллектуальное движение, связанное с попытками исследования счастья научными методами. В социальных науках всё чаще к этой теме обращаются обществоведы всего мира, принимая счастье за необходимую единицу измерения удовлетворенности человека своей жизнью. Современные события, такие как Арабская весна, волнения в Москве перед выборами в России, Майдан на Украине и другие отражают актуальность неистового поиска «счастья для всего народа».

Данная тема всегда актуальна и нова, поэтому и сегодня к ней обращаются представители многих обществоведческих дисциплин: социологии, философии, психологии и педагогики [1]. Однако эмпирически в России такая проблематика еще мало исследована, что объясняется, видимо, отсутствием привычки борьбы за индивидуальное счастье в самом русском менталитете, поскольку, как замечает Д. С. Лихачев, «в России не было счастливого настоящего, а только заменяющая его мечта о счастливом будущем» [2].

Счастье, безусловно, является категорией индивидуальной духовной жизни, однако обладающей признаком историчности и имеющей смысловое наполнение, напрямую коррелирующее с коллективными ценностными ориентациями и социальным окружением индивида (общественное счастье). Счастье (в его идеальном понимании) является главной целью и отдельного человека, и масштабных объединений людей, будь то социальные движения, политические партии или профессиональные союзы. Общность борьбы за счастье способствует активизации всех жизненных сил, а также помогает раскрыться потенциалу личности или группы более разносторонне и в конечном итоге - всецело.

Однако попытки разобраться в самой природе счастья отнюдь не новы, такие теоретические исследования восходят ещё к эпохе Античности. Еще до нашей эры Аристипп говорил о счастье как об удовольствии. Такое истолкование счастья отражается в *философии гедонизма*. Именно счастье-обладание (предметом, вещью, чувством, человеком), которое путем многократных изменений и трансформаций дошло до наших дней, оказало сильное влияние на формирование культуры потребления [3].

Древние мудрецы, пытаясь ответить на вопрос о сущности счастья, пришли лишь к выводу, что оно необходимо как отдельной личности, так и обществу в целом. Пожалуй, ближе всех подошёл к пониманию условий возникновения и составляющих счастья философ Сократ, упоминание о котором мы находим в трудах великого Платона. В *философии Сократа* счастье достигается лишь при условии гармоничного сочетания любви и мудрости. Если баланс нарушается – при перекосе в сторону любви и низком уровне внутренней культуры человека очевидна «нечистоплотность», иногда и «всеядность», которую снисходительно называют любвеобильностью («-Любовь»). При таком же

положении дел, но высоком уровне духовной культуры и природной доброте - есть шанс достигнуть статуса Абсолютного глупца, готового любить всех, даже Вселенское зло («+Любовь»). Если баланс смещён лишь в сторону мудрости, то, по-Сократу, мы можем увидеть практически бесполое движение к истине, гендерно-неакцентированное, доброе, высокоразвитое существо («+Мудрость»). В случае актуализации разума-мудрости, но отсутствия внутренних моральных барьеров - очевиден яркий и мощный цинизм - бунт разума, доведённого до Абсолюта («-Мудрость»). Соединение Любви и Мудрости представлено в философии Сократа как «роды в цветах». Таким образом, баланс двух величин - Способности Мыслить и Желания Любить дают человеку возможность переживания, то есть - рождения счастья. Видимо, здесь латентно скрыта также и мысль о том, что счастье не возникает мгновенно, но рождается как результат большого духовного труда. Изначально оно должно иметь необходимую духовную почву, а также время для становления, созревания и рождения.

Начиная с XVI столетия подход к пониманию счастья индивидуализируется. Допускается, что люди могут быть счастливы по-разному и нуждаться в разном в зависимости от собственных возможностей и способности переживать как наслаждение, так и горе.

Эпоха Возрождения - время смещения акцента в понимании счастья на стремление человека не только совершенствоваться, но и достигать новых целей, меняя существующую реальность, в том числе и социальную.

В классической философии потенциальное счастье понималось как результат достойной жизни и исполнения нравственного долга, уходя корнями в *эвдемонизм*.

По А. Шопенгауэру, счастье - это ложь и обман. Его в принципе не существует, так как, по мнению мыслителя, главным является работа воли, а существование механизма проявления воли не может быть удовлетворено априори.

Идея счастья возродилась в *теории утилитаризма* (Й. Бентам, Д.С. Милль), где оно находилось в тесной взаимосвязи с удовольствием. Целью утилитаризма было получение наибольшего удовольствия для наибольшего числа людей. Эта идея сочетается с естественной моралью человека, стремящегося к надежным проявлениям удовольствия: дружбе, обретению доброго имени, доброжелательности. Следовательно, счастье подменяется удовольствием, пользой, выгодой, хотя эти понятия не всегда совпадают.

Счастье, как утверждает психолог Э. Фромм, - это критерий искусства жить и показатель продуктивности человека, оно является свидетельством того, что человек нашел ответ на загадку своего существования, при этом он горит, не сгорая. По мысли Э. Фромма, одним из критериев счастья для любого человека является его способность любить [см. 4].

Идею о счастье можно найти в духовном наследии всех существующих культур. В целом, идея счастья ярко выражена в *западной культуре*, где для его обретения необходимо не только ориентирование личности на достижение, но и индивидуальная мотивация получения. Именно здесь достижение счастья понимается как цель всей жизни человека.

В *восточных культурах* счастье проявляется как побочный продукт социальной деятельности человека, причем совершенно не обязательный. Главным в жизни признавалось служение другим людям, выполнение долга и правильное моральное поведение согласно исполняемой социальной роли.

В отечественной интеллектуальной традиции представления о счастье зачастую основываются на православной этике. Воспринявшая учение о счастье через призму православия, *русская философия*, несмотря на активное взаимодействие с западной мыслью, разработала свое понимание этой категории, расценивая покорность и смирение как особенно значимые добродетели.

В *социологии* П. Сорокина находит разработку идея прогресса через концепцию счастья. На основе работы французского социолога Э. Дюркгейма «Самоубийство» он пришел к выводу, что лишение себя жизни характерно для высокоразвитых культур как высшее проявление несчастного существования.

В современном мире социального неравенства, счастье не сводится к материальному благополучию, поскольку счастье - это внутреннее состояние, о чем свидетельствуют научные исследования мирового масштаба, в которых благодаря социологическому измерению индексов удовлетворенностью жизнью самыми счастливыми признают себя люди в тех странах, где уровень экономики недостаточно высок (Вануату, Бутан, Коста-Рика), а также и существует уверенность в завтрашнем дне (Дания, Норвегия). Следовательно, существует два, так называемых, пути к счастью: 1) путь увеличения собственных возможностей, наращивание ресурсов для того, чтобы обрести большее количество возможностей удовлетворения своих желаний; 2) путь развития своего духовного начала, что, в итоге, ведет к преодолению собственного эгоизма.

Эта мысль пронизывает и творчество французского философа XX века А. Камю, одного из представителей *атеистического экзистенциализма*. Мыслитель полагает, что подлинное бытие личности выражено в переживании человеком своего «бытия-в мире», которое не может быть познано внешне, объяснимо через объективные причины, при этом нерасчлененность человека и мира ставит перед личностью целый ряд важнейших вопросов о нравственном выборе, степени свободы, экзистенциальной вины, способности принимать решения, отношении к смерти, ответственности за других людей. В философских трудах А. Камю постулируется изначальная абсурдность бытия человека, при этом абсурд выступает как характеристика «бытия-в-мире», полном трагедийности и отчуждения. Поэтому счастье в такой трактовке выглядит нелепой иллюзией. В своем литературном наследии А. Камю обращается к внутреннему миру человека, полагая, что «...человек определяется разыгрываемыми им комедиями ничуть не меньше, чем искренними порывами души» [5], однако добавляет, что и в поступках человек проявляет себя лишь частично, а потому невозможно познать по поступкам кого бы то ни было окончательно.

Есть еще один важный аспект теории А. Камю, касается категории «несчастливого сознания». Согласно экзистенциальной философии А. Камю, причина всех несчастий людей кроется в боязни выбора, в привычке равнодушного отношения к другим при жалобах на равнодушие к себе. Таким образом, содержание счастья определяется в том числе и тем, в чем видится смысл существования, предназначения. Если человек стремится к достижению исключительно своего, личного счастья в отрыве от окружающего его людей, это приводит к развитию эгоизма. Эгоист игнорирует интересы других людей на пути к счастью, он идет к своей прагматичной цели и не оглядывается на слезы тех, кто «стоит на обочине». Такое счастье, даже при его достижении – ущербно и не принесет удовлетворения, поскольку несчастье находится в его основании. Альтруист же может быть счастлив как сам по себе, так и вместе со всеми. Личностное счастье альтруиста достигается лишь при условии отсутствия горя другого. Разумеется, в массовом порядке мы говорим об утопии, однако рецепт счастья, на самом деле, не так сложен. По сути это - чуткость к интересному и душевно-необходимому Вам человеку, которая обеспечивает заветную, сакральную соединенность, дающую ощущение найденного смысла и полноты жизни. Именно так достигается счастье взаимной любви, верной дружбы, единомыслия ученика и учителя, душевной близости родных людей.

По результатам эмпирических исследований феномена счастья на основании мнений молодежи Тамбовской области¹³, счастье молодые люди считают главной компонентой смысла жизни, поскольку она складывается из всех остальных (здоровья, любви, хорошей работы, наличия друзей, мира). Наиболее значимыми элементами счастья, по мнению молодёжи, выступают: семейное благополучие (25,9%), любовь (22,6%), дружба (15,6%). Молодые респонденты ассоциативно связывают счастливого человека с таким временем года как лето, главным персонажем Екатериной известного фильма «Москва слезам не верит», при этом большая часть опрошенных (80,3%) полагают, что счастье как явление

13 Выборочная совокупность 210 человек (учащиеся 9-11 классов общеобразовательных школ и студенты техникумов Тамбовской области, студенты ТГУ имени Г.Р.Державина)

человеческой жизни вполне достижимо. При этом, как полагают респонденты, за все хорошее в этой жизни нужно бороться, достигая своим трудом и умением [6].

В заключение отметим, что, разумеется, духовные ценности, характерные для конкретного периода времени той или иной культуры, лежат в основе представления людей о счастье. Соответственно своему пониманию счастья индивидуумы и группы, а также масштабные коллективы и общности выстраивают всю свою жизненную стратегию. Научное изучение представлений о счастье как о терминальной ценности позволяет выявить трансформирующиеся нравственные императивы, актуальные для современного общества.

Список использованных источников:

1. См.: Аргайл Дж, Вэйллант Д, Канеман Д, Келтнер Д. Социологические исследования сочинений о счастье. М.: Норма, 2009; Воркачев С.Г., Рыбаков Б.А. Социоллингвистика в счастье. М.: ИНФРА, 2008; Гаврилова И. С. Аксиологический смысл концепта «счастье» в лингвокультуре: дисс. канд. философ. наук. - Волгоград, 2003; Гуревич П. С. Феномен счастья в философии. М.: ИНФРА, 2009; Зализняк А. А. Счастье и наслаждение в русской языковой картине мира // Русский язык в научном освещении. 2003. № 1.; Лосев А. В. Феномен счастья. М.: Политиздат, 1987; Мюррей С. М. Социология счастья. СПб: Литера, 2009; Неретина С. С. Жизненное счастье. М.: Айрис-пресс, 2005; Нешев К.Н. Этика счастья. М.: Знание, 1967; Резески Э. Феномен счастья. М.: Вагриус, 2006; Селигман М., Динер Э. Социология счастья. М.: Мысль, 2006; Селигман М. Э. В поисках счастья. Как получать удовольствие от жизни каждый день: пер. с англ. / Селигман М. - М.: Манн, Иванов Фербер, 2010; Сидоренко И. В. Антропология счастья. М.: МАКСПресс, 2006; Татаркевич В. Н. О счастье и совершенстве человека. М.: Прогресс, 1981; Фасмер М. С. Счастье в жизни человека. М.: Прогресс, 1990; Финчман М. С. Счастье человека. М.: «Маска», 2004; Хазан С. С. Счастье в жизни. М.: Изд-во «Правда», 2003; Харкер Л. С. Феномен счастья. М.: ИТРК, 2000; Ховард Г. М. Социологические исследования счастья. Харьков: Харьковское книжное издательство, 2002; Хоружий С. С. О старом и новом. СПб: «Амфора», 2000.

2. Лихачев Д. С. О национальном характере русских // Вопросы философии. 1990. № 4. С.5.

3. Указ Аристиппа. Гедонизм. Сайт электронной библиотеки [Электронный ресурс] режим доступа - <http://ru.wikipedia.org/wiki> - Язык русский.- Дата обращения 29.10.2013.

4. Фромм Э. Искусство любви. Минск: Полифакт, 1991. - 297с.

5. Камю А. Миф о Сизифе. Эссе об абсурде // Сумерки богов. М., 1990.

6. Ступина Ю. И., Гузенина С. В. О природе счастья // Общество, общности, человек: в поисках «вечного мира»: материалы I Всероссийской студенческой научной конференции / под ред. И.А. Фёдорова, С.В. Гузениной; М-во обр. и науки РФ, ФГБОУ ВПО «Тамб. гос. ун-т им. Г.Р. Державина». Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2014.

ЕРЗАУЛОВА А. Г.

ХЕРСОНЕС – КАК ОКНО НОВЫХ ВОЗМОЖНОСТЕЙ

Певческая культура Византии, которой я занимаюсь последние годы, – живое свидетельство великой цивилизации, в полной мере дошедшей до нашего времени. Погружаясь в эту традицию, мы так или иначе соприкасаемся с духовными глубинами Византии и в то же время обретаем источник вдохновения, не только Киевской Руси, но и вообще русской цивилизации.

Заявленная мною тема связана с событиями недавнего прошлого – воссоединением Крыма с Россией, и мне бы хотелось порассуждать о возможности преемственности духовного опыта и, стало быть, насущной необходимости его передачи другим поколениям. В этом отношении Херсонес для нашей духовной самоидентификации является особой точкой, что и было подчёркнуто президентом в его речи и дало новый срез не только историко-археологический, но и актуально-современный.

Мы должны прибегнуть к анамнезису – историко-культурному механизму припоминания своего прошлого, которое нас соединяет не только с европейской культурой, но в первую очередь с византийской, а через неё с классическим греко-римским миром.

Другими словами, у нас есть своя связь с классическим греко-римским миром и европейское посредничество в течение долгого времени, как мы видим, не единственное. Во всех случаях с опытом европейского изложения античности мы уже знакомы, но посмотреть глазами святоотеческой традиции нам ещё предстоит.

Без сомнения, такой угол зрения расширит наше сознание, углубит наше понимание новых смыслов и граней и поможет ощутить иное качество бытия, без которого мы не сможем в полной мере ощутить свою сопричастность высшим началам и восстановить историческую преемственность.

Всякий раз, когда мы пытаемся сформулировать и выявить в современном культурном пространстве традиционные ценности, духовно-нравственные несущие конструкции нашей цивилизации через соприкосновение с тем исконно-бытийным, что породило его, мы становимся лицом к лицу с чрезвычайно важной задачей – утвердить своё историко-культурное бытие. Без сомнения, каждое новое поколение должно проходить своего рода «инициацию», погружаясь в священные пласты своей истории. Оно должно напрягать историко-культурную память, совершая духовные усилия для обретения и усвоения тех смыслов, которые, к сожалению, отошли на периферию нашего сознания и утратили органическую связь с некогда блистательным, а теперь поблекшим космосом Восточно-христианской цивилизации.

История Крыма связана с огромным движением человеческих потоков и различных культур, которые на протяжении многих веков взаимодействовали друг с другом. Будущее его неразрывно связано с прошлым, которое в достаточной мере объясняет нам характер крымской истории и культуры.

Херсонес, рождённый эллинским миром, как органическая часть Средиземноморской цивилизации – Греции, Рима, Византии, являлся живым свидетельством их идей, образов, мыслей и чувств на полуострове в течение многих веков, и оставался очагом античной и византийской культуры на границе с бескрайним варварским миром.

Во времена иконоборчества Херсонес стал убежищем для многих преследуемых епископов, священников, монахов и мирян. Изгнанники здесь, как и в других местах Тавриды, способствовали распространению и укреплению христианства, а вместе с тем греческого языка и образованности. Характер русского христианства был определён историческим выбором, сделанным святым равноапостольным князем Владимиром более тысячи лет тому назад, в 988 году. И этот выбор, конечно, был не случаен.

Митрополит Илларион в «Слове о законе и Благодати», произнесенном над гробом князя Владимира в Десятиной церкви или соборе Софии Киевской в присутствии его сына Ярослава Мудрого и его супруги Ирины, объясняет переворот в душе князя Владимира его духовной талантливостью и благодатным озарением Святого Духа. Митрополит Илларион был потрясён глубиной и таинственностью обращения князя Владимира из гонителя веры в её пламенного апостола. Карамзин называет «Слово о законе и благодати» житием князя Владимира. Главная же идея этого произведения – провозглашение национальной идеи – обозначение вектора национальной культуры и определение её парадигмы. Русские стали мыслить о самых главных вещах мира о бытии и вселенной, о Законе и свободе, о ветхом и новом, о нашем историческом предназначении с момента нашего вступления в историю. Русская богословская мысль приобретает некую самостоятельность буквально с первых

шагов, что отчётливо видно в смелой постановке богословского вопроса митрополита Киевского Иллариона в своем труде, где он успешно разрешает сложнейшую богословскую коллизию.

От Святого Крещения Руси в 988 году до смерти князя в 1015 г. – годы благоденствия на Руси, начало русского просвещения, образованности, грамотности. Принятие христианства святым князем Владимиром в Херсонесе стало основой того государственного механизма, который быстро вывел Киевскую Русь из доисторического состояния, помог ей с удивительной легкостью усвоить ценности мировой культуры и стать уже при Ярославе Мудром вровень с лучшими государствами Европы. Крещением Руси святой равноапостольный Владимир открыл нашей истории путь к вечности.

Сергей Булгаков в сочинении «У стен Херсониса» (с подзаголовком *Jaltica De profundis*, Ялта 12/25. IV.1922) констатировал: «Да, в Херсонисе мы родились духовно и исторически, ибо приняли православие, точнее христианскую католическую веру, сделали ветвью единой вселенской Церкви. Этим мы не только родились для вечной жизни, но и определились к историческому бытию».

Святость – основополагающая категория русского бытия. Святые – это хранители пасхального света русской истории и главные носители русского чуда. В период крушения империй они являются на краях пропасти и своими молитвенными усилиями скрепляют тектонические разломы, возводят духовные мосты, по которым из эпохи в эпоху переходит русский народ.

Экспансия древнего мира греко-римской цивилизации имела своей главной целью трансляцию своих ценностей, своего представления о небесном и земном. Поход Александра Македонского был не чисто завоевательный, как у представителей Великой Степи, но не в последнюю очередь культурно-просветительский. Также и мир Римской Империи при полной терпимости и самобытности верований и культуры различных народов ставил своей целью упорядочить варварский хаос и доступным им инструментарием превратить в Римский Космос.

Если в материальном мире вес, объём, количество играет главную роль, то в мире культуры, в мире духа – всё иначе. Маленький Херсонес, отдалённая часть цивилизационного мира, находящегося на границе неохватных варварских внешних сумерек, явился тем евангельским горчичным зерном, из которого произросло великое древо славянской цивилизации.

Апостольские слова первозванного Андрея как добрая закваска спустя столетия принесли свой плод – великий и неотторжимый от русского мира.

В течение первых веков Херсонес как христианский город с классической образованностью представлял собой мир качества, а не количества. Достаточно вспомнить о священномученике Клименте, его миссионерской активности и мученической кончине. А так же спустя время подвиг свидетельства о Христе священномучеников Херсонесских Ефрема, Василия, Евгения, Елпидия, Еферия, Капитона и Агафадора.

В Херсонесе к своим равноапостольским трудам готовился Святой Кирилл, изучая славянский язык и обычаи своей будущей паствы.

Согласно преданию с Херсонесом связано чудесное обращение князя Владимира – свирепого язычника, ставшего после принятия Святого Крещения кротким, тихим и незлобивым до неузнаваемости. Из клубка не снимаемых противоречий – личных, военных, территориальных, обновлённый благодатью Божией как уже новый человек князь выходит в первую очередь и как победитель самого себя, языческого мрака и бесконечных страстей, безраздельно властвовавших над ним до погружения в крещальную купель. Его мысли сугубо земные становятся небесными.

Крестив Киев, великий князь оплодотворил славянство вечностью и сделал свой народ субъектом истории цивилизованных стран и народов. Плоды евангельского просвещения не заставили себя ждать. Сам князь переменялся настолько, что во многом стал неузнаваем для своих современников. Он раздавал великие милости всем неимущим и даже

отказался казнить явных злодеев, боясь согрешить против заповеди – «Не убий». И удивительным образом толстовский соблазн трудно преодолимый для русской интеллигенции, спустя 1000 лет, князь сумел разрешить в свете евангельской правды.

Новорождённый во Христе русский мир с самого начала даёт новый тип святости – подвиг благоверных князей Бориса и Глеба, который в Византии поначалу сочли за банальную междоусобицу и в канонизации отказали. Для тех суровых времён, где кровавые разборки среди родственников за власть были нормой, трудно было представить Бориса и Глеба, отказавшихся от законных претензий. Утончённые души молодых князей, обладавших абсолютным слухом к евангельскому благовестию, расслышали особые обертоны божественных заповедей и решились пострадать за правду Божию, отказавшись от междоусобной брани.

Воистину особым местом, не перестающим вызывать удивление, остаётся Киево-Печерская лавра. Преподобный Антоний на Афоне погрузился в святоотеческую традицию, стяжал аскетический подвиг и, достигнув особого преуспеяния, по благословению афонитов вернулся в своё отечество. На киевских норах он зажёл неугасимую лампаду монашеского делания, передал драгоценный опыт своему ученику преподобному Феодосию, а тот уже выстроил великую обитель, исполненную удивительных чудес, добродетельной жизни, напитанной Христианской любовью. И как живое свидетельство особой милости Божией, любви к русскому народу в Киево-печерской Лавре по сей день пребывает более 100 нетленных мощей преподобных отцов

Если согласиться с мыслью, что архитектура – это культурный каркас эпохи, то София Киевская, как и другие храмы того времени, – лучшее свидетельство духовной зрелости и ясности мысли Киевской цивилизации. Надо отметить, что духовный подъём, совершенные формы Киевской Руси, выдерживающие сравнения с другими народами Европы того времени, плод непрекращающейся живой связи из варяг в греки и из греков в варяги. Пожалуй, это взаимопроникновение было особым благословением Божиим, где чрезвычайно различный опыт так не похожих друг на друга славян и эллинов в течение столетий обогащался, наполняясь новым смыслом.

У городов, как и у отдельных людей, есть своя судьба – свои взлёты и свои падения. Есть люди, которые совершают великие дела, очевидные всем, но есть и другие – оставаясь в тени, они являются проводниками связующими опыт поколений, через которых приходит драгоценный опыт великих культур и эпох

Очевидно, Херсонес не стал великим городом, история его не стала предметом изучения в школьной программе. Но милосердный Господь устроил так, что через этот сравнительно небольшой приморский городок пришло евангельское благовестие, византийская культура, а вместе с нею великая цивилизация греко-римского мира. Надо признать, что Херсонес и по сегодняшний день сохраняет уникальный статус в истории нашей культуры и остаётся незамутнённым источником вдохновения для всех православных христиан

В своё время Пётр I прорубил окно в Европу, из которой хлынул огромный поток культуры, науки, а так же воли к переустройству христианского мира – революции и фундаментальный демонтаж христианской цивилизации.

Сегодня это окно закрывается изнутри европейскими так называемыми партнёрами.

Не время ли сейчас посмотреть на старое по новому и восстановить некогда золотой мост из варягов в греки, конечно же с учётом тысячелетнего опыта и вызовов современного мира

ТЕЗИС И. КАНТА О БЫТИИ И ЕГО ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ ОНТОЛОГИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ

Аннотация

В статье обосновывается важное значение для онтологической традиции тезиса Канта о бытии, который может выступать критерием ее оценки. Рассмотрены причины специального обращения к этому тезису М. Хайдеггера и его высокая оценка данной характеристики бытия. Делается вывод, что, не уделив специального внимания вопросу о бытии, немецкий философ внес в онтологию не меньший, а быть может больший вклад, чем те философы, которые специально посвящали этому вопросу свои размышления.

Annotation

The article proves essential to the ontological tradition of the thesis of Kant about being, which can serve as a criterion for its evaluation. Examined the reasons for special treatment to this thesis M. Heidegger and his high appreciation of the characteristics of being. It is concluded that, without paying special attention to the question of being, the German philosopher, introduced in the ontology no less, and perhaps a greater contribution than those philosophers that are specifically devoted to this question his thoughts.

Главной фигурой немецкой классической философии по праву считается Иммануил Кант. Несмотря на то, что гносеологию Кант ставит на место онтологии, тем самым осуществляя переход от метафизики субстанции к теории субъекта, тема бытия и существования так или иначе присутствует в его системе. Кант предлагает понимать бытие и существование так, чтобы не нарушались границы эмпирической реальности. Быть – значит реально или потенциально присутствовать в опыте. Существование – это опытная данность, принципиально не совпадающая с мышлением. Однако нельзя сказать, будто Кант присоединяется к эмпирической традиции только потому, что признает существующим лишь эмпирический факт. Опытный факт индивидуален и единичен.

Понятие абсолютного бытия означало бы устранение различия явлений и вещей в себе, на котором построен трансцендентальный метод. Поэтому для Канта было чрезвычайно важно доказать отсутствие связи между априори и существованием. Вот что об этом пишет А.Н. Корягин: «Лишая реальность онтологического статуса, отказывая ей в определениях бытия и провозглашая ее порождением субъекта, Кант вовсе не отрицает ее предметных свойств, присущих любому объекту опыта, познания, нравственного и эстетического отношения. Но эти свойства «задаются» трансцендентальной деятельностью соответствующего субъекта. Тем самым философ превращает проблему реальности из онтологической, каковой она была в философской традиции, в проблему гносеологическую, праксеологическую и эстетическую» [2, с. 54-55]. Трудно не согласиться с тем утверждением, что проблему окружающей нас реальности Кант превращает из онтологической в гносеологическую. Но тем не менее влияние Канта на онтологическую проблематику значительно и неоспоримо.

Нельзя обойти вниманием широко известный тезис Канта о бытии, высказанный им в работе «Критика чистого разума». «Ясно, что *бытие* не есть реальный предикат, иными словами, оно не есть понятие о чем-то таком, что могло бы быть прибавлено к понятию вещи. Оно есть только полагание вещи или некоторых определений само по себе. В логическом применении оно есть лишь связка в суждении. Положение *Бог есть всемогущее* (существо) содержит в себе два понятия, имеющие свои объекты: Бог и всемогущество: словечко *есть* не составляет здесь дополнительного предиката, а есть лишь то, что предикат полагает *по отношению* к субъекту. Если я беру субъект (Бог) вместе со всеми его предикатами (к числу которых принадлежит и всемогущество) и говорю *Бог есть* или *есть Бог*, то я не прибавлю никакого нового предиката к понятию Бога, а только полагаю субъект

сам по себе со всеми его предикатами, и при том как *предмет* в отношении к моему *понятию*» [4, с. 521].

В данном тезисе Кант, по-видимому, отождествляет бытие и существование, ибо далее он говорит: «Итак, если я мыслю вещь посредством каких угодно предикатов и какого угодно количества их даже полностью определяя ее, то от добавления, что эта вещь *существует*, к ней ничего не прибавляется» [4, с. 522]. В докритический период в работе «Единственно возможное основание для доказательства бытия Бога» немецкий философ речь ведет о существовании, утверждая, что оно есть абсолютное полагание вещи. Далее Кант поясняет: «Понятие полагания совершенно простое, оно тождественно с понятием о бытии вообще. Но нечто полагаемо лишь в отношении чего-то или, вернее, мыслимо лишь отношение чего-то как признака к некоторой вещи, и тогда бытие, т.е. полагание этого отношения, есть не что иное, как понятие связи в суждении. Если же рассматриваться будет не только это отношение, но вещь сама по себе, то такое бытие (Sein) будет означать то же, что и существование (Dasein)» [3, с. 403]. Из этого высказывания видно, что немецкий философ двояко понимает бытие. Во-первых, это бытие вообще (можно предположить, что это абстрактное понимание бытия, которое тождественно с понятием полагания). Во-вторых, это бытие, включающее не только отношение признака к некоторой вещи, но и саму эту вещь, которое тождественно с существованием (можно назвать это конкретным пониманием бытия). Таким образом, Кант в докритический период не отождествляет полностью понятие бытия и существования, путем придания первому двойного смысла.

Мартин Хайдеггер посвятил этому тезису Канта целую работу, вышедшую в 1962 году, которая так и называется «Тезис Канта о бытии». Почему же немецкий мыслитель XX века обращается к Иммануилу Канту? Сам он выделяет две причины. Во-первых, Кант далеко шагнул в деле прояснения бытия. Во-вторых, Кант, оставаясь верным традиции, в то же время критически переработал ее так, что она выступает в новом свете.

Тезис Канта как бы отрицает и утверждает одновременно. Отказывая бытию в характере реального предиката, он в то же время характеризует бытие как «просто полагание». Вопрос о бытии как о бытии сущего двусторонен в истории западноевропейской мысли. С одной стороны, спрашивается: что есть сущее вообще как сущее? Это чисто онтологический вопрос. И с другой стороны – что есть сущее в смысле высшего сущего и каково оно? Это вопрос о Боге, а значит теологический. Хайдеггер, показывая в каком контексте своей работы Кант приводит этот тезис, доказывает, что он (тезис) именно теологического плана.

В работе Хайдеггера начало тезиса приводится следующим образом: «*Бытие* явно не есть реальный предикат...» [5, с. 362]. Вводное слово «явно» означает, что сказанное должно быть сразу очевидным для каждого. Хайдеггер же говорит о том, что для нас, теперешних, такое утверждение вовсе не непосредственно очевидно. Бытие – это ведь значит реальность. Но реальность для Канта не действительность, а вещьность. То есть в данном случае (в тезисе) имеется в виду, что бытие не есть нечто реальное. Если мы говорим, что «камень есть», то такое «есть» ничего не говорит о том, *что* есть камень как таковой, но говорит, что все относящееся к камню существует. И что же называется тут бытием? На этот вопрос Кант отвечает в утвердительной части своего тезиса: бытие есть «просто полагание вещи или известных определений самих по себе». «Вещь значит здесь просто: нечто; как еще говорит Кант: объект или предмет... «Просто» не ограничивает бытие, а выделяет его в область, где его только и можно охарактеризовать в чистом виде. «Просто» значит здесь: в чистом виде. «Бытие» и «есть» со всеми своими значениями и разновидностями относятся к особенной области. Они не есть ничто из вещного, то есть для Канта: ничто из предметного» [5, с. 365].

В докритический период Кант утверждает, что бытие и существование могут быть определены в отношении к способностям нашего рассудка. А уже в «Критике чистого разума» он пишет, что такой путь ни к чему иному не приведет, кроме как к тавтологии. А каким же путем идет сам Кант? Тщательно проанализировав все примечания в «Критике чистого разума», касающиеся предмета исследования, Хайдеггер делает следующий вывод:

«...Бытие и существование Кант объясняет теперь уже не из отношения к способности *рассудка*, а из отношения к способности *познания*, то есть, разумеется, опять же к рассудку, к способности суждения, но так, что последняя получает свое определение через связь с опытом (ощущением). Бытие остается все равно полаганием, но втянутым в отношение к аффекции» [5, с. 373].

Автор не ставит перед собой цели подробно анализировать данную работу М.Хайдеггера. Отдельные ее фрагменты, приведенные выше, показывают общий ход мыслей Канта через анализ их Хайдеггером. Лишь в качестве заключения можно привести следующие слова автора «Тезиса Канта о бытии»: «В тезисе Канта о бытии как полагании, но также и во всей области его истолкования бытия сущего как объективности и объективной реальности правит бытие в смысле держащегося пребывания» [5, с. 379].

В своей работе «Дух и реальность» Бердяев утверждает, что основная проблема философии – ответ на вопрос: что такое бытие? Мы пользуемся понятием бытия как чем-то несомненным и само собой разумеющимся. Но активность мысли субъекта конструирует «бытие» и это понятие становится первичным. Вот как эту ситуацию поясняет Бердяев: «Метафизика слишком легко идет на путь гипостазирования понятий, она принимает понятие за бытие, создавая соответствующее ей понятие бытия. Онтология ищет бытия, которое было бы объективным. И она находит бытие, которое оказывается объективацией понятия, она познает объективное бытие, которое есть порождение выработанных ею понятий. Онтологии оказывается доступным бытие, которое есть продукт мысли и уже рациональной обработки» [1, с. 365].

Русский мыслитель обращается к анализу немецкой классической философии и утверждает, что у Канта открывается возможность философии экзистенциальной, которая должна была преодолеть натуралистическую метафизику, рассматривающую бытие как «природу». Но германский идеализм, критикуя Канта, приходит к признанию существования объективного духа. И хотя русский философ называет раскрываемую Гегелем диалектику бытия замечательной, он делает вывод, что из этого могли быть сделаны другие выводы. Он пишет: «В германской идеалистической метафизике совсем не была поставлена проблема человека и личности, которые были подавлены универсальным безличным духом. Универсальное, общее опять по-иному, чем в греческой философии, победило индивидуальное, единичное, подлинно экзистенциальное. Философия духа стала философией объективного бытия. Рациональное понятие бытия продолжало господствовать» [1, с. 365].

Таким образом, можно сказать, что, не уделив специального внимания вопросу о бытии, Кант тем не менее внес в онтологию не меньший, а может быть и больший вклад, чем те философы, которые специально посвящали этому вопросу свои размышления. Тезис Канта о бытии является как бы критерием, используя который, можно оценивать как прошлую, так и последующую (после Канта) онтологическую традицию.

Список использованных источников:

1. Бердяев Н.А. Философия свободного духа. – М.: Республика, 1994.
2. Единство онтологии, теории познания и логики: Тезисы докладов научной конференции. – Уфа, 1996.
3. Кант И. Единственно возможное основание для доказательства бытия Бога. Соч. в 6 томах. Т.1. – М., 1963.
4. Кант И. Критика чистого разума. Соч. в 6-ти томах. Т.3. – М., 1964.
5. Хайдеггер М. Тезис Канта о бытии. // Хайдеггер М. Время и бытие. – М., 1992.

ГЕНЕЗИС И РАЗВИТИЕ ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО ТРАНЗИТА ПОСТКОММУНИСТИЧЕСКОЙ РОССИИ

Abstract

The main tendency of democratic transit of the 90`s are shown in the article. The attention to the question on contradictions of Russia`s democratization and its reasons is brought. The estimation is given both to liberal transformations, and to consequences of their further carrying out at the present stage in our country.

Начиная с конца 1980-х годов минувшего века, большинство посткоммунистических стран существенно продвинулось по пути трансформации: по разным моделям, с разными целями и разным успехом. Эта динамичность и многообразие моделей делает исследование посткоммунистического транзита чрезвычайно важным.

Демократизация России рассматривается некоторыми исследователями как продолжение опыта стран «третьей демократической волны», однако Россия является столь специфической страной в силу ее территории, многонациональности, революционного характера системной трансформации и т.д., что уместно было бы рассматривать демократический транзит нашей страны как совершенно отличный по своей специфике общественно-политический процесс.

Суммируя подходы авторов советологических концепций, можно выделить основные тенденции демократизации нашей страны, которые наиболее ярко проявились в последние годы.

Первая характерная тенденция заключается в том, что демократический транзит с самого начала сопровождался жестким столкновением интересов внутри политической элиты между реформаторами и консерваторами, а на публичном политическом поле – между демократами (правыми) и коммунистами (левыми). Во многих исследованиях на эту тему подчеркивается, что именно реформаторские действия М. Горбачева в рамках еще бывшего СССР вызвали углубление уже четко обозначившегося раскола советской элиты на консерваторов и реформаторов.

Как пишет А.Ю. Мельвиль, «центрист Горбачев, склонный к постепенным и эволюционным методам в рамках системы, для укрепления своих позиций в противоборстве с фундаменталистами, как и многие другие лидеры-реформаторы, обратился за поддержкой к оппозиционным продемократическим силам вне ядра режима, одновременно стараясь не потерять контроль над ситуацией и срамливая при этом радикалов с консерваторами. Однако разрыв между двумя политическими полюсами, приобретающими собственную инерцию и логику развития, постоянно увеличивался. В результате политический центризм как метод "мягкого" реформирования советской политики закончился провалом. На неудачную попытку консервативного переворота ради спасения системы радикальные демократы ответили своим успешным контрпереворотом» [8, с. 95–96].

Тенденция раскола политической элиты России получила свое дальнейшее и более углубленное развитие после прихода к власти Б. Ельцина в начале 90-х гг. и продолжалась вплоть до последнего времени. «Отказавшись от компромиссов, которых, пусть не последовательно, но все же искал Горбачев, и, добиваясь полной и безоговорочной победы над советским режимом, Ельцин и радикалы намеренно исключили возможность достижения компромиссной фазы пакта, который... в большинстве успешных демократических транзитов выполнял важную стабилизирующую функцию» [9, с. 21, 23].

Вторую тенденцию, присущую демократическому транзиту в России в течение 90-х годов, можно свести к тому, что он характеризовался масштабной децентрализацией и дисфункцией государственной власти, что привело к возникновению проблем в системе

федерализма и ослаблению необходимой связи по линии «центр – периферия».

Как писал А.В. Лукин, «...из-за очевидного бессилия Центра ситуация на местах отдана на откуп региональным лидерам, а там, где вполне законно избранное руководство гораздо меньше озабочено западной реакцией на свои действия, уже установлены диктаторские по многим параметрам режимы (взять хотя бы Приморский край, Башкирию или Татарстан)» [5, с.148– 149].

Одну из причин масштабной децентрализации государственной власти в России Г.И. Вайнштейн видит в прямолинейном и эклектическом смешении демократических форм, практикуемых в разных "классических демократиях", при построении российской модели федерализма. В результате действия этой модели региональные автономии РФ характеризуются бесконтрольностью местной власти и безответственностью центральной. Данный процесс был характерен всему десятилетнему периоду правления Б. Ельцина и выступал тем общим политическим фоном, на котором разворачивались процессы либерализации всех сфер общественной жизни России [1; 84].

Третья характерная тенденция, прослеживаемая в российском демократическом транзите, заключается в том, что специфика политической либерализации в России обусловила значительное усиление власти олигархических кругов. В основе сформировавшейся в России олигархической политической системы оказались основные корпоративные группы интересов узкого круга лиц, из-за чего массовые интересы были плохо артикулированы и не имели адекватной политической репрезентации.

Говоря об олигархических началах российского государственно-политического устройства, А.Ю. Мельвиль пишет, что «...они, скорее, возвращают нас к античному пониманию плутократии как режима, при котором власть и привилегии основываются почти исключительно на богатстве. Интересы собственности и собственной материальной выгоды, а не организация власти как таковая - вот что главное в нынешнем российском плутократическом режиме, при котором не только богатство производит власть, но и власть сама порождает богатство для приобщенных к ней» [7; 56]. При таких обстоятельствах устойчивое функционирование не только политической власти, но и самой политической системы России становилось проблематичным.

Четвертая тенденция связана с ролью президента в системе государственной власти. Конституционное устройство нынешней России дает повод ряду исследователей считать, что либерально-демократические черты ее политической системы сочетаются с персоналистско – авторитарными институтами, призванными обеспечить реализацию избранной модели экономической реформы и необратимость самих реформ. Несмотря на закрепленный в Конституции РФ принцип разделения властей, политико-государственная власть фактически оказалась настолько сосредоточенной в институте президентства, что некоторые западные исследователи нередко характеризуют российскую форму правления как «суперпрезидентскую», причем концентрация властных полномочий в руках Президента России приняла долгосрочный характер.

Касаясь этой проблемы, один из российских исследователей В.В. Смирнов считает, что «Президент Российской Федерации и его Администрация являются целеполагающим и властным институтом, а Правительство – административно-исполнительным и подчиненным» [2; 156].

Пятая тенденция, характерная для начальных этапов транзита – предельная поляризация политики, угроза коммунистической реставрации, а следовательно – отсутствие консенсуса по поводу стратегии национального развития. Именно по этой причине для России 1990-х годов выбор модели с сильным парламентом был заведомо невозможен. Высокая поляризация общества и элит по оси «реформы – реставрация» требовала доминирования президентской власти, проводящей «реформы сверху». Как пишет Б. Макаренко: «Россия – единственная из трех десятков посткоммунистических стран, в которой на протяжении самых болезненных реформ (до 2000 г.) президент не имел большинства в парламенте [6, с.109].

Шестая тенденция – это полуавторитарный характер формирующегося в России режима. Если страны Восточной Европы оцениваются как в целом ориентированные на формирование элементов консолидированной демократии, то режим в России большинством исследователей долгое время не рассматривался как демократический. Анализ режима в России происходит в рамках альтернативных и промежуточных форм политического развития при постоянном подчеркивании особого характера российской трансформации. Это связано с тем, что в российском обществе утверждение демократии происходило чрезвычайно медленно, трудно и связано с постепенным достижением политического согласия в обществе, выработкой оптимального сочетания интересов разных политических сил, нахождением необходимого баланса государства и гражданского общества.

Реальный комплекс противоречий между декларируемой демократией западного образца и реальной практикой политического устройства страны ставит вопрос о причинах этих противоречий.

Работа Дж. Къеза «Прощай Россия» содержит критику Запада и прозападной политики, автор резко критикует первобытный российский капитализм. Он пишет о том, что все действующие лица описанных им событий, от Горбачева до заговорщиков, от Бориса Ельцина до радикальных группировок, пытались найти выход из кризиса в рамках известных и универсальных моделей перехода. Это и решение «первой модели демократизации», придуманное Горбачевым, и простое восстановление авторитарного строя, и, наконец, коренное преобразование советской системы в демократию правового государства, основанную на рынке, – все это неотчуждаемые признаки политической культуры Запада, рожденные его историей последних трех веков. Российская Империя, а затем и СССР традиционно строили свою государственность на авторитарных началах, и удержать такое мощное государство можно только лишь силой.

Представляется, что нет никаких оснований предопределенности авторитаризма в России, однако долгое отсутствие демократической традиции отрицательно сказалось на политической культуре россиян. Нельзя не согласиться с итальянским исследователем, что России в ее новейшей истории удалось бы избежать многих драм, обладай ее элита способностью понимать собственную страну [4].

Развитый западный мир, постоянно модернизируясь, устойчиво развивался и быстро уходил вперед. Именно этому строю, а не социализму, как долгое время надеялись многие, удавалось решить принципиальные вопросы общественного развития более эффективно. Чем больше времени проходило, тем очевиднее становилось, что командно-административный социализм явно проигрывает историческое соревнование между двумя социальными системами – капиталистической и социалистической. Но для Советского Союза и для России следование по пути либерального капитализма и радикальный слом социализма не означало «триумфа демократии», а наоборот привело к еще большему углублению системного кризиса. Почему же демократизация по образцу либеральных моделей демократии привела к такому итогу?

Типичный ответ о причинах неудач реформ в России в области экономики и проблем демократизации сводится к тому, что в России не развито гражданское общество, и это объясняет наши трудности. При всей справедливости такого замечания, только лишь отсутствием гражданского общества не исчерпываются неудачи российской демократизации конца XX в.

Можно говорить о Горбачеве и Ельцине как о носителях демократизации, а можно о предательстве ими национальных интересов и связывать слом социалистической системы и свободные выборы с расширением НАТО. Ведь за демократию в России выступали, в основном, на Западе и в прозападных СМИ. Главным заинтересованным лицом импорта демократии в России был, прежде всего, Запад, добивавшегося распада СССР и превращения нашей страны в «евразийскую Нигерию» – ключевого поставщика энергоресурсов для США, многих европейских и большинства постсоветских государств.

«Мы находимся в гуще российско-американской совместной революции» – эти слова

Б.Н. Ельцин произнес 14 января на пресс-конференции в связи с визитом в Москву президента США Б.Клинтона. И в данном случае с Ельциным трудно не согласиться, поскольку Запад стал активным участником всех путчей российских реформаторов. [11, с.26].

Как пишет А. Ципко, сегодня уже видно, что Запад помогал освободиться не от коммунизма, а прежде всего от самой России, от ее исторических территорий, от национального суверенитета и национального самосознания: «...сама по себе демократическая Россия никому не была нужна, что Западу, и его политическому лобби, так называемым «демократам» и «либералам» была нужна управляемая Россия, продолжающая борьбу со своей «державностью», со своей армией, со своим суверенитетом, со своими необъятными территориями» [11, с.35–36]. Можно согласиться с взглядами А. Ципко, согласно которым конкурент и соперник Запада в лице СССР сам решил покончить с собой. Нашей сверхдержаве демократию в то время нельзя было навязать силой, извне, и руководство СССР пошло на демократизацию, а затем и развал Советского Союза по собственной инициативе.

После драматического распада СССР, Дж. Кьеца писал о России: «Третий Рим, или вернее, страна, претендовавшая на этот титул, сворачивает свои знамена. Первый пал под ударами полчищ варваров, второй под ударами Востока, который с рождения пропитывал его. Этот Рим уничтожается на наших глазах Западом. Единственное отличие от двух других состоит в том, что падение совершается намного быстрее. И без боя. Россия со всей своей хваленой духовностью склоняется с приходом скупого царства прагматизма, успеха и материализма» [4; 274].

Дальнейшее либеральное реформирование по западному образцу привело к возникновению криминально-олигархического капитализма, который быстро привел к тотальному банкротству почти всей экономики страны. Государство работало на удовлетворение интересов бюрократии, от нормального обслуживания гражданских интересов оно отказалось. Об этом свидетельствует разрушение социального государства, обнищание населения, положение бюджетников и пенсионеров.

Кроме того, причины неудач реформы под названием «перестройка» и переход к демократии кроются и в том, что инициаторам и архитекторам модернизации не удавалось выстроить и довести до эффективного рабочего состояния новые системы организации общественной и государственной жизни. На первом месте здесь всегда должно было стоять реформирование политической системы и его основного ядра – государства. Если государственный механизм не совершенен, не адекватен и не способен дать достойные ответы на вызовы времени, не может провести эффективные и грамотные реформы с минимальными издержками для страны, то созревают причины и предпосылки для социальной революции.

Демократический транзит в России был по сути своей и изначально направлен на полный отказ от социализма и переход к буржуазному устройству западного типа. Либеральный, буржуазно-демократический характер транзита поставил перед нашим обществом ряд не менее сложных проблемных вопросов. Главный из них следующий: может ли либерализм западного типа быть системой идейных ценностей для российского общества и может ли он быть компасом страны на пути к желанной цели?

С одной стороны, мир идет по пути либерализма уже давно, и это дает положительные результаты. Но с другой стороны, в России за декоративным фасадом либеральной демократии в 1990-е годы воцарились произвол, хаос и криминал.

Воспоминания известных людей, наблюдавших за тем, что происходило у Белого Дома в Москве (Е. Гайдара, В. Исакова, А. Коржакова, Г. Попова, О. Попцова) со всей очевидностью свидетельствуют: тогда, в августе 1991 г., решались не принципиальные вопросы развития страны, а более близкие и простые задачи: шла борьба за власть. Исход ее оказался трагическим, и не только потому, что в дни путча погибло три человека, но и потому, что несколько месяцев спустя развалился СССР [2, с. 55–56].

Многие аналитики сходятся в том, что в 1991 году Б.Н. Ельцин и его сторонники подобрали власть, выпавшую из рук коммунистов. Но, испытывая эйфорию, демократы не смогли предвидеть будущее и выработать нужную стратегию. Представляется уместными слова, которыми Г. Каспаров охарактеризовал все случившееся после путча: «Проиграли партию в выигрышной позиции». [10; 135].

Вместо либеральной демократии и капитализма в стране возник олигархический режим, который в 1996 году снова привел к власти Б.Н. Ельцина, имевшего в то время ничтожно низкий рейтинг. Под предлогом предотвращения коммунистического реванша был осуществлен слом государственного механизма, обеспечивавшего целостность страны. В России же не сложилось гражданское общество, которое могло бы противостоять олигархическому корпоративизму.

Между тем за десять лет после принятия действующей Конституции РФ ни от одной из «партий исполнительной власти», сменявшихся попеременно в окружении как первого, так и второго Президента, избиратели не услышали внятной программы действий в области политической модернизации страны, перехода всей системы органов государственной власти на партнерские принципы взаимоотношений с гражданами.

Таким образом, государство в России в 1990-е годы оставалось в сильно ослабленном и коррумпированном состоянии. Отсутствие общего интереса, реализуемого через государственную стратегию, привело к периоду полураспада. Либеральный курс для России означал лишь то, что власть решительно освобождалась от своих обязательств перед населением собственной страны.

Но эти промежуточные итоги демократического транзита в конце 1990-х годов говорят не о том, что для России демократия недостижима в принципе, а лишь о походе к ней ложными путями. Что же это за ложные пути, и почему что так хорошо начиналось, в конце 20 века выглядело столь неутешительно для России?

На первый взгляд, причины кажутся субъективными. В условиях системного кризиса и слабости новых институтов нагрузка и ответственность демократических лидеров очень велика – очень многое зависит от личных качеств главы государства. Сейчас уже ясно, что и Горбачев, и Ельцин – это ошибка для российской демократизации, последствия которой пришлось решать новой власти. Президент СССР – генеральный секретарь Горбачев М.С. слишком долго тянул время, ожидая свою партию, чтобы привести ее к спасению, что оказалось в результате весьма проблематичным. Выжидая, М.С. Горбачев и сам как политик заплатил сполна за свое опоздание. Аппарату же этого было недостаточно, его чувствительность окончательно притупилась, он сделался непроницаемым для всех перемен.

Антикоммунизм вынес Ельцина на поверхность политической жизни, обеспечив ему поддержку Запада. Российский же электорат, вышедший из авторитарного состояния, был слишком неискушен и слишком доверчив. Всевластие «демократического» президента привело страну не к либеральной демократии, а к олигархии, постоянно воспроизводившей коррупцию и нищету. Б.Н. Ельцин пришел к власти на деструктивной идее – на идее уничтожения советской империи, на идее разрушения Центра, исторически сложившегося государства. Придя к власти как борец, разрушитель, Б.Н. Ельцин так и не стал созидателем.

Учитывая ошибки руководства страны, говорить об успешности перехода в России не приходится. Для характеристики итогов трансформаций в нашей стране лучше всего подходит метафора Б. Макаренко «наполовину полного или наполовину пустого стакана» [6; 61]. Прогресс России в 1990-х годах на пути построения демократического общества был явно недостаточен; далеко не оптимальным образом были использованы и возможности для социально-экономической модернизации. Однако и барьеры для успешной демократизации здесь были исключительно высоки. Российский транзит не был столь долог, как тот, что был пройден западными демократиями.

И все же, советское общество, несмотря на огромную отсталость, сохраняющуюся во многих сферах, продемонстрировало значительный и даже поразительный динамизм. Жесткий идеологический «колпак», сковавший его материальный и интеллектуальный

потенциал, не смог помешать прорастанию многочисленных стимулов, характерных для развитого индустриального общества. Россия, если верить рейтингам, – самая «зажиточная» и конкурентоспособная из посткоммунистических стран, так и не ставших демократиями.

В качестве вывода отметим, что в России политическая и иная модернизация всегда имела свою специфику. С одной стороны, она диктовалась необходимостью догоняющего развития, а с другой – она всегда проводилась по воле верхов, осознававших на определенном этапе развития страны опасность ее отставания и настоятельную потребность его преодоления. С этим же фактором всегда была связана высокая тяга политико-административной элиты России к копированию зарубежного опыта и перенесению его на отечественную почву. Взяв за основу модель демократизации по западному образцу, власть столкнулась с тем, что либеральные реформы не принесли положительных результатов, а привели к массовой деградации всех сфер общественной жизни.

Возникает вопрос, почему ещё столько времени эти методы продолжали применяться, если показали свою неадекватность? Тут может быть несколько ответов: от прямого вредительства, неадекватности операторов этого процесса, до использования кризиса в целях обогащения самой элиты. Не будем здесь пытаться дать исчерпывающий ответ, это не представляется возможным. Заметим только, что долгое время существовала эйфория по поводу победы демократии, и не существовало адекватного анализа последствий либерального реформирования. Но рано или поздно пришло понимание того, что прежние модели, а именно либеральные модели, показали свою неэффективность.

Осознав негативное влияние вышеуказанных процессов либерализации на поступательное развитие страны, сегодня политическая власть в России прибегает к мерам по построению новой, предельно жесткой вертикали государственной власти и уменьшению влияния на нее различных олигархических кругов. Однако эти реформаторские, по сути, попытки не всегда позитивно сказываются на результатах демократизации политической системы РФ. Речь идет о некотором откате от демократических процедур и правил, в силу чего для России становится характерным маятниковое движение в рамках транзита и усиление авторитарных тенденций в политической системе.

В какой мере все эти трансформации адекватны объективным потребностям современного российского общества и государства, остается слабо изученным и требует дальнейшего исследования.

Список использованных источников:

1. Вайнштейн Г. Российский транзит в контексте глобальной демократизации / Г. Вайнштейн // Мировая экономика и международные отношения. – 2005. – №10.
2. Гайдар Е.Т. Долгое время, Россия в мире: очерки экономической истории / Е.Т. Гайдар – М.: Европа, 2005.
3. Гельман В. Я. Трансформация в России: политический режим и демократическая оппозиция / В. Я. Гельман. – М: МОНФ, 2008 .
4. Къеза Дж. Переход к демократии / Дж. Къеза. – М.: Международные отношения, 1993.
5. Лукин А. Переходный период в России: демократизация и либеральные реформы / А Лукин // Политические исследования. – 2008. – № 2.
6. Макаренко Б. Посткоммунистические страны: некоторые итоги трансформации / Б. Макаренко // Политика. – 2008. – № 3.
7. Мельвиль А. Ю. Демократический транзит: теоретико-методологические и прикладные аспекты / А.Ю. Мельвиль. – М.: МОНФ, 2006.
8. Мельвиль А.Ю., Ильин М.В., Мелешкина Е.Ю., Миронюк М.Г., Полунин Ю.А., Сергеев В.М., Тимофеев И.Н. Политический атлас – 2: мировой кризис, мегатренды и анализ

нелинейной динамики политического развития / А.Ю. Мельвиль. // Политические исследования. – № 3. – 2009.

9.Пастухов В. Б. Темный век: (Посткоммунизм как «черная дыра» русской истории) / В. Б. Пастухов // Полис. – 2007. – № 3.

10. Петров Н., Рябов А. Внутренние проблемы власти – Пути российского посткоммунизма / Н.Петров, А. Рябов. – М.: Европа.2007.

11.Ципко А. Русский XXI век: грядущее, которое нам не дано увидеть / А. Ципко // Вестник аналитики. – 2006. – № 3 (25).

КОКОРИНА Е. Г.

ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ КУЛЬТУРНЫХ ЛАНДШАФТОВ КРЫМА

Природное своеобразие Крыма, богатство истории и сложность культурных процессов формируют особый культурный ландшафт. С одной стороны, культурный ландшафт – это преобразованные человеком элементы окружающей природы, с другой – это вся «среда обитания человека, в сочетании своих естественных и искусственных элементов» [3].

Среди факторов, влияющих на формирование крымского культурного ландшафта, первым будет природный. Д. С. Берестовская отмечает, что культурный ландшафт «в буквальном смысле опирается на географический, природный ландшафт и во многом от него зависит» [1, с. 7]. Крым, несмотря на относительно небольшую территорию, отличается разнообразием природных характеристик – геоморфологических, гидрографических, климатических. Такое богатство природы как базовой среды обязательно сказывается на формировании культурных ландшафтов.

Вторым фактором формирования культурных ландшафтов региона является богатая история крымской земли. В качестве примера сложности крымских культурных ландшафтов можно привести территорию Бахчисарая. Линия центральной улицы старого города, которая повторяет изгибы русла реки Чурук-Су, идёт через несколько важных объектов: памятники А. С. Пушкину и И. Гаспринскому, Ханский дворец, дом-музей И. Гаспринского, расположенные вблизи города Свято-Успенский мужской монастырь, караимское кладбище Балта Тиймэз и средневековую крепость Чуфут-Кале. Данный культурный ландшафт, несмотря на разнообразие его составляющих, воспринимается единым комплексом, соединением в определённую целостность элементов разного происхождения: естественных и рукотворных, созданных в поле различных культур.

Ещё одним фактором формирования культурных ландшафтов Крыма является то, что в некоторых случаях может меняться их тип. Подобное явление можно проиллюстрировать примерами усадеб, создававшихся в Крыму в период с конца XVIII в. по начало XX в. Они могли выполнять как функцию дачи, так и становились постоянным местом жительства. Имена дворян на территории Крыма были важными культурными центрами, «часто сами усадебные постройки являются уникальными произведениями искусства, строившимися согласно вкусам хозяев и тенденциям своего времени» [2, с. 40]. Особенностью современных культурных ландшафтов, в которые ныне включены некоторые из этих усадебных комплексов, стало то, что со временем, по тем или иным причинам, они, оставаясь в основном рекреационными, перешли из селитебных в мемориальные или заповедные. К ним относятся Белая дача в Ялте (дом-музей А. П. Чехова), имение А. Г. Кузнецова в Форосе, дом-музей М. А. Волошина в Коктебеле и многие другие.

Эти примеры говорят о многообразии культурных ландшафтов Крыма и о некоторых факторах их формирования. Подробная разработка темы, когда, например, рассматривается процесс включения одного ландшафта в другой, позволяет выделить и конкретизировать другие особенности местных культурных ландшафтов.

Список использованных источников и литературы

1. Берестовская Д. С. Культурные ландшафты Крыма / Д. С. Берестовская // Культура народов Причерноморья. – № 210. – 2011. – С. 7-10.
2. Кокорина Е. Г. Крымская усадьба XIX-XX вв. как одно из формообразующих начал культурного ландшафта / Е. Г. Кокорина // Культура народов Причерноморья. – 2011. – № 210. – С. 39-43.
3. Культурный ландшафт [Электронный ресурс] // Культурология: краткий тематический словарь [Под ред. Драч Г. В., Матяш Т. П.]. – Ростов н/Д: Феникс, 2001. – 192 с. – Режим доступа: <http://www.term.ru/dictionary/858/word/kulturnyi-landshaft>

КРЫЛОВ В. С.

СИНЕРГЕТИКА КРЫМА — ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЙ АТТРАКТОР

С позиций синергетики проанализированы исторические события, связанные с особым географическим расположением Крыма и оказавшие влияние на ход мировой истории. Эти феномены, качественно можно охарактеризовать как типичные особые области динамических процессов развития глобального мира. Некоторые из них можно отнести к аттракторам, страным аттракторам и точкам бифуркации. Многие события достаточно полно и подробно описаны. Анализ этих описаний может послужить основой выделения существенных количественных переменных для составления уравнений, которые позволят более детально проанализировать динамику процессов развития глобального мира.

Ключевые слова: синергетика, странный аттрактор, глобальный мир, точка бифуркации.

Synergetics of the Crimea — a geopolitical attractor.

From the standpoint of synergetics analyzed historical events related to the special geographical location of the Crimea and influenced the course of world history. These phenomena can be qualitatively described as a typical special area of dynamic processes of global peace. Some of them can be attributed to attractors, strange attractors and bifurcation points. Many events are fairly complete and detailed. Analysis of these descriptions can serve as a basis for the substantial quantitative variables to set up the equations that allow a more detailed analysis of the dynamics of the processes of development of the global world.

Keywords: Synergetics, strange attractor, the global world, the point of bifurcation.

Информационные технологии трансформировали общество в информационное. Сформировалась глобальная инфраструктура, обеспечивающая передовые услуги за счет связи между людьми и даже между вещами физическими и виртуальными [8, 10]. Мир стал глобальной сложной системой. Возникшие в глобальной информационной структуре интернета социальные сети преобразовали и преобразуют привычные социально-экономические, национальные, религиозные и другие взаимосвязи между отдельными людьми, различными общественными формированиями и объединениями, группами и так далее.

Информационные технологии (ИТ) стремительно вошли практически во все сферы деятельности человека, включая обыденную жизнь. Стали доступными не только ценнейшие с точки зрения науки информационные ресурсы, но и широкий круг исследователей получил возможность использовать ранее недоступные инструменты и технологии обработки информации для экспериментальных и теоретических исследований. Тем не менее, сложность динамики развития общества, сложность структурных частей общества является значительным препятствием для анализа состояния и прогноза развития таких систем

количественными методами. Синергетика предлагает методы качественного анализа динамики и трансформации сложных систем, которые позволяют определить основные направления развития, ключевые причины трансформаций [2, 7]. Как правило, после детального качественного анализа определяются и количественные методы исследования динамики конкретных сложных систем.

В целом синергетику представляют как современную теорию эволюции очень больших, сверхсложных систем [2, 7]. К ним относятся не только природные объекты, но также человеческое общество и плоды интеллектуальной деятельности людей. Термин «синергетика» одним из первых ввел Г. Хакен для обозначения теории Ильи Пригожина о диссипативных структурах и показал, что эта теория может быть применена не только в физике, она междисциплинарна и в равной степени доступна философам, психологам, историкам, биологам и другим ученым [7]. Например, в [2] с позиций синергетики и нелинейной динамики рассмотрены проблемы гуманитарной сферы исследований. Предложены математические модели исторических процессов, модели для глобальных демографических прогнозов, методологии стратегического планирования возможных направлений развития общества, изменения императивов развития цивилизации и другие.

Проблемы анализа динамики развития некоторой системы могут быть сложными не только потому, что система состоит из большого числа сложных частей, но ее поведение является таковым. Так, очень сложными могут быть различные проявления человеческого поведения, например те, изучением которых занимается когнитивная психология, нейропсихология, поведенческая экономика. Пространство переменных описывающих поведение системы составляет фазовое пространство, а поведение системы представлено траекторией в этом пространстве. Именно свойство этих траекторий конкретной системы определяют ее поведение в зависимости от внешних воздействий, изменений внутренних параметров и так далее. Динамические системы, для описания которых необходимо больше трех независимых переменных, могут иметь наряду с регулярными и очень сложные, хаотические режимы движения. Математическим представлением такого хаотического поведения диссипативных систем является притягивающее множество сложной структуры – **странный аттрактор**. Странные аттракторы позволили совершенно по новому взглянуть на взаимоотношение порядка и хаоса. А именно, понять когда детерминированное поведение системы становится хаотическим. И, наоборот, когда из хаоса возникает порядок. [2, 8]

Если динамическая система, помимо прочего, зависит от некоторого параметра, то при изменении этого параметра фазовый портрет системы (т.е. структура аттракторов) может измениться. Близкие траектории у странных аттракторов могут разбегаться вблизи некоторых точек. То есть, достаточно чуть-чуть "подтолкнуть" систему незначительным изменением параметра и она будет развиваться с принципиально иным качеством, по другой близкой лишь на короткий срок траектории. Такие явления называют **бифуркациями**. Именно определив точки бифуркации, т.е. моменты качественной смены развития системы возможно, например, более или менее точно составить прогноз ее скачкообразного изменения развития [2, 7]. То есть, возможен способ управления, когда сложную систему подводят к состоянию, соответствующему странному аттрактору, а затем незначительным "подталкиванием" направляют по траектории направленной к точке бифуркации, качественного изменения системы. Как оказывается, вполне устойчивые государственные структуры можно развалить, используя мобильные телефоны, персональные компьютеры, имеющие выходы в сеть интернет. На практике одна из таких методик качественного преобразования отношений в социальных системах обозначена как "Окно Овертона". Детальный анализ реального применения этой методологии, теоретические эссе по этой теме представлены на сайте Maskinac Center [11].

В размышления о смысле истории следует отметить фундаментальный вклад британского историк А. Тойнби [6]. Он предложил рассматривать историю как рождение, развитие, расцвет и угасание нескольких в разной степени взаимодействующих цивилизаций. Судьбу цивилизации определяют ответы на вызовы истории. Сама История экзаменует

цивилизации. У выдержавших экзамен появляется шанс пойти дальше. Его концепция вполне реально объясняет судьбы разных народов. Однако она не дает возможность что-либо предсказывать или хотя бы определять, брошен ли вызов, определяющий судьбу, или нет. Изложенные им идеи достаточно хорошо укладываются в разработанные модели динамики развития сложных систем [2]. Безусловно, А.Тойнби не использует терминологию и систему понятий синергетики. В тоже время, анализируя исторические судьбы различных цивилизаций, он обращал внимание на поворотные моменты развития, которые в синергетике определяются как точки бифуркации. Переход через эти точки на несколько веков определял ход развития огромных государств. Он предложил термин "альтернативная история" для нетрадиционного анализа, имеющего дело не с одной реализовавшейся траекторией развития цивилизации, государства или этноса, а с целым пулом близких в точке бифуркации возможностей [2, 6].

При таком подходе "вызовы истории" возникают именно тогда, когда система проходит точку бифуркации. Выбор, о котором пишет А. Тойнби, является ничем иным как способом прохождения такой точки. Именно в точках бифуркации есть социальный заказ на выдающихся деятелей. Вдали от этих точек многое объективно предопределено и действия одного или нескольких лиц не могут кардинально изменить ситуацию.

Крым – неотъемлемая часть евразийских цивилизаций. С точки зрения современной геополитики Крым – особый регион, т.е. территория, имеющая свое специфическое ядро, центр притяжения энергии, свой генотип населения, а, следовательно, и свои особенные региональные функции. Полиэтничность и поликонфессиональность, рекреационные возможности, военно-стратегическое значение – все это и определяет место и роль Крыма в Евразии. Иначе говоря, Крым – типичная область притяжения, которая может быть просто аттрактором, странным аттрактором, в какой-то момент времени может стать точкой бифуркации процессов в мировой истории.

Цель настоящей статьи рассмотреть события, произошедшие в Крыму, и повлиявшие на некоторые геополитические изменения в мире с позиций синергетики.

Крым – широко известная в античные времена Таврида, где согласно мифам в пещере, увитой виноградом, обитал Морфей. В средневековье великая Остготия, парадокс унитарного государства Украина – Автономная Республика. Ныне Республика Крым и город Севастополь - девятый федеральный округ Российской Федерации.

Совсем немного мест на земле, которые не меняли предназначенную им свыше роль на протяжении тысячелетий. Город Севастополь, или Херсонес (в славянской транскрипции Корсунь) ещё в античные времена был военно-морской базой кораблей для борьбы с пиратами. Конечно, и в античные времена он был городом тружеников, но тружеников, связанных с военно-морским флотом. Пока еще оживающий, но все еще очень крупный по мировым стандартам судостроительный завод «Залив» в городе Керчь, ранее Пантикапей, стоит на территории античных судоверфей. Порт Феодосия, порт Евпатория и так далее стоят на предопределенных им местах.

Полуостров обладает практически всеми климатическими зонами и ландшафтами Европы и Азии. О северном склоне горы Ай-Петри баварцы говорят: «Типичная Бавария». Многосерийный фильм о приключениях своего соотечественника в Испании англичане сняли в Алуштинской долине и в старом городе Мангуп-Кале. «Испанских» пейзажей им хватило с головой.

В 1941 году Крым спас Москву от разгрома. Адольф Гитлер первым в истории назвал Крым непотопляемым авианосцем Советского Союза. В своих мемуарах Г. Гудериан приводит Приказ А.Гитлера от 21 августа 1941 года, в котором прямо сказано: «Предложение ОКХ от 18 августа о развитии операций в направлении на Москву не соответствуют моим планам. Приказываю: **1. Важнейшей целью до наступления зимы считать не захват Москвы, а захват Крыма...**» [1]. В итоге Крым А.Гитлер не взял, но захватил Киев, расплыл силы, был разгромлен под Москвой и уверенно пошел к своему

краху. То есть Крым оказал совершенно определенное влияние на исход второй мировой войны.

Впервые в истории А.Гитлер употребил словосочетание непотопляемый авианосец в отношении Крыма. Для такого названия у него были достаточные основания. Для этого достаточно посмотреть на карту (Рисунок 1.). С аэродромов Крыма можно было регулярно бомбить нефтепромыслы и перерабатывающие заводы в Плоешти в Румынии. До которых каких-то 450 километров. Для тяжёлого или среднего бомбардировщика тех времен – это не расстояние. Разгром Плоешти лишил Гитлера горючего, без которого не только блицкриг, но и любая маневренная война не имеет смысла. Именно опасения лишиться нефти заставили его двинуться в Крым..

Особое географическое положение Крыма подчеркивает наличие построенных СССР девяти аэродромов способных принять любой тип самолета, существующий в мире, в том числе западная запасная посадочная полоса «Бурана». Больше в мире нигде такой концентрации сверхкрупных аэродромов нет.

Отдав в 1991 году Крым, Россия утратила стратегическую инициативу на Ближнем Востоке и в Европе и сама проложила дорогу НАТО на восток.

Крым играл важную роль не только для стран Причерноморья. Обычно этот факт относят только к уровню ощущений и эмоциональных представлений. Но, как мы знаем, аналитика и наука начинается тогда, когда начинается измерение. Соответственно, когда мы говорим об особом геополитическом и географическом аспекте Крыма, мы должны определить те основные опорные точки, по отношению к которым будем делать это измерение. Примерно также как корабль в море ориентируется на стационарные звезды, нам нужно найти те стационарные точки, на которые мы могли бы ориентироваться в определении истинного положения Крыма.

Чем можно охарактеризовать эти стационарные точки? Эти точки должны быть источниками цивилизации и эти цивилизации должны быть как минимум тысяча - две тысячи лет оставаться в том же самом месте. Если брать расположение таких мест по отношению к Симферополю, то обнаружатся следующие равноудаленные от него центры мировой цивилизации: Стамбул - Киев, Афины – Москва. Эти города вполне соответствуют определенному критерию. (Рисунок 1).

Для всех этих центров Крым был либо колонией, либо отдаленной провинцией. Каждый из завоевателей приходил и присоединял Крым, обладая новыми технологиями. Например, древние греки сделали между Азовским и Черным морем канал по перешейку. Если перевести это в современные технологии, этот канал можно сравнить с Суэцким или с Панамскими каналами. Он играл примерно ту же роль, которую играют эти каналы в современном мире. К сожалению после греческой цивилизации, римская цивилизация, кроме отдельных колоний ничего не принесла. Впрочем, как и от Хазарского каганата остались в основном следы в топонимике. Золотая Орда на момент завоевания Крыма обладала самыми современными методами ведения военных действий. Очевидно, что без высокого уровня развития ремесел, никакие военные технологии не могут быть реализованы. Итальянцы преимущественно торговали. Значительную долю их доходов составляла работоторговля захваченными в плен, преимущественно славян. Развитие производства их не особенно интересовало. Турецкая Порта достигла совершенства в применении новейших технологий ведения войны. Так что, освоившие эти методы крымские татары достаточно уверенно не только противостояли Москве и Литве, но даже был случай, когда они полностью сожгли Москву. Когда промышленные технологии турок перестали отвечать запросам времени, в Крым пришла Россия. Крым был российским в течение 300 лет. В Крыму после присоединения к Украине и с молчаливого согласия России прекратили работу предприятия, которые производили такую электронику, и такие изделия военного назначения, аналогов которым в мире пока еще нет.

Крым всегда находился в центре внимания. Но всегда к нему было отношение как к провинции. И если посмотреть на размещение мировых транспортных коридоров, то

ключевые транспортные маршруты проходят рядом, но не через Крым. Он всегда был запасным путем, даже во времена Великого шелкового пути.

Ни один народ, который продвигался в Европу с Севера на Юг, с Юга на Север не обходил Крым. Историческую роль Крыма в глобальном мире очень точно определил академик П. Толочко «Здесь были и фракийцы, и киммерийцы, и скифы, и печенеги, и половцы, и сарматы, и гунны, и готы. Тьма народов, которые ассимилировались и растворились в гигантском бурлящем котле, именуемом Крымом. В нем постоянно возникало какое-то новое качество, которое впитывало предшествующее, но не было на них похоже» [5].

Таким образом, с позиций синергетики сам по себе Крым представляет сложную картину аттракторов, в том числе и странных. Эти аттракторы, внешне выглядящие как последовательность местного масштаба, тем не менее, содержали траектории с точками бифуркации появления современной цивилизации. Так, например, оборона Севастополя 1854-1855, изменила ход мировой истории. Перестройку мирового порядка из всего года военных действий в Крыму определили всего двадцать минут 25 октября 1854 года, названные — "Атака бригады легкой кавалерии". Это словосочетание стало для англичан синонимом отчаянной безнадёжной атаки. За 20 минут боя Британцы потеряли не только почти 500 чистопородных лошадей, из чуть больше 600 кавалеристов было убито и попало в плен 365 человек [4]. Среди погибших большинство составляли представители самых аристократических фамилий. Британия лишилась в полном составе членов палаты лордов, которые должны были заседать в ней лет через двадцать. В палату пришли совсем другие люди. Они стали определять мировой порядок. С позиций синергетики возможно провести реконструкцию другой, не состоявшейся ветви истории, чтобы оценить каким бы стал мировой порядок, не случись этой безумной атаки.

В середине прошлого столетия, Крым сыграл свою роль не только в разгроме Германии, но тем, что на совещании в Ялте глав государств антигитлеровской коалиции был утвержден сценарий развития послевоенного мира. В Ялте договорились создать ООН. Устав организации был утвержден в городе Сан-Франциско на конференции, проходившей с апреля по июнь 1945 года, и подписан 26 июня 1945 года представителями 50 государств.

В Ялте был создан новый мировой порядок - биполярный мир. Он разделил Европу на восток и запад более чем на 40 лет, до конца 1980-х годов.

Следующая бифуркация также произошла на территории Большой Ялты. Она получила наименование "Форосский пленник". Находясь на отдыхе в госдаче на Форосе, генеральный секретарь Коммунистической партии СССР, первый президент СССР Горбачев М.С. , имитировал свое пленение и как бы случившийся государственный переворот. В результате распался не только СССР. Глобальный мир из биполярного стал однополярным. Со всеми вытекающими последствиями.

В Новейшей истории З. Бжезинский отнес Крым к одной из ключевых точек так называемой дуги нестабильности. Не просто горячих точек, а одной из очень горячих точек, которая вот-вот взорвется. Из предполагаемых составляющих будущего взрыва следует отметить, огромный, сравнимый с цунами приток мигрантов за очень короткий срок, буквально один два года, скачкообразно изменил этнической и религиозный состав населения. Произошел стремительный обвал экономики с исчезновением целых отраслей народного хозяйства. Было проведено насильственное внедрение феодальной социальной структуры общества под обещанием перехода к передовой рыночной экономике, строительству демократического государства, основанного на защите прав человека по мере развития гражданского общества. Тем не менее, взрыва не произошло. Причем, не смотря на активную деятельность таких организаций как ОБСЕ, ПРИК ООН, фонд Сороса, US AID и прочих получателей грантов из Голландии и Бельгии. То есть, в Крыму, несмотря на сильнейшее давление со стороны так и не сложились условия для образования "горячей" точки бифуркации. Аналогия с Балканами не оправдала себя.

Состоявшийся 16 марта 2014 года референдум по самоопределению Крыма стал очередным событием, которое инициировало лавину, изменяющую принципиально, качественно мировой порядок. Глобальный мир в очередной раз стал посткрымским.

Подведем итог. В новой и новейшей истории Крым выходил на передний план как некоторая территория, на которой произошли события, казалось бы, локальные, местного масштаба, но которые освещались всеми мировыми СМИ. Последствия этих событий принципиально, качественно меняли мировой порядок, представления о мировом устройстве. Подобно тому, как маленький камушек или совсем негромкий звук инициируют сход лавины в горах. Она все крушит на своем пути, полностью меняет ландшафт, бывший до ее схода. И мир уже делится на тот, который был до нее, и тот который после ее схода. Таких качественных геополитических изменений, связанных с Крымом было несколько. Приведем хронологию за прошедшие 200 лет:

Крымская война 1854-1855 годов. Оборона Севастополя.

Непотопляемый авианосец Крым. Оборона Севастополя.

Конференция союзников по антигитлеровской коалиции. Ялта февраль 1945 года.

«Форосский пленник». 19 августа 1991 года.

Референдум о самоопределении Крыма. 16 марта 2014 года.

Не только история Крыма, но и история внешнего по отношению к нему окружения достаточно полно задокументированы. То есть описание событий, связанных с качественными принципиальными изменениями современной цивилизации вполне, соответствуют критериям выявления типов аттракторов, типов точек бифуркации и их взаимного расположения по отношению друг к другу. Иначе говоря, для исследователей на примере Крыма открываются самые широкие возможности классического исследования современного мира как сложной нелинейной динамической системы, всего ее фазового портрета, когда известны не только особенности в фазовом пространстве, но и траектории поведения системы вблизи этих особенностей, а также на значительном расстоянии до и после.

В настоящее время активно развиваются технологии обработки сверх - больших объемов количественных данных. Как результат стремительного совершенствования информационных технологий, эти методы становятся доступными все большему кругу исследователей. Соответственно качественный анализ влияния событий происшедших в Крыму с большими геополитическими последствиями станет основой количественных моделей прогноза развития общества в глобальном мире. Станет реальной возможностью просматривать сценарии альтернативного развития истории.

Список использованных источников

Гудериан Г. Воспоминание солдата / Гудериан Г. - М.: Вече, 2012. - 560 с

Капица С. П. Синергетика и прогнозы будущего / Капица С. П., Курдюмов С.П., Малинецкий Г. Г. - М.: Едиториал УРСС, 2003. — 288 с.

Тарле Е.В. Крымская война. / Тарле Е.В. - М.: АСТ, 2005. - 566

Толочко П. Мы больше русские, чем они. История без мифов и сенсаций [Электронный ресурс]/ Толочко П. - "Зеркало недели" № 4. 2001 г., - Режим

доступа: http://gazeta.zn.ua/article/print/SOCIETY/my_bolshe_russkie,_chem_oniistoriya_bez_mif_ov_i_sensatsiy.html

Тойнби А. Дж. Исследование истории: Цивилизация во времени и пространстве / Тойнби А. Дж. - М.: АСТ, 2009 — 863с.

Хакен Г. Информация и самоорганизация. Макроскопический подход к сложным системам. - М.: Мир, 1991. – 240с

Черняк Л. Интернет вещей: новые вызовы и новые технологии [Электронный ресурс]/Черняк Леонид - «Открытые системы», № 04, 2013 - Режим доступа:

<http://www.osp.ru/os/2013/04/13035551/>

Lawson L. The Secret to Success with the Internet of Things [Электронный ресурс]/ Lawson Loraine - Режим доступа: <http://www.itbusinessedge.com/blogs/integration/the-secret-to-success-with-the-internet-of-things.html>

Mackinac Center The Overton window. A model of policy change [Электронный ресурс] / Mackinac Center — Режим доступа: <http://www.mackinac.org/article.aspx?ID=12887&print=yes>

Рисунок 1.

Город Симферополь равноудалён от Стамбула и Киева (720 +/- 40 км), от Москвы и Афин (1200 +/- 40 км), от Каира, Рима, Берлина и Санкт-Петербурга (1600 +/- 40 км).

КУГУШЕВА А. Ю.

К ИСТОРИИ БЫТОВАНИЯ И АТРИБУЦИИ ПАРАДНОГО ПОРТРЕТА ПЕТРА I

Annotation

Kugusheva A. History and attribution of ceremonial portrait of Peter the Great.

This article reveals the question of history and attribution of a portrait of Peter the Great created in the 18th century and submitted from the collection of the State Russian Museum to the Simferopol Art Museum. The study of literary and artistic sources allowed us to attribute a portrait to the period of residence of Peter the Great in France in 1717. The result of the study was the attribution of the portrait of Peter the Great as a product of Hyacinthe Rigaud which was duplicated and supplemented by an unknown artist of the first quarter of the 19th century. Comparison of the facts allowed to reconstruct the history of existence of a unique work of art from its creation in 1717

till the transfer to the Simferopol Art Museum and determine the place of the State Hermitage in the fate of artwork.

Сквозь все препятства он вознес
Главу, победами венчанну,
Россию, грубостью погранну,
С собой возвысил до небес.

*Ломоносов М.В. Ода на день восшествия на Всероссийский престол
Ее Величества государыни императрицы Елисаветы Петровны 1747
года*

Важное место в постоянной экспозиции Симферопольского художественного музея занимает парадный портрет XVIII-XIX вв. Портрет (фр. *portrait* – «воспроизводить что-либо черта в черту», устар. парсуна – от лат. *persona* – «личность, особа»), в изобразительном искусстве – самостоятельный жанр, целью которого является отображение визуальных характеристик модели. Создание портрета ставит перед живописцем задачу не только повторить облик человека в пластических формах, линиях и красках, но и дать художественную интерпретацию образа конкретного человека.

В качестве самостоятельного жанра портрет оформился в европейском изобразительном искусстве достаточно поздно, под влиянием идей гуманизма эпохи Ренессанса. Первоначально в европейской культуре слово «*portrait*» означало «изобразительное воспроизведение» любого объекта, как человека, так и животных. Еще в XVII столетии французский гравёр Абрахам Босс использовал «*portraiture*» как «общее слово для картины и гравюры», уравнивая слово «*portrait*» с «*tableau*» («изображение, картина»). Первым, кто употребил термин «портрет» исключительно для изображения конкретного человека, был Андре Фелибьен (1611-1695), придворный историк Людовика XIV и друг Пуссена [8, с.3].

Начало XVIII века было связано с расцветом всех видов изобразительного искусства в Западной Европе и ознаменовало собой «золотой век» больших стилей барокко и классицизма. Переосмысление художественной ценности реального человека и мира повлекло за собой определенные изменения в портретном искусстве. Передать лишь внешние черты, создать льстивый и поверхностный образ для живописца теперь недостаточно. Фигура человека, ранее скромно проступавшая из тьмы абстрактного фона, становится более значимой и статуарной, на смену отрешенному, застывшему в веках образу приходит динамичный портрет деятеля эпохи Просвещения. Выразительный, точный рисунок, абрис фигуры, повелительный жест, обилие атрибутов власти – все доступные художнику изобразительные средства привлечены к созданию образа «героя своего времени» [3, с. 148]. С характерными чертами европейского репрезентативного портрета XVIII века знакомит нас парадный портрет Петра I.

Благодаря произведениям Жан-Марка Натъе, Карела де Моора, Арнольда де Гельдера, Николаса Верколье и др., созданным при жизни Петра I, облик первого императора Всероссийского широко известен и хорошо узнаваем. И хотя имя живописца подчас остается неизвестным, волевой типаж русского царя не оставляет места для сомнений.

В коллекцию Симферопольского художественного музея портрет Петра I поступил в 1952 году из фондов Государственного Русского музея (акт ПП №2 от 01.02.1952 г.). Едва ли не единственной репродукцией данной работы является фотография в каталоге «Крымская областная картинная галерея» 1965 года, где портрет указывается как работа неизвестного художника [4]. Сведения о поступлении портрета изложены в инвентарной книге: «Поясное изображение Петра I в латах и зелёной Андреевской ленте. <...> В области головы – сильные вздуты красочного слоя». В описании подразумевается видимая невооруженным глазом неровная кромка вокруг головы Петра I, отделяющая ее от остального холста. Эта

особенность, а также очевидные различия в красочном слое основного холста и лицевой его части побудили исследователей к изучению истории портрета.

Описание портрета и особенно такая запоминающаяся деталь, как латы, позволяют предположить общую датировку. Так, одним из редких прижизненных изображений Петра I является портрет, исполненный Яном Вениксом в Амстердаме во время Великого посольства в 1697-1698 гг. (дворец Меншикова, филиал Государственного Эрмитажа). Двадцатипятилетний царь изображен на фоне сражения в полных латах, несмотря на то, что концу XVII в. подобных доспехов на поле брани уже не использовали. Европейский канон парадного портрета монарха требовал соблюдения особой торжественности, и латы здесь служили символом благородства и рыцарской доблести коронованной персоны.

Следует отметить, что на нашем портрете император выглядит более зрело. Известно, что в 1716-1717 гг. Петр I совершает второе путешествие в Европу, посетив Голландию и Францию. В этот период многие именитые художники пишут прижизненные портреты императора, позднее повторенные русскими мастерами. Если мы обратимся к собранию Государственном музее Русского искусства (г. Киев), то обнаружим прямую цитату прижизненного портрета императора, написанного Жан-Марком Натье в 1717 году, и стилистически приближенного к нашему произведению.

Во время второго путешествия, предпринятого в 1717 г., Петр I со свитой посетил Париж, где пребывал с 26 апреля по 20 июня. Во время парижского визита император посетил Сорбонну, Королевскую библиотеку, Коллеж Мазарини и Парижскую обсерваторию, где он беседовал с её директором Жаком Кассини и королевским географом Гийомом Делилем [2]. Значительное внимание было им уделено и вопросам искусства. В.Ф. Левинсон-Лессинг указывает, что Петр приглашает в Россию ряд художников и мастеров, как для создания «официального искусства», так и для организации мануфактуры гобеленов и Монетного двора. [7, с.41]. Здесь же упоминаются заказанные «Удри, Наттье, Ларжильеру, Риго и другим» портреты, вывезенные из Парижа наряду с «Полтавской битвой» кисти Дени Мартена [Там же, с.42].

Современный французский автор Жан-Пьер Кюзэн сомневается, что Иасент Риго и Никола де Ларжильер могли написать портреты Петра, и склоняется к персоне Жана-Батиста Удри. К сожалению, портрет царя последнего автора ныне утрачен, но сохранилось пять выполненных к нему подготовительных рисунков [5, с.144.]. Б.Н. Лосский в статье о пребывании Петра Великого во Франции также упоминает портрет, «возможно исполненный накануне Удри», а также портрет Екатерины, написанный в Голландии Жан-Марком Натье [1, с.291]. Широко известны миниатюрные портреты царя, выполненные Шарлем Буа (ныне в собрании Лувра), равно как и произведение, приписываемое кисти Франсуа Жувене (Парижский Арсенал).

Исследователи, подробно изучив историю путешествия Петра Великого, указывают на еще одну важную фигуру парижского художественного мира – Иасента Риго (1659-1743). Известный французский портретист эпохи Людовика XIV, Риго близок к традициям искусства XVII века. По меткому замечанию Н.В. Лазарева, «монархи всей Европы жаждали увидеть себя запечатленными его кистью... Недаром перед портретами Риго Петр Великий изрек свои знаменитые слова о том, что все французы подобны царям» [6, с.42]. На художественное формирование Риго оказало значительное влияние фламандское искусство, в особенности работы Антониса ван Дейка. Исполненный величия образ Людовика XIV, созданный Риго, надолго стал образцом парадного королевского портрета, воплощением идеи абсолютизма: «L'état c'est moi».

Близкое знакомство Петра I с творчеством Иасента Риго находит подтверждение и в других источниках. Библиотекарем Симферопольского художественного музея Ю.В. Розен в двухтомном «Подробном словаре русских гравированных портретов» Д.А. Ровинского 1889 года издания были обнаружены ценные сведения, проливающие свет на историю создания портрета Петра I.

Во втором томе Д.А. Ровинского приведено свыше сорока типов гравированных портретов Петра, созданных по оригинальным художественным произведениям. В отдельной рубрике «Портреты 1717 года» выделено следующее:

«Портрет, поднесенный гр[афом] С.С. Уваровым Имп[ератору] Николаю I и находящийся в Романовской Галерее; гр[афу] Уварову он достался от гр. Алексея Разумовского. В семействе Разумовских сохраняется предание, что Петр, перед отъездом из Парижа, зашел в отсутствие Риго в его мастерскую и, увидав свой собственный, не законченный, портрет на мольберте, вырезал из него одну голову и увез с собою. Впоследствии он отдал ее Елизавете Петровне, а она подарила ее гр. Алексею Григ. Разумовскому. От гр. Разумовского она перешла по наследству к гр. Уварову, который приказал наклеить ее на новое полотно и приписать туловище. На карточке Пуб[личной] Библ[иотеки] замечено, что это сведение сообщено Гречем.

Князь Гагарин, Бруни и Нёф, осматривавшие этот портрет в 1872 г., перед отсылкою его на Московскую выставку, единогласно решили, что он оригинальный и написан замечательно хорошо; зеленоватый тон в лице, неприятно поражающий глаза, происходит от дурного качества употребленной художником голубой краски; кобальта тогда еще не существовало, а дурная голубая краска от времени зеленеет, но что, во всяком случае, портрет не может быть приписан кисти Риго (Васильчиков, Исследование, 90). Прибавлю к этому, что и достоверность сообщенных о нем преданий не подтверждается никакими данными» [9, стлб. 1365].

Именно этот портрет, подаренный графом С.С. Уваровым императору Николаю I, можно видеть на акварели Э.П. Гау «Романовская галерея» Эрмитажа (1850-1860е гг.). Очевидно, в собрании Государственного Эрмитажа он и пребывал вплоть до Великой Октябрьской революции 1917 года.

Описываемый нами портрет Петра I воплощает в себе характерные черты искусства XVIII столетия. Репрезентативность портрета создается, в первую очередь, внешними эффектами. Художник располагает корпус модели в выразительном полуповороте, внутренний динамизм образа создают продуманное движение правой руки, картинность драпировки плаща. Определенный эффект создает оливково-коричневый колорит, оттеняющий синеву ленты Андреевского ордена. Выразительным контрастом служит спокойное и одухотворенное лицо императора, выполненное кистью великого портретиста Иасента Риго. Перед нами предстает воплощение идеи «просвещенного монарха», обладающее, помимо художественной, еще и большой исторической ценностью.

К сожалению, в определенный момент бытования холста изменение условий хранения, перепады температуры и влажности привели к тому, что краски разных веков, вступив во взаимодействие, образовали явно проступающую кромку вокруг головы императора. В 20-е годы XX века история картины уже была предана забвению. Как мы помним, в Симферопольский художественный музей портрет был передан из Государственного русского музея. В инвентарной книге поступлений отмечено, что в Государственный Русский музей портрет Петра I кисти неизвестного художника поступил в 1925 году именно из Государственного Эрмитажа.

Развитие жанра парадного портрета XVIII в. относится к тому случаю, когда история и искусство идут рука об руку. И удивительная судьба портрета Петра I, созданного двумя художниками с разницей в сто лет, - тому прямое подтверждение. Кисть Иасента Риго, лицезревшего императора в Париже в 1717 году, вызвала к жизни точный и очень достоверный образ Петра Великого, и в XIX веке неизвестный русский художник сумел убедительно дополнить его в стилистике «просвещенного абсолютизма». В сравнении с подобными перипетиями уже не кажется таким невероятным тот факт, что из Романовской галереи Эрмитажа и Государственного Русского музея в Санкт-Петербурге полотно было передано в коллекцию Симферопольского художественного музея, и что именно здесь была воссоздана история его бытования.

Список использованных источников:

1. Lossky B. Le séjour de Pierre le Grand en France // Le monde slave. 1932. - №8. - P. 279-287.
2. Долгошева А. Держу в руках всю Францию // С.-Петербург. ведомости. - 2005. - 14 сент. - С.2: ил.
3. Зингер Л.С. Очерки теории и истории портрета. – М.: Изобраз. Искусство, 1986. – 328 с., ил.
4. Крымская областная картинная галерея [Текст]. – К. : Мистецтво, 1965. – 12 с. : 33 л. ил.
5. Кюзэн, Жан-Пьер. Французская живопись в Париже и Петербурге / Ж.–П. Кюзэн. – С.144-179 // Россия–Франция. Век Просвещения : рус.–фр. культур. связи в 18 столетии : кат. выст. / Гос. Эрмитаж. – Л.: Государственный Эрмитаж, 1987. – 301, [2] с.
6. Лазарев В.Н. Портрет в европейском искусстве XVII века. – М.–Л.: Искусство, 1937. – 76 с., ил.
7. Левинсон-Лессинг В.Ф. История Картинной галереи Эрмитажа (1764-1917). – Л.: Искусство, 1985. – 407 с.
8. Путеводитель по выставке «Ты смотришь на меня со старого портрета...». Западноевропейская портретная живопись XVII-XIX вв. из собрания Международного института антиквариата ASG. – Казань, 2012. – 24 с., илл.
9. Ровинский Д.А. Подробный словарь русских гравированных портретов. Том 2. П–Ф. – Спб., Типография Академии наук, 1889. – [4] с., 1205–1888 стлб., [2] с., 880 стлб.

КУЛИК В. В.

ФИЛОСОФСКО-КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ ВОПРОСОВ КУЛЬТУРНО-ПОЗНАВАТЕЛЬНОГО ТУРИЗМА В КРЫМУ

Cultural and philosophical comprehension of questions about cultural and discovery tourism in Crimea

In multicultural, multiconfessional sphere, which exist in nowadays life, intercultural links lead to appearance of new social, political, religious, economic, educational and other issues.

Cultural and discovery tourism is linked to an issue of cultural memory, cultural heritage, that is really current for the revival of culture.

International tourism, which exists for the communication and studying of western and eastern cultures, is fundamental for the comprehension of unifying dialect and cultural demonstration plurality.

Due to the different reasons, Crimea became a territory of civilization's and culture's opposition. The main ethnical groups present to each other historical claims, trying to prove the "authenticity" of their rights onto Crimea as a territory of ethnic-cultural development, a source of spiritual values etc.

The peninsula of Crimea is a museum. Many cultural monuments of Christian and Muslim, eastern and western character are well-known all over the world. Crimea is a "home" for all its inhabitants, but this peninsula will be considered as a real home under condition that we consider it as a relative place for all cultures which are part of Crimean social plurality.

Cultural and discovery tourism is closely linked to a solving of these issues, and, most of all, of cultural dialog. Meetings in real world with representatives of different cultures, comprehension of their way of life, confirm the point that the dialog is the best communication mean with a human being.

В наше время – начало XXI столетия – происходит увеличение напряженности этнических процессов, что нередко приводит к ситуации социального хаоса, провоцирующей этнические, культурные и политические конфликты. Эти обстоятельства актуализируют дихотомию Восток – Запад, которая воплощает поляризованное целое всемирной культуры.

В поликультурной, поликонфессиональной среде, которую и являет собой современный мир, межкультурные связи неизбежно приводят к возникновению новых социальных, политических, религиозных, экономических, образовательных и прочих проблем на уровне отношения индивидов, целых групп и наций, даже государств.

Актуальность данной темы определяется и тем значением, которое придает ЮНЕСКО деятельности по организации культурно-познавательного туризма. В ряде государств при ЮНЕСКО создана Сеть кафедр по культурному туризму в целях мира и развития. Основные задачи Сети ЮНЕСКО определяются следующим образом: расширение межвузовских связей в области культурного или культурно-познавательного туризма, привлечение к этой работе мэров городов и глав регионов, совершенствование механизмов сотрудничества, укрепление научной базы и другие. Проводятся международные форумы по тематике «Культурный туризм в целях мира и развития», «Научные, образовательные и региональные проблемы туризма» и др. Создается монография «Подготовка студентов туристского вуза к разработке туристских программ в процессе изучения культурологических дисциплин», устанавливаются международные связи, например, кафедра «Культура, туризм, развитие» создана в Сорбонском университете, при Национальной комиссии Армении по делам ЮНЕСКО в университетах США, России, Беларуси, Эстонии, Италии, Турции, Испании и других государств (около 60 университетов). Юридически оформлена межвузовская сеть ЮНЕСКО / ЮНИТВИН / Кафедры ЮНЕСКО по культурному туризму. Создан объединенный университет туризма стран СНГ [1].

Теоретические основания туризма имеют непосредственное отношение к осмыслению социокультурной ситуации в Крыму и определению роли культурно-познавательного туризма в решении проблем межэтнических и межконфессиональных отношений.

Толерантность, диалог и полилог – вот основные категории, которые необходимо учитывать, решая вопросы культурно-познавательного туризма. Своеобразие культуры Крыма, особенности его пространственно-временных характеристик культурных ландшафтов дают материал для воплощения диалоговых идей в процессах культурно-познавательного туризма. Здесь значительную роль играет использование «интервального мышления» (Ф.Лазарев) [2], знаково-символического дискурса (Ю.Лотман) [3] в деятельности организаторов культурно-познавательного туризма.

Культурно-познавательный туризм непосредственно связан с проблемой культурной памяти, культурного наследия, что имеет необычайную актуальность для возрождения культуры. Смыслосодержащими компонентами культурно-познавательного туризма являются общезначимые артефакты – памятники истории и культуры, многие из которых требуют реставрации и восстановления. Культурно-познавательный туризм и культура в целом являются одним из средств удовлетворения потребности общества в самосохранении, развитии духовности, гуманистической и эстетической направленности.

Международный туризм, осуществляемый в целях знакомства и изучения западной и восточной культур, даёт основания для понимания диалектики единства и множественности проявлений культуры как сложного целого, для определения типологически родственных или контрастных феноменов, их ценностно-смысловой типологии.

Особенно напряжёнными, острыми становятся отношения Запада и Востока между этими культурно-смысловыми полюсами в так называемых пограничных культурах.

Это положение имеет непосредственное отношение к культуре поликонфессионального и многонационального Крыма. Межэтнические отношения в Крыму

имеют различные аспекты – политический, экономический, социальный и не менее важный культурный, он также многообразен и сложен.

Крым, в силу различных причин, оказался зоной противоборства цивилизаций и культур. Основные этнические группы предъявляют друг другу исторические претензии, доказывая «истинность» своих притязаний на полуостров как на территорию этнокультурного развития, источник духовных ценностей и т. п. Люди ощущают недостаток родины, точнее, её кризис (А.Мальгин) [4], который состоит в психологической трудности разделить свою родину с представителями других этносов, имеющих такие же культурно-исторические корни.

Крым – музей под открытым небом. Широко известны памятники культуры как христианского, так и мусульманского характера, как Запада, так и Востока. Крым – это дом для всех его жителей, но он будет истинным домом только в том случае, если мы будем представлять его родным для представителей всех культур, составляющих многоцветье крымского социума.

Культурно-познавательный туризм имеет непосредственное отношение к решению этих проблем и, прежде всего, диалога и полилога культур. Встречи в реальном времени с представителями иных культур, знакомство с их менталитетом, ценностным миром подтверждают мысль о том, что диалог есть общение с существующим во плоти человеком, которого следует воспринимать как личность. Диалог устанавливает контакт между прошлым и будущим культуры и природы, а также Запада и Востока. Именно диалог способствует проникновению в бытие того или иного народа, его прошлое или настоящее, его духовные ценности, эстетические воззрения, воплотившиеся в артефакты культуры.

Культурно-познавательный туризм создаёт условия не только для рационального, но и чувственного познания, для погружения в символические миры искусства разных стран и народов, для формирования представления о культурном пространстве, во всей его сложности и многогранности.

Значимость исследуемой темы определяется философско-культурологической проблематикой: это антропологическая и аксиологическая направленность, экзистенциальные основания культурно-познавательного туризма, проблема диалога и полилога культур, исследования семиотического характера – то есть те проблемы, без решения которых невозможно функционирование социокультурной деятельности в сложной ситуации переходной эпохи рубежа веков и тысячелетий, в период, когда торжество индивидуализма и прагматизма грозит разрыву связи человека с миром, с его историей и культурой.

Феномен культурно-познавательного туризма в своей основе направлен на постижение духовной сущности культуры, на обращение к человеческой душе, ее глубинной сущности. Именно культурный туризм, организация которого должна иметь творческий характер, формирует «ты-отношения» (Г.Марсель) [5], раскрывает основы человеческого бытия, многогранность человеческих отношений.

Актуальность осознания современного мироощущения подтверждается и необходимостью разработки новой стратегии культурно-познавательного туризма, приобретающего массовый характер, коммерческую направленность, в то время как «индустрия путешествий» должна иметь «человеческое измерение».

Следует также отметить, что в Крыму в туристической сфере много недостатков разного свойства: экономического, социального, политического, идеологического; которые следует устранять. Во время реализации проектов культурно-познавательного туризма необходимо стремиться к объективному отражению истории, должна ставиться задача показать окружающий мир во всем его многообразии с позиций политической и этноконфессиональной непредвзятости и толерантности.

Культурно-познавательный туризм имеет цель формировать и удовлетворить иные потребности, воплощать иные ценности – Истины, Добра, Красоты. Обращаясь к «культуре памяти», к высоким образцам искусства, к народным и классическим традициям, культурно-

познавательный туризм ставит своей целью формировать не только коллективную, но и индивидуальную «культурную память», противопоставленную «ценностям» массовой культуры, которые рождаются в масс-медийной индустрии образов.

Таким образом, этот период времени характеризует понятие «глобализация», которая означает, наряду с усилением интеграции экономической жизни, тесной связи рынков, валют и корпоративных организаций, рост взаимозависимости и взаимопроникновения человеческих отношений в такие стороны мирового процесса, как социальный, культурный и политический факторы, о чем свидетельствует рост миграции, развитию культурно-познавательного и международного туризма, а также формирование политических стратегий, призванных оказать необходимую помощь человечеству.

Список использованных источников:

1. United Nations Educational, Scientific and Cultural Organization (UNESCO). – Режим доступа: <http://www.unesco.org>

2. Лазарев Ф.В. Многомерный человек. Введение в интервальную антропологию / Ф.В. Лазарев, Б.А. Литтл. – Симферополь: СОНАТ, 2001. – 264 с.

3. Лотман Ю.М. К проблеме типологии текста / Юрий Михайлович Лотман // Статьи по семиотике культуры и искусства. – СПб.: Академический проект, 2002. – 544 с.

4. Мальгин А.В. Кризис этничности в Крыму и проблемы выбора / А. В. Мальгин // Предупреждение межнациональных конфликтов в Крыму и их разрешение через диалог культур и интеллектуальные усилия национальных элит (материалы круглых столов). – Симферополь: Крымская республиканская ассоциация «Знание», 2001. – 14 – 19.

5. Марсель Г. Homo viator: Прологемени до метафізики надії / Габріель Марсель; [пер. на укр. В.Й. Шовкун]. – К.: КМ Академія: Університетське видавництво "Пульсари", 1999. – 320 с.

КУСКОВА С. М.

ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД Ч.С. ПИРСА К АНАЛИЗУ НЕПРЕРЫВНОСТИ

Аннотация

Статья посвящена феноменологии Ч.С.Пирса. Структуры интенциональных объектов соответствуют формам актов сознания. Понятие непрерывности существенно характеризует каждый тип предмета чувствования, воления и познания. Пирс модифицирует кантовскую трансцендентальную программу обоснования математики. Актуально бесконечные множества и бесконечно малые величины даны непосредственно в осознании времени.

Ключевые слова: Фанерон, третичность, чувствование, воление, познание, непрерывность, темпоральность сознания, бесконечно малый отрезок, континуум.

Ch. S. Peirce's phenomenological approach to analyzing continuity

Abstract

This paper is dedicated to Ch. S. Peirce's phenomenology. The structures of intentional objects correlate to the forms of mental acts. A concept of continuity essentially defines any type of quality of the feeling, fact of volition and object of cognition. Peirce modifies Kantian transcendental program of foundation of mathematics. The non-finite sets and infinitesimal are immediately known to us while temporal cognition.

Keywords: Phaneron, thirdness, feeling, volition, cognition, continuity, temporality of consciousness, infinitesimal interval, continuum.

Американский философ исследует открытую Кантом связь категориальной системы с принципами формальной логики. Пирс установил корреляцию трёх типов знаков с тремя формами мысли и группами одноместных, двухместных и трёхместных отношений. Связи между категориями обнаруживаются не в интроспекции, а в непсихологических, чистых актах сознания.

В основе типологии актов сознания лежит классификация интенциональных предметов по их структуре. Пирс выделяет три типа неразложимых элементов: монады, диады и триады в зависимости от местности отношений, в которые эти элементы могут вступать. «Монада будет обозначать элемент, который, за исключением того, что он мыслится как применимый к некоторому предмету, не обладает никакими свойствами, кроме тех, что являются абсолютными в нём, не отсылая к чему-либо ещё; диада будет элементарной идеей чего-либо, которая обладала бы такими свойствами, какими она действительно обладает, по отношению к чему-то ещё, но независимо от какого-либо третьего объекта любой категории: триада была бы элементарной идеей чего-либо, которая была бы такой, какая есть, относительно двух других в двух разных аспектах, но безотносительно к какой-либо четвёртой идее» [1, с. 120]. Они обладают внешней логической структурой возможных соединений, подобно химическим элементам разных валентностей. Валентность определяет химические свойства металла или газа, но свойства частиц, определяющих валентность, уже не являются химическими. Для логических элементов аналогия справедлива: основание для участия или неучастия в некотором отношении выходит за границы логики. Оно обнаруживается средствами более фундаментальной науки – феноменологии.

Три типа элементов даны независимо друг от друга: триада не построена из монады и диады, это логические атомы. Сравним характерное для материализма разделение чувственного познания на ступени ощущения, восприятия и представления. Одни мыслители пытались получить восприятие синтезом ощущений, другие понимали ощущение как абстракцию от восприятия. Если мы установим корреляцию ощущений, восприятий и представлений с монадами, диадами и триадами, то каждый вид чувственного познания будем полагать как самостоятельный, а не ступень в общем процессе. Элементы, имеющие валентности менее 1 и более 3, строятся из исходных посредством операций ума. Элемент нулевой валентности называется «медада» и мыслится как нечто, не находящееся ни в каких отношениях с самим собой, то есть, фактически немислимый предмет противоречивого понятия. Этот термин нужен для обобщения основания классификации интенциональных объектов по форме.

По отношению к сознанию объекты делятся на 4 вида, из которых первый оказывается фиктивным:

1. Непознаваемые – медада;
2. Познаваемые непосредственно – монада;
3. Познаваемые опосредованно – диада;
4. Посредник в познании – триада.

Внутри каждой группы выделяются отрицательные свойства и обратные отношения, но поскольку феноменологический анализ предшествует логическому, различия между $P(a)$ и $\supset P(a)$, а также между $R(a,b)$ и $R(b,a)$ в исходном интенциональном акте не дана. Дано лишь число аргументных мест. «Так, любить и быть любимым рассматриваются как одно и то же понятие, и «не любить» следует рассматривать как то же самое понятие» [1, с.121].

Философские категории, согласно Пирсу, выступают коррелятами актов, направленных на первичность, вторичность и третичность. Например, идея качественности, проявляемая как в ощущении красного здесь или боли сейчас, не имеющая частей, имеет форму монады. Качество как формальная возможность, не обязательно присутствующая в событии восприятия кем-либо когда-либо. Пирс утверждает независимость чувствования от сознания и времени. Он даёт определение: «Под чувствованием я понимаю пример такого сознания, которое не содержит в себе анализа, сравнения или какого бы то ни было процесса вообще и не состоит... из какого-либо акта, которым одно напряжение сознания отличается от

другого» [1, с. 127]. Каждое чувствование обладает несколькими измерениями само по себе, безотносительно к чему-то другому. Для цвета это яркость, оттенок, насыщенность, для звука – высота и громкость. Чувство атомарно – воспринимается непосредственно и в то же самое мгновение не осознаётся в форме суждения. То, что нечто есть цвет – уже второй акт, направленный на первый акт чувствования. Когда мы сравниваем этот цвет с увиденным вчера, мы совершаем суждение вместо чувствования.

Эмоции рассматриваются как производные чувствования – сокращения информации, содержащейся в любой операции сознания. Например, рассуждение об опасном событии и решение его избегать заменяется аббревиатурой – эмоцией страха. И обратно, каждую эмоцию можно эксплицировать в описание ситуации.

Идею вторичности Пирс поясняет примерами субъект-объектного отношения, каузальности, борьбы, действия и противодействия, воли и препятствия. В отличие от монады как чистой возможности, диада характеризуется реальностью опыта. Понятия отрицания, иного, различия суть корреляты акта сознания, направленного на реальное положение дел. Обычно мы не говорим, что вещь существует реально, вне контекста сравнения с фантазией. Мы говорим, что вещь реальна, а не воображаема, или что мы ожидали одного результата, а в реальности получили другой. Пирс называет насильственное изменение нашего образа мышления влиянием фактов опытом. Эмпирические факты выделяются из области всего, что можно помыслить, своей формальной структурой: двухместным отношением. Действительный мир состоит из фактов, а не вещей. Монада выражается в языке неполным символом – общим именем, например, Дерево(...) или Зелёное(...). Потенциально разные вещи могут быть деревьями или зелёными. Диада выражается полным символом: предложением «Дерево зелёное», описывающим факт. Заметим, что у Пирса диада представляет собой единство элементов одного уровня абстракции. Отношение между ними не является дополнительной третьей сущностью, как это можно вообразить по записи aRb , в состав диады входят лишь a и b , а отношение можно выразить их особым расположением в пространстве без помощи символа R . Структуре предмета соответствует и структура акта, в котором присутствует волеизъявление. Я не просто мыслю информацию в себе, но также её утверждаю, отрицаю, запрашиваю, подвергаю сомнению. Переживание диады сопровождается самовосприятием. Согласно Пирсу, осознание человеком самого себя происходит в момент нереализации ожиданий, ошибки, столкновения с реальностью. Идея «Я» открывается ребёнку вместе с идеей отрицания. Простое чувствование монады обходится без осознания, которое сопутствует акту восприятия диады. Реальность содержит агентов волеизъявления, действие и сопротивление, интенциональные системы, фиксирующие любые контрасты и изменения качеств. Если категории первичности – качества, могущие быть или не быть проявленными на индивидах или классах, не подпадают ни под единичные, ни под общие понятия, то вторичность всегда характеризует единичные предметы и события.

Триады суть объекты более сложных актов познания всеобщих закономерностей. Пирс приводит примеры третичности: идея знака, закон природы, опосредование, интеллект. Любое трёхместное отношение показывает наличие разумного основания в организации данной структуры. Например, отношение дарения не сводится к лишению дарителя вещи и приобретения этой вещи получателем – последовательности двухместных отношений. Акт дарения включает закон, понимание которого и определяет действия участников сделки.

Самой яркой идеей третичности выступает знак, связывающий по одному элементу из трёх разных миров: символ языка, значение – объект реальности, и интерпретанту – смысл, данный в уме. «Знак – это такое нечто, зная которое, мы знаем, кроме него, ещё что-то» [1, с. 171].

Идея всеобщности оказывается посредником между идеей возможного качества и его реальным носителем. Это правило объясняет, почему данное качество присуще данному предмету. «Так происходит и с любым законом природы. Будь он просто нереализованной идеею... он был бы чистым первым. Случаи, к которым он применяется, представляют собой

второе» [1, с. 154]. Когда мы придаём значение событиям, намереваемся что-то сделать, мы обнаруживаем рациональность в мире.

Мы считаем три типа элементов коррелятами трёх групп актов интенциональной системы (не обязательно человека, но даже машины или животного).

4. Чувствование – простейший акт, имеющий результатом монаду.
5. Волеизъявление – акт, направленный на атомарный факт, диаду, сопровождаемый вторым актом отчёта системы о её внутреннем состоянии.
6. Познание – система трёх актов: мышления идеи, получения опытных данных и их подведения под идею. Результат познания имеет триадическую структуру.

Редукция многоместных отношений к комбинациям одно-, двух- и трёхместных отражает исчерпанность любого сложного ментального действия актами чувствования, волеизъявления и познания. Например, компонент знаковой ситуации – смысл – может выступать в роли знака, который будет интерпретировать другая мысль. В акте рефлексии этот же смысл предстанет в качестве предметного значения, для которого потребуются новый знак. Знаки являются самыми теоретически исследованными из более обширного класса трёхместных структур. Согласно Пирсу, логика, изучающая знаковые системы, не единственная эйдетическая наука, анализирующая отношение понимания. Кроме символов имеются иконические и индексальные знаки, чьи связи с их предметами требуют априорных внелогических правил. Например, правил отождествления и различения, каузальности и взаимодействия. Такие правила, наряду с логическими, обнаруживаются средствами феноменологии. Прототеории, изучающие эти правила конституирования монад и диад, не являются логикой. Логика работает со знаками-символами, потому её содержание составляют триадические отношения. Триада оказывается таким интенциональным объектом, больше которого ничего нельзя помыслить.

Всё, представленное в знаках, чувствуемое, желаемое, мыслимое, самими актами сознания выделено из неразличимой тотальности и наделено структурой. Мы имеем дело с дискретными объектами, отличными от других объектов той же категории. Содержание сознания распределено по классам, каждый из которых может охватывать весь фанерон. Разные способы его структурирования порождают 3 вида онтологий, в которых первыми сущностями оказываются монады, диады и триады.

Всё содержание сознания состоит из чувственных качеств, как пространство из точек, а время из мгновений.

Всё содержание сознания состоит из действий и противодействий, как пространство из линий, а время из моментов (в терминологии Пирса – бесконечно малых интервалов).

Всё содержание сознания состоит из мыслей, как пространство из областей, а время из отрезков.

Составляем ли мы мир из малых или крупных частей, в любом случае каждая идея этой части, на которую направлен акт сознания, схватывается как атом. Сначала она отграничивается от всего остального, а потом уже идентифицируется как монада, диада или триада.

Каков бы ни был онтологический статус рассматриваемых объектов, они все дискретны. Однако феноменология интересуется самими переживаниями до их обозначения, классификации и структурирования. Отношение «Состоять из...» оказывается двусмысленным. В первом смысле это конструирование (мною) сложного предмета из простых. Например, число 5 состоит из пяти единиц. Такое отношение характерно для естественной установки, постулирующей существование каких-либо предметностей. Если составные части предмета соединены, он существует, если они разделены – то нет. Сами части не могут быть названы существующими или не существующими. Отказ от наделения предмета модусом бытия характерен для феноменологической установки. Уравнивая в правах такие интенциональные предметы, как целое и части, мы не можем приписывать им разные степени реальности, возможности или необходимости. Выражение «Отрезок (0, 1) состоит из бесконечного множества действительных чисел» не указывает на какое-либо

правило конструирования. Поэтому надо различать отношения «состоять из» в естественной и феноменологической установках. В естественной установке мы уже полагаем две точки А и В различными, если не было указания их отождествить. Но, в отличие от сложных фигур, например, многоугольников, которые либо сходны, либо непохожи, простейшие точки не обладают ни сходством, ни различием до акта их сравнения. Переход от А к В требует особого закона разума, регулирующего смещение внимания от одной идеи к другой.

Фундаментальный принцип непрерывности, конституирующий работу сознания, Пирс обосновывает в работе «Закон разума». Этот закон гласит: «идеи склонны распространяться непрерывно и влиять на определённые другие идеи, находящиеся к ним в особом отношении претерпевания воздействия (affectability). При этом распространении они утрачивают интенсивность, в особенности же – силу влияния на другие, однако приобретают обобщённость и сливаются с другими идеями» [1, с. 333-334]. Здесь речь идёт не о логических понятиях, а о переживаниях, необратимо изменяющихся во времени. Воздействие идеи на другую включает широкий спектр отношений. Это и дедуктивные связи идеи посылки с идеей заключения, и семантические связи идеи знака с идеей предмета, и ассоциативные связи идеи условного стимула с идеей безусловного стимула. Пирс говорит об индивидуальности идеи в таком-то состоянии ума в такой-то момент времени. В отличие от физического предмета, для идеи А три концепта «само А», «понятие об А» и «моё представление А сейчас» - совпадают. Проблема связана с идентификацией идей, переживаемых в разное время или разными состояниями ума. В каком отношении находятся между собой идея красного, пережитая в прошлом, и идея красного, переживаемая здесь и сейчас? «Как же прошлая идея может наличествовать в настоящем, не замещая настоящую? ... Она не может быть полностью прошлой – она лишь может принимать на себя бесконечно малые знания прошлого, менее прошлая, чем любая точная дата в прошлом. Итак, мы приходим к заключению, что настоящее связывается с прошлым посредством ряда бесконечно малых реальных шагов [1, с. 345-346]. Антипсихологизм анализа восприятия длительности проявляется в постулировании бесконечно малых промежутков времени, в которых сознание функционирует непосредственно. Эмпирической психологии доступны только конечные промежутки, различающиеся тем, что в одном идея присутствовала, а в другом уже нет, или наоборот. Для этой науки состояния сознания дискретны, существуют во времени, но не делают само время предметом сознания. Познание времени средствами феноменологии требует инструмента бесконечно малых величин. Непрерывно и само сознание, и его объект. Хотя Пирс относил идею непрерывности к категории триад, как опосредование или связующее звено между первым и последним, есть основания считать эту идею условием возможности любой интенции.

Задача Пирса – дать определение непрерывности так, чтобы оно не зависело от метрических свойств рядов и человеческих ограничений осуществимости бесконечного деления. Чистое сознание до создания математики обращается к фундаментальной идее непрерывности, исследований Аристотелем. Континуум есть нечто, чьи части имеют общий предел. Диада и триада удовлетворяют этому условию, поскольку они имеют части, а непрерывность монады надо показать.

То, что дано в непосредственном чувствовании (красный цвет, гудок поезда, запах апельсина), занимает универсум и не имеет внешних границ. Оно не имеет границы, не совпадающей с границей другого, потому что ничего другого, кроме данного чувства, нет. Оно может иметь границу внутри себя, полагаемую в простом акте. Такая граница удовлетворяет условию Аристотеля и делает монаду непрерывной. Конституирование внутренних границ непосредственного чувствования – это прямое восприятие в бесконечном интервале временной последовательности его начала, середины и конца. «Итак, за этим интервалом следует другой, начало которого находится в середине предыдущего, а середина – является концом предыдущего... Из этих двух непосредственных восприятий мы получаем опосредованное или выводное восприятие отношения всех четырёх мгновений. Пирс называет мгновением временную точку, а моментом – бесконечно малый интервал.

Интервал 1: A _____ B точка C – середина (A, B)

Интервал 2: C _____ D точка B – середина (A, D)

Мы воспринимаем не более, чем 3 мгновения, поскольку либо A уже нет, либо D ещё нет. Например, во втором случае, когда мы впервые слышим мелодию, в момент восприятия звука CB сохраняется предыдущий звук AC, но звук D не предвосхищается. Здесь четырёхместное отношение сводится к трехместному за счёт разделения эпистемических статусов каждого компонента.

B – непосредственно воспринимаемо;

A – опосредованно воспринимаемо;

C – посредник;

D – не воспринимаемо.

В самый последний момент CD мы воспринимаем предыдущие ряды, включая тот, который имеет A последним моментом, но, согласно Пирсу, сам последний момент CD мы не воспринимаем.

В структуре времени обнаруживается математическое содержание, независимое от логического. Бесконечно малые промежутки времени непосредственно даны и образуют континуум, служащий материалом для распознавания особых классов чисел, образующих предмет арифметики. Пирс показывает, что рассуждения о бесконечных числах проще, чем рассуждения о конечных. Не бесконечное составлено из конечных множеств, а наоборот, бесконечное множество первично, а налагаемые на него ограничения выделяют конечное множество. Также и актуальная бесконечность не является результатом бесконечного числа шагов, а условием возможности выполнения шагов.

В математике, логике и естествознании есть системы, не использующие идею континуума, а работающие с двумя типами объектов: конечными и потенциально бесконечными. По закону исключённого третьего, никакой иной сферы актуально бесконечного нет. Для феноменологии она необходима. На уровне чистого созерцания актов сознания непосредственно дана тотальность, которой только предстоит оформиться во множество точек. Континуум оказывается априорным условием непосредственного чувствования, результатом которого становится монада. Соотнесённое с непрерывностью понятие предела конституирует переживания диад и триад, а также более сложных структур. Пирс предлагает рассматривать каждое число как предел последовательности. На феноменологическом уровне непрерывная последовательность дана раньше, чем её фиксированный член. Об этом пишет Э. Гуссерль, рассматривая, в терминологии Пирса, восприятие монад. «Каждое первичное впечатление характеризуется как таковое, и каждая модификация – как таковая... Каждая из этих временных модификаций есть зависимая граница в континууме... Если мы выделяем какую-либо фазу континуума, мы можем сказать, что она затухает; и точно также о каждой дальнейшей фазе. Ведь это заключено в сущности такого и любого односторонне направленного континуума» [2, с. 109]. Непрерывность и бесконечная делимость принадлежат к темпоральности сознания. Положение Пирса об отсутствии привилегированных состояний сознания подтверждается и Гуссерлем в анализе восприятия времени. Можно исходить из любой точки и мыслить любую другую как непрерывно порождаемую из первой. Созерцание единого качества у Гуссерля требует непосредственного восприятия континуума.

Поток времени и у Гуссерля, и у Пирса выводится из свойств сознания. Направленность времени Пирс объясняет порядком влияния одного состояния сознания на другое. Между этими состояниями нет разрывов. Переход от созерцания красного к созерцанию синего не осуществляется скачком. Каждая точка либо красная, либо синяя и имеет окрестность того же цвета. Граница между ними имеет тот же цвет, что и части на извилистой поверхности – наполовину красные, наполовину синие. «Аналогичным образом мы приходим к необходимости считать, что сознание по сути своей занимает время; и то, что налично в разуме в любое обычное мгновение, - это наличное в течение момента, в котором это

мгновение имеет место. Таким образом, настоящее наполовину прошедшее, наполовину грядущее» [1, с. 357]. Непрерывность потока сознания есть фундамент его темпоральности.

Общая идея Канта обоснования арифметики формами времени получает развитие в феноменологии Пирса. Если у Канта время моделирует натуральный ряд и конструктивное исчисление, то Пирс выводит идеи континуума и бесконечно малых из непрерывности сознания, конституирующего время. Фанерон оказывается единым и лишённым пустот: разные интенциональные объекты непрерывно перемещают ум от одного к другому по структурным правилам, предшествующим логике и математике.

Список использованных источников:

1. Пирс. Ч.С. Избранные произведения. М.: Логос, 2000. - 448с.
2. Гуссерль Э. Феноменология внутреннего сознания времени. М. : Гнозис, 1994. - 192 с.

ЛЫКОВА Н. Н.

СИМВОЛИЧНОСТЬ ОБРАЗА СВЯТОГО ВОИНА В СТЕНОПИСИ СРЕДНЕВЕКОВОГО КРЫМА

Lykova N.N.

Taurida College of Business Transportation, Simferopol, Crimea

Image of the Saint Soldier in fresco of the medieval Crimea (on a material of monuments of mural of the XIII-XV centuries)

Enough of images of St. soldiers is explained by honoring in Tavrike during a difficult era of the Middle Ages. Their cult was especially widespread in east boundary regions of the Byzantine empire. In Asia Minor and Georgia their images were obligatory in the program of a list of any, even the smallest temple. The image of St. soldiers is unique since is a striking example in formation of local Crimean style.

Just as in the period of the developed Middle Ages fresco lists of St. soldiers defenders were widespread, in the same way they were personified as images of the local sacred. This image is perfect since is closest to a fundamental principle, to comprehensive divine idea, images of riders show an example of wonderful intervention of the deity. And in it the mystical sense of mural is concluded.

The iconography of the Crimea does credit to culture: her representatives who are up to standard of education of the time, transferred the heavy tests which have fallen to lot of medieval Tavrika. They didn't change deep love to the fatherland and the people. They promoted the creativity to preservation of ethnocultural consciousness during a difficult era of overseas invasion and didn't give up on the ideals and belief.

The fresco list is mystical. It is inseparably linked with spiritual life of the Christian. With personal experience of a bogoobshcheniye, experience of contact with the celestial world. At the same time painting reflects mystical experience of all completeness of Orthodox culture, and not just her certain members.

The fresco list comprises not only the esthetic principles which changed during time, and in connection with regional and national traditions, but spiritual sense of the image, one of key concepts of orthodox outlook.

Strict faces of Saint, courageous devotees and self-sacrificing ascetics, unperturbable uniformity of the icon-painting plots, images of soldiers defenders repeating everywhere, severity of color – all this quite corresponded to medieval Tavrika's severe reality. The Crimean fresco of the

XIII-XV centuries can be considered by historians of culture as a picture of the world of the medieval Crimea.

Basic concepts of article: fresco, Christianity, orthodox culture, sacral art, spiritual heritage.

Анализ научной проблемы. Анализ немногочисленных, сохранившихся до наших дней, памятников фресковой монументальной живописи, появление которых относится к периоду так называемого «Палеологовского ренессанса», позволяет наглядно и многосторонне представить историю, культуру и идеологические представления населения средневекового Крыма, охарактеризовать значение христианских традиций, выявить художественное их многообразие, иконографические особенности и «крымскую» специфику.

Осмысление последних исследований и публикаций. Монументальная сакральная живопись средневекового Крыма в основном рассматривалась учеными в связи с историческими и археологическими исследованиями. Краткое сообщение о фресках пещерных храмов, например, Трех всадников мы находим в публикации Н.И. Репникова «Эски-Кермен в свете археологических разведок 1928-1929 гг.» (1932) [9]. В книге А.Л. Якобсона «Средневековый Крым» (1964) помещены зарисовки фресок, которые были выполнены в 1928 г. [10]. Большую роль в изучении фресок сыграла монография известного историка и археолога О.И. Домбровского «Фрески средневекового Крыма» (1966), где дано детальное описание этих памятников[6].

Цель статьи. Культурологическое осмысление фресок средневекового Крыма как феномена христианской сакральной культуры.

Объектом исследования является христианская культура периода Высокого Средневековья.

Предметом исследования выступает уникальная фресковая живопись средневековой Таврики.

Основной материал. Рассматриваемые уникальные памятники средневекового искусства, расположенные на территории Крыма известны достаточно давно, однако до настоящего времени отсутствует их комплексное культурологическое исследование, которое позволило бы раскрыть их ценностную и художественную значимость, особенности живописного стиля, своеобразие символики и композиционного построения, способы передачи мировоззренческих представлений средневекового человека, проследить разносторонние связи с восточно-христианским миром. Злободневность исследования самобытной фресковой живописи средневекового Крыма определяется также её уникальностью в истории культуры и, несомненно, заслуживают пристального внимания исследователей, изучающих развитие мировой и отечественной культуры.

Специфика фрески как исторического, археологического и религиоведческого источника заключается в том, что, как всякое произведение искусства, она отражает образ мышления создавшего ее мастера. Как самобытное произведение изобразительного искусства ставит дополнительные задачи - расшифровки образности языка стенописи. Как отражение культуры эпохи - является культовым материалом.

Необходимо отметить, что проблема фресковой живописи рассматривается в связи с вопросами христианской культуры как таковой, т.к. развитие фресковой живописи Крыма в контексте христианской культуры является неотъемлемой частью исторических и религиозных процессов данного времени.

Христианизация Таврики была длительным процессом. В XIII веке христианство сделалось господствующей религией, а христианское население было достаточно многочисленным. Вместе с христианством Крым получил уже установившийся образ Церкви в его классической форме, сформированное о ней учение и зрелую, выработанную веками технику иконописи. Принимая новую веру и ее образный язык, население Таврики творчески воплощает их сообразно своим восприятиям христианства.

Крым этой эпохи жил интенсивной художественной и эстетической жизнью. В общем расцвете архитектуры, живописи и литургического творчества именно фресковая роспись занимает одно из передовых положений - как выразитель духовной и культурной жизни. Именно в этот период образный язык росписи достигает своей максимальной выразительности, точности и гармонии одновременно. Он отличается необычной экспрессивностью, непосредственностью, свободой, чистотой тона цвета, силой и радостью света.

Чтобы определить господствующий характер идеалов фресковой росписи, необходимо обратить внимание на выбор самих сюжетов и на точку зрения, с которой они

изображались.

Прорись фрески по О.И. Домбровскому

Рис. 1.1 Эски-Кермен. Фреска храма Трех всадников.

О.И. Домбровский на основе результатов изучения фресковых росписей пещерных храмов Эски-Кермена и его окружи пришел к следующему выводу: «Из многих провинциальных византийских школ живописи та школа, которая в XIII – XIV вв. складывалась в Юго-Западном Крыму, была одной из наиболее поддавшихся столичному влиянию; она тесно соприкасалась с придворным аристократическим искусством Византии» [6, с. 50]. Композиция фрески раскрывает образы святых воинов, воплотивших идеалы доблести, мужества, которые высоко ценились в тревожной, насыщенной опасностями жизни обитателей средневекового Крыма.

Фреска храма Трех всадников близ Эски-Кермена – яркий пример такого воздействия: на стене храма сохранились фрески с изображением трех всадников в развевающихся плащах, трех воинов-мучеников (рис. 1.1).

Достаточное количество образов Св. воинов объясняется почитанием в Таврике в это непростое время. Их культ был особенно распространен в восточных пограничных областях Византийской империи. В Малой Азии и Грузии их образы были обязательными в программе росписи любого, даже самого небольшого храма. Изображение трех всадников уникально, т.к. является ярким примером в формировании местного крымского стиля.

Фреску «Трех всадников» отличает тонкий живописный стиль, который культивировала столичная школа, а Таврика стала их хранителем. Местные живописцы умели сочетать высокое мастерство, тонкий художественный вкус, знание античных образцов и стремление с наибольшей полнотой выразить новые художественные идеи. «Всадники» поражают утонченным благородством своего облика. Развевающиеся патрицианские одежды перекликаются с радужными переливами плащей: на их фоне контрастно выступают с необычайной точностью вылепленные лица, заставляющие

вспомнить работы эллинистических художников. На лицах изображено умиротворение и звучит ликующая одухотворенность, которые характерны уже для эпохи средневековья. Создателей фрески отличает стремление к большой эмоциональной взволнованности, т.к. столичная традиция воспринималась художниками того времени еще не как омертвелая догма, а как живой источник вдохновения. Фреска наполнена живописной свободой, где зоркая наблюдательность мастера проявляется в живом дыхании античности [1, с. 46]. Выполненные фигуры обрамлены строгой рамкой. Фреска «Трех всадников» выделяется на фоне других фресок Крыма того времени экспрессивностью и одновременно большей иконностью, одухотворенностью и даже отрешенностью.

Художники стремятся передать настроение своих героев, внести в их лик тонкие оттенки эмоций, нарушить то вневременное спокойствие и аскетизм, которые переполняли их ранее. Однако передача глубокого душевного мира человека, его индивидуальной психологии в этот период встречается еще редко. Психологизм носит абстрактный, условный, даже где-то абстрактный характер.

Как бы высоко ни ценилось художественное достоинство какой-нибудь из фресок средневековой Таврики, никогда она не удовлетворит в полном объеме эстетически воспитанного вкуса не только по своим пропорциям в рисунке и колорите, но и особенно по той гармонии, какую всегда оказывает на душу художественное произведение. Первый признак фресок средневековой Таврики – отсутствие сознательного стремления к изяществу.

Во фресках XIII – XIV вв., при всей неуклюжести многих фигур в постановке и движениях, при явных ошибках против природы, при невзрачности большей части лиц, ни одному из изображений нельзя отказать в благородстве и одухотворенности характера, которое мог сообщить нам художник только под тем условием, что он сам был глубоко проникнут сознанием святости изображаемых лиц. Эти художественные идеалы, высоко поставленные над всем житейским, идеалы, в которых художники средневековой Таврики выразили свои понятия о человеческом достоинстве и к которым обращались как к образцам святости.

В течение двух веков своего существования палеологическое искусство не было застывшим. Зарождение его основных стилистических черт началось с кон. XII – нач. XIII вв.

Однако при всей стилистической многоликости палеологовского искусства в нем вполне четко вырисовывается определенный ряд черт, присущих только ему и позволяющих говорить о нем как о четко выраженном и цельном этапе, сформировавшемся на территории Таврики. Например, в рисунке фигур, столь многочисленных в палеологовских композициях Крыма, в светотеневой моделировке их ликов сказалось воздействие классических образцов. В удлинённых пропорциях персонажей, типичных для живописи XIII – XV вв., ясно видно подражание произведениям эллинистического периода [1, с. 48]. . Даже в манере письма иногда ощущается непосредственное копирование древнего искусства.

Фреска «Трех всадников» не традиционна, что показывает самобытность и тем самым уникальность общественного уклада Таврики в палеологовскую эпоху, наложившего неизгладимый отпечаток на характер мышления и творчества живописцев Таврики.

Стиль эски-керменских росписей более всего характерен для образцов первой пол. XIII века. Яркость цветов и их разнообразие не создает впечатления пестроты, как это бывает на многих провинциальных памятниках, например, в каппадокийских росписях. Также гармоничное богатство палитры роднит фрески Эски-Кермена с росписью Кинцвиси 1207–1213 гг. [2, с. 225]

Иконография Крыма делает честь культуре: ее представители, стоящие на уровне образованности своего времени, перенесли тяжкие испытания, выпавшие на долю средневековой Таврики. Они не изменили глубокой любви к своему отечеству и народу. Они содействовали своим творчеством сохранению этнокультурного самосознания в трудную эпоху иноземного вторжения и не отступились от своих идеалов и веры.

Фресковая роспись Таврики самими недостатками развития, удержанная в пределах религиозного стиля до позднейшего времени во всей чистоте и непорочности без всяких посторонних примесей осталась искусством церковным, храмовым. Со всей осязательностью внешней формы в ней отразилась твердая самостоятельность и своеобразность именно фресковой росписи Византии, во всем ее несокрушимом могуществе, воспитанном многими веками косности и застоя, в ее непоколебимой верности однажды принятым принципам, в ее первобытной простоте и непосредственности конечно же и суровости нравов. Строгие личности иконописных типов, мужественных подвижников и самоотверженных стариков-аскетов, отсутствие нежности и соблазнов женской красоты, невозмутимое однообразие иконописных сюжетов, отвечающие однообразию молитвы – все это вполне соответствовало суровой действительности средневековой Таврики XIII – XV вв.

Не в меньшей, если не в большей степени синтез местной культуры совершался здесь не столько с элитарной, сколько с западной, латинской, принесенной завоевателями из Генуи и Венеции отчасти. Традиции столичной культуры в некоторых регионах трансформировались с течением времени и не всегда получали, особенно в течение первого столетия господства иноземцев, стимул к дальнейшему поступательному развитию в русле общевизантийского культурного процесса.

История искусства знает такие моменты, когда в пределах одной исторической эпохи создавались различные художественные представления о ней, т.е. складывались разные художественные картины мира. Живописцы Таврики XIII – XV вв. стремились к абсолютно свободному искусству как реализации и воплощению безграничной воли и совершенного мастерства художника. Но в то же время наступило понимание, что, проявляя невнимание к социально-политическим и экономическим проблемам времени, фресковое искусство теряет в значимости. Это заставляло художников создать образ человека-борца, умного, мужественного, несокрушимой энергии и воли, мощного духом.

Ярким примером может послужить изображение Святого Михаила в храме Южного монастыря Мангупа.

В юном лике Михаила нет резких градаций светотеневых планов, густые тени плавно переходят в света и цвета; темно-коричневые контурные линии и штрихи лишь кое-где подчеркивают форму и исчезают, растворяясь в тенях. Воинская одежда архангела выдержана в алых и теплых тонах. На нем красный плащ с концами, связанными узлом на груди, панцирь с нагрудником, украшенным рядами светлых жемчужин и крупных красных камней. Светло-красные ленты диадемы с жемчужинами развеваются за головой на фоне золотистого нимба и сквозят между прядей волос.

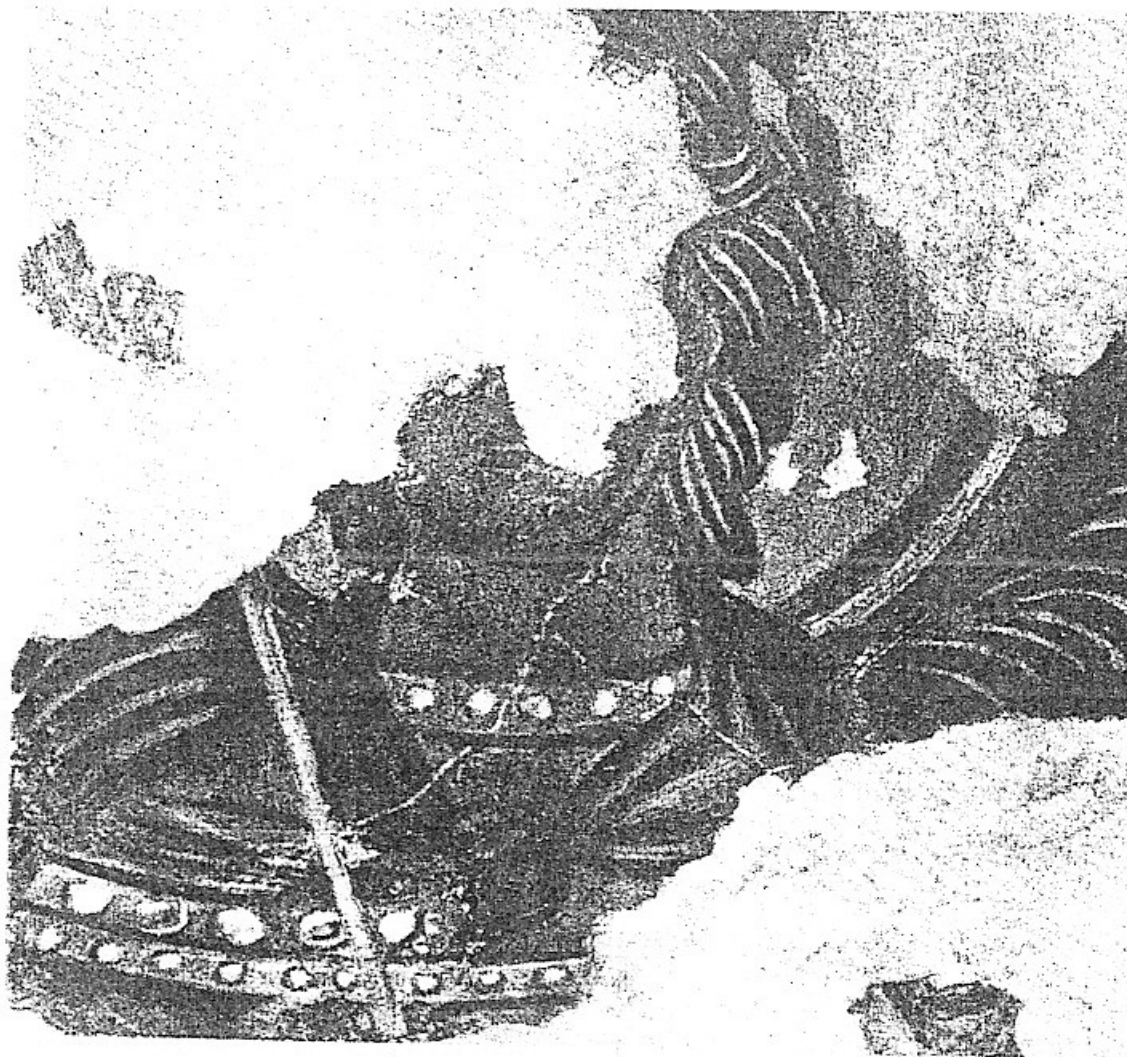

Рис. 2.2. Архангел Михаил. Деталь росписи в Мангупской церкви.
Схема росписи по О.И. Домбровскому

Почти античный рисунок локонов, классический овал лица с несколько массивной нижней челюстью, правильный алый рот, обилие оливковых тонов в тенях лица, непринужденность драпировок, изящный рисунок крыльев, а главное – пластичность форм фигуры, – все напоминает ангелов. Приемы и техника росписи идет от традиций позднеантичной фрески. Самый характер воздействия живописи – духовное горение, подчеркивается через преувеличение «телесного», т.е., подчеркнута большие глаза, мощные широкие плечи, преувеличенный размер фигуры, где сохраняются античные пропорции как таковые.

Обилие образов Св. воинов на стенах крымских храмов, где они, как в данном случае Св. Михаил, чрезвычайно широко был распространен и почитался в Таврике.

Достаточное количество образов Св. воинов объясняется почитанием в Таврике в это непростое время. Не раз отмечалось, что их культ был особенно распространен в восточных пограничных областях Византийской империи. В Малой Азии и Грузии из образы были обязательными в программе росписи любого, даже самого небольшого храма.

В Крыму из 150 церквей, оставленных христианами в 1778 г., 55 были освящены во имя Георгия, Федоров Тирона и Стратилата, Дмитрия Солунского. Одна из церквей Федора Тирона находилась при селе Черкес-Кермен [4, с. 131].

Вообще в видении живописцев Таврики XIII – XIV вв. облакаются в художественную форму исключительно богатые сокровища религиозного опыта, явленные миру целым поколением святых: Св. Федором Стратилатом, Св. Михаилом, Св. Акиндином и др.

Фресковая роспись мистична, сакральна. Она неразрывно связана с духовной жизнью христианина. С личным опытом богообщения, опытом соприкосновения с горним миром. В то же время живопись отражает мистический опыт всей полноты Православной культуры, а не только отдельных ее членов.

Самая ценная черта идеологии, воплотившаяся во фресковой росписи Таврики – вовсе не в повышенном национальном самочувствии, которое с ней связывается, а в мистической глубине, которая в ней открывается.

Выводы и перспективы дальнейших исследований.

Строгие лики святых, мужественных подвижников и самоотверженных аскетов, невозмутимое единообразие иконописных сюжетов, повторяющиеся повсеместно образы воинов-защитников, строгость колорита – всё это вполне соответствовало суровой действительности средневековой Таврики.

В пределах художественного языка именно Таврике дано было явить глубину содержания фрески и высшую степень ее духовности. Фресковая роспись выразила в красках те духовные откровения, которые были явлены миру; не удивительно, что в ней зритель находит необычайную глубину художественного творческого прозрения.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Айналов Д.В. Эллинские основы византийского искусства / Д.В.Айналов. – СПб, 1900. – С. 13 – 54.
2. Амиранашвили Ш.Я. История грузинского искусства / Ш.Я.Амиранашвили. – М.: Наука, 1963. – С. 20 – 250.
3. Бычков В.В. Aesthetica partum. Эстетика отцов Церкви. /В.В. Бычков. – М.: Ладомир, 1995. – С. 158.
4. Гайдуков Н.Е. Новые данные по храмовым росписям Эски-Кермена и его округи / Н.Е. Гайдуков, Э. Н. Карнаушенко, А.В. Джанов // Православные древности Таврики: Сборник материалов по церковной археологии. – К., 2002. – С. 114 – 132.
5. Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры / А.Я. Гуревич. – М.: Наука, 1972. – 287 с.
6. Домбровский О.И. Фрески средневекового Крыма / О.И.Домбровский. – К.: Наукова думка, 1966. – 104 с.
7. Кузнецова Т.Ф. Картина мира / Т.Ф. Кузнецова // Знание. Понимание. Умение. – 2008. – №8. – С. 37 – 44.
8. Могаричев Ю.М. Пещерные церкви Таврики /Ю.М. Могаричев. – Симферополь: Таврия, 1977. – 382 с.
9. Репников Н.И. Эски-Кермен в свете археологических разведок 1928 – 29 гг. / Н.И. Репников // Известия Государственной Академии истории материальной культуры. – 1932. – Т. 12. – Вып. 1-8. – С. 133 – 149.
10. Якобсон А.Л. Средневековый Крым / А.Л. Якобсон. – М. – Л.: Наука, 1964. – С. 11 – 15.

ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЙ ТЕКСТОСТЕРОН: НОВЫЕ РЕДАКЦИИ КРЫМСКОГО ТЕКСТА

Помыслить завершение истории там, где сохраняется пустая форма суверенности, столь же невозможно, как мыслить исчезновение Государства без завершения его исторических фигур, так как пустая форма Государства стремится породить эпохальные содержания, а они, в свою очередь, ищут государственную форму, которая стала, однако, невозможной (именно это происходит в бывшем Советском Союзе и бывшей Югославии).

Джоржо Агамбен. НОМО SACER. Совершенная власть и голая жизнь

Исходя из идеи, что локальный текст культуры развивается по схеме «вызова-и-ответа» - «имперского» вызова и местного ответа, в процессе чего происходит семиотическая мутация, рождение новых сверхсущностей, - автор концепции крымского текста в русской культуре развивает данное научное направление с учетом вызова новых исторических реалий. Среди полемики о принадлежности Крыма сквозь призму идеи «текстуальных империй» все более очевидным становится, что Крым сам по себе является империей, если под этим подразумевать гармоничное сосуществование разных качеств.

Ключевые слова: суверенность, статус, локальный текст, мифология, нелинейная история, наивность, империя.

GEOPOLITICAL TEKSTOSTERON: new editions of the Crimean text

Proceeding from the idea that the local text of culture develops according to the scheme «a call - and - the answer» - the «imperial» call and the local answer in the course of what there is a semiotics mutation, the birth of new super-essence, - the author of the concept of the Crimean text in the Russian culture develops channelized scientific taking into account a call of new historical realities. Among polemic about ownership of the Crimea through an idea prism of «textual empires» more and more obvious becomes that the Crimea in itself is the empire if to mean harmonious coexistence of different qualities by it.

Keywords: sovereignty, status, local text, mythology, nonlinear history, naivety, empire.

Что там пресловутая трещина – Большой Крымский каньон прошёл через сердце культуролога. Большинство крымских друзей приветствуют изменение статуса Крыма, часть москвичей недовольна формой событий, а киевлян – и содержанием тоже. Объяснение ищу у Джоржо Агамбена, указывающего, что «суверенное государство основывается на «идеологии возможности», которая заключается в том, чтобы «привести к единству два элемента любой власти... принцип возможности и форму его исполнения» [1, с. 65].

Если обратиться к истории, то короткие вспышки крымской суверенности то гаснут втуне, то порождают новые миры глобальных измерений и качеств. Взять хотя бы судьбоносное крещение в Херсонесе (как итог осады города) древнерусского князя Владимира Святого, за которым последовало и крещение Киевской Руси как таковой.

Обычное состояние Крыма – быть прекрасной провинцией того или иного государственного образования, обычно имперского, хотя для древних греков это был не сладостный юг, а крайний север, с именно здесь, в «киммерийской печальной области», расположенным входом в подземное царство Аид. Я, впрочем, на одной теледискуссии об имперском контексте крымской темы однажды заявил: «Крым – сам по себе империя, если под империей подразумевать более-менее гармоничное сосуществование разных этносов». В

самом деле, здесь происходило немало военных конфликтов и социальных катаклизмов, но не могу упомянуть ни одного большого межэтнического столкновения – даже на почве этнических зачисток. Не было тут, в частности, в отличие от прогремевших этим окружающих пространств, еврейских погромов.

Бывало, здесь образовывалось сразу несколько вполне самостоятельных государств (Херсонес, Боспорское царство). С XII по XV век в юго-западной части полуострова существовало княжество Феодоро, с которым желал династически породниться великий князь московский Иван III. Высшим же выражением политической субъектности Крыма стало Крымское ханство. Хотя оно находилось в формальной зависимости от Османской империи, силовые линии по осям Бахчисарай–Варшава–Москва были определяющими в системе международных отношений XV–XVIII веков, заложив фундамент пресловутого «изобретения Восточной Европы» [3].

После присоединения Крыма к России в 1783 году территория стала обычной – Таврической – губернией, включающей большую часть современной Херсонской области (Северная Таврия) вплоть до 1917 года, когда опять началась череда крымских суверенитетов. Надо сказать, раскачать ситуацию здесь в том году было гораздо сложнее, чем на других просторах Российской империи. Февральско-мартовская революция первоначально именовалась в Крыму, как отмечают крымские историки А.Г. и В.Г. Зарубины, «событиями в Петрограде» [6]. Смена власти и формы правления были встречены большинством крымчан скорее с безразличием, нежели с восторгом или неприятием. В районе Черного моря, в отличие от Балтики, особая революционная подготовка не велась. Однако революция пришла в армию и флот... «по приказу высших начальников». Не кто иной, как командующий Черноморским флотом адмирал Колчак распорядился об освобождении из тюрем политзаключенных, роспуске полиции, жандармского корпуса и формировании городской милиции. Здесь был опубликован приказ Петроградского совета №1 и дублирующий его приказ военного и морского министра А.И. Гучкова, которые отменили звание «нижние чины», ограничения гражданских прав солдат и матросов, титулование офицеров. Смягчалась кара за дисциплинарные проступки. Тут подоспели и газеты из Петрограда и Москвы, а количество газет социалистического направления, призывавших к низвержению государственного строя и разложению дисциплины в армии и на флоте, начало расти. На флоте появились агитаторы, и вскоре настроение команд изменилось. Именно грамотные офицеры, чуждые войне и казарменному образу жизни, прапорщики, вольноопределяющиеся из «интеллектуалов», во множестве возглавившие армейские и флотские комитеты, столь же во множестве возникавшие весной 1917 года, и стали проводниками революционных идей. Таким образом, всю послефевральскую Россию можно представить в виде гигантского открытого информационного пространства, нуждавшегося в адекватном – в смысле соответствующего языка, своевременности и содержательности – наполнении. Однако ввиду отсутствия информации, необходимой для эволюционной трансформации социума, развитие ситуации стали определять слухи, наветы, демагогическая ложь.

В основе революционаризма солдатской массы было архаичное неполитическое бунтарство, в результате чего новая революция оказалась чрезвычайно примитивной по своей человеческой природе (впрочем, любая революция – в той или иной мере проявление социальной энтропии, осложняемой в некоторых случаях территориальным размежеванием). Как описывал осень 1917 года в Крыму участник событий полковник Николай Кришевский, «хотя и нет в Севастополе убийств, подобных кронштадтским, но есть что-то липкое, цепкое, ползучее, что-то нездоровое, не революционный подъем и красота, а страх и заискивание перед загадочной матросской и солдатской массой». Эта масса, внешний для Крыма элемент, и стала главным двигателем социалистической революции. 16-17 ноября 1917 года Губисполком созвал Всекрымский съезд Советов (Симферополь). Он девятью голосами против семи объявил Октябрьскую революцию «преступной авантюрой», признал решения II Всероссийского съезда Советов неправомочными и констатировал необходимость передачи

власти «Таврическому съезду представителей городских дум, земств, демократических и националистических организаций», или «демократическому совещанию Тавриды». Однако в итоге его ждала судьба Учредительного собрания в Петербурге.

В результате непростого сплетения социальных и геополитических процессов по инициативе Ленина в Крыму в марте 1918 года была провозглашена Таврическая Республика Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов (Республика Таврида), вскоре переименованная в Таврическую ССР. Был сформирован местный Совет народных комиссаров в составе 8 большевиков и 4 левых эсеров. Деятельность учреждений республики была направлена на преобразования в духе казарменного военного коммунизма. В собственность республики перешли: железнодорожный транспорт, торговый флот, многие предприятия, банки, связь, внешняя торговля, леса, крупные имения, имущество церковных и религиозных общин, гостиницы, постоянные дворы, меблированные комнаты, театры, кинематографы, музыкальные предприятия, аптеки (вскоре денационализированы), отчасти типографии. Все недра земли и моря – руды, соль, воды, нефтяные источники – были объявлены достоянием всего народа и Республики Тавриды. Однако эксперимент с первым крымским социалистическим суверенитетом оказался непродолжительным. Уже в следующем месяце отряд армии созданной по условиям Брестского мира Украинской Народной Республики вторгся на территорию республики, открыв дорогу двигавшимся вслед немецким войскам.

После ухода из Крыма немецких оккупационных войск правительство С. Сулькевича 15 ноября 1918 года мирно передало власть второму Крымскому краевому правительству во главе с С. Крымом, местным караимом, кадетом, избранным Крымским земством. Это было, по словам В. Набокова, отец которого был в этом правительстве министром, одно из «героических краевых правительств, что создавались в русской глуши горстками демократов для отпора диктатуре большевиков» [13].

По мнению крымского социолога и философа О.А. Габриеляна, для Крыма геополитический фактор является ведущим. Он задает общее направление развития этой территории. То есть влияние внешних по отношению к Крыму сил является определяющим. Вместе с тем внутреннее давление места на «физические» свойства и функции социального обустройства Крыма также имеет особое значение. Если осмысливать историю Крыма в понятиях «провинция» и «периферия», то, безусловно, первое понятие более точно отражает специфику этого региона [4, с. 6]. Под провинцией понимается социально-территориальное образование, имеющее свою историю, культуру, этнос, религию и даже государственность – всё то, что делает это образование особенным, уникальным. Периферия же – всего лишь окраина, то, что выброшено из центра и влачит маргинальное существование. В общепринятой терминологии вместо понятия «провинция» употребляется слово «регион». Региональные политики – за редким исключением – не обращаются к профессиональным историкам, культурологам, краеведам, хотя именно историческая и культурологическая характеристики региона и должны являться исходной концептуальной основой любых преобразований, выбора общих ориентиров социально-экономического развития. Сама мультикультурность крымского сообщества переводит проблему национальной идентичности в плоскость культурной идентичности. Такой перевод оказывается эффективным и результативным. «Культурная демократия» ведет к тому, что каждая «партия» возвращается к своей культуре и пытается лучше ее понять.

Между тем меняется и сама методология гуманитарных исследований. На стыке разных отраслей гуманитарных наук в России осуществляется формирование новой научной традиции концептуализации и исследования текстов культуры (супертекстов) разного уровня, что приобретает характер текстуальной революции современного гуманитарного знания.

Механизм становления локального текста подчинен схеме «вызов - ответ». В каждом из этих текстов возникает внутреннее напряжение между внешним (классическим,

«столичным») взглядом и внутренним, «местным» ответом. Закладка Новой столицы происходила «перед лицом всей Европы» и имела по отношению к ней форму «исторического ответа», но также «опричного» вызова России как таковой. Ответом на имперский романтический («туристический», по определению М. А. Волошина) миф Тавриды стал «внутренний» миф Киммерии [2, с. 217], который, впрочем, А. А. Ахматовой тоже казался неуместным «вызовом», почему она полемически идентифицировала себя в своем крымском измерении как «последняя херсонидка» [8, с. 240]. Ответом на поверхностно-идеологическое рассмотрение Сибири представителями русской классической литературы, позволявшей, в частности, Л.Н. Толстому стать «толстовцем», было литературное и общественное движение «областничества». Урал – тоже место поиска общей, но «геологически обоснованной истины» [10, с. 78-79]. В конечном счете, самой концепцией Петербургского текста и сам В.Н. Топоров бросил методологический вызов России и та ответила ему текстуальной революцией гуманитарного знания.

Вызов В. Топорова заключался в заявленной эксклюзивности данной концепции, постулирующей ее «непереносимость» на другие пространства. Ответ – в повсеместном учреждении разнообразных локальных «текстов культуры» разного уровня и масштаба. Внимательное изучение данных наработок позволяет сделать вывод, что, как правило, весь уже накопленный здесь материал является не поверхностным подражанием, как это может показаться на первый взгляд, а ответом самого российского пространства, со всеми его особенностями, и всего ранее сформировавшегося комплекса гуманитарного знания на глубинные потребности национального семиозиса. В то же время учреждение локальных текстов культуры нередко обнаруживает, пользуясь выражением Э. Гуссерля принципиальную методологическую наивность, которая отличается от обыденной наивности лишь тем, что является «наивностью более высокого ранга» [9, с. 77] (что, в частности, проявляется в смешении тематических и текстуальных аспектов в процессе проблематизации предмета исследования). Возникновение каждого нового типа семиозиса и семиосферы представляет собой не что иное как *семиотическую мутацию* [5, с. 11]. Сама по себе семиотическая мутация возникает в ситуации, описанной А. Тойнби как механизм «Вызова-и-Ответа». В общем же механизме поиска, отбора и внедрения семиотической мутации видится аналогия с синергетическим механизмом самоструктурирования социума.

«Даже в этом неполном виде (т.е., еще не столь семантически насыщенном, как пространство Петербургского текста.- А.Л.) портрет Земли весьма информативен, - пишет он в статье “К реконструкции балто-славянского образа земли-матери”, . – он характеризуется двумя сотнями ключевых слов, которые в сочетании с словом Земля и некоторыми другими словами – как полнозначными, так и служебными – образуют большое количество контекстов... Из этих контекстов легко составляются тексты, чаще всего вполне самостоятельные. Одни из этих текстов довольно близки (или даже просто тождественны) известным и реально засвидетельствованным текстам, другие дают возможность реконструировать “потенциальные” тексты, которые некогда могли существовать, но в русской или славянской традиции не сохранились. Тем более важны такие потенциальные “микротексты”, если они находят подтверждение в родственных культурно-языковых традициях – балтийской, древнеиндийской, древнеиранской, древнегреческой, древнегерманской и других, и в таком случае позволяют приблизить потенциальную реконструкцию неизвестного славянского фрагмента к реальной ... Учитывая множество подобных “микротекстов” и целый ряд некоторых более пространственных текстов, можно утверждать, что в распоряжении исследователя оказывается и значительная часть морфологического инвентаря и даже ряд синтаксических схем, а иногда и некоторые элементы поэтики соответствующих текстов, что также повышает надежность реконструкции» [11, с. 272-273]. «Реконструкция» места В. Топорова – типологический ответ на вызов М. Хайдеггера, настаивавшего в своем на том, что наш язык и наши земные пределы — это та открытость, в которую мы выходим по ту сторону нашего собственного

«я», наших привычек, истории и мира как такового. «Наше место — в той темной и расплывчатой экстратерриториальности, которая и есть теперь фундамент нашего дома. Таковы исторические координаты земного существования, которое настойчиво вопрошает нас, не предлагая комфорта воспроизводства тех готовых локальных истин, которых мы жаждем, тех «истин», которые только укрепляют нас в нашем эгоизме и ставят нас в центр мира. Именно эту экстратерриториальность, открытость Хайдеггер называет местом нашего бытия» [12, с. 41]. В этой парадигме текст культуры – это явление «нелинейной» истории, последовательное развитие темы на основе постоянных «ядерных» признаков.

Значение культуры заключается в умении преобразовать политические вызовы, равно как и предвосхищать их, с учетом семантической избыточности. «В случае суверенного исключения речь в действительности идет не столько о том, чтобы контролировать или нейтрализовать избыточность, сколько о том, чтобы в первую очередь создать или определить само пространство, в котором политико-правовой порядок мог бы иметь силу. В этом смысле это историческое исключение является фундаментальной локализацией (*Ortung*), которая не ограничивается различием, но устанавливает между ними границу (чрезвычайное положение). Начиная с которого внутреннее и внешнее вступают в те сложные топологические отношения, которые делают возможной действенность порядка» [1, с. 27].

Отмечу именно текстологическую недоработанность формулировки вопросов, вынесенных на референдум 16 марта 2014 года, «вызывающе» изменивший статус Крыма: «“Вы за воссоединение Крыма с Россией на правах субъекта Российской Федерации?” или: “Вы за восстановление действия Конституции Республики Крым 1992 года и за статус Крыма как части Украины?”». А если кто-то хочет сохранить статус-кво? На это указывает, помимо политических и юридических претензий, заключение Венецианской комиссии (Европейской комиссии за демократию через право), сделанное на 98-м пленарном заседании 21-22 марта 2014 года: «Свод рекомендуемых норм при проведении референдумов требует, чтобы вынесенный на голосование вопрос был сформулирован ясно, он не должен вводить участников референдума в заблуждение, он не должен содержать в себе подсказки ответа, избиратели должны быть информированы о последствиях референдума, участникам голосования должна быть предоставлена возможность отвечать на вопросы только “да”, “нет” или опустить незаполненный бюллетень». Кстати, приведенная выше формулировка референдума 1991 года о восстановлении крымской автономии была более обтекаемой, несмотря на то, что основные указанные в ней реалии вскоре прекратили свое существование. Хотя в бюллетене отсутствовало какое бы то ни было упоминание Украины, сама Украина была не против (подвергнув, впрочем, вскоре его результаты своей интерпретации).

Формулировки всех текстов должны быть точными, емкими и открытыми, не только учитывать «имперский вызов», но и прислушиваться к местному ответу. Поскольку в заключении Венецианской комиссии оговаривается незнание конкретной ситуации на месте, основанные на формальных принципах выводы носят предварительный характер и должны быть подтверждены непосредственным изучением ситуации. Всё это наглядно демонстрирует важность и даже политическое значение чтения текстов культуры в их структурной целостности и коммуникативном потенциале. Может быть, после весеннего референдума стоит провести и референдум осенний, по итогам курортного сезона? Ведь если крымчан считают по весне, то некрымчан – по осени...

Пока крымская суверенность предстает лишь в качестве инструмента для изменения территориальной принадлежности. Наблюдается не повышение, а политическое и культурное растворение Крыма в общероссийском пространстве с промежуточным заявленным, но не получившим реального развития проектом «Новороссия» как примером «учреждения возможности» (по Д. Агамбену). Новый политический крымский текст, по которому тоже полезно было бы провести пару международных конференций, проходя сквозь вертикальные мифологические измерения, действует в координатах горизонтальной политической

коммуникации с помощью неакадемического языка народной политики. Филолог А. Корчинский следующим образом раскрывает политическое бессознательное этого языка. Националисты думают, что присоединение Крыма – это «русский» и/или «имперский» поворот власти. «Старые» левые уверены, что речь идет о «коммунистическом постскрипуме». Обыватель блаженно возвращается в солнечную грезу об «Артеке» и «всесоюзной здравнице» [7].

Если же ограничиться ожидавшим почти четверть века востребованности своей суверенности и готовым к своей инструментальной роли мнением населения самого Крыма, то здесь преобладают носители российской мифологии, желавшие воссоединиться с мифическим же образом метрополии, за исключением значительной части крымских татар и этнических украинцев. Долгое время и из Киева, и из Москвы крымчанам с практически одинаковой силой убедительности говорили «нельзя», но когда этот апофатический тандем распался, большинство высказались за отсоединение от Украины. Пойти по этому же суверенному пути выразили желание и часть жителей (само)провозглашенных Донецкой и Луганской Народных Республик. Однако их суверенность оказалась еще более инструментальной в общем проекте (или всё же политической утопии?) «Новороссия».

Согласно проведенной украинскими наблюдателями дифференциации, Донбасс – это продукт не российской, как Крым, а уже советской мифологии. Он заселен людьми советской закалки, которых принято обозначать обидным словом «совки». В советское время эти люди, в отличие от крымских пенсионеров и квартиродатчиков, были привилегированной кастой, несмотря на то что в массе своей это низкоквалифицированная рабочая сила. Нигде больше низкоквалифицированных работников не баловали такими зарплатами и такими почестями, как на советском Донбассе. В те времена крымская молодежь охотно ехала на Донбасс в не всегда оправдывавшейся надежде на высокие заработки. Теперь это место приложения сил «красных» аксеновых (дети родили своих отцов, если вспомнить, кем был отец Василия Аксенова). «Остров Крым» – продукт скорее мифологии антисоветской. Одноименный роман Аксёнова 1-го находился на столах не лишенных революционных устремлений «внутренней геополитики» (определение Вадима Цымбурского) творцов Республика Крым, как «Вертер» – в ранцах солдат Наполеона.

Д. Агамбен пишет: ««Юридически пустое» пространство чрезвычайного положения... прерывает свои пространственно-временные границы и, выйдя за их пределы, стремится отныне стать всеобщим, совпасть с нормальным порядком...» [1, с. 53]. «Вежливо» начавшаяся после и отчасти вокруг Крыма Первая мировая местечковая война – позволим себе островную метафорическую вольность – может привести к необратимым социальным изменениям, а может просто запутаться, как в колючей проволоке первой из мировых, в энергетических обходных (северном и южном) «потоках».

Список использованных источников:

- Агамбен Д. НОМО SACER: суверенная власть и голая жизнь. М.: Европа, 2012.
- Волошин М. А. Коктебельские берега. Симферополь, 1990.
- Вулф Л. Изобретая Восточную Европу. М.: НЛО, 2003.
- Габриелян О. А. Политические процессы в Крыму. Последнее десятилетие XX века. Спецкурс. Под ред. к. и. н. В. П. Петрова. - Симферополь: Таврия, 2000.
- Гриценко В.П. Культура как знаково-семиотическая система. Автореферат дисс. док. филос. наук. М., 2000.
- Зарубин А.Г., Зарубин В.Г. Крым в 1917 году: от эйфории марта к конфронтации октября // историческое наследие Крыма. 2006, № 14: <http://a-pesni.org/grvojna/kr/a-krym1917.php>.
- Корчинский А. Еще раз о прагматике «нового политического языка». Явление жертвы в имперском языке: новые травмы вместо проработки старых // Гефтер. 16.-4. 2014: <http://gefter.ru/archive/12041>

- Найман А. Г. Рассказы о Анне Ахматовой. М., 2009.
Свясяян К.А. Феноменологическое познание. Ереван, 1987.
Славникова О. А. 2017: Роман. М.: Вагриус, 2006.
Топоров В.Н. Исследования по этимологии и семантике. Т. 4. Кн. 1. М., 2010.
Чемберс Й. Рамки земли: Хайдеггер, гуманизм и «Дом» // НЛЮ. № 114 (2012. № 2).
Эндель М. Крым и Соломон Крым // Booknik. 14.03. 2014:
<http://booknik.ru/yesterday/lost-books/krym-i-solomon-krym/>
E. Husserl. Formale und transcendente Logik. Halle, 1929.

МАРЫЧЕВ В. В.

ОСНОВНЫЕ ПРИЧИНЫ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ

Аннотация

Исследование причин инновационного развития связывается с разрешением многих социальных проблем современного общества. Поэтому в статье подробно рассматриваются основные причины инновационного развития в общественных сферах и общественных институтах, такие как постоянное изменение окружающей среды, необходимость преодоления порогов и кризисов, инновационная грамотность, цикличность общественного развития, научность инновационного развития. Вместе с этим проводится анализ сущностных характеристик причин инновационного развития, связь с экономикой и научно-технической составляющей общественного развития.

Abstract

Research the causes of innovation development is associated with the resolution of many social problems of modern society. Therefore, the article details the main reasons of innovative development in the public spheres and public institutions, such as constantly changing environment, the need to overcome thresholds and crises, innovative literacy, cyclicity of social development, scientific innovation development. Along with this, the analysis of the essential characteristics of the causes of innovation development, the relationship with the economy and scientific-technical component of social development.

Сегодня с инновационным развитием связывается разрешение многих социально-экономических, политических проблем общества, создание высокотехнологичных производств, прогрессивных технологий и услуг, а также появление новых потребительских ценностей, их распространение и использование в качестве готовых продуктов.

Понятие «инновация» в переводе с латинского означает обновление, изменение, применение чего-то нового. Использование этого термина началось в 30-е годы XX века в США в виде таких понятий, как «инновационная политика фирмы», «инновационный процесс» и др. В то же время понятие «инновация» имеет прямое отношение не только к социально-экономическим, политическим и научно-техническим проблемам развития общества, но и к переменам в стиле мышления и образе действий, которые ими обусловлены. Следовательно, инновационное развитие сегодня это реальность и атрибут нашего общества

Далее выделим причины инновационного развития. Первая, базисная причина инновационного развития это постоянное изменение окружающей среды (социально-экономической, политической, природной и даже духовной). Вторая причина, напрямую следующая из первой – необходимость преодоления кризисов, достигнутых рубежей развития и порога эффективности, присущих каждому этапу развития на всех его уровнях.

Здесь остановимся для уточнения. Как мы понимаем развитию всех социально-экономических и антропогенных систем присущи некоторые общие законы и закономерности, а также определяющие их факторы. Под антропогенной системой понимается совокупность взаимосвязанных и взаимодействующих объектов (экономических, технических, биологических, общественных), представляющая собой целостную систему, возникшую в результате целенаправленной деятельности человека.

Законы развития отличаются от законов организации и функционирования. Законы развития отражают механизмы качественного преобразования систем, раскрывают пути возможных переходов от одного качества к другому. Законы функционирования отражают взаимодействие элементов, пространственно-временные и причинно-следственные связи между ними, взаимодействие системы с окружающей средой.

Как раз базовой причиной, определяющей развитие вышеназванных систем является необходимость преодоления: а) порога эффективности, характеризующего определенный этап развития системы, и б) периодически возникающих дисбалансов, отклонений, нарушений и прочих деструктивных явлений (кризисов), присущих развитию и процессам, происходящим в любой общественно-экономической системе.

В части а) указанная необходимость обусловлена постоянным ростом потребностей человека, семьи, общества и, в то же время, неудовлетворенность достигнутым, стремлением его превзойти. Так, например, каждый общественный строй отличается предельными возможностями производительности труда. Поэтому необходимость роста производительности труда обусловила, прежде всего, переход от первобытного к рабовладельческому строю, от рабовладельческого к феодальному, от феодального к капиталистическому и т.д.

Всем антропогенным системам присущ указанный фактор. Например, возможности производительной эффективности при использовании энергии воды и ветра имели свои пределы, которые были преодолены созданием парового двигателя, за ним последовал двигатель внутреннего сгорания, затем электродвигатель и т.д. Предельные возможности винтовой авиации по высоте и скорости были преодолены созданием реактивного двигателя.

В части б) разновидностью деструктивных явлений, например, на макроуровне являются всевозможные кризисы: экономические, энергетические, экологические, демографические, духовные и т.п. На микроуровне – перепроизводство, снижение или потеря рыночного спроса и потребительского интереса, неудовлетворенные общественные потребности и ожидания, противоречия во взаимоотношениях экономических агентов рынка, кризисы неплатежей, потери конкурентных преимуществ и разорения предприятий. Необходимость преодоления последствий деструктивных процессов порождает поиск других процессов, в основе которых должно быть нечто новое, ранее не имевшее места (не применявшееся) и обеспечивающее дальнейшее развитие.

Таким образом, сами по себе предельные возможности и деструкции выступают или служат мотивирующим фактором крупных социально-экономических и технических преобразований. Например, по причине общественного распада и сокращения численности населения в Европе XVII–XVIII веков, нехватке трудовых ресурсов в условиях ручного малопроизводительного труда (деструктивный процесс по отношению к способу жизнедеятельности) во многом была обусловлена первая промышленная революция – переход к машинному производству.

Характерен пример России, когда из-за деструктивных процессов в ходе первой мировой войны и в силу порожденных ею и ускоренных деструктивных процессов в мире, и в российском обществе в частности, стали возможны революции 1917 года. По сути, многие социально-политические потрясения являются следствием деструктивного хода общественного развития, как бы компенсируя деструкции и обеспечивая возможность возвращения социальной системы в более оптимальное состояние [1, с. 213-214].

Таким образом, инновационность в развитии общества представляет собой способ реагирования на деструктивные процессы и кризисы в обществе, на необходимость

преодоления достигнутых рубежей во всех его сферах, в результате происходит движение ко все более эффективному высокотехнологичному производству и расширяющемуся использованию знания. На этом фоне весьма логичной представляется Стратегия инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года, утвержденная Правительством РФ 8 декабря 2011 года № 2227-р, которая «призвана ответить на стоящие перед Россией вызовы и угрозы в сфере инновационного развития».

Поэтому к причинам инновационного развития следует отнести и инновационную грамотность, как обязательное условие грамотного подхода к решению экономических, политических, научно-технологических и социальных задач. При этом крайне важно представление о причинно-следственной обусловленности и сущностной природе инновации [2, с. 138-157] в ее широком понимании, исходя из социальной практики, а не из отдельных частных, ее составляющих.

К этой причине примыкает и то обстоятельство, что ни один из действующих сегодня законодательных актов и нормативных документов Российской Федерации не содержит таких базовых положений и определений понятий «инновация», «инновационная деятельность», «инновационный процесс», «субъект инновационной деятельности», «результаты инновационной деятельности», «инновационное предприятие», «инновационный цикл» и т.д., а также разграничения понятий и статуса субъектов научной, научно-технической, инновационной деятельности.

Далее, необходимо указать причину цикличности инновационного развития, так как все общественные системы развиваются циклически и каждому циклу присущи предельные возможности и деструкции, преодолев которые система переходит на следующий (более высокий по своим возможностям) цикл развития. В цикле инновационного развития отражаются три его стадии: зарождение, расцвет, закат (исчерпание присущих ему возможностей).

Начальный этап цикла (зарождение) соответствует моменту возникновения и начала реализации присущего данному циклу замысла. Второй этап (расцвет) связан с воплощением замысла в развернутые организационно-структурные решения и, наконец, третий этап (закат) соответствует завершающему периоду существования нового решения, когда достигаются его предельные возможности. Как правило, на начальной стадии реализация нового решения приносит экономический эффект, намного меньший по сравнению с уже имеющимися решениями предшествующего цикла. Эта разница определяет одну из составляющих присущего развитию риска.

Из циклического характера развития системы и необходимости решения задачи преодоления следует, что переход к очередному циклу развития требует создания или поиска и включения в процесс средств и процедур, выводящих систему на более высокий по эффективности уровень и повышающих ее предельные возможности. Создание или поиск таких возможностей, он же способ, основой которого являются найденные средства и процедуры, и есть инновация. Сами средства и процедуры могут быть новыми (специально созданными для данного случая), а может быть новое использование уже существующих средств и процедур.

Принципиально то, что новизна, которая является характеристическим признаком инновации, относится не к средствам и методам, а к способу их использования. Указанными средствами – инновационными факторами являются научно-технические разработки, технологии, изобретения, организационно-управленческие и экономические принципы и процедуры, способом и следствием применения которых могут быть принципиально новые (или с новыми свойствами) продукты, технологическая, организационная и управленческая база производства, система реализации продукции.

Так, доиндустриальные инновационные уклады базировались на мускульной энергии животных и человека. Основу этих укладов составляли изобретения, усиливающие мускульные возможности человека и животных: колесо, рычаг, винт, редуктор, гончарный круг, меха в кузницах и т. п.

Инновационным фактором и средством первой промышленной революции явилась механизация с ее радикальными индустриальными технологическими укладами, базирующимися на использовании энергии воды и ветра, энергии пара (паровая машина, паровой двигатель, локомотив).

Аналогично, для второй промышленной революции (конец XIX – середина XX века) главный инновационный фактор – автоматизация, а также принцип «разделение труда» между машиной и человеком, применение которого резко увеличило эффективность экономики, как на макро-, так и микро- уровнях. Сюда относятся индустриальный технологический уклад, базирующийся на использовании электрической энергии, развитии на этой основе тяжелого машиностроения, электротехнической и радиотехнической промышленности, использовании энергии углеводородов, применении двигателя внутреннего сгорания, электродвигателя.

Для начавшейся третьей промышленной революции главные инновационные факторы – информатизация, компьютеризация и роботизация со своими индустриальными технологическими укладами, опирающимися на возможности электронной техники и атомной энергетики, микроэлектроники, информационных технологий, геномной инженерии, биотехнологий и нанотехнологий.

Причины инновационного развития обуславливают категориальную сущность инновации, как нового способа решения задачи преодоления (кризиса, достигнутого предела, отставания в конкурентной борьбе, последствий деструктивных процессов), в основе которого: – новые научные знания или новое использование ранее полученных знаний; – изобретения, новые технологии или технологии новые для данной сферы применения; – новые комбинации производственных факторов, организационно-экономические процедуры.

Инновационный процесс не ограничивается только сферой технологии, но и включает институциональные, организационные и управленческие инновации. Так одним из ключевых факторов инновационного развития, как в части мотивации последнего, так и в реализации инновационных проектов является финансовая составляющая. Инновации обеспечивают дополнительную прибыль, повышение эффективности деятельности организации, получение социально-экономического эффекта, не только при осуществлении финансовых вложений, но и при эффективном управлении финансами. При принятии финансовых решений ключевую роль играет способность адекватно оценивать мотивы предпринимаемых действий, анализировать рыночную информацию, прогнозировать возможные действия конкурентов.

При этом особое значение придается проведению пофакторного (причинного) анализа экономической устойчивости и чувствительности инновационных решений с целью определения их «узких мест» и риск-факторов. Исходя из изложенных обусловленности и сущности инноваций не является корректной практика, когда понятия «инновация» и «инновационный» используются для характеристики научно-технологических процессов, а также в качестве синонимов научно-технического или технологического «нововведения» или выражения «базирующийся на новых научно-технических или технологических разработках». Равно, как не приемлемо и то, что инновации представляются направлением научно-технического прогресса (прежде всего высокотехнологичной его составляющей), связанным с внедрением результатов научных исследований и разработок в практику. Именно из этих посылок выводятся два ложных следствия: а) любая научно-техническая деятельность и все, что ее обеспечивает, объявляется инновационной, по той лишь причине, что ее (деятельности) целью провозглашено получение результатов, которые предстоит внедрять в производство, продукты, процессы; и б) инновационная политика и научно-техническая политика практически отождествляются. Вот почему при рассмотрении всех аспектов инновационного развития необходимо исходить из обусловленности и сущности инновации [3, с. 78-80].

Сущность инновации в контексте инновационного развития обуславливается следствиями, которые имеют принципиальный характер. Во-первых, вне задачи получения результатов инновация смысла не имеет.

Во-вторых, «инновационная деятельность» – это не вид, и тем более не сфера, а характер деятельности. Инновационной сферы, как предметной области, не существует, так как любая деятельность и в любой сфере – от экономики до образования, искусства и даже политики – может быть инновационной, если в нее привносится новое (знания, технологии, приемы, подходы) не новизны ради и не с целью подтверждения возможности практического использования нового, а исключительно для получения результата, отличающегося высокой востребованностью (социально-общественной, рыночной, оборонной и т. п.), и потому что «старое» себя (свои возможности) исчерпало.

В-третьих, «инновация» не тождественна «нововведению», а лишь связана с ним, в том смысле, что нововведение в виде новых знаний, методов, приемов является причиной инновационности. Если научно-техническая разработка и изобретение – это новый продукт, то инновация – новая результативность для человека и общества.

В-четвертых, в отличие от научного поиска (творчества), идущего изнутри субъекта, инновационный поиск мотивируется внешней средой.

В-пятых, инновация не может быть абсолютной, в том смысле, что она всегда привязана к месту (внешним и внутренним условиям) и времени, более того, она вытекает из них.

Из сущности инновации также следует, что инновации мотивируются общественными институтами и оцениваются ими же, а вовсе не наукой или стремлением «внедрить науку в производство». Не наука создает инновации, инновации порождают различные общественные институты (экономические, политические, культурные). Наука же создает некий инструмент (ресурс), как средство, позволяющее этот способ реализовать, т. е. наука является поставщиком инновационных ресурсов, необходимых для инновационного развития.

И если научные исследования и экспериментальные разработки (научно-техническая деятельность) подразумевают творческую деятельность, предпринимаемую на систематической основе с целью увеличения объема знаний, включая знания о человеке, культуре и обществе и использование этих знаний для новых применений, то инновационной деятельностью являются научные, технологические, организационные, финансовые и коммерческие действия, реально приводящие к осуществлению конкретной инновации или задуманные с этой целью, т. е. особенностью инновационной деятельности является ее адресность. Отличительной же особенностью научно-технической деятельности является ее цель: увеличение объема знаний и использование этих знаний для новых применений вообще. Эти особенности исключительно важны для инновационного развития и для разработки надлежащей инновационной политики, т. е. понимания того, что оба вида деятельности взаимосвязаны, но не тождественны.

Научные исследования оказывают на инновационную деятельность, как правило, лишь косвенное воздействие. Наука не определяет динамику инновационного процесса и не является первым звеном этого процесса. Она должна располагать потенциалом, адекватным потребностям развития. Инновационная идея рождается не в научной сфере, а в сфере общественных институтов. Поэтому инновационный процесс не только завершается в общественных институтах, но и, как следует из мировой практики, в 80% случаев начинается (порождается) в них, и лишь в 20% случаев его порождает научно-технологическая сфера.

Научное знание отличается всеобщей доступностью, вне зависимости от авторской и географической принадлежности. Необходимым условием успешного применения такого знания является не столько участие в его создании, сколько способность осознать сущность этого знания, возможности его использования в единстве с имеющейся технической, социальной, экономической инфраструктурой. Следует учитывать, что развитие науки без обеспечения необходимости и возможности практического использования ее результатов

может привести (и приводит) не к росту, а относительному спаду общественного богатства. Побуждать и обеспечивать развитие науки должны задачи, идущие от общественных институтов [1, с. 220-221].

Показателен такой экономический пример. В мировой экономике есть понятие «справедливая цена», суть которой, применительно к сельхозпроизводителю, в том, что она определяет ценовой порог, при котором сельхозпроизводитель не разорится и ему государством гарантируется эта цена, даже при падении закупочных цен ниже ценового порога. Если сельхозпроизводитель модернизирует (на основе инноваций) свое производство, сокращает при этом затраты, то увеличение его дохода (дополнительная прибыль) полностью принадлежит ему. Тем самым мотивируется инновационный процесс. Таким образом, «справедливая цена» способствует инновационному развитию реального сектора экономики страны. При этом цель государственного регулирования заключается в том, чтобы создать нормальную конкуренцию, способствующую инновационному развитию путем использования в производстве достижений научно-технического прогресса.

Что касается экономики вообще, то его целью является получение максимально возможной прибыли. И если достижение этой цели возможно без всяких инноваций, тогда они (инновации) бизнесу не нужны. К тому же, инновационному бизнесу присущи риск и отсроченность прибыли, т. е. сначала с известной долей риска реализуется инновация и лишь спустя некоторое время, также с определенным риском, будет получена прибыль. Поэтому, если можно получать прибыль не ниже инновационной, и притом без рисков и временного лага, никакими призывами, увещеваниями и принудительными мерами отношение бизнеса к инновациям не изменить. Используя другой язык, можно это условие кратко сформулировать так: пока инновационная рента будет существенно ниже всех остальных видов ренты (природной, властной) переход к инновационной экономике невозможен. Именно наличие указанных или близких к ним условий демонстрируют такие государства, как Япония, Китай, Южная Корея, страны ЕС, США, Великобритания и др. В этих странах интегральным обстоятельством, побуждающим к инновациям, является конкурентная борьба за более высокие прибыли и рынки. Этими условиями обеспечивается естественность процесса так называемой модернизации, как результата инновационного развития, причем, без принятия специальных государственных программ.

Итак, мы выделили основные причины инновационного развития в общественных сферах и институтах (постоянное изменение окружающей среды, необходимость преодоления порогов и кризисов, инновационная грамотность, цикличность общественного развития, научность инновационного развития), а роль государства в инновационном развитии – это, прежде всего, создание среды и условий осуществления эффективного инновационного развития в обществе.

Список использованных источников

1. Ващенко В.П. О факторах инновационного развития // Альманах «Наука. Инновации. Образование». № 14. – Языки славянской культуры, 2013.
2. Ващенко В. П. Еще раз о сути инноваций // Альманах «Наука. Инновации. Образование». № 10. – Языки славянской культуры, 2011.
3. Ващенко Т. В. Поведенческие факторы, влияющие на процесс принятия финансовых решений хозяйствующими субъектами российского рынка // Финансовый менеджмент. № 2. –М., 2008.

ПРОБЛЕМА ПОСТИЖЕНИЯ ФЕНОМЕНА СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ИДЕИ И. А. ИЛЬИНА: ИСТОРИОСОФСКИЙ АНАЛИЗ В КОНТЕКСТЕ ПРИКЛАДНОЙ ПОЛИТОЛОГИИ НА ФОНЕ ПОИСКА ИДЕОЛОГИИ В ПОЛИКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Аннотация:

Масаев М. В. Проблема постижения феномена социалистической идеи И. А. Ильина: историософский анализ в контексте прикладной политологии на фоне поиска идеологии в поликультурном пространстве

В рамках поставленной проблемы политическая философия И. А. Ильина, сумевшего фокуснически поменять символ «социализма» на симулякр «социальности» и объявить капитализм не капитализмом («это не будет «буржуазный строй», а строй правой свободы и творческой социальности»), а основанном на «частной инициативе и частной собственности» обществом высшей справедливости, является философией спекулятивной. Ни в России, ни на Украине, исходя из анализа сегодняшних политических реалий, основанное «на частной инициативе и частной собственности» общество не стало обществом высшей справедливости.

Ключевые слова: социализм, социальность, симулякр, политическая философия. социализм.

Summary:

Masayev M. V. The Problem of Study the Phenomenon of I. A. Ilyin's Socialist Idea: Historiosophy Analyses in the Context of Applied Politology on the Phone of Ideology Search in Multicultural Space

To the works of the outstanding Russian philosopher I. A. Ilyin (1882-1954) are turning more and more often. An example is numerous conferences devoted to the analysis of his legacy.

Unfortunately, these references are associated mainly with religious and cultural component of his work. And this is not surprising. In sharply and dramatically changing world, it's just safe to modern scientists, referring to the work interesting philosopher in the past. We also wrote about the philosophy of art I. A. Ilyin. Is it important to analyse ideas I. A. Ilyin on federalization? It is important, but dangerous. To raise the question of socialism in the works of I. I. Ilyin may be less actual, but more secure.

The novelty of the work lies in the historical and philosophic analysis of the problem through the prism of the conception of paradigmatic images and symbols of epochs, civilizations and nations and in the context of applied politology.

Thus, within the problem of political philosophy of I. A. Ilyin, who can focusness to change the symbol of "socialism" by simulacrum "sociality" and declare that capitalism is not capitalism ("this will not the "bourgeois order", but the order of the right freedom and creative solidarity"), and based on private initiative and private property" the society of the higher justice is a speculative philosophy. Neither in Russia, nor Ukraine, proceeding from the analysis of today's political realities, based on private initiative and private property" society has not become a society of higher justice.

Keywords: socialism, sociality, simulacrum, political philosophy.

Постановка проблемы. Актуальность. Проблема поиска и надлежащего применения некоей единой универсальной идеологии интересовали человечество с незапамятных времён. На наш взгляд, одним из апогеев этого поиска была реализация в России коммунистической

идеи, воплотившаяся в строительстве, как многие когда-то полагали (а есть и те, которые полагают и сейчас), идеального общества. Одним из непосредственных участников этого процесса, пережившего начало эпохи великих перемен и потрясений был Иван Александрович Ильин. Вот почему к творчеству выдающегося русского философа И. А. Ильина (1882-1954) обращаются всё чаще и чаще. Пример тому – многочисленные конференции, посвящённые анализу его наследия.

К сожалению, эти обращения связаны, главным образом, с религиозной и культурологической составляющей его творчества. И это не удивительно. В резко и катастрофически меняющемся мире это просто безопасно для современных учёных, обращающихся к творчеству интересного философа недалёкого прошлого. Писали о философии искусства И. А. Ильина и мы [1, с. 308-316].

До сих пор современные исследователи недостаточно обращаются к политической составляющей философии И. А. Ильина. Интересны его работы о федерациях и псевдо-федерациях [2-6]. Но современные учёные и России, и Украины не спешат решиться на публичный анализ этих работ. Поднять вопрос об умершем и в России, и в Украине социализме не так опасно, как анализировать вопрос о федерализме. В России федерализм – основа российского государственного устройства, а на Украине серьёзная постановка вопроса о федерализации уже привела к неутрахающей кровопролитной войне, в которой кроме украинцев уже погибли и голландцы, и малайзийцы, и индонезийцы, и австралийцы, и канадцы, и бельгийцы, и британцы.

Актуально проанализировать идеи И. А. Ильина о федерализации? Актуально, но опасно. Поднять вопрос о социализме в творчестве И. А. Ильина менее, может быть, актуально, но более безопасно. Что мы и делаем.

Объект исследования – философия И. А. Ильина.

Предмет исследования – философская рефлексия у И. А. Ильина социалистической идеи в плане прикладной политологии.

Цель работы – показать спекулятивность философии И. А. Ильина в рефлексии социалистической идеи, заменяющего символ социализма симулякр социальности и пытающегося замаскировать основанный «на частной инициативе и частной собственности» капитализм.

Методика исследования основывается, в частности, на разработанной нами концепции парадигмальных образов и символов эпох, цивилизаций и народов, которая изложена в книгах «Философия истории» [7], «Curriculum vitae парадигмальных образов и символов эпох и цивилизаций» [8] и диссертации на соискание учёной степени доктора философских наук [9] и многочисленных статьях. Особенно применимы в настоящем исследовании идеи Ж. Бодрийера и Е. Г. Прилуковой о симулякрах, развитые нами в статье «Экономическая категория среднего класса как симулякр справедливости капиталистического общества» [10, с. 75-78] и в нашей докторской диссертации [9, с. 8].

Новизна работы заключается в историософском анализе поставленной проблемы сквозь призму концепции парадигмальных образов и символов эпох, цивилизаций и народов и ракурсе прикладной политологии.

Всю жизнь увлекавшийся философией Г. В. Ф. Гегеля (в 1918 г. он защитил по философии Г. В. Ф. Гегеля и магистерскую, и докторскую диссертации), И. А. Ильин начал как мыслитель социалистических идей. «Было время, когда среди русской интеллигенции господствовало воззрение, что «порядочный человек не может не быть социалистом» и что «только социализм» осуществит на земле свободу, равенство, братство и справедливость», – писал И. А. Ильин [11, с. 37]. Философ полагал себя «порядочным человеком» и принимал социализм безоговорочно.

В Советской России, пользуясь благосклонным отношением большевиков к «алгебре революции», как называл философию Г. В. Ф. Гегеля А. И. Герцен (на что указал сам В. И. Ленин в статье «Памяти Герцена»), И. А. Ильин смог защитить и магистерскую, и докторскую диссертации по философии. Но ужасы гражданской войны и первых лет

Советской власти, от которых возопил даже пролетарский писатель А. М. Горький, заставили И. А. Ильина эмигрировать. В эмиграции бывший убежденный социал-демократ сблизился с белоэмигрантами и продолжил активно «изживать» свой социализм.

Со временем, «изживая» социализм, философ пришел к мнению, что социализм и социальность – не одно и то же. «Социальность», по определению И. А. Ильина – «это живая справедливость и живое братство людей» [12, с. 39]. «Социальность» есть цель и задача государственного строя, создаваемого, по слову Аристотеля, «ради прекрасной жизни». «Социализм» же есть только один из способов, предложенных для осуществления этой цели и этой задачи» [12, с. 40].

Разделив социальность и социализм, делая «социализм» как бы частью «социальности», философ пошел дальше. Он объявил социализм и социальность несовместимыми [12 с. 39-42].

«Социализм» у него стал «антисоциален», «искать социальности надо в ином, новом, несоциалистическом строе» [11, с. 38].

«Мы, русские христиане, по-прежнему будем искать в России социального строя. Однако на основах частной инициативы и частной собственности» [11, с. 38], – писал философ в 1948 г. Он умер в 1954 г.

В 1991 г. советский народ попытался искать новый социальный строй «на основах частной инициативы и частной собственности». Что из этого получилось, мы увидели. Советский Союз был развален на 15 государств. Сейчас их уже 17, не считая Приднестровья, Донецкой и Луганской народных республик. Социализма нет, нет и социальности. На основах частной инициативы и частной собственности выросли олигархические государства со всеми вытекающими отсюда последствиями.

К апологии такого общества И. А. Ильин пришёл, заменив ставшее символическим понятием слово «социализм» на симулякр «социальность», прикрыв им понятие «капитализм».

Стимулируя обращение к философии И. А. Ильина, власти надеются, что его спекулятивная философия поможет людям изжить в себе пережитки коммунистического прошлого.

Вот только то, что произошло в голове тонкого интеллигента, вряд ли произойдет в головах трудящихся масс. Они этой философии не поймут. А если и поймут, то эффект может быть обратным. Почему думающие и соображающие лучше властей философы и не решаются затрагивать эту щекотливую тему. Но в философии, как и в политике, останавливаться в страхе и растерянности нельзя.

Таким образом, проведя историософскую рефлексию в свете концепции парадигмальных образов и символов эпох, цивилизаций и народов и прикладной политологии, можно заключить, что диалектик-гегельянец И. А. Ильин заменил символ социализма на симулякр социальности и прикрыл им общество, основанное «на частной инициативе и частной собственности».

В статье мы показали некоторую спекулятивность политической философии И. А. Ильина, а власть предрешающим следует понять, что на спекулятивной философии далеко не уедешь. Опасно. А потому мы считаем поставленную нами цель достигнутой.

Вывод: в рамках поставленной проблемы политическая философия И. А. Ильина, сумевшего фокуснически поменять символ «социализма» на симулякр «социальности» и объявить капитализм не капитализмом («это не будет «буржуазный строй», а строй правой свободы и творческой социальности» [11, с. 38]), а основанном на «частной инициативе и частной собственности» [11, с. 38] обществом высшей справедливости, является философией спекулятивной. Ни в России, ни на Украине, исходя из анализа сегодняшних политических реалий, основанное «на частной инициативе и частной собственности» общество не стало обществом высшей справедливости.

Список использованных источников:

1. Масаев М. В. Философия искусства И. А. Ильина в свете концепции парадигмальных образов и символов эпох, цивилизаций и народов (философско-исторический анализ) / М. В. Масаев // *Історія філософії у вітчизняній духовній культурі [Текст] / відп. ред. Аляев Г., Суходуб Т. / Т-во рос. філ. при Укр. філ. фондї; Полтавський нац. тех., ун-т ім. Ю. Кондратюка; Ін-т філософії ім. Г. С. Сковороди НАН України; Центр гум. освіти НАН України. – Полтава: ООО «АСМІ», 2014. – 816 с. – (серія «Український часопис російської філософії. Вісник Товариства російської філософії при Українському філософському фондї»; вип. 11). – С. 308-316.*
2. Ильин И. А. Что такое федерация? / И. А. Ильин // *Ильин И. А. Собрание сочинений: В 10 т. – Т. 2. – Кн. 1 / Сост. и коммент. Ю. Т. Лисица; худож. Л. Ф. Шканов. – М.: Русская книга, 1993. – 496 с. – С. 206-209.*
3. Ильин И. А. О псевдо-федерациях / И. А. Ильин // *Ильин И. А. Собрание сочинений: В 10 т. – Т. 2. – Кн. 1 / Сост. и коммент. Ю. Т. Лисица; худож. Л. Ф. Шканов. – М.: Русская книга, 1993. – 496 с. – С. 209-214.*
4. Ильин И. А. Жизненные основы федерации / И. А. Ильин // *Ильин И. А. Собрание сочинений: В 10 т. – Т. 2. – Кн. 1 / Сост. и коммент. Ю. Т. Лисица; худож. Л. Ф. Шканов. – М.: Русская книга, 1993. – 496 с. – С. 218-221.*
5. Ильин И. А. Федерация в истории России I / И. А. Ильин // *Ильин И. А. Собрание сочинений: В 10 т. – Т. 2. – Кн. 1 / Сост. и коммент. Ю. Т. Лисица; худож. Л. Ф. Шканов. – М.: Русская книга, 1993. – 496 с. – С. 244-247.*
6. Ильин И. А. Федерация в истории России II / И. А. Ильин // *Ильин И. А. Собрание сочинений: В 10 т. – Т. 2. – Кн. 1 / Сост. и коммент. Ю. Т. Лисица; худож. Л. Ф. Шканов. – М.: Русская книга, 1993. – 496 с. – С. 247-250.*
7. Масаев М. В. Философия истории. Учебно-методическое пособие. / М. В. Масаев / Министерство образования и науки Украины. Министерство образования и науки Автономной республики Крым. Республиканское высшее учебное заведение «Крымский гуманитарный университет». – Симферополь: Доля, 2008. – 304 с.
8. Масаев М. В. *Circulum vitae* парадигмальных образов и символов эпох и цивилизаций. Монография / М. В. Масаев. – Симферополь: ДОЛЯ, 2011. – 512 с.
9. Масаев Михайло Володимирович. Парадигмальні образи і символи у трансформаційних процесах епох і цивілізацій (філософсько-історичний аналіз). Автореферат дис.... доктора філос. наук. – Дніпропетровськ, 2013. – 36 с.
10. Масаев М. В. Экономическая категория среднего класса как симулякр справедливости капиталистического общества / М. В. Масаев // *Сучасна економічна теорія та пошук ефективних механізмів господарювання / Матеріали IV Міжнародної науково-практичної конференції (11-12 березня 2011 року). – Сімферополь. – Саки: ПП «Підприємство Фенікс», 2011. – 417 с. – С. 75-78.*
11. Ильин И. А. Изживание социализма / И. А. Ильин // *Ильин И. А. Собрание сочинений: В 10 т. – Т. 2. – Кн. 1 / Сост. и коммент. Ю. Т. Лисица; худож. Л. Ф. Шканов. – М.: Русская книга, 1993. – 496 с. – С. 37-39.*
12. Ильин И. А. Социальность или социализм? / И. А. Ильин // *Ильин И. А. Собрание сочинений: В 10 т. – Т. 2. – Кн. 1 / Сост. и коммент. Ю. Т. Лисица; худож. Л. Ф. Шканов. – М.: Русская книга, 1993. – 496 с. – С. 39-42.*

КРЫМ В СИСТЕМЕ ИСТОРИЧЕСКИХ И АКСИОЛОГИЧЕСКИХ КООРДИНАТ «РУССКОГО МИРА»

Существует мнение, что Крымский полуостров – это прежде всего заповедник этнокультурного опыта человечества. Проще говоря, Крым - это метакультурная модель, предполагающая как актуальный диалог живущих на полуострове этносов, так и диалог наших современников во времени и пространстве с уже канувшими в Лету.

Если расшифровать эту модель, то Крым предстаёт в виде ареала, вбирающего в себя не только автохтонные, но и внешние влияния: он оформился в ходе многовековой эволюции жизни различных этнических групп (киммерийцы, скифы, готы, греки, армяне, славяне, татары, караимы и проч.), и при том, как реальная площадка для их диалога (полилога) и взаимовлияния. Но, очевидно и другое: последние два с половиной столетия доминантой культуры Крыма явилась высокая русская культура, которая детерминирована православной традицией.

И хотя в Крыму действительно есть культурные слои различных эпох, вариации типов социальности (от античности – до протектората Османской империи, от гражданской войны – до украинского «менеджмента» полуострова после распада Союза ССР), основной их скрепой служит та система координат, которая позволяет связывать эпохи и культуры, народы и цивилизации.

По сути дела на эту систему координат указал президент РФ В.В. Путин, выступая в Кремле перед депутатами Госдумы, членами СФ и общественностью страны 18 марта 2014 года. Он подчеркнул: «Крым буквально все пронизано нашей общей историей и гордостью. Здесь древний Херсонес, где принял крещение князь Владимир. Его духовный подвиг – обращение к православию – предопределил общую культурную, ценностную, цивилизационную основу, которая объединяет народы России, Украины и Белоруссии. В Крыму – могилы русских солдат, мужеством которых Крым в 1783 году был взят под Российскую державу. Крым – это Севастополь, город-легенда, город великой судьбы, город-крепость и родина русского Черноморского военного флота. Крым – это Балаклава и Керчь, Малахов курган и Сапун-гора. Каждое из этих мест свято для нас, это символы русской воинской славы и невиданной доблести».

Дабы высказанный и проиллюстрированный цитатой тезис не выглядел гипотетическим, нужно обратиться к краткой реконструкции исторического процесса (точнее, вполне определенной группы процессов), напрямую связанных с Крымом.

Далее вполне уместно указать на объективные исторические ритмы (циклы), имплицировавшие культурно- и социогенез, в т.ч., задавшие аксиологические (нормативные и регулятивные) основания бытия. В пределе - отформатировавшие конкретные антропологические сюжеты.

Речь идет о:

- ритмах античного мира (колонизация, трансмиссия греческой культуры и дублирование полисного устройства жизни);
- «ритмах Евразии» (преимущественно, монгольском и тюркском приходе «цивилизации степи» с её кластером ценностей);
- ритмах византийской христианской империи (духовной и политической экспансии, организации локального угла имперской инфраструктуры);
- древнерусских ритмах (во многом, служивших «ответом» на экспансию «Великой степи» и Византии);
- ритмах Османской империи (создание «дочерних» государств, с их культурно-политическим центростремительным движением);
- московско-русских и романово-имперских ритмов (выразившихся в морском и континентальном «опоясывании» территории Крыма, причем, не только как «ответ» на

вызовы «Великолепной Порты» и ее вассалов, но и как собственный имперский модернизационный проект);

- ритм послереволюционного «белого» исхода элиты романовской империи (конституирование русской государственности и её институтов в Крыму);

- ритм советской модернизации (инфраструктурные проекты, позже переданные от РСФСР в кураторство УССР);

- ритм включения Крыма в структуру унитарной украинской государственности (с процедурой делегитимации автономии);

- новый модернизационный ритм, возникший и развивающийся новый российский проект, но как следствие краха украинской государственности, плюс как инерция романовско-советских имперских притязаний.

Собственно весь приведенный срез не учитывает полноты и целостности исторической процессуальности. Причина тому, индуцирующие технологии в историческом познании. Таковые, полнота и целостность, могут быть дедуцированы благодаря введению в дискурсивные практики концепта «Русский мир», имеющего культурно-историческое, цивилизационное, социологическое и антропологическое, наконец, ценностное звучание.

Тем самым требуется некоторая феноменологическая сосредоточенность на выработке образа Крыма, как фундирующего «Русский мир» региона, с учетом гео- и хроноисторических реалий, цивилизационной и антропологической комплиментарности и конвенциональности.

По моему мнению вопрос о Крыме можно и нужно ставить в поствизантийской плоскости.

По большому счету нужно говорить о восстановлении цивилизационной памяти и связанном с нею «механизме» инверсии. Думается, память должна инверсировать к устойчивой структуре – цивилизационному $\alpha\pi\tau\eta$, к бытийному истоку, о забвении которого нас предупреждал тот же К.Н. Леонтьев. Естественно, речь идёт о Византии и «византизме», к реальности которых недавно достаточно удачно апеллировал о. Тихон (Шевкунов) в своём фильме «Гибель империи. Византийский урок». Между прочим, о той Византии, которую в своё время не понял и не принял Запад (вспомним реакцию И.-Г. Гердера, Г.В.Ф. Гегеля и других европейских интеллектуалов), но которая, между прочим, характеризуется «вселенским значением своего наследия» (Н.А. Нарочницкая).

В этом наследии помимо переменных величин, входящих в исторический проект (элиты, этнические группы, социальные страты и т.д.), следует обнаружить и предать герменейе восточнохристианские цивилизационные константы. На этом пути можно и нужно восстановить: а) утраченное христианское чувство Истории, «привязывающее» нас к определенной «оси» и контрадикторное секулярно-просвещенческому и гедонистическо-постмодернистскому кластерам; б) представление о природе свободы и о её мере в жизни человеческих сообществ; в) универсальную, софийную перспективу сосуществования этносов, культурных укладов, традиций; г) идею коллективной ответственности за уникальное (созданное Богом) природное окружение; е) универсум трансцендентных ценностей, обеспечивающих поддержание ценностей земного порядка.

Разумеется, осуществление цивилизационного сдвига в указанном направлении – дело настоящего и будущего, хотя субъект этого процесса – «византийское содружество наций» (Д. Оболенский), включавшего в себя Балканы, Ближний Восток, Кавказ, собственно «Русский мир», пока пребывает в аморфном и демотивированном состоянии. Но та историческая «ось» (Константинополь – Киев – Москва), которая была положена восточнохристианской цивилизацией, и та структура, которая возводилась на ней – «Русский мир», дают повод к умеренному оптимизму.

СОЦИАЛЬНО-ЭТИЧЕСКИЙ МАРКЕТИНГ КАК ПЕРСПЕКТИВНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОГО БИЗНЕСА

Современные условия развития общества характеризуются с одной стороны бурным развитием научно-технического прогресса, а с другой – ухудшением экологической ситуации, нехваткой природных ресурсов, снижением уровня жизни населения, значительным ростом социальных проблем. В этой связи, компании, которые ведут свой бизнес, ориентируясь исключительно на получение прибыли, начинают терять доверие потребителей. Все это обуславливает повышенное внимание руководителей компаний к использованию концепции социально-этического маркетинга.

Концепция социально-этического маркетинга пришла на смену концепции традиционного маркетинга в 70-х годах XX века. При этом акцент был сделан на комплексную маркетинговую деятельность, направленную на удовлетворение потребностей целевого рынка и одновременно учитывающую социальные и этические потребности общества в целом [1].

Основной целью предприятий, реализующих данную концепцию, является максимально возможное удовлетворение потребностей и запросов целевых рынков при условии сохранения трудовых, материальных, энергетических и других ресурсов, а также охраны окружающей среды.

Концепция социально-этического маркетинга предполагает использование следующих обязательных условий:

1. Основная цель предприятия должна состоять в удовлетворении разумных, здоровых потребностей потребителей в соответствии с гуманными интересами общества.

2. Предприятие должно быть постоянно занято поиском возможностей создания новых товаров, наиболее полно удовлетворяющих потребности покупателей. Оно должно быть готовым к систематическому внесению в товары усовершенствований в соответствии с потребностями и запросами покупателей.

3. Предприятие должно отказываться от производства и продажи таких товаров, которые противоречат интересам потребителей вообще и особенно, если они могут причинить вред потребителю и обществу в целом.

4. Потребители, опираясь на собственные действия и общественное мнение, должны поддерживать только те предприятия, которые проявляют заботу об удовлетворении нормальных здоровых потребностей носителей платежеспособного спроса.

5. Потребители, заботясь о сохранении и повышении качества жизни, не будут покупать товары таких предприятий, которые используют экологически вредные технологии даже для производства нужного обществу товара.

6. Предприятие должно создавать и внедрять в практику такие программы социально-экономического развития, которые служат не только интересам самого предприятия и его трудового коллектива, но и полезны для социального развития региона, в котором это предприятие функционирует [1].

Среди мероприятий, реализующих концепцию социально-этического маркетинга, можно назвать следующие:

1. Стимулирование продаж посредством вовлечения покупателя в оказание социальной поддержки нуждающимся. Например, регулярные отчисления в Фонд защиты животных, помощь детям-сиротам, малоимущим и т.д.

2. Проведение крупными брендами тематических акций с целью формирования позитивного имиджа. Например, систематическое проведение фирмой AVON кампании против рака груди, в рамках которой на вырученные средства закупается диагностическое оборудование, популяризируются среди населения методы самообследования и т.п.

3. Фандрайзинг – процесс привлечения крупных брендов к благотворительным программам в рекламных целях. Как правило, фандрайзинг используется некоммерческими организациями для решения тех или иных социальных проблем. В результате, бренд получает позитивную рекламу, некоммерческие организации – необходимые финансовые ресурсы для реализации социальных инициатив, а общество – возможность решения, хотя бы частичного, наиболее острых социальных вопросов [3]. Такое финансовое сотрудничество некоммерческого сектора и бизнеса широко распространено при решении проблем в социальной сфере, науке, образовании, культуре, здравоохранении, медицине, экологии.

Таким образом, применение концепции социально-этического маркетинга позволяет компаниям получить конкурентное преимущество благодаря формированию у населения репутации надежной организации, которая предлагает общественно полезные продукты и своей деятельностью способствует повышению качества жизни общества в целом.

Список использованных источников

1. Концепция социального маркетинга [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://center-yf.ru/data/Marketologu/Koncepciya-socialnogo-marketinga.php>
2. Метод построения капитализма с человеческим лицом [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://memosales.ru/osnovi/metod-postroeniya-kapitalizma-s-chelovecheskim-licom>

НОРМАНСКАЯ Ю. В.

ПАВЕЛ ЕВДОКИМОВ. «ЭТАПЫ ДУХОВНОЙ ЖИЗНИ». ОПЫТ АНАЛИЗА

Normanska Iuliia. Paul Evdokimov. «Stages of the Spiritual Life». The experience of study.

The author has analyzed the thinker Evdokimov P. vies regarding to the problem of spiritual life. The author also has analyzed ideas of Evdokimov P. and the famous American philosopher and psychologist William James by using research comparative method. Much attention is paid to philosophers attitude which are mainly concerning to the psychology of religion.

Subject spiritual efforts in the modern post-Christian and post-modern era needs a clear understanding and articulation. Religion is the most ancient and integral part of the spiritual culture of the people. A large part of the population of Russia national identity which has a close relationship with the Orthodox Church.

The spiritual life begins with some bright event very often. Faith and hope are born, but over time it runs. Stress occurs. Soul torn dissonance. One begins to see his own cross. This cross is made of human weakness and vices. Man must love his cross. This means that we must accept yourself.

Analysis showed that Evdokimov P. and William James have similar points of view on this issue.

В ряду русских религиозных философов имя Павла Евдокимова встречается редко. Он пока не снискал такой славы, как его современник В.Н. Лосский, но, однажды познакомившись с его наследием, уже не можешь не обращаться к нему в дальнейшем.

Павел Николаевич Евдокимов (1901 – 1970) является представителем «второй волны» русского зарубежного православного богословия. Он был профессором Свято-Сергиевского богословского института в Париже. По словам ученика П.Н. Евдокимова Оливье Клемана, Павел Николаевич был для него «живым синтезом... религиозной философии, византийской и святоотеческой традиции и французской мысли» [3, с. 225]. Клеман называл В.Н. Лосского и П.Н. Евдокимова своими учителями, говоря, что первый – скорее богослов, а второй –

религиозный философ. Он писал: «С Лосским учишься по-другому думать, с Евдокимовым – по-другому чувствовать».

По мысли О. Клемана, П.Н. Евдокимов был особенно близок к Бердяеву, чью концепцию о свободе он смог прояснить. Он приводит две пронзительные фразы Павла Николаевича: «Бог может все, кроме как заставить человека любить себя» и «Всякая великая любовь обречена на распятие» [там же, с. 225].

Свои главные книги П. Евдокимов написал, будучи зрелым человеком: ему было уже за пятьдесят. Вероятно, наиболее важным его произведением являются «Этапы духовной жизни». Такой точки зрения придерживается Оливье Клеман.

На наш взгляд, данная работа П.Н. Евдокимова очень актуальна в наши дни. Для определенной части современного общества характерен интерес к проблемам духовности, духовной жизни. Об этом может свидетельствовать даже беглый просмотр популярной литературы, посвященной проблемам так называемого «личностного роста», личной эффективности, которая, в числе прочего, подразумевает заботу о душе, и пр., не говоря уже о более серьезных научных трудах.

Современному человеку трудно жить. Он, по меткому выражению известного кинорежиссера Роллана Быкова, «шизофренизирован», у него нарушен изначальный баланс ума, чувств и тела. «Ум» доминирует, параллельно замораживаются «чувства» и блокируется «тело», делая актуальным шекспировский призыв «зову я смерть!» [См. 1]. Устав от подобного рода эрзац-жизни, человек пытается хоть что-то изменить, обращаясь к различного рода «духовным практикам», благо дефицита информации по этому вопросу не наблюдается. Справедливости ради следует отметить, что нередко она относится к неоиндуистскому, неоязыческому и буддистскому дискурсам. Однако, принимая во внимание, что, пусть хотя бы по формальному признаку (прохождение обряда крещения), большинство населения России являются православными христианами, представляется целесообразным проанализировать православную литературу по этому вопросу на примере книги П. Евдокимова «Этапы духовной жизни».

В данной работе, впервые опубликованной в 1964 г. на французском языке, а затем переведенной и изданной на русском, можно выделить следующие магистральные темы: преодоление атеизма, ответы на вопросы о грехе и спасении во Христе через «стяжание Духа Святого».

П.Н. Евдокимов полагает, что при всей неповторимости людских судеб существует определенное сходство между этапами духовной жизни каждого человека, похожее на ритм возрастных изменений. Какими бы ни были внешние обстоятельства, личная духовная тема остается неизменной: призыв, который требует ответа. Такое «сочетание данного и предложенного образует то, то Евангелие называет личным крестом человека» [3, с. 69].

Где бы человек ни находился, какой бы деятельностью не занимался, ему не удастся избежать обращения к этой проблеме. Если решение может варьироваться, меняя дальнейшее направление жизненного пути, то ВОПРОС никуда не денется. Он как бы «встроен» в личность и избавиться от него практически невозможно.

Какую функцию выполняет духовная жизнь? П.Н. Евдокимов на этот вопрос отвечает так: «Принять свой «крест» – значит предугадать главную тему своей судьбы, раскрыть ее смысл, понять себя» [там же, 69].

Именно духовная жизнь заставляет человека покинуть зону комфорта и двигаться вперед. Обращаясь к религиозной психологии, П.Н. Евдокимов выделяет три этапа такого развития: предварительное единство индивида, острый конфликт духовного и эмпирического, их интеграция.

Чаще всего духовная жизнь начинается с события, которое именуют «обращением». Его внешняя оболочка не играет большой роли. Важны внутренние переживания, которые потрясают человека, пробуждают его от бытийного сна. Это может быть книга, случайно услышанная мелодия, чайка, парящая над бескрайним морским простором. Евдокимов

подобрал потрясающе выразительные слова для описания этого состояния: «религиозная весна в мощартовской тональности» [там же, 70].

Немногим более полувека до выхода в свет «Этапов духовной жизни», американский ученый У.Джемс, изучая случаи обращения к вере или религиозного возрождения, в своей классической работе «Многообразие религиозного опыта» обратил внимание на то, что «одним из самых частых последствий этого явления бывает полное преобразование всего существующего в глазах субъекта. Новое небо и новая земля» [2, с. 129]. Под переживанием обращения Джемс понимал то, что находившиеся ранее на периферии сознания человека религиозные мысли, отныне стали занимать его центр.

Все ли люди потенциально способны пережить обращение? В Библии сказано о «бесплодных смоковницах». У. Джемс говорит о двух главных причинах такого рода «бесплодия»: интеллектуальные (пессимизм, материалистическое мировоззрение, агностицизм) и «анестезия религиозного чувства», делающая душу слепой и глухой к религиозной вере.

Однако радостно-младенческое, блаженное и благодное состояние обращения довольно быстро проходит. «Лицо Отца принимает черты Сына, и нас изнутри осеняет Его Крест» (П. Евдокимов). И собственный крест человека становится все более явным. Все сильнее ощущается его тяжесть, все больше сгибается спина под кажущейся непосильной ношей. В душе нарастает напряжение, порой доводящее до грани отчаяния. Так бывает... У. Джемс писал, что меланхолия является существеннейшим моментом всякого подлинного религиозного развития [там же, с. 35].

В качестве примера, иллюстрирующего подобного рода ситуацию, П.Н. Евдокимов приводит известнейшую притчу о том, что некий человек возроптал на свою судьбу. Тогда ангел показал ему множество крестов и предложил выбрать любой из них. В конце концов, человек, сам того не подозревая, выбрал свой собственный крест, тот, который еще совсем недавно казался ему непосильным.

Отцы Церкви говорят, что крест каждого человека сделан из его слабостей, немощей и пороков. А вся их совокупность и образует то подлинное «Я», которое наличествует «здесь и сейчас».

П.Н.Евдокимов напоминает, что заповедь «возлюби ближнего своего как самого себя» подразумевает любовь к самому себе, т.е. своему кресту. А это означает принять себя таким, каким есть: «Этот важнейший момент – встреча самим собой – требует обнажения, прямого взгляда на самого себя, проникающего в самые потаенные уголки души» [3, с. 71]. Но чем тогда такое изучение себя отличается от философских размышлений, например, Шопенгауэра или Ницше? Подобным вопросом задавался и У.Джемс. Называя настроения философов полными глубокой и благородной печали, он, тем не менее, жестко указывал, что «часто это было лишь несдержанное раздражение против мира. И произведения обоих немецких философов местами напоминают болезненные стоны пойманных в западне крыс. Им не достает той очищающей ноты, которая составляет отличительную черту религиозной печали» [2, с. 45].

Выход из давящего одиночества – смирение и доверие к Богу: «Да будет воля Твоя»... И тогда, после такой «личной Пятидесятницы» (П.Евдокимов), начинается собственно духовная жизнь.

Однако, человеческая природа такова, что полное примирение со всей совокупностью вещей и явлений невозможно. У. Джемс указывал, что учения, в которых не уделено хотя бы какое-то внимание проблемам горя, страдания и смерти, проигрывают системам, в границах которых данные элементы присутствуют. Поэтому, по его мнению, самыми полными религиозными системами являются те, в которых развиты пессимистические элементы, в частности, христианство и буддизм [там же, с.139].

Современного ему человека П.Н. Евдокимов описывает как возбужденного, переутомленного индивида, страдающего нервным истощением. Человек XXI века таков

же...Есть ли альтернатива? Есть. Представляя образ духовного человека, П.Н. Евдокимов приводит слова Евагрия, которые берут за душу и дарят надежду:

Он отделен от всего и со всем соединен;
Бесстрастный и преисполненный чувствительности,
Обоженный, он считает себя сором мира.
Более всего он счастлив,
Божественно счастлив.

Список использованных источников

2. Баскаков В.Ю. Танатотерапия: теоретические основы и практическое применение» / В.Ю. Баскаков. – М. : Институт общегуманитарных исследований, 2007. – 176 с.
3. Джемс У. Многообразие религиозного опыта. Репринтное издание 1910 г.. – М. : Издательство «Андреев и сыновья», 1992.
4. Евдокимов П. Этапы духовной жизни : от отцов-пустынников до наших дней / П. Евдокимов. – Симферополь, 2010. – 229 с.

НОСОВА А. Ю.

ВИРТУАЛЬНОСТЬ КУЛЬТУРЫ: ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

The article examines the virtualization of culture and society.

The virtual becomes the only legitimate model of the world, defines human relations - power, political, economic, legal, etc.

In fact, virtual replaces reality its simulation, the image or images that are capable of producing the same effects as the real objects, actions, objects. Virtuality is not only a mediator between subject and object, producer and consumer, but become the logic and strategy of any social practices associated with the interpretation of the values and achievement of legitimacy.

A virtual reality nothing has value, because it does not matter the value itself. Properties of forms creat the content, becoming more formal and external and are not belonging to the sense. That is a virtual culture can be regarded as the apogee of mass culture, the most "formal" and "technological" culture.

Что такое виртуальность вообще? Понятие «виртуальности» можно отыскать в традиционном естествознании, где «виртуальное» определяется через противопоставление эфимерности бесконечно малых перемещений объектов или бесконечно малых периодов существования частей стабильной в своих пространственных характеристиках реальности. Еще один смысл «виртуальности» появился вместе с использованием компьютерных симуляций и определяется опять таки через противопоставление иллюзорности объектов, которые создаются средствами компьютерной графике реальности материальных объектов.

Сложность феномена виртуальности в его многозначности. Под виртуальностью понимают совокупность моделей, конструктов, генерализаций образно-символических заместителей физической (первичной, исходной) реальности, во-вторых, мир потенциального, возможного, даже фантомного, совокупность идеалов, стимулов, объектов желаний и даже технику и технологии, которые симулируют исходную реальность, создавая эффект присутствия человека в мире.

В обществознании «виртуальность» означает, прежде всего, опосредованность социальной реальности. Любая социальная реальность виртуальна потому что воспринимается, переживается через символы, которые наделяют практику определенным,

отличающимся от семантического значением. Такое понимание неотделимо от процесса субъективной «достройки» реальности. Виртуализация в таком случае – это замещение реальности ее симуляцией, собственно образом реальности.

Ценность исходной реальности (реальности первого порядка) определяется и утверждается через образы-символы, которые порождаются на уровне виртуальной реальности (реальности второго порядка). Собственно говоря, именно виртуальность является легитимной моделью мира, оправдана и обоснована образами-символами как посредниками в определении любых человеческих отношений – властных, политических, экономических, этических, эстетических, правовых, пр.

Современное общество «маркируется», представляется в классическом значении этого слова с помощью разнообразных знаковых формальных форм. Оно превращается в исключительно реальность «представлений», реальность без референтов, как множество превращенных форм-знаков. Каждая такая форма является и не является собой, и только находясь одновременно в нескольких ипостасях – субстрата формы и ее заместителя, идентифицируется сама с собой. Определение как заполнение пустоты вызывает к жизни объекты, которые не существуют в действительности. Таким образом, виртуальная реальность задним числом виртуальными объектами конституирует причины собственного образования.

У виртуальной реальности уже ничего не имеет значение, потому что не имеет значение само значение. Заместителями значения выступает что-либо или кто-либо, любая идеальная или материальная конструкция замещает другую, потому что не имеет значение сама по себе. Содержание заместителя в таком действии замещения является только опустошенной формой, которая задает проекцию существования заместителя и того, что замещается, и уже исходя из свойств заместителя, задает траекторию его социального движения и восприятия. Свойства формы, создавая ее содержание, становятся все более формальными и внешними, как бы, не относящимися к сути, но не менее существенными.

В до информационном обществе то, что воспринимается неотделимо от того, каким образом это воспринимается и... от того, кто воспринимает – знак от его референта, представление от того, кто представляет, в информационном знак - оповещение-информация замещает и то, что воспринимается, и то, что воспринимается. То есть виртуальную культуру можно считать апогеем массовой культуры, самой «формальной» культурой, для ее присвоения достаточно «формального» присвоения, а также бессодержательной и «технологической» культуры. С одной стороны форма тут развивается как бы «за собственный счет» вне содержания, с другой стороны выражается, представляется тоже формально – материальными, бессодержательными формами или знаками. Самое главное – для овладения формами этой культуры нужно только следовать формальным правилам – традициям, ритуалам, разнообразным моделям поведения, матрицам, пр.

Развитие и усложнение символических универсумов, разнообразных образов представлений ведет к потере связи знака с референтом, а ценности с трансцендентным образом. Как следствие, когда исчезает дистанция между реальным и воображаемым, представлением, а действия порождают не целевые установки, а модели, матрицы в обществе возникает дезинтеграция.

Для поддержки стабильности виртуальность производит некоторые «компенсаторные» механизмы, «виртуальные» формы идентификации, «технологические» по своей сути, сконструированные и обоснованные задним числом, которые находятся вне противопоставления «истинное-ложное», собственно говоря, знаки, которые задают способ восприятия и действия только собственной формой. Наверное, поэтому условием существования виртуальной культуры является образование знаковой формы и восприятие ее вне содержания. Существование среди нагромождения знаков вызывает потребность в следующем знаке, который бы «объяснил», упорядочил предыдущие, таким образом создавая эффект снежного кома – лавину знаков, образов, интерпретаций, форм. По сути, виртуальность замещает реальность ее симуляцией, образом или образами, которые,

несмотря на свою эфемерность способны вызывать те же эффекты, что и реальные объекты, действия, предметы. Виртуальность становится не только посредником между субъектом и объектом, производителем и потребителем, но и логикой и стратегией любых социальных практик, связанных с распределением, интерпретацией значений и достижением идентификации и легитимности.

Как «репрезентативная» культура виртуальность выполняет, прежде всего, психологические функции – человек чувствует и ведет себя среди репрезентаций так, вроде бы эта реальность владеет характеристиками обычной реальности. Виртуальность освобождает человека от обусловленности повседневных отношений, общественного контроля, обстоятельств, которые исходят из обычных стереотипных описаний социального мира, потому что она позволяет выйти за пределы в такую реальность, где сливаются воображаемое, символическое, возможное, желаемое, прошлое и будущее.

Виртуальность – это всегда приглашение стать Субъектом, сделать себя субъектом, как будто раньше его не было или он был дефектным. Но само приглашение стать кем-то и превращает индивида в объект, который конструируется как его желаниями, так и действиями других субъектов. Поэтому можно констатировать, что когда субъект начинает действовать по виртуальному сценарию, а так он всегда действует, когда сталкивается с виртуальным, он как субъект умирает.

Поскольку внутренней природы, желания у субъекта нет, единственная возможность для него быть самим собой, создать собственную идентичность – это определить себя через комбинацию тех вещей, образов, которые он желает. Для субъекта постмодерного общества вопрос «Кем я есть?» звучит, например, приблизительно так: «Я – тот, кто ездит на машине такой-то марки, кто живет в доме такого-то застройщика, носит одежду такого – то бренда». Самоидентификация становится возможной через составление списка используемых вещей, продуктов, сервисов, а развитие – через смену этого списка. Не индивид наделяет смыслом вещи, предметы, а наоборот, вещи, точнее знаки «замещают» индивида. Товары, который навязываются рекламой, связываются с определенным типом индивида, чертой его характера и т.п. Комбинация этих особенностей, черт, количество которых не ограничено, как и выбор тоже, создает впечатление реального индивида.

Вместе с содержанием утраченным является и индивидуальный смысл – для индивида нет ничего более важного, чем синхронизировать с формами – знаками, которые меняются. Индивид теряет собственную идентичность, организуется как целостность не на основании той деятельности, которой занимается, той группы, к которой принадлежит, а как результат представлений о том, кем он является. Как он представляется в массовом сознании, как его представляют средства массовой информации, в первую очередь реклама, как он представлен потребительской корзиной, как его хотят видеть субъекты легитимной политики, таким он и есть. Таким образом, виртуальная реальность создает феномен как коллективного, так и индивидуального небытия, где сливаются не только реальное с нереальным, но и коллективное с индивидуальным, формальное с несущественным.

Причиной такого распространения виртуальности можно считать кризис и упадок таких интерпретационных, ценностных систем как религия, мораль, идеология, наука. Место трансцендентального определителя занимает виртуальность, которая отныне включает в себя религию, мораль, науку, идеологию, искусство, пр., но только как технологии созданий представлений.

Виртуализацию современного общества можно проследить и на трансформации рынка и производственной сферы. «Виртуальная экономика держится на обманном представлении о важности экономических параметров, поскольку не оперирует реальными деньгами и реальными ценами. [1, с. 35] Экономические институты создают комплексы норм и правил, которые формируют представления людей относительно создания, распределения та использования богатств. Следование нормативным требованиям превращает производственную деятельность только в исполнение социальных ролей «производителя», «потребителя», «предпринимателя», пр. Только тот, кто следует институциональным

нормам, образам, расценивается как участник экономической деятельности. Отныне «экономическое» отличается от «неэкономического» не характеристиками рентабельности, производства, действия как такового, а только соответствием институциональным нормам.

А массовое производство заполняет рынок огромным количеством практически однородных вещей и проблемой является превращение этих вещей в предметы потребления с помощью образов привлекательности, уникальности, респектабельности, то есть брендов. Предмет, продукт становится только «информационным» поводом для проведения рекламной кампании.

На современном рынке мы находим множество предметов, лишенных «природных», естественных свойств, например, безалкогольное пиво, кофе без кофеина, пр. Виртуальная реальность продуцирует продукты, лишенные собственной субстанции, поддерживая эту «нереальность», собственно себя.

Феномен спекулятивного капитала тоже проявление виртуальности – стоимость кампаний зависит больше от их имиджей и коммуникаций, чем от физических активов и деятельности. Главной компетенцией становится поддержка эффективных коммуникаций, умеющих создавать и транслировать образы, которые привлекают к кампаниям, продуктам внимание целевых аудиторий.

Функция виртуальности в политике состоит в предотвращении инверсии, то есть «неправильного» видения идеального, «того, что должно быть», что является угрозой номер один легитимности политической власти. Главной целью политики является уже не столько установление монополии на насилие в классическом понимании, сколько завоевание и поддержка монополии на определение реальности и ее ценностно-иерархического построения. Собственно говоря, процесс организации образа испытывает политическое влияние, потому что так или иначе становится инструментом политики в процессе ее легитимации как структура, что упорядочивает и упрощает социальную действительность, превращая ее во всеобщую и понятную. Собственно говоря, политическая борьба превращается в борьбу образов, политических имиджей, которые и создают рейтинг, а любая избирательная кампания становится рекламной. Замена реальных политических действий, программ созданными рекламой образами «новых инициатив», «радикальных реформ», «национальных проектов» обеспечивает успех, поддержку внимания к тем кандидатам, чей имидж, а не программа действий «представляет» ценности демократии и свободы.

Наука тоже начинает служить виртуализации и сама становится виртуальной, где научно-техническая и рекламная революция переплелись в единственно возможном тренде виртуализации. Отныне она производит интеллектуальные аксессуары и разрабатывает интеллектуальные диеты для аудиторий. Такого вида наука представлена в глянцевого журналах, где читатели находят не только чтиво, но и аналитические материалы. Логика создания продукта такой науки сводится к следующим действиям. Во-первых, нахождение «изюминки» -- компактной идеи, провоцирующей интерес публики. Самой идеи недостаточно, поэтому на следующем этапе необходимо сделать акцент на будущем. Необходимо настаивать на том, что будущее уже наступает и отменяет предыдущие оригинальные идеи и рецепты. Таким образом, рынок расширяется и снимается вопрос соотношения с идеями и рецептами конкурентов. История успеха – следующий этап создания нового «интеллектуального» продукта, а завершающим в этом движении становится создание собственной теории, которая на самом деле есть только матрицей действия. Почему, потому что классическая научная теория неприемлема для виртуальной науки, поскольку научная абстрактность угрожает ее простоте, а матрица предельно понятна в своей простоте, более того создает множество возможностей. При этом не возникает дебатов и битв парадигм, потому что место «позитивизма» занимает «позитивность», а на место «конструктивизма» -- «конструктивность» и т.п..

То есть виртуальная культура ставит под сомнение основоположные для западной интеллектуальной традиции оппозиции видимости и реальности, субъективной мысли и объективно-достоверного знания и провозглашает исчезновение реальности и кризис

интеллектуализма, который является обратной стороной исчезновения реальности. Потому что привилегии интеллектуала обосновывались онтологическими отличиями видимости и реальности. Публика, оставаясь в сфере видимости, могла обладать только субъективными и случайными мыслями, и только интеллектуалы прорывались к настоящей действительности. Ну а если отличие видимости и реальности исчезает, тогда право интеллектуала может базироваться только на возможности навязывать симулятивный образ действительности.

Последствия виртуализации культуры, общества печальны, прежде всего для индивида. Вместе с содержанием он теряет и смысл, ведь для него нет более важного чем синхронизировать с формами – знаками. К разрушению целостного восприятия субъектов самих себя ведет и ценностная гомогенизация культурного окружения – не в состоянии четко зафиксировать собственную позицию по отношению к существующим ценностям, индивид не может и сформировать матрицы идентификации.

Список использованных источников

1. Кліффорд Г. Гедді, Баррі В. Аїкс. Реалії віртуальної економіки Росії // Перспективні дослідження, 1999.–№ 1.

Список использованных источников:

1. Gabriel Y., Lang T.. The Unmanageable Consumer. London: Sage, 1995, p 3.
2. M. Featherstone. The body in consumer culture. In: The Body. Social Process and Cultural Theory. L., 1991.
3. Miles S. Consumerism – as a Way of Life. London et al.: SAGE Publications, 1998.
4. Ritzer G. Introduction // Baudrillard J. The Consumer Society. Myths & Structures. L., Thousand Oaks, N. Delhi: SAGE Publications, 1998.
5. Slate D. Consumer Culture and Modernity. Cambridge: Polity Press, 1997, p 29.
6. Андерсон Бенедикт. Воображаемые сообщества (размышления об истоках и распространении национализма). – М.: Канон-Пресс-Ц., 2001, 288с.
7. Бауман З. Глобализация. Последствия для человека и общества. М.: «Весь мир», 2004., с. 121.
8. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. – М., 1995. [см. 2. С. 279-296].
9. Бодрийяр Ж. К Критике политической экономии знака. – М.: «Библион-Русская книга», 2003, с. 272. С. 59
10. Бодрийяр Ж. Общество потребления. Его мифы и структуры. – М.: «Культурная революция», 2006, с. 259
11. Гудкова Д.Б. Теория и практика межкультурной коммуникации. – М., 2003.
12. Жижек Славой. Возвышенный объект идеологии – М.: “Художественный журнал”, 1999, С.111.
13. Зомбарт В. Буржуа. Этюды по истории духовного развития современного экономического человека. – М.: Наука, 1994
14. Ильин И. П. Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм. – М.: Интрада, 1996. – С.32.
15. Конева А. В. Социальное признание или проблема анонимности // Интеллект, воображение, интуиция: горизонты сознания. Международные чтения по истории, теории и философии культуры. Вып. 10. – СПб., 2001., с. 412-424.
16. Пелипенко А. А. Постмодернизм в контексте переходных процессов // Человек. – 2001. – N4. – С. 9.

ТЕОРИЯ НОВОРОССИИ ГЛАЗАМИ КРЫМСКИХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ

Pashkovsky P. I. The theory of Novorossia through the eyes of the Crimean researchers

The events of modern social and political crisis in Ukraine actualized discussions about options for the future of the state. In particular, numerous social-political and scientific discussions were held about the historical grounds and the appropriateness of using the concept «Novorossia». Special attention in this regard deserves opinions of the Crimean political scientists which have dedicated a number of comprehensive investigations to understanding of the issue. The problems of interpretation of the theory of Novorossia by the Crimean researchers have been considered in this article.

Keywords: theory of Novorossia, Crimean researchers, social and political crisis, Ukraine, Russia.

События, происходящие в Украине с ноября 2013 г., актуализировали обсуждение вариантов её внутри- и внешнеполитического будущего [14; 19]. В частности, вхождение Крыма в состав России и массовые протесты на украинском юго-востоке, переросшие в вооружённое противостояние киевских властей со сторонниками так называемых «Луганской» и «Донецкой народных республик», объявивших о создании «Союза народных республик – Новороссии» [2; 3], породили новую волну общественно-политических и научных дискуссий относительно исторических оснований и уместности использования термина «Новороссия». Особого внимания в этой связи заслуживают мнения крымских политологов, посвятивших ряд комплексных исследований осмыслению данной проблемы.

Основоположником теории Новороссии принято считать отечественного геополитика Е.Морозова, опубликовавшего в 1996 г. одноимённую статью [10]. Рассмотрение сущности данной теории, безусловно, нуждается в специальном изучении. При этом в рамках настоящей работы важно отметить, что указанный исследователь, характеризуя этнические, национальные, территориальные и хозяйственные особенности обозначенного образования, отмечал: «...сложился тип новоросса со своей культурой, своим диалектом (тем самым русско-украинским «суржиком», с которым страстно борется галичанская интеллигенция Украины), сложилась единая территория Новороссии от Дуная до Алтая и свой тип экономики, основанный на экспорте пшеницы свободными земледельцами» [10].

Крымские учёные изначально восприняли эту концепцию с большим интересом, современному увеличению которого способствовали обозначенные выше события.

Так, заслуживает внимания попытка выделить границы пространства Новороссии, принадлежащая крымскому историку, кандидату филологических наук, директору Центрального музея Тавриды А.Мальгину. Осуществив исторический анализ проблемы, он приходит к выводу, что трактовки границ данного пространства различаются в зависимости от того, какие аспекты в них преобладают: исторические, политические или народно-хозяйственные. «Нам, как крымчанам, - акцентировал исследователь в июле 2014 г., - наверное, будет близко следующее понимание пространственного наполнения этого понятия: большинство земель, входящих в исторический макрорегион Новороссия, представляют собой земли, контролировавшиеся когда-то Крымским ханством и подвергшиеся со второй половины XVIII века глубокой социокультурной переработке: сначала в рамках Российской империи, а затем – Советского Союза. Таким образом, Новороссия, это не что иное как своего рода Большой Крым. Крым малый самоопределился 16 марта 2014 года. Самоопределение Новороссии, таким образом, не за горами» [7].

В статье «Русский Новый свет», опубликованной в августе 2014 г., А.Мальгин раскрывает особенности процесса исследования истории Новороссии, начиная с XVIII в.,

приводя ряд значимых с научной точки зрения фактов и не менее важных выводов. Обобщая указанные сюжеты, учёный отмечал: «Мы говорим сейчас только о самых общих работах по истории освоения Новороссии, но следует иметь в виду, что за последние 250 лет появилось также и множество исследований по отдельным субрегионам обширной страны – о Донбассе, Приазовье, Южном Поднепровье, Таврии, Побужье, Буджаке, Приднестровье, о её больших городах – Одессе, Ростове-на-Дону, Екатеринославе (Днепропетровске) и Александровске (Запорожье), - назвать которые в таком кратком очерке просто невозможно. Точно также невозможно даже бегло обозреть обширную литературу по археологии, древней и средневековой истории этого края. Буквально на наших глазах рождается интереснейшая литература о политическом и духовном феномене Новороссии...» [9]. И в этом имеется несомненная заслуга крымских исследователей.

Специфика природных условий, историческая динамика этнического и национального состава, культурно-психологические и производственные особенности земель Новороссии в их взаимодействии, учитывая вытекающие из этого последствия, освещаются в статье А.Мальгина «Новороссия: человек и природа», увидевшей свет в конце августа 2014 г. Исследователь обоснованно утверждает о том, что степной ландшафт детерминировал характер исторического процесса на этой территории: «В течение тысячелетий Новороссия является грандиозным коридором, через который с Востока на Запад, а иногда и в обратном направлении движутся массы разнообразных, преимущественно кочевых этносов». При этом «до XVIII века ни один из «хозяев степей» не смог стать основой сколько-нибудь устойчивого оседлого сообщества». Вторым важным фактором, оказавшим значительное влияние на историю данного пространства, стало море. «Если степь, - акцентировал учёный, - делает Новороссию продолжением Евразии, то море связывает её со средиземьем (средиземноморьем), сообщая ей почётную миссию посредника и проводника ценностей великих цивилизаций Юга Европы на русский север». Третьим природным фактором, определившим судьбу рассматриваемых земель, выступают недра: «Открытие угольных и железорудных месторождений привело к колоссальному промышленному росту и, по существу, к новой революции в Новороссии, которая повлекла за собой серьёзнейшие социальные и демографические перемены <...> Промышленный переворот привлёк к освоению нового региона выходцев не только из различных социальных слоёв, но и из различных этносов обширной Российской империи (Советского Союза) и заграницы» [8].

Быстрота социально-демографических изменений, вызванная обозначенными факторами, обусловила «культурную укоренённость местных сообществ». «Именно поэтому, - заключал А.Мальгин, - социальный ландшафт Новороссии до самого последнего времени сохранял высочайшую подвижность, именно поэтому осознание собственной идентичности у жителей Новороссии шло более медленными темпами, чем у соседей. Именно поэтому новороссам в XX веке не без временного успеха навязывали чуждое им самосознание». В данных условиях был сформирован «подвижный, открытый, приморский, индустриальный и в конечном итоге современный (ну и, разумеется, brutальный) характер их культуры, резко отличный от консервативной, замкнутой, континентальной и сельской культуры Украины <...> Культура и самосознание Новороссии полностью завязаны на «большом пространстве», на империи, здесь господствуют ветры Евразии. Идентичность Новороссии часто называют «советской». Но это лишь последний, верхний слой этой специфической культурной реальности. И Новороссии ещё предстоит в полной мере осознать это» [8].

Смысловое развитие теория Новороссии получила в трудах крымского политолога, кандидата исторических наук, доцента Таврического национального университета имени В.И.Вернадского А.Никифорова. Так, ещё в 1999 г., в целом разделяя взгляды Е.Морозова, он писал: «Новороссийская этнокультурная общность еще находится в стадии становления, которому к тому же препятствует то обстоятельство, что территория Новороссии рассечена на части границами новых независимых государств. Эта ситуация способствует распространению среди населения Новороссии острой ностальгии по СССР. В таком

деформированном виде проявляется пока еще не до конца осознанное стремление новороссов к политическому единству»[13].

Впоследствии происходило концептуальное оформление приведенных суждений. В 2012 г. А.Никифоров указывал, что «в недрах русского этноса в данный момент созревает новый субэтнос – новороссы. На наш взгляд, геополитической задачей этого формирующегося субэтноса является освоение русским геополитическим организмом степной полосы Евразии. Для того, чтобы убедиться в том, что освоение это далеко от завершения, достаточно взглянуть на современную политическую карту Восточной Европы и Северной Азии» [11]. «Перспективы сохранения и развития Русского мира в свете теории Новороссии, - значит далее в этой работе, - видятся не в стратегии «сосредоточения» России, а в поддержании пространственной структуры, в которой наличие Русского материка (РФ) подкреплялось бы существованием Русского архипелага, состоящего из территорий, на которых русские, не меняя этнической и культурной идентификации, могли бы чувствовать себя дома, на Родине, где они являются коренным народом в не меньшей степени, чем в «материковой» России» [11]. На основе теории Новороссии данный исследователь формулирует концепцию геополитических циклов и перспектив Русского мира, функциональность которой подтвердят дальнейшие общественно-политические события.

Роль А.Никифорова характеризуется не только системностью и глубиной концептуально-декларативного измерения его взглядов, но и практической деятельностью. В марте 2014 г., в разгар украинского социально-политического кризиса, он – активный участник «крымской весны» и сторонник воссоединения полуострова с Россией – уже открыто заявляет, что «на нашем поколении лежит ответственная задача – собрать воедино Новороссию. А Крым является хорошим примером и началом этого процесса» [1]. «Сейчас, - отмечал он в июле 2014 г., - когда в трудах и муках Новороссии рождается на наших глазах как политическая реальность, когда угаданная, прочувствованная и интеллектуально обоснованная модель обретает плоть и кровь – становится более очевидно, ясно, зримо, то, что Морозов видел ещё в далёких 90-х: что здесь, в Новороссии, решается будущее России, того огромного культурно-исторического пространства, которое в последнее время стало принято называть Русским миром. А это значит, что каждый, кто не просто в силу демографической и географической случайности называет себя русским, должен, нет – ОБЯЗАН – каждый день делать хоть что-то ему посильное для победы Новороссии» [12].

В контексте обозначенной проблемы представляется необходимым отметить взгляды известного крымского политолога, кандидата филологических наук, доцента Таврического национального университета имени В.И. Вернадского С.Киселёва. Среди наиболее значимых его работ выделяются исследования циклов геополитической истории Причерноморья и «Малой игры» [6], крымской русской идентичности [4] и геостратегического значения Крыма в свете российской внешней политики [5]. Так, в 1994 г. в брошюре «Размышления о Крыме и геополитике», написанной в соавторстве с Н.Киселёвой, он утверждал, что «возрождённой России для обеспечения своих интересов в Европе рано или поздно придётся всё же потребовать возвращения Крыма в её состав», после чего «неминуемо восстановится её сильная внешняя политика и начнётся обратное движение от рубежей предательства к рубежам победы»[5, с. 33, 34]. Справедливость данных слов подтвердит история.

Много лет спустя, в мае 2014 г., размышляя о причинах и последствиях «крымской весны», С.Киселёв отмечал: «Геополитический выигрыш России в результате возвращения Крымского полуострова более чем очевиден. Ещё в XVIII веке была сформулирована такая максима – кто владеет Крымом, тот контролирует Чёрное море и Северное Причерноморье. В настоящее время этот регион – один из геостратегических и геоэкономических узлов на мировой политической карте» [16]. «Для России возвращение Крыма в её состав, - акцентировал он, - есть первый шаг на пути восстановления её миродержавного значения, возвращения статуса супердержавы» [16]. Кроме того, указывал исследователь, «смысл Крыма для России в том, что древняя земля Тавриды – колыбель русского Православия! Здесь принял крещение Святой Владимир. Отсюда началось распространение православной

веры на Руси. Той Веры, которая наложила неизгладимый мистический отпечаток на всю ее историю; Веры, сформировавшей «загадочную русскую душу», тайна которой по-прежнему остается недоступной чужакам» [16].

С учётом рассмотрения теории Новороссии, видится важным ещё одно обстоятельство. В 2011 г. С.Киселёв подчёркивал, что «спустя двести лет после присоединения Крыма к России, русская культура настолько укоренилась на крымской земле, включив ее в свой генетический код, что началась ее пространственная самоорганизация, подтверждением чему и является крымско-русская идентичность.

Сегодня крымская русская идентичность – уже реальность, а крымские русские – этнографическая константа в многонациональном составе населения полуострова, политический и правовой субъект, с которым рано или поздно придется считаться, если мы действительно хотим мира и согласия на благословенной земле Крыма» [4].

Комплексное и системное продолжение теория Новороссии получила в трудах крымского политолога, кандидата философских наук, доцента, директора Центра этносоциальных исследований Таврического национального университета имени В.И. Вернадского А.Филатова. Размышляя о будущем Украины, в октябре 2009 г. учёный отмечал: «Новороссия и Крым станут новым государством или государствами, если в Крыму татары поддержат независимость. Статус этого государства или государств Новороссия и Крым будет подобен статусу Абхазии и Южной Осетии. Ожидать в настоящее время и в ближайшем будущем включения этих земель в состав Российской Федерации вряд ли возможно. Одной из причин, препятствующих модернизации территориально-государственного устройства РФ, является действующая Конституция, фактически ограничивающая возможности восстановления политической целостности страны в границах Советского Союза или Российской Империи» [15].

В дальнейшем его взгляды приобретают форму завершённой геополитической концепции, имеющей более решительный и, как покажут последующие события, во многом пророческий характер. «Россия – становящаяся цивилизация, - констатировал он в марте 2014 г. – Древняя (Новгородско-Киевская) Русь и Московская Русь – воспроизводство Византийской цивилизации. Царская Россия и Советская Россия – воспроизводство европейской цивилизации. Сейчас формируется собственно Российская цивилизация на базе Российского социокультурного пространства. <...> Перспективы российской цивилизации строятся, исходя из следующей концептуальной модели. Историко-временная ось человеческой культуры возникает из последовательно сменяющихся друг друга уровней и в различной степени активности взаимодействующих очагов культуры: Южная Африка (архаическая культура древнейшего человека, до периода отстоящего от нашего времени в 40 тысяч лет); Средиземноморье – Ближний Восток – Индия – Китай (Древний Египет, Древняя Месопотамия, Древняя Индия, Древний Китай, Древняя Греция, Древний Рим, 10-2 тысячи лет назад); Европа (эпоха Средневековья, Нового и Новейшего времени, вплоть до сегодняшнего дня); Россия (Новороссия, становление в XXI веке)» [18].

Расширенная аргументация обозначенной концепции была представлена в монографии А.Филатова «Геополитика в цивилизационном измерении», увидевшей свет в начале 2014 г. В ней, на базе глубинного культурно-исторического и геополитического анализа, исследователь заключал: «Таким образом, фиксируется продвижение очагов глобальных исторических культурных комплексов с юга на север планеты. Что даёт основания предполагать возникновение следующего очага Мировой оси культуры на севере от Евроатлантического на территории Урала и Южной Сибири – Российского очага мировой культуры» [17, с. 197].

Указанные исследователи – далеко не единственные представители крымского научного сообщества, интересующиеся проблемой интерпретации теории Новороссии. Однако представляется, что приведённые специалисты внесли наибольший вклад в обогащение и развитие данной теории: ими комплексно исследована история изучения Новороссии; предложены и обоснованы оригинальные трактовки её границ (в частности,

идея Большого Крыма – Причерноморья); осуществлён геополитический анализ пространства Новороссии; раскрыто влияние природных факторов (степной ландшафт, море и недра) на социально-демографические, этнические и национальные процессы, идентичность и культуру местного населения; определена зависимость между формированием субэтнуса новороссов и внешней политикой Российской Федерации на постсоветском пространстве; охарактеризовано значение Крыма (сакральное, культурное, ментальное и стратегическое) и Черноморского региона в контексте возрождения могущества современной России и становления Новороссии; выявлено наличие особой крымско-русской идентичности; разработана геополитическая концепция, доказывающая реальность процесса продвижения очагов глобальных культурно-исторических комплексов с юга на север и возможность возникновения следующего – Российского – очага Мировой оси культуры на территории Урала и Южной Сибири.

Список использованных источников

1. Андрей Никифоров: «На нашем поколении лежит ответственная задача – собрать воедино Новороссию» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.novoross.info/general/24355-andrey-nikiforov-na-nashem-pokolenii-lezhit-otvetstvennaya-zadacha-sobrat-voedino-novorossiyu.html>
2. ДНР и ЛНР объединились в Новороссию и ждут Харьков [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.mk.ru/politics/2014/05/24/dnr-i-lnr-sozdali-novoe-gosudarstvo-novorossiyu.html>
3. ДНР и ЛНР объединились в Новороссию и намерены создать «Народный фронт» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://zn.ua/UKRAINE/dnr-i-lnr-obedinilis-v-novorossiyu-145730_.html
4. Киселёв С. Крымская русская идентичность как этнополитическая реальность [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.bigyalta.com.ua/story/27309>
5. Киселёв С., Киселёва Н. Размышления о Крыме и геополитике. – Симферополь: Крымский архив, 1994. – 64 с.
6. Киселёв С. Циклы геополитической истории Причерноморья и «Малая игра» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kr-eho.info/index.php?name=News&op=article&sid=9606>
7. Мальгин А. Новороссия: границы пространства [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://zeralokryma.ru/specialproject/novorossiya/novorossiya_granicy_prostranstva/
8. Мальгин А. Новороссия: человек и природа [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://zeralokryma.ru/lenta/people/opinions/novorossiya_chelovek_i_priroda/
9. Мальгин А. Русский Новый свет [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://zeralokryma.ru/specialproject/novorossiya/russkij_novyj_svet/
10. Морозов Е. Теория Новороссии [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.whiteworld.ru/rubriki/000102/001/00122008.htm>
11. Никифоров А. Геополитические циклы и перспективы Русского мира в свете теории Новороссии [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.geopolitics.ru/2012/10/geopoliticheskie-cikly-i-perspektivy-russkogo-mira-v-svete-teorii-novorossii/>
12. Никифоров А. Колумб Новороссии [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://zeralokryma.ru/specialproject/novorossiya/kolumb_novorossii1/
13. Никифоров А. Хворый парубок Европы. Геополитические перспективы независимой Украины [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ok.archipelag.ru/part2/hvoriy.htm>
14. Пашковский П.И. «Конфликт поколений» в контексте внешнеполитического выбора Украины как проявление личностной депривации // Личностная депривация: юридический, психологический, междисциплинарный аспекты: коллективная монография /

Отв. ред. В. М. Мелихов, О. Н. Макаренко, Г. Г. Егоров, перевод. Е. А. Федорова. — Волгоград: ООО «Царицынская полиграфическая компания», 2014. — С. 364-372.

15. Политолог: статус государств Новороссия и Крым будет подобен статусу Абхазии и Южной Осетии [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://timer.od.ua/news/Politolog_status_gosudarstv_Novorossiya_i_Krym_b.html

16. Сергей Киселёв: «Смысл Крыма для России в том, что это колыбель русского православия» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.regnum.ru/news/polit/1799130.html>

17. Филатов А. С. Геополитика в цивилизационном измерении. — Симферополь: Антиква, 2014. — 224 с.

18. Филатов А. [Крымский референдум как аспект геополитики в цивилизационном измерении](http://zapadrus.su/rusmir/pubru/988-anatolij-filatov-krymskij-referendum-kak-aspekt-geopolitiki-v-tsvilizatsionnom-izmerenii) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://zapadrus.su/rusmir/pubru/988-anatolij-filatov-krymskij-referendum-kak-aspekt-geopolitiki-v-tsvilizatsionnom-izmerenii.html>

19. Юрченко С.В. Социально-политический кризис в Украине в контексте формирования новой системы международных отношений // Личностная депривация: юридический, психологический, междисциплинарный аспекты: коллективная монография / Отв. ред. В. М. Мелихов, О. Н. Макаренко, Г. Г. Егоров, перевод. Е. А. Федорова. — Волгоград: ООО «Царицынская полиграфическая компания», 2014. — С. 397-411.

ПАЩЕНЯ В. Н.

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ КАК ОСНОВА РАЗВИТИЯ ГУМАНИТАРНОГО ЗНАНИЯ КРЫМСКОГО КУЛЬТУРНОГО ЛАНДШАФТА В ИСТОРИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

Аннотация. В материале рассматривается роль источниковедения в развитии крымского культурного ландшафта, предмет и объект. Перечислены авторы научных исследований по его проблематике в различные периоды региональной истории. Определены некоторые достижения в сфере развития источниковедения, вычленены нерешенные проблемы.

Annotation. The material examines the role of source in the development of the Crimean cultural landscape, the subject and the object. Lists the authors of scientific research on the problems in different periods of regional history. Identified some of the achievements in the development source, cut unsolved problems.

Актуальность рассматриваемой проблемы обусловлена следующими основными факторами:

- **во-первых**, дает возможность проанализировать достигнутый уровень историографии культурного ландшафта Крыма исходя из имевшейся в распоряжении исследователей источниковой базы;

- **во-вторых**, позволяет выделить проблемы, которые не нашли своего рассмотрения в анализе культурного потенциала региона к первому 15-летию XXI века;

- **в-третьих**, требует уяснить причины, приведшие к пробелам и мифологизации его в историографии различных периодов истории;

- **в-четвертых**, дает возможность определить основные направления развития гуманитарного знания о Крыме в историографии XXI века, пути и условия их реализации;

- **в-пятых**, позволит выработать конкретные предложения современным государственным и научным структурам по формированию новых подходов в развитии гуманитарных знаний крымского культурного ландшафта прошлого, настоящего и будущего.

Современное источниковедение крымоведения складывалось длительный исторический период и достигло сегодня уровня особого метода гуманитарного значения, в том числе и описания регионального культурного ландшафта. В ходе своего возникновения и развития оно обобщало и анализировало научно-исследовательский, археологический опыт, накопившийся в процессе работы со всеми достижениями мировой, европейско-азиатской и крымской культуры: литературно-художественными, историко-философскими, правовыми, лингвистическими и другими.

Предметом источниковедения крымоведения возможно считать всю совокупность культурного наследия, оформившегося в ходе развития исторического процесса в регионе, рассматривать его как целостный системный объект, исторический источник, явление культуры. Под термином «источниковедение» крымоведения мы понимаем ту часть самостоятельной исторической науки, которая характеризует ход, условия, успехи развития человечества в Крыму или жизнь его в развитии и конечных результатах, в том числе культурных типов: 1) исторические произведения; 2) памятники материальной культуры; 3) лингвистические памятники; 4) памятники архитектуры; 5) этнографические памятники; 6) письменные источники, представленные тремя группами: а) актовыми документами; б) литературными материалами; в) научными трудами.

Таким образом, источниковедение крымоведения представляет собою метод познания реального мира. Объектом его выступают созданные людьми произведения материальной и духовной культуры, время, связанное с пространством.

Как показал анализ, наиболее длительным периодом крымской истории выступал древний. Основными его источниками являются археологические материалы. Их находки описаны в больших группах монографий, где авторами выступают Г.А. Бонч-Осмоловский [4]; Ю. Г. Колосов и соавторы [9], И.Н. Храпунов [20], ряд других.

Античный период крымского культурного ландшафта описан большими группами греческих, римских, арабских, восточных и западноевропейских авторов. В их числе исторические описания Геродота [7], Страбона [19], Диодора Сицилийского, Арриана, Плиния Старшего, Прокопия Кессарийского, Иордана, Ибн-Хардадбега, Ибн-Руста и многих других. Их работы стали предметом анализа современных ученых, однако все они не дали однозначного ответа на вопрос о языке киммерийцев, скифов, тавров, сарматов. Сложилось две основные версии: ираноязычная и тюркская.

Важным источником античного, затем и средневекового периода крымского культурного ландшафта продолжала оставаться археология, ее результаты. Они нашли свое отражение в отчетах Русского Исторического Общества [16-17], Н.С. Барсамова [2], В.Ф. Гайдукевича [5], многих других.

Ими даны ответы на многие, хотя и далеко не все, вопросы эволюции крымского поликультурного ландшафта, в том числе этноконфессионального.

Средневековый период нашел свое рассмотрение в научных трудах А.Л. Бертье-Делагарда [3], А.Л. Якобсона [21], ряда современных авторов. Однако «белых пятен» в освещении этих периодов не меньше, чем в освещении древнего.

В новое время процесс формирования культурного ландшафта шел достаточно медленно. Это обуславливалось закрытостью общества, где ведущую роль играло Крымское ханство и его государственная **суннитская** мусульманская религия. Структура общества тормозила процесс исторического развития, в том числе и в сфере культуры. Это четко видно из научного исследования В.Д. Смирнова, осветившего его до присоединения Крыма к России [18], ряда других, в том числе и современных исследователей В.Л. Руева [15], Ю.А. Катунина [8], М.В. Масаева [9а].

Коренной **прорыв** происходит после присоединения (инкорпорации) Крыма к России. Анализ историографии как предыдущих, так и данного, последующих периодов переформирования крымского культурного ландшафта дан в монографии В.Н. Пащенко по истории этнокультурного развития в Крыму с древнейших времен до конца XX века [11].

Автором дана характеристика основным исследованиям, появившимся после 1783 года и до наших дней. Исходя из их анализа, сделаны следующие основные **выводы** по дореволюционному периоду:

- значительно расширилась источниковая и историографическая база, прежде всего за счет создания девяти крымских музеев, в основе фондов которых лежали материалы археологических исследований;

- в конце XIX – начале XX вв. в регионе оформился свой социальный слой интеллигенции, в том числе великороссов, татарской, еврейской и других;

- их усилиями активизировался процесс книгоиздания, оформления СМИ;

- высокими темпами развивалось образование, составными частями которого стали:
а) государственная; б) этноконфессиональная; в) частная. Их состояние исследовано в монографиях В.Ю. Ганкевичва [6], А.В. Глузмана и Л.И. Редькиной [10], В.Н. и Е.В. Пашеня [12], других;

- с 20-х годов XIX века в регионе начало оформляться библиотековедение, и первой библиотекой стала Севастопольская Морская библиотека, открытая в 1822 году. Ее история описана в очерке В.Н. Пашеня и Н.И. Краснолицкого [12а]; в Симферополе открывается Первое театральное помещение;

- с 1880 года в Феодосии начинает функционировать третья в России картинная галерея И.К. Айвазовского; ее история описана в ряде работ Н.С. Барсамова [1];

- с 50-х гг. XIX века формируются Клубы как центры отдыха, культурного общения;

- с начала XX века появляются кинотеатры.

Таким образом, к 1917 году в Крыму оформился обширный культурный ландшафт, отвечающий в целом требованиям времени. Однако он имел свои острые **проблемы**, главной из которых было отсутствие Университета как базового образовательного центра. Она была решена в октябре 1918 года, когда был открыт Таврический Университет. Он просуществовал до 1925 года, когда Советская власть преобразовала его в педагогический институт, из него выделились медицинский и сельхозинституты. Ликвидация Университета самым негативным образом сказалась на развитии регионального культурного ландшафта. Он рос вширь, но не вглубь. Пробелы развития закрывали Ленинградская и Московская историческая школы, создавшие РОПИК. Закрытие общества повело к свертыванию научного исследования крымской культуры.

Ситуацию усугубила Великая Отечественная война, оккупация территории Крымской АССР, массовый коллаборационизм ряда ее народов. Итог – депортации 1944 года. Следующие антикультурные шаги – преобразование Крымской АССР 30 июня 1945 года в область в составе РСФСР, а затем ее передача в состав УССР. Этими актами свертывалась региональное и научное развитие культурного ландшафта. В него стали насильственно «вписывать» украинскую культуру, прежде всего язык. Эти процессы исследованы в научных трудах профессора О.В. Романько [14], монографиях В.Н. Пашеня [13-13а], ряде других работ.

Поражение советской социалистической системы привело к неоднозначным последствиям:

- **с одной стороны**, развал Союза ССР привел к разрыву единого культурного пространства, сужению изучения культурного крымского ландшафта московской и ленинградской (петербургской) научными школами;

- **с другой**, стимулировал развитие крымской региональной научной школы, что стало возможно благодаря появлению более 20 докторов и около 100 кандидатов наук в гуманитарной сфере;

- **с третьей**, создается система обсуждения состояния и проблем исследования крымского культурного ландшафта через создание новых музейных центров, проведение конференций различных уровней, публикации десятков научных исследований по широкому кругу его проблем и т.д.

Что удалось решить? Прежде всего, создать ряд новых научных школ, где генераторами идей стали профессора Ю.В. Ганкевич, А.М. Меметов, А.А. Непомнящий, Ю.А. Катунин, И.Н.Храпунов, ряд других. Они вырастили плеяду молодых специалистов высшей категории, в том числе докторов наук С.П. Шендрикову, О.В. Романько, М.В. Масаева, Р.И. Хаяли, А.В. Ишина и других. Число кандидатов гуманитарных наук указано выше.

Активно работает Севастопольское морское военно-научное общество. Его поддерживает администрация, печатая книги по истории города за счет своего бюджета для всех библиотек. В городе создан Музей 35-й батареи за счет спонсорских средств без поддержки горадминистрации, что **плохо**.

Однако нерешенных проблем значительно больше. В их числе глобальные, сверхактуальные для решения, такие как:

- поворот к развитию культурного ландшафта со стороны Министерства культуры Республики Крым, активизация его поддержки путем доведения полученных научных результатов до широких масс крымчан, других регионов России, куда он вернулся после известных событий весны-лета 2014 года;

- развитие гуманизации общего и специального образования не на словах, а на деле, где ведущее место принадлежит Министерству образования, науки и молодежи нашей Республики во взаимодействии с Министерствами культуры и финансов. Необходимо сделать доступными цены на посещение музеев и театров, работу в библиотеках для школьников и студентов. Гуманитарно-культурное образование и воспитание должно стать неразрывной составной частью учебного процесса;

- выработка и реализация на деле, а не на бумагах, концепции и практики создания крымской электронной библиотеки, базой которой определена Республиканская научная библиотека;

- воссоздание РОПИК XXI века и опять же оно должно работать, координируя научную деятельность московской, петербургской и крымской научных школ, краеведения. Учащиеся, студенты должны получить возможность сначала виртуально, а затем и наглядно ознакомиться с культурными богатствами музеев, театров, библиотек Москвы, Петербурга, Казани, других центров;

- вовлечение докторов и кандидатов наук в активную научно-краеведческую деятельность, когда каждый за два года должен издать монографию по одной из нераскрытых проблем, а их число значительно больше, чем раскрытых. Это должно стать не их обязанностью, а внутренней потребностью. Финансировать издания должно правительство Республики Крым. Эти книги должны получить все крымские и ведущие общероссийские библиотеки.

Таким образом, мы должны ставить вопрос о коренном улучшении работы по публикации и доведению до массового читателя, в том числе, до сети Internet, гуманитарного знания крымского культурного ландшафта. Одним из инициаторов этого процесса должен выступить организатор актуально важной конференции – Ялтинский гуманитарный университет.

Список использованных источников

- 1.Барсамов Н. С. Феодосийская картинная галерея имени И.К. Айвазовского/ Барсамов Н.С. – Симферополь: Крымиздат, 1955. – 228 с., др.
- 2.Барсамов Н. С. Сообщение об архитектурных раскопках средневекового поселения в Коктебеле в 1929-1931 гг./ Барсамов Н.С. – Феодосия, 193. – 64 с.
- 3.Бертъе-Делагард А.Л. Исследование некоторых недоуменных вопросов средних веков в Тавриде/ Бертъе-Делагард А.Л. // ИТУАК. – 1920. – Т.57. – С. 1-55.
- 4.Бонч-Осмоловский Г.А. 1934. Итоги изучения крымского палеолита/ Бонч-Осмоловский Г.А. // Труды АИЧПЕ. – Выпуск V.

5. Гайдукевич В.Ф. Архитектурные памятники Боспора и Херсонеса/ Гайдукевич В.Ф. // МИА. – 1941. - № 4.
6. Ганкевич В.Ю. На службе правде и просвещению: краткий биографический очерк Исмаила Гаспринского (1854-1914)/ Ганкевич В.Ю. – Симферополь: Доля, 2000. – 238 с., другие.
7. Геродот. История. В 9 книгах. Кн. 4/ [под общей ред. С.Л. Утченко]. – Л.: «Наука», 1972. – 599 с.
8. Катунин Ю.А. Из истории христианства в Крыму. Таврическая епархия (2-я пол. XIX – начало XX вв.)/ Катунин Ю.А. – Симферополь: «Таврия», 1995. – 110 с., другие.
9. Колосов Ю.Г. Ранний палеолит Крыма/ Ю.Г. Колосов, В.Н. Степанчук, В.П. Чабан. – К.: «Наукова думка», 1993. – 221 с., другие.
- 9а. Масаев М.В. Присоединение Крыма к России/ Масаев М.В. – Симферополь: «Таврия», 1997. – 294 с., другие.
10. Образование и педагогическая мысль Крыма (XX – начало XXI вв.): монография / Глузман А.В., Редькина Л.И. и др. - К.: «Знання України», 2008. – Т.1. – 2.
11. Пашеня В.Н. Этнокультурное развитие в Крыму с древнейших времен до конца XX века: монография/ Пашеня В.Н. – Симферополь: ДИАЙПИ, 2012. – 405 с.
12. Пашеня В.Н. Крым в этнообразовательном пространстве XX века: монография/ Пашеня В.Н., Пашеня Е.В. – Симферополь: ДИАЙПИ, 2010. – 374 с.
- 12а. Пашеня В.Н. Неиссякаемый источник знаний: исторический очерк к 190-летию Севастопольской Морской библиотеки имени адмирала М.П. Лазарева/ Пашеня В.Н., Краснолицкий Н.И. – Симферополь: ДИАЙПИ, 2012. – 210 с.
- Пашеня В.Н. Крымская АССР в годы II Мировой войны (1939-1945 гг.): монография. Изд. 2-е/ Пашеня В.Н., Пашеня Е.В. – Симферополь: ДИАЙПИ, 2014. – 414 с.
- 13а. Пашеня В.Н. Крымская область в советский период (1946-1991 гг.): монография/ Пашеня В.Н. – Симферополь: ДИАЙПИ, 2008. – 520 с., другие.
14. Романько О.В. Крым под пятой Гитлера. Немецкая оккупационная политика в Крыму (1941-1944)/ Романько О.В. – М.: «Вече», 2011. – 432 с., другие.
15. Руев В.Л. Турецкое вторжение в Крым в 1475 году/ Руев В.Л. – Симферополь: «Антиква», 2014. – 328 с.
16. Сборник Русского Исторического Общества. Т.95. – СПб, 1884. - № 41, другие.
17. Сборник Русского Исторического Общества. Т. 95. – СПб, 1995.
18. Страбон. География. В 17 кн./ пер. и ком. Г.А. Стратановского. – М.: «Ладомир», 1994. – 940 с.
19. Смирнов В.Д. Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты в XVIII веке до присоединения его к России. В 2-х частях/ Смирнов В.Д. – М.: «Рубенс XXI», 2005. – Т.1. – 314 с. Т2. – 542 с.
20. Храпунов И.Н. Древняя история Крыма. 3-е изд./ Храпунов И.Н. – Симферополь: Доля, 2007. – 272 с., другие.
- 21.0. Якобсон А.Л. Средневековые поселения Восточного Крыма/ Якобсон А.Л.// МИА. – 1958. - № 85.

ПЕТРОВА И. А.

**НОВЫЕ ИМЕНА АК-МЕЧЕТЦЕВ
В ЭЛЕКТРОННОЙ КНИГЕ ПАМЯТИ**

Сотрудники ГБУРК «Историко-археологический музей-заповедник «Калос Лимен» проводят большую работу в области изучения истории Ак-Мечетского (ныне –

Черноморского) района в годы Великой Отечественной войны. За период существования музея было опубликовано множество статей и информационных заметок в местной газете и на сайте заповедника, издан Вестник «Тарханкут в годы ВОВ», в прошлом году разработан проект «Дорогами партизанской славы», включающий в себя экскурсионный маршрут до места базирования Ак-Мечетского партизанского отряда в урочище Адымтюр (Бахчисарайский район) и издание книги «Партизаны и подпольщики Тарханкута» (составитель с.н.с. Овчинникова Г.Н.). Систематически проводятся встречи с ветеранами, лекции для школьников, акции, тематические экскурсии и квест-игры, приуроченные к памятным датам событий Великой Отечественной войны.

В мае 2013 года в фонды музея-заповедника поступили ценные предметы, которые помогут дополнить информацию об истории нашего района в годы Великой Отечественной войны и послевоенное время. Это:

- Алфавитная книга учета сведений имеющихся в Черноморском РВК на лиц погибших или пропавших без вести в период ВОВ;
- Списки военнообязанных запаса, призванных в Советскую Армию полевым военкоматом по Черноморскому району Крымской области в 1944 году на 40 листах;
- Именные списки на военнообязанных, призванных и направленных на пересыльный пункт гор. Симферополя Черноморским райвоенкоматом Крымской области в 1945-1946 гг. на 17 листах;
- Именные списки на военнообязанных запаса, направленных для работы в промышленности Черноморским райвоенкоматом Крымской области в 1944 году на 18 листах;
- Именные списки на отправленных военнообязанных запаса в Советскую Армию за 1944-1945 гг. по Черноморскому райвоенкомату Крымской области на 56 листах;
- «Книга Памяти», в которой содержатся данные около 500 военнообязанных всего Северо-Западного Крыма.

В преддверии празднования 70-летней годовщины Великой Победы особое внимание уделяется изучению тем, посвященным событиям Великой Отечественной войны, а потому об актуальности данного исследования говорить не приходится. Ранее списки военнообязанных Ак-Мечетского (Черноморского) района не были учтены, так как книги находились в архиве Черноморского районного военкомата, поэтому данная работа по изучению и включению списков в общедоступную базу данных Книги Памяти поможет стереть белые пятна истории и раскрыть ранее неизвестные факты, а также имена защитников нашего края.

Цель работы – пополнить имеющиеся материалы информацией о бойцах Великой Отечественной войны Ак-Мечетского района, а также включить обнаруженные новые имена в базу данных электронной Книги Памяти с целью нахождения родственников бойцов, погибших и пропавших без вести.

Работа с материалами, находящимися в фондах музея-заповедника «Калос Лимен» будет проводиться с несколько этапов: перевод списков в электронный формат, занесение информации в электронную Книгу Памяти, а также поиск родственников воинов. Поиск родных – это отдельный и очень важный этап работы, ведь с помощью полученных данных можно дополнить имеющуюся информацию как о бойцах Северо-Западного Крыма, так и обо всей истории Великой Отечественной войны в целом.

На данном этапе происходит процесс изучения списков, находящихся в фондах заповедника. Работа в настоящий момент выполнена на треть, но результаты уже очевидны: в электронный формат переведен список «Алфавитной книги учета сведений имеющихся в Черноморском РВК на лиц погибших или пропавших без вести в период ВОВ». Общий список насчитывает 201 человека. Из них с отметкой «погиб в бою» – 64, «убит» – 41, «умер от ран и болезней» – 26, «утонул» – 1, «умер» – 2. Пропало без вести – 66 человек. Нет сведений о судьбе – 1.

В списке встречается:

- один повтор (Коваленко А.А., погиб);

- перечеркнутая запись (Крупко В.И., пропал без вести);
- запись, сделанная ошибочно (Моцарь В.Н., умер от ран);
- пометка «Оказался в живых» (Пиндчера А.А., ранен).

С вычетом повторений и ошибочных записей составлен список военнообязанных в количестве 197 человек. Для включения списка в электронную Книгу Памяти были налажены связи с координатором данного проекта, военным археологом, поисковиком Сергеем Александровичем (Неважиным) Синеньким, благодаря которому новые имена Ак-Мечетцев появились в базе данных, и теперь можно продолжать работу по поиску родственников бойцов.

Также на данный момент изучены материалы рукописной Книги Памяти, находящейся в фондах музея-заповедника. В данной книге находятся списки 299 военнообязанных из г. Евпатория, а также 110 военнообязанных из Ак-Шейхского (ныне – Раздольненского) района. Таким образом, происходит изучение списков погибших и пропавших без вести бойцов Великой Отечественной войны по всему Северо-Западному Крыму, охватывая территории трех крупных районов полуострова.

Список использованных материалов

- Алфавитная книга учета сведений имеющихся в Черноморском РВК на лиц погибших или пропавших без вести в период ВОВ;
- Книга поступлений ГБУРК ИА музея-заповедника «Калос Лимен» на постоянное хранение экспонатов.

ПРОХОРОВА Т. А.

РОЛЬ ВОЕННО-ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ ЭКСПЕДИЦИЙ ИНОСТРАНЦЕВ В ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОМ ИЗУЧЕНИИ ЮЖНОЙ РОССИИ И КРЫМА В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

Аннотация

В 1783 г. Крым, став частью могущественной Российской империи, оказался вовлеченным в ее активную внешнеполитическую жизнь. Это активизировало деятельность западноевропейских агентов, которые приезжали на полуостров под видом туристов и собирали важную в военном отношении информацию. Выяснено, что многие из путешественников оставили записки с воспоминаниями о поездке в Крым. Всесторонний систематический анализ сочинений военных представителей европейских держав, посетивших Крымский полуостров в 20-е гг. XIX в., позволил установить, что в их трудах содержится наиболее полный спектр информации об изучаемой территории. Рассмотрены произведения британских путешественников – Дж. Джоунса, Дж. Александера и Т. Алкока. Очерчены основные вехи их биографии, выявлены вопросы, интересовавшие их в Крыму. Отмечено, что в значительной степени авторы интересовались местной историей, в том числе и памятниками древности, коими богата крымская земля.

Ключевые слова: Дж. Джоунс, Дж. Александер, Т. Алкок, Крым, Южная Россия, военная экспедиция, XIX век, путешествие.

The role of the military and diplomatic missions in the historical and cultural study of Southern Russia and the Crimea in the first half of the XIX century

Resume. In 1783 the Crimea, becoming part of the mighty Russian Empire, was involved in its active foreign policy. It was the reason that had intensified the activity of Western agents who came to the peninsula as tourists and collected important military information. It was found that many travelers left notes with memories of a trip to the Crimea. A systematic review of the works of

European military representatives, who visited the Crimean Peninsula in the 1820-th, revealed that their writings contain the most comprehensive range of information about the study area. The works of British travelers – G. Jones, J. Alexander and T. Alcock – were considered. The major periods of their biographies were outlined; the central issues that interested them in the Crimea were identified. It is noted that the authors were interested in local history, including ancient monuments, which the Crimean territory is rich with.

Key words: G. Jones, J. Alexander, T. Alcock, the Crimea, the Southern Russia, military expedition, XIX century, travel.

Испокон веков Крымский полуостров считался своего рода пограничной территорией. Здесь европейский запад сменяется азиатским востоком, а северные и восточные степи переходят в горные цепи на берегу Черного моря – одной из внутренних акваторий Атлантического океана. Важность пограничных территорий в истории каждого государства отмечали в своих трудах выдающиеся историки, в том числе и российские, – С. М. Соловьев [9], В. О. Ключевский [5, т. 1, с. 192–194], М. Н. Покровский [7, т. 1, с. 36]. Границы, или «пределы», были реальной или воображаемой линией «другого». Основоположник теории о границах Ф. Д. Тернер выделял три аспекта границы: территориальный (реальная линия на местности, часто в рамках естественных границ, определяющая сфера распространения публичной власти), ментальный (символическая граница, отношение «свое-чужое»), зона взаимодействия и динамического распространения. Все три аспекта применимы к Крыму, который был не только пограничной территорией, но и местом встречи нескольких культур, народов, религий [10; 20].

Для древних греков Таврика была символической границей Ойкумены, что было синонимом безопасности: дальше лежала земля «народа мужей киммерийцев», где Гомер помещал вход в «царство мертвых». Римские завоеватели, рассматривавшие границу как линию между своими территориями и «другими», видели в Крыму место встречи цивилизации и варварства. С развитием Афинской и Римской империй границы государства оставались динамичными, т.е. перемещались по мере завоевания новых территорий. Осознание античными жителями «чужого» религиозного и племенного элемента в Крыму привело к практике возведения стен, которые стали материальным воплощением символической границы (в Крыму роль таких ограждений часто выполняли горы) [8].

Крымский полуостров неоднократно выступал пограничной с театром военных действий территорией в ходе ряда вооруженных конфликтов (в конце XVIII – первой половине XIX вв. к ним относятся русско-турецкие войны 1768–1774 гг., 1787–1791 гг., 1828–1829 гг., русско-персидская война, Кавказская война 1820–1830 гг.). Конец третьего десятилетия XIX в. ознаменовался для России вызреванием нового клубка внешнеполитических проблем. После Венского конгресса России, Австрии и Пруссии (1815 г.) Священный союз этих держав вместе с присоединившимися Англией и Францией быстро исчерпал себя: ввиду борьбы испанских колоний в Латинской Америке с метрополией и ростом политического влияния Соединенных штатов Англия отступила от принципов Союза, что довершило его разложение. Однако в Европе оставалось еще множество проблем, и на передний план выходило греческое восстание против турок (1821 г.). Это событие вылилось в грандиозный конфликт – русско-турецкую войну 1828–1829 гг. После заключения Лондонской конвенции и Наваринского сражения (1827 г.) антитурецкая коалиция в составе России, Англии и Франции не упускала наступательную инициативу и летом 1829 г. нанесла поражение Турции. Андрианопольский мирный договор (14 сентября 1829 г.) закрепил за Россией владения на Дунае и Кавказе и освободил Грецию [4, р. 80–89].

В это непростое время появилось новое поколение путешественников: они отправлялись на юг России и в Крым не ради описания исторических древностей, а как военные писатели – ради изучения тех мест, где проходили или могли проходить военные события [6].

К ним относится **Джордж Мэтью Джоунс** (1785–1831) – военный офицер, путешественник, который посетил южные регионы Российской империи в 20-х гг. XIX в. В Крыму автор пробыл недолго – с 11 апреля по 6 мая 1823 г. Как капитан Королевского военно-морского флота он прекрасно знал берега Британии и был превосходным экспертом в деле строительства и обустройства портов. В Крым англичанин попал в ходе своего тура по Прибалтике и Причерноморью, предпринятого с целью экзаменации торговых и военных учреждений в портах посещенных стран. По долгу службы Дж. Джоунс уже был знаком с побережьем Испании, Италии, Франции и Нидерландов и теперь по совету сэра Уильяма Хоста (William Hoste) отправился к северным и южным берегам Европы. По итогам экспедиции им было написано «Путешествие в Норвегию, Швецию, Финляндию, Россию и Турцию, а также вдоль берегов Азовского и Черного морей с анализом местной торговли и особенностей системы размещения флота в различных частях Европы по сравнению с Англией» («Travels in Norway, Sweden, Finland, Russia and Turkey; also on the coasts of the sea of Azof and of the Black sea with a review of the trade in those seas, and of the systems adopted to man the fleets of the different powers of Europe, compared with that of England») [16].

«Путешествие...» Дж. Джоунса было издано в двух томах в 1827 г. Европейские исследователи и публицисты активно перепечатают подобного рода сочинения, и сегодня наблюдается своеобразный «историографический Ренессанс», когда сочинения двух-трехсотлетней давности обретают новую жизнь. Задача современных отечественных исследователей – не отставать от западных коллег и работать над качественным переводом «воскрешенных» из забвения источников.

О Джордже Джоунсе известно немного. Бóльшей известностью пользовался его брат Джон Томас Джоунс (1783–1843), британский генерал в инженерных войсках, генерал-адъютант Ее Величества Королевы Великобритании. Именно благодаря ему семья Джоунсов получила аристократическое достоинство баронов, тогда же был принят герб рода: на лазурном щите помещена бомба между двумя гранатами; сверху – башня замка, над которой видна надпись «Нидерланды», выполненная золотыми буквами; снизу – лежащий лев, на шее которого на ленте красного цвета с лазурной бахромой подвешена медаль. Девизом стали слова «Marte et arte» («потом и кровью») [14, p. 319].

Джордж был вторым из девяти детей Джона Джоунса (1751–1806) и Мэри Робертс. О жизни нашего автора можно узнать по заметкам, вышедшим после его кончины в лондонских изданиях. Так, в альманахе «Time's telescope» за 1832 г. и «Gentleman's magazine» за 1831 г. сообщалось о смерти Джорджа Джоунса, брата «полковника Джона Джоунса из Королевских инженеров». Из них читатель узнает, что службу Джоунс-младший начал под руководством сэра Джозефа Йорка и отправился в 1802 г. в свою первую миссию. В должности младшего лейтенанта он попал на фрегат «Амфион-32» в 1803 г. Впоследствии Джоунс оказывал помощь при захвате испанской эскадры, перевозящей сокровища из Южной Америки в Кадис. Неудачная атака лодки возле побережья Истрии 8 ноября 1808 г. обернулась для него тяжелым ранением; но уже 27 августа 1809 г. снова отличился при захвате и уничтожении шести тяжелых военных судов, береговой батареи, а также эскадры противника в Венеции. Его последнее назначение состоялось 23 января 1817 г., когда Джордж на 18-орудийной «Пандоре» направился к ирландским портам, где пробыл почти два года. Наконец, Джоунс получил должность военного корреспондента в 1818 г., начал писать и в 1827 г. опубликовал уже упомянутое нами «Путешествие...». Вскоре после путешествия у Джоунса случился паралич рук и ног, после чего он отправился в Италию для восстановления здоровья. На Мальте из-за сильной слабости он имел несчастье упасть с каменных ступеней, три его ребра были сломаны, вывихнуто плечо; это и стало причиной смерти Джоунса на третий день после падения [18, p. 57; 15, p. 561–562].

Другим «военным наблюдателем» от Англии в конце 1820-х гг. был сэр **Джеймс Эдвард Александер**, личность небезызвестная в современной историографии. Посвятив себя военной карьере, английский офицер много путешествовал, рисовал, любил музыку и поэзию, проявил себя как плодотворный и талантливый писатель. Автор более чем десяти

произведений, он не обошел вниманием ни один уголок Земли, где ему удалось побывать: Индию, Бирму, Северную Америку, Африку, Персию, Турцию, Россию и Крым.

В России автор провел девять месяцев. Вокруг же Дж. Александера завязалась настоящая интрига – ему удалось несколько раз встретиться с А. С. Пушкиным – этим объясняется интерес современных исследователей к личности британца [3, с. 320; 2]. В 2008 г. вышел русскоязычный перевод сочинения Дж. Александера под названием «Россия глазами иностранца» [1].

В 1830 г. в журнале «Monthly Repository and Review of General Literature» вышла рецензия на произведение Дж. Александера. Сочинение рекомендовано к прочтению, по крайней мере, по двум причинам: из-за информативного описания российской столицы и пути на юг, в Крым, а также второго тома с описаниями военных операций во время последней войны с Турцией (1828–1829 гг.) [19, p. 711–712].

Современные критики соглашаются с предшественниками, отмечая, что сочинение Александера – это «занимательное и полное ярких деталей описание николаевской России»; перед читателем проносятся события, виденные им в Петербурге, Москве, Одессе, Севастополе, описана также Тегеранская трагедия (убийство А. С. Грибоедова) и последние дни русско-турецкой войны 1828–1829 гг. Автор интересовался распорядком русской армии, досугом, учениями и дисциплиной солдат, их нравами, крестьянским и помещичьим бытом, офицерством. В итоге произведение стало чем-то промежуточным между травелогом и отчетом иностранного военного обозревателя. Разноплановый интерес ко всему навлек на англичанина подозрения в шпионской деятельности, за этим последовал арест. Во многом недоверие к англичанину было обусловлено самой личностью путешественника.

Сэр Джеймс Александер, уроженец Поуиса, графство Кларкманншир, был потомком древнего шотландского дворянского рода Мэйн из Стерлинга (бывшая столица Шотландского королевства). Отец путешественника Эдвард Александер был дважды женат; первая супруга не подарила ему наследников, поэтому брак длился недолго (1801–1803); второй избранницей стала племянница генерал-майора сэра А. Брюса Екатерина Глас, в браке с которой у него родилось пятеро детей, старший из них – Джеймс (1803–1885). Семейное гнездо сэра Александера находилось в Поуисе. Как и всякий древний род, Мэйны имели собственный герб: щит, разделенный на четыре части, из которых первая и четвертая имели изображение частокола с полумесяцем, а вторая и третья – изображения галер и трех перекрестий; на вершине – бобр, по бокам – шотландский горец и русалка. Девиз рода звучал как «per mare, per terras», т.е. «по суше, по морю» [13, p. 170–171].

Военная карьера будущего путешественника началась после окончания кадетского корпуса в Мадрасе (1820 г.), когда он был направлен в Индию адъютантом сэра Т. Манро во время Бирманской войны (до 1824 г.). Оставив службу в Ост-Индской компании, Александер в должности корнета был зачислен в 13-й драгунский полк и в начале англо-бирманской войны получил чин лейтенанта (1825 г.). На следующем этапе карьеры англичанин, наконец, знакомится с Россией – как британский посол в персидской армии в ходе русско-персидской войны. В 1829 г., вновь как иностранный наблюдатель, он отправился на Балканы следить за ходом русско-турецкой войны. За службу в двух армиях Александер награжден персидским Орденом Льва и Солнца и турецким Орденом Полумесяца.

Именно тогда родились записки о Крыме, в который автору еще предстояло вернуться в 1855 г., когда он с мая по июнь командовал 15-м пехотным полком и принимал участие в осаде Севастополя. В ходе этой военной кампании Александер был награжден медалью на застёжке, сардинскими и турецкими медалями, а также Меджидие (турецкий орден, утвержденный в 1852 г. и жалуемый султаном за отличие).

География путешествий и службы англичанина поражает: Индия (1824–1825 гг.), Персия (1826–1829 гг.), Россия и Балканы (1829–1830 гг.), Португалия (1832–1834 гг.), Южная Африка (1835 г.), Канада (1841–1855 гг.), Крым (май-июнь 1855 г.), Новая Зеландия (1860–1863 гг.). Путешествие по Крыму было недолгим, но увлекательным: Перекоп (Ор-Капи), Бахчисарай (ханский дворец), Байдарская долина, Инкерман, Севастополь, Херсонес

и Балаклава были основными местами, которые посетил путешественник, поэтому им уделено особое внимание.

Автор всегда был неравнодушен к памятникам древности, даже отправляясь в дипломатическую поездку, он не упускал возможности прикоснуться к старине. Неслучайно последняя миссия Дж. Александера оказалась вершиной его борьбы за сохранение исторически ценных объектов: уходя в отставку (1877 г.), он совершил еще одну поездку в Египет ради переправки обелиска «Игла Клеопатры» в Великобританию. Так случилось и после поездки в Крым: подводя итог экспедиции, автор перечисляет основные «древности», т.е. скульптуры и монументы, которые он видел в «распоряжении Его Превосходительства адмирала Грейга в Николаеве», как будто пытаясь зафиксировать их присутствие здесь, чтобы они не были утрачены или забыты в будущем. Среди них: статуя из белого мрамора, найденная в Керчи в 1825 г.; статуя из белого мрамора в два фута высотой, представляющая собой мужскую фигуру на кресле, поддерживаемом львами, найденная на берегу Днепра; «надмогильный камень» с изображением римского трубача, найденный также на берегу Днепра; «амфора особой формы» и еще 12 объектов.

Достойный перевод и обстоятельные комментарии – это, пожалуй, самое важное в работе с текстами иностранных авторов. Благодаря этому сегодня мы имеем возможность познакомиться с записками П. С. Палласа, Э. Д. Кларка, Ф. Дюбуа де Монпере и Дж. Александера. Использование наработок отечественных и зарубежных ученых является важным составляющим продвижения исторической мысли. Именно этой цели служит работа с оригинальными текстами мало изученных путешественников, которые позволят углубить наши знания о Крыме.

Малоизвестным остается по сей день имя еще одного английского путешественника – **Томаса Алкока** (1801–1866). Он родился в Патни в семье Джозефа Алкока, был его четвертым и единственным выжившим сыном. Получил образование в Харроу и вскоре был зачислен в 1-й гвардейский драгунский полк. Был членом Парламента в 1826–1830 гг. от Ньютона (Ланкашир). В 1828–1829 гг. в течение 18 месяцев путешествовал по России, Персии, Турции и Греции, т.е. по странам, которые мало посещались, но были интересны. По итогам поездки написал сочинение, которое издал за свой счет в 1831 г.

В том же году женился на Элизабет, второй дочери покойного контр-адмирала Генри Стюарта. В 1837 г. г-н Алкок принимает участие в политической гонке на место в Парламенте от городка Ладлоу, но безуспешно. Тогда же был назначен верховным шерифом в Суррее [17, р. 232–233]. В 1839 г. был переизбран в Парламент, но тут же лишен места по петиции. В 1841 г. он впервые выступает в качестве кандидата от Восточного Суррея, но, как и раньше, политика не приняла его. В 1847 г. был переизбран с г-ном Локком Кингом и был постоянным представителем от этого округа вплоть до всеобщих выборов 1865 г., когда ушел в отставку из-за ухудшения состояния здоровья [12, р. 273–274].

Крым посвящена первая часть его сочинения, где описано путешествие по России. На полуостров парламентар приехал через Одессу, осмотрел южнобережье, которое обрастало виллами российских дворян, и отправился через Керченский пролив в Восточное Причерноморье, а оттуда – в Персию. О Юго-Западном Крыму находим лишь одно упоминание – «Севастополь – прекрасный порт» [11, р. 14]. Крым, как пишет автор, «единственная часть России, где производят вино и масло», самым восхитительным местом называет берег от Севастополя до Алушты. Поразил путешественника Бахчисарай (Bacchisarai), где находится наиболее необычный для европейских глаз объект – ханский дворец. Картину дополняют закутаные от посторонних наблюдателей женщины, минареты, верблюды, усевшиеся перед татарскими магазинами, – все это создает передаваемую удивительную атмосферу Востока. Алкок рассуждает о судьбе Крымской Татарии, которая будучи частью огромного этнического формирования, тянувшегося до Китая; потомки Чингис-хана утратили свою прежнюю энергию и теперь представляют собой «никчемную расу».

Далее – описание Козлова, где, отмечает Алкок, находится самая крупная в Крыму община караимов. Отправившись в Восточный Крым, автор отмечает обилие курганов, которых особенно много возле Каффы и Керчи; город основан милетцами в период расширения ими торговых путей в эти регионы – именно поэтому здесь находят огромное количество монет. За 100 лет до н.э. этот регион завоевал Митридат, возможно, его могила находится в одном из этих холмов.

Свой пассаж о Крыме автор завершает рассуждениями о деспотичности российского правления, поскольку его, парламентаря и демократа, это волновало особенно остро; следующей на пути была Азиатская часть «пролива Ени-кале», т.е. Керченского (Боспорского) пролива, – путешественник отправился в Анапу [11, р. 18].

Так завершилось путешествие Т. Алкока в Крым. Но история военных путешествий на этом не заканчивается [6]. Россия и в большей степени ее южные рубежи продолжают привлекать внимание наблюдателей в 30-е, 40-е и особенно в 50-е гг. XIX в. Научные экспедиции и познавательные поездки организовывались все реже, теперь на первое место выходят личный интерес и цели путешественника, но в случае с Джоунсом, Александром и Алкоком это был служебный долг. В Крыму англичане осмотрели восточные регионы и южнобережье, уделив большое внимание историческим древностям. Выводы авторов осторожны и некатегоричны, калькой ложатся на представления о ходе крымской истории, которые были уже известны на тот период времени. Если П. С. Палласа отличала полнота и научная точность, П. И. Сумарокова – подробность и красочный стиль произведения, то для рассматриваемых авторов характерны остроумие в отдельных замечаниях и легкость. В то же время сведения, предоставляемые ими читателю, обладают огромной ценностью как неизученная ранее часть крымской истории. Нарботки британцев вводятся в научный оборот и должны послужить катализатором изучения «скрытой» истории Крыма, России и международных отношений.

Список использованных источников:

1. Александр Дж. Э. Россия глазами иностранца / Пер. с англ. А. Базилевича. М.: Аграф, 2008. 303 с.
2. Аринштейн Л. М. Английский путешественник о встрече с Пушкиным // Временник Пушкинской комиссии, 1976. Л., 1979. С. 139–144.
3. Вейденбаум Е. Виллок и А. С. Пушкин на Кавказских минеральных водах в 1820 г. // Русская старина. 1903. Т. 8. С. 320.
4. История международных отношений и внешней политики России (1648–2000): уч. для вузов / Под ред. А. С. Протопопова. М.: Аспект-пресс, 2001. 344 с.
5. Ключевский В. О. Курс русской истории: [в 3 ч.]. Петроград: Четв. Гос. тип., 1906–1918.
6. Кулакова Е. А. Сочинения британцев о путешествиях в Россию второй четверти XIX века // Диалог со временем. 2012. Вып. 39. С. 79–93.
7. Покровский М. Н. Русская история: в 3 т. СПб.: Полигон, 2002. Т. 1. 346 с.; Т. 2. 383 с.; Т. 3. 367 с.
8. Рибер А. Меняющиеся концепции и конструкции фронта. Сравнительно-исторический подход // Новая имперская история постсоветского пространства: сб. ст. Казань, 2004. С. 199–222.
9. Соловьев С. М. История России с древнейших времен: [в 29 т.]. М.: В Унив. тип., 1851–1879.
10. Цыганова А. А. Творческое наследие Ф. Дж. Тёрнера в истории американского прогрессизма: дис. канд. ист. наук: 07.00.03; 07.00.09. М.: Моск. пед. гос. Ун-т, 2012. 229 с.
11. Alcock Th. Travels in Russia, Persia, Turkey, and Greece, in 1828–9. London: Printed by E. Clarke and Son, 1831. 228 p.

12. Brayley E. C. A topographical history of Surrey: [in 4 vol.]. London: G. Willis, Great Piazza, Covent Garden, 1850.
13. Burke J. esq. A genealogical and heraldic history of the commoners of Great Britain and Ireland, enjoying territorial possessions or high official rank; but uninvested with heritable honors: in 2 vol. London: H. Colburn, 1835.
14. Debrett J. The baronetage of England, revised, corrected and continued by G.W. Collen. London: William Pickering, 1840. 654 p.
15. Gentleman's magazine / Ed. by E. Cave. London, 1831. Vol. 149.
16. Jones G. M. Travels in Norway, Sweden, Finland, Russia and Turkey; also on the coasts of the sea of Azof and of the Black sea with a review of the trade in those seas, and of the systems adopted to man the fleets of the different powers of Europe, compared with that of England: in 2 vol. London: Printed by William Clowes, 1827.
17. London Gazette. 1837, January 31. № 19462. P. 232–233.
18. Time's telescope for 1832, or the complete guide to the almanac. London, 1832.
19. The Monthly repository of theology and general literature: New series. January to December, 1830. London, 1830. Vol. 4.
20. Turner F. J. The significance of sections in American history. N. Y.: Henry Holt and Co, 1932.

СОХРАНЯЕВА Т. В.

ИДЕАЛ ОБРАЗОВАННОСТИ: ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ ФОРМИРОВАНИЯ ДУХОВНОЙ АТМОСФЕРЫ ОБЩЕСТВА

Abstract

The article analyzes the ideal of the educated person as one of the key notions, which is of great importance for the forming the spiritual culture of society and the social climate as a whole. The problem of the ideal of the education person is especially actualized under the circumstances of social transformations, inner crisis or external challenges for society, since elaboration and realization of modernization (anticrisis) social programs is always connected with searching an effective strategy of education development. Educational ideal is regarded as a regulative idea in different aspects: as an articulation of the social demands towards education; as a theoretical foundation of our understanding and investigating the education; as a justification of individual's educational choice and life script and as a declaring certain civic virtues in form of demanded social competencies. The ideal of the educated person in the context of the state policy and the economic approach toward education is examined. The article reviews major criticisms of the economic approach to understanding the aims and goals of education and the social and individual well-being as well; the insufficiency of the economic dimension of education effectiveness is shown. The article then moves on to investigate the significance of citizen activity as social value and component of holistic image of the educated person. It is argued, that the main outcomes of education is not only the individual's development but forming also his environment. Therefore social responsibility and active civic attitude are to be the distinctive features of the educated person. Education is a significant tool to contribute the constructive social creativity, to overcome "civic privatism" (J.Habermas) and to prevent the social destructive behavior. The last one is of particular importance for the culturally heterogeneous society characterized by different moral and political values of persons. In the last part of article the significance of the non-utilitarian and humanitarian aims of the education is emphasized. The article concludes by suggesting that the social and cultural function of the education ideal is to develop and to improve education system values and to contribute the comprehension by the society the new "horizons" of social life.

В системе представлений общества, имеющих ключевое значение для определения перспектив и приоритетов общественного развития, для формирования социального климата,

важное место занимает идеал образованности. Идеал образованного человека – задаваемый целенаправленно через государственные образовательные стандарты и явно артикулированный, например, в форме государственной образовательной доктрины, или сформированный стихийно и существующий на уровне обыденного сознания - всегда имеет большое значение для формирования духовной атмосферы общества, выступая регулятивной идеей.

В ситуациях социальных трансформаций, внутренних кризисов или внешних вызовов обществу проблема идеала образованности приобретает особую актуальность - разработка и реализация модернизационных (антикризисных) сценариев социального развития почти всегда связаны с поиском эффективной стратегии развития образования как фактора социокультурной динамики, как способа преодоления маргинализации индивидов и социальных групп, как инструмента достижения социальной сплочённости. В такие исторические моменты идеал образованности как представление об определённом органичном единстве востребованных обществом характеристик личности, формирующихся в процессе формального и неформального образования, становится неким «камертоном» для «настройки» общественного сознания.

В проблеме регулятивного значения идеала образованности можно выделить несколько взаимосвязанных аспектов. Во-первых, как любой идеал образованности есть выражение потребности в исторической перспективе и артикуляция понимания таковой. Цель идеала – заглянуть в будущее и приблизить его; в нём отражаются ожидания общества в отношении того или иного социального института или общества в целом. Применительно к институту образования идеал образованности как характеристика субъекта образования, востребованного обществом, должен задавать главные векторы развития системы, определять постановку дальних целей и текущих задач образовательной практики. Во-вторых, идеал образованности можно назвать регулятивной идеей системы образования и образовательной практики, т.к. подобно кантовским «регулятивным идеям» он должен обеспечивать системность нашего подхода к пониманию образования, к его теоретическому исследованию, связывать наши знания согласно одному принципу. Цель регулятивной идеи – вносить насколько возможно единство в частные знания и задавать стандарты в области образовательной практики. Это идея, благодаря которой отдельные знания и элементы практики составляют не случайный агрегат, а связанную по необходимым принципам систему. В-третьих, можно говорить о значении идеала образованности для формирования образовательного выбора как части жизненных сценариев различных социальных групп, в первую очередь молодёжи – выбор учебных заведений, представления о значимости той или иной профессии, карьерные ожидания, установки в отношении непрерывного образования и т.д. В-четвёртых, образовательный идеал как представление о наиболее совершенных результатах образования включает в себя и тем самым утверждает ряд гражданских добродетелей в форме востребованных социальных компетенций.

Образовательный идеал – категория культурно-историческая. Его содержание и трансформации обусловлены как духом эпохи, так и динамикой социального и культурного развития того или иного общества. Но константным в отношении идеала является то, что во все времена он представляет собой важный элемент индивидуальных систем ценностей и общественных представлений о смыслах процесса социализации, т.к. от идеала образованности зависит вся система трансляции культурного опыта. Если речь идёт о продуманной концепции образовательной политики, то во всех аспектах прослеживается основополагающее значение идеала образованности. В субъектном аспекте это может проявляться в представлении о фигуре педагога или о мотивах к получению образования со стороны обучающихся; в объектном – в определении того, какие именно знания, навыки, ценности, социальные установки общество старается привить обучающимся; в процессуальном – какими путями и способами осуществляется трансляция знания; в институциональном – посредством каких образовательных институтов осуществляется образовательная политика. Крупные мыслители разных эпох, размышляя об образовательном идеале, рассматривали эту проблему в комплексе.

Самый ранний пример такой комплексной постановки задач – кто и как, чему и для чего учит? – концепция образования Платона. Далее можно назвать философские концепции образования Коменского, Локка, Руссо, Канта, Дьюи, Гессена и многих др. Во всех этих теориях прослеживается понимание значения идеала, определяющего цели и средства образовательного процесса.

Значение идеала образованности выходит далеко за рамки системы индивидуальных ценностей. В образовании всегда присутствуют личностный и государственный интересы. Они могут не совпадать, да и государство, как правило, не ставит целью достижение того, чтобы они совпадали. Известны слова Канта о том, что «правители нередко смотрят на свой народ как на часть животного царства и обеспокоены лишь тем, чтобы народ размножился. Если они и принимают во внимание образовательную деятельность, то исключительно с корыстной целью эффективнее использовать трудовые умения и навыки своих подданных»[1, с.453]. Тем не менее, государственный интерес в образовании является важным фактором его развития. В современном мире индивидуальные образовательные траектории очень часто могут быть блистательными и эффективными вне зависимости от общественных установок, но уровень образования общества в целом, конечно, зависит от государственного подхода и от общественного понимания идеала образованности. Именно государство через выработку нормативных документов создаёт (или не создаёт) основания для реализации на практике общественных ожиданий в отношении образования.

Идеал образованного человека хорошо показывает, как в обществе интерпретируются потребности человека и с какими его потребностями связываются задачи образования. Если мы говорим преимущественно о подготовке конкурентоспособного специалиста, мы продолжаем воспроизводить подход к образованию, суть которого связана с «эгоизмом приобретателей» (Ницше) и которое обеспечивает «максимум знания и образования, следовательно, максимум потребности, следовательно, максимум производства, следовательно, максимум прибыли и счастья». Цель такого образования, если использовать сравнение Ницше, состоит в том, «чтобы создать как можно больше ходячих людей, в том смысле, в каком мы называем ходячей монету; и, согласно этому воззрению, народ будет тем счастливее, чем больше в нем будет таких ходячих людей», которым их знания дают «возможно большую меру счастья и прибыли»[2].

Сама по себе цель подготовки квалифицированных профессионалов для сильной экономики не вызывает возражений, но она не должна быть главной в системе целей и задач образования. Установка на подготовку специалиста является одним из аспектов экономического подхода к проблемам образования, который доминировал в последние десятилетия и в рамках которого акцентируется проблема экономической эффективности образования. Появление в 1960-х годах теории и концепта «человеческого капитала» (Г.Беккер) коренным образом изменило способ восприятия связи между образованием и экономическим прогрессом. Включение этого понятия в экономическую теорию имело результатом установление устойчивой связи между образованием и экономическим прогрессом: исследования Г.Беккера и многих других экономистов показали, что для индивидов инвестиции в образование оборачиваются более высоким уровнем жизни и что образование является фактором возрастания доли ВВП на душу населения.

Установление данной зависимости определяет отношение к образованию как фактору экономического роста и к ориентации в разработке образовательных стратегий на показатели, имеющие прикладное «экономическое» значение. Специалисты признают справедливость многих допущений экономического подхода, но отмечают и его ограничения - образование рассматривается как средство достижения экономических целей, при этом теряется внутренне присущая образованию ценность, а также за рамками рассмотрения остаются многие другие потребности общества «неосязаемого» характера, которые удовлетворяются посредством образования[6, с. 114].

В последнее время критика экономического подхода усилилась, поскольку нет строгой корреляции между показателями экономического роста и развитием гражданской активности населения. Во многих европейских странах с высокими показателями ВВП всё более широкое

распространение получает социальная позиция, которую Ю.Хабермас в своё время определил как «государственно-гражданский приватизм» - воздержание от участия в политической жизни в соединении с карьерной и потребительской ориентацией индивидов. В контексте девальвации идеи активного гражданства - одной из базовых ценностей европейской культуры – известные западные исследователи ставят вопросы: как понимать благосостояние общества? насколько правомерно связывать благосостояние только с материальными аспектами жизни социума? что можно считать критерием социальной эффективности образования? [3;7;] В конечном итоге эти вопросы сводятся к вопросу об идеале образованности - какими качествами и характеристиками должен обладать образованный человек, чтобы современное культурно гетерогенное общество могло быть демократичным, солидарным и сплочённым? Как отмечает М. Нуссбаум, оценить какую-либо образовательную схему можно по тому, насколько хорошо она готовит молодёжь к жизни в демократическом обществе, в котором люди существенно отличаются друг от друга по многим параметрам (религия, этническая и классовая принадлежность, достаток, физические особенности и недостатки, пол, сексуальная ориентация и др.). По её мнению, важнейшими результатами образования - в первую очередь, гуманитарного - должны быть способности, играющие «ключевую роль в естественном процветании любой демократии» и создании «достойной мировой культуры», которая была бы в состоянии найти конструктивное решение наиболее острых мировых проблем. Это - способность к критическому мышлению; способность отвлечься от частных интересов и взглянуть на мировые проблемы с точки зрения «гражданина мира»; и способность сочувственно относиться к трудностям другого человека. [3, с.21-25].

Рассмотрение идеала образованности в аспекте формирования гражданской позиции является безусловно актуальным не только в контексте европейской или североамериканской культуры и цивилизации. Тема взаимосвязи образования и гражданского самосознания является классической для теории образования. Задача формирования гражданских добродетелей средствами образования, сформулированная ещё в античности как идеал пайдеи, хоть и имела различные смысловые оттенки в разных философских системах (сравнить, например, позиции Канта и Фихте), была, тем не менее, лейтмотивом педагогической мысли и философских размышлений об образовании эпохи модернити.

«Вечный» характер этой темы обусловлен, с одной стороны, тем, что важнейшей функцией образования является инициация/социализация индивида, а с другой – тем, что в процессе образования результатом взаимодействия субъекта со средой становится не только формирование индивида, но и формирование его окружения. Поэтому средствами образования надо постоянно утверждать человеческую, а не инструментальную, сущность человека и стремиться формировать качества, необходимые для конструирования человеком своей среды.

Особую актуальность этой задаче образования придаёт то обстоятельство, что современное общество в глобальном, региональном, национальном и даже локальном масштабе является культурно и цивилизационно выражено неоднородным. В ряду причин возрастания неоднородности в первую очередь следует отметить миграционные процессы в современном мире, обусловленные как объективными, так и субъективными факторами. Кроме того, ценностное разнообразие, плюрализм позиций является, как уже отмечалось выше, неотъемлемой характеристикой демократического устройства общества. В современном поликультурном обществе толерантная установка массового сознания в отношении многообразия ценностных миров подвергается серьёзной проверке «на прочность» даже в тех странах, где она формировалась и культивировалась в течение продолжительного исторического времени. Тем большую остроту эта проблема приобретает в российском контексте. Как отмечает А.М.Сидоркин, «одним из основных разочарований демократии для народов переходных стран стал крах мечты о единстве. Граждане посттоталитарного государства неприятно поражены тем, что их разделяют не только этнорелигиозные различия, но и глубокое несогласие по поводу нравственных ценностей. Тем не менее с этими различиями надо как-то дальше жить, предпочтительно в гражданском мире, и предпочтительно без политических репрессий и без полиции нравов» [5, с.282]. В таком контексте востребовано

формирование социальной ответственности, готовности к позитивному повседневному взаимодействию с многочисленными «другими», а не просто к рефлексии на тему «Другой» (хотя и последняя задача является важной).

Очевидно, что в структуре идеала образованности важное место должны занимать такие качества индивида, которые будут способствовать конструктивному социальному творчеству и препятствовать развитию социальной деструктивности. И когнитивные, и профессиональные компетенции должны рассматриваться сквозь призму гуманного социального действия. Образование должно ставить своей целью формирование таких профессионалов, которые могут формировать систему ценностей общества и общественное мнение, поддерживать интеллектуальную жизнь обществ, воспроизводить старые и создавать новые культурные смыслы (в отечественной культуре такие качества связывались с понятием «интеллигент»). А для этого необходимо акцентировать не только утилитарные смыслы образования. Неслучайно эту линию акцентирования неутилитарного в образовании мы можем проследить в истории философских учений от Платона и Аристотеля до Дьюи и Ясперса, а также в трудах многих представителей отечественной философии и педагогики.

Парадокс современной ситуации в образовании заключается в том, что стратегические цели общества не могут быть реализованы без усиления неутилитарного и гуманитарного начала в образовании, а реальная практика образования характеризуется заметным «сжатием» (как в объёме, так и с точки зрения значимости) гуманитарной компоненты в образовании и прагматической установкой заказчиков и субъектов образования. Инновационная экономика и общество не-индустриального типа требуют нового работника и субъекта деятельности, для которого характерны такие качества, как способность видеть неочевидные связи, узнавать и поддерживать неординарные решения [5;с.292], воображение, развитая рефлексивность, установка на саморазвитие, способность к разрешению экзистенциальных проблем, к осуществлению совместной деятельности, к самоидентификации и др. [3, с.47]. Поликультурный контекст современной жизни обуславливает необходимость образования и воспитания индивидов, личностные характеристики которых позволят им компетентно участвовать в политическом диалоге, демонстрировать взаимную ответственность и солидарность. Признание таких качеств составляющими идеала образованности предполагает изменение системы ценностей в самой системе образования, а также видение на уровне массового общественного сознания новых «горизонтов» социальной жизни и развития индивидов. В этом формировании видения новых перспектив проявляется культурная функция и общественное значение идеала образованности.

Список использованных источников:

1. Кант, И. О педагогике. /И. Кант. Трактаты и письма. - М., 1980.
2. Ницше, Ф. Шопенгауэр как воспитатель //Сочинения в 3 томах. Т2. / Ф.Ницше. - М., 1994. - <http://lib.ru/NICSHE/razmyshleniya3.txt>
3. Нуссбаум, М. Не ради прибыли: зачем демократии нужны гуманитарные науки. М., 2014.
4. Розин, В.М. Философия образования: Этюды-исследования. В.М.Розин. – М., 2007.
5. Сидоркин, А.М. Прагматический либерализм и модернизация воспитания // Вопросы образования. 2014. №2. С. 279-294.
6. Gilead, T. Education and the Logic of Economic Progress // Journal of Philosophy of Education, Vol. 46, No.1, 2012. Pp.113-131.
7. White, J. Exploring Well-Being in Schools – A Guide to Making Children`s Lives more Fulfilling. London. 2011.

И. А. ИЛЬИН О МЕСТЕ ФИЛОСОФИИ В КУЛЬТУРЕ

Аннотация

Охарактеризовать предмет философии достаточно трудно. Невозможно дать исчерпывающий ответ на вопрос, чем занимается философия. Но можно сказать, что к числу важнейших аспектов ее деятельности относятся вербализация и аксиоматизация. Философское мировоззрение есть неустанная работа духа по преодолению собственной ограниченности через создание философских текстов, в которых универсальные вопросы бытия решаются через смысложизненную проблематику автора. И.А. Ильин рассматривает сложность определения предмета философии и дает свое видение о том, как представлен философ в культуре, подчеркивая, что «философия ... имеет подлинную, творческую связь с жизнью».

Ilyin I.A. on place of Philosophy in Culture

Annotation

To describe the meaning of philosophy is difficult enough. It is impossible to provide an exhaustive answer for a question, what philosophy is engaged in. But it is possible to say, that verbalization and axiomatization are belong to the number the major aspects of its activity. A philosophical weltanschauung is tireless spirit's activity on overcoming of own narrow-mindedness through creation of philosophical texts, in which the universal questions of being are determined through life-senses challenges of author. I.A. Ilyin examines complication in identifying meaning of philosophy and provides self-opinion concerning, how a philosopher is presented in a culture, underlining that «philosophy ... has authentic, creative connection with life».

Ильин работал в совершенно особом жанре – тихой метафизической философии, обращенной к личности. Его темами стали вера, любовь, совесть, ответственность, обновление духа [5,с.350-351]. Особое внимание он обращал на предмет философии, образ философа в культуре: «Отчего это философия, существующая более двух с половиной тысячелетий и признающая себя за некое высшее, лучшее, безусловно достоверное знание, – живет доселе в притязании на столь великое и с неопределенностью в своем существовании?» [2, с.7].

Охарактеризовать предмет философии в некоторых отношениях труднее, чем предметы естественных наук. Понятие предмета философии неотделимо от особенностей человеческого существования. Для человека весь мир оказывается расколотым на две части: на «мое Я» и остальное – «не-Я», включая природу, общество, других людей. «Как бы не определить философию, она всегда окажется *знанием*... Но, для того, чтобы знание состоялось, необходимо, чтобы *содержание* объекта вступило, так или иначе, в *пределы субъекта*. Ибо знание есть разновидность обладания, мнения; чтобы иметь, надо взять, по-ять; без взятия, по-ятия, не может быть ни по-нимания, ни по-нятия» [3,с.32]. Предмет философии дан «внутренно ... в виде субъективно-душевных переживаний, лично испытываемых, у каждого своеобразных и доступных каждому только про себя и для себя» [2, с.9]. «Философия чужда и недоступна тем, кто не знает и не чувствует различия между *бытом* и *духом*» [3,с.31].

«Философствование, как всякая познавательная практика, есть не внешнее умение или делание, но внутреннее; это есть творческая жизнь души..., душевно-духовное делание. Душа не то же самое, что дух. Душа – это весь поток не-телесных переживаний человека... Дух это то, что объективно значительно в душе» [2, с.13].

Философия – это выявление предельных оснований мировоззрения в единстве умозрения, категориальной рефлексии, чувственно-эмоционального настроения и глубинной любви к мудрости. Невозможно дать исчерпывающий ответ на вопрос, чем занимается

философия. Но можно сказать, что к числу важнейших аспектов ее деятельности относятся вербализация и аксиоматизация, т.е. изъяснение в словах и сведение к логическому единству пред-рассудков и пред-убеждений людей – того, что люди обычно воспринимают как «само собой разумеющееся», а также поиски новых путей, образцов (парадигм) философствования. «Современная логика ...убедительно показала, что человеку доступно, при известной внутренней культуре, *безобразное мышление* и что именно такому и только такому мышлению открывается строй понятий, во всей его законченности и чистоте» [3,с.38-39].

Положение философии в духовной культуре таково, что она, как бы, всем знакома, поскольку каждый в своей жизни, так или иначе, сталкивается с решением философско-мировоззренческих проблем. «Философия имеет свою *научную лабораторию* и свои *жизненные достижения*... В этой лаборатории накапливается и осмысливается *духовный опыт*, без которого нет, не было и не будет настоящей философии ... Философия ... имеет подлинную, творческую *связь с жизнью*; каждым серьезным свершением своим она доказывает, что у нее есть особый, самостоятельный *предмет*; ...философия есть *наука о жизни* » [3, с.30-31]. «Философия не в отвлеченности, не в сплетениях хитроумия и не в праздно-лукавом мудрствовании. Нет, настоящая философия духовна, опытна, честна и проста; и именно в этих свойствах своих она приближается к настоящей религии» [2, с.26].

Вместе с тем, она требует развития навыков абстрактного мышления, что кажется широкой публике «заумью». Отсюда следует либо отрицание философии и философов, либо пietet к ним. Если Э. Ренан сожалел тех, кто не философ, кто не дошел до возвышенного понимания жизни, то русский философ Н.А.Бердяев признавался по этому поводу: «Поистине трагично положение философа – его почти никто не любит. На протяжении всей истории обнаруживается вражда к философии, при том с самых разнообразных сторон. Философия есть самая незащищенная сторона культуры» [1, с.230]. И.А.Ильин считает: «Для того, чтобы судить о философии, надо *жить ею*; и тот, кто не может или не хочет жить философским предметом, обязан воздерживаться от суждений и о самой философии и о ее предмете» [3,с.32]. «Философия больше чем жизнь: она есть *завершение жизни*; а жизнь перее философии: она есть ее *источник* и предмет» [3,с.27,51].

Первый образ философии как *любомудрия* возникает в Древней Греции. Пифагор развел понятие «софос» и «философия». Первое («мудрость») – прерогатива богов, второе («любомудрие») – удел человека.

Расхожее утверждение о том, что каждый сам по себе является философом весьма далеко от истины. Философское мировоззрение есть неустанная работа духа по преодолению собственной ограниченности через создание философских текстов, в которых универсальные вопросы бытия решаются через смысложизненную проблематику автора. «Для того, чтобы верно познавать, философ должен *жить* так, чтобы его предмет становился его *собственным* жизненным содержанием; он должен *жить тем, что познает*; так, чтобы его *личная жизнь* стала *жизнью предмета в нем*» [3,с.46]. «Философ додумывает и придумывает именно там, где он *не-до-внял* предмету, т.е. где его внимание, или, что то же, его предметное «внутри-имание» – не выдержало и изнемогло» [3,с.35]. «Философ по своему призванию есть хранитель, углубитель и истолкователь» [3,с.50].

Философский текст выступает как преодоление тоски обыденности и ее однообразного круговорота жизни. Философский текст обретает свою реальность при единстве как миропонимания так и мироотношения мыслителя, но вместе с тем он есть результат противоречия между миропониманием и мироотношением. Создавая философские тексты, мыслитель рано или поздно начинает осознавать, что текст не есть сама жизнь (жизнь гораздо богаче текста); и чем ярче и оригинальней написан текст, тем в большей степени ощущается разлад между ним и поступками философа – «текстом жизни». Этот разлад может привести к глубокой депрессии. Таков трагический пример Ф.Ницше, окончившего жизнь безумием. Тексты философа должны соединяться с его жизнью. «Философия вмещает и смеет вмещать в себя только то, что сам человек вместил в свой духовный и жизненный опыт...Это можно выразить так: *орудием* философского познания

является *живое существо самого философа*» [4,с.73]. «Философ, духовно пустой, слепой и мертвый – есть *не философ, а софист и лицемер, порочный фантом. Ибо есть звания и призвания, обязывающие к интенсивному и цельному духовному бытию: таковы звания священника, пророка, художника, ученого и правителя...* Но именно таково и дело философа, сосредоточивающего в себе и религиозный, и художественный, и научный, и нравственный, и политический, и педагогический опыт – весь духовный опыт во всем его объеме, для его *научного раскрытия*» [4,с.65].

«Личный духовный опыт философа в глубине своей связан *происхождением, подобием и взаимодействием* с опытом его родного народа; ему удастся выработать этот опыт и мобилизовать его... Совсем не случайно, что есть народы, *еще* не имеющие или *уже* не имеющие своей национальной философии; напротив, это естественно и понятно» [3,с.49].

Революция 1917г. затронула Ильина весьма глубоко. Он начал переосмысливать проблемы государства, права, закона, личности. Ильин стал одним из идеологов «белого» движения и о своих убеждениях говорил вполне открыто [4,с.350].

К извечным философским проблемам бытия, сознания, смысла жизни современная эпоха добавила принципиально новую, никогда не существовавшую ранее тему единой судьбы человечества и сохранения жизни на Земле. Способна ли философия в этих условиях обеспечить мировоззренческую ориентацию личности, помочь человеку обрести новое видение мира и указать стратегический путь выхода из кризиса? Ответ на этот вопрос не может быть ни положительным, ни отрицательным, ибо очень многое зависит от каждого из нас.

«Практический вред, проистекающий от ошибок в гуманитарных науках, слишком часто не возвращается на голову того, кто в них повинен; тяжелые последствия, созданные ложным учением о «душе» слишком легко расплываются в окружающей среде» [2, с.11]. «Процесс обыденной жизни вырабатывает «скрытые» и «терпимые» формы искажений, и только в минуту острого нравственного отрезвления перед человеком встает въяве их сущность и их значение» [2,с.12]. Мудрый Сенека утверждал, что «люди гонят от себя философию, когда им хорошо, и обращаются к ней, когда нам плохо».

Список использованных источников:

1. Бердяев Н.А. Философия свободного духа. М., 1994.
2. Ильин И.А. Философия как духовное делание / И.А.Ильин. Религиозный смысл философии – М.: ООО «Издательство АСТ», 2003. – 694с. С. 7-26.
3. Ильин И.А. Философия и жизнь / И.А.Ильин. Религиозный смысл философии – М.: ООО «Издательство АСТ», 2003. – 694с. С. 27-51.
4. Ильин И.А. О возрождении философского опыта / И.А.Ильин. Религиозный смысл философии – М.: ООО «Издательство АСТ», 2003. – 694с. С.52-82.
5. История философии: Запад-Россия-Восток (книга третья: Философия XIX – XX в.) / Под редакцией проф. Н.В.Мотрошиловой и проф. А.М.Руткевича – М.: «Греко-латинский кабинет» Ю.А.Шичалина, 1998. – 448с.

ФАТКУЛИН Б. Г.

БАЗОВЫЙ ТЕЗАУРУС КЛЮЧЕВЫХ ТЕРМИНОВ ПО КРЫМСКОЙ ТЕМАТИКЕ В СОВРЕМЕННЫХ ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКАХ КНР

Аннотация:

The article tells the reader about the basic terminology of the Chinese language which describes the history, geography of the Crimea and certain phenomena of the contemporal history of the peninsula. We used the methods of the natural language processing and the linguistically oriented Python set of modules NLTK for the purposes of the data mining and the terminology extraction. The Crimea Chapter of the Chinese Baidu encyclopedia was chosen by us as an object for the text-

mining and the research. The article contains certain information about Baidu, the history of its development and compares Baidu with some other on-line encyclopedias. In our research we tried to extract the neutral terminology which is free from the journalism and the subjectivity. The nowadays Crimea issue is evaluated differently from the different points of view. The Chinese point of view is as usual very balanced being free from the pro-western concepts and is based on the peaceful coexistence model. The intention to strengthen the Russian-Chinese ties determines the modern Chinese terminology on the Crimea issue. We managed to cite the real Chinese source text given in the hieroglyphes and the Pinyin transcription with the translation into Russian. We are sure that the extracted terminology will help the Russian and the overseas sinologists specializing in the Crimea issues to make their search in the Chinese Internet scientific and analytical sources. We have extracted the Chinese named entities: the geographical names, the ethnonymes, the historical events, the governmental bodies, the personalities, the international treaties, the political phenomena etc. Our research is a combination of the two science branches: the Crimea Studies and the Applied Linguistics (aimed on Chinese texts). Besides we offer the special Python script which enables the handling of the Chinese texts written in the utf-8 codeset. The script is the universal instrument for all languages based on non-Latin alphabet (Persian, Arabic, Georgian, Armenian etc.) The research contains keywords for those who want to find an information about Crimea in the Chinese segment of the Internet. The results of the article can be used in the teaching of regional component of local history and in the preparation of specialists in the Chinese Studies. There are some definitions of the Crimean peninsula international status, the evaluation of the Crimea referendum in Chinese sources is also done.

В силу геостратегического положения полуострова Крым и важности черноморского региона для мирного баланса сил в Европе крымская тематика всегда вызывала интерес не только в Европе, но и в Азии. На события, происходящие в Крыму, так или иначе отреагировали все мировые СМИ. Средства массовой информации КНР безусловно не могли остаться в стороне от мировых новостей и посвятили крымским событиям множество статей и репортажей.

Однако проблема СМИ заключается в том, что реакция СМИ носит конъюнктурный, сиюминутный характер. Значимая же информация по своей природе более статична и проверяется временем. Несомненно, как и во всем мире, в прессе Китая высказываются разные мнения о современном Крыме. Нередко мнения журналистов носят полярированный характер, изобилуют геополитическими концепциями, оценочными категориями.

В многополярном мире информация должна быть многовекторной и учитывать все мировые центры силы. КНР является одной из ключевых стран Азии. Поэтому необходимо знать как китайские исследователи интерпретируют новейшую историю Крыма. На наш взгляд, в оценке мнения КНР о Крыме целесообразнее было бы обратить внимание на документы профессионального онтологического уровня, т. е. энциклопедии. Энциклопедии являются более предпочтительными, поскольку в них публикуются только устоявшиеся знания, которые авторы энциклопедий намеренно очищают от налета субъективности. На составителях любой энциклопедии лежит гораздо большая ответственность нежели на рядовых журналистах. Авторы энциклопедических статей избегают пристрастности, дают только проверенные, реальные факты. Именно энциклопедии содержат ключевые понятия о каком-либо явлении, которые затем ложатся в основу информации о нем. В силу этого тезиса знание ключевых слов для поиска информации по Крыму на китайском языке актуально для российских востоковедческих структур и в том числе для крымских китаеведов, философов и политологов.

Целью нашего исследования стал поиск ключевых выражений на китайском языке, которые затем можно будет использовать для поиска информации о Крыме на просторах китайского интернета. Мы постарались собрать ключевые слова о Крыме, которые

встречаются среднестатистическому гражданину КНР, нацеленному на поиск информации по Крыму.

Для того, чтобы выделить ключевые понятия по крымской тематике, мы выбрали в качестве источника китайскую энциклопедию Байду. Энциклопедия Байду — интернет-энциклопедия на китайском языке, разрабатываемая и поддерживаемая Китайской поисковой системой Baidu. Также как и сама Baidu, энциклопедия подвержена цензуре в соответствии с правительственными постановлениями. Тестовая версия появилась 20 апреля 2006 года, и по прошествии трёх недель энциклопедия содержала более 90 тысяч статей, превзойдя по этому показателю Китайскую Википедию. По состоянию на февраль 2012 года, Энциклопедия Байду содержала 4,5 миллиона статей, что в десять раз больше, чем число статей в Китайской Википедии. Девиз Байду: «Сделать знание доступным для всех».

Для выделения ключевых терминов по крымской тематике мы использовали средства прикладной лингвистики: лингвистически ориентированный модуль NLTK на языке Python. Мы приспособили стандартные инструменты NLTK для работы с текстами на китайском языке. Вопросы апробации лингвистически ориентированного программного обеспечения поднимаются многими российскими лингвистами. Так, А. В. Маслов в своей статье[2;168], проводя обзор программного обеспечения для обработки естественных языков, упоминает и лингвистически ориентированное программное обеспечение на языке Python. Исследуя большие текстовые массивы на восточных языках, мы обратили внимание на NLTK (Natural Language Toolkit) --- комплекс лингвистически ориентированных модулей на языке Python. NLTK представляет собой набор исполняемых скриптов, направленных на обработку текстовых файлов[3;15].

Скрипт --- это небольшая программа, как правило выполняющая одну функцию, которая как правило выполняется из командной строки.

Объектом скрипта является некий текстовый файл. В результате работы скрипта выводится другой файл, содержащий результаты обработки.

Комбинируя скрипты в разной последовательности, можно добиваться на выходе различных результатов.

Таким образом, NLTK можно сравнить со своего рода «кулинарной книгой» прикладной лингвистики, а скрипты --- это набор рецептов «на все случаи жизни».

Как мы уже сказали, существенной чертой NLTK является то, что он может работать и с восточными языками, использующими нетрадиционные средства представления, в том числе арабскую вязь и иероглифы[2;16].

Новый шаг в развитии обработки текстов на восточных языках был сделан после изобретения и введения в употребление кодировки utf-8, которая дала возможность выводить на экран большинство символов текстово-символьной таблицы наиболее значимых языков мира. Однако без предварительной подготовки вывод результатов команд python не всегда отображается корректно, поскольку символы восточных языков относятся к кодировке utf-8, чего не учитывают настройки обычного пользователя, данные ему по умолчанию.

Предлагаем скрипт для решения этой проблемы в применении к тексту на китайском языке:

```
# -*- coding: utf-8 -*-
```

```
import codecs
```

```
file = codecs.open("/home/lisboa/text-na-kitaiskom.txt", "r", "utf-8")
```

```

text = file.read()

print text

text = text[0:]

print text

words = text.split()

for w in words:

    print w

```

Исполнив данный скрипт на языке Python, мы в итоге получили удобочитаемый текст соответствующей главы энциклопедии на китайском языке. Этот текст мы подвергли дальнейшей обработке средствами языка Python и встроенных команд операционной системы UNIX (grep, sort, uniq).

В итоге, мы выделили следующие термины:

Географические названия Крыма:

Крым & Kè lǐ mǐ yà & 克里米亚; %черноморский & hēihǎi & 黑海; %Ближний Восток & jìndōng & 近东; %Керченский полуостров & kè chì bàndǎo & 刻赤半岛; %Керченский пролив & kè chì hǎixiá & 刻赤海峡; %Крымчаки & Kè lǐ mǐ yà tàtǎ'èr & 克里米亚塔塔尔; %Хазария & kě sà lì yǎ & 可萨利亚; %Хазары & kě sà rén & 可萨人; %Греция & xīlà & 希腊; %Таврос & táo lǐ sī & 陶里斯;

Историческая терминология из новейшей истории Крыма:

克里米亚鞑靼社会主义自治共和国%Ялтинская конференция & yǎ'èrtǎ huìyì & 雅尔塔会议

%Крымская Автономная Республика & kè lǐ mǐ yà (zìzhì) gònghéguó & 克里米亚 (自治) 共和国; %город Севастополь & sāi wǎsī tuō bō èr shì & 塞瓦斯托波尔市; %Украина & wūkèlán & 乌克兰; %парламент Крыма & kè lǐ mǐ yà yìhuì & 克里米亚议会; %"Закон о национальной независимости Крыма" & "kè lǐ mǐ yà guójiā dúlì fǎ" & "克里米亚国家独立法"; %"Конституция Республики Крым" & "kè lǐ mǐ yà gònghéguó xiànfǎ" & "克里米亚共和国宪法"; %независимость Украины & wūkèlán dúlì & 乌克兰独立; %референдум & quánmín gōngtóu & 全民公投; %Симферополь & xīn fēi luō bō èr & 辛菲罗波尔; %Севастополь & sāi wǎsī tuō bō èr & 塞瓦斯托波尔; %Русский, Украинский, Татарский & èluósī yǔ, wūkèlán yǔ, dá dá yǔ & 俄罗斯语、乌克兰语、鞑靼语; %Выход из состава Украины & wūkèlán chèjūn & 乌克兰撤军;

Ключевые персоналии:

%Владимир Путин, Владимир Константинов, Сергей Аксенов & fú lǎ jī mǐ'èr·pǔjīng, fú lǎ jī mǐ'èr·kāng sītán dīng nuò fū, xiè èr gài·ā kè xiào nuò fū & 弗拉基米尔·普京, 弗拉基米尔·康斯坦丁诺夫, 谢尔盖·阿克肖诺夫%Маршал Толбухин & tuō èr bù xīn yuánshuài & 托尔布欣元帅;

Исторические термины:

%кельтский & kǎi èr tè rén & 凯尔特人; %скифы & sī jī tài rén & 斯基泰人; %греческий & xīlà rén & 希腊人; %Босфор Босфор Королевство & bó sī pǔ lǔ sī wángguó & 博斯普鲁斯王国; %Римская империя & luómǎ dìguó & 罗马帝国; %Готы & gē tè rén & 哥特人; %гунны & xiōngnú & 匈奴; %Восточная Римская империя & dōng luómǎ dìguó & 东罗马帝国; %Хазары & kě sà rén & 可萨人; %Византийская империя & bài zhàn tíng dìguó & 拜占廷帝国; %кипчакские люди & qīn chá rén & 钦察人; %монгол & ménggǔ rén & 蒙古人; %Генуя & rè nà yà & 热那亚; %Венеция & wēnísī & 威尼斯; %Османская империя &

àosīmàn dìguó & 奥斯曼帝国; %татары & dá dá rén & 鞑鞑人; %Золотая Орда хана улусы & jīn zhàng hàn guó & 金帐汗国; %Чингисхан & chéngjísīhán & 成吉思汗; %Джучи & shù chì & 术赤; %Тимур & tiē mù er & 帖木儿; %Бату & bá dū & 拔都; %Хаджи I Гирей & hā jí·gé lái & 哈吉·格来; %Бахчисарай & bāhè qiè sà lā yī & 巴赫切萨拉伊; %Османская империя & àosīmàn dìguó & 奥斯曼帝国; %мусульманин & mùsīlín & 穆斯林; %Менгли I Гирей & mínglǐ·gé lái & 明里·格来; %Кафа & kǎ fǎ & 卡法; %Кафа города & kǎ fǎ chéng & 卡法城; %Украинцы, белорусы, русские & wūkèlán rén, bái'èluósī rén, èluósī rén & 乌克兰人, ; %白俄罗斯人, 俄罗斯人; %Крымскотатарский ханство & kè lǐ mǐ yà dá dá hàn guó & 克里米亚鞑鞑汗国; %Потемкин & bō tè jīn & 波特金; %Русско-турецкая война & é tǔ zhànzhēng & 俄土战争; %Петр Великий & bǐ dé dà dì & 彼得大帝; %Балтийское море & bōluódihǎi & 波罗的海; %Екатерина Великая & yè kǎ jié lín nà dà dì & 叶卡捷琳娜大帝; %Ясон & yī ā sòng & 伊阿宋; %Аргонавт & “ā ěr gē hào” & “阿耳戈号”; %Золотой история руно & jīn yáng máo de gù shì & 金羊毛的故事; %Готы, гунны, болгары, хазары, кипчаки люди (мусульмане-тюрки), монголы занимали Крым; В позднем средневековье венецианские и генуэзские купцы построили несколько городов-колоний на полуострове. & gē tè rén, xiōngnú rén, bǎo jiā'ěr rén, kě sà rén, qīn chá rén (xìnfèng yī sī lán jiào de tūjué rén de yī zhī), ménggǔ rén xiānhòu zhàn lǐngguò kè lǐ mǐ yà, zhōngshì jì mòqí, wēinísī, rēnà yà de shāng rén hái zài bāndǎo shàng jiàn lǐngguò jǐ gè zhīmín chéngshì. & 哥特人、匈奴人、保加人、可萨人、钦察人（信奉伊斯兰教的突厥人的一支）、蒙古人先后占领过克里米亚，中世纪末期，威>尼斯、热那亚的商人还在半岛上建立过几个殖民城市。; %Шаманизм & Sāmǎnjiào & 萨满教; %кипчаки & qīn chá rén & 钦察人; %Крымско-татарская социалистическая автономная республика & kè lǐ mǐ yà dá dá shèhuì zhūyì zìzhì gòngghéguó.

Дипломатические термины:

%"Кайнарджийский мир" & “kǎi nà ěr jī tiáoyuē” & 《凯纳尔基条约》; %царская Россия & shā'é shíqí & 沙俄时期; %Крымская война & kè lǐ mǐ yà zhànzhēng & 克里米亚战争; %Генерал Нахимов & nà xī mò fū jiāngjūn & 纳希莫夫将军; %"Парижский договор" & “bā lí hé yuē” & 《巴>黎和约》;

Термины российско-украинских отношений

%Богдан Хмельницкий & bào gé dān·hè méi ěr ní cí jī & 鲍格丹·赫梅尔尼茨基; %300-летие воссоединения Украины с Россией & èluósī “jiéméng” 300 zhōunián & 俄罗斯“结盟”300周年; %Кучма & kù qí mǎ & 库奇马; %Российско-украинский договор о дружбе и сотрудничестве & é wū yǒuhǎo hézuò huǒbàn guānxì tiáoyuē & 俄乌友好合作伙伴关系条约; %Экстремистские националистические силы & jíduān mínzú zhūyì shìlì & 极端民族主义势力;

В вопросе определения современного статуса Крыма китайская энциклопедия выбирает следующую нейтральную формулировку: «Крым является спорной территорией между Россией и Украиной, но находится в фактическом владении России»: %Россия / Украина (спорный) & èluósī liánbāng / wūkèlán (cúnzài zhēngyì) & 俄罗斯联邦 / 乌克兰（存在争议）; %Фактический контроль & shíjì kòngzhì & 实际控制.

Завершается глава энциклопедии следующим ключевым предложением:

«16 марта 2014, Крым провел референдум; по результатам 100-процентного подсчета голосов 96,77 электората проголосовали за вхождение Крыма в Российскую Федерацию, явка составила 83,1 % . & 2014 nián 3 yuè 16 rì, kè lǐ mǐ yà jǔxíng quánmín gōngtóu, gēnjù 100 xuǎnpǐào de jiéguǒ biǎomíng, 96.77 Cānjiā tóupǐào de xuǎnmín zànchéng kè lǐ mǐ yà jiārù èluósī liánbāng, tóupǐào lǜ wèi 83.1. & 2014年3月16日，克里米亚举行全民公投，根据100选票的结果表明，96.77参加投票的选民赞成克里米亚加入俄罗斯联邦，投票率为83.1

。

Таким образом, методы прикладной лингвистики помогли нам собрать и представить вниманию крымских китаеведов базовую энциклопедическую терминологию китайского языка по современной крымской тематике.

Список использованных источников

- [1] Маслов А.В. Системы автоматической обработки текстов на естественном языке: лингвистические аспекты и перспективы развития // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2013. № 13 (699). С. 167-170.
- [2] Фаткулин Б.Г. Прикладная лингвистика и обработка текстов на восточных языках: современные перспективы // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Лингвистика. 2014. Т. 11. № 3. С. 15-18.
- [3] Bird, Steven, Ewan Klein, and Edward Loper. Natural language processing with Python. Beijing Cambridge Mass: O'Reilly, 2009. Print.

ФИЛИМОШКИНА И. А.

КРЫМ – ТЕРРИТОРИЯ СВОБОДЫ

Annotation

In the article the comparative analysis of Ukrainian and Russian normative acts, concerning the establishing and operating of the Crimea free economic zone, was conducted. Personal research revealed the ideological completeness, validity and socio-economic focus of the federal law. The author emphasizes the key parameters of functioning of the free economic zone, indicates future trends of their changes. Development of the Crimea as a territory of economic growth in the post-Soviet space was proposed.

Анотація

У даній статті проведена порівняльна характеристика українського і російського нормативних актів, що регулюють питання створення та функціонування в Криму вільної економічної зони. За результатами дослідження виявлено ідейна завершеність, обґрунтованість та соціально-економічна спрямованість федерального законопроекту. Автором виділені ключові параметри функціонування вільної економічної зони, вказані перспективні тенденції їх змін. Запропоновано картина розвитку Криму як території економічного зростання на пострадянському просторі.

Крим завжди був місцем перетину впливових геополітичних інтересів. Багатівікова кримська історія сповнена подіями загарбницьких війн та окупацій, змінами державного ладу та господарського устрою.

Сучасний період розвитку економіки Криму є унікальним за рівнем «врегульованої свободи»: знаходячись у сфері правового впливу двох держав (України та Російської Федерації (РФ)), уся адміністративна територія кримського півострова визнана вільною економічною зоною (ВЕЗ) законами двох держав одночасно. Разом з тим, Рада Європейського Союзу 30 липня 2014 р. затвердила та запровадила в дію обмежувальні заходи в галузі торгівлі та інвестицій в Криму і Севастополі [4].

Розглянемо особливості створення та функціонування ВЕЗ в Криму за нормами українського та російського законодавства.

Від 27 вересня 2014 року набув чинності Закон України «Про створення вільної економічної зони «Крим» та про особливості здійснення економічної діяльності на тимчасово окупованій території України». У межах ВЕЗ «Крим» створюється вільна митна зона, що за своїм функціональним типом є одночасно вільною митною зоною комерційного, сервісного та промислового типу. Закон передбачає встановлення ВЕЗ терміном на 10 років, починаючи з дати набрання чинності законом. Строк дії ВЕЗ «Крим» може бути продовжено або скорочено. ВЕЗ «Крим» створюється без погодження з відповідними органами місцевого самоврядування або місцевими органами виконавчої влади [3].

Згідно Закону, органом господарського розвитку та управління ВЕЗ «Крим» буде Керуюча компанія ВЕЗ «Крим». Але ця компанія ще не створена. Її функції та повноваження визначатиме Кабінет Міністрів України, та Кабінет Міністрів взагалі може відмовитися від утворення Керуючої компанії або делегувати її функції та повноваження іншому центральному органу виконавчої влади України або державному підприємству.

В Криму діятиме особливий правовий режим економічної діяльності фізичних та юридичних осіб, зокрема, і що стосується податкового та митного права. Згідно із законом, на території ВЕЗ Крим не будуть справлятися загальнодержавні податки і збори. Більш того, особи, які перебували на обліку в контролюючих органах або мали місцезнаходження (місце проживання) на території Автономної Республіки Крим або міста Севастополя на початок тимчасової окупації, звільняються від обов'язку подання до контролюючих органів декларацій (крім митних декларацій), звітності та інших документів, пов'язаних з обчисленням і сплатою податків і зборів протягом строку тимчасової окупації та після її завершення [3].

На території Республіки Крим може застосовуватися мультивалютний режим, за яким для оплати товарів та послуг може використовуватися як гривня, так і інші валюти. Проте такі норми фактично є узаконенням переходу Криму на розрахунки у російських рублях, які здійснюються від 1 червня 2014 року.

Пояснюючи, в чому полягає сенс створення ВЕЗ на території, яку Україна де-факто не контролює і проти якої запроваджені міжнародні санкції, розробники закону заявляли, що хочуть забезпечити легальні засади для роботи тих українських підприємств, що залишилися в Криму, або ж для тих українських підприємств, які і досі ведуть бізнес із Кримом [4].

Так, фізичні і юридичні особи з місцем проживання або реєстрації на території Криму оподатковуються як нерезиденти, а будь-які пасивні доходи резидентів з джерелом їх походження з території ВЕЗ Криму, одержані таким резидентом, підлягають оподаткуванню як іноземні. Також на товари (роботи, послуги), що поставляються з території ВЕЗ Криму на решту території України, поширюються норми законодавства України про державний санітарно-епідеміологічний, ветеринарно-санітарний, фітосанітарний, екологічний і радіологічний контроль [3].

Таким чином, ключові завдання прийняття Закону України «Про створення вільної економічної зони «Крим» та про особливості здійснення економічної діяльності на тимчасово окупованій території України» наступні:

1. Врегулювати економічну діяльність на тимчасово окупованій території;
2. Пристосувати українське законодавство до діючих на півострові реалій господарського та громадського життя;
3. Створити сприятливі умови для евакуації громадян та бізнесу з окупованої території на іншу територію України. Про це свідчать наступні норми закону.

З 1 червня 2014 року вважається анульованою податкова реєстрація осіб, які станом на 31 травня 2014 року мали місцезнаходження (місце проживання) та перебували на обліку в контролюючих органах на території Автономної Республіки Крим або міста Севастополя. Така податкова реєстрація може бути відновленою після евакуації особи на іншу територію України або внаслідок завершення строку тимчасової окупації.

Будь-якій юридичній особі - резиденту України, яка змінює своє місцезнаходження з тимчасово окупованої території на іншу територію України:

а) списується податковий борг, суми розстрочених (відстрочених) грошових зобов'язань за будь-якими податками, зборами, що виникли з моменту тимчасової окупації.

б) надається звільнення від будь-якого оподаткування основних засобів і малоцінних та швидкозношуваних предметів, що евакуюються;

в) дозволяється включити до складу витрат з метою оподаткування податком на прибуток підприємств підтверджені належним чином витрати, понесені у зв'язку з евакуацією основних засобів та запасів; 100% амортизації основних засобів, що евакуюються з тимчасово окупованої території України [3].

Російська законотворча система є менш оперативною, ніж українська, – федерального закону про ВЕЗ в Криму ще не прийнято, але вона є більш зваженою, обґрунтованою та орієнтованою на соціально-економічний розвиток.

31 жовтня 2014 р. Уряд Російської Федерації схвалив план створення вільної економічної зони в Кримському федеральному окрузі. 11 листопада 2014 р. Держдума Росії прийняла в першому читанні проект закону «Про розвиток Кримського федерального округу і вільну економічну зону на територіях Республіки Крим та міста федерального значення Севастополя».

Федеральний законопроект передбачає створення та функціонування вільної економічної зони в Республіці Крим та місті федерального значення Севастополі з метою забезпечення сталого соціально-економічного розвитку, залучення інвестицій у розвиток діючих і створення нових виробництв, розвитку транспортної та іншої інфраструктури, туризму, сільського господарства та санаторно-курортної сфери, а також підвищення рівня та якості життя громадян, створення більш сприятливих умов для здійснення окремих видів підприємницької діяльності [5].

ВЕЗ створюється з 1 січня 2015 року строком на 25 років, який згодом може бути продовжений. Органами управління вільною економічною зоною є уповноважений Урядом РФ федеральний орган виконавчої влади, експертні ради з питань вільної економічної зони, уповноважені органи виконавчої влади Республіки Крим та міста федерального значення Севастополя, інші органи виконавчої влади Республіки Крим та міста федерального значення Севастополя, наділені повноваженнями відповідно до закону. У законопроекті зазначені порядок утворення та повноваження керуючих органів.

Законопроектом передбачається співпраця федеральних, регіональних і місцевих органів влади під час спільного фінансування об'єктів інфраструктури, у періоди проведення контрольних заходів; визначені юридичні засади взаємодії влади з приватним капіталом (на підставі угод про співпрацю).

На території ВЕЗ можуть здійснювати діяльність учасники ВЕЗ, а також інші особи, які не є учасниками ВЕЗ. Учасник ВЕЗ здійснює діяльність згідно угоди про умови діяльності із застосуванням особливого режиму здійснення підприємницької та іншої діяльності на території ВЕЗ, а також митної процедури вільної митної зони [6].

Встановлені істотні податкові преференції: так, для учасників вільної економічної зони ставка єдиного сільгосподатку щодо податкових періодів 2015-2016 років може бути зменшена з 6 до 0%, а в 2017-2021 роках - до 4%. Аналогічні ставки встановлюються і для осіб, які застосовують спрощену систему оподаткування.

Ставка податку на прибуток може бути встановлена в розмірі до 13,5%, а в частині, що підлягає зарахуванню до федерального бюджету, - 0%. При цьому дозволяється застосування прискореної амортизації з коефіцієнтом 2 щодо власних амортизованих основних засобів [5].

З метою стимулювання інвестиційної активності встановлюються знижені тарифи страхових внесків для організацій і індивідуальних підприємців, які отримали статус учасника в перші три роки роботи ВЕЗ. Загальна сума страхових внесків протягом 10 років з моменту отримання відповідного статусу складе 7,6%. З них до Пенсійного фонду РФ – 6%, до Фонду соціального страхування РФ - 1,5%, в Федеральний фонд обов'язкового медичного страхування - 0,1% [7].

Автори федерального законопроекту також передбачили для учасників ВЕЗ звільнення від сплати податку на майно організацій (на 10 років) та земельного податку (до введення об'єкта в експлуатацію), необхідного для реалізації інвестиційних проектів (не більше ніж на три роки).

Учасники вільної економічної зони звільняються від сплати орендної плати за користування земельними ділянками, що перебувають у державній або муніципальній власності, наданими для реалізації інвестиційного проекту, на період до введення об'єктів в експлуатацію, але не більше ніж на три роки [6].

До учасників ВЕЗ висувається ряд вимог, головний з них: обсяг капітальних вкладень в інвестиційний проект, реалізований учасником СЕЗ, протягом перших трьох років повинен становити не менше 100 млн. руб., а якщо це суб'єкт малого та середнього підприємництва, то не менше 20 млн. руб. При цьому інвестиційний проект не може бути пов'язаний з нафто-, газовидобуванням і наданням послуг у даній сфері, а також з оптовою та роздрібною торгівлею.

Комітет з економічної політики, інноваційного розвитку і підприємництва Російської Федерації запропонував при підготовці законопроекту до другого читання розглянути питання про зниження вимог до капвкладень учасників СЕЗ з 100 млн до 30 млн. і з 20 млн. до 3 млн. руб. відповідно. Швидше за все, до другого читання порогові будуть переглянуті у бік зниження [2].

Таким чином, прийнятий в першому читанні федеральний законопроект «Про розвиток Кримського федерального округу і вільну економічну зону на територіях Республіки Крим та міста федерального значення Севастополя» є комплексним та обґрунтованим, детально регламентує адміністративно-господарський механізм утворення та функціонування ВЕЗ в Криму, містить велику кількість податкових пільг і преференції для учасників ВЕЗ та інших підприємств (індивідуальних підприємців) Криму.

Даний законопроект дозволить адаптувати існуючі підприємства до роботи в нових російських умовах, а також, незважаючи на міжнародні санкції, залучити додаткові іноземні інвестиції в економіку нових суб'єктів РФ. Крім того, за амбіціями деяких російських законотворців і кримських урядовців, ВЕЗ в Криму має не тільки підняти економіку Криму, але й створити на півострові територію стрімкого економічного зростання, яка в майбутньому буде стимулювати загальноросійські темпи розвитку народного господарства [1].

Підводячи підсумки, треба зазначити, що головною метою створення ВЕЗ в Криму, за російським законодавством, є забезпечення стабільних темпів соціально-економічного розвитку регіону – розквіт промисловості, інфраструктури та туризму, підвищення якості життя населення тощо. Це значно ширше орієнтирів українських законотворців, що спрямовані на стимулювання відтоку капіталу з Криму на іншу територію України. Обмежені цілі, як правило, обмежені й за важелями впливу. В таких умовах протистоянні світлого та темного необхідно чітко розуміти та твердо вірити, що колосальний ресурсний потенціал Криму найближчим часом знайде своє застосування: інвестори прийдуть, економіка відновиться й туристи з різних країн світу зможуть вільно милуватися надзвичайною природою кримського півострова.

Список использованных источников

1. Винник С. Куда льгота выведет. Закон о СЭЗ поможет бизнесу Крыма войти в правовое поле РФ [Электронный ресурс] / С. Винник / Интернет-портал «Российской газеты». – Режим доступа: <http://www.rg.ru/2014/11/13/reg-kfo/bavikina.html>.
2. Госдума поддержала создание свободной экономической зоны в Крыму [Электронный ресурс] / Официальный сайт информационное агентство России ТАСС. – 2014. – Режим доступа: <http://itar-tass.com/ekonomika/1565559>.
3. Закон України «Про створення вільної економічної зони "Крим" та про особливості здійснення економічної діяльності на тимчасово окупованій території України» від 12.08.2014 № 1636-VII [Електронний ресурс] / Офіційний сайт Верховної Ради України. – Режим доступу: <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/1636-18/page2?text=%EA%F0%E5%E4%E8%F2>.
4. Окупований Росією Крим став вільною економічною зоною України [Електронний ресурс] / Веб-сайт Української служби ВВС. – Режим доступу: http://www.bbc.co.uk/ukrainian/business/2014/09/140926_crimea_free_economic_zone_az.
5. Петров В. Крым станет свободной экономической зоной с налоговыми льготами [Электронный ресурс] / В. Петров / Интернет-портал «Российской газеты». – Режим доступа: <http://www.rg.ru/2014/10/31/sez-site.html>.

6. [Федеральный закон \[Проект\] «О развитии Крымского федерального округа и свободной экономической зоне на территориях Республики Крым и города федерального значения Севастополя](http://www.ib.ru/ip/pic-pdf/Crimea/fz20140000_000crimea.pdf) [Электронный ресурс] / Официальный сайт Инфо-бухгалтер. – Режим доступа: http://www.ib.ru/ip/pic-pdf/Crimea/fz20140000_000crimea.pdf.

7. Шохина Е. Инвесторам дадут развернуться в Крыму [Электронный ресурс] / Е. Шохина / Медиахолдинг Expert Online. – Режим доступа: <http://expert.ru/2014/10/30/investoram-dadut-razvernutsya-v-krymu/>

УДК 140.8

ЧУДОМЕХ В. Н.

ДЕПОРТАЦИИ ЛЮДЕЙ КАК СРЕДСТВО И СПОСОБ РЕАЛИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ И ПОЛИТИЧЕСКИХ СТРАТЕГИЙ

Аннотации

Цель статьи – раскрыть генезис многовидообразия процессов «депортаций людей». Объект исследования в статье – цели и содержание процессов депортаций народов и этносов, происходивших в истории Человечества, а предмет анализа в статье – их сущностная составляющая. Актуальность статьи заключена в предложении процессуального подхода к «депортациям людей», позволяющего в их исследованиях учитывать – всю генетику их многогранности.

В статье проанализированы: история применения «депортаций людей» для реализации тех или иных стратегий народов, этносов и наций; исторические факторы, воздействовавшие на расширение видов «депортаций людей» и способы их реализации; идеологические и морально-правовые аспекты процессов, связанных с «депортациями людей». На основе этого в статье сформулировано понятие о «депортациях людей» – как о средствах и способах реализации тех или иных государственных и политических стратегий.

Ключевые слова: депортация, неравенство, право, свобода, цель.

Annotation

The purpose of article – to expose the genesis of variety of the processes "deportations of people". The object of research in article – the purposes and the content of the processes deportations the nations and ethnoses, that occurring in the history of Mankind, and the subject of the analysis in article – their essence constituent. The actuality of article is consist in the offer the processual approach to the "deportations of people", which allows to consider in their researches – all genetics of their many-sided nature.

In the article are analysed: the history of application the deportations as facilities of realization of one or another strategies of the nations and ethnoses; the historical factors, which influenced on expansion the types of the "deportations of people" and the methods of their realization; ideological and moral-legal aspects of the processes, which connected with "deportations of people". On the basis of it in article is formulated the concept about "deportations of people" – as about the facilities and the methods of realization of these or those state and political strategies.

Keywords: deportation, inequality, right, freedom, purpose.

В научных и общественно-политических публикациях крупномасштабные депортации из Крыма в 1944 году – немцев, греков, крымских татар и армян, обычно именуются актами произвола совершёнными по этнопризнаку и под прикрытием военной целесообразности. В первой половине XX века подобное происходило во многих странах Европы и в их былом

ряду крымские этнодепортации 1944 года не выделялись заметной особенностью в предназначении и в способе реализации.

В энциклопедических изданиях «депортации людей» обычно трактуют как «*изгнания*» – как «высылку» кого-либо из государства с целью «уголовного или административного наказания», и определяют её, соответственно – как один из способов разрешения тех или проблем в государствах [1, с. 159]. В подобных определениях, как правило, фиксируют внимание на *изгнательной* и на *правовой стороне* «депортаций людей», хотя реально у них намного больше применений, ведь «*deportation*» как «перемещение» – это также: и «ссылка» и «выдворение» [2, с. 194]. То есть, «депортация людей» в традиционном трактовании – это *перемещение кого-либо из одной части пространства в некую иную его часть*, предполагающее наличие у его инициатора – некоего *права* на его свершение.

Если рассматривать «депортацию людей» как *процесс*, базирующийся на некоем «праве» его инициаторов *принуждать других к выполнения своей воли*, то активными участниками этого *процесса* являются: 1) его *инициаторы*; 2) *депортируемые* в его ходе – принужденные к перемещению туда, куда им предписано или позволено инициаторами этого процесса; 3) *организаторы* этого процесса и *принудители* к его началу; 4) социальная среда, из которой удаляются депортированные; 5) социальная среда, в которую перемещаются депортированные.

При данном отображении основных составляющих процессов «депортации людей» уже видно, что они довольно сложны для научных исследований. Так как у каждой из вышеперечисленных составляющих процессов «депортации» есть своя в них функция и от каждой из них зависят – и содержание, и течение, и динамика этих процессов, и их результаты. В силу структурной многосложности процессов «депортаций» народов и этносов, происходивших в истории Человечества, а также *многообразия* в них *субъективного*, традиционный *двухпозиционный подход* к этим процессам (с позиции «депортаторов» и с позиции «депортируемых») недостаточен для полноценного и объективного выявления всего спектра их подлинных причин и подлинной их сути. При *двухпозиционном подходе* к «депортациям людей», их исследователи концентрируют основное внимание на отношениях «депортатор-депортируемые» и на судьбе депортированных, а большую часть былых предшествий «депортациям», в ряду которых могли быть и весьма существенные, подсознательно при таком подходе игнорируют, либо трактуют по-своему (исходя из позиции собственной, *ретроспективной*).

Процессуальный подход к многосложным общественно-историческим явлениям, в том числе и к «депортациям людей», более перспективен в возможности *всесторонности* их исследований и достижения в них *научной объективности*. Этот подход был предложен в источнике [3], затем получил развитие в источнике [4] и его апробация в источниках [3, 4] при исследованиях многосложных биоэволюционных процессов и их феноменов показала: он универсален и эффективен в научных исследованиях всех видов процессов и их феноменов, в том числе и многосложных общественных.

Цель настоящей статьи – раскрыть генезис многовидообразия процессов «депортаций людей». Объект исследования в статье – цели и содержание процессов депортаций народов и этносов, происходивших в истории Человечества, а предмет анализа в статье – сущностная составляющая «депортаций людей». Актуальность статьи состоит в предложении нового, процессуального подхода к «депортациям людей», позволяющего в их исследованиях выявлять и учитывать всю генетику их многогранности.

У «депортаций людей» как *изгнаний* весьма древняя история. Таким разрешением *территориальных* споров могли пользоваться ещё неандертальцы и кроманьонцы (в формате семейно-родовых, родовых и родо-племенных объединений), а в пользу «более сильного» эти споры тогда разрешались исходом побеждённых из до этого *своих* ареалов бытия – на территории иные.

С переходом людей к бытию оседлому и появлением необходимости в строительстве крупных сооружений жилых, оборонительных, культовых и т.д., возникла потребность в его

резком ускорении и ответом на неё стал *новый вид депортации людей* – в виде *изгнания* их с территории прежде-своей и насильственного их перемещения на территорию «депортаторов» в статусе – *рабов* аграрных и строительных. Таким путём депортаторы решали сразу *две задачи*: 1) *бесконфликтного освоения* новых, периферийных территорий; 2) *ускоренного развития* своих центральных территорий. Одна из крупнейших депортаций людей такого вида, осуществленная в 586-539 годах до н.э., получила историческое название – «вавилонского плена иудеев». Затем были и другие подобные депортации народов и этносов, но позже они стали *обычными* и особо не документировались.

К древнейшей разновидности депортаций людей, осуществлявшихся по «праву сильного», можно отнести и *аннексии* территорий побеждённых народов, при которых их представителей оставляли на *прежде-их* территориях, но уже как *изгоев* – как *изгнанных* из «общества», «*отвергнутых обществом*» [5, с. 222] и *поражённых в правах* (в данном случае, их победителями). Такими, уже не «физическими», а *социально-правовыми депортациями* народов и этносов, сопровождалась многие в прошлом войны между государствами. На существенную древность данного вида депортаций людей указывает «раннеарийский» период в истории Индии. Вторгнувшись в Индию, «арии» перевели все населявшие её до них народы в «кастово-низшие»: *по предковому происхождению* лишённые права на участие в управлении общественной жизнью на прежде-своей территории.

Таким образом, депортации людей – это способ реализации неких государственных и идейно-политических стратегий, издревле применявшийся многими народами и этносами: 1) в *экспансиональных целях* – для *бесконфликтного* освоения ими новых территорий, насильственно присоединяемых к себе (депортация их прежнего населения устраняла возможность его противостояния в дальнейшем); 2) в *хозяйственно-экономических целях* – *извне-заимствование* дополнительной рабочей силы позволяло ускорять создание и упрочение материального фундамента своего бытия; 3) в *целях сохранения-себя* при вооружённых конфликтах с другими народами – путём использования представителей уже побеждённых народов в *передовых* своих военных отрядах (в этих условиях они могли выживать лишь сражаясь с «неприятелем» и «разбивая» его).

Многообразие *физических депортаций* людей, происходивших в истории Человечества, можно также подразделить: 1) на *целевые по месту переселения* депортированных (эти места *задавались* депортаторами и депортируемых *принудительно этапировали* в эти места); 2) на *целевые по задачам* депортаций людей (эти задачи тоже *задавались* депортаторами и они *силой принуждали* депортируемых к их выполнению); 3) на *вытеснительные*, при которых депортаторы ставили целью *лишь вытеснить* некие народы и этносы с занимаемой ими территории (побуждая их к этому: некими ограничениями на реализацию ими своих религиозных и духовно-культурных потребностей; культивацией отношений к «вытесняемым» – как к «культурно отсталым», неспособным к «цивилизованной жизни» и т.п.).

С помощью «физических» депортаций людей – «целевых» по месту их переселения и по его задачам, в XVI-XIX веках колонизировалась Америка (в качестве рабочей силы туда массово перемещали африканцев). «Новая история» Америки – это и история вытеснения евроколонистами многочисленных до их появления племён американских индейцев – на *неудобья*, на территории засушливые, маловодные и малооблесённые. «Новая история» Америки – это также и история поисков евроколонистами *аргументов для оправдания* присвоения ими статуса «людей неполноценных»: а) всем депортированным ими из Африки и всем последующим их поколениям; б) всем народам и этносам, проживавшим на Американском континенте до начала его «евроколонизации», в том числе и их потомкам.

При подходе к «депортациям людей» как к процессам, происходившим на всём протяжении истории Человечества, становится явной тождественность главных целей их инициаторов, полагавших при их осуществлении: установить и закрепить «свою власть» на территориях народов и этносов иных, а также и над ними самими, и извлечь из этого – некую длительную пользу для себя. При данном процессуальном подходе к «депортациям людей»

выясняется также, что они, как и все другие процессы, присущие бытию людей – тоже видоизменялись и многообразились во времени в ходе роста «цивилизованности людей» (их социального, правового и духовного окультуривания). А вызывалось это: а) непрерывной во времени, борьбой народов и этносов за право на «свой образ бытия»; б) ростом солидарности народов и этносов в отстаивании прав на «свой образ бытия»; в) развитием представлений о «подлинно цивилизованном бытии людей»; г) углублением гуманизации норм и морали «общественного бытия» людей; д) исторически-поступательным закреплением результатов борьбы народов и этносов за право выбора образа бытия и своего будущего – в соответствующих государственных, межгосударственных и международных законодательных актах.

Вышеотмеченное следование роста многообразия процессов «депортации людей» былому ходу «общей цивилизации» Человечества может показаться голословным, поэтому в качестве доказательства этого рассмотрим ниже – вследствие чего, каким образом, и в чём «депортации людей» многообразились во времени.

Вследствие чего депортации людей исторически многообразились. Многотысячелетнее преобразование первобытно-общинного бытия людей в бытие «рабовладельческого» и далее – «феодалного» и «буржуазного» типа, многие исследователи общественно-исторических процессов объясняют (со времён К. Маркса) проходившей трансформацией во времени: *экономических отношений* между членами сообществ людей и *принципов* этих отношений. Однако, такими объяснениями – почему образовывались рабовладельческие, феодальные и буржуазные «общественно-экономические формации» (термин К. Маркса), затеняется былое существование *иных весомых причин* для образования именно такой их последовательности – причин морального, нравственного и мировоззренческого характера.

Сопоставляя начала образований вышеупомянутых «общественно-экономических формаций» с ходом исторического расширения людьми своих представлений о «человеке», «обществе» и «государстве», мы обнаруживаем когерентность этих двух процессов. *Новым* общественно-историческим формациям всегда предшествовали: выдвигания *идей нового бытия* «человека, общества и государства»; просвещение людей о возможности *нового* их бытия и о его преимуществах; упорная борьба людей за реализацию этого возможного для них *нового*.

Главным побудителем всех поколений Человечества к такой борьбе служили поступательно развиваемые ими же представления о *содержании прав людей*: а) естественных (исходящих из «природы человека»); б) социальных (индивидуально-общественных, должных соблюдаться и обществом и государством); в) духовных (прав на духовную самореализацию); г) политических (прав на участие в управлении жизнью общества и государства). В ходе этой многовековой борьбы за *новое*, проходившей с различной интенсивностью во всех частях Человечества, её результаты периодически сопоставлялись, складывались и обобщались, и унифицируясь в обобщении становились – всеобщими. Одна из стержневых целей этой многовековой борьбы за «новое» – достижение *равноправия людей* (расового, национального, социального, политического и т.д.), и каждая ступень в его достижении отражалась в среде людей: на уровнях ментальном, мировоззренческом, правовом, идеологическом и политическом, а также в базисе оценки людьми – «человечности-себя» (в критериях оценки: «себя как человека», «нормального для человека» и «приличного для человека»).

«Цивилизация – это восхождение по ступеням, которое должны пройти все народы, желающие достичь высшей культуры в морали, искусстве и науке» [6, с. 89]. В ходе «цивилизационного восхождения»: а) люди стремились вытеснить всё, в чём они обнаруживали «животный характер» [6, с. 188]; б) соответствующие «социальные предписания» становились частью «Я» людей и входили в него – как «сверх-Я» (регламентировавшие «изнутри» поведение людей); в) всё «неприличное» для «цивилизованного» бытия людей и государств постепенно вытеснялось – давлением

общественных институтов и совершенствованием строения социальной жизни [6, с. 263].

В ходе «цивилизации людей» также росло общественное осознание *аморальности* существования в «цивилизованных государствах»: а) института рабства; б) волюнтаристского насилия властей-в-государствах над индивидами и обществом; в) имущественного, социального, духовного и политического расслоения обществ *узакониванием неравенства* их представителей – по обязанностям и правам, по соблюдению и по защите их прав в государствах. Именно так, поступательно во времени прозревая в «аморальности рабства», Человечество отказалось от рабовладельческой формы общественного развития и перешло к феодальной, при которой социумы начали *покупать и использовать* для нужд своего развития уже не «рабов», а *работу и продукты работы* своих собственных представителей, осуществлявших её во «время рабочее», а в иное время – «свободных» [7, с. 57].

Но свобода «работавших» в феодальных общественно-исторических формациях была *регламентированной*. Территории, на которых они проживали, были *собственностью* их узаконенных владельцев, устанавливавших на «своих территориях»: а) правила проживания и «работы»; б) структуру институтов общественного бытия (подводя под них правовые, моральные, идеологические и мировоззренческие фундаменты, свойственные феодализму); в) принципы стратификации «обществ» и принципы организации отношений между «узаконенными стратами обществ».

Трансформацию затем феодальных общественно-исторических формаций в «буржуазные», обусловило появление в «недрах старого»: а) *новых* видов *узаконенной* в обществе «частной собственности» (собственности на средства производства и на все звенья производства, в том числе и финансово-экономические); б) новых классов «владельцев собственности»; в) новых классов «работающих-в-обществе» («класс земледельцев» дополнили рабочие, служащие и интеллигенция – люди, оторванные от «земли» и зарабатывающие на жизнь: руками, услугами и умом). Новые буржуазные реалии потребовали *пересмотра* феодального реестра «прав и свобод» членов социумов, и он осуществлялся философской мыслью (в основном европейской) – в XVI-XVIII веках, в эпоху Просвещения. Непосредственные следствия этого *пересмотра*: а) Французская революция 1789 года, начавшаяся с требований свободы и равенства для всех граждан Франции; б) последующие отражения в XIX веке её заразных идей в общественно-политической истории – Европы, Америки и Азии.

Семена «идеи равенства» всех людей в «правах и свободах», посеянные Французской революцией 1789 года, прорастали затем в XIX веке: а) в манифестах общественно-политических движений за те или иные права и свободы людей; б) в требованиях участников рабочих стачек и забастовок, зачастую вершившихся мятежами рабочих; в) в череде популярных тогда философских осмыслений: и былого в прошлом, и нового, нарождающегося в текущем настоящем. Массированное в XVIII-XIX веках, осмысление потенциально должных быть прав и свобод у человека, и воля людей в их обретении, получили развитие в середине XIX века в виде формирования: а) политических партий с программами достижения должных быть «прав и свобод» у тех или иных слоёв общества; б) нового видения должных быть «прав и свобод» у каждого человека; в) основ для зарождения широкого осознания: *равноправности* всех людей на Земле и *аморальности* наделения людей «правами и свободами», исходя из их пола, цвета кожи, общественного статуса, национальности, вероисповедания и т.д.

Вышерассмотренные общественно-исторические процессы естественно отразились в росте в социумах с середины XIX века: а) *негативного отношения* к массовым депортациям людей, осуществлявшимся странами Запада при «колонизации» Африки, Америки и Азии; б) *духовного сочувствия* к этим «депортированным»; в) разного рода попыток облегчить существование «депортированных»; в) интенсивности борьбы «колонизированных» и «депортированных» людей за равноправие – с людьми другими. Всё вышеприведённое не проходило бесследным в последующих: и организациях «депортаций людей» (они

продолжали быть средством для реализации тех или иных государственных и политических стратегий) и в идейно-аргументационных обоснованиях *необходимости* «депортаций» тех или иных групп людей для решения неких «важных задач», стоящих перед «обществом» и «государством». Таким образом, «депортации», изначально бывшие «принудительными высылками людей или целой категорией лиц в другое государство или местность» [8], под воздействием усложнявшихся во времени общественно-исторических процессов тоже менялись во времени в содержании и в применении.

Как и в чём депортации людей многообразились во времени. «Депортации» – как «изгнания» некими группами людей неких «иных» групп людей из главных сфер своего бытия, многообразились в исторически непрерывном их применении вследствие:

а) универсальности этого способа реализации государственных, политических и этнических стратегий («нет конкурента или врага – нет и проблемы его присутствия»);

б) возможности использовать этот способ реализации тех или иных этнических и государственно-политических стратегий в вариантах:

– «*физическом*» (перемещением «депортируемых» на территории, заранее избранные для их последующего бытия);

– «*производительном*» (перемещением «депортируемых» на территории, предназначенные для их последующей производительной деятельности по «заданию депортаторов»);

– «*этноизоляционном*» (*изгнанием* неких этносов из сфер управление жизнью в социумах путём: обоснования их «духовной и социальной отсталости»; закрепления этого их статуса в правовом и в мировоззренческом фундаменте социума; реального перевода их в статус «социально отсталых»);

– «*социоизоляционном*» (*изгнанием* неких групп и «классов» людей из сфер управление жизнью в социумах путём: объявления их источником «социальных проблем» и «деградаторами»; закрепления этого их статуса в правовом и в мировоззренческом фундаменте социума; непосредственного перевода их в статус «социально опасных»);

– «*духовноизоляционном*» (*изгнанием* неких групп людей из базовых сфер жизни в социумах на основе постулата о некой «вредности» их духовных пристрастий для существующей идеологии бытия людей в социуме).

Значительному росту с конца XIX века многообразия реализаций вышевыделенных вариантов «депортаций людей» непосредственно способствовали также:

– вышерассмотренная, долговременная борьба народов, этносов, индивидов и обществ, за должные у них быть права и свободы;

– поступательное расширение в её ходе представлений о должных быть правах и свободах у людей и последовательное закрепление этих расширявшихся представлений: в морально-нравственных, в ментальных, в нормативно-правовых и в мировоззренческих фундаментах бытия социумов;

– становление содержания этих фундаментов – опорным при оценке уровня «цивилизованности» народов, этносов, обществ и государств;

– становление отношения к «правам и свободам» человека одним из главных критериев в оценке – «человечности общества»;

– повышение плотности бытия людей и государств (сокращение возможностей для «территориальных» депортаций людей);

– развитие средств и сетей массовой информации, и становление их действенным инструментом для формирования: адекватного видения людьми текущего в своей среде; должных быть общественных мнений о нём; общественных движений по борьбе за те или иные права и свободы людей; движений людей солидарных со всеми борющимися за них.

Вышеприведённые варианты «депортаций людей» в качестве способов реализации тех или иных государственных, этнических и политических стратегий, широко применялись и после пер. половины XIX века – когда уже прояснился весь перечень универсальных «прав и свобод» человека, а их нарушение общепринято считалось – *аморальным*. Поэтому в XX

веке инициаторы всех бывших в нём «депортаций людей» уделяли значительное внимание формулировке «доказательств»: а) «вины депортируемых» в применении к ним таких жестких мер; б) «вынужденности» этих жестких мер; в) единственности такого выхода из ситуации, «сложившейся по вине депортируемых». Для предотвращения возмущений в социумах «депортациями» больших групп людей на некие, специально выделенные для этого территории, инициаторы этих «физических депортаций», как правило, оповещали общественность, что в местах будущей жизни «депортируемых» её начальные условия там вполне приемлемые, а всё последующее будет зависеть – от их способности обеспечивать всё необходимое для своего существования. В ряде случаев, «депортаторы» с помощью специальных видеороликов демонстрировали эти, созданные для депортируемых начальные условия жизни «в изгнании», и аналогично затем периодически показывали: как депортированные обустроиваются на новых территориях и как им там «неплохо» живётся. Но чаще всего о депортированных вскоре прекращали упоминать в периодической общественной информации и принимали меры к забвению их прежде бытия в местах бывшего проживания.

Многочисленные «депортационные истории», на которые был так богат XX век, весьма наглядны следующим:

1) несмотря на «доказательства вины депортируемых» и независимо от варианта их физической депортации (в мягкой или жёсткой форме), большинство представителей «обществ» из которых «депортировали» его прежнюю часть, на подсознательном уровне ощущали несправедливость произошедшего и по-человечески сочувствовали депортированным;

2) происходившие «депортации» оставляли «раны несправедливости» не только в душах и истории депортированных, подсознательная вина за «депортации» сохранялась и в новых поколениях «обществ», осуществлявших депортации некогда бывших своих «частей»;

3) несмотря на довольно высокий уровень духовной и социальной цивилизованности в «развитых частях» Человечества, поведение в XX веке многих их представителей при реализации бывших «депортаций» и отношение многих из них к «депортированным» незначительно отличались от бывших при депортациях людей в далёком прошлом. Причём это повторялось не только при депортациях людей во время Первой и Второй мировой войны, но и в мирное время (в рамках реализации неких идеологических и политических стратегий).

Заключение. Насильственные депортации людей в качестве способа реализации тех или иных этнических, государственных, политических, идеологических и иных стратегий, широко использовались на протяжении всего бытия Человечества, интенсивно в этом качестве они применялись и в XX веке. Столь длительное применение этого «социального инструмента» обусловлено: его *универсальностью* (возможностью многовариантной реализации во все времена и при всех стереотипах государственно-общественного устройства) и *заведомой эффективностью*, предопределённой его *радикальностью* (возможностью «изгнания проблемы»).

В ходе истории процессы насильственных «депортаций людей» умножались в видах («физические» дополнились «внутрисоциумными»: социальными, духовными, религиозными, политическими и т.п.), существенно расширялся спектр их применения, но принципиальное предназначение их оставалось неизменным: *изгнать или вытеснить* некую «сообщность» людей (народ, этнос, группу или категорию людей) из сфер управления общественно-историческими процессами, и лишить её в последующем возможности какого-либо участия в этих процессах. Все «депортации людей», происходившие в истории Человечества, были также неизменными: по жёсткому отношению к «депортированным» и по «властно-идеологическим» оправданиям его жёсткости.

В конце XX века практика «депортации кого-то из чего-то» вышла и на международный уровень. Для этого страны Запада используют ныне: международные организации, сети массовой информации и информационные сети Интернета. Объявляя

неугодные им страны и народы «изгоями», страны Запада применяют к ним *изоляционные* санкции политические, финансовые, экономические, информационные и т.п., и длительно изолируя «изгоев» от полноценных связей с «внешним миром», пытаются таким образом добиться от них подчинения – своему «диктату».

Исторически развившееся многообразие видов «депортаций кого-то из чего-то» и очевидная универсальность этого способа реализации тех или иных общественных, политических, идеологических стратегий, а ныне уже и цивилизационных и межгосударственных стратегий, позволяет рассматривать «депортации кого-то из чего-то» как постоянно действенный социальный инструмент с весьма широким спектром применений, а его место в бытии людей обозначить – в такой понятийной формулировке:

«Депортации людей и групп людей» – это акты: а) изгнания или вытеснения кого-либо за пределы того или иного общественного пространства (территориального, этнического, социального, политического и т.д.); б) преследующие целью – исключить влияние или воздействие этого кого-либо на содержание и состояние общественного пространства; в) организованные системно и совершающиеся насильственно, всегда мотивируемые и оправдываемые некими – «властно-идеологическими» или «стратегическими» соображениями.

Список использованных источников:

1. Словарь иностранных слов. – 18-е изд. – М.: Русский язык, 1989. – 624 с.
2. Англо-русский словарь. – 22-е изд. – М.: Рус. язык, 1989. – 848 с.
3. Чудомех В.Н. Планетарное Живое в истоках, в становлении и в настоящем. – Симферополь: изд-во «Бизнес-информ», 2008. – 480 с.
4. Чудомех В.Н. Человечество и Вселенная: генезис миссии. – Симферополь: изд-во «Бизнес-информ», 2011. – 600 с.
5. Ожегов С.И. Словарь русского языка. Изд. 10-е, стереотипное. Под ред. Н.Ю. Шведовой. – М.: «Советская энциклопедия», 1973. – 840 с.
6. Элиас Н. О процессе цивилизации. Социогенетические и психогенетические исследования. В 2-х т. Т.1. [Пер. с нем. А.М. Руткевич]. Изменения в поведении высшего слоя мирян в странах Запада. – М.: Университетская книга, 2001. – 332 с.
7. Элиас Н. О процессе цивилизации. Социогенетические и психогенетические исследования. В 2-х т. Т.2. [Пер. с нем. А.М. Руткевич]. Изменения в обществе. Проект теории цивилизации. – М.: Университетская книга, 2001. – 382 с.
8. Wikipedia. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: ru.wikipedia.org/wiki/Депортация. (Время обращения: июнь 2014 г.).

ШВЫРКОВ А. И.

ПАРАДИГМА РАСПАДА И «ПРИОРИТЕТНАЯ СФЕРА»

Аннотация

Эта статья – вклад в разработку парадигмы, которая условно может быть названа *парадигмой распада*. Данная парадигма, очевидно, является альтернативой *парадигме развития*, главенствовавшей в западноевропейской науке последние несколько столетий, и призвана предоставить средства для теоретического анализа систем, каждое последующее состояние которых рассматривается как более примитивные, чем предыдущее. Так же рассмотрен вопрос о *приоритетной сфере*, то есть сфере (экономической, политической, социальной и т.п.), изменения в которой, как считается, влекут за собой изменения в других сферах. Высказано предположение, что чаще всего говорить о существовании такой сферы некорректно. Однако есть смысл говорить о *сфере-индикаторе*, то есть сфере, изменения в которой (например, свидетельствующие об упадке или развитии) становятся заметными раньше, чем изменения в других сферах, могут быть измерены и т.д.

Ключевые слова: парадигма, развитие, распад, приоритетная сфера, сфера-индикатор.

Abstract

This paper is a contribution to the elaboration of a paradigm which can conditionally be named a paradigm of decay. This paradigm is, obviously, an alternative to development paradigm dominated in Western science for last few centuries and is designed to provide means for theoretical analysis of systems each subsequent state of which is regarded as more primitive than the previous one. Also an issue of priority sphere is examined. As such a sphere I considered a sphere (economic, political, social, etc.) changes in which are thought to be entailing changes in other spheres. It is assumed that most often it is incorrect to speak of the existence of such a sphere. However, it makes sense to speak of a sphere-indicator, i.e. a sphere changes in which (for example, indicating decay or development) become apparent before changes in other spheres, and these changes can be measured, etc.

Keywords: development paradigm; the paradigm of decay; priority sphere; sphere-indicator.

Эта статья является результатом моих наблюдений и размышлений над тем, что происходило на Украине в последние 20 лет. Тем не менее, будучи философом, я, естественно, не мог не облечь свои наблюдения в абстрактные формулировки, вполне свободные от конкретного социокультурного и политического контекста.

Итак, любой политологический анализ подразумевает некоторую *парадигму*, то есть набор общих установок по отношению к тем или иным политическим феноменам и процессам, так сказать, «призму», через которую исследователь смотрит на мир политики.

О существовании той или иной парадигмы свидетельствует особый язык, терминология, с помощью которой описываются те или иные феномены [8]. Одна из наиболее влиятельных последние пару столетий парадигм может быть названа *парадигмой развития* (становления, модернизации и т.п.). Именно эта парадигма определяет общий «настрой», «дух» значительного числа теорий – как конкретно-научных, так и философских.

Если не рождение, то начало бурного развития этой парадигмы можно отнести к временам Просвещения. Многие жившие тогда философы верили, что человечество в целом движется в направлении все большего совершенства (богатства, счастья, удовлетворенности, структурированности, разумности и т.д., и т.п.), а каждое последующее состояние общества рассматривалось как более «продвинутое», чем предыдущее (естественно, незначительные, временные флуктуации не исключались). Эта вера передалась и философам более поздних времен. Идеи развития, эволюции и проч. получили дальнейшее развитие в конкретных науках, в том числе и в возникшей в 19 веке социологии.

Парадигма, альтернативная парадигме развития, может быть названа *парадигмой распада* (деградации, упадка и т.п.). Возможно являясь более старой, она, тем не менее, сегодня развита куда слабее, чем первая¹⁴. Степень развития парадигмы, очевидно, можно определить по количеству теорий, созданных в ее рамках.

Вероятно, любая парадигма сначала возникает (или, лучше сказать, *проявляет себя*) в философии, в философских теориях и лишь затем «перетекает» в теории конкретно-научные. Поэтому о степени развития парадигмы можно судить и по тому, в какой степени произошло такое перетекание. Несмотря на то, что в сфере философии парадигма распада, упадка

Как известно, в Средние века в Западной Европе главенствовала парадигма, которую можно назвать *эсхатологической*. В индуизме до сих пор считается, что каждая последующая эпоха в истории человечества *хуже*, чем предыдущая (см. [6; 9]).

представлена значительным количеством теорий (вспомнить, хотя бы, шпенглеровскую [4]), сказать то же самое о сфере конкретных наук нельзя.

Наоборот, парадигма развития хорошо представлена как философскими, так и конкретно-научными теориями. Сегодня она практически полностью определяет наш образ мысли и является для нас настолько естественной, что мыслить в иных терминах, в терминах других парадигм стало для нас практически невозможным.

Важно отметить, что, вообще говоря, связь между парадигмой и некоторым набором фактов не является линейной, однозначной и даже четко прослеживаемой. Скорее всего, парадигма рождается существенно независимо от фактов или, по крайней мере, во многом «живет» своей собственной жизнью. Другими словами, она не столько вытекает из некоторого набора фактов, сколько *присоединяется* к нему. В связи с этим можно предположить, что факты *сами по себе* вряд ли являются единственным основанием для того, чтобы отказаться от одной парадигмы и принять другую. Что касается смены парадигм, то и она вряд ли происходит в соответствии с простыми, легко отслеживаемыми законами. Скорее всего, такая смена происходит в значительной степени *непрозрачно*.

Исходя из только что сказанного, кто-то мог бы заключить, будто я полагаю, что парадигма – коль скоро она «присоединяется» к фактам, «живет своей собственной жизнью» и т.п. – вообще говоря, не имеет особого значения для конкретного анализа этих самых фактов, а служит скорее для формирования некоего *отношения* к ним.

Отчасти это, конечно, верно, особенно если речь идет о «функционировании» той или иной парадигмы в сфере философии (а так же, как это ни странно, сфере политики). Однако, когда мы «спускаемся» на более низкие уровни абстракции, когда мы адаптируем ту или иную парадигму для менее абстрактной, чем философия, сферы, важность такой парадигмы, например, для прогноза или формулировки конкретных практических рекомендаций существенно возрастает¹⁵.

Проиллюстрирую только что сказанное простым примером.

Если у человека поднимается температура, мы можем сказать, что он *болеет*, или что его организм *борется*, или что его организм *очищается*. Каждый из выделенных глаголов, очевидно, соответствует разной парадигме. В зависимости от избранной парадигмы оценка такого факта, как повышение температуры, будет меняться от однозначно негативной («болезнь») до однозначно позитивной («очищение») через сравнительно нейтральную («борьба»). Кроме этого, выбор парадигмы в данном примере, очевидно, определяет так же то, как мы будем *действовать*: в зависимости от выбранной парадигмы мы либо будем сбивать температуру, либо не будем.

Следует отметить, что в вопросах, касающихся политических фактов, на смену (или *несменяемость*) парадигмы огромное влияние, имеет *идеологический* фактор. Прежде всего, это сказывается на дискурсе, генерируемом политиками, а так же дискурсе политически ангажированных аналитиков. В силу влияния этого фактора связь парадигмы и фактов может вообще утрачиваться. Факты могут однозначно свидетельствовать о сокращении объемов производства, росте преступности, инфляции и проч., однако в сфере политического дискурса все равно будет главенствовать парадигма развития.

Кроме идеологии значительное влияние на характер политического дискурса имеет то, что развитой концепции распада не существует (этот последний факт уже упоминался выше). То есть, у нас нет концепции, в которой бы модели деградации и упадка описывались так же детально, как и модели развития¹⁶. А раз так, то и производить дискурс распада, столь же хорошо структурированный, как и дискурс развития, оказывается невозможно – ведь

15 Хотя такое «действие» парадигмы так же не всегда однозначно и легко прослеживаемо.

Например, осуществление прогноза, сделанного в рамках некоторой парадигмы, само по себе не является основанием для уверенности, что эта парадигма более «правильная», чем другая.

хорошо структурированный дискурс может быть сформирован только на основе развитой теорией.

Таким образом, исходя из всего сказанного, можно предположить, что перекося в нашем мышлении в сторону преобладания парадигмы развития в значительной мере вызван факторами, далекими от тех, которые обычно называют *объективными*. Поэтому одна из целей этой статьи – способствовать устранению этого перекося.

Еще один вопрос, который я хотел бы осветить, касается *приоритетной сферы*. Связь его с изложенным выше станет ясна из дальнейшего.

Под приоритетной сферой я понимаю сферу, процессы в которой являются первичными по отношению к процессам, происходящим в других сферах. В марксизме – если до сих пор можно говорить о таковом – приоритетной сферой (или «базисом») являются экономические отношения. Все остальные – культура, политика и проч. – это «надстройка».

Я полагаю, что в общем случае говорить о приоритетной сфере чаще всего нельзя. По крайней мере, если употреблять это понятие так, как оно только что было употреблено. Чаще всего мы имеем дело с множеством параллельно протекающих процессов, определить среди которых «основной» практически невозможно (его может вообще не быть). Что правда, некоторые из этих процессов оказываются более заметными, более *измеримыми*, чем другие. Экономические процессы как раз таковы – в отличие от процессов в сфере культуры, искусства, политики, то есть, процессов в «надстройке». Соответственно, когда речь заходит о причинах тех или иных изменений, сферой, *ответственной* за них, объявляют именно ту, изменения в которой первыми бросаются в глаза¹⁷.

Возможно так же, что часто мы имеем дело с элементарной логической ошибкой типа *post hoc ergo propter hoc* («после того, значит вследствие того»). Если изменения в некоторой сфере оказываются замеченными или действительно начинают происходить первыми, то изменения в других сферах почти автоматически объявляются их, этих изменений, следствиями. В относительно простых случаях данная логическая ошибка либо вообще не совершается, либо быстро замечается, в случае же общественных процессов, являющихся, как правило, чрезвычайно сложными, ее, эту ошибку, как правило, осознают редко.

Не последнюю роль играет и давление традиционной формы построения научного (или *квазинаучного*) текста, которая требует выстраивания причинно-следственных цепочек, описания реальности как множества, совокупности таких цепочек. Эта форма, кстати сказать, является в свою очередь *коррелятом* другой чрезвычайно влиятельной на Западе парадигмы, которую условно можно назвать «парадигмой причинности» и которая предписывает всегда искать причины вещей и явлений (от себя замечу, что если такие причины найти не удастся, то в качестве них часто берутся первые попавшиеся факторы).

При всем при этом должен заметить, что я вовсе не утверждаю, будто выводы, полученные на основании идеи приоритетной сферы, не верны. Я лишь утверждаю, что теоретические основания подхода, основанного на ней, не достаточно прочны.

16 Например, у нас есть множество теорий, посвященных тому, как происходит формирование тех или иных политических институтов (значительная часть теорий демократии, как кажется, посвящена именно этому вопросу) и значительно меньше – тому, как институты деградируют и распадаются.

17 Не последнюю роль в этом, вероятно, играет и наше представление об иерархии человеческих потребностей, наиболее наглядно отраженных в известной пирамиде Маслоу. Однако, как мне кажется, *линейность* связи между процессами, происходящими в такой сверхсложной системе, какой является общество, и потребностями отдельного человека, не может рассматриваться как очевидная.

Однако не можем ли мы использовать некую сферу и происходящие в ней процессы, как своего рода *индикатор* состояния общества в целом? То есть, как *репрезентацию* тех процессов, измерение параметров которых (да и сама их, процессов, фиксация, наблюдение) не столь проста? Думаю, это мы себе позволить можем. Главное, так сказать, *философское*, основание для этого – *единство мира*, неразрывность всех его частей.

В случае если такой репрезентирующей сферой является экономика, достаточно знать (замерить) лишь несколько параметров, чтобы сказать, в каком состоянии находится общество. Что правда, о причинной связи между процессами, происходящими в экономической сфере, и процессами, происходящими в других сферах, в этом случае можно говорить только *метафорически*.

Что будет, если последовать очевидному выводу из сказанного и постараться избежать выстраивать причинно-следственные связи там, где для этого нет достаточных оснований? Не получится ли в этом случае, что у нас в руках окажется множество несвязанных друг с другом «хвостов», наверняка о которых можно будет сказать лишь то, что все они принадлежат одному «чудовищу», скрывающемуся за кличкой «распад»¹⁸. И как будет выглядеть соответствующий текст? Ведь общепринятые парадигмы (некоторые из которых я уже упомянул) не только задают определенные стандарты научности, но и обеспечивают исследователя средствами выражения его идей. При отсутствии сколько-нибудь развитой парадигмы (как в рассматриваемом случае) становится в принципе невозможно сформулировать результаты размышлений – ни хорошо, ни плохо.

Думаю, выход из этого положения содержится в уже высказанном. А именно, можно строить рассуждения таким образом, будто какая-то одна из сфер (экономическая, политическая, социальная, культурная и т.д.) действительно является приоритетной, однако при этом «держат в уме», что это всего лишь *метафора*. Или, другой вариант, также следующий из сказанного выше – рассматривать эту сферу как *сферу-индикатор*, то есть, сферу, изменения в которой однозначно указывают на аналогичные изменения в других сферах (хотя и не являются их причинами).

В конце хочу еще раз вернуться к обстоятельствам появления этой статьи. Как я уже сказал, к идеям, в ней изложенным, я пришел, длительное время наблюдая процессы, происходящие на Украине. На мой взгляд, лучше всего эти процессы могут быть осмыслены именно как процессы распада. Состояние же, в котором ныне пребывает украинская экономическая, политическая и социальная системы – суть результат не *недоразвития* как сегодня чаще всего полагают [1; 2; 3; 5; 7; 10], а именно *распада, деградации* более сложной, более высокоструктурированной системы, какой был СССР¹⁹.

И последнее. Кто-то мог бы заметить, что путь вверх и путь вниз проходит через *одни и те же* точки. Все так. Однако речь не в том, чтобы знать, в какой точке мы сейчас, а в том,

18 При этом необходимо помнить, что распад – это понятие не рядоположенное понятию факта. Более того, оно не сводится ко всей совокупности фактов, взятых из разных сфер (экономической, политической и проч.), а является присоединенной к этому множеству характеристикой.

19 Следует указать на еще одну причину устойчивости парадигмы развития, ее *удобства*. Дело в том, что разложение, которое, как и развитие, может продолжаться *практически бесконечно*, вообще говоря, не предполагает установления какого-то стабильного состояния, описываемого в *положительных* терминах. Вследствие этого соответствующая парадигма, во-первых, лишена присущей парадигме развития целостности, законченности, *положительности*, а во-вторых, чисто психологически непривлекательна.

чтобы знать, в какой точке мы будем завтра. И тут уже становится важно, какой именно парадигмой мы пользуемся.

Список использованных источников

1. Гельман В. Россия в институциональной ловушке / В. Гельман // Pro et Contra. – 2010. – Т. 14, №4-5. – С. 23-38.
2. Лапкин В.В. Основные тенденции политического развития в России и на Украине в период 2004-2006 гг. / В.В. Лапкин // Демократия, управление, культура: проблемные измерения современной политики. Политическая наука: ежегодник 2006 / РАН, гл. ред. А.И. Соловьёв. – М.: РОССПЭН, 2007.
3. Макаренко Б.И. Посткоммунистические страны: некоторые итоги трансформации / Б.И. Макаренко // Политика. 2008. – №3(50). – С. 105-124.
4. Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории: в 2 т. / О. Шпенглер; пер. с нем. – М.: Мысль, 1993.
5. Fritz V. State-building: a comparative study of Ukraine, Lithuania, Belarus, and Russia / V. Fritz. – Budapest: Central European university, 2007. – 384 p.
6. Glass I. Economics: Progressions, Stagnation or Degeneration?: An Introduction to the Methodological Issue, Involved in Assessing the Growth of Economic Knowledge / I. Glass, W. Jonson. – New York etc.: Harvester Wheatsheat, 1989. – 200 p.
7. Kuzio T. Transition in Post-Communist States: Triple or Quadruple? / T. Kuzio // Politics. – Vol. 21(3). – 2001. – P. 168-177.
8. Pocock J.G.A. Political Thought and History: Essays on Theory and Method / J.G.A. Pocock. – Cambridge: Cambridge University Press, 2009. – 296 p.
9. Upton C. Legends of the End: Prophecies of the End Times, Antichrist, Apocalypse, and Messiah from Eight Religious Traditions / Charles Upton. – Hillsdale, NY: Sophia Perennis, 2005.
10. Whitmore S. State-building in Ukraine: The Ukrainian parliament, 1990-2003 / S. Whitmore. – L., N.Y.: Rutledge, 2005. – 222 p.

ШЕВЧЕНКО О. К.

ФИЛОСОФИЯ ВЛАСТИ: ПРЕДЕЛЫ ВОЗМОЖНОГО

Власть – предмет сложный для постижения. Более того имея определенные традиции философского постижения, власть так и не обзавелась наукой, где могла бы выступить предметом изучения. Идея создания Кратологии (науки о власти), потерпела сокрушительный крах и ныне является историей. Более того исследований посвященных власти ничтожно мало, особенно таких, которые можно было бы считать классикой философской мысли. Проблема видится в том, что власть концептуально, лексически крайне расплывчатый предмет освоения. При небольших усилиях любой текст посвященный политике, государству или же праву можно считать исследованием власти. Хотя между властью и вышеперечисленными проблемами столь же существенная разница, как между университетом и цветом краски в одном из его корпусов.

По сути, проблема власти как комплексная проблема появилась исключительно в средневековье и нашла свой расцвет в относительно небольшой книжечке Данте Алигьере - «Монархия». Средневековых мыслителей интересовала концепция происхождения власти как принципа гармонизации окружающего нас мира. Разумеется, в контексте столкновения божественной воли и воли Человека, Добра и Зла, Света и Тьмы. Эпоха Возрождения и Нового времени, фактически не предоставляет нам трудов посвященных именно Власти, как

особого способа организации пространства (где политика это форма проявления власти, а право – форма осуществления). За исключением череды трактатов Н. Макиавелли и «Левиафана» Т. Гоббса. Вне всякого сомнения, отдельные элементы философского изучения власти можно встретить у разных мэтров той эпохи, например, у Б. Спинозы, И. Канта и других, но систематического интереса и последовательного изложения – все таки нет.

Первым серьезным философским подходом к власти явилось творчество Ф. Ницше и его венец в деле кратологических исканий «Воля к власти. Опыт переоценки всех ценностей». После Ницше на долгое время философия власти время от времени «всплывала» в отдельных трактах, как загадка, которой нет ответа: Э. Каннети – «Масса и власть», Г. Лебон «Психология масс», В. Ленини «Государство и революция» и т.д. Прорыв в философии власти в начале века принадлежит британцу Б. Расселу и его логическому трактату «Власть». Изумительный и превосходный логический анализ всей многослойной реальности власти заставил философов с большим пиететом отнестись к проблеме. Но предметные исследования именно власти остаются редкими, чаще, власть это прикладной аспект: свободы у Э. Фромма, творчества у Н. Бердяева, диктатуры у К. Шмидта, идеологии у А. Розенберга и т.д. Попытку вырвать власть из тисков обыденности предприняли французы П. Бурдьё, М. Фуко и М. Блок. Но их прорыв дал многое для методологии познания власти, однако оказался бесполезен для формирования устойчивого интереса интеллектуальной элиты к постижению границ власти, ее, говоря философским языком, предельных оснований. Он ничего не дал для формирования общего представления о том что власть есть и чем она быть не может.

В настоящее время тема власти активно анатомируется российскими учеными. В частности постижение власти в рамках классических подходов аналитической школы В. Ледяевым – «Концептуальный анализ власти», исторические аспекты властной реальности В. Хачатуряном, В. Фадеевой и др.

О чем нам говорит представленный схематичный план изучения власти? Во первых философия власти традиционно сильна в создании новых методологий и концептуального обоснования идеологических доктрин. Философия власти крайне слаба в развитии общего представления о собственно властной реальности (нет разработанного понятийного аппарата, но есть анализ литературных языковых форм, нет категорий, но есть развитая сеть образов и смыслов). Практически отсутствуют канонические тексты по истории философского освоения власти, нет подборок хрестоматийных текстов.

Таким образом, в настоящий момент философия власти находится в зачаточном состоянии. Она не сформировалась ни как дисциплина, ни как раздел академического знания. Присутствует лишь исследовательский интерес и десяток классических текстов. В этом смысле пределы философии власти находятся в руках самих исследователей, именно от наших современников зависит сфера возможностей философии власти как самостоятельного рода философского знания.

ЯГЕНИЧ Л. В.

ВЛИЯНИЕ ПОЛИКУЛЬТУРНОГО ЯЗЫКОВОГО ПРОСТРАНСТВА НА РАЗВИТИЕ ЛИЧНОСТИ ВРАЧА

Annotation

This article is dedicated to the problem of the multicultural language influence on the doctor personality. The problem about doctor's education is described here. It is necessary not only to be a well skilled doctor it is also important to know how to use the obtained knowledge in practice in real life situation. Foreign language is a way of solving some problems outside of the native country. So that in medicine it is preferable to give a good education to a future doctor who has the active life position. The multicultural language field plays a great role in the development of the

doctor personality. It is very important for Crimea and we should mention English as the international language. Language is a part of culture so students are studied in the multicultural conditions. The norms of language and culture should be given during the studying process. It will help students to have a proper behavior and speak correctly for solving some problems, making presentations and at least working abroad.

It has already been analyzed the term 'competence' which is a cluster of related abilities, commitments, knowledge, and skills that enable a person (or an organization) to act effectively in a job or situation. Competence indicates sufficiency of knowledge and skills that enable someone to act in a wide variety of situations. Each level of responsibility has its own requirements, competence can occur in any period of a person's life or at any stage of his or her career in medicine. It is described the professionally oriented competence of a future doctor. When we speak about the professionally oriented competence we pay our attention to the cultural competence too. It is impossible to teach language without teaching culture. There is a special structure, methods and way of presenting the work. It is also important to know how to work with colleagues from other countries. There are some rules of the request the information, presenting the information, giving the information. We should remember about manners of speaking and ways of communication. We are speaking also about future scientists in the sphere of medicine who should have some mental abilities to be successful in doing medical researches. The purpose of practicing critical thinking in teaching foreign languages to students of technical specialization is to emphasize that learners should be able to attain English language competence in cause and effect, description, categorization, and differentiation, specifically for comparison and contrast. It also emphasizes the skills of skimming and scanning. Cognitive psychology highlights the understanding of the principles of temporal sequence, cause and effect, judgment, and choice. Critical pedagogy focuses on examining "the knowledge, theme, technique, text, or material, its internal structure and its connections to self and society".

It is necessary to have a critical thinking for being a successful scientist. And Professional competence which will be formed for the period of studying foreign language in the post-graduate school it helps to present the scientific investigations in medicine abroad.

It is established that for reaching C1 level it is necessary to have 200 hours for learning academic writing, speaking, listening and reading. Studying in the post-graduate school is a good time for forming foreign professionally oriented scientific communicative competence.

Эта статья посвящена проблеме изучения поликультурного пространства, которое способствует формированию языковой личности будущего врача. Представлены группы правил коммуникативной культуры, что необходимо учитывать при формировании профессионально ориентированной коммуникативной компетенции в процессе обучения иностранного языка. Анализировались методы и подходы формирования личности врача в процессе обучения, а также возможность и необходимость их применения в процессе изучения иностранного языка. Поднимается проблема не только формирования будущего специалиста вообще, а именно формирования коммуникативных умений и коммуникативной компетентности. Нужно уметь правильно строить беседу с пациентом, а если идёт речь об использовании иностранного языка, то это задача значительно усложняется. Два человека, которые есть представителями разных национальностей, общаются на одном языке, но они представители разных культур. Поэтому, мы говорим о межкультурной англоязычной коммуникации в сфере медицины.

В современном обществе, когда речь идёт об изменениях в системе образования, надо говорить о процессах, которые качественно влияют на изучение иностранного языка, помимо организационных особенностей учебного процесса. Много наук изучают личность в своем специфическом аспекте, например, личность является объектом изучения философии, социологии, психологии, этики, эстетики, педагогики, филологии и т. д.

Личный опыт человека не может привести к тому, что у него самостоятельно сформируется логическое мышление, самостоятельно сложатся системы понятий, появятся знания. Каждое последующее поколение начинает жизнь среди предметов и явлений, созданных предшествующими поколениями. Развиваются специфические человеческие способности, которые уже сформировались у человечества в процессе различных формах общественной деятельности.

Социальный фактор и деятельность человека обусловлены единством и взаимодействием биологического и социального факторов. Поскольку сознание, речь передаются в порядке биологической наследственности, то понятие «индивид» используется — как биологический организм, носитель общих генотипических на следственных свойств биологического вида. Таким образом индивидом рождаются люди, а личностями становятся, что передаёт социально-психологическая сущность человека. На личность влияет жизни в обществе, воспитания, обучения, общения, взаимодействия.

Личность, также рассматривается социологией, как представитель определенной социальной «группы», может как социальный тип, а также как продукт общественных отношений. Но психология учитывает, что личность начинает выступать как совокупность внутренних условий, через которые преломляются внешние воздействия общества. Внутренние условия становятся более глубокими по мере формирования личности, в результате одно и то же внешнее воздействие может оказывать на разных людей разное влияние. Таким образом, личность есть активным субъектом деятельности, общения, сознания, самосознания, а также объектом и продуктом общественных отношений. Личность есть понятие социальное, она выражает все, что есть в человеке исторического, а также возникает в результате культурного и социального развития. «Индивидуальность» - это особенная и непохожая на других личность в полноте ее духовных и физических свойств. Индивидуальность выражается в наличии разного опыта, знаний, мнений, убеждений, в различиях характера и темперамента. Существует множество определений личности, например: А. Г. Ковалев: личность — это сознательный индивид, занимающий определенное место в обществе и выполняющий определенную общественную роль. И. С. Кон: личность — это специфическая интеграция социальных ролей. Б. Г. Ананьев: личность — субъект труда, познания и общения [1].

Постановка проблемы. Целесообразным считаем рассматривать обучение личности иностранному языку, этот процесс рассматривать как явления культуры, что позволит нам обогатить содержание процесса подготовки специалистов. А также необходимо разработать и обосновать квалификационные требования к коммуникативной культуре врачей как явлению профессиональной и социально значимой ценности. Коммуникативная культура выступает одним из ведущих и стержневых образований личности и понимается нами как составная медицинской культуры, которая характеризуется единством личностных и профессиональных ценностей, обуславливающих направленность педагога на другого субъекта взаимодействия. Основными ее составляющими являются способность к согласованию и соотнесению своих действий с другими, принятию и восприимчивости другого; потребность в другом как партнере коммуникации, к расширению границ коммуникации; готовность к гибкому тактичному взаимодействию с другим, к рефлексивной деятельности. Коммуникативная культура, как справедливо заметил В.С. Библер, характеризуем неповторимость индивида.

Актуальность изучаемой проблемы. На сегодня мы говорим о формировании коммуникативной профессионально ориентированной иноязычной компетенции в процессе изучения иностранного языка. Современная языковая личность представляет собой поликультурную личность, в основании которой лежит национальная личность (Бушев). Для нашего исследования важно проанализировать процесс формирования личности будущего врача.

Анализ предыдущих исследований и публикаций по теме. Необходимо отметить, что для достижения результатов в педагогическом процессе нужны определённые

исследования, методы и подходы. Актуальным и, несомненно, эффективным есть коммуникативный подход в рамках коммуникативного метода, мы считаем также целесообразным использовать уравнивающий и культурологический подходы. Многие учёные такие как Г.С. Батищева, М. М. Бахтина, Н.А. Бердяева, В.С. Библера, М.А. Кагана, В.М. Розина, Н.С. Розова в своих исследованиях говорят о необходимости использования культурологического подхода к процессу обучения. Потому как обуславливающий интегративные и гуманитарные явления в содержании образования, диалогичный характер процесса развития личности будущего врача предполагает культурологический подход.

Культурологический подход отобразился в трудах мыслителей В.Г. Белинского, Н.А. Добролюбова, А.И. Герцена, Н.П. Огарева, К.Д. Ушинского. Образование понималось как способ приобщения к народным традициям и истокам национальных обычаев; в психолого-педагогических концепциях П.И. Блонского, В. Валлона, Л.С. Выготского, А.Н. Леонтьева, раскрывавших механизм "вращения ребенка в культуру" (Л.С. Выготский) в результате особых форм общения с ней. Сегодня мы говорим о необходимости гуманизации процесса обучения, а именно ценностно-ориентированного образования, формирующего человека культуры путем освоения им гуманистических ценностей, что отображено в работах Е.В. Бондаревской, Н.В. Гусевой, В.В. Давыдова, Н.С. Розова, Р.М. Чумичевой и др., освещавших вопросы. Как отмечает В.В. Гура, культурологический подход - это видение через призму понятия культуры, которое позволяет рассматривать человека в учебной деятельности как свободную, активную индивидуальность, способную к само детерминации в горизонте личности в результате общения с другими личностями, культурами, эпохами как в пределах сегодняшнего жизненного мира, так и в общении с произведениями прошлых эпох.

Целью нашего исследования есть – показать пути развития коммуникативной культуры студентов в процессе профессиональной языковой подготовки в вузе медицинской направленности.

Изложение основного материала.

Нужно отметить, что эффективность общения зависит прежде всего от коммуникативной культуры участников общения. Коммуникативная культура - это совокупность культурных норм, культурологических знаний, ценностей и значений, используемых в процессе коммуникации, в том числе и при общении. Ю. В. Жуков выделяет три группы правил, составляющих коммуникативную культуру.

Первая группа — это правила коммуникативного этикета. Они определяют порядок обращения и представления, выбор обращения и многое другое. Этикетные правила не имеют прямой связи с эффективностью общения, но их частичное или полное игнорирование отстраняет человека от участия в общении.

Вторая группа — правила согласования коммуникативного взаимодействия. Они задают тип общения: светское, деловое, ритуальное, личностное и т. д.

Третья группа — это правила самоподачи (самопрезентации). Они не определяют тип общения и не влияют на общую для всех эффективность, но определяют индивидуальный успех отдельных участников общения. Правила самоподачи предназначены для создания у окружающих определенного впечатления о себе.

Проблема формирования коммуникативных умений и коммуникативной компетентности у студентов нашла отражение в педагогических работах Д.М. Александрова, А.В. Воловик, К.М. Карапетян, И.В. Киселевской, В.Г. Костомарова, И.А. Зимней, Г.В. Рогова, Г.А. Китайгородской и др. В работах названных ученых определяется значимость коммуникаций в процессе обучения. Они видят ее в том, что коммуникация обеспечивает становление творческой активности учащегося, вырабатывает способ совместного взаимодействия, способ выбора цели и способ ее достижения, способствует развитию умений самооценки и самоконтроля.

Вслед за И.А. Стерниным, мы рассматриваем коммуникативное поведение как один из аспектов владения и овладения иностранным языком, наряду с такими аспектами как

говoreние, чтение, письмо, аудирование и перевод [3]. Культурологический подход дает возможность представить педагогические явления, профессиональное образование будущего работника медицины как совокупность, систему культурных компонентов, освоение которых дает возможность развивать духовную культуру медика, его научный и интеллектуальный потенциал и способность к диалогу, коммуникаций [2].

Выводы.

Таким образом, мы рассматриваем каждого будущего врача, как языковую личность, которая представляет собой определённую нацию, а общение ежедневное, в том числе и профессионально ориентированное, и есть межнациональным, а соответственно и поликультурным.

Поэтому в **перспективе** необходимо разработать комплекс заданий для формирования социокультурной компетенции, как составной коммуникативной профессионально ориентированной англоязычной компетентности в процессе подготовки будущего врача.

Список использованных источников:

1. Берн. Э.Н. Что такое человек? / Теории личности в западноевропейской и американской психологии. Самара, 1996. – 46с.
2. Рудь М. Г. Пути развития коммуникативной культуры в условиях педагогического колледжа // Развитие личности в образовательных системах: Тезисы докладов IV годичного собрания Южного отделения РАО и региональных психолого-педагогических чтений Юга России. - Ростов-н/Д: Изд-во РГПУ, 1997. Часть 1. – 72с.
3. Стернин И.А. Понятие коммуникативного поведения и проблемы его исследования // Русское и финское коммуникативное поведение. Воронеж: Изд-во ВГТУ, 2000. С. 4-20.

СЕКЦИЯ «МОЛОДАЯ НАУКА»

ВАНЬКЕВИЧ Е. Н.

Научный руководитель: д. полит. н., проф. Жеребкин Михаил Васильевич

РОЛЬ ОТЧЕТНОЙ ДОКУМЕНТАЦИИ В СИСТЕМАТИЗАЦИИ ПРАКТИЧЕСКИХ НАВЫКОВ ПРИ ПРОХОЖДЕНИИ ПРАКТИКИ В ДЕТСКОМ ОЗДОРОВИТЕЛЬНОМ ЛАГЕРЕ

Актуальность темы исследования определяется тем, что при прохождении летней практики в детских оздоровительных лагерях студенты имеют возможность совершить переоценку полученных умений, знаний и навыков. Именно составление отчетной документации помогает лучшим образом систематизировать те знания, которые мы получили в ходе практики и изложить их в письменном виде.

Методические рекомендации, полученные студентами в ходе предмета «Теория и методика преподавания истории» раскрывают основное содержание воспитательной работы студентов-практикантов при прохождении летней педагогической практики. Они включают рекомендации по организации летней практики, критерии оценки, содержат инструкции по работе.

Летняя педагогическая практика создает реальные условия для формирования профессионально-педагогических умений по организации воспитательной работы с детьми в летних условиях, формирования профессионально-педагогической направленности и качеств социально активной личности будущего учителя [1, с. 4].

Летняя педагогическая практика представляет собой самостоятельную работу студентов с детьми в условиях летних каникул в оздоровительных лагерях, в трудовых объединениях школьников, во внешкольных учреждениях, в детских клубах по месту жительства. Как всякий вид деятельности, летняя педагогическая практика имеет свои особенности [1, с. 4].

Так, например, в период практики в школе студент приходит в уже сложившийся классный коллектив, имеющий свои традиции, обычаи, свою систему личных взаимоотношений и зависимостей. В условиях же оздоровительного лагеря предстоит большая работа по созданию, развитию и сплочению временного детского коллектива.

Важной особенностью летней педагогической практики является то, что она осуществляется в самых разнообразных воспитательных учреждениях. Студенту-практиканту необходимо иметь в виду, что выбор средств, форм воспитания определяется всякий раз конкретно, исходя из поставленных целей. Предпочтение надо отдавать не количеству видов деятельности, а их сочетанию, качеству подготовки и проведения, учитывая возникающие при этом взаимоотношения в коллективе. От опыта вожатых – студентов-практикантов, от их знаний, умений, отношения к делу во многом зависит, будет ли ребятам интересно в лагере, приобретут ли они полезные навыки, укрепят ли здоровье. Перед выездом в лагерь надо тщательно продумать содержание работы с учетом современных требований и направлений [3, с. 36].

В ходе прохождения практики перед студентом стояли обязательства:

1. подчиняться распоряжениям администрации лагеря, руководителя практики;
2. соблюдать правила внутреннего распорядка;
3. нести личную ответственность за здоровье и благополучие вверенных ему детей;
4. присутствовать на педсоветах и планерках;
5. не покидать территорию лагеря без уведомления руководства;
6. не оставлять детей одних вне территории лагеря;
7. организовывать полноценную жизнедеятельность детского коллектива;
8. вести своевременную отчетность по практике.

По прохождении летней практики перед студентами стояла задача: проанализировать полученные знания и сдать в кабинет практики отчетную документацию:

1. Дневник о прохождении практики, характеристику с предполагаемой оценкой. В дневнике должна быть отражена информация о лагере:

1. местоположение лагеря;
2. Ф.И.О. начальника лагеря, заместителя начальника, старшего вожатого;
3. традиции лагеря;
4. наличие кружков, библиотек, видеосалонов.

2. Информация об отряде:

1. название отряда;
2. количество детей в отряде;
3. характеристика отряда;
4. девиз, речевка, отрядная песня;
5. план-сетка работы отряда.

3. Разработка одного коллективного творческого дела.

4. Творческий отчет [1, с. 2].

Летняя лагерная практика - одна из важных составляющих учебного процесса в педагогическом ВУЗе, поскольку это единственная практика, где студенты имеют возможность получить опыт работы с временной детской группой. Это может быть временный детский коллектив в оздоровительном лагере, группа детей на пришкольной площадке, группа детей из специализированного детского учреждения, находящаяся на летнем отдыхе и другие детские группы. Главное, что студент знакомится с особенностями работы с детьми во вне учебное время и находится в непосредственном продолжительном контакте с детьми, при этом имея возможность общаться с ними круглосуточно. Дневник является документом учета работы студента-практиканта, в котором ведется хронологически последовательная запись просмотренной в базовых учреждениях работы, с указанием даты каждой записи, вида и содержания, в соответствии с требованиями к ведению дневника [5, с. 83].

Оформляя дневник, студенту нужно помнить, что качество дневника по содержанию, по оформлению будет характеризовать уровень методической грамотности практиканта. Дневник должен быть заполнен аккуратным, разборчивым почерком. В записях не только констатировать содержание просмотренной работы, но и уделять внимание критическому анализу специфики работы специалистов образовательных учреждений, продумывать предложения по ее улучшению.

Нужно помнить, что дневник является одним из средств обучения студентов систематическим рабочим записям, которые необходимы не только в период прохождения практики, но и для самостоятельной работы после окончания университета [5, с. 83].

Таким образом, составление отчетной документации помогает студенту систематизировать полученные знания в ходе учебного процесса и практики. Заполняя данную отчетную документацию, студенты анализируют свою работу в лагере, излагают требования руководства лагеря к ним, распорядок рабочего дня в лагере, а также деятельность персонала лагеря.

Написание отчетной документации регулируется определенными правилами, которые нужно в обязательном порядке соблюдать, если хочется сдать все без проблем. Именно в ходе составления отчетной документации студент лучшим образом может скоординировать свои действия на практике и объяснить своим коллегам, какое значение имела практика.

Список использованных источников:

1. Кириенко Т. А. Методические рекомендации по летней практике для студентов. – Тамбов, 2008. – с. <http://nsportal.ru/npo-spo/gumanitarnye-nauki/library/2014/03/14/metodicheskie-rekomendatsii-po-letney-praktike-dlya>.
2. Пидкасистый П. И. Подготовка студентов к творческой педагогической деятельности: учебно-методическое пособие / П. И. Пидкасистый, Н. А. Воробьева. - Москва: Педагогическое общество России, 2007. - 192 с.
3. Ряписова А.Г. Педагогическая практика студентов: учебно-методическое пособие / А. Г. Ряписова. - Новосибирск: НГПУ, 2012. - 80 с.
4. Педагогическая практика в вузе: Программа для студентов 4 курса МФ/ Составители Д.Ю.Ануфриева, А.И.Арапов, А.А.Данилков, Т.Н.Добрынина. – Новосибирск: Изд. НГПУ, 2002. – 19 с.
5. Ряписов Н.А. Содержание воспитания и педагогическая диагностика: учебно-методическое пособие / Н. А. Ряписов, А. Г. Ряписова. - Новосибирск: НГПУ, 2005. - 106 с.

ВАНЬКЕВИЧ Е. Н.

**Научный руководитель: доктор философских наук, профессор
кафедры философии и социальных наук
ГПУ КФУ им. В. И. Вернадского (г. Ялта)
Масаев Михаил Владимирович**

ГНОСЕОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД К СТАНОВЛЕНИЮ НАЦИОНАЛЬНЫХ ШКОЛ В КРЫМУ В КОНЦЕ XIX В. - НАЧАЛЕ XX В.

Актуальность темы исследования обусловлена интересом исследователей к становлению и развитию национальных школ в Крыму в конце XIX - начале XX в. В последние годы в науке заметен интерес к малоизвестным страницам крымской истории, в частности, к проблемам народного образования. Развитие национальных школ в Крыму в конце XIX - начале XX в. существенно отличается от других регионов, поскольку этот регион многонационален и многоконфессиональный. Большинство информации об развитии и деятельности национальных школ в Крыму находится в архивах в ограниченном доступе, таким образом в работе проведен анализ архивных источников и публикаций конца XIX в. - начала XX в. Для данного исследования особый интерес представляет знание как познавательная единица, гносеологический таксон. Типология знаний, которые изучались в национальных школах с этой позиции может происходить по различным основаниям. В зависимости от исследовательской установки: по когнитивному принципу школьные знания могут классифицироваться на дискурсивные (логически очевидные, существующие в сфере научного опыта) и интуитивно-образные (психологически очевидные, базирующиеся на частном обыденном, нравственном опыте).

В сфере исследования лежит изучение особенностей научного знания, принципов образовательного процесса. Выделение критериев научности - «правил, по которым оценивается соответствие начальных знаний обобщенным гносеологическим представлениям об установленных стандартах научного знания» [2, с.6] - обусловлено тем, что человеческий познавательный опыт так многообразен, что знания об мире формировались не только в рамках науки, преподаваемой в школе, но и за ее пределами. В связи с этим Л. Шестов в своей работе «Апофеоз беспочвенности» отмечает, что: «повидимому, существуют и всегда существовали ненаучные приемы отыскания истины, которые и приводили если не к самому познанию, то к осознанию предметов» [5, с.171].

Во второй половине XIX века в Российской империи в целом и в Таврической губернии в частности разворачивается просветительская деятельность, в которой принимала активное участие местная интеллигенция. Система начального образования, которая сложилась в Таврической губернии в это время, включала церковно-приходские и земские

училища, городские школы, школы грамотности, воскресные школы, начальные народные училища (одноклассные и двухклассные, сельские и городские), высшие начальные училища. Только последние заведения давали законченное начальное образование. Также в неё входили ведомственные школы Министерства народного просвещения (профессиональные и национальные), а также частные школы.

Учебные заведения, организованные правительством, губернской администрацией, общинами или частными лицами, преследовали, в первую очередь, воспитание европейски образованного российского гражданина в ущерб как этническим, так и конфессиональным потребностям народов Крыма. Правда, для привлечения учащихся в эти школы в процессе обучения допускались необходимые предметы конфессионального цикла, а для лучшего усвоения материала в начальных классах преподавание велось на родном языке [1, с. 40].

Анализ архивной литературы и научных материалов свидетельствует о том, что изучение процессов становления образования и развития национальных школ в Крыму начинается в 20-е гг. XIX ст. Эти процессы связаны с вхождением Таврической губернии в состав Российской империи, а также с падением крепостного права. Позитивное решение этой проблемы было обусловлено, как отмечает Н. Аристов, растущей потребностью в грамотных, квалифицированных кадрах и желанием народа получить образование [3, с. 32-33].

Исследуя роль гносеологии в системе начального образования в Крыму в целом, необходимо рассмотреть природу и функции мировоззрения, как особого вида интеллектуальной деятельности. Под мировоззрением следует понимать не просто сумму взглядов на мир, а некоторое целостное представление о мире, включающее выяснение места человека в мире, направление его деятельности. На основе начального образования в учащихся формировалось теоретическое отношение к действительности. Противопоставляя антропоморфизму идеологии представление о мире, а традиционности и непосредственности этноса — сознательный поиск, формировались представления учащихся на основе логических и гносеологических критериев. В учащихся модель мира не просто постулировалась, она задавалась на основе традиции, веры и авторитета власти [1, с. 45].

Как отмечает А. Дьяконов, на территории Крыма государственные национальные начальные школы создавались для детей христианского, мусульманского и иудейского вероисповеданий. Учебный план обозначенных учреждений включал следующие предметы: Закон Божий, русский язык, чистописание, родной язык, арифметику, русскую историю и географию, элементарные сведения по природоведению, пение и черчение. Закон Божий, в отличие от других предметов, преподавался на родном языке. Учителя школ для «иногородцев» должны были быть русскими и иметь право на осуществление учительской деятельности [4, с. 1].

По этническому принципу эти учебные заведения имели большое разнообразие. Несколько национальностей могли иметь одну или несколько конфессиональных принадлежностей. Так, у немцев были лютеранские и римско-католические школы, которые управлялись духовенством, а также менонитские учебные заведения, которые состояли с 1869 г. в ведении Молочанского менонитского училищного совета. Или, например, один небольшой армянский народ только в Крыму имел два христианско-церковных направления: армяно-григорианское и армяно-католическое, и содержал свои церковные школы при всех приходах.

Состояние школ в материальном и учебном отношении был признано «хорошим» и «отличным». Оплата педагогов в Крыму была выше, чем в северных уездах. Педагогический состав начальных школ пополнялся за счёт выпускников учительского института Феодосии. Учебные заведения были ограничены в средствах, но, начиная с 50-х– 60-х гг., финансовое положение улучшилось [4, с. 5].

Развитие сети начальных школ в Российской империи к началу XX века (и в Крыму в частности), позволял ввести всеобщее начальное образование. Этому процессу помешала Первая мировая война.

Таким образом, очень важное значение приобретает ныне исследование гносеологических проблем социально-гуманитарного знания. В работе сделана попытка показать, что различные позиции политики властей в процессе человеческой жизнедеятельности и различные типы социальной общности влияют на сам подход к изучению познания. При исследовании гносеологической проблематики становления и развития образования в Крыму во второй половине XIX - начале XX вв. имеет особое значение учет различных уровней рефлексивной деятельности педагогов, что полнота исследования познавательного отношения человека к миру необходимо предполагает также философское обобщение опыта традиционно-эстетического освоения действительности. Большое значение на формирование личностей оказало образование, которое способствовало появлению нового слоя в обществе. Знания - это продукт институциональной высокоспециализированной деятельности по выработке, систематизации, обоснованию и проверке данных о действительности, соответствующих традиционным, культурным, историческим и религиозным стандартам.

Список использованных источников:

1. Ильин В.В. К вопросу о критериях научности знания // Вопросы философии. - М., 1986. - № 11. - С. 63-71.
2. Ильин В.В., Калинин А.Т. Природа науки: гносеологический анализ. - М.: Высшая школа, 1985. - С. 6.
3. Кравець В. П. Історія гендерної педагогіки : [навчальний посібник] / В. П. Кравець. — Тернопіль : Джура, 2005. — 440 с.
4. Моцовкіна О.В. Розвиток конфесійних навчальних закладів Криму в XIX - першій половині XX століття. Автореф. дис. на здоб. наук. ступеня канд. пед. наук : 13.00.01. –Держ. заклад "Південноукр. нац. пед. ун-т ім. К. Д. Ушинського". - О., 2011. - 20 с.
5. Шестов Л.И. Апофеоз беспочвенности. - Л.: Изд-во ЛГУ, 1991. - С. 171.

ГАВЛЮК И. А.

Научный руководитель: доктор философских наук, профессор кафедры философии и социальных наук ГПА КФУ им. В. И. Вернадского (г. Ялта) Масаев Михаил Владимирович

ФИЛОСОФСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ СЕВЕРНОЙ ВОЙНЫ (1700-1721)

Аннотация: статья посвящена философскому осмыслению Северной войны (1700-1721) в ключе исторических событий.

Ключевые слова: Россия, Петр, Швеция, Карл, флот.

Annotate: the article is devoted to the philosophical understanding of the Northern war in key historical events.

Keywords: Russia, Peter, Sweden, Karl, Navy.

Северная война яркой страницей вошла в героическую летопись Отечества. Старомосковская военная организация, растерянность, трусость и измена руководства армии из иностранцев, просчеты в подготовке похода поначалу привели к тяжелому поражению. Во всей Европе узнали о блестящей победе юноши-короля Карла XII и поражении русского царя-«варвара». Однако, после победы Карл XII, вместо того чтобы их преследовать, перенести военные действия на территорию России, заставив ее заключить выгодный для

себя мир, повернул на юг, против Польши и Августа II, которого ненавидел как инициатора Северного союза. Петра же явно презирал, недооценив его после легкой нарвской победы. Размер нарвской катастрофы сильно преувеличивали и сам Петр, и его русские и иностранные современники, а также историки нашего века. Но тогда она поразила всех настолько, что на всех европейских перекрестках смеялись над Россией и Петром. Поражение «москвитов» под Нарвой долго, почти десятилетие, завораживало Европу, особенно недоброжелателей России и Петра.

Однако, Петр использовал передышку, предоставленную Карлом XII, в полной мере. Собрав волю в кулак, царь действовал быстро, решительно и беспощадно. Бешеная деятельность Петра начала быстро приносить плоды: выросло число полков, было получено больше 300 орудий.

Карл XII ничего этого не видел и не хотел видеть. Упоение нарвской победой, не такой уж сокрушительной, скорее даже случайной, и другие успехи во время метаний по южному балтийскому побережью окончательно лишили его трезвого восприятия обстановки. Вскоре ведущие европейские государства — Англия, Голландия, Австрия и Франция — передрались между собой. Новым правителем стал Филипп V. Последний был склонен считать Испанию с ее обширными владениями чуть ли не во всех концах света частью своего королевства. Возник Великий союз в составе Австрии, Англии и Голландии. Все три государства объявили войну Франции.

В этих условиях Петр обхаживал Августа II. После переговоров Петр и Август обязались продолжать войну со Швецией, не заключать с ней сепаратного мира. Многие шведские города-крепости подверглись осадам и штурмам русских войск под предводительством самого Петра. Трофеи были богатыми, но важнее всего другое: русские обрели веру в свои силы, могли почти на равных сражаться со шведами и даже побеждать их. Именно в это время, в разгар боев со шведами, государь решает перенести столицу страны ближе к морю.

Очередной ошибкой Петра было то, что верный союзническому долгу, он приказывает генералу Александру Меншикову — направиться с кавалерией в Польшу для взаимодействия с войсками короля Августа II Саксонского, изрядно потрепанными каролинцами. Здесь в 1706 году произошло сражение при городе Калише. Это одно из крупнейших сражений Северной войны, которое выиграли русские войска.

Но радость скоро омрачилась... Было получено известие, что союзник Петра король Август еще до Калишской битвы заключил тайный мир с королем Карлом.

Однако, военное счастье стало изменять Карлу. Петр приказал сжигать в окрестностях жилища и поля, где уже колосилась рожь. Среди Шведов начались голод и болезни. Карл был в растерянности. Победа над шестнадцатитысячным корпусом Левенгаупта была первой победой молодой российской армии над численно превосходящим противником. Она во многом повлияла на дальнейший ход Северной войны.

В результате полтавской битвы Карл утратил всю свою армию, утратил свою славу. Раненный еще до Полтавской битвы, он был ушиблен в бою и в полубеспамятстве был спасен своей свитой, доставившей его в Переволочну. Там его успели перевезти через Днепр, и он с Мазепой скрылся в турецких пределах. Судьба Швеции была решена. До Полтавской битвы Швеции принадлежало главенство на Балтийском море и вообще в северной Европе. Полтавская битва передала это главенство Москве и Петру Великому; в этом и состоит ее значение в истории России и Европы. Петр тотчас после победы перевел свои войска к Балтийскому морю и начал завоевание Лифляндии и Финляндии. Дания и Саксония снова объявили войну шведам. Несчастливая Швеция потеряла все свои завоевания и должна была думать лишь о собственном спасении. Она была, как будто оставлена своим королем, который жил в Турции и, не думая о возвращении, домой, усердно ссорил турок с Петром Великим. 1710 года войну России объявила Османская империя. Однако, благодаря действиям Жены Петра Екатерины, подарившей Турецкому визирю сундук с драгоценностями, русская армия была спасена, хотя в результате мирного договора Россия и

отказалась от крепости Азов и ряда других приобретений в ходе первой войны с турками.

После военных удач, в Германии и Прибалтике, казалось бы, ход войны изменился в пользу русских. Но у Швеции оставался ее могучий и многочисленный флот — краса и гордость королевства. И вот в 1714 году грянула Гангутская баталия, ставшая первой крупной победой на море в истории российского флота. Эту баталию на море Петр назвал «морской Полтавой». Значение Гангутской победы было велико. Россия стала владычицей Балтийского моря. Разорительная война становилась для Швеции все более тяжелой. Даже Карл XII, вернувшийся из Турции, стал подумывать о мире с Россией. Однако 30 ноября 1718 года при осаде крепости в Норвегии он был убит. Король пал от случайной пули, хотя многие утверждали, что это было спланированное убийство...

Сестра покойного монарха Ульрика-Элеонора, вступившая на шведский престол, являлась сторонницей продолжения войны. Британия решила вмешаться. Но, несмотря на все препятствия, российскими солдатами и моряками была одержана еще одна замечательная морская победа над шведским флотом у острова Гренгам.

Война продолжалась 21 год. Приморские приобретения возводили Россию в иное качественное состояние, превращали ее в морскую державу. Выход к морю обеспечил стране нормальные условия для ее экономического и культурного развития.

С этого времени Русское государство стало официально именоваться Российской империей. В ходе этой войны, длившейся двадцать один год, были созданы могучие российская армия и военный флот.

УДК 101.8

ГУСАРЕНКО А. А.

**Научный руководитель:
доктор философских наук,
профессор кафедры философии
и социальных наук**

**ГПА КФУ им. В. И. Вернадского (г. Ялта)
Масаев Михаил Владимирович**

ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ И ИНТЕГРАЦИЯ НАУЧНОГО ЗНАНИЯ

Гусаренко А. А. Дифференциация и интеграция научного знания.

Статья посвящена таким закономерностям в науке как дифференциация и интеграция научного знания. В ней рассматриваются процессы, происходящие в современной науке, основные тенденции к единению и взаимопроникновению знаний в различные области науки.

Ключевые слова: Процесс дифференциации, междисциплинарная интеграция, дифференциация наук, интеграция наук, системный подход.

Hussarenko A. A. Differentiation and integration of scientific knowledge.

The article is devoted to such laws in science as differentiation and integration of scientific knowledge. It looks at the processes occurring in modern science, the main trends for unity and interpenetration of knowledge in various fields of science.

Keywords: The process of differentiation, interdisciplinary integration, differentiation of Sciences, integration of sciences, systematic approach.

Важнейшими закономерностями развития науки являются дифференциация и интеграция научного знания. Будучи детерминирована в конечном счете общественной практикой и ее потребностями, наука вместе с тем развивается по своим собственным закономерностям. Она обладает относительной самостоятельностью и внутренней логикой своего развития, которое характеризуется диалектическим взаимодействием двух противоположных процессов - дифференциацией (выделением новых научных дисциплин) и интеграцией (синтезом знания, объединением ряда наук - чаще всего в дисциплины, находящиеся на их "стыке"). На одних этапах развития науки преобладает дифференциация (особенно в период возникновения науки в целом и отдельных наук), на других - их интеграция, это характерно для современной науки.

Дифференциация, от лат. *differentia* - разность, [различие](#), и Интеграция, от лат. *integratio* - восстановление, восполнение) научного знания - два противоположных, но взаимосвязанных процесса развития научного знания. Дифференциация - более глубокое и тщательное [исследование](#) отдельных явлений и процессов определенной области действительности на определенной стадии эволюции науки. Именно в результате такого исследования появляются отдельные научные дисциплины со своим предметом и специфическими методами познания. Известно, что в античной Греции не было строгого разграничения между конкретными областями исследования и не существовало отдельных научных дисциплин за исключением математики и частично астрономии. Все известные знания и приемы изучения явлений входили в состав философии как нерасчлененной области знания. Впервые отдельные научные дисциплины возникают в эпоху Возрождения, когда появляется экспериментальное [естествознание](#), которое начало изучение природы с установления законов простейшей, механической формы движения. Занявшись изучением движения свободно падающих тел, Г. Галилей впервые начал систематически применять [экспериментальный](#) метод и математические приемы обработки его результатов. На этой основе он сформулировал относящиеся к ним законы и заложил основы механики, которую И. Ньютон превратил в научную дисциплину. Позднее постепенно формируются [физика](#), биология и другие фундаментальные науки [о природе](#). По мере дальнейшего научного прогресса происходит ускоренный [процесс](#) появления все новых и новых научных дисциплин и их ответвлений. Хотя при этом значительно возрастают точность и глубина знаний о действительности, одновременно ослабевают связи между отдельными научными дисциплинами и взаимопонимание между учеными. В современности такой разрыв приводит к тому, что специалисты разных отраслей одной и той же науки нередко не понимают ни теорий, ни конечных результатов других отраслей. Возрастающая дифференциация и узко дисциплинарный подход грозят превратить единую науку в совокупность обособленных и изолированных областей исследования, вследствие чего ученые перестают видеть [место](#) результатов своей деятельности и своей научной дисциплины в познании единого, целостного мира. Дифференциация научного знания в самой существенной степени обусловлена особенностями человека как субъекта научного познания. Речь идет о том, что знание вообще и научное знание в частности может порождаться лишь теми способами и средствами, которые определяются конституцией человека, его интеллектуальными и психофизиологическими характеристиками, такими, как объем памяти, устройство и разрешающая способность органов чувств и тому подобным. Конечно, люди различаются по этим характеристикам, которые к тому же могут быть в довольно широких пределах развиты путем воспитания и тренировки. Бесспорно и то, что человек создает различные технические средства, пользуясь которыми он расширяет диапазон своих познавательных возможностей. Тем не менее, в процессе порождения знания познаваемое содержание должно быть "спроецировано" на специфически человеческий аппарат познания, быть соразмерно возможностям человека. [2]

Процесс дифференциации, разделения наук, превращения отдельных "зачатков" научных знаний в самостоятельные науки и внутринаучное их "разветвление" в научные

дисциплины начался уже на рубеже XVI и XVII вв. В этот период единое ранее знание (философия) раздваивается на два главных "ствола" - собственно философию и науку как целостную систему знания, духовное образование и социальный институт. В свою очередь философия начинает расчленяться на ряд философских наук (диалектику, онтологию, гносеологию, этику и т.п.), наука как целое разделяется на отдельные частные науки, среди которых лидером становится ньютоновская механика, тесно связанная с математикой с момента своего возникновения. Дифференциация научного знания носит в целом прогрессивный характер, способствуя углублению процесса познания, совершенствованию специальной методики и арсенала познавательных средств, применяемых каждой конкретной наукой. Но она имеет и теневую сторону: чрезмерная дифференциация заслоняет от исследователя цельный образ изучаемого предмета, характеризующие его общие закономерности. Абсолютизируются и стыки между смежными областями знания, в результате чего каждый объект рассматривается как чересчур автономный, рядом с другим и независимо от него. По мере количественного и качественного роста информации требуется всё большая специализация ученых. Вот почему, раз начавшись, процесс дифференциации продолжается и по сей день, приводя ко всё большему дроблению единого тела науки на все более специализированные области. [1]

Эти недостатки дифференциации восполняются и уравниваются противоположно направленным, центростремительным процессом интеграции. Свое наглядное выражение сегодня интеграция находит в возникновении и бурном развитии "стыковых" научных дисциплин - биохимии, кибернетики, биофизики, геохимии и т. д.

Одновременно с процессом дифференциации происходит и процесс интеграции - объединения, взаимопроникновения, синтеза наук и научных дисциплин, объединение их (и их методов) в единое целое, стирание граней между ними. Это особенно характерно для современной науки, где сегодня бурно развиваются такие синтетические, общенаучные области научного знания как кибернетика, синергетика и др., строятся такие интегративные картины мира, как естественнонаучная, общенаучная, философская (ибо философия также выполняет интегративную функцию в научном познании). [6]

Тенденцию "смыкания наук", ставшей закономерностью современного этапа их развития и проявлением парадигмы целостности, четко уловил В. И. Вернадский. Большим новым явлением научной мысли XX в. он считал, что "впервые сливаются в единое целое все до сих пор шедшие в малой зависимости друг от друга, а иногда вполне независимо, течения духовного творчества человека. Перелом научного понимания Космоса совпадает, таким образом, с одновременно идущим глубочайшим изменением наук о человеке. С одной стороны, эти науки смыкаются с науками о природе, с другой - их объект совершенно меняется". [4] Интеграция наук убедительно и все с большей силой доказывает единство природы. Она потому и возможна, что объективно существует такое единство.

На современном этапе особенно велика роль интеграционных процессов в развитии науки. В связи с этим чрезвычайно возрастает значение философии, которая, по меткой оценке Джона Бернала, выполняет сегодня роль "стратегического компаса", призванного направлять процесс интеграции, помогать конкретным, частным наукам в воссоздании истинной, неискаженной картины мира. [7]

В самой науке существуют средства и методы для ограничения негативных сторон чисто дисциплинарного подхода к изучению мира. С прогрессом научного познания становится все более очевидным, что сосредоточение усилий только на установлении специфических законов конкретных классов явлений в отдельных дисциплинах не способствует открытию общих, а тем более фундаментальных законов, с помощью которых раскрывается [единство](#) мира, [взаимосвязь](#) и взаимодействие образующих его систем и процессов. С помощью эмпирических законов можно понять и объяснить лишь постоянные, регулярно повторяющиеся связи между наблюдаемыми явлениями. Ещё большей объяснительной и предсказательной силой обладают фундаментальные законы и принципы науки.

Интеграция научного знания осуществляется в различных формах и затрагивает как эмпирические, так и фундаментальные теоретические законы. Нередко интеграция начинается с применения понятий и методов одной науки в [другой](#) и завершается созданием широких междисциплинарных теорий и направлений исследования. Постигание идеи о единстве мира было сопряжено с признанием единства научного знания и научной картины мира, необходимости конвергенции сначала всего блока естественнонаучного знания, а затем и естественных и социально-гуманитарных наук. На первом этапе ученые убедились, что существует единство различных физических сил, что единым законам подчиняется живая (органическая) и неживая (неорганическая) материя. Физикализация и математизация естественнонаучного знания явились основанием к сближению математики, физики, химии, биологии, изменив мировоззренческие основания, методологические установки, предмет и стиль мышления этих наук. [3] Позже математические методы стали широко использоваться в социально-гуманитарных дисциплинах (истории, социологии, лингвистике), в методологическом отношении сблизившихся с естественными науками.

Первая попытка интеграции естественных и гуманитарных наук была предпринята в рамках позитивизма, ставившего задачу исследования и объяснения явлений человеческой культуры на основе познавательных установок естественных наук, продемонстрировавших свою эффективность при изучении природных явлений. Она оказалась несостоятельной, поскольку не только не учитывала, но заведомо отмежевывалась от своеобразия предмета и методологии гуманитарных наук, направленных на изучение уникальных явлений мира человеческой культуры как продуктов ценностно-ориентированной деятельности людей, преследующих определенные цели. Подведение явлений человеческой культуры под общие законы нивелировало индивидуальность и неповторимость явлений человеческого мира. [5]

На современном этапе парадигмальная и междисциплинарная интеграция наук осуществляется в русле сближения мировоззренческих установок и методологических подходов естествознания и социально-гуманитарных наук. Несмотря на специфические особенности гуманитарного и естественнонаучного знания, кардинально отличающихся друг от друга объектом и предметом исследования, и методологией, наблюдаются тенденции к обоюдному заимствованию методологических подходов. Ряд выдающихся открытий современного естествознания (теория относительности, двойственная корпускулярно-волновая природа микрочастиц, принципы дополненности и неопределенности) заставляют усомниться в возможности строгого логического осмысления действительности, длительное время служившего основанием для выделения специфики естественных наук. Оказалось, что объяснение - важнейшая познавательная процедура в области классического естественнонаучного знания является явно недостаточной в процессе осмысления сущности объектов микромира через общеизвестные и доступные логические схемы. Сталкиваясь с явлениями, противоречащими "здравому смыслу", ученый оказывается перед необходимостью понимания этих сложных объектов, подключения своего воображения для воссоздания истинной картины действительности. На данном этапе становится очевидным, что объяснение и понимание - два взаимодополняющих друг друга способа познания действительности.

Одна из отличительных особенностей гуманитарного познания - субъективность, всегда рассматривавшаяся естествоиспытателями как помеха на пути познания явлений мира, стала принципиально неустранимой характеристикой научной деятельности. В ходе исследований микромира ученый сталкивается не только с необходимостью объяснения явлений и процессов, но и с необходимостью понимания сложных объектов, с точки зрения "здорового смысла" не существующих. Важным признаком конвергенции естественнонаучного и гуманитарного знания явилось сформировавшееся убеждение в необходимости вероятностного подхода (в частности, при описании микрочастиц), ранее служившего характерной чертой гуманитарного знания, насыщенного интерпретациями и теоретическим плюрализмом, в рамках которого любая теория может претендовать на право называться истинной. Интеграция наук осуществляется на основе основополагающего

признания в неразделимости и взаимовлиянии субъекта и объекта, между которыми ранее проводилась четкая разграничительная линия. Реальность уже не рассматривается как совокупность объектов, которые существуют сами по себе, независимо от сознания познающего субъекта.

Таким образом, было бы неверно разрывать процессы дифференциации и интеграции во времени: на первых этапах налицо дифференциация, а вот когда она обнаруживает свои недостатки, в порядке компенсации появляется интеграция. Нет такого исторического этапа в развитии науки, который можно охарактеризовать только дифференциацией или только интеграцией, хотя на каждом из этих этапов доминирующим является какой-то один из этих процессов. Развитие науки представляет собой диалектический процесс, в котором дифференциация сопровождается интеграцией, происходит взаимопроникновение и объединение в единое целое самых различных направлений научного познания мира, взаимодействие разнообразных методов и идей. В современной науке получает все большее распространение объединение наук для разрешения крупных задач и глобальных проблем, выдвигаемых практическими потребностями. Так, например, сложная проблема исследования Космоса потребовала объединения усилий ученых самых различных специальностей. Глубокий социальный кризис современного общества требует дальнейшего развития науки, объединения различных её специализаций и ответвлений, что было бы невозможно без тесного взаимодействия естественных и гуманитарных наук, без синтеза вырабатываемых ими идей и методов.

Список использованных источников:

- 1 Кохановский В.П., Золотухина Е.В., Лешкевич Т.Г., Фатхи Т.Б. Философия для аспирантов: Учебное пособие. Изд. 2-е - Ростов н/Д: "Феникс", 2003. - 448 с.
- 2 Философия: Энциклопедический словарь. - Москва: Гардарики. Под редакцией А. А. Ивина. 2004. - 1072 с.
- 3 Эйнштейн А., Инфельд Л. Эволюция физики. - Москва, 1965 г. - 326 с.
- 4 Вернадский В. И. О науке. Т. 1. Научное знание. Научное творчество. Научная мысль. – Дубна: Изд. центр Феникс, 1997. - 576 с.
- 5 Общие проблемы философии науки: Словарь для аспирантов и соискателей / сост. и общ. ред. Н. В. Бряник ; отв. ред. О. Н. Дьячкова. - Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2007. - 318 с.
- 6 Никифоров А. Л. Философия науки: история и методология. - Москва, 1998. - 280 с.
- 7 Парахонский А. П., Венглинская Е. А. Интеграция и дифференциация наук, их связь с образованием // Успехи современного естествознания. -2009. - № 9. - 193 с.

ЗУБАРЕВ А. П.

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИДЕНТИЧНОСТИ ЧЕЛОВЕКА

Современное образование сопрягается с рядом тяжелых задач, одной из которых является сохранение индивидуальности ученика. Помимо того, что образовательный процесс дает знания, он также лишает возможности альтернативного мышления. Всем нам предоставляют определенные клише, в соответствии с которыми нам приходится думать и выбирать манеру поведения. Лишь немногие выпускники школ и ВУЗов обладают

способностью к экстраординарным рассуждениям. Известно, что сознание и поведение взрослых гораздо в большей мере подобно, чем аналогичные качества у детей. Детская индивидуальность выражена в гораздо большей степени. Отсутствие готовых «правильных» ответов стимулирует творческое мышление и способность видеть самое простое решение проблемы.

Таким образом, мы обнаруживаем философскую проблему соотношения частного и общего в интерпретации педагогики, которая имеет следующую форму: «как сохранить баланс между индивидуальным и социальным началами человека?».

Каждый человек неповторим, и эта уникальность наиболее отчетливо выражена в раннем возрасте. Классическое школьное и семейное образование стремится нивелировать индивидуальность, хоть и делает это, как правило, бессознательно. Данные институты социализации нацелены на воспитание индивида по заданному образцу. Нередко интеллектуальные, поведенческие, личностные предрасположенности попросту игнорируются. В современной культуре наблюдается полисемия ценностей. Институты семьи и школы, в свою очередь, закладывают в сознание ребенка отжившие ценностные представления и категории.

Образование же, в первую очередь, должно удовлетворять потребностям человека, оно существует для его развития. В этом смысле не столько ценны знания различных учебных дисциплин, сколько помощь в решении личностных кризисов, которые закономерным образом возникают на разных стадиях развития ребенка. Более того, недостаток образования также и в том, что оно отстает от науки: школьная программа не соответствует последним научным исследованиям. Эрик Эриксон полагал, что идентичность начинается формироваться с самого рождения человека и продолжается всю его жизнь. Успешное решение кризисов имеет своим следствием рост функциональности и самодостаточности личности, неуспешное – рост закомплексованности и разочарования. Чем меньше кризисов было преодолено на ранней стадии развития, тем острее переживаются кризисы последующие.

Школа – промежуточное звено, которое в значительной степени определяет судьбу человека. Первостепенная задача учебных заведений состоит не в том, чтобы давать теоретические знания, а в том, чтобы привить индивиду стремление к развитию своей индивидуальности.

Современная культура полицентрична, и это оказывает ощутимое давление на ученика. Иным было положение дел в античном обществе. Монолитная культура и четкие ценностные ориентиры в значительной мере помогали решить вопрос воспитания. Ребенка воспитывал не только учитель, но также семья и общество. Между воспитанием и образованием не было такого несоответствия как в наше время, наоборот, они воспринимались как единый феномен именуемый «пайдейя». Хотя в это время еще нельзя говорить об идентичности в современном смысле этого слова, тем не менее, ее отпечаток четко прослеживается. Эрик Эриксон говорит о двух типах этого термина: эго-идентичность и групповая идентичность. Первый тип древним грекам был неведом, однако второй, предполагавший принадлежность к определенной социальной группе, был распространен повсеместно и закреплялся культурно-идеологическими нормами.

Платон исходил из того, что человек способен творить зло и вести антисоциальный образ жизни лишь по незнанию, из-за своей неспособности различать благо и зло. Так он говорит о том, что истинно знающий человек всегда морально развит, ему присущи справедливость, здравомыслие, благочестие, доблесть и чужды пороки. Он вводит различие между понятиями наслаждения и блага. Часто причиной наших заблуждений является то, что мы принимаем первое за второе. Наслаждение не всегда предполагает высшее благо (страсть к еде и напиткам), тягость не всегда предполагает зло (спорт, военное дело). Подобным же образом следует судить и об образовании: тягостный процесс ради благого результата.

Именно человек несет в себе наибольшую ценность для мирового сообщества. Он ценен не только как самодостаточная индивидуальность, но и как основа будущего

прогресса. В этом смысле мы имеем право рассматривать каждого человека как инвестицию в будущее человечества. Поэтому так важно качественное образование, однако куда большее значение имеет воспитание, которое формирует мировоззрение индивида на начальном этапе развития. Семья как первичный институт социализации несет ответственность за реализацию потенциала ребенка.

Таким образом, можно сделать закономерный вывод, что от того сформируется ли четкая идентичность человека, зависит его последующая жизнь. В детстве формируется фундамент индивида, который он пронесет через всю оставшуюся жизнь. Ранние годы жизни характеризуются отсутствием критического взгляда на мир. В эти годы ребенок особенно сильно подвержен влиянию окружающей среды. Именно по данной причине семья и школа имеют определяющее значение.

КОЛЕСНИКОВА Т. А.

ПРИМЕНЕНИЕ ПОДХОДА Н. СМАРТА В ИЗУЧЕНИИ ТОТАЛИТАРНЫХ ИДЕОЛОГИЙ НА ПРИМЕРЕ ТРЕТЬЕГО РЕЙХА

В работе рассмотрен метод Ниниана Смарта, согласно которому любую религию можно описать при помощи так называемых измерений, или форм религиозного опыта, при помощи которых религия проявляет себя, сохраняется и транслируется в обществе. Данный метод может быть применен при изучении тоталитарных идеологических систем, в частности, идеологии Третьего рейха, которая проникала во все сферы жизни общества.

The application of the N. Smart's approach in studying totalitarian ideologies is to take a look of the Third Reich.

My work presents a method of Ninian Smart in accordance with which any religion can be described with assistance so-called measurements or forms of religious experience whereby religion manifests and saves itself and translation in a society. This method can be applied in the studying the totalitarian ideological systems, in particular , an ideology of Third Reich that pervaded In all spheres of publition life.

В настоящее время религиоведение столкнулось с необходимостью говорить о секулярных религиоподобных явлениях и идеологиях. Принято считать, что тоталитарная идеология Третьего рейха – удел изучения историков и политологов, но ни история, ни политология не раскрывает самого смысла квазирелигиозной веры, которая, будучи основой идеологии национал-социализма, способна кардинально изменить общество, заставить двигаться в нужном направлении огромные массы народа, и в итоге привести к трагедии. Современный мир столкнулся с множественными попытками реставрации нацизма, и поэтому изучение идеологии Третьего рейха актуально, как никогда – оно нужно для того, чтобы вовремя распознать за новыми лозунгами и символами возрождающийся нацизм и предотвратить возможную трагедию.

Объектом исследования является Третий Рейх с его атрибутами и символами, использование которых имело идеологический смысл и носило пропагандистский характер.

Предметом исследования является идеология Третьего Рейха и ее проявления в жизни общества как формы квазирелигиозного опыта.

В современном религиоведении не сложилось единой системы описания секулярных религиоподобных явлений, но в научный оборот был введен ряд терминов и подходов к изучению квазирелигий. Робертом Белла, применительно к ситуации в США, был введен термин *civil religion* – гражданская религия [1, с. 263]. Роберт Мертон предложил понятие *functional alternatives* – функциональные заменители религии [2, с. 42]. Мировоззрения – *worldviews*, термин, предложенный философом религии Нинианом Смартом для изучения секулярных религиоподобных явлений. Работы Смарта не издавались на русском языке, но его идеи освещены в работе А. Н. Красникова «Методологические проблемы

религиоведения» [3, с. 186]. Концепция «мировоззрений» Н. Смарта описана Ю. А. Кимелевым в работе «Современная западная философия религии» [4, с. 202]. Н. Сартр предложил семиуровневый подход к изучению религий. Начальным импульсом религиозной жизни является религиозный опыт. А семь уровней или измерений Смарта – формы в которых этот опыт сохраняется и получает возможность трансляции. Применение метода Н. Смарта в изучении секулярных религиоподобных явлений описано А. П. Забияко в статье «Язычество: От религии крестьян до кибер-религии» [5, с. 112].

Идеология, как соединение теории с практикой, всегда имеет множество проявлений в социальной и культурной жизни общества. Тоталитарная идеология, как правило, охватывает все сферы человеческой жизни, опекая индивида от колыбели до могилы. Идеология создает свой язык, свои символы, свои произведения искусства, свой пантеон героев.

В различных формах национализма сакральным объектом становится идея нации. Нацизм – это радикальная форма национализма, которую, по Тиллиху, можно назвать квазирелигией [6, с. 468], так как в нем нация наделяется божественными качествами. Также требуется внести некоторое разграничение – когда национализм становится нацизмом? Национальный интерес сам по себе обладает высокой ценностью и достоин того, чтобы люди могли за него пожертвовать собственной жизнью. Нацизм является радикальной формой национализма, которая предполагает, что носители идеологии могут совершать преступления ради идеи нации.

Идеологическая система Третьего рейха имела многочисленные квазирелигиозные элементы. Подход Н. Смарта выделяет наиболее характерные ее черты, имеющие сходство с религией. По мнению Смарта, духовные формации, попадающие под определение религий, имеют семь измерений, или аспектов. Начальным импульсом для религиозной жизни является религиозный опыт, а эти семь измерений Смарта – формы, в которых он сохраняется. К этим измерениям относятся:

1. *Доктринальное* — включает в себя формулировки основных идей. Третий рейх примечателен тем, что его доктринальное основание содержит в себе квазирелигиозные элементы, исходя из которых, государство формировало свою внутреннюю и внешнюю политику. Доктрину Третьего рейха как Тысячелетнего рейха Гитлер представил общественности в сентябре 1934 года на партийном съезде в Нюрнберге. Доктрина базировалась на идеях Мёллера ван ден Брука, основателя и идеолога Ринг-движения, ставшего наиболее заметным явлением в политическом ландшафте Веймарской республики. Основным лейтмотивом деятельности Ринг-движения (Кольца) стала борьба против положений Версальского договора, который и стал толчком к формированию большинства идей и концепций, зародившихся внутри Ринг-движения. У концепции Третьего рейха имеется два корня, которые можно проследить во многих имперских концепциях современности. Один связан с христианским мистицизмом, точнее с хилиастическими ожиданиями Тысячелетнего царства. Также здесь можно упомянуть Иоахима Флорского, разработавшего учение о трех царствах – его концепция развития человеческой истории троична. Ветхозаветный период – это царство Отца, следующий за ним отрезок времени вплоть до современности – царство Сына, а грядущее представлялось как царство Духа – собственно, Тысячелетнее царство. Концепция предполагала также определенный эсхатологизм, установку на то, что нынешнее время – последнее перед великим кризисом. [7, с. 342].

Второй корень концепции Третьего рейха содержится в более позднем времени. Но он также связан с христианской традицией, так как в основу концепции положен универсализм Священной Римской империи германских народов [8, с. 70]. На рубеже веков имперское мышление в Германии пережило новый расцвет, а после того, как в 1918 году рухнула империя, созданная Бисмарком, многие занялись поиском новой имперской альтернативной концепции. Книга Мёллера ван ден Брука «Третий рейх» увидела свет в 1923 году, но приобрела широкую популярность уже после его смерти в 1925 году, когда была переиздана большим тиражом в Гамбурге [8, 72]. В концепции Мёллера основание Третьего рейха

диалектично. Это не просто историческая преемственность – от первой Священной Римской империи ко второй, созданной Бисмарком, а затем к третьей, новой. Больше половины книги Мёллера посвящено критике существующих партий, а новая партия, предвещающая Третий рейх, должна преодолеть раскол на «правых» и «левых».

Таким образом, Третий рейх – цель диалектического развития истории, в которой тезис и антитезис составляли органический синтез. Таким образом, доктрина Третьего рейха имеет в основании христианский миф, перенесенный на политические реалии того времени, и философское видение государства Гегеля. В концепции Гегеля все исторические изменения определяются диалектикой. Государство представляется как тезис, который по мере своего развития порождает антитезис, свою противоположность. Тезис и антитезис вступают в конфликт. В результате борьбы противоположностей порождается синтез – новое, более совершенное государство, восходящее на высшую ступень развития [9, с. 375].

1932-1933 годы в Германии стали периодом расцвета литературы по имперской тематике. В это время появляется около тридцати фундаментальных работ по тематике империи. Среди наиболее популярных авторов – Эдгар Юлиус Юнг [10, с. 5], Отмар Шпанн, Фридрих Хильшер, Фриц Бюхнер, Франц Шаубекер, Рудольф Богардт.

Эдгар Юлиус Юнг считается идеологом консервативной революции в Веймарской республике. Участник младоконсервативного «Июньского клуба» и Ринг-движения, в 1927 году он выпустил книгу «Господство неполноценных», которая стала программным текстом для младоконсервативной революции [11, с. 101].

Отмар Шпанн, философ-младоконсерватор, в своей работе «Философия истории» также представляет концепцию Третьего рейха, государства, построенного на принципах универсализма. Такое государство, словно живой организм, является присутствием всех духовных элементов жизни, выступает в качестве высшего воспитателя и господина. А общество – это замкнутое объединение, которое может получить оправдание и смысл существования только при помощи приобщения к высшим принципам мироздания, транслируемым государством [12, с. 11]. Однако, за критику нацизма Шпанн в 1938 году 4 месяца просидел в Дахау.

Фридрих Хильшер принадлежал к числу самых оригинальных идеологов консервативной революции. Он появляется на сцене имперской публицистики в 1927 году со статьей «Внутренняя сущность и искусство властвовать», в которой обосновывает историческую неизбежность как разрушения бисмарковского рейха, так и нового либерального порядка, и предсказывает создание Третьего рейха. После прихода к власти НСДАП Хильшер посвящает себя подпольной борьбе против Гитлеризма. Он достаточно точно определяет срок существования Тысячелетнего рейха в 12 лет и говорит о предстоящей второй мировой войне [13, с. 71].

Так что нельзя сказать, что доктрина НСДАП базировалась целиком и полностью только на трудах Мёллера. Она восприняла идеи которые и без того были популярны и широко обсуждаемы в социальных слоях германского общества, недовольных Версальским договором и Веймарской республикой.

Также в доктринальное основание идеологии Третьего рейха была положена расовая теория, ставшая государственной национальной политикой. Начало расовым концепциям в современной Европе положил француз Жозеф Артур де Гобино в 1853 году, выпустив «Эссе о неравенстве человеческих рас». Гобино стремился обнажить внутренние, естественные законы, движущие обществом. По мнению Гобино, это законы притяжения и отталкивания между человеческими расами. Гобино негативно относился к смешению рас в результате колониальной политики Европы и пророчил близкое вырождение европейской расы и крах западной цивилизации [14, с. 14].

Другим идеологом расовой теории стал англичанин Хьюстон Стюарт Чемберлен. Его работа «Основания девятнадцатого столетия» вышла в 1899 году и принесла ему широкую популярность. Он развивает идею противопоставления высшей расы – арийцев, как носителей цивилизации и евреев, как разрушительной негативной силы [15, с. 148].

Идеология всегда должна выражать себя в практике. Практическим выражением расовой теории стала концепция расовой гигиены, которая предполагала стерилизацию алкоголиков, эпилептиков, людей с наследственными заболеваниями, слабоумных. В Третьем рейхе появляются программы физического уничтожения различных категорий «расово неполноценных» граждан.

Символика НСДАП создавалась не на пустом месте. Период с 1918 по 1932 год в Германии характеризуется как консервативная революция. В немецком социуме получили большое распространение идеи фёлькиш, Гвидо фон Листа, Ланца фон Либенфельса, составившие тот идейный субстрат, на котором зародился национал-социализм и его символика. Это время и настроения в германском обществе А. В. Кондратьев в работе «Религия германских фёлькиш» характеризует как оккультную ризому накануне рейха [11, с. 6]. После прихода Гитлера к власти в Германии была издана небольшая, но знаковая брошюра «До того, как пришел Гитлер». Ее автором был барон фон Зеботтендорф, основатель общества «Туле». Он утверждал, что НСДАП выразил в политике то, что обществом «Туле» выражено в символах мирового эзотеризма. Зеботтендорф называл национал-социалистов духовными детьми «Туле», создавшими не только Weltanschauung (мировоззрение) рейха, но и его символику [16, с. 14].

2. *Мифическое* — обозначает нарративы, выражающие религиозный опыт. Стремление подчинить всю жизнь общества единой и притом сверхреальной цели, что и порождает феномен тоталитаризма в Третьем рейхе, с необходимостью требует особым образом организованной культуры. Ее системообразующим началом является миф. Наряду с общими чертами, мифы социоцентрических религий имели и свою специфику. Так идеология Третьего рейха опиралась на миф, обращенный в прошлое, а итальянский режим мифологизировал государство. Общим для них итальянского и немецкого режимов было обращение к идеям расизма, что предполагает актуализацию наиболее архаичных пластов человеческого сознания [17, с. 11].

Одним из наиболее актуальных нарративов, выражающих и транслирующих религиозный опыт, стал труд самого Гитлера «Mein Kampf». В ней фюрер описывает свою биографию в несколько идеализированном виде, становление своих политических взглядов, выражает идеи национал-социализма, описывает свои переживания по поводу восприятия этих идей, свой *квазирелигиозный* опыт.

3. *Этическое* измерение (также включающее подвид, правовое) – это совокупность предписанных традицией норм поведения и законов. Этическое измерение идеологии Третьего Рейха представлено Альфредом Баумлером. В своих работах он использует идеи Ницше для обоснования и легитимации этики нацизма. Для его идей характерны мотивы сильной личности, стоящей по ту сторону добра и зла. Работы Баумлера «Ницше как политический воспитатель» (1931) и «Политика и воспитание» (1937) были признанными в Третьем рейхе руководствами по воспитанию молодежи. В работе «Трактат по истории немецкого духа» (1937) Баумлер противопоставляет новую мораль национального духа традиционной христианской морали. Базовым постулатом новой этики становится положение Ницше «Человеческий род требует вымирания людей, плохо приспособленных к окружающим условиям, слабаков и дегенератов.» [18, с. 93].

4. *Ритуальное*, которое можно также назвать практическим, объединяет культовые действия, молитвы, обряды и т.д. Если символика несет в себе связь с другими уровнями реальности, то ритуал наделен возможностью реализации этой связи. Ритуал призван воспроизводить миф, лежащий в основе социоцентрической религии. Ритуалы тоталитарных идеологий имеют свои цели и задачи. Задача ритуала – обязать человека действовать по определенному сценарию, а важнейшая его цель – наполнить его сознание содержанием тоталитарного мифа, заставить его переживать миф, почувствовать свою сопричастность мифу. Смысл ритуала в тоталитарном сообществе может быть понят только изнутри, человеком, переживающим этот миф. Тоталитарный миф создает определенную картину мира, а праздник воспроизводит миф через ритуал [17, с. 18].

Праздники в Третьем рейхе были призваны транслировать новую реальность в общество и охватывать его своими идеями. 30 января в честь провозглашения Гитлера канцлером в 1933 году отмечался день взятия власти. День основания НСДАП отмечался 24 февраля. 16 марта – день памяти героев, который до 1933 года отмечали как день ухода за могилами немецких воинов. 20 апреля – наиболее важный день для культа фюрера в рейхе – день рождения Гитлера. В этот день по всей стране вывешивали огромное количество портретов вождя, улицы украшали красно-бело-черными флагами, устраивали многолюдные факельные шествия, концерты народных коллективов. 1 мая праздновали день немецкого рабочего класса. Также проходили грандиозные манифестации и факельные шествия. Второе воскресенье мая отмечали как Материнское воскресенье и с пышными торжествами награждали многодетных матерей Крестом славы. В день летнего солнцестояния разжигались большие костры, в которые люди бросали венки в честь героев войны и партии. Устраивались концерты и факельные шествия. В сентябре проходили ежегодные торжества в честь Имперского партийного съезда в Нюрнберге. Кульминацией праздника были трехдневные фестивали в этом городе. Осенью также отмечался День благодарения – как дань уважения немецким крестьянам. 9 ноября был одним из самых священных дней для нацистского режима. В этот день отмечали годовщину «Пивного путча» 1923 года. В этот день участники неудавшегося государственного переворота проводили торжественные шествия по улицам Мюнхена, где разворачивались события «Пивного путча», повторяя свой тогдашний маршрут к Фельдхернхалле. Зимой отмечался День зимнего солнцестояния, возможно, ради возвращения к языческим корням, но празднование христианского Рождества не отменялось.

5. *Опытное или эмоциональное* — обозначает определенные состояния психики, особенно интенсивные и насыщенные религиозным содержанием. Люди, вовлеченные в круг тоталитарных праздников, маршей, факельных шествий, испытывают одинаковые переживания, наполненные одинаковым смыслом тоталитарного мифа. Вот как описывает свои переживания Гудрун Штрафте, участница праздника летнего солнцестояния на берегу Рейна: «На плохую погоду мы даже не обращали внимания. Наши сердца были переполнены энтузиазмом и радостью. Звенели лютни, и мы непрерывно распевали песни... Как же сильно стучали наши сердца и как гордо развевались флаги со свастикой! С обоих берегов Рейна нас приветствовали овеянные легендами старые замки. Наш энтузиазм и восхищение все возрастали... Почти бессознательно я следовала за своими подругами. Я уже ничего не видела и не слышала, что творилось вокруг меня. Меня занимала мысль, каким образом можно стать помощником в деле восстановления Германии, моего отечества... Поднявшись на вершину горы, мы увидели в долине марширующие колонны с горящими факелами в руках. Зрелище было незабываемым, даже ошеломляющим. Чтобы описать это великолепие, не хватает слов. Но вот наше внимание привлекло большое взметнувшееся пламя — символ праздника солнцестояния. Вновь раздалась звуки прусских военных маршей» [19, с. 114].

6. *Социальное* — это внешнее воплощение религии в социальных системах и отношениях людей. Из этих отношений на определенных этапах развития возникают религиозные группы, а затем и организации. Тоталитаризм всегда работает над тем, чтобы как можно больше людей всех возрастов состояли во всевозможных организациях для более полного охвата их идеологией. Особое внимание в Третьем Рейхе уделялось воспитанию подрастающего поколения, привитию молодежи нового мировоззрения. В 1926 году бала основана «Гитлерюгенд». «Союз немецких девушек» был создан в 1930 году, а в 1931 – «Немецкая молодежь», организация для младших школьников. В 1938 году «Гитлерюгенд» стал общенемецкой структурой, в которой обязаны были состоять все несовершеннолетние немцы школьного возраста.

Идея вовлечения молодежи в систему трудового воспитания - «Reichsarbeitsdienst», возникла еще до 1933 года. Она предполагала обязательное участие в различных видах трудовой деятельности подростков допризывного возраста в течение полугода. Эта обязанность распространялась также и на девушек, поскольку считалась неотъемлемым

элементом воспитания подрастающего поколения в духе национал-социализма и народного единства.

7. Материальное. Религия в процессе своего существования создает материальные формы выражения доктрин: здания, произведения искусства и пр. (5) После прихода НСДАП к власти в 1933 году была создана Имперская палата культуры, которую возглавлял Пауль Йозеф Геббельс, министр пропаганды и народного просвещения. Основной задачей данной палаты являлся идеологический контроль за деятельностью «людей искусства» в соответствии с тоталитарной концепцией Третьего рейха. Геббельс писал об искусстве: «Немецкие художники, как и многие другие люди, очарованы национал-социализмом, который стал основой для расцвета их творчества. Художники выполняют задачи, которые поставлены перед ними великим временем, и становятся настоящими слугами народа.» [20, с. 136]

Таким образом, при помощи семиаспектного подхода Н. Смарта было выявлено, что идеология также как и религиозный опыт проявляет и сохраняет себя во всех сферах жизни общества. Доктринальное измерение идеологии Третьего рейха представляет собой детально разработанную теорию империи как Тысячелетнего рейха в сочетании с расовой теорией. Мифическое измерение идеологии представлено книгой Гитлера «Майн кампф», как нарративом, выражающим религиозный опыт. Этическое измерение идеологии Третьего Рейха представлено трудами Альфреда Баумлера, разработавшего своеобразную этику рейха, предназначенную для воспитания молодежи. Ритуальное измерение идеологии представлено системой праздников, по уровню эмоциональной наполненности сопоставимых с религиозными, парадами и маршами по случаю памятных дат. Соответственно, эмоциональное измерение представляют совместные переживания огромных масс народа, вовлеченных в ритуальные действия, проводимые в рейхе. Социальное измерение рейха представлено многочисленными сообществами, в которые вовлекалось как можно больше населения всех возрастов. Материальное измерение Третьего рейха составляет искусство – живопись, музыка, скульптура, призванные воспевать величие немецкой нации и тысячелетней империи. Таким образом, можно сделать выводы, что тоталитарная идеология Третьего рейха охватывала все сферы человеческой жизни. В идеологической системе присутствовали механизмы передачи идеологии как традиции подрастающему поколению и эффективные способы распространения и пропаганды.

Список использованных источников:

1. Белла Р. Социология религии// Американская социология. Перспективы, проблемы, методы. / Роберт Белла. – Москва: Прогресс, 1972. – 282 с.
2. Покровский Н. Е. Одиннадцать заповедей функционализма Роберта Мертона / Н. Е. Покровский. // Социологические исследования. – 1992. – №2. – С. 40–43.
3. Красников А. Н. Методологические проблемы религиоведения / А. Н. Красников. – Москва: Академический проект, 2007. – 239 с.
4. Кимелев Ю. А. Современная западная философия религии / Ю. А. Кимелев. – Москва: Мысль, 1989. – 285 с.
5. Забияко А. П. Язычество: от религии крестьян до кибер-религии / А. П. Забияко. // Религиоведение. – 2007. – №1. – С. 103–121.
6. Лезов, С. В. Теология культуры Пауля Тиллиха // Тиллих П. Избранное. Теология культуры. — Москва: Академический проект, 1995. — С. 461—471.
7. Абрамс М.Г. Апокалипсис: темы и вариации. Apocalypse: theme and variations // In: The Apocalypse in English Renaissance Thought and Literature. — Манчестер: Manchester U. P., 1984. — С. 342-368. —
8. Мёллер А. Б. Миф о вечной империи и Третий рейх / А. Б. Мёллер, А. Васильченко. – Москва: Вече, 2009. – 368 с.
9. Гегель Г. Ф. Лекции по философии истории / Г. Ф. В. Гегель. – Санкт-Петербург: Наука, 2000. – 470 с.

10. Маас С. Другая немецкая революция: Эдгар Юлиус Юнг и метафизические основы Консервативной революции / С. Маас. – Киль: Регин-Ферлаг, 2009. – 98 с. – (Кильские идейно-исторические исследования; т. 1).
11. Терехов О. Э. Э. Ю. Юнг как идеолог Консервативной революции в освещении германской историографии / О. Э. Терехов. // Вестник КемГУ. – 2012. – №3. – С. 101 – 105.
12. Шпанн О. Философия истории / О. Шпанн. – Санкт-Петербург: Алетейя, 2005. – 485 с.
13. Терехов О. Э. Феномен «консервативной революции» в историографии ФРГ: основные концепции и проблемы интерпретации / О. Э. Терехов. – Кемерово: Кемеровский Государственный университет, 211. – 198 с.
14. Гобино Ж. А. Опыт о неравенстве человеческих рас / Ж. А. Гобино. – Москва: Олма-пресс, 2001. – 198 с.
15. Чемберлен Х. С. Основания девятнадцатого столетия / Х. С. Чемберлен. – Санкт-Петербург: Русский мир, 2012. – 688 с.
16. Sebottendorf von R. Bevor Hitler kam. Urkundliches aus der Frühzeit der nationalsozialistischen Bewegung / Rudolf von Sebottendorf. – München: Deukula-Verlag, 1933. Neuausgabe: Faksimile-Verlag, Bremen 1982.
17. Лебедев И. А. Семантика и семиотика в культуре тоталитарных обществ: миф, символ, ритуал : автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. : спец. 24.00.01 "философия" / Лебедев И. А. – Санкт-Петербург, 2006. – 24 с.
18. Моссе Д. Альфред Баумлер. Ницше и национал-социализм. Трактат по истории немецкого духа. / Д. Моссе // Нацизм и культура. Идеология и культура национал-социализма / Д. Моссе. – Санкт-Петербург: Русский мир, 2009. – С. 93–98.
19. Моссе Д. Гудрун Штрафте. Дневник невесты штурмовика / Д. Моссе // Нацизм и культура. Идеология и культура национал-социализма / Д. Моссе. – Санкт-Петербург: Русский мир, 2009. – С. 114–117.
20. Моссе Д. Йозеф Геббельс. Свобода и организация. / Д. Моссе // Нацизм и культура. Идеология и культура национал-социализма / Д. Моссе. – Санкт-Петербург: Русский мир, 2009. – С. 134–139.

ЛАСКОВА Д. С.

Научный руководитель - доктор философских наук, профессор Масаев М. В.

ГРАНИ ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННЫХ КРИТЕРИЕВ И ЭВОЛЮЦИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО СОЗНАНИЯ НА РУБЕЖЕ XX - XXI ВВ.

Annotation

Postmodernism is characterized by catastrophic social phenomena that produce the light of unpredictable behavior. So was interesting to watch people being that man was going crazy, that would draw attention to themselves by any means. All methods of education, science, art directed for the benefit of man. In the pursuit of wealth, easy money, relationships and burdensome dubious pleasure, if it becomes the main purpose and meaning of human life, he is moving away from the spiritual interests and negates all their intellectual ability, breaks and mutilates his soul.

Актуальность проблемы. Развитие человечества в XX-XXI веках свидетельствует о том, что проблемы морали, морального сознания и моральных ценностей личности в духовно-нравственной жизни общества приобретают ныне особую актуальность и значимость. В этот период произошла ломка стереотипов общественного сознания. Такие перемены весьма болезненны в силу особенностей развития цивилизации, ее национальных ценностей, приверженности коллективистским формам общения и деятельности, то есть специфики национального характера. В условиях динамизма социально-политических отношений, решения проблем мира и безопасности народов, судеб цивилизации со всей остротой встают вопросы о критериях свободы и ответственности в обществе и государстве, глубине преобразований внутри страны и на международной арене, перспективах и путях духовного развития личности и всего человечества. Проблемы духовно-нравственного обновления общества и личности весьма наглядно проявляются и в развитии цивилизации, в реконструкции институтов отношений в социуме: экономических, политических, социальных, а вместе с ними и духовных основ бытия граждан современной цивилизации. Резкое снижение нравственной культуры и социальная апатия ведут к негативным тенденциям.

Цель. Определить грани духовно-нравственных критериев и эволюцию сознания на рубеже XX-XXI века, а также выделить их в различных социальных парадигмах, которые представляют гносеологическую модель эволюции общественного сознания.

Задачи. 1. Уточнить сущность и направленность развития морального сознания как феномена духовно-нравственной жизни современного общества.

2. Выявить состояние морального сознания в духовно-нравственной жизни современного общества и обосновать динамику изменения данного феномена.

3. Определить и дать содержательную характеристику основным противоречиям функционирования морального сознания в духовной жизни.

4. Обосновать перспективные направления оптимизации морального сознания в духовно-нравственной жизни.

Постмодернизм – сложное, многомерное, интенсивно развивающееся движение современной философской и социо-гуманитарной мысли Запада, своеобразная реакция на существенные перемены, происходящие в мировой культуре в последней трети XX-XXI века. Мы можем смотреть на развитие современной цивилизации через призму материализма и идеализма. В призме материализма наблюдается время, в котором изменились жизненные принципы, духовно-нравственные ценности и человеческое сознание. Человек зачастую перестает ценить культурные ценности, так как он не представляет, что это память о предках, о их прошлой жизни.. Некоторые представители рода человеческого, которых можно характеризовать как особи, перестали ценить то, что имеют в жизни. У каждого человека наблюдается деградация, которая приводит к психологическим травмам, нравственная культура сводится к ничтожному результату. Мы можем сказать, что человек забыл, что существуют чувства чести. Люди стали очень жестокими по отношению к природе, к себе, к окружающим людям. Человеческое тело стало просто вещью, которой управляет инстинкт желаний. Ненависть и зависть наполняет их сознание. Разврат стал привычным делом для человека. Миром управляет необузданная наглость, не имеющая границ. Она зачастую занимает доминирующее положение, в результате мы видим, что духовно-нравственное воспитание людей остановилось на мёртвой точке. Люди знают себе цену, но не умеют ценить. Для жизни человека нужны только материальные ценности, которые выращивают в них алчность, жадность, цинизм. Взгляд человека стал очень узким, поэтому он не видит будущего, настоящего и прошлого; не видит последствия своих поступков. Образ человеческой личности становится соотносимым с особью, лишенной ума, так называемых «лишних» предрассудков и каких-либо человеческих качеств. Мир наполнился людьми, которые имеют бедное представление о настоящей счастливой жизни, искаженное представление о добре, о хорошем, о правде, об искренности, о разуме, о чувствах, о

настоящем, о любви до гроба, о радости, о добротности, об одухотворённости, о вдохновении, о позитиве.

В призма идеализма много хорошего, положительного, честного, праведного. В основе идеализма лежит позитивное мышление человека, которое в свою очередь рисует яркими красками картину жизни человека. Человек тем временем считает, что жизнь его прекрасна и наполнена яркими эмоциями, чувствами, которые вздымаются, образуя пласт счастья, радости и удовольствия. Не столько материальные вещи делают человека счастливым, сколько духовные и душевные, ведь они вызывают позитивные эмоции, которые оставляют яркий след в нашем сознании. Позитив разбивает все границы и грани, которые ставит человек сам себе, а впоследствии человек мечтает, стремится к прекрасному, преодолевает трудности успешно, заставляет себя работать во благо общества. Развивается альтруизм по отношению к обществу. Возникает желание творить добро для окружающих людей, впоследствии хочется заботиться о ком-то, делать приятное, любить, творить, открываться для людей, обнажить свою душу перед самыми близкими людьми. Вдохновение приходит внезапно для тебя, как подарок свыше. Хочется дышать, ходить, наслаждаться жизнью, гуляя просто по улице, смотря на звёзды, на счастливых детей, на природу. Человек радуется простым мелочам жизни, не расстраивается из-за неудач, которые иногда подстерегают его на дороге жизни. Физическое тело человека наполняется энергией и силой, которая повышает иммунитет здоровья. Позитив порождает бодрствование духа и тела, его можно назвать машиной счастья, которая упоминается в произведении Рэя Бредберри «Вино из одуванчиков». Скептицизм в идеализме не имеет никакого значения. Для оптимиста всегда жива надежда на лучшее, хорошее и нечто замечательное.

В ходе различных общественных явлений XX – XXI века идёт борьба в самом человеке между идеализмом и материализмом. Таким образом мы можем сказать, что вследствие этой борьбы возникают промежуточные взгляды на жизнь или вообще изменение ценностей в жизни человека, ломаются стереотипы, духовно-нравственный мир людей подвергается искажению. Квинтэссенция жизни меняется. Ценности жизни перемешались в одну большую совокупность: некое плохое стало хорошим, некое доброе стало злым, правда стала ложью, мудрость стала заблуждением, гомосексуализм и лесбиянство стали в некоторой степени даже нормальными явлениями в обществе и настоящей любовью, необразованные люди становятся на руководящие должности, так как у них много денег, появились некие принципы: не обманешь – не продашь, незнающему верят, а знающего отвергают, наглость – второе счастье, не говоря о том, чем является первое счастье, говорить стало вообще страшно и собственно неприлично, бездарные творцы искусства являются теперь самыми талантливыми людьми мира, ценности жизни обесценились и смешались, а также мы стали принимать иллюзию за действительность – это всё стало называться свободой, гуманностью. Данный общественный кризис массово изменил сознание людей. Последствием сего стала ломка стереотипов в сознании общества. Конечный результат – эволюция общественного сознания, ломка стереотипов, как явления, происходящего в период постмодернизма XX-XXI веков. Постмодернизм характеризуется такими казусными общественными явлениями, которые производят на свет непредсказуемые поступки. Настолько стало интересно наблюдать за бытием людей, что человек стал сходить с ума, чтобы обратить на себя внимание любыми способами. Все методы образования, науки, искусства направлены на пользу человека. В погоне за материальными благами, легкой наживой, необременительными отношениями и сомнительными удовольствиями, если это становится главной целью и смыслом жизни человека, он постепенно отходит от духовных интересов и сводит на нет все свои интеллектуальные способности, ломает и калечит свою душу.

Многие исследователи утверждают, что спасение человечества происходит в его глубоком и разностороннем духовном преображении. Духовный путь человека начинается с умения мобилизовать свои внутренние ресурсы на постижение самого себя, особенно на постижение своего внутреннего мира и личности, на осмысление своей роли и назначения в

истории, отношений с другими людьми с позиций добра и зла. В этом творческом поиске формируется духовно развитая личность, способная взять на себя ответственность не только за свою судьбу, за судьбу своих близких, но и за судьбу страны, в которой она живет. И чем чаще мы будем черпать из реки мудрости по имени книга, тем быстрее пройдем этот путь. Светское направление в развитии категории "духовность" связывает духовность личности с включением ее в духовную деятельность - художественную, эстетическую, моральную и правовую. На пути к этой цели неоценимую помощь может оказать общение с книгой. Это можно наблюдать тогда, когда в результате прочтения художественного произведения или философского трактата человек начинает уже по-иному смотреть на мир, по-иному воспринимать его, у него открываются глаза на то, что раньше проходило незаметно. Душа в процессе взаимодействия с духом очищается от суеты обыденности, входя в чистое и невинное состояние. Всякое общение в сфере творчества, в области искусства не ограничивается сопереживанием. Это не просто сопереживание души, не только душевное единение, но и сопереживание духовное, сопереживание в самом духе. Воспитание творческого продукта происходит лишь при духовном единении писателя и читателя. Воспринимающий поднимается на уровень духа творца, раскрывая при этом свой дух. Души сливаются и отождествляются, поскольку обнаруживают свое единство, которое может быть только духовным [4, с. 433].

Культурная революция представляет собой процесс коренной ломки сложившихся стереотипов общественного сознания духовно нравственных ориентиров в сознании людей.

В начале XXI века стала актуальна тема «Культурная революция» все более очевидными становятся как положительные, так и отрицательные моменты дальнейшего развития современной, технологической цивилизации, основу которой составляет наука. В результате чего актуализируются вопросы о целях и средствах развития самой науки, о ее внутренних противоречиях, ценностных ориентациях, в частности о месте духовно-нравственных оснований в научном познании. Проблема взаимодействия науки и нравственности в современном научном познании проявляется с точки зрения различных философских направлений: аналитической философии, герменевтики, онтологии, социальной философии, экзистенциализма. Несмотря на разные исходные основания указанных стратегий, можно говорить о том, что все они рассматривают современную философию науки в контексте поиска «новой субъективности», а это значит, что сегодня открываются новые возможности исследований науки с точки зрения нравственности.

Как показывает опыт, современная научная практика не имеет достаточных нравственных оснований для своей деятельности. И об этом сегодня говорят многие ученые: «Мы еще не создали моральных оснований, адекватных новым формам практики... наша практика обогнала наши более старые нормы» [9, с.188]. Поэтому познавательная ситуация второй половины XX века может быть охарактеризована как стирание границ между естественными («науки о природе») и гуманитарными («науки о духе») науками, которое проявляется в стремительном формировании междисциплинарного знания, в рамках которого науки объединяются при решении какой-либо сложной проблемы. К этому периоду относится и постановка проблем, связанных с влиянием падения монархии на девальвацию господствовавших ранее представлений в сфере морали, быта, религии. Исследователей волновал вопрос, являлись ли разнообразными проявления деформаций общественного сознания и массовой психологии результатом трансформации национальных ментальных традиций, или же они представляли собой продолжавшийся эволюционный процесс, вызванный в начале 20 столетия капиталистической модернизацией и ускоренный I мировой войной.

На современном этапе все больший интерес у исследователей вызывают подходы, связанные с пересмотром категории "массовое сознание" и выдвигающие на первый план его психическую природу. Однако если одни исследователи рассматривают сознание общества как целостного организма, не игнорируя при этом социальных, политических, этнических и конфессиональных различий, и опираются на понятие менталитета (И. Л. Архипов, С. Л.

Гомаюнов), то другие (А. С. Ахиезер, Б. Н. Земцов) отрицая его существование, используют термин "раскола в сознании общества" как базовую категорию при осмыслении ментальных процессов.[7, с.352] Особого внимания в этом контексте заслуживает разработанная социокультурная теория эволюции общества, где роль главной движущей силы отводится становлению смене системы нравственности. Все осложняется немедленным порождением новых стереотипов и мифов, связанных с такими новыми реалиями жизни, как рынок, суверенитет, права человека. Как отмечал один журналист, мы оказались «блестящими язычниками» — только свергли своих марксистско-ленинских божков, как сейчас же создали новых, среди которых мирно соседствуют Иисус Христос, Столыпин и Николай II. Повидимому, сказывается такая черта менталитета, которая требует признания безусловных авторитетов. В порождении новых стереотипов важную роль играют средства массовой информации. Именно в них часто можно слышать апелляции к опыту других стран или к нашему прошлому опыту.[5, с.312]

Общество существует в различных временных потоках. Ежедневная реальность связана с «быстрым временем», а долговременные стратегические инициативы – с «долгим временем». Анализируя соотношение между ними, можно увидеть основные тенденции общественной эволюции в отношении будущего, в качестве свойств которой можно отметить динамическую устойчивость системы, а также связь с ресурсными проблемами. Наиболее устойчивы социальные системы, ценности которых «отстроены» на самые длительные периоды, при этом вырабатываются определенные социальные стереотипы поведения. В качестве примеров можно привести «долгоживущие» восточные культуры, такие как Индия и Китай, во многом сохраняющие свою систему ценностей и сохраняющиеся сами на протяжении сотен и тысяч лет. Общество как любая сложная система нуждается в соответствующих моделях описания и определения «систем координат» для анализа общественных процессов. Одной из наиболее показательных систем координат становятся культурные ценности, формирующиеся в потоках «длинного времени» и во многом определяющие как существование, так и выживание общественных систем. В ежедневной бытийно-событийной канве обнаружить эти ценности сложно. Они проявляются в критические моменты жизни социальной системы, а также в тех образах, которые присутствуют при первичной социализации детей, то есть в тех сказках, мифах и историях, которые становятся основой воспитания будущего поколения. Определение ценностных характеристик в медленном времени является нетривиальной задачей, так как это то, что как бы «подразумевается в культуре само собой» и не лежит на поверхности. Такие «глубинные характеристики» являются определяющими не только в кризисные периоды, но и в выборе возможных вариантов будущего в общественном развитии. Выбор варианта будущего во многом зависит от системы управления, тем не менее как сами варианты, так и их приемлемость определяется во многом общественным сознанием, которое существует в рамках принятой системы ценностей – каждый народ заслуживает то правительство, которое имеет.

А. Тойнби рассматривает формирование социальной структуры в процессе ответов на внешние «вызовы» [2, с.123]. Каждый «вызов» несёт в себе определенный риск для дальнейшего существования культурной системы и, соответственно, цивилизации. Если эти вызовы приносят сильное возмущающее воздействие, угрозу социальной целостности и социальному существованию, то это ведет либо к коренной трансформации и переходу общества на новую ступень социальной организации, с использованием инноваций и новых технологических, социальных и культурных достижений, либо к его гибели. В системном анализе существует закономерность типов взаимодействия со средой и её ожидаемого ответа от сложности системы: «Чем сложнее, организованнее целостная система, тем разнообразнее ее взаимодействие со средой, тем она более чувствительна к внешним условиям» [3, с. 155].

Процесс изменения ценностей наблюдался неоднократно на протяжении культурного развития, в котором каждая трансформация сопровождалась достижением определённого фазового равновесия между культурным сообществом и окружающей средой и со временем

его утрачивала. Культура способствует выработке стереотипов, норм и правил, которые передаются из поколения в поколение и поддерживают существование человека и общества. Происходит сохранение наиболее ценных норм, способствующих равновесию. Ю. В. Яковец отметил, что «История цивилизации – это летопись периодического нарушения экологического равновесия и восстановления его на очередном витке исторической спирали, опираясь на силу познания и могущество вновь создававшихся технологических систем». [1, с.141]

Вывод. Изучая социальную реальность, духовно-нравственные грани и эволюцию общественного сознания, мы можем более подробно объяснить существующие глобальные социальные процессы, используя теорию архетипов и модель «главного» архетипа, присутствующего в каждой культуре, а также прогнозировать реакции различных цивилизаций в период кризисных состояний.

Для цивилизаций Запада в качестве главного архетипа выступает Эго – Герой, что стало цивилизационным стереотипом и основывается на экзистенции человека. В результате глобальных процессов человечество становится единым целым, несмотря на критическую эпоху смены парадигм. Это акцентирует важность социокультурного анализа архетипов, которые могут стать основой реагирования цивилизации на продолжающийся кризис. Необходимо осознавать, использовать и постепенно менять приоритеты архетипов, которые находятся в коллективном бессознательном и становятся основой цивилизационных выборов в соответствие с требованиями выживания и дальнейшего существования цивилизации.

Список использованных источников:

1. Яковец Ю.В. История цивилизации / Ю. В. Яковец. – М., 1995. – С. 141
2. Тойнби А.Дж. Постигание истории. – М.: Айрин Пресс, 2010. С. 123
3. Афанасьев В. Г. Системность и общество. – М.: Политиздат, 1980. – С. 155.
4. Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса: новый диалог человека с природой. Пер. с англ. М.: Прогресс, 1986. 431 с..
5. Кессиди Ф. Х. От мифа к логосу (становление греческой философии). М.: Мысль, 1972. 312 с.
6. Круглый стол журналов «Вопросы философии» и «Науковедение», посвященный обсуждению книги В.С. Степина «Теоретическое знание» // Вопросы философии. - 2001. - №1. - С. 3-32.
7. Черникова И. В. Философия и история науки. - Томск: Изд-во Научно-технической литературы, 2001. - 352 с.
8. Швейцер А. Благоговение перед жизнью. - М.: Наука, 1992. - 572 с.
9. Вартфорски М. Модели. Репрезентация и научное понимание. - М.: Прогресс, 1988. – 507 с.

УДК 930.1

ЛЕПИНСКАЯ В. О.
Научный руководитель - д. ф. н., проф. Мирошников О. А.

ЛИЧНОСТЬ КАК ЭТНОКУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН

The article deals with ethnic identity as a phenomenon, the main ethnic theory: primordialism, situationism, constructivism, and the guidelines in these concepts, the notion of identity, ethnicity

and ethnic identity.

Among anthropologists there is no common understanding of the term «ethnicity» as concepts, personality, there is no single clear definition. Some consider ethnicity natural, biological, other – social, some even see it as just a tool to achieve certain goals. That is why the theories of the origin of ethnic groups today are many. In the Soviet period, for example, dominated primordialism, is actively developing a constructivist direction. That is why the problem of defining the ethnic group, the ratio in it biological and social principles, and the occurrence of the main stages, which it passes in its development.

Within sociobiological direction primordialism ethnicity is understood as a form of natural selection and kinship with one hand as a natural formation, arising from a passionate impulse, the formation of which affect the climate and landscape. But beginning in the social ethnic group does not play virtually no role (this is especially pronounced in L. N. Gumilev). Representatives of the second – the evolutionary-historical direction primordialism represent ethnicity as a social formation, minimizing its natural component and produce basic features ethnic group, such as language, ideology, tradition, culture, the historical past, and so on. The instrumentalists see ethnicity tool for implementing any kind what goals, interests groups of people whose ethnicity is awakened when an external threat looms. In understanding the Constructivists ethnicity – a construct that creates intellectual influence of individuals (group of persons) who guides the masses of the people in a certain direction. Many conclusions Constructivists sufficiently substantiated, for example, one of the representatives primordialism L. N. Gumilev also drew attention to the fact that there are people with drive (people with excess energy) that lead the rest of the less passionate people.

Given the features that emphasis added in all directions, you can determine ethnicity as a collective of people who are distinguished by common culture, historical development, the formation of which is influenced by many factors (natural and social) and the group leaders, guides its development in a certain direction. Obtained during the execution of the results can serve as a theoretical basis for scientific development in the historical and philosophical branches of human knowledge. The main provisions of generalization and approval can be used for subsequent historiosophical research.

Many researchers, both Russian and foreign devoted their work to this issue: Pierre Van den Berg , B. Anderson, J. Herder, F. Barth, S. Shirokogorov, J. Bromley, L. Gumilev, V. Tishkov, A. Korkmazov, V. Kozlov, S. Kara-Murza, V. Filippov.

The purpose of the study – to consider ethnicity as ethno-cultural phenomenon, to analyze the main ethnic theory.

Objectives of the study: consider what ethnicity, ethnicity, identity, ethnic identity; consider the basic approaches to the understanding of the ethnic group; identify the main characteristics of the ethnic group, which was isolated by the authors; define the concept of «ethnicity», given the characteristics of the considered concepts.

Obtained during the execution of the results can serve as a theoretical basis for scientific development in the historical and philosophical branches of human knowledge. The main provisions of generalization and approval can be used for subsequent historiosophical research.

Keywords: ethnicity, ethnicity, identity, ethnic identity.

В различные исторические эпохи понятие «личность» трансформировалось. Например, в средневековье личность понималась, как сущность Бога. В Новоевропейской философии – как гражданин, в философии романтизма как герой. Сегодня это понятие используется для отображения социальной природы человека, рассмотрения его как субъекта социокультурной жизни, определения его как носителя индивидуального начала, самораскрывающегося в контекстах социальных отношений, общения и предметной деятельности. Б. Г. Ананьев подчеркивал влияние на формирование и развитие личности не только социальных и исторических условий, но и той этнической среды, в рамках которой

проходит ее жизнедеятельность. Признавая социальную сущность личности, необходимо разобраться в вопросе и о том, каким образом формируются ее этнические особенности.

Необходимо различать понятия этнической идентичности и этничности. Этническая идентичность – это психологическая категория, описывающая субъективное осознание своей принадлежности к конкретной этнической общности. Этничность – социологическая категория, определяющая этническую принадлежность по ряду объективных признаков. Термин «этничность» впервые использовал в 1972 г. американский социолог Д. Рисмен. Маркерами этничности являются: 1) язык (наиболее сильный этнодифференцирующий признак); 2) народные традиции и обычаи; 3) специфика культуры; 4) сходные черты характера; 5) общность исторической судьбы, историческое прошлое; 6) место жительства; 7) внешность.

В последние годы в науке развернулась дискуссия о природе этничности, и сложилось несколько подходов: примордиализм (объективизм), ситуационизм (инструментализм) и конструктивизм [9, с. 59].

Вот какое определение примордиализма даёт толковый словарь: «примордиализм – взгляд на этническую группу как на изначально данное и неизменное объединение людей «по крови» с чётко проявленными постоянными признаками» [10].

В примордиалистском направлении обычно рассматривают этнос как реально существующий феномен, имеющий объективную основу в природе или обществе. Признавая как исходную точку данное определение всех представителей примордиализма обычно разделяют на два направления: социобиологическое и эволюционно-историческое. Первое направление представлено американским биохимиком и генетиком Пьером Ван ден Бергом и др., который рассматривает этнос как объективное природное образование, примордиально (т. е. изначально, исконно) присущее обществу. Для трактовки этноса используются эволюционно-генетические идеи и интерпретируется понятие «этничность» как расширенная родственная группа или как расширенная родственная группа отбора и связи. С прогрессивным развитием человеческого общества, границы этноса становились всё шире и связи внутри этноса постепенно размывались. Однако, несмотря на это, потребность в коллективе более широком, чем круг родственников присутствует даже в современном обществе [7, с. 7–8].

Также к социобиологическому направлению принадлежит концепция этногенеза Л. Н. Гумилёва, которая предполагает возникновение этноса вследствие пассионарного толчка, вызывающего колебания этносферы и имеющего взвешенное происхождение. Начиная от пассионарного толчка и заканчивая последней стадией этнос проходит в своём развитии следующие стадии: исходное сочетание этносов и ландшафтов региона, пассионарный подъём (скрытый период), вызванный пассионарным толчком, пассионарный подъём (явный переход), акматическая фаза, надлом, инерция, обскурация, мемориальная фаза, гомеостаз. Как видно, данные фазы отражают циклическую модель развития истории, где традиционно этнос проходит через фазы: зарождение, рост, надлом, упадок, гибель [4, с.596].

Одна очень важная особенность присуща этносам, по мнению Л. Н. Гумилёва, – это поляризация внутри системы. А именно – суперэтносы выступают как единое целое лишь только в стадии пассионарного подъёма. При спаде пассионарности начинаются противоречия, которые даже могут перерасти в гражданские войны в фазе надлома, но несмотря на это суперэтнос по отношению к другим не перестаёт быть одним целым.

Немаловажной особенностью является наличие феномена этнического поля. В данном случае концепция биологического поля, которая была впервые разработана биологами А. Г. Гурвичем в работе «Теория биологического поля» и Б. С. Кузиным в статье «О принципе поля в биологии», где они под биологическим полем понимали универсальный биологический принцип, позволяющий привести в систему организм [6, с. 11]. Позже она была применена Л. Н. Гумилёвым в сфере этнической. Колебания этнического поля образуют ритм. Именно этот тезис лёг в основу понятия «комплиментарность». Когда сталкиваются между собой два этноса, имеющие разный ритм колебаний этнического поля,

появляется ощущение чуждости [4, с. 360-362]. По мнению русского исследователя, данную концепцию можно применить и к суперэтносам., и к отдельным этносам, к отдельным людям и даже к животным [4, с. 271].

Л. Н. Гумилёв предполагал, что географические условия: климат, ландшафт являются одним из определяющих факторов в формировании этноса. Ещё ранее, многие исследователи, например, М. Монтень, В. Ключевский, Н. Бердяев, обращали внимание на то, что люди в зависимости от климата более или менее спокойны или воинственны. Но по сравнению со своими предшественниками, Л. Н. Гумилёв добавил то, что пассионарный толчок обычно происходит в тех местах, в которых происходит сочетание двух и более ландшафтов [5, с. 71–72].

Представители второго направления – эволюционно-исторического рассматривают этнос не как природные или биологические образования, а как социальные общности. Такое представление об этносе было присуще в основном во второй половине XX века и в СССР. Такая трактовка восходит к И. Г. Гердеру и его неоромантической трактовке народа, который он представляет как общность, объединённую на основе крови и почвы.

В этом направлении работал С. М. Широкогоров, который определял этнос как группу людей, говорящих на одном языке, признающих своё единое происхождение, имеющих свой комплекс обычаев и традиций, которые отличают от других этносов.

Подобное представление об этносе развивал Ю. В. Бромлей, рассматривавший этнос как исторически сложившуюся совокупность людей, имеющих определённую территорию проживания, обладающие общими особенностями культуры и психики, обладающие единством и отличающие себя от других природных образований, что фиксируется в самоназвании (этнониме). В таком понимании, этносы, будучи изначально примордиальными образованиями, носят социальный характер. Этнические связи рассматриваются как зависимые от исторического процесса, а этнические свойства формируются в социальных условиях – социально-экономических, природных, правовых, территориальных и т. д. [7, с. 9–10].

Говоря об этносе Ю. В. Бромлей считает, что отправной точкой для всех представлений о различных видах этнических общностей, в конечном счете, является антитеза «мы» – «они», этого же мнения придерживался и Л. Н. Гумилёв. Но между авторами принципиальное различие в том, Ю. В. Бромлей не считает, что ландшафт играет определяющую роль в формировании этноса, приводя в пример то, что этническая общность или её часть, даже оторвавшись от своей традиционной общественно-исторической и природной среды, может на протяжении многих поколений сохранять свои типичные свойства [3, с. 52–53, 2, с. 231].

Следующим подходом к определению параметров этничности является ситуационизм или инструментализм (мобилизационизм). Исходя из этого подхода, этничность изначально находится как бы в дремотном состоянии и вызывается к жизни определёнными условиями. Этническая группа здесь понимается как групповые интересы людей, а этничность выступает как средство для достижения интересов. Исследователи этого подхода уверены, что ситуационизм (инструментализм) является средством мобилизации за ресурсы в этнических конфликтах. Инструментализм позволил сделать много важных выводов в социальной среде, в политической жизни, а также в области языковых и межэтнических контактов. Основными приверженцами этой концепции являются Д. Белл, Г. Вулп, Н. Глейзер, Д. Мойнихен, М. Н. Губогло, Г. С. Денисова.

Ф. Барт отмечает, что основным индикатором этничности является этническая граница. А членство в этнической группе, очерченной социальными границами, определяется самоприписыванием или приписыванием личности иными людьми (asription and self-asription).

Инструментализм утверждает, что отдельные личности (политическая элита) специально мобилизуют этнические ресурсы для достижения собственных интересов. Особое значение ситуационизм уделяет определению этнических потребностей. Ситуационизм пытается отыскать и объяснить взаимосвязь этнических границ с политическими и

экономическими изменениями, и на какой фазе этих изменений происходит вспышка этнической энергии.

Ещё одно направление конструктивизм представляет этнос как конструкт, который создаётся при помощи интеллектуального воздействия отдельных личностей (или группы лиц – культурных и властных элит). Аргументация конструктивистов основана на широком спектре фактов искусственного создания и внедрения этнических традиций. Среди разработчиков данного направления выделяют Б. Андерсона, П. Бурдые, Э. Геллнера, Э. Хобсбаума. В России главным последователем конструктивизма является В. А. Тишков [1].

В. А. Тишков приходит к выводу, что «множественная и ситуативная (релятивистская) природа этнической идентичности гораздо сложнее, чем это предполагает структуралистическая формула оппозиций через отрицание. Гораздо чаще позитивное и негативное неразделимы и сосуществуют для совершения акта идентификации». Следуя этому подходу, ключевую роль в конструировании этничности играет политика этнического предпринимательства, т. е. направление элитой массы народа на нужное для этой верхушки русло. Только благодаря «сливкам» общества, по мнению некоторых конструктивистов, создаются этнические группы. В первую очередь к таким исследователям относится Б. Андерсон. Именно с выхода его книги «Imagined Communities» появляется и новое направление в этнологии – конструктивизм [9, с. 59].

В настоящее время практически не существует моноэтнической среды. Человек растёт и развивается в полиэтничном окружении. Т. Г. Стефаненко выделяет три типа этнической идентичности человека в полиэтничной среде: 1) моноэтническая идентичность – человек однозначно отождествляет себя с конкретным народом; 2) биэтническая идентичность – человек одновременно причисляет себя к двум этническим группам; чаще всего такой вид идентичности возникает на основе того, что родители имеют разную национальность; 3) маргинальная этническая идентичность – человек не может однозначно определиться в отношении своей этнической принадлежности.

Отклонение от нормальной позитивной этнической идентичности, по мнению Г. У. Солдатовой, могут быть пяти типов: 1) этническая индифферентность (космополитизм) возникает тогда, когда личная идентичность становится гораздо выше этнической, 2) гипoidентичность (этнонигилизм) – нежелание поддерживать собственные этнокультурные ценности, иногда негативизм по отношению к собственному народу; 3) гиперидентичность характеризуется стремлением к этническому доминированию, склонностью к этноцентризму и проявляется в трех видах: а) этноэгоизм – относительно лояльный вид, чаще проявляется на вербальном уровне в виде напряженности и раздражения при общении с представителями другого народа; б) этноизоляционизм – убеждение в превосходстве своего народа, призывы к очищению своего народа, прекращению брачных и межнациональных связей; в) национальный фанатизм – готовность идти на любые действия во имя этнических интересов, вплоть до этнических чисток, признание приоритета этнических прав народа над правами человека, оправдание любых жертв.

Выводы. В рамках социобиологического направления примордиализма этнос понимается как форма естественного отбора и родственных связей с одной стороны, как природное образование, возникающее вследствие пассионарного толчка, на формирование которого влияют климат и ландшафт. Но социальное начало в этносе здесь не играет практически никакой роли (особенно это выражено у Л. Н. Гумилёва). Представители второго – эволюционно-исторического направления примордиализма представляют этнос как социальное образование, минимизируя его природную составляющую и выделяют основополагающие признаки этноса, такие как язык, мировоззрение, традиции, особенности культуры, историческое прошлое и т. д. Инструменталисты видят этнос инструментом для реализации каких-то целей, интересов группы людей, этничность которых пробуждается когда нависает внешняя угроза. В понимании конструктивистов этнос – это конструкт, создающийся интеллектуальным воздействием отдельных личностей (группы лиц), направляющих массы народа в определённое русло. Многие выводы конструктивистов

достаточно обоснованы, например, один из представителей примордиализма Л. Н. Гумилёв тоже обращал внимание на то, что существуют пассионарии (люди с избыточной энергией), которые ведут за собой остальных менее пассионарных людей.

Учитывая те особенности, которые выделили авторы всех направлений, можно определить этнос как коллектив людей, которых отличает общность культуры, исторического развития, на формирование которого влияют многие факторы (природные, социальные) и группы личностей-лидеров, направляющие его развитие в определённое русло.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Арутюнян Ю. В., Дробижина Л. М. Этносоциология. Дискуссии вокруг понимания этничности. Что такое народ, этнос / [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://society.polbu.ru/arutynyan_ethnosociology/ch08_all.htm
2. Бромлей Ю. В. По поводу одного «Автонекролога» // Знамя. – 1988. – № 12. – С. 229–232.
3. Бромлей Ю. В. К вопросу о сущности этноса // «Природа». – 1970. – № 2. – С. 51–55.
4. Гумилёв Л. Н. Этногенез и биосфера Земли / Л. Н. Гумилёв. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2002. – 439 с.
5. Гумилёв Л. Н. Этнология и историческая география: (Ландшафт и этнос: XIII) / Л. Н. Гумилёв // Вестник Ленинградского университета. – 1972. – Т. 18, вып. 3 Геология. География. – С. 70–80.
6. Гурвич А. Г. Теория биологического поля / Гурвич А. Г. – М.: Советская наука, 1944. – 156 с.
7. Коркмазов А. Ю. // Вестник Северо-Кавказского государственного технического университета: сб. науч. тр. Серия «Гуманитарные науки» / МО РФ. СевКавГТУ. – Ставрополь, 2004. – № 1 (11). – С. 7–12.
8. Мирошников О. А. Этнокультурные проблемы в концепциях А. Дж. Тойнби и Л. Гумилёва: сравнительный анализ / О. А. Мирошников // Гуманитарные науки. – Ялта, 2004. – № 1 – С. 164–171.
9. Соблиров Х. Х. Современные концепции этничности / современные наукоемкие технологии. – М., 2007. – №6 – С. 58–59.
10. Яценко Н. Е. Толковый словарь обществоведческих терминов / [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://www.slovarnik.ru/html_tsot/p/primordializm-6tni4eskiy.html

УДК 130.2 «652»: 930.1

МАГАМЕДОВА А. С.

Научный руководитель: доктор философских наук, профессор кафедры философии и социальных наук Масаев Михаил Владимирович
ГПА КФУ им. В. И. Вернадского (г. Ялта)

"СВЕТ С ВОСТОКА": ИСТИННЫЙ ИЛИ ЛОЖНЫЙ КОНЦЕПТ ДРЕВНИХ РИМЛЯН (ИСТОРИОСОФСКАЯ РЕТРОСПЕКТИВА)

Резюме

Статья посвящена известному концепту древних римлян "Свет с Востока" и его понимание с точки зрения историософской ретроспективы. Основное внимание уделялось рассмотрению данного выражения с разных сторон. Для этого в статье излагалось высказывание философа и дополнено стихотворением русского поэта.

Summary

The article is devoted to the well-known concept of the ancient Romans "Light from the East" and his understanding from the point of view of historiosophical retrospective. Emphasis was placed consideration of this expression from the different parties. For this purpose the article presents the statement of the philosopher and presented a poem by Russian poet.

Постановка и актуальность проблемы. Известное изречение "Свет с Востока", что на латыни звучит как "Ex oriente lux", уходит далеко вглубь веков. И хотя ответ на вопрос, что имели ввиду древние римляне, высказываясь так, кажется понятен, все же данная фраза до сих пор волнует многие умы.

Цель работы — анализ историософского феномена известного концепта в свете концепции парадигмальных образов и символов эпох, цивилизаций и народов [4].

Можно отдельно объяснить слова "свет" и "восток". Если же представлять "свет" как мудрость, исходящую с Востока, то следует сказать, что древневосточная философия представляет собой большую культурную ценность для всего человечества. Ее идеи были интегрированы в духовную среду Запада. В свою очередь "восток" также раскрывается не только как сторона света. В сакральной географии восток традиционно определяется как земля Духа. Именно на востоке располагается рай. В средневековой Европе широкое распространение имело понятие о том, что на востоке находится великое христианское царство пресвитера Иоанна, поэтому Папы римские отправляли миссионеров, дабы заручиться поддержкой у восточных единоверцев при организации крестовых походов. В настоящее время восток, с одной стороны, используется как символ традиции, эзотерики, сакральности. Однако в рамках теорий об универсальном прогрессе, восток олицетворяет обскурантизм, отсталость, стагнацию. Согласно китайскому символизму, восток — это ян, мужской, световой, солнечный принцип[2].

Если же рассматривать "Восток" в религиозном контексте и воспринимать как место откуда исходит "свет", то стоит обратиться к высказыванию из Декрета об экуменизме Второго Ватиканского собора, который подтверждает значение "свет" с Востока для Запада: "На Востоке имеются также сокровища тех духовных преданий, которые нашли свое выражение прежде всего в монашестве. Ибо там со славных времен Святых отцов процветает та монашеская духовность, которая затем распространилась на Западе, стало как бы источником латинских монашеских установлений и в последствии постоянно придавало им силу. Поэтому католикам настоятельно рекомендуется чаще обращаться к духовным сокровищам восточных Отцов...". Фактически монашество всегда было душой Востока: первые христианские монахи появились на Востоке. Также можно обратиться к такому мнению, что Солнце восходит на востоке, поэтому Восток, как часть света, пророчески, указывает нам на небеса небес, на престол Божий, на Сион, после вступления Христа в Свое наследие.

Впрочем, у этого "света с востока" есть и другая сторона, несущая неразгаданные идеи, значения которых познаются неожиданно в связи с гораздо поздними находками человеческой мысли, открытиями в науке, поисками бытия.

Вчитываясь в выражение "Свет с Востока", невольно возникает вопрос: "истинный свет исходит с Востока или это отражение света с Запада?". Однако современный философ Фетхуллах Гюлен подтверждает истинность волнующего нас выражения, если понимать "свет" как мудрость: "Восточная мудрость – самый важный источник света, избавляющий мысль человека от замутнения, а душу – от одичания. Она очищает дух, а совести дает факел, который будет озарять все вокруг, помогая понять истину". То есть в восточном восприятии мудрость – это сочетание глубоких знаний и жизненного опыта.

Осмысляя концепт "Ex oriente lux" древних римлян, можно обратиться и другим более поздним высказываниям, которые напрямую связаны с ним. Например, "Ex oriente lux, ex occidente lex", что переводится как "С Востока свет, а закон с Запада". Под этой фразой

можно понимать, что основы юриспруденции были заложены именно в римском праве, а без восточного света они не были бы столь ярко освещены миру.

В XX веке Станиславом Ежи Лецем было предложено уточнение в таком виде: "Ex oriente lux, ex occidente luxus", то есть "С востока свет, с запада шик".

И даже Иосиф Сталин внес вклад в понимание "Света с Востока" перед наркомом по делам национальностей. Так, 15 декабря 1918 г. в газете "Правде" появилась его передовая статья "С востока свет": "Медленно, но неудержимо катится волна освободительного движения с Востока на Запад"; "Эстляндские рабочие первые подняли знамя восстания. (...) Рабочие Латвии также взялись за дело освобождения своего истерзанного отечества. (...) А на далеком юге, на Северном Кавказе, даже ингуши и чеченцы, осетины и кабардинцы целыми группами переходят на сторону Советской власти". "С Востока свет! Запад с его империалистическими людоедами превратился в очаг тьмы и рабства. Задача состоит в том, чтобы разбить этот очаг на радость и утешение трудящихся всех стран" [1].

Также можно вспомнить стихотворение русского религиозного мыслителя, мистика и поэта Владимира Соловьева, в котором содержится углубленное толкование выражения: "С Востока свет, с Востока силы! И, к вседержительству готов, Ирана царь под Фермопилы. Нагнал стада своих рабов"[3].

Список использованных источников:

1. Душенко К.В. С востока свет! // Читаем вместе. Навигатор в мире книг - 2008.- № 6. - С. 18-20.
2. Дугин А. Г. Основы геополитики. Геополитическое будущее России. М., 1997. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://grachev62.narod.ru/dugin/chapt04.htm>
3. Русские поэты. Антология русской поэзии в 6-ти т. - М.: Детская литература, 1996. - 568 с.
4. Масаев М. В. Парадигмальные образы как символы эпох / М. В. Масаев // Культура народов Причерноморья. - 2000. - № 14. - С. 132-136.

МОСИН А. О.

**Научный руководитель: доктор философских наук, профессор кафедры философии и социальных наук Масаев Михаил Владимирович
ГПА КФУ им. В. И. Вернадского (г. Ялта)**

ИСТОРИОСОФСКИЙ АНАЛИЗ РАБОТ Н.Я. ДАНИЛЕВСКОГО «РОССИЯ И ЕВРОПА»И «ГОРЕ ПОБЕДИТЕЛЯМ»

Целью написания статьи является понимание философских воззрений ученого на ход истории, отобразившихся в его литературных трудах.

В своей основной фундаментальной работе «Россия и Европа» русский мыслитель упорно борется очень распространенной в русских общественных кругах так называемой идеей "общечеловеческой культуры", которая для него самого является оправданием стремления Европы навязать народам, стоящим вне её, свою культуру. При этом Данилевский не критикует европейскую культуру в основах, но стремится разрушить представление о ней как о едином и единственном типе. В своём жизненном цикле - пишет Данилевский в "России и Европе" - культурно-исторический тип проходит следующие стадии своего развития: первоначального формирования, складывания государственности и обретения способности защищаться от внешней опасности, а также возникновения наивысшего расцвета, сопровождающегося появлением искусств, наук, религии, и, наконец,

постепенного превращения в "этнографический материал" из-за ослабления созидающих начал, что выражается в утрате государственной независимости и культурной самобытности.

Он утверждает, что восточнославянская цивилизация окажется способной в будущем развить экономику не в ущерб религиозным, художественным и нравственным ценностям и тем самым станет четырёхосновным культурно-историческим типом (так, например, предыдущие были одноосновными, за исключением "двухосновной" Европы, которая достигла высот и в экономическом, и в художественно-эстетическом развитии). Но чтобы действительно стать достойной этой своей исторической миссии, Россия обязана осознать себя единым народом вместе со славянством, поставив своей целью воссоединение и рассвет последнего. Данилевский впервые вводит в научный оборот понятия о культурно-исторических типах, которые сменяют друг друга. Главной целью своих культурологических и историософских исследований философ считает развенчание европоцентристских теорий.

Н. Я. Данилевский утверждал, что европоцентристское признание лишь одной - европейской - цивилизации в качестве эталонной и авангардной неверно и что наряду с европейской («германо-романской») есть и другие самостоятельные цивилизации. Выделение в истории таких периодов как древний, средний и новый приемлемо лишь для Европы и не имеет отношения, например, к Китаю.

Отдельные народы, также как и отдельные животные виды, проходят естественные стадии: рождение, возмужание, старение и смерть. Поэтому прогресс «не составляет исключительной привилегии Запада, или Европы, а застой - исключительного клейма Востока, или Азии»

Мыслитель вполне обоснованно констатирует, что сама Европа стремится предписывать зависимым от неё народам несвойственные им цели и задачи, а также расценивает любые проявления самобытного, не поддающегося ей национального развития как исторический пережиток, как нечто "гигантски лишнее", мешающее осуществлению тех идеалов, которые рассматриваются как бесконечно превосходящие любые другие.

В центре публицистики Данилевского - освобождение и объединение славян, возвращение Константинополю статуса столицы православного мира, а также критика "нигилизма" 60-х годов как "заимствованного" из Европы мировоззрения, полемика с В.С. Соловьёвым о Православии и католицизме. Он был противником конституции для России: ограничение самодержавия, утверждал мыслитель, противоречит понятию русского народа о верховной власти [1].

Данилевский призывает развивать русский суперэтнос. Только при этих условиях, считает он, Россия сможет избежать ассимиляции и превращения в этнографический материал для чуждых целей.

Русский философ не отрицал исторической преемственности цивилизаций: с точки зрения соотношения традиций и новаций КИТ разделяются им не только на «уединенные», но и на «преемственные».

Данилевский выделяет три способа распространения цивилизаций (КИТ): 1) пересадка с одного места на другое посредством колонизации, в результате которой народы другого культурного типа превращаются в «этнографический материал» и поглощаются более сильным КИТ (кельты, например, были поглощены римлянами). Такой разрушительный путь насильственной передачи культуры философ не принимал; 2) прививка менее разрушительна, но также бесплодна, поскольку здесь самобытная культура обращается «в средство, в служебное орудие» для чужой цели, как это случилось с Александрией - крупнейшим очагом эллинистической культуры в Египте; 3) почвенное удобрение - наиболее предпочтительный вариант взаимодействия КИТ, при котором сохраняется самобытность принимающей культуры. Этим способом Египет и Финикия действовали на Грецию, Греция - на Рим, Рим и Греция - на германо-романскую Европу. Воспринимающая культура сохраняет свою самобытность, усваивая то, что «стоит вне сферы народности. т.е. выводы и методы положительной науки, технические приемы и усовершенствования искусств и промышленности». Все же остальное, продолжает

Данилевский, «в особенности все относящееся до познания человека и общества, а тем более до практического применения этого познания, вовсе не может быть предметом заимствования, а может быть только принимаемо к сведению как один из элементов сравнения»

Данилевский убежден в необходимости сохранения основ Российского государства - самодержавия, Православия, поземельной общины и сословной иерархии. Причину враждебного отношения Европы к России и славянству в целом Данилевский усматривает в качественном различии и антагонистическом противостоянии всех «начал» и основных сфер жизнедеятельности германо-романского и славянского КИТ. Русский философ предсказывает неизбежность столкновения разнонаправленных культурных типов, выявляет и исследует основания типологических цивилизационных различий Европы и России[2].

Публицистические работы Н.Я. Данилевского были собраны и опубликованы Н.Н. Страховым в 1890 г. в "Сборнике политических и экономических статей Н.Я. Данилевского". В разряд "политических" попали работы, которые можно разделить на две части. Первая часть состоит из статей, посвящённых внешнеполитической проблематике. Это "Россия и франко-германская война", "Война за Болгарию" и "Горе победителям". Вторая же часть касается, главным образом, внутренних проблем России. Сюда входят его статьи "Несколько слов по поводу конституционных вожелений нашей прессы" и "Происхождение нашего нигилизма" с приложением критического этюда о латинофильских пристрастиях В. Соловьёва, будущего яростного критика идей Данилевского.

Сама по себе публицистика Данилевского была во многом продолжением "России и Европы". В её центре - освобождение и объединение славян, возвращение Константинополю статуса столицы православного мира, а также критика "нигилизма" 60-х годов как "заимствованного" из Европы мировоззрения, полемика с В.С. Соловьёвым о Православии и католицизме. Он был противником конституции для России: ограничение самодержавия, утверждал мыслитель, противоречит понятию русского народа о верховной власти.

Стержнем публицистики Данилевского по-прежнему остаётся славянский вопрос, ибо Европа, особенно после русско-турецкой войны 1877 - 78 гг., в очередной раз выступила на стороне Турции, в том числе и против славянства, причём выступила безоговорочно, отказавшись от маски непривзятости и "честного маклерства".

При этом, страшно переживая за происходящее, русский мыслитель без лживой и кощунственной "объективности" обличал политику европейцев - предельно корыстную, милитаристскую и цинично-фарисейскую одновременно.

Более того можно отметить и то, что, например, некоторые части "Войны за Болгарию", куда входит глава "Константинополь", вполне попадает под определение "геополитической работы". И в этом плане, "идея Константинополя", впервые выраженная у Ф. И. Тютчева, получила своё продолжение у Данилевского и у многих других консервативных мыслителей (в том числе у Ф. М. Достоевского, И. С. Аксакова, Н. Н. Стрхова, К. П. Победоносцева, В. И. Ламанского, К. Н. Леонтьева) [3].

В советской историографии вплоть до конца 60-х годов обращение к отечественному консерватизму по понятным причинам было очень редким. Оказался полузабытым и Данилевский. Зато в Русском зарубежье и у западных исследователей интерес к этой теме не иссякал. Из работ эмиграции заслуживают внимания фундаментальные книги «История русской философии» и «Русские мыслители и Европа», написанные богословом В.В. Зеньковским. Исследуя и выявляя различия между Данилевским и славянофилами по вопросу возможного синтеза Запада и России, он отмечал, что Данилевского в то же время нельзя полностью обособлять от славянофильства. Хотя многие из его идей используются радикальными антизападниками, «причину этого... нужно видеть не в логике идей, ... а в той объективной почве, на которой зреют люди и их идеи. Не пришло еще время для великого национального синтеза...», - писал Зеньковский. К консервативному наследию обращались идеологи сменовеховства Ю. В.Ключников и Н. В.Устрялов, находившийся под сильным влиянием идей Н. Я. Данилевского о цикличности исторического развития.

По-своему характерны и примечательны трактовки американских историков Г. Кона и Р. Макмастера. Еще первый провел отчетливую параллель между взглядами Данилевского и Сталина на западный либерализм, на особую миссию России в отношении остального мира [4]. Книга Р. Макмастера «Данилевский. Русский тоталитарный мыслитель» (1967) [5] была уже прямо направлена на отождествление государственно-политических моделей русских консерваторов и большевиков. (Неоднократно сравнивал он Данилевского и с Марксом). Русский консерватизм и русский социализм, в глазах Макмастера, одинаково враждебны Западу и опасны для него, а неприятие капитализма, буржуазных мировоззренческих ценностей и стремление к экспансии - основные черты русского народа, отразившиеся в идеях Данилевского.

С 60-х годов, отчасти в ответ на зарубежные публикации, в Советском Союзе тоже стали появляться специальные работы на ранее запретную тему русского консерватизма [6]. В противоборстве социалистического и капиталистического лагерей идеи, высказанные русскими консерваторами в конце XIX и начале XX веков, оказались весьма злободневны. Запад делал акцент на определенной преемственности между российскими и зарубежными мыслителями (Данилевским, Шпенглером, П. А. Сорокиным, Тойнби); на прогнозах в отношении грядущих войн и революций; и на тождестве между русским консерватизмом и большевизмом как «двумя тоталитарными идеологиями». Советские исследователи, при всех необходимых оговорках об «исторической обреченности» консерватизма, в определенной мере принимали негативные отзывы консерваторов о буржуазной системе, выдвигая их на первый план. Так или иначе, позднесоветская историография стремилась, насколько это позволяли идеологические рамки, идти в изучении наследия отечественной консервативной мысли дальше западной науки.

В 1990-е годы имя Н. Я. Данилевского в российском обществе приобрело необычайную популярность. Философы, историки, политологи и социологи публикуют сотни статей, затрагивающих его взгляды [7]. Одна за другой защищаются посвященные ему диссертации, среди которых есть и интересные исследования [8]. Этот всплеск интереса к наследию Данилевского, разумеется, не случаен – слишком многое в нем созвучно поискам и проблемам современной России. Труды Данилевского оказались одними из самых интересных литературных наследий российского государства и во многом определяют политику нынешней Российской Федерации.

Список использованных источников:

1. Данилевский Н.Я. Россия и Европа. - Спб,1995.
2. Данилевский Н.Я. Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому. - М.: Известия, 2003.-607 с. 8.
3. Данилевский Н. Я. Горе победителям. Политические статьи. - М: 1998.
4. Kohn H. The Mind of Modern Russia: Historical and Political Thought of Russia's Great Age. New Brunswick, New Jersey, Rutgers University Press, 1955.
5. MacMaster R. Danilevsky. A. Russian Totalitarian Philosopher. Cambridge, Massachusetts, Harvard Univ. press, 1967.
6. Мордовский Н. В. К критике «философии истории» Н. Я. Данилевского // Философские проблемы общественного развития. М., 1971. В 80-х годах серию статей опубликовала Л.Р. Авдеева (см., напр.: Авдеева Л. Р. Проблема «Россия и Европа» в воззрениях Н. Я. Данилевского и К. Н. Леонтьева // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. 1982. № 3. и пр.)
7. Репников А.В. Консервативная концепция российской государственности. М.,1999.Резюме доступно по- <http://www.conservatism.narod.ru/repnikov/repnikov-monograph.doc,%20> <http://www.conservatism.narod.ru/repnikov/repnikov-monograph.doc,%20> www.conservatism.narod.ru/repnikov/repnikov-monograph.doc,%20 [.HYPERLINK](http://www.conservatism.narod.ru/repnikov/repnikov-monograph.doc,%20)

["http://www.conservatism.narod.ru/repnikov/repnikov-monograph.doc.%20"conservatismHYPERLINK](http://www.conservatism.narod.ru/repnikov/repnikov-monograph.doc.%20) ["http://www.conservatism.narod.ru/repnikov/repnikov-monograph.doc.%20".HYPERLINK](http://www.conservatism.narod.ru/repnikov/repnikov-monograph.doc.%20) ["http://www.conservatism.narod.ru/repnikov/repnikov-monograph.doc.%20"ruHYPERLINK](http://www.conservatism.narod.ru/repnikov/repnikov-monograph.doc.%20) ["http://www.conservatism.narod.ru/repnikov/repnikov-monograph.doc.%20"/HYPERLINK](http://www.conservatism.narod.ru/repnikov/repnikov-monograph.doc.%20) ["http://www.conservatism.narod.ru/repnikov/repnikov-monograph.doc.%20"repnikovHYPERLINK](http://www.conservatism.narod.ru/repnikov/repnikov-monograph.doc.%20) ["http://www.conservatism.narod.ru/repnikov/repnikov-monograph.doc.%20"/HYPERLINK](http://www.conservatism.narod.ru/repnikov/repnikov-monograph.doc.%20) ["http://www.conservatism.narod.ru/repnikov/repnikov-monograph.doc.%20"repnikovHYPERLINK](http://www.conservatism.narod.ru/repnikov/repnikov-monograph.doc.%20) ["http://www.conservatism.narod.ru/repnikov/repnikov-monograph.doc.%20"-HYPERLINK](http://www.conservatism.narod.ru/repnikov/repnikov-monograph.doc.%20) ["http://www.conservatism.narod.ru/repnikov/repnikov-monograph.doc.%20"monographHYPERLINK](http://www.conservatism.narod.ru/repnikov/repnikov-monograph.doc.%20) ["http://www.conservatism.narod.ru/repnikov/repnikov-monograph.doc.%20".HYPERLINK](http://www.conservatism.narod.ru/repnikov/repnikov-monograph.doc.%20) ["http://www.conservatism.narod.ru/repnikov/repnikov-monograph.doc.%20"docHYPERLINK](http://www.conservatism.narod.ru/repnikov/repnikov-monograph.doc.%20) ["http://www.conservatism.narod.ru/repnikov/repnikov-monograph.doc.%20"](http://www.conservatism.narod.ru/repnikov/repnikov-monograph.doc.%20), а также: Аринин А.Н., Михеев В.М. Самобытные идеи Н.Я. Данилевского. М., 1996; Михеев В.М. Славянский Нострадамус. Брест, 1993; Он же. Тоталитарный мыслитель. Брест, 1994; Бажов С.И. Философия истории Н.Я. Данилевского. М., 1997.

8. Диссертации Н.Г. Нугмановой, А. К. Камкина, А.Н. Птицына, А.В. Ефремова, М.А. Емельянова-Лукьянчикова.

УДК 930.01

МУДРИЦКИЙ М. О.

Научный руководитель: доктор философских наук, профессор Масаев М. В.

**ФИЛОСОФСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ ФЕНОМЕНА ЗАГРАНИЧНЫХ
ОСВОБОДИТЕЛЬНЫХ ПОХОДОВ РУССКОЙ АРМИИ 1813-1814ГГ. (К 200
ЛЕТНЕМУ ЮБИЛЕЮ) КАК ПРИМЕР ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО МАТЕРИАЛА НА
УРОКЕ ИСТОРИИ В ШКОЛЕ**

Резюме

Статья посвящена философскому осмыслению заграничных походов русской армии в эпоху Наполеоновских войн в ключе исторических событий.

Ключевые слова: Наполеон, Россия, Европа, Франция, армия.

Annotation

The article is devoted to the philosophical understanding of the foreign campaigns of the Russian army in the Napoleonic wars in key historical events.

Keywords: Napoleon, Russia, Europe, France, army.

Постановка и актуальность проблемы. Наполеоновские войны – важная веха всемирной истории. Коренной перелом в этих войнах наступил в 1812 году после жестокого поражения агрессора в России, когда из 614-ти тысячного войска захватчиков от смерти из плена спаслось лишь около 30 тысяч человек. После изгнания французов из пределов своей территории начинаются заграничные освободительные походы русской армии, завершившиеся успешными действиями на западном фронте против Наполеона [1,2].

Цель работы заключается в философском осмыслении поставленной проблемы в свете концепции парадигмальных образов и символов эпох [5].

Наполеоновское нашествие поставило необходимость спасения Европы от «французского потопа» и восстановление «старого» порядка, который существовал до начала серии великих войн. Эту миссию взяла на себя русская армия в период с 1813-1814 гг., совершив свои заграничные походы. Целью этих походов стало освобождение народов от «французского ига» и установление длительного мира в Европе [2].

Наполеон после поражения в России стремился выиграть время и вновь создать массовую армию для того чтобы взять реванш [2]. Стратегический план русского командования строился в расчете на то, чтобы в возможно короткий срок вывести Пруссию и Австрию из войны на стороне Наполеона и сделать их союзниками России. Наступательные действия в 1813 году отличались большим пространственным размахом, высокой интенсивностью [3]. Они развернулись на фронте от берегов Балтийского моря до Брест-Литовска, велись на большую глубину — от Немана до Рейна. В конце марта русско-пруссские войска возобновили наступление. В тылу французов в Германии развернулось партизанское движение, немецкое население встречало русские войска как своих освободителей [4]. После ряда убедительных побед русской армии весной-летом к России присоединились: Пруссия, Австрия, Великобритания и др.

Итогом кампании 1813 года стало решающе сражение под Лейпцигом или «Битва народов» и разгромом наполеоновских войск 4-7(16-19) октября 1813 г. С обеих сторон в сражении участвовало свыше 500 тысяч человек: союзники — свыше 300 тысяч человек (в том числе 127 тысяч русских), 1385 орудий; наполеоновские войска — около 200 тысяч человек, 700 орудий. Важнейшими ее итогами явились образование могущественной антифранцузской коалиции и распад Рейнского союза (36 германских государств под протекторатом Наполеона), разгром вновь сформированной Наполеоном армии и освобождение Германии и Голландии [3].

К началу кампании 1814 года в войсках союзников, развернувшихся на Рейне, насчитывалось около 460 тысяч человек, в том числе свыше 157 тысяч русских [3]. В декабре 1813 - начале января 1814 годов все три союзные армии форсировали Рейн и начали наступление вглубь Франции. В целях укрепления коалиции 26 февраля (10 марта) 1814 года между Великобританией, Россией, Австрией и Пруссией был подписан Шомонский трактат, по которому стороны обязались не вступать с Францией в сепаратные переговоры о мире, оказывать взаимно военную помощь и сообща разрешать вопросы о будущем Европы [4]. Этим договором были заложены основы Священного союза. Кампания 1814 года окончилась капитуляцией Парижа 18(30) марта. 25 марта (6 апреля) в Фонтенбло Наполеон подписал отречение от престола, затем был сослан на остров Эльба[4]. В ходе кампаний 1813-14гг. русская армия оказала огромную помощь народам Западной Европы в их освобождении от наполеоновского господства. Она являлась основным ядром, вокруг которого группировались войска других участников коалиции[3].

Как вспоминал А. И. Михайловский-Данилевский: царь Александр I выступал за вторжение во Францию без промедления, однако союзники приняли более осторожный план действий: «Он не хотел даже долго останавливаться на Рейне, а идти прямо в Париж зимою, но союзники наши как будто оробели при виде границ Франции, вероятно, от неудачных покушений их в прежние войны» [3].

В марте 1814г.был взят Париж генералом Барклаем-де-Толли, когда русская армия вошла в Париж, её встречали как освободителя от власти Наполеона.

Итогом русского освободительного похода стало событие 18(30) мая 1814 года, когда между союзниками и Францией был подписан Парижский мир. По инициативе русской стороны, по которому Франция восстанавливались в границах 1792 г. и восстановлением на престоле династии Бурбонов. Следующим шагом по мирному урегулированию конфликта коалиции европейских держав с Наполеоном I стал Венский конгресс (сентябрь 1814 – июнь 1815 годов), в котором приняли участие представители всех европейских держав, кроме Тур-

ции [1]. На Венском конгрессе большой вес играла позиция России: среди стран-победительниц большую роль в этом сыграли русские освободительные походы 1813-1814 гг. Теперь к мнению России прислушивались больше чем к другим Европейским государствам.

Целями Конгресса были: международно-правовое оформление нового соотношения сил между европейскими державами; восстановление политического устройства в Европе, ликвидированного во время Великой Французской революции и наполеоновских войн, и обеспечение его стабильности на длительное время; создание гарантий против возвращения к власти Наполеона I; удовлетворение территориальных притязаний победителей; реставрация свергнутых династий [3]. Итоги Венского конгресса: все решения Венского Конгресса были собраны в Заключительном акте Венского Конгресса. Конгресс санкционировал включение в состав нового королевства Нидерландов территории Австрийских Нидерландов (современная Бельгия), однако все остальные владения Австрии вернулись под контроль Габсбургов, в том числе Ломбардия, Венецианская область, Тоскана, Парма и Тироль. Пруссии досталась часть Саксонии, значительная территория Вестфалии и Рейнской области. Дания, бывшая союзница Франции, лишилась Норвегии, переданной Швеции. В Италии была восстановлена власть папы римского над Ватиканом и Папской областью, а Бурбонам вернули Королевство Обеих Сицилий. Был также образован Германский союз. Часть созданного Наполеоном герцогства Варшавского вошла в состав Российской империи под названием Царство Польское, а русский император Александр I стал и польским королём. Австрия получила южную часть Малой Польши и большую часть Червонной Руси. Западные земли Великой Польши с городом Познанью и польское Поморье вернулись к Пруссии. Этот раздел Польши между державами в исторической науке иногда выделяется как «Четвёртый раздел Польши» [3,4]. По сути Венская система есть прообраз мирной объединённой Европы.

Список использованных источников:

1. Алиев К. М. Кумыки в военной истории России. - Махачкала. 2010. - С. 18.
2. Масаев М. В. Крымскотатарские формирования в войнах против наполеоновской Франции // Культура народов Причерноморья. – 1999. – № 6. – С. 154-159.
3. Платошкин Н. Н. Н. Русские освободительные 1813—1814 гг. // Военно-исторический журнал — 2014. - № 10. - с. 47
4. Пушкарев С. Г. Обзор русской истории. - М.: Наука, 1991. - 457 с.
5. Масаев М. В. Парадигмальные образы как символы эпох / М. В. Масаев // Культура народов Причерноморья. - 2000. - № 14. - С. 132-136.

УДК 930.1

МУДРИЦКИЙ М. О.

**Научный руководитель - доктор философских наук,
профессор Масаев Михаил Владимирович**

ФИЛОСОФСКО-ИСТОРИЧЕСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ СОБЫТИЙ НА МАЙДАНЕ КАК ПРОЛОГ ВОССОЕДИНЕНИЯ КРЫМА С РОССИЕЙ

Annotation

The article is devoted to the Events in Kiev late 2013 - early 2014 response of the authorities and people of Crimea and how has the Peninsula will return home to Russia.

Ключевые слова: Референдум, Крым, Россия, Севастополь.

Keywords: Referendum, Crimea, Russia, Sevastopol.

Актуальность: События в Киеве в конце 2013 - начале 2014 гг. поставили под угрозу жизни многих людей на Крымском полуострове. Благодаря своевременной мобилизации граждан Крыма, которые в случае необходимости готовы были встать на защиту родной земли от националистов, которые поклялись стереть с лица земли русскоговорящее население полуострова, благодаря активной поддержке России, Крым опять вернулся на родину.

Цель: понимание событий на Евромайдане в Киеве как пролога воссоединения Крыма с Россией.

Задачи:

- Проанализировать события на «Евромайдане» в конце 2013 - начале 2014 года.
- Проанализировать реакцию властей Крыма на события в Киеве.

22 ноября ЕС отклонил предложение украинского правительства провести переговоры в трехстороннем формате Евросоюз-Украина-Россия как «беспрецедентное» в европейской практике. Нужно было пролиться крови, нужно было в течение месяцев терпеть насилие, чтобы Запад согласился на участие России в переговорах по Украине в качестве равноправного участника. И во Львове как по «волшебству» вырос «палаточный городок». По сути с этого момента и начинается «Евромайдан», комендантом стал Парубий [13].

11 декабря 2013 в Крыму Президиум Верховного совета Крыма постановил «в условиях рвения к власти групп национал-фашистского толка» инициировать проведение общекрымского опроса о статусе полуострова [10].

В ночь с 21 на 22 февраля президент Янукович покинул Киев и улетел в Харьков. На Украине был совершен государственный переворот. Другого названия произошедшему вооруженному захвату и началу милитаризации и узурпации власти просто нет. Янукович сдаёт власть и передаёт её в «руки оппозиции».

23 февраля 2014 года в Крыму жители Севастополя отказались признать новую самозваную украинскую власть. Десятки тысяч человек собрались на митинг, объявив о недоверии местной администрации. Тогда же участники акции всеобщим голосованием избрали нового главу города Алексея Чалого. Городские власти создали новый орган исполнительной власти - управление по обеспечению жизнедеятельности Севастополя, которое возглавил Чалый [6,12].

25 февраля 2014 года в Крыму перед Верховным советом Крыма в Симферополе прошел митинг, на котором люди потребовали от власти провести референдум и решить, каким будет дальнейший политический курс полуострова. Цель акции - донести до крымского парламента, что собравшиеся не признают установившуюся на Украине власть. [12]

26 февраля 2014 года вокруг Севастополя самооборона соорудила первые блокпосты. В Симферополе начинаются протестные выступления, участники которых отказываются признавать смену власти на Украине, произошедшую после бегства из Киева президента Виктора Януковича. Меджлис крымских татар выводит на то же место у ВС Крыма своих сторонников, выступая в поддержку киевских путчистов. Образуется давка. В итоге около 20 человек пострадали в ходе драк у крымского парламента, где проходило сразу два митинга. Два человека погибли, один - в давке, другой - от сердечного приступа. К счастью, других столкновений на национальной почве в дальнейшем удалось избежать [8,12].

27 февраля 2014 года в четыре часа утра в здание Верховного совета Крыма проходят неизвестные «вежливые люди», которые обеспечивают возможность для депутатов безопасно проводить заседания. Начинается деятельная история сил самообороны Крыма. На сессии крымского парламента новым премьером Автономной Республики Крым избран депутат Верховного совета Крыма, лидер партии «Русское единство» Сергей Аксенов [1,3,12].

3 марта 2014 года пресс-служба Верховного совета АР Крым распространила заявление о том, что депутаты крымского парламента приняли решение о проведении

республиканского (местного) референдума как формы прямого народовластия по вопросам усовершенствования статуса и полномочий автономии 30 марта 2014 года. Также становится известно, что от жителей Севастополя поступила инициатива об изменении правового статуса города и переподчинении его напрямую властям Крыма [11,12].

6 марта 2014 года Верховный совет АР Крым принял решение войти в состав России в качестве субъекта Российской Федерации и провести референдум на всей территории Крыма (включая город Севастополь), причем не 30 марта, а 16 марта, вынеся на обсуждение вопрос о будущем статусе полуострова, предполагающий выбор одного из двух вариантов ответа: «Вы за воссоединение Крыма с Россией на правах субъекта Российской Федерации?» или «Вы за восстановление действия Конституции Республики Крым 1992 года и за статус Крыма как части Украины?». Первый заместитель председателя правительства АРК Рустам Темиргалиев сообщил, что собственность Украины в Крыму будет национализирована в пользу новых властей региона, вся частная собственность на территории полуострова будет переоформлена с учетом российского законодательства. Он указал на готовность Крыма вступить в рублевую зону [9].

9 марта 2014 года в Симферополе, Севастополе, Евпатории и Керчи прошли первые митинги в поддержку присоединения Автономной Республики Крым к России. Представители руководства крымской автономии призвали ее жителей проголосовать за присоединение к России [7].

16 марта 2014 года в Крыму состоялся референдум, в котором, по официальным данным, приняли участие 83,1 % избирателей Крыма (без учета Севастополя), из них около 96,77 % проголосовали за воссоединение Крыма с Россией, в Севастополе соответственно -89,5 % и 95,6 % [12].

18 марта 2014 года Россия и Крым подписали в Георгиевском зале Кремля договор о вхождении Республики Крым в состав РФ. Подписи под документом поставили президент России Владимир Путин, председатель Госсовета Крыма Владимир Константинов, председатель Совета министров Крыма Сергей Аксенов и глава Севастополя Алексей Чалый. С присоединением Крыма в составе Российской Федерации были образованы новые субъекты - Республика Крым и город федерального значения Севастополь. Государственная дума приняла соответствующий федеральный конституционный закон [2,4].

Вывод. Как показали последующие события, жители Крыма сделали правильный выбор на референдуме. В Крыму не случилось того, что происходит на территории Новороссии, где погибло много мирных граждан в результате обстрелов мирных городов, но только гуманитарная помощь из России спасает людей от голодной смерти.

Список использованных источников:

1. Аксенов стал новым премьером Крыма. [Электронный ресурс]. -Режим доступа: <http://forbes.ua/news/1366220-aksenov-stal-novym-premerom-kryma> 27/02/14
2. В Кремле подписан договор о принятии Крыма и Севастополя в состав России. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://www.rosbalt.ru/main/2014/03/18/1245493.html>
3. Верховная Рада и Совет министров Крыма захвачены вооруженной группой. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://www.rosbalt.ru/ukraine/2014/02/27/1238223.html>
4. Власти Крыма: развитие ситуации на Украине «создает угрозу миру и стабильности в Крыму». [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://itar-tass.com/mezhdunarodnaya-panorama/1017492>
5. Госдума приняла закон о присоединении Крыма. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://www.rg.ru/2014/03/20/zakon-krim.html>

6. Красильников С. Горсовет Севастополя решил провести 16 марта референдум по вхождению города в состав РФ. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://itar-tass.com/mezhdunarodnaya-panorama/1027055>
7. Матыцин В. В центре Симферополя проходит митинг за присоединение к России. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://itar-tass.com/mezhdunarodnaya-panorama/1032682>
8. Митинг в Симферополе 26 февраля. Как это было. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://15minut.org/article/mitingi-v-simferopole-26-fevralja-kak-jeto-bylo-video-2014-02-27-02-18-21>
9. Парламент Крыма принял решение о вхождении в Россию и назначил референдум на 16 марта. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://www.politnavigator.net/parlament-kryma-naznachil-referendum-o-vkhozhdenii-v-rossiyu-na-16-marta.html>
10. Парламент Крыма решил, Евромайдан угрожает автономии полуострова. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://www.unian.net/politics/862503>
11. Севастополь хочет войти в состав Крыма. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: http://tvzvezda.ru/news/vstrane_i_mire/content/201403031445-t1i8.htm
12. Стариков Н, Беляев Д Россия. Крым. История. - СПб.: Питер, 2014. -256 с.
13. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://for-um.ru/31524-rossiya-krym-istoriya-nikolay-starikov-dmitriy-belyaev-2014.html>
14. Хронология Майдана [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://riga-news.pro/khronologiya-majjdana/>

УДК 930. 1

ПЕНДЕРУК А. С.

**Научный руководитель: доктор философских наук,
профессор Масаев Михаил Владимирович
ГПА КФУ им. В. И. Вернадского (г. Ялта)**

ДУХОВНЫЕ ЦЕННОСТИ В ПОВЕСТИ А. КАМЮ "ПОСТОРОННИЙ"

Резюме

В статье рассматривается проблема взаимоотношений человека с окружающим миром через призму бремени героя. Автор со всей красочностью и развернутостью отображает всю картину ситуации и даёт важные рекомендации относительно ее решения.

Ключевые слова: аксиология, принцип меры, социальные мотивировки, Евангельский закон, затуманенность рассудка, абсурд.

Summary

In the article the problems of correlation a man with the world through the prism of hero's burden is considered. The author with the full colours depicts the entire picture of this situation and gives important recommendations of its solving.

Прежде чем начать говорить относительно данной темы, хотелось бы дать дефиницию того, что собой представляют собой духовные ценности. Итак, духовные ценности - это аксиологическое понятие, подразумевающие под собой определенные предметы, явления и идеи, на основании которых формируется человеческое представление о жизни в целом. Это те ценности, которые определяют главный характер и оценочную сторону вещей.

Цель исследования определяет следующие задачи:

- 1) познакомиться с [работами](#), изучающими [творчество](#) А. Камю;
- 2) выяснить истоки проблемы абсурдности человека в творчестве писателя;

- 3) определить, что вкладывает Камю в понятие «абсурда»;
4) проследить, как представлена проблема абсурдности человека в романе «Посторонний».

Объект исследования – повесть А. Камю «Посторонний».

Предмет исследования – экстраполяция духовных ценностей в контексте анализа рассматриваемого труда.

В повести "Посторонний" известного французского писателя Альбера Камю изображена несправедливость отношения общества к человеку, не желающему подчиняться определенным правилам, которые противоречат его сущности. Главный герой здесь - это чиновник. Мерсо ничем не лучше и не хуже других обывателей алжирского предместья. Единственное отличие его от общества состоит в отсутствии желания лицемерить. Мерсо - это тот редкий тип человека, живущего простой и естественной, здоровой жизнью здорового существа. Он естественен и поэтому оказывается посторонним в существующей культуре. Этот человек не может и не хочет идти против своих истинных чувств, убеждений, ему противно притворство, нарочность и лицемерие. Именно этим герой навлекает на себя гнет со стороны окружающих. Социум вешает на него клеймо, нарекает его "бездушным", клеветает не зная истины. На самом деле Мерсо доброжелателен и отзывчив по отношению к окружающим его сослуживцам, друзьям, соседям, он по-своему любит мать и это выражается во всех его обращениях к ней. Находясь на похоронах матери герой держит себя в руках, отклоняет предложение увидеть её в последний раз, потому как подчиняется принципу меры во всем. Как известно, существовали определённые правила, которые регламентировали, насколько допустимо «убиваться» по умершему родственнику, как вести себя в обществе во время траура и т.д. К примеру, в буддийских странах смерть воспринимается как желанное освобождение души от оков тела, в силу чего экзальтированное христианское отношение к смерти и вовсе кажется абсурдным. В восточных культурах (Япония, Китай, Индия) человек не мыслится в резком противопоставлении с природой, как в европейской культуре. Человек на востоке – естественная часть природы и, следовательно, он подчиняется общему природному порядку (рождение – развитие - смерть). Отношение к смерти у героя своеобразное, оно отличается от общепринятого. Из этого отношения вытекает устойчивый поведенческий стереотип, который предполагает определённые формы выражения отношения к смерти близкого человека. Не отходя от своих принципов герой вызывает своим поведением ряд возражений со стороны социума и притягивает, словно магнит к себе целую гряду неприятностей. В качестве постороннего Мерсо случайно оказывается вовлечённым в неблагоприятное дело Раймона Синтеса, так звали его соседа, который просит написать письмо своей возлюбленной арабке, чтобы заманить ее на свидание. Дело в том, что эта особа недавно изменила Раймону, и он теперь жаждет мести. В результате Мерсо становится свидетелем ужасной ссоры Синтеса со своей пассией. Вскоре появляются два араба, один из которых оказался братом любовницы Раймона. После небольшой словесной перепалки завязалась драка, в которой Раймона ударили ножом. После того, как пострадавшему была оказана медицинская помощь, друзья вернулись на пляж, где продолжали находиться арабы. Мерсо берет у Раймона пистолет и направляется в их сторону. С мужчиной происходит что-то непонятное, похожее на солнечный удар или помутнение рассудка. Как в кошмарном сне Мерсо четырьмя выстрелами отправляет араба на тот свет. Разворачивается следствие, которое в большей степени основывалось на попытках реконструирования характера, морального облика подсудимого. Героя рассматривают через призму личностных качеств, проявившихся в его отношении с людьми, освещая, таким образом, всю историю убийства. Прокурор произносит речь, которая и говорит главным образом о дальнейшем развитии дела: «Он (прокурор - Е.И.) сказал, что должен сейчас затронуть вопросы, по видимости, не имеющие отношение к моему делу, но, быть может, по существу весьма тесно с ним связанные. Я понял: сейчас он заговорит о маме – и мне стало тошно». Интересно, что позиция постороннего играет с главным героем повести злую шутку: его холодность на похоронах матери суд расценивает как еще одно доказательство его испорченности,

черствости и крайнего цинизма. Но «посторонний» не циничен, не черств и вовсе не пресыщен жизнью, как это может показаться. К сожалению, в огромном мире не нашлось ничего, что разбудило его истинную природу, а с ней человечность, эмоциональность, наконец, элементарную способность сострадать. Мир принял его, но принял как пасынка, отщепенца, нелюбимого ребенка. Станным здесь является то, что судят Мерсо не за то, что он убил человека... общество удивляет то, что «подсудимый» даже не старается себя оправдать, он ведет себя не «по правилам», т.е. не по тем правилам, которые ранее были едины для всех... Истинной причиной убийства здесь является то, что рассудок его был затуманен, поскольку череда неприятностей окружила его со всех сторон и нарушила существующий порядок. Из вышесказанного, можно узреть, что суд который был посвящен рассмотрению данного дела, в большей степени направлен на порицание и подавление Мерсо, осуждение его отношения к окружающим. Как правило, всегда и в любом обществе, людям, которые идут против правил "ломают крылья". Тонкая нить негодования каждого задействованного лица, выражает общий принцип на котором основано описанное общество, а именно подчинение каким-либо сложившимся правилам, где истина потеряла своё значение, осталось только лицемерие, лъстивость и зависть. Духовный мир героя здесь предстает опустевшим и унылым, полностью отрешенным от высших материй. В течении всей повести не прозвучало ни единого обращение к чему-то высшему, однако следует упомянуть довольно интересный факт, что Мерсо принадлежит иному миру—миру природы. Его действиями управляет солнце. Оно освещает поступки Мерсо, вследствие чего уже невозможно свести его поведение к социальным мотивировкам. И вместе с тем Мерсо - это свобода бунтаря, замкнувшего вселенную на самом себе. Окончательной инстанцией и судьей остается определенный человек, для которого высшим благом является жизнь “без завтрашнего дня”.

Но если посмотреть с другой стороны на содеянное им преступление, к примеру, со стороны христианской религии, то мы узнаём об одной из заповедей, а именно шестой, которая говорит о том, что Господь Бог запрещает убийство, то есть отнятие жизни у других людей и у самого себя (самоубийство), каким бы то ни было образом.

Жизнь есть величайший дар Божий; поэтому лишать самого себя или другого жизни - самый ужасный, тяжкий и великий грех. Как известно, грешит против шестой заповеди тот, кто желает смерти другому человеку, не оказывает помощи больным и бедным, живет с другими во вражде, питает в себе чувства зависти, злобы, ненависти, заводит с другими драки и ссоры, огорчает своих ближних. Грешат против этой заповеди злые и сильные, которые обижают слабых. Евангельский закон говорит: «Всякий, ненавидящий брата своего (ближнего), есть человекоубийца» (1Ин. 3,15).

Таким образом, исходя из всего вышесказанного, можно сказать, что Мерсо нет оправдания, он совершил величайший грех лишив жизни араба, несмотря на всю благородную жизнь, что он вел до этого случая, грех перечеркивает ее накрест и лишает главного героя всего, что только у него могло быть. Не может быть причиной убийства затуманенность рассудка, когда речь идет о жизни человека, Мерсо перешел некую грань, чем испортил себе всю жизнь.

Таким образом, напрашивается **вывод**: человек не должен бояться абсурда, не должен стремиться от него избавиться, тем более, что это просто невозможно, поскольку абсурдный мир пронизывает всю человеческую жизнь. Скорее, человек должен действовать и жить так, чтобы чувствовать себя счастливым в этом абсурдном мире. Также необходимо всегда держать себя в руках и не позволять каким-либо силам ослеплять тебя и лишать возможности принять адекватное решение, быть сильнее всего того, что вокруг.

ФИЛОСОФИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПОЛКОВОДЦА (НА ПРИМЕРЕ ЖАННЫ Д'АРК)

Резюме

Данная статья посвящена историческому подвигу Орлеанской Дивы Жанны Д'Арк, философской деятельности полководца Жанны Д'Арк.

Ключевые слова: Полководец, Орлеанская Дива, Жанна Д'Арк, героиня, подвиг.

Summary

This article is devoted to a historical feat of the Orleans Star Zhanna D'Ark, philosophical activity of the commander Zhanna D'Ark.

Keywords: Commander, Orleans Star, Zhanna D'Ark, heroine, feat.

«Я вижу в ней знаменованье
Чего-то высшего, и часто мнится,
Что из других времен пришла она»

Это строки о Жанне д'Арк из «Орлеанской девы» Фридриха Шиллера. Ее появление задолго до того, как она родилась на свет, возвестило древнее пророчество волшебника Мерлина: «Из дубового леса выйдет дева и принесет бальзам для ран. Она возьмет крепости и своим дыханием иссушит источники зла».

Есть в мировой истории вечные темы. К ним неизменно возвращается каждое новое поколение исследователей, обнаруживая неизвестные факты, прослеживая ускользавшие прежде связи событий, сцепления причин и следствий.

К числу таких вечных тем относится простая и бесконечно сложная история Жанны д'Арк. Простая — потому что ее можно изложить на одной страничке школьного учебника, и смысл великого патриотического подвига орлеанской героини будет понятен любому подростку. Сложная — потому что за появлением Жанны на исторической сцене скрываются глубинные процессы в жизни далекого от нас французского общества эпохи Столетней войны.

В народном сознании героиня существует в трёх основных ипостасях: Жанна-пастушка, Жанна-воин и Жанна-святая.

В легендах о Жанне подчёркивается, что в мирной жизни она – пастушка – то есть в интерпретации мифопоэтической традиции не только причастна к тайне общения с животными и растениями, но изначально обладает функцией охранителя.

Жанна – девушка-воин, прозвана народной молвой, уповающей на девственное спасение Франции, «погубленной распутными женщинами», не «la Vierge» – Дева (так французы называли Деву Марию), а «la Pucelle» – девственница, девушка-простолоудинка.

Образ Жанны-спасительницы Франции, символа национального самосознания – не ассоциируется с кровью и убийством, хотя, возможно, не все, знающие этот миф, помнят, что реальная Жанна, судя по протоколам судебных разбирательств, действительно была, прежде всего, вдохновительницей, а не солдатом.

С образом Жанны неразрывно связывается тема предательства – по разным причинам бывшие соратники не сумели или не захотели её спасти. В сознании поколений Жанна – жертва, отданная на заклятие, но жертва добровольная, сознательно искупающая

собственным духовным величием мирское ничтожество. Создавая произведения о Жанне, авторы придерживались различных точек зрения на жизнь Орлеанской Девы.

Так, Шекспир, англичанин и следовательно враг французов, изобразил её как колдунью, которая отказывается от отца и признаёт себя знатной дамой, что в какой-то степени перекликается с гипотезой Амбелена. Для Б. Шоу Жанна – дочь земли, он придерживается официальной версии. Шиллер предлагает свой вариант развития событий – его Орлеанская Дева погибает на поле боя. Ю. Эдлис согласен с гипотезой Амбелена – Жанна и графиня д'Армуаз – одно лицо. Для Ануя Жанна будет жить вечно – в сердцах французов, поэтому в его пьесе она не умирает.

«О Жанне д'Арк мы знаем больше, чем о ком-либо другом из ее современников, и в то же время трудно найти среди людей XV века другого человека, чей образ представлялся бы потомкам таким загадочным» [2, с.5].

«Родилась она в деревушке Домреми в Лотарингии в 1412 году. Известно, что она рождена от честных и справедливых родителей. В ночь на Рождество, когда народы имеют обыкновение в великом блаженстве чтить труды Христовы, вошла она в мир смертный. И петухи, словно провозвестники новой радости, кричали тогда необыкновенным, до сих пор не слыханным криком. Видели, как они на протяжении более чем двух часов хлопали крыльями, предсказывая то, что суждено было этой малютке» [1, с.146].

«Когда исполнилось ей 12 лет, пришло к ней первое откровение. Внезапно перед очами ее возникло сияющее облако, из коего раздался голос: „Жанна, тебе пристало другим путем идти и чудесные деяния совершать, ибо ты — та, которую избрал Царь Небесный для защиты короля Карла» [1, с.146].

„Вначале я очень испугалась. Голос я услышала днем, это было летом в саду моего отца. За день до этого я постилась. Голос пришел ко мне с правой стороны, оттуда, где была церковь, и с этой же стороны шла великая святость. Этот голос всегда руководил мной. “ Позднее голос стал являться Жанне каждый день и настаивал, что нужно „идти и снять осаду с города Орлеан“. Голоса называли ее „Жанна де Пюселль, дочь Бога“ — помимо первого голоса, который принадлежал, как думается Жанне, архангелу Михаилу, присоединились вскоре голоса Святой Маргариты и Святой Катарины. Всем тем, кто пытался преградить ей путь, Жанна напоминала древнее пророчество, которое говорило, что „Францию погубит женщина, а спасет девственница“. (Первая часть пророчества сбылась, когда Изабелла Баварская заставила своего мужа, французского короля Карла VI, объявить своего сына Карла VII незаконным, в результате чего ко времени Иоанны Карл VII был не королем, а только дофином)» [5, с.417].

В одно время видения и голоса стали особенно явными: «Чего ждешь ты? Почему не идешь по пути, который предназначил тебе Царь Небесный? Без тебя гибнет Франция, разоряются города». Жанна отвечала, что она всего лишь бедная девушка, не умеет ездить верхом и сражаться. Но слышала в ответ: «Не спрашивай, как это будет. Раз это воля Божья, она будет и на земле».

Она покинет родной дом и отправится навстречу судьбе. Во имя спасения короля Франции и освобождения любимой Родины от англичан. Она больше не сомневается: «Когда сражается сам Господь, не все ли равно, какая рука держит меч — сильная или слабая?»

Трижды ей приходилось обращаться к Роберу де Бодрикуру. После первого раза ее отправили домой, а родители решили выдать ее замуж. Но Жанна через суд сама расторгла помолвку.

«Рассказ самой Жанны Жану Паскерелю, ее духовнику: «Когда король увидел ее, он спросил в Жанны ее имя, и она ответила: „Милый дофин, зовусь я Жанной Девой, и моими устами обращается к вам Царь Небесный и говорит, что вы примете миропомазание и будете коронованы в Реймсе и сделаетесь наместником Царя Небесного, истинного короля Франции“. После других вопросов, заданных королем, Жанна вновь ему сказала: „Говорю тебе от имени всевышнего, что ты истинный наследник Франции и сын короля, и Он послал

меня к тебе, дабы повести тебя в Реймс для того, чтобы ты был там коронован и миропомазан, если того захочешь“ [3, с. 33]

Чудо произошло с дофином после его встречи с Жанной д'Арк. Карл был потрясен: «Она сказала мне то, что не мог знать никто другой, кроме самого Господа Бога».

Меч и знамя она обрела в Туре, городе ярмарок и цехов, известном своими искусными мастерами. Знамени Жанна уделила особенно много забот. Она разыскала художника, шотландского мастера, и он изготовил для нее длинное белое полотнище, обшитое шелковой бахромой. На одной стороне знамени, усеянной золотыми лилиями, художник изобразил Вседержителя на фоне радуги с двумя архангелами по бокам. На оборотной стороне — голубку, символ чистоты и мира. Гербом Жанны стал украшенный лилиями меч с парящей над ним короной.

В мастерской оружейника по королевскому приказу ей сделали рыцарский костюм. Латы были белого цвета. Турский портной сшил для Жанны кафтан из белого сукна. Такие кафтаны командиры надевали поверх лат.

«Я не боюсь ничего, кроме предательства. Я люблю свой меч, но в сорок раз больше люблю свое знамя», — говорила Жанна д'Арк.

Жанна имела под своим началом небольшой отряд, который состоял из свиты, нескольких солдат и обслуги. В свиту входили оруженосец, духовник, два пажа, два герольда, а также Жан из Меца и Бертран де Пуланжи и братья Жанны, Жак и Пьер, которые присоединились к ней в Туре. Еще в Пуатье дофин поручил охрану Девы опытному воину Жану д'Олону, который стал ее оруженосцем. В этом храбром и благородном человеке Жанна нашла наставника и друга. Он обучал ее военному делу, с ним она провела все свои походы, он был рядом с ней во всех битвах, штурмах и вылазках. Они вместе попали в плен к бургундцам, но ее продали англичанам, а он выкупился на свободу и спустя четверть века, будучи уже рыцарем, королевским советником и, занимая видную должность сенешаля одной из южно-французских провинций, написал по просьбе реабилитационной комиссии очень интересные воспоминания, в которых рассказал о многих важных эпизодах истории Жанны д'Арк. До нас дошли также показания одного из пажей Жанны — Луи де Кута; о втором — Раймоне — мы ничего не знаем. Духовником Жанны был монах-августинец Жан Паскерель; ему принадлежат весьма подробные показания, но в них, очевидно, не все достоверно [2, с. 130].

Девять дней понадобилось ей, чтобы снять осаду с Орлеана, которая длилась уже более 200 дней. Это было первой большой удачей французских солдат, давно уже забывших вкус победы.

«Солнце уже склонялось к западу, а французы все еще безуспешно сражались за ров передового укрепления. Жанна вскочила на коня и отправилась в поля. Вдали от взоров... Жанна погрузилась в молитву между виноградных лоз. Неслыханная выдержка и воля семнадцатилетней девушки позволили ей в этот решающий момент отвлечься от собственного напряжения, от охватившего всех уныния и изнеможения, теперь она обрела тишину внешнюю и внутреннюю — когда только и может возникать вдохновение...»

«...Но тут случилось невиданное: стрелы выпали из рук, приведенные в замешательства люди глядели в небо. Святой Михаил в окружении всего сонма ангелов, сияя, появился в мерцающем орлеанском небе. Архангел сражался на стороне французов» [1, с. 86].

«...англичане, спустя семь месяцев после начала осады и девять дней после того, как Дева заняла город, отступили без боя все до последнего, и произошло это 8 мая (1429 г.), в день, когда много столетий назад святой Михаил явился в далекой Италии на Монте-Гаргано и на острове Искья...»

Магистрат вписал в городскую книгу, что освобождение Орлеана является величайшим чудом христианской эпохи. Доблестный город с тех пор на протяжении всех столетий торжественно посвящал этот день Деве, день 8 мая, обозначенный в календаре как праздник Явления архангела Михаила.

Многие современные критики утверждают, что победу под Орлеаном можно отнести лишь на счет случайностей или же необъяснимого отказа англичан от боя. И все же Наполеон, основательно проштудировавший походы Жанны, заявил, что она была гением в военном деле, а никто не посмеет сказать, что он не разобрался в стратегии.

Английский биограф Жанны д'Арк В. Сэнквилл Уэст пишет уже в наши дни, что весь образ действия ее земляков, участвовавших в тех событиях, кажется ей до такой степени странным и медлительным, что это можно объяснить только сверхъестественными причинами: «Причинами, о которых мы в свете нашей науки двадцатого столетия — или, может быть, во тьме нашей науки двадцатого столетия? — ничего не знаем» [1, с. 92-94].

Военные командиры — соратники Жанны — считали, что она нужна им, как солнце плодородной земле. Они полагали, что она могла вырастить урожай, но собирать его считали своим, а не ее делом. Они суеверно чтили ее как существо, наделенное сверхъестественной силой и способное поэтому совершить то, чего не могли сделать они: вдохнуть жизнь и мужество в мертвое тело армии и превратить ее в армию героев.

Жан Алансон, который в те дни был главнокомандующим, много лет спустя вспоминал: «Она разбиралась во всем, что имеет отношение к войне: могла вонзить пику и провести смотр войска, выстроить армию в боевой порядок и разместить пушки. Все удивлялись, что она была столь осмотрительна в своих действиях, как боевой командир с двадцати- или тридцатилетним опытом» [5, с. 48].

Отправляясь на битву, Жанна держала в одной руке знамя, а в другой меч. Но меч служил ей лишь для отражения ударов. Как утверждали соратники, она никогда и никого не убивала. Более того, после сражения оплакивала всех, кто погиб в бою, своих и чужих.

«Добрые люди подобны звездам, светилам того века, в котором они живут, озаряя свои времена», — говорил современник Шекспира английский поэт Бен Джонсон.

«Она делала все лучше других не потому, что обладала знаниями, — напишет о Жанне Анатолий Франс. — Она знала еще меньше своих солдат. Но у нее было большое сердце. Если каждый помышлял только о себе, то она думала обо всех. Если каждый охранял в первую очередь себя, то она не береглась вовсе, так как заранее обрекла себя на все...»

Коронация Карла VII состоялась в Реймсе, в кафедральном соборе города, где традиционно короновались французские монархи. На том, чтобы эти торжества прошли именно в Реймсе, настояла Жанна. И путь к нему она проложила триумфальным шествием своей армии. На самой церемонии Жанна появилась в ярко-красном плаще и со своим ангельским штандартом, что не предусматривалось никакими правилами.

«Зачем ты принесла свое знамя в церковь?» — спросил ее архиепископ. Орлеанская дева ответила: «Оно было в труде и по праву должно находиться в почете».

После победы под Орлеаном и коронации Карла VII ее слава возросла необычайно. И вместе с тем король и его ближайшее окружение начинали все больше не доверять ей. Жанне не дают войска для похода на Париж, и вскоре дворцовые интриги приводят к открытому предательству короля. Жанна попадает в плен к бургундцам, а те за 10 тысяч золотых продают ее англичанам. Французский монарх, обязанный ей престолом, не принимает никаких мер, чтобы спасти ее.

«Любовь зажигает больше огней, чем удаётся погасить ненависти» - Элла Уилер Уилкок.

Юная девушка, покинутая всеми, осталась в одиночестве против ста тридцати двух членов трибунала — кардинала, епископов, профессоров теологии, ученых аббатов и священников. В вопросах судей ее подстерегали ловушки, но она всегда избегала их, отвечая достойно и просто.

«Спрошенная, как могли говорить с ней святые, если они не имеют органов речи, отвечала: "Я оставляю это на усмотрение Господа. Их голос был красив, мягок и звучал по-французски"».

На сомнение судей, что для столь важной миссии была выбрана столь простая и невежественная девушка, Жанна лишь улыбнулась.

Она могла бы напомнить им, что Господь не отдает предпочтения знатным и для великих дел чаще избирал своим орудием смиренных и простых людей, нежели епископов и кардиналов, но ответила проще: «Господь волен избирать орудием своей воли кого захочет».

Обвиненной в ереси и колдовстве, церковный суд вынес Орлеанской деве смертный приговор. 30 мая 1431 года на площади старого рынка в Руане собралось около 10 тысяч человек. Все они плакали.

Говорят, когда Жанна поднималась на костер, один из английских солдат отдал ей честь, а кто-то видел выпорхнувшую из языков пламени белую голубку.

Более пяти с половиной столетий минуло с того дня, когда сгорела на костре Жанна д'Арк. Ей было 19 лет.

Почти всю свою жизнь — 17 лет — она была никому неведомой Жанеттой из Домреми. Ее соседи потом скажут: «Такая, как все», «Такая, как другие».

Один год — всего один год! — она была прославленной Жанной девой, спасительницей Франции. Ее соратники потом скажут: «Как если бы она была капитаном, прошедшим на войне 20 или 30 лет». И еще один год — целый год — она была военнопленной и подсудимой инквизиционного трибунала. Ее судьи потом скажут: «Великий ученый — и тот с трудом ответил бы на вопросы, которые ей задавали».

Конечно, она не была такой, как все. Конечно, она не была капитаном. И уж точно она не была ученым. И вместе с тем все это в ней было.

«Я не боюсь ничего, кроме предательства. Я люблю свой меч, но в сорок раз больше люблю свое знамя».

Образ Жанны живёт во французской народной поэзии, в до сих пор существующих в стране мистериальных празднествах, в различных театральных представлениях, в памятниках ваяния и зодчества.

Если история — учитель жизни, то эпопея Жанны д'Арк — один из ее великих уроков. По этому поводу можно вспомнить слова А.С.Пушкина, который писал: «Новейшая история не представляет предмета более трогательного, более поэтического жизни и смерти орлеанской героини».

«Aliis inserviando, ipse consumor» — «Служа другим, сгораю сам»
Гиппократ

Список использованных источников:

1. Мария Йозефа. Крук фон Потуцин Жанна Д'Арк. – Москва, 1994.
2. Райцес В. И. Жанна Д'Арк. Факты, легенды, гипотезы. – Ленинград, 1982.
3. Перну Р., Клен М. В. Жанна Д'Арк. – Москва, 1992.
4. Подвижники. Избранные жизнеописания и труды. – Самара, 1994.
5. Бауэр В., Дюмотц И., Головин СТР. Энциклопедия символов. – Москва, 1995.
6. Масаев М. В. Curriculum vitae парадигмальных образов и символов эпох и цивилизаций. Монография / М. В. Масаев. – Симферополь: ДОЛЯ, 2011. – 512 с.

СИНИЦЫН Т. Б.

Научный руководитель - д.ф. н., проф. Габриелян О. А.

ДИДАКТИЧЕСКИЕ ТЕНДЕНЦИИ В СОЦИОКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ВИЗАНТИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Резюме. В статье рассматриваются философские и культурологические подходы в сфере осмысления культурного наследия Византии и его влияние на общественную жизнь.

Больше всего внимания уделено историческим и философским обобщениям С. С. Аверинцева, П. Сорокина, В. Бычкова и других авторов.

Исследуется роль дидактических тенденций артефактов социокультурного наследия Византии. В работе подчеркивается особое влияние византийского мировоззрения и культуры на прошлое и современность Крыма.

Результаты исследования могут быть использованы в различных аспектах гуманитарных наук и междисциплинарного знания в области эстетики, этики, культурологии, социологии, социальной философии и педагогики.

Ключевые слова: социокультурное пространство, Византия, дидактические тенденции, культура, генезис, артефакт, сакральное искусство.

Summary

Philosophical and culturological approaches are considered in terms of understanding the cultural heritage of Babylon and its influence on public life. The greatest attention was paid to historical and philosophical generalizations of S.S. Avrentsev, P. Sorokin and V. Bychkova and other authors. The role of didactic tendencies of the artifacts of the Babylon's socio-cultural heritage is studied. Special influence of Babylon's world view and culture on the past and present of Crimea is underlined in the study. The results of the study can be used in different aspects of liberal arts and inter-subject knowledge in the field of aesthetics, ethics, culturology, sociology, social philosophy and pedagogics.

Постановка проблемы.

Духовное и культурное наследие современного крымского общества во многом связано с прошлым Киевской Руси, княжества Феодоро и Херсона, которые в свою очередь впитали и воплотили в историческом процессе наследие Византийской империи.

Несомненно, что более, чем тысячелетняя история Византии, которая многие века была центром христианского мира является важным источником для осмысления и анализа, не только давно минувших событий, но и современных культурных, эстетических и социальных тенденций. Следует отметить, что между указанными аспектами происходит активное взаимодействие, а также процессы интеграции. При осмыслении наследия социокультурного пространства Византии выявляются в том числе, и дидактические тенденции, изучение, которых является ценным материалом в сфере истории педагогики.

Исследование в данном направлении способствует целостному и углубленному пониманию исторического прошлого наследия нашего региона, раскрывает новые возможности для развития педагогической и научной деятельности.

Анализ исследований и публикаций.

Среди философских исследований, касающихся проблематики термина «социокультурное пространство» наибольший интерес представляет работа П. А. Сорокина «Общество, культура и личность: их структура и динамика. Система общей социологии». Публикация М.Н. Ремизовой «Интерпретация понятия «социокультурное пространство» в классической социологии» раскрывает подробный анализ данного концепта в условиях современной научной терминологии.

Отечественный исследователь византийской культуры Д.Е. Муза в работе «Восточнохристианская цивилизация: социокультурное устройство и идентичность» подробно анализирует проблематику в рамках обзора культурологических и социальных процессов Византийского общества.

Примеры дидактических тенденций подробно проанализированы в работах: С.С. Аверинцев «Поэтика ранневизантийской литературы», В. В. Бычкова «Малая история византийской эстетики».

Целью данной статьи является исследование дидактических тенденций в социокультурном пространстве Византии, непосредственно повлиявших на формирование средневековой и современной культуры Крыма.

Изложение основного материала.

Безусловно, что на основе развития и формирования, как культурных, так и социальных предпочтений византийского общества существенно повлияло Православное Христианство. Именно православное мировоззрение стало для византийского общества тем духовным источником, который на протяжении многих веков определял и генерировал культурные и социальные приоритеты народов, проживавших в империи.

По мысли В.Н. Тростникова "всякая цивилизация начинается с ядра, ибо оно-то и задаёт общую для всех её членов иерархию ценностей. Чтобы быть принятой всеми, эта иерархия должна быть безусловной" [4].

Именно таким культуuroобразующим «ядром» для Византии являлось православное христианство. В условиях активного современного возрождения христианских ценностей, традиций и культурных предпочтений в нашей стране, сегодня актуально обратиться к изучению наследия Византии. Следует отметить, что непосредственно Юго-Западная и горная часть Крымского полуострова, долгое время находилась в религиозной, политической и культурной зависимости от Византии. На территории данного региона сохранились вплоть до настоящего времени масса ценных памятников и артефактов.

Многочисленные византийские памятники, материальные и духовные свидетельства этой эпохи на территории Крыма продолжают и сегодня оказывать значительное влияние на становление общественной жизни, как нашего народа, так и многих других сопричастных культур.

На примере Византийской империи можно последовательно анализировать этапы становления и формирования культурных и социальных представлений, которые предстают, как целостная и единая система даже спустя многие века.

Следует подчеркнуть неразделимое единство культуры византийского общества с его «общими мировоззренческими и социально-идеологическими позициями» [6].

Согласно выводам М.Н. Ремизовой: «социокультурное пространство» – является частью социального; «социокультурное пространство» может выступать частью культурного (представления о пересечении социального и культурного пространства наподобие «матрёшки» в структуралистском конструктивизме. По мысли М.Н. Ремизовой, «социокультурное пространство» имеет границы, очерченные ценностями и нормами, а также взаимодействиями многосвязанных групп, заключающих в себе социальные, культурные, личностные аспекты взаимодействующих участников [5, с.161].

Важно при этом отметить, что «социокультурное пространство» не просто является суммой социального и культурного. Данные сферы находятся в органическом единстве, постоянном взаимодействии. Выражается такое пространство в качестве значений, ценностей и норм непосредственно связанными с конкретными личностями, представляющими определенную эпоху.

Д.Е. Муза, подробно рассматривает вопросы культурной и социальной идентичности Восточнохристианской византийской цивилизации. Этот исследователь указывает на то, что культура, сформированная в рамках православной традиции несет в себе субъект-субъектную пару, где на дальний план вытеснены этнические, социальные, половые различия, а приоритетное значение получает пневматологический, нравственно-практический момент. Именно этот аспект, по мысли исследователя, придает форме отношений реальную симметрию, ориентируя взаимодействующие стороны на духовно-интегрирующий, хотя и трансцендентный итог [4, с. 309].

Следует отметить, что связанные с данным явлением артефакты материальной и духовной культуры в контексте Византийской эпохи имеют дидактические тенденции.

Осмысление и отображение окружающего мира часто воплощалось через притчи, иносказания и аллегории. Такие выразительные средства, как ритм, симметрия, стремление к композиционной целостности в целом характерны для артефактов Средневековой, в частности, Византийской культуры. Произведения искусства и артефакты византийской культуры содержат: программное стремление к единству формы и содержания, этического и эстетического, скрепленных общей идеей, основанной на традиционных и консервативных

ценностях. Данные особенности соответствовали и самому быту византийского общества. Особенно характерны такие примеры для сакрального визуального искусства, музыки и литературного духовного творчества Византии.

Фундаментом идей социокультурного пространства византийского общества являлись в первую очередь Священное Писание (Библия) и святоотеческие тексты (патристика), комментирующие и толкующие Библию. Отсюда и проявляются мотивы равновесия, гармонии, веры в разумный порядок окружающего мира и осмысленную роль человека во вселенной.

Библейская этика, вдохновлявшая византийское общество на протяжении многих веков, была наполнена призывом к мужественному и методическому самосовершенствованию, исправлению и улучшению своего внутреннего мира, призывом к конкретному поступку.

В связи с этим большую роль приобретают идеи дидактики и поучения, органически связанные с повседневной жизнью. Поиск духовной мудрости и конкретные шаги на пути к достижению этой ценности зачастую становились основной темой лучших произведений искусства Византии. Эти идеи проявлялись в литературном творчестве Отцов Церкви, сакральной храмовой живописи, ставшей в свое время, своеобразной «Библией для неграмотных» в вокальном музыкальном искусстве, храмовой архитектуре, народных традициях, праздниках и даже образе жизни.

Искусство и установленные традиции, богослужebная одежда и архитектурные формы были намеренно лишены случайности; особую роль приносило богатство символов (проявлявшихся в масштабности, цвете, форме, метафоре, афористическом высказывании).

С.С. Аверинцев отмечает, что представители различных социальных групп, стремились даже внешне подчеркивать благообразие и самобытный духовный аристократизм [1 с. 166].

Нравственная самодисциплина, для жителей Византии находила воплощение и в формальных внешних проявлениях. Внутреннее благообразие с подчеркнутой дидактичностью вкладывали во внешние, повседневные формы. Это могло быть выражено в одежде, регламентации принятии пищи, отношении к иерархии, причем не только духовной, но и светской.

«Византийцы были наследниками и эллинского, и библейского культа школы, но между ними и древним миром стояло христианство, которое придало космической универсализации образов учительства и ученичества, новый смысл и новый размах» [1, с. 167].

Афанасий Александрийский называет саму Церковь «училище», в котором главным Учителем является Иисус Христос. Община верующих в данном «училище» рассматриваются по мысли Афанасия Александрийского, как ученики.

С.С. Аверинцев делает обширный и важный вывод о сакральном значении подобной школы:

«для верующего Христос – единственный учитель, по отношению к которому все люди должны соединиться в братстве учеников... Пределы такой школы совпадают с пределами вселенной, если не в реальности, то в идее...»

Если вселенная – школа, то история, и прежде всего «священная история» – педагогический процесс» [1, с. 169].

Размышляя о происхождении и перспективах византийской эстетики С.С., Аверинцев делает важный вывод о том, что вместе с миром истории человек погружен в мир природы. Если история – педагогический процесс, то природа – набор дидактических пособий для наглядного обучения [1, с. 171]. Восхищаясь перед многообразием и премудростью окружающего сотворенного мира, византийские мыслители логически переходили к прославлению и восхвалению источника всего существующего – Бога. При этом особую роль в данном мироощущении отводилась человеку, обладающему свободой воли, выбора, способного к творчеству и к «перемене ума, нрава». Человек в литературных произведениях византийских авторов метафорически сопоставлялся с окружающими природными явлениями,

стихиями, животными и растениями. Образы природы нередко появлялись и в артефактах визуальной культуры через символические изображения (например, в аллегорической мозаике и скульптуре, ювелирном искусстве, иконографических сюжетах). Человек в подобном «училище», являлся учеником, принимающим уроки своего Наставника. При этом обстоятельства жизни человека рассматривались, как своеобразные задания на пути к исправлению и улучшению. Подобные идеи встречаются у различных выдающихся мыслителей Византийской эпохи, таких как Иоанн Златоуст, Кирилл Александрийский, Ефрем Сирийский.

Символические идеи: целостности, гармонии и величия окружающего мира отразились на строительстве храмов-базилик, пространство которых напоминало своеобразный корабль. Еще более ярко такие тенденции ощущаются в строительстве купольной сакральной архитектуры, в цветовой гамме монументальных мозаичных композиций, в особенностях традиционного хорового пения.

Выводы.

Проведение исследования дает возможность проследить онтологию и ценности византийского социокультурного пространства и связанных с ним дидактических тенденций, их взаимоотношение и генезис.

В данной статье рассматривался термин «социокультурное пространство».

Список использованных источников:

1. Аверинцев С. С. Поэтика ранневизантийской литературы / Аверинцев С. С. – М.: «Coda», 1997. – 343 с.
2. Бычков В. В. Малая история византийской эстетики / Бычков В. В. – К.: «Путь к истине», 1991. 408 с.
3. Володин Э. Ф. Византийский дар.
4. Муза Д. Е. Восточнохристианская цивилизация: социокультурное устройство и идентичность. Монография / Муза Д. Е.; ДонНТУ. – Донецк: «Вебер» (Донецьке отделение), 2009. – 476 с.
5. Ремизова М. Н. Интерпретация понятия «социокультурное пространство» / М. Н. Ремизова Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение // Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2012. – № 10 (24): в 2-х ч. – Ч. I. – С. 158–162.
6. Тростников В. Н. Вера и разум. Европейская философия и её вклад в познание истины / Тростников В. Н. – М.: 2010. – С. 76.

СУСКОВА Ю. В.

**Научный руководитель: доктор философских наук, профессор кафедры философии и социальных наук Масаев Михаил Владимирович
ГПА КФУ им. В. И. Вернадского (г. Ялта)**

РЕВОЛЮЦИЯ КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН

Резюме

Статья посвящена философскому осмыслению революции как историческому феномену.

Summary

Article is devoted to philosophical understanding of revolution as a historical phenomenon.

Революция — коренное преобразование в какой-либо области человеческой деятельности.

И Французская, и Октябрьская революции знаменовали важный (хотя и далеко не столь самодовлеющий, как представлялось ранее) шаг на пути перехода от традиционного аграрного общества к индустриальному и были связаны с противоречиями, возникавшими между ними, а в какой-то мере - и внутри зарождавшегося индустриального общества (если пользоваться привычным, идеологизированным термином - внутри капитализма).

Крупные европейские революции, как выявили за последнее время экономисты, происходили на сходной стадии экономического развития, когда валовой внутренний продукт на душу населения составлял от 1200 до 1500 долл. Во Франции он оценивался примерно в 1218, а в России - 1488 долл.

При этом в предреволюционный период обе страны демонстрировали чрезвычайно высокий экономический рост. Вопреки стереотипам, Франция в XVIII в. развивалась заметно быстрее, чем Англия, ее экономика была крупнейшей в мире, по объему ВВП вдвое превосходившей английскую. Россия же с пореформенных времен по темпам экономического роста опережала все европейские державы.

Накануне революций обе страны испытали существенное ухудшение экономического положения из-за неурожая 1788 г. и Первой мировой войны. Однако отнюдь не тяжелое положение масс стало главным фактором революций. Во Франции XVIII в. уровень налогообложения был вдвое ниже, чем в Великобритании, а в России 1914-1916 гг., несмотря на хозяйственные трудности, перебои в продовольственном снабжении городов, в целом продолжался рост производства, и положение масс было существенно лучше, чем в воевавшей с ней Германии. А. де Токвиль, давно подметивший, что «к революциям не всегда приводит только ухудшение условий жизни народа», оказался прав.

Социальная структура России начала XX в., как и Франции XVIII в. (хотя и в большей степени), носила переходный - от сословной к классовой - характер. Сословное деление уже подверглось заметной эрозии, а процесс формирования классов еще не завершился. Дробность и неустойчивость социальной структуры стали одним из факторов революционных потрясений. Другим общим фактором, повышавшим мобильность населения, стала замена традиционных больших (составных) семей на малые

Во Франции XVIII в. и в России начала XX в. падала религиозность населения и влияние церкви, находившейся в тесной связи с государственной властью. Отмена Временным правительством в России обязательного причастия для солдат привела к уменьшению доли причащавшихся со 100 до 10% и ниже. Столь масштабное падение религиозности отразило кризис традиционного сознания и облегчило распространение политических идеологий.

Одной из особенностей исторического развития России с XVIII в. считался социокультурный раскол «низов» и «верхов» общества, который сыграл важнейшую роль в 1917 г. Однако и некоторые современные французские историки (Р. Мюшамбле, Р. Шартье, Д. Рош) отметили наличие в их стране перед революцией «двух культурных полюсов», «двух культур» и даже «двух Франций».

Приблизительное сходство ряда ключевых черт развития предреволюционных Франции и России не случайно. Преобладание крестьянства служило необходимым фактором для развертывания широкого «антифеодального» движения, поскольку в деревне и коренились многие структуры традиционного общества. Предреволюционные Францию и Россию сближала невиданная по европейским меркам мощь монархической власти (во многом и определившая силу революционного взрыва), а в развитии событий, хода революций можно отметить решающую роль столиц. («Политическое преобладание столицы над остальной частью государства обусловлено не ее положением, не величиной, не богатством, но единственно природой государственного правления», - отмечал Токвиль.).

Людовик XVI и Николай II оказались слабыми - для столь бурных эпох - правителями. Оба они пытались провести назревшие реформы (Тюрго, Калонна и Неккера во

Франции, Витте и Столыпина - в России), но, столкнувшись с сопротивлением правящей элиты, по большей части не смогли их осуществить или завершить. Поддаваясь давлению, они шли на уступки, но порой пытались отыграть их обратно, а в целом - проводили противоречивый, колеблющийся курс, лишь дразнивший революционизированные массы. «Отделенные друг от друга пятью четвертями столетия царь и король представляются в известные моменты двумя актерами, выполняющими одну и ту же роль», - подметил Л. Д. Троцкий в «Истории русской революции».

Оба монарха имели непопулярных в обществе жен-иностранок. «Королевы выше своих королей не только физическим ростом, но и моральным, - писал Троцкий. - Мария Антуанетта менее набожна, чем Александра Федоровна, и, в отличие от последней, горячо предана удовольствиям. Но обе одинаково презирали народ, не выносили мысли об уступках, одинаково не доверяли мужеству своих мужей». Австрийское и германское происхождение королевы и царицы в условиях войны с их родными странами служило для масс раздражающим фактором, провоцируя слухи об измене и еще более дискредитируя монархии.

Страшная цена революций, их тяжелейшие последствия этим не исчерпываются. Широкие демократические права и политическую стабильность Франция обрела лишь после еще двух революций и потрясений, связанных с проигранной войной с Пруссией и недолгой, но кровавой историей Парижской коммуны, - более чем через 70 лет после завершения Великой революции.

Только в период Третьей республики, после завершения промышленного переворота и создания индустриального общества (объем промышленной продукции превысил объем сельскохозяйственного производства во Франции в середине 1880-х гг.) революционные потрясения ушли в прошлое. Хотя в перспективе Французская революция и дала толчок промышленному перевороту (он начался в последние годы XVIII в.), небывалые революционные потрясения и полтора десятилетия опустошительных наполеоновских войн подорвали экономику Франции и ее положение в мире. Соперничавшая с английской и превосходившая ее по своим масштабам французская экономика в XIX столетии с легкостью уступила ей первенство, а затем «пропустила вперед» и США, и Германию, и царскую Россию.

Последствия Октябрьской революции, включавшие не только Гражданскую войну, но и массовую коллективизацию, а также непосредственные политические репрессии, даже по самым консервативным оценкам дали около 20 млн. погибших (и это не считая 27 млн. павших в Великой Отечественной войне). Более того, 74-летний социалистический эксперимент, ради которого и приносились эти жертвы, потерпел крах и привел к распаду СССР. В итоге в начале XXI в. страна занимает худшие позиции в мире, чем в начале XX в.

Революционное движение крестьян вызвало к жизни законы о радикальном разрушении феодальных отношений земельной собственности. Большое историческое значение имели провозглашение революцией демократических прав и свобод, сделанная ею первая в истории попытка основать демократическую республику с всеобщим избирательным правом (для мужчин).

Знаменитый лозунг «Свобода, Равенство, Братство!» со времени Третьей республики официально взяла на вооружение буржуазная Франция. Его можно увидеть на фронтонах французских государственных учреждений. В наши дни идеологи и политики буржуазного мира демагогически потрясают знаменем «прав человека» для прикрытия эксплуататорской природы капитализма, враждебного подлинным гуманистическим ценностям и реальным правам трудящегося человечества.

Когда в России развернулась Великая Октябрьская социалистическая революция, она проявила живой интерес к революционному наследию французской революции, уважение к ее деятелям. Характерно, что в трудное для молодой Советской республики лето 1918 г. в Москве, в Александровском саду, был воздвигнут памятник Робеспьеру. В Москве был также установлен бюст Дантона, в Ленинграде появились улица Марата и набережная

Робеспьера, на Балтике - линкор «Марат», на Черном море - плавбаза «Мирабо». Принципиально новое содержание и новое качество обрели в Октябрьской революции лозунги французской революции - Свобода, Равенство, Братство. Октябрьская революция и созданная ею Российская Советская Республика явились развитием и претворением в жизнь демократических и гуманистических устремлений и идей на основе уничтожения эксплуатации человека человеком, установления социалистического строя - на той основе, на которой только и возможны подлинная свобода, равенство, братство и общественное счастье.

Значение Великой Октябрьской революции как раз и состоит в том, что, если Великая английская и Великая французская революции имели в основном национальный, локальный (в лучшем случае региональный) характер, то события конца 1917 года — в большей или меньшей степени — оказали решающее влияние на ход всемирного исторического процесса, кардинальным образом изменив последний.

ТОВСТУЛЯК В. В.

**Научный руководитель: доктор философских наук, профессор кафедры философии и социальных наук
Масаев Михаил Владимирович
ГПА КФУ им. В. И. Вернадского (г. Ялта)**

СМЫСЛ И НАЗНАЧЕНИЕ ИСТОРИИ. ФИЛОСОФСКАЯ РЕТРОСПЕКТИВА ВЗГЛЯДОВ КАРЛА ЯСПЕРСА

Аннотация

Статья посвящена философской ретроспективе Карла Ясперса на смысл и назначения истории.

Abstract

The article is dedicated to Carl Jasper's retrospective on sense and destination of history.

Эпиграфом статьи стали слова Карла Теодора Ясперса «Историческое подвержено разрушению, но во времени оно вечно».

Что мы понимаем под всемирно-исторической точкой зрения? Мы стремимся понять историю как некое целое, чтобы тем самым понять и себя. История является для нас воспоминанием, о котором мы не только знаем, но в котором корни нашей жизни. История - основа, однажды заложенная, связь с которой мы сохраняем, если хотим не бесследно исчезнуть, а внести свой вклад в бытие человека.

Историческое воззрение создает ту сферу, в которой пробуждается наше понимание природы человека. Сложившаяся в нашем сознании картина исторического развития становится фактором наших стремлений. В зависимости от того, как мы мыслим историю, устанавливаются границы наших возможностей, открывается перед нами содержание вещей или возникает искушение, которое уводит нас от действительности. Исторически познанное является - даже в своей достоверности и объективности - не безразличным содержанием, но моментом нашей жизни. Когда же исторические данные используются для пропаганды, это воспринимается как ложь об истории. Задача представить себе исторический процесс в целом требует от нас всей серьезности и ответственности.

Можно по-разному относиться к нашему историческому прошлому: в одном случае мы созерцаем в нем близкое нашему сердцу величие. Мы черпаем силы в том, что было, что

определило наше становление, что является для нас образцом. Совершенно безразлично, когда жил великий человек. Все располагается как бы на одной, вневременной плоскости значимого. Исторические данные воспринимаются тогда нами как нечто не историческое, а непосредственно присутствующее в нашей жизни. Но можно и сознательно воспринимать величие прошлого исторически, во временной последовательности событий. Мы ставим вопрос о времени и месте происшедшего. Цель - это путь во времени. Время расчленено. Не все всегда было, каждая эпоха обладает своим особым величием. В значении прошлого были свои вершины и спады. Бывают эпохи покоя, которые как будто создают то, что будет существовать вечно, эпохи больших перемен, переворотов, которые в своем крайнем выражении проникают едва ли не в самую глубину человеческого бытия.

То, что составляет в истории лишь физическую основу, что возвращается, сохраняя свою идентичность, что есть регулярно повторяющаяся каузальность,- все это неисторическое в истории.

В потоке того, что только происходит, историчность выступает как нечто своеобразное и неповторимое. Она являет собой традицию, сохраняющую свою авторитетность, и в этой традиции континуум, созданный воспоминанием об отношении к прошлому. Историчность - это преобразование явления в сознательно проведенных смысловых связях.

В историческом сознании присутствует нечто исконно свое, индивидуальное, значение которого не может быть убедительно обосновано какой-либо общей ценностью, присутствует сущность в своем исчезающем временном облике. Историческое подвержено разрушению, но во времени оно вечно. Отличительная черта этого бытия состоит в том, что оно есть история и не обладает длительностью на все времена. Ибо в отличие от того, что просто происходит, служит только материалом для простого повторения общих форм и законов, история есть то происходящее, которое, пересекая время, уничтожая его, соприкасается с вечным. [2. с. 23]

Почему вообще существует история? Именно потому, что человек конечен, незавершен и не может быть завершен, он должен в своем преобразовании во времени познать вечное, и он может познать его только на этом пути. Незавершенность человека и его историчность - одно и то же. Границы человеческой природы исключают ряд возможностей. На Земле не может быть идеального состояния. Не существует правильного мирового устройства. Нет совершенного человека. Постоянно повторяющиеся конечные состояния возможны только как возврат к естественному ходу событий. Из-за того, что в истории постоянно действует незавершенность, все должно непрерывно меняться. История сама по себе не может быть завершена. Она может кончиться лишь в результате внутренней несостоятельности или космической катастрофы.

Однако вопрос, что же в истории есть собственно историческое в его завершении волею Вечного, заставляет нас обратить на него внимание, но вынести об историческом явлении полное и окончательное суждение мы не можем. Ибо мы не божество, творящее суд, а люди, пользующиеся своим мышлением, чтобы соприкоснуться [1. с. 178-188] с историчностью, которую мы тем настойчивее ищем, чем лучше ее понимаем. История - это одновременно происходящее и его самосознание, история и знание истории. Такая история как бы со всех сторон граничит с бездной. Если она окажется низвергнутой в нее, она перестанет быть историей. В нашем сознании она должна быть объединена и вычленена следующими основными свойствами:

Во-первых, история обладает границами, которые отделяют ее от других реальностей - от природы и космоса. Историю со всех сторон окружает безграничное пространство сущего вообще.

Во-вторых, в истории есть внутренние структуры, формирующиеся посредством превращения простой реальности индивидуального и неизбежно погибающего. История становится таковой лишь посредством единения всеобщего и индивидуального, но таким образом, что она показывает индивидуальность неповторимого значения, единично-всеобщее. Она есть переход как выражение бытия.

В-третьих, история становится идеей целого, если задать вопрос: в чем состоит единство истории?

Б е з д н ы : бездна природы - вне истории и в качестве вулканической основы истории, в качестве основы являющей себя в истории реальности в ее исчезающем переходном бытии, в бесконечной разбросанности, из которой все время стремится сложиться то единство, которое всегда ставится под вопрос. Способность видеть и осознавать все эти бездны углубляет понимание подлинно исторического. [1. с. 189]

Так писал Ясперс в своих книгах, таким было его виденье, ретроспектива на смысл и назначение истории. Ясперс выдвигает концепцию всемирно-исторического процесса, ориентированную на обнаружение его единства. Данное единство трактуется не как результат саморазвертывания некоей тотальности по жесткой схеме, но как общий итог смысловых проблем человека. Ясперс структурирует историю на четыре периода: доисторию, эпоху великих культур древности, 'осевое время' и научно-техническую эпоху. Доистория — период овладения огнем ('прометеевская эпоха'), возникновения языков, начала использования орудий, возникновения 'формирующего человека насилия над самим собой', образования групп и сообществ, возникновение мифа. В эту эпоху история и историческое сознание в собственном смысле слова отсутствуют, т.к. отсутствуют осознание истории, традиция, документация, осмысление своих корней и происходящих событий. Доисторическое становление человека есть формирование человека как вида, его результат — формирование биологически наследуемых свойств. История как таковая, по Ясперсу, возникает с возникновением в 5—3 тысячелетиях до н.э. высоких культур (шумеро-вавилонская и египетская культуры и эгейский мир; доарийская культура долины Инда; древний Китай). Непосредственными причинами начала истории Ясперс полагает создание централизованной государственной системы (в целях решения проблем ирригации), открытие письменности (и становление духовной аристократии писцов), возникновение народов, осознающих свое единство, с общим языком, общей культурой и общими мифами, использование лошади. Следующий исторический период — 'осевое время' — связан с формированием духовных начал человечества в период 8—2 вв. до н.э. параллельно и независимо у 'осевых народов', к которым относятся китайцы, индийцы, иранцы, иудеи и греки. Именно в этот период формируется современный антропологический тип в духовном, а не биологическом смысле. Прорыв 'осевого времени' конституирует, согласно Ясперсу, превращение человека в 'свободную личность на основе самосушей экзистенции'. Мифологическое сознание разрушается, проблематизируя для человека его существование. В этот период творят Конфуций, Лао-Цзы, Будда, Заратустра, иудейские пророки, греческие мыслители. 'Человек осознает бытие в целом, самого себя и свои границы. Перед ним открывается ужас мира и собственная беспомощность. Стоя перед пропастью, он ставит радикальные вопросы, требует освобождения и спасения. Осознавая свои границы, он ставит перед собой высшие цели, познает абсолютность в глубинах самосознания и в ясности трансцендентного'. Последствия 'осевого времени' были фундаментальны для всего мира, а его окончательное значение, как полагает Ясперс, все еще не проявилось полностью. На этом этапе история становится мировой историей, историей единого человечества, в отличие от локальных историй предшествующего этапа. Становление научно-технической эпохи Ясперс относит к 17—18 вв. Наука и техника становятся принципиально новым фактором развития человечества. Возникновение науки Ясперс считает 'тайной истории', но называет факторы, стимулировавшие ее возникновение. Их основой называется библейская религия, породившая дух стремления к истине, познанию мира и проходящего через сомнение борения за свои идеалы и принципы. Однако утрата глубинных смысложизненных ориентиров привела к негативным последствиям научно-технического прогресса, к омассовлению, к нивелированию личности. Тем самым утрачивается связь человека с историей, с вершинами человеческого духа. Человек попадает под власть науки и техники, утрачивает контроль над ними ('демонизм техники'). Ситуация современного мира характеризуется доминированием масс, распадом традиционных ценностей, нигилистическими тенденциями в смысложизненной

сфере. Корни этой ситуации Ясперс обнаруживает во влиянии Просвещения, Французской революции и философского идеализма. Преодоление негативных социокультурных тенденций связывается философом с принятием в качестве безусловной цели свободы. В современном мире достижению свободы могут способствовать идеи социализма, мирового порядка и веры. Социализм выражает принцип рационального планирования. Мировой порядок связан со становлением комплексного подхода к общим для всего мира проблемам. Это не мировая империя, но единство усилий суверенных государств по решению глобальных проблем. Идея мирового порядка неосуществима без наличия веры, дарующей силу, терпимость и одухотворенность в деятельности. Согласно Ясперсу, вера не предполагает унификации верований; общей чертой всех верований в их отношении к мировому порядку может быть только принятие принципов мирового сообщества, в котором каждая вера обретет возможность раскрыться с помощью мирных духовных средств. Ясперс указывает на вероятность продвижения человечества к новой 'осевой эпохе', конституирующей единство человечества на основах любви и свободной коммуникации.

Список использованных источников:

1. Ясперс К. Смысл и назначение истории: Пер. с нем. – М. : Политиздат, 1991. – 527 с (Мыслители XX в.).
2. Ясперс К. Всемирная история философии. Введение. / Пер. К. В. Лощевской. – СПб. : Наука, 2000. - 345 с.

ТОМАШУК И. Н.

Научный руководитель - к. ф. н., доц. Шевченко О. К.

ОСОБЕННОСТИ « КРЫМСКОЙ ФИЛОСОФИИ» С. Н. БУЛГАКОВА

Сергей Николаевич Булгаков (16 (28) июня 1871, Ливны — 13 июля 1944, Париж) — русский философ и богослов, экономист, публицист, религиозный и общественный деятель [5, с. 324].

Весь период наследия Булгакова можно условно разделить на периоды, которые предложил его ученик, Л. А. Зандер: начальный (марксистский) период с 1896 по 1902 гг., религиозно-философский – с 1902 по 1925 гг., и собственно богословский – с 1925 до конца жизни [4, с. 29].

По окончании Московского университета (1894) работал на кафедре политической экономии и статистики, он написал первые книги – «О рынках при капиталистическом производстве» (1897) и «Капитализм и земледелие» (1900), которые наложили отпечаток на все его творчество. Проблемы труда, хозяйства, материальной деятельности человека занимают в религиозно-философской системе Булгакова видное место. Кроме того, уже в этих работах намечаются его расхождения (прежде всего по аграрным вопросам) с марксистским учением, которого он твердо придерживался, будучи представителем легального марксизма «я старался верой и правдой служить марксизму» [3, с. 4].

В начале века С. Булгаков отходит от марксизма. Непосредственным мотивом к этому были не только религиозные искания, но и два фактора, на которые он сам указывал.

Во-первых, его марксистские позиции неожиданно оказались подорваны изнутри, в результате его собственных исследований. Во время работы над обстоятельным трудом («Капитализм и земледелие») С. Н. Булгаков обнаружил недостатки марксистского подхода: «Против воли и в борьбе с собой я вынужден был признать, что аграрная эволюция совершенно не имеет предполагаемого и желаемого мною характера... От здания, которое еще недавно казалось мне столь стройным и цельным, остались одни стены» [2, с.12].

Во-вторых, на первый план выступает интерес к религиозной проблематике и философскому идеализму, к русской мысли, прежде всего к творчеству Вл. Соловьева и Ф. М. Достоевского. Подобная эволюция была характерна для части русской интеллигенции той поры, и вскоре Булгаков становится одним из ее духовных лидеров [5, с. 324].

Таким образом, начинается религиозно-философский период, связанный с пребыванием философа в Крыму (1918 – 1922). Исключенный большевиками из Московского университета, Булгаков в качестве профессора Таврического университета преподавал в Симферополе политэкономия и богословие. Служил в ялтинском соборе. С уходом из Крыма белой армии был исключен из университета, а в декабре 1922 года он был выслан в Константинополь. Годы, проведенные на полуострове, были временем интенсивной философской работы. Главными работами, написанными в Крыму, являются книги «Трагедия философии» и «Философия имени». В «Трагедии философии» Булгаков размышляет о самой философии, ее внутренних границах; в «Философии имени» – о языке, о связи мысли и слова.

Пожалуй, самой неизученной частью в наследии С. Н. Булгакова является «крымская философия». Связано это с его ссылкой и запретом на чтение и публикации его работ в России. Так, «Трагедия философии» впервые на русском языке была опубликована в 1993 году в Москве. Первое издание «Философии имени» было в 1953 году в Париже, на спаде философской активности.

Тематика этих работ посвящена истории философии, философии языка, что является необычным для русской религиозной мысли, характерной чертой которой была идея целостности, идея всеединства [5, с. 325].

Для философии Булгакова характерна следующая формула эволюции взглядов: от марксизма к идеализму и от него – к православной религиозности. Его отход от идеализма сопровождался резкими и глубокими переоценками «... возможна ли вообще такая монистическая система мира? Возможна ли абсолютная философия? И на чем основана такая вера разума и в свои силы, и в правильность самой своей задачи?» [3, с. 313].

Особенно это коснулось «Трагедии философии». Автор прочитывает историю философии как историю ересей. Раскрывает природу новоевропейской философии как незаконнорожденное дитя богословия. Он возвращается к истоку, к богословию: «о природе отношений между философией и религией, или религиозно-интуитивных основах всякого философствования. Эта связь, которая для меня и ранее неизменно намечалась в общих очертаниях, здесь раскрывается более конкретно, и история новейшей философии предстает в своем подлинном религиозном естестве, как христианская ересеология, а постольку и как трагедия мысли, не находящей для себя исхода....таков имманентный суд над философией, которым она сама себя судит в своей истории и в свете которого, по словам Гегеля «die Weltgeschichte ist Weltgericht» («Всемирная история есть всемирный суд»). Этот суд отличается тем, что он вершится изнутри, нежели извне философии (отчего «трагедия ее, а не «преступления»). В основе суда – не только христианский догмат, но и появляются новые философские идеи С. Н. Булгакова [3, с. 311].

Содержание крымского периода развивается в обеих книгах, строится на двояком основании, двух онтологических постулатов. Первый постулат, говорящий о Боге, представляет собой догмат троичности – краеугольный камень и постоянная тема поздней мысли философа. Второй постулат говорит о связи Бога и мира, утверждает запечатленность св. Троицы в здешнем бытии, в природе человека и в сфере человеческого духа.

Главный образ – предложение (или суждение), которое является не просто формой выражения мысли, но выразительным универсальным актом. Само существование рассматривается им как суждение: «жизнь человеческого духа есть непрестанно... осуществляющееся суждение: я есмь нечто» [3, с. 391].

Автор ставит в центр философствования «онтологическое суждение». Обращаясь к истории мысли, Булгаков находит, что Первосуждение является «схемой истории философии». Истинная реальность есть единство, равноправие и равновесие трех

грамматических начал: подлежащее (я: субъект, лицо), сказуемое (нечто: предикат, логос, идея), связка (есмы: безличное бытие, природа). Согласно Булгакову, всякой системе присущ монизм, утверждение единственного верховного начала: «Изначальное... единство, отрицающее тройственную природу предложения...»[3, с. 319].

Следовательно, философия в принципе не способна выразить целостность триединой реальности, т.е. Троица сводится к единице, избирая часть вместо целого, - что и есть «ересь». Поэтому история философии представлена как ересеология: ведущим признаком философских учений, принципов классификации оказывается способ искажения триединства. Главным в содержании «Трагедии философии» является критический анализ типов систем по верховному началу предложения: «философия субъектов» (система Фитхе), «философия сказуемого» (система Гегеля) и «философия связки» (система Спинозы). В выводах книги заостряется тема о несовместимости новой западной философии с началами православной церковности. В них он подверг пересмотру свой взгляд на соотношение философии и догматики христианства, придя к выводу, что христианское вероучение возможно выразить без искажений только в форме догматического богословия. В работе «Философия имени» Сергей Николаевич определяет значение слова и речи, произносимой человеком, ролью и статусом Софии.

Он развивает теорию двух Софий: божественной и сотворенной. Божественная София принадлежит идеальному миру, она находится вне времени, сотворенная София раскрывается в мире вещественном, осуществляется во времени. Так как положительное содержание мира тождественно содержанию, которое было в боге до акта творения, сотворенная София близка Софии божественной, которая есть «вечное человечество в Боге».

В 1922 Булгаков вместе с другими антиреволюционно настроенными деятелями науки и культуры был выслан за рубеж [5, с. 325].

Таким образом, история философии с позиции Булгакова была рассмотрена как «трагедия мысли, не находящей себе исхода». «Философия имени» стала предпосылкой в его становлении священником и занятием богословием в 1918 году. С написанием «Трагедии философии» и «Философии имени» закончился собственно философский период и начался собственно богословский [1, с. 3].

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Булгаков С. Н. Избранные статьи : сочинения : в 2 т. / С. Н. Булгаков. – М.: Издательство «Наука», 1993. Т. 2. – 750 с.
2. Булгаков С. Н. От марксизма к идеализму : сборник статей / С. Н. Булгаков. – СПб.: Типография товарищества «Общественная польза», 1903. – 347 с.
3. Булгаков С. Н. Философия хозяйства. Трагедия философии : сочинения : в 2 т. / С. Н. Булгаков. – М.: Издательство «Наука», 1993. Т. 1. – 603 с.
4. Зандер Л. А. Бог и мир (Миросозерцание отца Сергея Булгакова) : в 2 т. / Л. А. Зандер. – Париж : YMCA-PRESS, 1948. Т. 1. – 478 с.
5. Новая философская энциклопедия : в 4 т. / В. С. Степин, Г. Ю. Семигин. – М.: «Мысль», 2010. Т. 1. – 744 с.

ЭКСТРЕМИЗМ КАК ФОРМА ПРОЯВЛЕНИЯ АГРЕССИИ В «ОБЩЕСТВЕ РИСКА»

Troshina N.V.

Extremism as a form of aggression in the «society of risk»

The article reveals one of the topical problems of the modern society - the problem of extremism, which finds its manifestation in the form of forms, such as aggression. Note that it is necessary to consider features of the civilization of a society and the modern man in particular. The conclusion is made about the importance of this issue, analyzes the ways of studying extremism, offers further options to prevent extremism in Russia.

Key words: social destruction, extremism, aggression, deconstructivism, modern risk-causing society.

Аннотация. В статье раскрывается одна из актуальных проблем современного общества – проблема экстремизма, которая находит свое проявление в виде таких негативных форм как агрессия. Отмечается, что необходимо учитывать особенности цивилизационного развития общества и современного человека в частности. Делается вывод о важности данной проблемы, анализируются теоретико-методологические и практические способы изучения экстремизма, предлагаются дальнейшие варианты действий с целью предотвращения экстремизма в России.

Ключевые слова: социальная деструктивность, экстремизм, агрессия, деконструктивизм, современное рискогенное общество.

Бытие современного человека и современного общества представляет собой кризис в большинстве сфер практической деятельности. При этом можно отметить политическую нестабильность, разрушение семьи, ее ценностей, стагнацию и/ или регресс со стороны экономики, криминогенность социума, вооруженные конфликты – все это разрушительно влияет на духовно-нравственное становление и жизнь человека, меняя мировоззренческие установки, и, соответственно, приводит к отхождению от истинных ценностей. Именно поэтому представляется актуальным изучение проблемы экстремизма в «обществе риска» [1, с.383] и, соответственно, через такие деструктивную его форму как агрессия.

Несомненно, проблема экстремизма не является новой, но, в силу того, возникающих противоречий между современным человеком и социумом, данное явление необходимо изучать подробнее. С развитием общества, с совершенствованием его различных аспектов можно ощутить нарастание противоречий.

Думается, что современное общество действительно имеет, приоритеты для человека. Прежде всего, оно дает человеку комфортные условия жизни, совершенствует различные формы получения благ. Но, с другой стороны, возникает социально-экономическая зависимость человека, духовно-нравственная зависимость. За данными процессами следует тенденция отчуждения человека, отражающаяся в длительной ежедневной гонке за стабильностью и успехом и это приводит к потере смысла существования. Таким образом, реакция человека на вышеизложенные противоречивые тенденции будет проявляться в деструктивных формах поведения, направленных против самого человека и против общества в целом.

Проблема экстремизма в современном обществе является предметом изучения политических, психологических, социологических наук, является весьма сложной, многогранной проблемой, поэтому и интересна, на наш взгляд, с позиции социальной

философии. Понятие экстремизма охватывает множество доктрин, организаций, сообществ, представителей разнообразных культур, религий.

Изучая данную проблему с позиции политических аспектов, следует отметить, что отечественные исследователи (О.Ф.Русакова, И.В.Кудряшова, Е.П.Кожушко, Д.В.Ольшанский и другие) не выделяют такие феномены как радикализм и экстремизм в отдельные группы. Возможно, это объясняется тем, что в их основе лежат социально-психологические и социально-политические факторы.

Рассматривая данную проблему с позиции социальной философии, можно отметить, что действительно экстремизм это многоаспектный феномен, представленный в качестве нескольких составляющих. Во-первых, необходимо выделить идеологический аспект (или мировоззренческий), состоящий из мировоззренческих установок и политических идей, лежащих в основе экстремистских действий. Во-вторых, с позиции психологии весьма важен аспект личностно-эмоциональный (или психологический), представленный в виде ментальности, настроя экстремиста на свои действия. И третьим, практическим аспектом, выступает политико-организационный аспект, выраженный в способах экстремистской деятельности. Представляется важным неразрывная связь всех вышеперечисленных аспектов, которые взаимодействуют с духовными и социально-политическими феноменами.

Исходя из идеологической составляющей экстремизма, в первую очередь в данном аспекте наблюдается такое явление как радикализм. В отличие от понятия «экстремист», понятие «радикал» не несет однозначно негативной оценки, так как в данном случае акцентируется внимание на ценностях, идеях, а не на каких-либо действиях разрушающего характера, хотя между ними существует взаимосвязь. Становится очевидным, что именно экстремизм является продолжением радикализма.

Исследуя вышеизложенную проблему более подробно, О.Ф. Русакова выделяет шесть основных черт экстремизма, среди которых: правовой нигилизм, фанатичное стремление навязать обществу свои принципы, опора на предрассудки и мифологические представления, неспособность к толерантности, применение «крайних» методов физического и духовного политического насилия (террор, вооруженная агрессия, репрессия, геноцид, ликвидация демократических институтов)[2, с.15]. В данном случае особую значимость в детальном вопросе изучения вышеуказанной проблемы приобретает агрессия.

По мнению Д.В. Ольшанского, «... в политическом плане экстремизм выступает против сложившихся социальных структур и политических институтов, пытаясь подорвать их стабильность, ослабить и низвергнуть ради достижения своих целей – как правило, силовыми методами. Для этого организуются и провоцируются беспорядки, акты гражданского неповиновения, террористические акции, иногда используются приемы партизанской войны» [3, с.173].

Анализ материалов исследований в данном направлении позволяет сделать вывод, что сущностным аспектом экстремизма является насилие для достижения целей[2-4]. Тем не менее, важно отличать понятие насилие от понятия государственно-правовое принуждение (властное принуждение). П.Е. Суслонов отмечает, что в данном случае понятие «насилие» не тождественно понятиям «сила», «принуждение» [4,с.8-9]. В понятие «насилие», во-первых, мы вкладываем направленность человека. Во-вторых, понятие «сила» относится не только к природе как таковой, но и к сфере взаимоотношений человека.

При определении сущности экстремизма как формы проявления насилия, по мнению западных исследователей, важным является его негативный оценочный смысл. Так, например, Эмиль Дюркгейм считает насилие «ненормальным средством принуждения» [5,с.110]. Современные исследователи полагают, что насилие вообще должно быть исключено из политики. Так зарубежный исследователь П. Вилкинсон подчеркивает, что использование термина насилие в традиционном смысле слова необходимо для обозначения несанкционированного применения принуждения [6].

Исходя из особенностей развития современного цивилизационного общества, приоритетной ценностью, на наш взгляд, является Человек, его свобода, его права.

Иммануил Кант в своей работе «Метафизика нравов» отмечал, что социальные конфликты и революции неизбежны и естественны, так как природа человека является несовершенной. Тем не менее И.Кант считал экстремизм аморальными и экстремистскими действиями, с антиправовым подтекстом [7, с.11].

Современное рискогенное общество предъявляет человеку свои крайние меры, которые напрямую связаны с «ценой», со средствами их достижения. Использование насилия, посягательство на свободу и права человека, по мнению П.Е. Сулонова, можно объединить понятием деконструктивизм, который выделяется в процессе разрушения политической деятельности. Но было бы неверным представлять данную проблему однобоко, так как ключевым моментом, на наш взгляд, может быть диалектический подход к проблеме экстремизма. Выделение «конструктивного-деструктивного» подхода является ключевым моментом в понимании экстремизма. Таким образом, изучаемое деструктивное явление выступает в качестве образа политического действия, которое ориентировано на достижения конкретных целей.

Анализируя теоретико-методологические вопросы экстремизма в современном обществе, нам представляется вся трагичность ситуации как для самого общества, так и для экстремиста. Детальное изучение данной проблемы, опыт работы в качестве практического психолога в учреждениях здравоохранения и образования, в том числе включенное наблюдение за представителями современного рискогенного общества (потребителями инъекционных наркотиков (ПИН), людьми, живущими с ВИЧ/СПИДом (ЛЖВС) (в период 2004-2007гг., 2014г.), анализ ситуации современного «общества риска» [8, с.383] способствуют пониманию особенностей сознания субъектов экстремистской деятельности, базирующихся на трех установках: допустимость и универсальность насилия, правовой нигилизм, пренебрежение правами и свободой человека[9, с.12].

Не вызывает сомнения тот факт, что от конкретной персоналии, личности во многом зависит судьба и дальнейшее развитие общества, поэтому разбирая проблему экстремизма с позиции социально-психологического подхода, следует обратить особое внимание на психологический склад индивида, тяготеющего к данному виду деятельности.

Выдающийся философ и психотерапевт Вильгельм Райх в своей книге «Психология масс и фашизм» уделяет особое внимание психологии «маленького человека», «порабощенного, стремящегося к власти и в то же время протестующего» [10, с.6]. В своем исследовании он приходит к выводу, что все фашистские диктаторы происходят из реакционной среды «маленьких людей».

Именно поэтому мы понимаем такое деструктивное явление как экстремизм, проявляющееся в виде «злокачественной» агрессии, характеризующееся абсолютным господством над другими живыми существами. Понимая «доброкачественную» агрессию в качестве инстинктивного проявления, мы рассматриваем ее в виде ответа на физиологические потребности человека. Оборонительная, «доброкачественная агрессия» необходима индивиду с целью выживания, она исчезает при устранении опасности[11,с.22].

Исходя из вышеизложенного, следует отметить, что деструктивность, напротив, является ответом на экзистенциальные потребности личности. Первобытные люди жили в сравнительно благополучной среде обитания, в большей мере способствовавшей формированию у них созидательных, а не разрушительных наклонностей. Однако по мере цивилизационного развития у человека не остается права выбора, хотя выбор остается, прежде всего, за самим человеком. Современные люди не только совершенствуются интеллектуально, становятся успешными в различных областях науки, производства и пр., но и, тем не менее, деструктивно влияют на самих себя, разрушая свою телесную и духовную организацию.

Деструктивно влияя на свое биологическое начало, современный человек сталкивается на жизненном пути с такими негативными ситуациями как, например, аддикции (зависимости) от химических и нехимических веществ, и, как следствие приобретает такое социально-опасное, социально-значимое заболевание как ВИЧ-инфекция[12,с.96-99].

Данные явления, несомненно, отражаются на духовно-нравственном начале человека, способствуют его изменению сознания, приводят к отчуждению человека от общества, а, значит, могут способствовать появлению агрессии[12,с.87-91].

Исходя из предложенного анализа экстремизма, следует наметить примерные пути решения данной проблемы. Наиболее оптимальным, на наш взгляд, считаем возрождение духовно-нравственных традиций, привитие правильных мировоззренческих установок, сохранение тех духовно-нравственных ценностей, которые закладываются в человеке с детства, прививаются в семье, а потом переходят и на уровень общества.

Список использованных источников:

6. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М.: Прогресс-Традиция. 2000. С. 383
7. Рускова О.Ф. Радикализм в России и современном мире: вопросы типологии. Екатеринбург. 2001. С.15.
8. Ольшанский Д.В. Психология терроризма. СПб., 2002. С.173.
9. Суслонов П.Е. Философия деструктивности (модус религиозного экстремизма). Екатеринбург, 2013.С.8-9.
10. Дюркгейм Э. Метод социологии. Киев, 1899.с.110.
11. Wilkinson P. Terrorism and Liberal State. L.: Mc Mittan,1986.
12. Кант И. Метафизика нравов. М., 1966. Т.6. С.11.
13. Суслонов П.Е. Философия деструктивности (модус религиозного экстремизма). Екатеринбург, 2013.С.12.
14. Райх В. Психология масс и фашизм. Пер. с англ.Ю.М. Донца. М. с.6-8.
15. Трошина Н.В. [Философские аспекты социальных рисков в молодежной среде](#) // Общество и человек в стратегиях инновационного развития: Материалы Всерос. науч. конференции «Человек и общество в условиях инновационного развития», посвященной 80-летию СГТУ. Саратов: изд-во «КУБиК», 2010. С.96-99.
16. Трошина Н.В. [Безысходность и надежда: философский дискурс](#) // Личность в современном мире: жизненные стратегии, ценности, риски. Материалы научно-практич. конференции под ред. д. и. н., проф. Голуба Ю.Г. Саратов: изд-во «КУБиК», 2011. с.87-91.

УДК 930.1

ЦАРИНА М. А.

**Научный руководитель: доктор философских наук, профессор кафедры философии и социальных наук Масаев М. В.
ГПА КФУ им. В. И. Вернадского (г. Ялта)**

КЛАССИФИКАЦИЯ НОВЫХ РЕЛИГИОЗНЫХ ДВИЖЕНИЙ: ФИЛОСОФСКО-ИСТОРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ В КОНТЕКСТЕ МЕТААНТРОПОЛОГИИ

Аннотация

В этой статье представлены различные виды классификаций нетрадиционных религиозных течений, а также даны на рассмотрение наиболее удобные способы их усовершенствования.

Ключевые слова: Нетрадиционные религиозные движения, проблема, классификация.

Summary

This article presents the different types of classifications of non-traditional religious movements, as well as given to the most convenient ways of improving them.

Keywords: Non-traditional religious movements, the problem of classification

В данный момент существует множество понятий и определений нетрадиционных религий. Рассмотрим несколько из них. По словам А. Н. Колодного, под нетрадиционными религиями понимаются исторически не унаследованные, каким то народом от предыдущих эпох, не присущие его религиозной духовности, культурного, бытового, ментального не укорененного явления духовного порядка, которые есть результат религиозных исканий. Притом широко употребляемым в науке есть понятие неорелигии. Ими обозначаются религиозные новообразования, которые стремятся синтезировать различные культурные миры. Их появление обусловлено изменениями мировоззренческих парадигм, кризисом традиционных религий, взаимовлияния различных цивилизаций [1, с.782].

Также можно сказать, что новые религиозные движения это совокупность разных по учению и структурам религиозных объединений, которые образовались и действуют вне мировых и национальных религий. Само понятие новые религиозные движения используют в современной исследовательской литературе как обобщающее. Оно не отражает качественной специфики указанных религиозных новообразований, но принято вследствие оценочной нейтральности звучания [2, с. 234].

Нетрадиционные религии порожденные процессами общественной жизни 20 столетия, побудившие не только к восстановлению ортодоксальных религиозных традиций, но и к поиску новых ценностей духовной ориентацию. Для их обозначения употребляют термины «неорелигии», «неокульты», «нетрадиционные верования», «псевдорелигии», «неомистицизм», «религии Нового века», «внеконфессиональные объединения», «квазирелигии».

К тому же при детальном изучении мы видим, что нетрадиционные религии не ограничены одним вероучением, они направлены на межрелигиозный синтез, соединяют в себе элементы многих религий, используют идеи и концепции оккультизма, спиритизма, теософии, антропософии, современной философии, астрологии и т. д. [3, с. 400-401].

Можно отметить, что для формирования нового вероучения его создатели соединяют одну или несколько религий. Поэтому вероучения большинства неорелигий являются синкретическим. [4, с. 62].

Классификация нетрадиционных движений - одна из самых сложных тем. Коснемся различных подходов к этой, по всей видимости, до конца не разрешимой проблеме.

Согласно классификации Е. Г. Балагушкина, все религии предлагается свести к двум типам: традиционным религиям и нетрадиционным. Балагушкин за основу типологии нетрадиционных религий берёт их отношение к социальной реальности, в соответствии, с чем все религии можно определить как принадлежащие к одному из следующих типов: обновленческие, оппозиционные, альтернативные и адаптированные. Категория нетрадиционных делится на два подтипа: новые религиозные движения и новые религии. Недостаток этой классификации заключается в том, что специфические вероучительные особенности оказываются на втором плане, тогда как первостепенное значение придается их социологическим характеристикам [5, с.17].

Дворкин А. Л. в работе «Сектоведение. Тоталитарные секты» пишет о том, что все новые религиозные движения делятся на «христианские» (например, ЦХ, «виссарионовцы», мормоны, «Семья», муниты и т. д.), «восточные» (например, кришнаиты, «Аум Синрикё», «Трансцендентальная медитация», «Ананда Марга» и др.), «психологическо-терапевтические» (например, сайентология, «Лайф Спринг», «ЭСТ» и др.) и движение «Нью эйдж» («Новой эры»). Слабость этой классификации в том, что только очень немногие секты

можно уместить в одну из этих категорий. Например, такая обычно относимая к “христианским” секта, как мормоны, на самом деле в основе своей является гностико-языческой системой, а другая секта из этой же группы - мунизм - это чисто восточная смесь шаманизма, синтоизма, конфуцианства и спиритизма в обрамлении нескольких христианских терминов [6,с.17].

По классификации, предложенной И. Я. Кантеровым, секты предлагается делить по вероучительным признакам и по их отношению к миру.

По вероучительным признакам секты подразделяются на шесть групп.

1. Неохристианские течения (Церковь Христа, Новоапостольская церковь, харизматические группы).
2. Неоориентальные объединения, ведущие свою родословную от восточных религий, модернизируя буддизм, индуизм («Брахма Кумарис», «Ананда Марга», Общество сознания Кришны).
3. Синкретические и универсалистские движения, призывающие к объединению всех церквей, религий и человечества («Церковь объединения», «Церковь сайентологии», «Аум Синрикё»).
4. Окультизм-мистические учения и школы «Нью эйдж».
5. Неоязыческие, как, например, последователи Порфирия Иванова.
6. Сатанинские группы.

В отношении к миру нетрадиционные религиозные движения предлагается разделить на три типа: миротерпимые, мироотвергающие и мироисцеляющие.

К миротерпимым движениям относят те, которые в достаточной мере удовлетворены существующим положением или безразличны к нему.

Мироотвергающие придерживаются дуалистического взгляда на мир как арену борьбы сил добра и зла. Для таких движений характерна «эсхатологическая лихорадка», демонизация мира. Как пример: Белое братство, первые годы существования секты Виссариона.

Мироисцеляющие движения акцентируют внимание на устранении различных проявлений насилия, эгоизма, стяжательства, предлагают методы повышения интеллектуальных способностей [7, с.610].

При таком рассмотрении можно сделать **вывод**, что сложность любой классификации в том, что, по существу, все современные неорелигии, секты, культы и т.п. суть ветви единого оккультного древа. При такой их текучести и эклектизме в принципе невозможно создать однозначную классификацию.

Список использованных источников:

1. Академічне релігієзнавство. Підручник. За науковою редакцією професора А. Колодного. – К.: Світ Знань, 2000.–862 с.
2. Релігії світу: навч. посіб. / Л. Ю. Шугаєва – К.: Академвидав, 2011.–256 с.
3. Релігієзнавство: підручник / В.І. Лубський, В.І. Теремко, М.В. Лубська; [за ред. В.І. Лубського]. –3-тє вид., стереотип.– К.: Академвидав, 2011 – 464с.
4. Релігієзнавство: Підручник. Вид. 2-ге, доп. – К.: Академвидав, 2008.– 400 с.
5. Нетрадиционные религии в современной России. Балагушкин Е.Г. – М., 1999.
6. Сектоведение. Тоталитарные секты. Дворкин А.Л.-Новгород. 2003. - 332 с.
7. Современные нетрадиционные религии и культы / Кантеров И. Я. / История религий / Под общ. ред. проф. И. Н. Яблокова. М., 2002. Т. 2. - 276 с.

**Научный руководитель: доктор философских наук,
профессор кафедры философии и социальных наук Масаев М. В.
Гуманитарно-педагогическая академия» (филиал) федерального государственного
автономного образовательного учреждения высшего образования «Крымский
федеральный университет имени В.И. Вернадского» (г. Ялта)**

ПОНЯТИЕ И ПРОБЛЕМА ИСТИНЫ В ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕТРОСПЕКТИВЕ

Аннотация.

В этой статье представлены мнения различных философов об истине, а также понятие и проблема истины. Мы рассмотрим связь истины с человеком, ее целостное понимание в сознании субъекта.

Ключевые слова: Истина, понятие, проблема.

Как говорил Гегель, «самая серьезная потребность есть потребность познания истины» [3, т. 1, с. 81]. И только посредством размышления познается истина. [3, т. 1, с. 133]. Ламетри считал: «По мере приближения к истине находишь ее все более прекрасной». [5, с. 171].

Но как человеку познать истину, дать ей определение? Древние философы много рассуждали об истине и их определения бывают весьма разнообразны и противоречивы. Так и современные философы до сих пор спорят о проблеме истины. Весьма известно, что каждый человек хоть раз в жизни задумывался об истине, о том, что это такое и как ее достичь. И как говорил Н.Кузанский: «Мы жаждем истины, а кроме того, знаем, что ее можно найти повсюду, и потому хотим иметь наставником того, кто поставил бы ее перед очами нашего ума». [7, т. 2, с. 185]. Но может ли кто-то объяснить нам, что такое истина.

В этой статье представлены мнения различных философов об истине, а также определяется и дается понятие и проблема истины. Мы рассмотрим связь истины с человеком, ее целостное понимание в сознании субъекта и общества в совокупности. Суть статьи в том, чтобы представить истину как единое, непротиворечивое, всеохватывающее и целостное понимание бытия. Увидеть то, что истина – это также единство абсолютного и относительного, объективного и субъективного.

Рассмотри диалог двух собеседников написанный Н.Кузанским;

Язычник. Кажется мне, ты совершенно лишен рассудка, раз говоришь, что ничего знать нельзя.

Христианин. Я понимаю под знанием обладание истиной. Кто говорит, что знает, говорит, что обладает истиной. [6, т. 1, с. 283]. Так прав ли христианин, говоря что: «знания это обладание истиной?» Посмотрим мнения разных философов о том, что есть истина.

Понимание истины в истории философии было неоднозначным. Например, Платон понимал под истиной определенные неизменные качества идеальных объектов, Аристотель – соответствие наших знаний объективной реальности, Кант видел истину в априорных формах бытия, Гегель – в процессе достижения абсолютной идеи через рациональные формы познания, Юм сводил истину к ощущениям субъекта и практически ее отрицал. В современных философских концепциях тоже нет единого понимания истины. [4, с. 259] Что же касается мнений древних философов, таких, как Пифагор, Филолай, Ксенофан, Анаксагор, Парменид, Левкипп, Демокрит и другие, к которым обычно относятся пренебрежительно и невнимательно, то было бы весьма полезно проявить немножко больше скромности и повнимательнее изучить их. Кто стремится не к царской власти или роли наставника, а лишь к исследованию и раскрытию истины, не может не представляться весьма полезной возможность рассмотреть собранные вместе разнообразные мнения разных ученых о природе вещей. При этом я совсем не думаю, что из этих и им подобных теорий можно

надеяться, каким-то образом извлечь некую более точную истину. Наш повседневный опыт, которым мы руководствуемся, и внешняя сторона вещей согласуются со множеством различных теорий, а между тем для подлинного исследования истины необходимы совсем иные, строго научные принципы. Также будет полезно познакомиться с разнообразными несогласными друг с другом философскими учениями, с различными толкованиями природы, из которых одно может быть ближе к истине в одном вопросе, другое – в другом. [1, т. 1, с. 224].

Можно добавить, что древние из греков – Эмпедокл, Анаксагор, Левкипп, Демокрит, Парменид, Гераклит, Ксенофан, Филолай и остальные насколько мы знаем, не открывали школ, но с большей сдержанностью, строгостью и простотой, отдавались отысканию истины. [2, т. 2, с. 36].

Эмпедокл, и Демокрит, первый – в каком-то безумии, второй с большой скромностью, жалующиеся на то, что все покрыто тайной, что мы ничего не знаем, ничего не различаем, что истина погружена на дно глубокого колодца, что, правда удивительным образом перемешана и перепутана с ложью. [2, т. 2, с. 285].

Если хорошенько подумать, истина, истинное и подобное истине суть все, что можно видеть зрением ума. Истина есть все то, чем может быть; она не допускает прибавления и уменьшения, пребывая вечно постоянной. Истинное есть невременное подобие вечной истины, как она сообщается интеллектуальной сфере; и поскольку одно истинное истиннее и яснее другого, истинное, которое не может быть истиннее, есть абсолютная и вечная истина: вечная истина есть акт, от которого идет всякая истинность и который делает истинным и себя, и все. А подобное истине – это временное подобие умопостигаемого истинного; так, чувственное есть подобие истинного, ибо образ умопостигаемого, как справедливо говорил Дионисий; Платон до него тоже понимал это. [7, т. 2, с. 406]

Мы рассмотрели мнения древних философов. А теперь перейдем к рассмотрению истины в обществе, социуме и непосредственно в человеке. Связь истины и человека в целом, рассмотрение этого понятия более подробно.

Поиски истины неотделимы от блага общества и в силу одного этого аргумента одни люди не могут иметь права мешать другим людям, высказывать свои мнения о чем бы то ни было. Точность, правильность, истина, справедливость и благо суть одно и то же. [6, т. 1, с. 379].

Разумные существа обязаны стремиться к познанию мира; но так как истины – это также свойства мира, значит, из данного рассуждения следует, что для того, чтобы способствовать благоденствию мира, необходимо искать и познавать истины; а уж отсюда следует, что никакая истина не может быть вредной для общества и что поиски и обнаружение истины способны принести обществу лишь огромную пользу.

Таким образом, мы доказали, что все способствующее обнаружению истины полезно обществу, а в силу этого связано с общественным благом и необходимо ему. И так как мы доказали, что совершенно невозможно обнаружить истину без ее поисков, значит, общественная польза требует этих поисков. А отсюда следует, что, раз для поисков истины абсолютно необходима свобода высказывания мнений, значит, эта свобода неразрывно связана с благом общества. Не нужно обладать гениальностью Ньютона, чтобы понять, что без полной свободы высказывания суждений невозможны никакие поиски истины. [5, с. 317]. Сама истина может быть полезна обществу ведь: истина и полезность совершенно одни и те же вещи. [2, т. 2, с. 74]. Но почему общество довольствуется ложью? Ложь попадает в фавор не только потому, что для обнаружения истины нужно преодолеть трудности и приложить труд; и не потому, что, когда истина обнаружена, она налагает ограничения на мысли людей; а в силу естественной, хотя и порочной любви ко лжи, как таковой. [2, т. 2, с. 354] Хотя люди чаще всего выбирают ложь, и считают свое мнение более важным, но истина – важнее мнения. [1, т. 1, с. 349]. Но стоит ли отвергать сомнения, ведь благодаря сомнению заблуждение приобретает уважение, а истина терпит поражение. [1, т. 1, с. 521]. А ведь человек все равно тянется к познанию и я не могу не сказать: эта самая истина есть

обнаруженный и открытый дневной свет, при котором маски, представления и торжества мира выглядят в половину менее величественными и утонченными, чем при свете свечей. [2, т. 2, с. 354].

Теперь мы можем поговорить об идолах, которые препятствуют и сдерживают человека на пути к истине. Идолы и ложные понятия, которые уже пленили человеческий разум и глубоко в нем укрепились, так владеют умом людей, что затрудняют вход истине, но, если даже вход ей будет дозволен и предоставлен, они снова преградят путь при самом обновлении наук и будут ему препятствовать, если только люди, предостереженные, не вооружатся против них, насколько возможно. [2, т. 2, с. 18]. Многие вещи помимо идолов мешают человеку на пути познания истины. Но как бы ни представлялись все эти вещи в извращенных суждениях и чувствах людей, все же истина, которая действительно только сама может судить о себе, учит, что поиски истины, т.е. любовь к ней и ухаживание за нею, знание истины, т.е. ее присутствие, и вера в истину, т.е. наслаждение ею, составляют высшее благо человеческой природы. [2, т. 2, с. 355].

Если перейти от теологической и философской истины к мирской, то даже те, кто сам не придерживается этого правила, признают, что честность и прямота в делах составляют честь человеческой природы и что добавление лжи подобно примеси в золотой или серебряной монете; это, быть может, и улучшает обработку металла, но портит его чистоту. [2, т. 2, с. 355].

Если испытываешь своего рода энтузиазм даже при переводе и развитии чужих мыслей, то насколько большее наслаждение получаешь, когда мыслишь самостоятельно. Разве не наслаждение – это рождение и рост идей, создаваемые чутьем к природе и стремлением к познанию истины. [5, с. 173]. Такие понятия как законы истина и справедливость, очевидно, заслуживают одинакового отношения: первые порождены сферой политики другие – дочери чувства. Но так как во все времена существовали и всегда будут существовать законы, противоречащие тому, что называют истиной, или тому, что кажется справедливым, то возникает вопрос, как же примирить эти столь противоположные интересы? Кому следует отдать предпочтение? Истина, как и всякое правое дело должна поддерживать себя всеми средствами, но лишь не применяя насилие. Самые несправедливые законы имеют в своем распоряжении силу, и только безумец может решиться, не считаться с ней. Закон природы, созданный раньше всех других, повелевает нам скорее предоставить ей в жертву истину, чем наше тело. Вполне естественно рассматривать добродетель так же, как и истину: они обе имеют цену только постольку, поскольку они служат тому, кто ими обладает. Вы просвещаете людей и служите обществу в ущерб себе – это плод воспитания, и коренится он в самолюбии, а не в природе. Но при отсутствии той или иной добродетели, той или иной истины пострадают науки и общество? Пусть так, но если я не лишу общество этих преимуществ, то страдать буду я. Для кого природа и разум предписывают мне быть счастливым – для себя или для других? [5, с. 291]. Следует понять что мораль ведет к справедливости, а философия к истине. [5, с. 422]

Итак, об истине мы явно знаем только, что в точности, как есть, она неуловима: наш разум относится к истине, как возможность – к абсолютной необходимости, не могущей быть ни больше, ни меньше, чем она есть. Недаром суть вещей, истина сущего, непостижима в своей чистоте, и, хоть философы ее разыскивают, никто не нашел ее как она есть. И чем глубже будет наша ученость в этом незнании, тем ближе мы приступим к истине. [6, т. 1, с. 53–54].

Наш конечный разум, двигаясь путем уподоблений, не может, поэтому в точности постичь истину вещей. Ведь истина не бывает больше и меньше, она заключается в чем-то неделимом и, кроме как самой же истиной, ничем в точности измерена быть не может, как круг, бытие которого состоит в чем-то неделимом, не может быть измерен не кругом. Не являясь истиной, наш разум тоже никогда не постигает истину так точно, чтобы уже не мог постигать ее все точнее без конца, и относится к истине, как многоугольник к кругу: будучи вписан в круг, он тем ему подобнее, чем больше углов имеет, но даже при умножении своих

углов до бесконечности он никогда не станет равен кругу, если не разрешится в тождество с ним.

Истина в своей временной определенности есть как бы знак и образ надвременной истины. Так, истина тела, ограниченная временной конкретностью, есть как бы тень надвременной истины тела. Конкретно ограниченная истина души тоже есть как бы тень абсолютной свободной от времени души. [6, т. 1, с. 164]. Бесконечная истина есть точность конечной истины, абсолютно бесконечное есть точность и мера, истина и совершенство любого конечного. [6, т. 1, с. 385]. Ведь истина бытия и истина познания – это одно и то же и отличаются друг от друга не более чем прямой и отраженный лучи. [1, т. 1, с. 109].

Истинное можно познать различными способами, и эти различные способы познания мы должны рассматривать только как формы. Так, несомненно, истина может быть познана посредством опыта, но этот опыт есть только форма. Можно, далее, познавать истину также в рефлексии и определять истину посредством отношений мысли. Однако в этих двух способах познания еще нет истины в себе и для себя в ее подлинной форме. Наиболее совершенным способом познания является познание в чистой форме мышления. Человек действует здесь совершенно свободно. Что форма мышления есть абсолютная форма и что истина выступает в ней так, как она есть в себе и для себя, - в этом состоит вообще основное положение философии. [3, т. 1, с. 127].

Истина в своей точности непостижима. Из этого следует, что любое человеческое положительное утверждение об истине есть предположение. [6, т. 1, с. 187].

Ни одна вещь, как она есть, не постигается иначе, кроме как в своей собственной истине, благодаря которой она существует. [6, т. 1, с. 213].

При этом мы должны, разумеется, знать, что следует понимать под истиной. Обыкновенно мы называем истиной согласие предмета с нашим представлением. Мы имеем при этом в качестве предпосылки предмет, которому должно соответствовать наше представление о нем. В философском смысле, напротив, истина в своем абстрактном выражении вообще означает согласие некоторого содержания с самим собой. Это, следовательно, совершенно другое значение истины, чем вышеупомянутое. Впрочем, более глубокое значение истины встречается отчасти также и в обычном словоупотреблении; мы говорим, например, об истинном друге и понимаем под этим такого друга, способ действия которого соответствует понятию дружбы; точно так мы говорим об истинном произведении искусства. Неистинное означает в этих выражениях дурное, несоответствующее самому себе. [3, т. 1, с. 126]. Выражение объективной мысли означает истину. [3, т. 1, с. 132]. Истина состоит в согласии предмета с самими собой то - есть со своим понятием. [3, т. 1, с. 357]. Истинным является образ, соответствующий, адекватный отражаемому объекту. Образ, не соответствующий своему объекту, характеризуется как заблуждение. [4, с. 238] Также посредством размышления познается истина. [3, т. 1, с. 133] Истина не допускает ни больше, ни меньше, и если бы она могла быть более или менее истиной, она уже не была бы истиной. [7, т. 2, с. 103]. Истинным является образ, соответствующий, адекватный отражаемому объекту. Образ, не соответствующий своему объекту, характеризуется как заблуждение. [4, с. 238].

Материализм подходит к проблеме истины с точки зрения отражения объективной реальности в человеческом сознании. Истина – адекватное отражение объекта в сознании субъекта, которое воссоздает объект таким, каким он существует независимо от сознания субъекта. Материалистическая теория познания конкретизирует традиционную концепцию истины через диалектическую взаимосвязь понятий: «объективная истина», «субъективная истина», «абсолютная истина», «относительная истина», «конкретность истины». Объективная истина – содержание человеческих знаний о действительности, не зависящее ни от субъекта, ни от человека, ни от человечества. Относительная истина – знание, которое в принципе правильно, но неполно отражает действительность, не дает ее всестороннего, исчерпывающего образа. Абсолютная истина – полное, точное, исчерпывающее отражение объекта в сознании

субъекта; в широком понимании – абсолютное знание о мире. Абсолютная истина неизменна. [7, т. 2, с. 68].

Конкретная истина – истина, в которой правильно отражена сущность определенных явлений и тех конкретных условий, в которых эти явления развиваются. [4, с. 259–262]

Таким образом, рассмотрев мнения разных философов, можно сказать, что истина это всеобъемлющее, единое, непротиворечивое, всеохватывающее, чистое и целостное понимание а также отражение бытия в субъекте познания. Истина – субъективный образ объективного мира. Истина – это также единство абсолютного и относительного, объективного и субъективного.

Если познание является неограниченным, то истина всегда конкретна и имеет определенные границы применения.

Сам процесс познания истины это постоянная борьба за преодоление ограниченности человеческих возможностей в достижении истины.

Список использованных источников:

1. Бэкон Ф. Сочинения в двух томах. 2-е исп. и доп. изд. Т. 1. Сост., общ. ред. и вступит. статья А. Л. Субботина. М., «Мысль», 1977. 567 с. (АН СССР. Ин-т философии. Филос. наследие.)
2. Бэкон Ф. Сочинения в двух томах. 2-е исп. и доп. изд. Т. 2. Сост., общ. ред. и вступит. статья А. Л. Субботина. М., «Мысль», 1978. 575 с. (АН СССР. Ин-т философии. Филос. наследие.)
3. Гегель. Энциклопедия философских наук. Т. 1. Наука логики. М., «Мысль», 1975. 452 с.; 1 л. портр. (Акад. наук СССР. Ин-т философии. Филос. наследие.)
4. Лазарев Ф. В., Трифонова М. К. Философия. Учебное пособие. Изд. 2-е, доп. и перераб. – Симферополь: СОНАТ, 2003. – 384 с.
5. Ламетри Ж. О. Сочинение / Общ. ред., предисл. и примеч. В. М. Богуславского. – 2 - е изд. – М.: Мысль, 1983. – 509 с., 1 л. портр. – (Филос. наследие). – В надзаг.: АН СССР. Ин-т философии.
6. Николай Кузанский. Сочинение в 2-х томах. Т. 1: Перевод / Общ. ред. и вступит. статья З. А. Тажуризиной. – М.: Мысль, 1979. – 488 с., 1л. портр. – (Филос. наследие). – В надзаг.: АН СССР, Ин-т философии.
7. Николай Кузанский. Сочинения в 2-х т. Т. 2: Перевод / Общ. ред. В. В. Соколова и З. А. Тажуризиной. – М.: Мысль, 1980. – 471 с. – (Филос. наследие). – В надзаг.: АН СССР, Ин-т философии.
8. Философия: учебник / О. Г. Данильян, В. М. Тарасенко. – Харьков: Право, 2012. – 496с.

Сведения об авторах:

Аитова Елена Владимировна,

Днепропетровский университет внутренних дел, кафедра философии и политологии, старший преподаватель.

Айрапетян Армен Самвелович,

кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры конституционного и международного права Поволжского института управления им. П. А. Столыпина (филиал ФГБОУ ВПО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»).

Алексеева Елена Николаевна,

Крымский инженерно-педагогический университет, факультет искусств, кафедра ИЗО, старший преподаватель.

Аляев Геннадий Евгеньевич,

Доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и социально-политических дисциплин Полтавского Национального технического университета имени Юрия Кондратюка.

Ананьева Елена Павловна,

Южноукраинский национальный педагогический университет им. К.Д. Ушинского. Кандидат философских наук, доцент. Докторант кафедры философии и социологии.

Арапов Александр Владиленович,

доктор философских наук, доцент кафедры онтологии и теории познания Воронежского государственного университета.

Баранов Владимир Евгеньевич,

доктор философских наук, профессор кафедры философии Санкт-Петербургского государственного политехнического университета.

Буряк Виктор Владимирович,

к. ф. н., доцент кафедры философии Таврического национального университета имени В. И. Вернадского; профессор кафедры ЮНЕСКО «Возобновляемая энергетика и устойчивое развитие».

Ванькевич Екатерина Николаевна,

РВУЗ «Крымский гуманитарный университет». Специальность: История. География, 4 курс.

Вахонеев Виктор Васильевич,

заместитель директора по научной работе – заведующий отделом подводной археологии ГБУ РК «Черноморский центр подводных исследований», кандидат исторических наук.

Волкогонова Ольга Дмитриевна,

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, доктор философских наук, профессор.

Гавлюк Игорь Анатольевич,

студент 2 курса 21-х группы ГПА КФУ им. В. И. Вернадского (г. Ялта).

Герасименко Инна Александровна,
научный сотрудник Фонда «Центр гуманитарных исследований» (Москва).

Голубничий Руслан Васильевич,
ст. преподаватель кафедры правоведения Крымского института МАУП г. Симферополь.

Грачев Владимир Иннокентьевич,
доктор культурологии, профессор кафедры философии ЛГУ им. А. С. Пушкина, г. Санкт–Петербург.

Гузенина Светлана Валерьевна,
ФГБОУ ВПО «Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина», Институт гуманитарного и социокультурного образования, кафедра теоретической и прикладной социологии, доцент кафедры теоретической и прикладной социологии Института гуманитарного и социокультурного образования, кандидат социологических наук.

Гусаренко Андрей Алексеевич,
студент 5 курса специальности
«Графический дизайн» ГПА КФУ им. В. И. Вернадского (г. Ялта).

Ерзаулова Анна Геннадьевна,
кандидат культурологии, старший преподаватель кафедры философии и социальных наук Гуманитарно-педагогической академии Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского (г. Ялта).

Зубарев Александр Павлович,
КФУ им. В. И. Вернадского, студент.

Исаев Андрей Анатольевич,
Уфимский юридический институт МВД России, начальник кафедры социально-гуманитарных дисциплин, кандидат философских наук, доцент.

Кобзистая Марина Валерьевна,
Военный учебно-научный центр Военно-воздушных сил «Военно-воздушная академия имени профессора Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина (г. Воронеж); кандидат политических наук; преподаватель кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин.

Кокорина Екатерина Георгиевна,
кандидат культурологии, доцент кафедры культурологии Таврического национального университета им. В. И. Вернадского.

Колесникова Татьяна Александровна,
магистр ДонНТУ, ФКНТ, кафедра философии, группа Фир-13м.

Крылов Владимир Сергеевич,
Республиканское высшее учебное заведение Крымский инженерно-педагогический университет, г. Симферополь, доцент кафедры прикладной информатики, кандидат биологических наук.

Кугушева Александра Юрьевна,
ГБУРК «Симферопольский художественный музей», зав. научно-экспозиционным отделом.

Кулик Валентина Васильевна,

директор Международного культурного центра (г. Севастополь), кандидат культурологии.

Кускова Светлана Михайловна,

доцент кафедры гуманитарных наук Электростальского политехнического института (филиала) МАМИ.

Ласкова Дарья Сергеевна,

студентка 11-ФЛ группы ГПА КФУ им. В. И. Вернадского.

Лепинская Виолетта Олеговна,

аспирант кафедры философии и социальных наук РВУЗ «Крымский гуманитарный университет» (г. Ялта).

Лыкова Наталия Николаевна,

кандидат культурологии, преподаватель Симферопольского колледжа железнодорожного транспорта.

Люсый Александр Павлович,

старший научный сотрудник Российского НИИ культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачева, член Комиссии по социальным и культурным проблемам глобализации Научного совета «История мировой культуры» при Президиуме РАН.

Магамедова Альбина Севзихановна,

студентка 2 курса специальности "история" ГПА КФУ им. В. И. Вернадского.

Масаев Михаил Владимирович,

доктор философских наук, профессор кафедры философии и социальных наук Гуманитарно-педагогической академии Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского (г. Ялта).

Марычев Владимир Владимирович,

ННОУ ВПО Институт Дружбы Народов Кавказа, кандидат философских наук, зав.каф. философских и социально-гуманитарных дисциплин.

Мирошников Олег Анатольевич,

доктор философских наук, профессор, Гуманитарно-педагогическая академия (филиал) ФГАОУ ВО «КФУ им. В.И. Вернадского» в г. Ялта, профессор кафедры философии и социальных наук.

Михайлов Владимир Владимирович,

ГБОУ ВПО г. Москвы «Московский городской педагогический университет», профессор ОУК философии и религиоведения, доктор философских наук.

Мосин Андрей Олегович,

студент 2 курса специальности "история" ГПА КФУ им. В. И. Вернадского.

Мудрицкий Мирослав Олегович,

студент группы 21-И Гуманитарно-педагогической академии ФГАОУ ВО «КФУ им. В.И. Вернадского», Россия, г. Ялта.

Муза Дмитрий Евгеньевич,

доктор философских наук, профессор, член-корреспондент Крымской Академии наук, заведующий научно-исследовательским отделом РВУЗ «Крымский университет культуры, искусств и туризма» (г. Симферополь).

Норманская Юлия Викторовна,

кандидат культурологии, старший преподаватель кафедры культурологии Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского.

Носова Анна Юрьевна,

Институт философии НАН Украины им. Г.С. Сковороды, кандидат философских наук, старший научный сотрудник.

Наумова Елена Эдуардовна,

Украинский государственный университет железнодорожного транспорта, канд. техн. наук, доцент кафедры маркетинга.

Пашковский Пётр Игоревич,

кандидат политических наук, преподаватель Таврического национального университета имени В. И. Вернадского, г. Симферополь.

Пащенко Владислав Николаевич,

кандидат исторических наук, доцент (Симферополь).

Пендерук Анастасия Сергеевна,

студентка 1 курса специальности «философия»
ГПА КФУ им. В. И. Вернадского (г. Ялта).

Петрова Инна Александровна,

научный сотрудник ГБУ РК «ИАМЗ «Калос Лимен».

Прохорова Татьяна Александровна,

к.и.н., ст. науч. сотр. Национального заповедника «Херсонес Таврический».

Разбеглова Татьяна Павловна,

кандидат философских наук, доцент, заведующая кафедрой философии и социальных наук Гуманитарно-педагогической академии КФУ им. В. И. Вернадского (г. Ялта).

Рашковская Валентина Ивановна,

Крымский агротехнологический университет, доктор педагогических наук, профессор, зав.кафедрой истории Отечества и педагогики высшей школы.

Романенко Жанна Сергеевна,

студентка 2 курса специальности «История» ГПА КФУ им. В. И. Вернадского.

Синицын Тихон Борисович,

аспирант РВУЗ «Крымский гуманитарный университет», г. Ялта.

Сохраняева Татьяна Вилевна,

кандидат философских наук, доцент кафедры философии образования философского факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Сускова Юлия Викторовна,
студентка 2 курса специальности "история".

Товстуляк Василина Васильевна,
студентка 2 курса специальности «история».

Томашук Ирина Николаевна,
РВУЗ «КГУ» Институт педагогики, психологии и инклюзивного образования, кафедра педагогического мастерства учителей начальных классов и воспитателей дошкольных учреждений, студентка 31-НОА группы.

Трошина Надежда Валерьевна,
МБОУ «Средняя общеобразовательная школа № 7» г. Долгопрудный, Московской области, заместитель директора по учебно-воспитательной работе;
ФГБОУ ВПО «Саратовский Государственный Университет им. Н.Г. Чернышевского», магистр философии, аспирант кафедры теологии и религиоведения (заочная форма, 3 год обучения).

Урсина Виктория Александровна,
КГМУ им. С.И. Георгиевского, кафедра культурологии, философии, социально-гуманитарных наук, завуч кафедры культурологии, философии, социально-гуманитарных наук, канд. филос.наук, доцент.

Фаткулин Булат Гилимдарович,
кандидат филологич. наук, доцент кафедры общей лингвистики (факультет лингвистики Южно-Уральского государственного университета).

Филимошкина Инна Александровна,
ассистент кафедры финансов ГВУЗ «Киевский национальный экономический университет имени Вадима Гетьмана».

Хлевов Александр Алексеевич,
доктор философских наук, кандидат исторических наук, профессор, заведующий кафедрой культурологии и искусствоведения Русской христианской гуманитарной академии (г. Санкт-Петербург).

Хорунжий Сергей Николаевич,
руководитель аппарата Воронежской областной Думы, преподаватель кафедры гражданского права и процесса Воронежского государственного университета, кандидат юридических наук.

Царина Мария Александровна,
студентка 2 курса специальности «История».

Чудомех Валерий Николаевич,
кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин Крымского инженерно-педагогического университета.

Шарипов Марат Рашитович,
д. ф. н., КНИТУ-КАИ им. А. Н. Туполева.

Швырков Александр Иванович,

Харьковский национальный университет им. В.Н. Каразина, кандидат философских наук, докторант.

Шевченко Олег Константинович,

кандидат философских наук, доцент Гуманитарно-педагогической академии (филиал) «Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского» в г. Ялте

Ягенич Лариса Викторовна,

кандидат педагогических наук, доцент, заведующая кафедрой иностранных языков с курсом латинского языка Крымского государственного медицинского университета имени С.И. Георгиевского, г. Симферополь.

Яшкова Татьяна Алексеевна,

доктор политических наук, член Российской ассоциации политической науки, вице-президент Академии Геополитических проблем, г. Москва, профессор кафедры государственного и муниципального управления Института экономики, управления и права РГГУ, г. Москва, профессор кафедры философии и политологии Академии труда и социальных отношений, г. Москва.

